

Д.В.Лисейцев

**ПОСОЛЬСКИЙ
ПРИКАЗ
В ЭПОХУ СМУТЫ**

1

Москва — 2003

Д.В.Лисейцев

**ПОСОЛЬСКИЙ
ПРИКАЗ
В ЭПОХУ СМУТЫ**

2

Москва — 2003

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Д.В.Лисейцев

**Посольский приказ
в эпоху Смуты**

Москва – 2003

В монографии Д.В.Лисейцева рассматривается история российского внешнеполитического ведомства в 1604-1619 гг. — в эпоху Смуты и ее преодоления. В основе источниковой базы исследования лежат материалы делопроизводства Посольского приказа начала XVII века; привлечены и другие источники (разрядные книги, повести и сказания эпохи Смуты). В работе подвергнуты анализу дипломатическая и административная деятельность Посольского приказа в условиях кризиса начала XVII века — Смуты; впервые приведены полные биографии руководителей ведомства — думных посольских дьяков начала XVII столетия; на базе широкого комплекса архивных материалов восстановлены списки приказных служащих того времени, охарактеризованы их материальное положение и служебные обязанности. Подвергнуто рассмотрению приказное делопроизводство начала XVII века, реконструировано первоначальное состояние дипломатического архива Московского государства Смутного времени. В монографии дана характеристика интенсивной и целенаправленной работы Посольского приказа — одного из основных составляющих российской государственной системы — в условиях глубокого общероссийского кризиса.

Ответственный редактор
д.и.н., профессор Н.М.Рогожин

Работа подготовлена
в Центре истории русского феодализма

ВВЕДЕНИЕ

В начале XVII столетия Московское государство вступило в полосу глубокого внутреннего и внешнеполитического кризиса — Смутное время. Борьба претендентов за царский престол, широкие народные движения, отказ целого ряда регионов подчиняться центральному правительству — все это само по себе требовало от государства максимального напряжения ресурсов для стабилизации обстановки. Ситуация была усугублена тем, что практически с самого начала Смутного времени во внутренние дела России сначала тайно, а затем открыто вмешивались зарубежные державы. В сложившихся условиях особое значение приобрела деятельность центрального дипломатического ведомства Московского государства — Посольского приказа. Предметом изучения данной работы являются дипломатическая и административная работа этого ведомства, условия, в которых осуществлялась эта деятельность; штат Посольского приказа, служебные обязанности, имущественное и социальное положение персонала приказа; делопроизводство Посольского приказа.

Посольский приказ являлся одним из главных звеньев в административной системе России XVI-XVII вв. и играл важную роль в определении тактики и стратегии проведения внешнеполитического курса Московского государства; руководители этого ведомства были влиятельными фигурами при дворе, а персонал составлял особую группу служилого сословия. Материалы Посольского приказа представляют собой один из крупнейших комплексов источников по истории России XVI-XVII в.; в делопроизводстве этого учреждения в начале XVII столетия использовался ряд передовых приемов, что делает рассмотрение истории внешнеполитического ведомства и его документации перспективным в источниковедческом плане. Это подводит к мысли о том, что для составления более полного представления об истории внешней политики Московского государства, его административной системы и делопроизводства начала XVII столетия следует обратиться к изучению истории Посольского приказа того периода.

Основной целью работы является попытка дать характеристику делопроизводству Посольского приказа начала XVII в. как историческому источнику. В связи с этим в работе решается следующая группа задач: оценить дипломатическую деятельность Посольского приказа и определить круг функций этого ведомства в административной сфере; охарактеризовать условия работы Посольского при-

каза в годы Смуты; восстановить биографии руководителей Посольского приказа и, на базе материалов приказного делопроизводства, воссоздать утраченные списки служащих этого ведомства; реконструировать первоначальное состояние архива дипломатического ведомства начала XVII в. и выявить наиболее значительные документальные потери; дать анализ основным приемам делопроизводственной работы, применявшимся в начале XVII в. служащими Посольского приказа.

Дипломатическое ведомство Московского государства рассматривается нами на хронологическом отрезке с 1604 г., когда Посольским приказом были предприняты первые шаги, направленные на предотвращение надвигавшейся на Россию Смуты, до 1619 г., когда после подписания Деулинского перемирия с Речью Посполитой и размена пленных Московское государство вышло из многолетнего внешнеполитического кризиса. Таким образом, в данной работе рассматривается одно из важнейших ведомств Московского государства — Посольский приказ — в годы дипломатического кризиса России начала XVII столетия.

Указанную тему нельзя считать полностью обойденной вниманием историографии. Условно литературу, относящуюся к рассматриваемым нами проблемам, можно разделить на три группы. Первую и наиболее крупную группу составляют работы, посвященные изучению Смутного времени в целом. В исследованиях Н.М.Карамзина, С.М.Соловьева, Н.И.Костомарова, В.О.Ключевского, С.Ф.Платонова, Р.Г.Скрынникова и других ученых затронуты некоторые вопросы, связанные с Посольским приказом и его деятельностью¹. Однако, в указанных работах упоминания о российском дипломатическом ведомстве носят отрывочный характер, поскольку сам Посольский приказ не является в данных исследованиях предметом изучения.

Ко второй группе исследований могут быть отнесены работы по истории внешней политики Московского государства конца XVI — начала XVII в. Среди них особо следует упомянуть статьи и монографии таких исследователей, как Г.В.Форстен, Н.А.Смирнов, А.А.Новосельский, А.П.Новосельцев, Е.Н.Кушева, И.П.Шаскольский, Б.Н.Флоря, П.П.Бушев, В.И.Ульяновский². В работах перечисленных авторов рассматриваются дипломатические связи Московского государства с Речью Посполитой, Швецией, Османской империей, Крымским ханством, Персией, народами Кавказа. Но и в этих исследованиях изучается прежде всего внешняя политика Московского государства, а Посольский приказ, проводивший эту политику, не рассматривается специально. Кроме того, следует отметить, что во многих из перечисленных работ основное внимание

уделяется внешней политике России в годы до начала Смутного времени или после его окончания; период Смуты рассматривается лишь обзорно. Некоторые данные о деятельности Посольского приказа по осуществлению контактов с Польшей удалось обнаружить в польской исторической литературе³.

Менее всего литературы посвящено непосредственно Посольскому приказу, его персоналу и делопроизводству. Эта, третья группа исследований, нуждается в более детальной характеристике. До настоящего времени остается классической не потерявшая своего научного значения монография С.А.Белокурова «О Посольском приказе». В работе этого автора рассмотрена история дипломатического ведомства, его руководители, штат, делопроизводство, взаимосвязь с другими властными структурами⁴. Опираясь на материалы делопроизводства Посольского приказа, С.А.Белокуров подверг анализу организацию российской дипломатической службы с конца XV до конца XVII в. Наиболее подробно в монографии рассматривается вопрос о структуре дипломатического ведомства и категориях служащих Посольского приказа. Меньше внимания автором было уделено проблемам делопроизводственной деятельности служащих дипломатического ведомства, биографии руководителей изложены в исследовании предельно кратко. Следует также отметить, что наблюдения С.А.Белокурова базируются преимущественно на материалах второй половины XVII столетия, и выводы автора не всегда справедливы применительно к Посольскому приказу начала XVII в. Затрудняет работу с монографией и отсутствие научно-справочного аппарата. Тем не менее, на данный момент исследование С.А.Белокурова остается непревзойденным по широте охвата проблематики, связанной с историей Посольского приказа.

Большую роль в разработке истории российского дипломатического ведомства сыграла работа В.И.Саввы — «О Посольском приказе в XVI веке», а также составленный им справочник «Дьяки и подьячие Посольского приказа в XVI веке»⁵. В монографии В.И.Саввы подробно рассматривается история российского дипломатического ведомства в XVI веке, подвергнуты анализу функции Посольского приказа, а также система взаимодействия приказа с другими властными структурами, в частности — с Боярской Думой. Много внимания в монографии и справочнике уделено рассмотрению штата дьяков и подьячих Посольского приказа XVI в., наиболее подробно анализируется круг обязанностей представителей этих категорий служащих. Однако другие категории служащих приказа — толмачи, переводчики, служилые татары, новокрещены — в работах В.И.Саввы не исследуются; не рассматривается также и делопроизводство Посольского приказа.

Посольскому приказу и его делопроизводству посвящен целый ряд работ Н.М.Рогожина⁶. В центре внимания автора находятся посольские книги, рассматриваемые как исторический источник. Много внимания уделено Н.М.Рогожиным приемам составления посольских книг, их структуре, источникам содержащейся в них информации. Автором прослежена также эволюция посольских книг на протяжении XVI в. Особо рассматривается вопрос о количестве и степени сохранности посольских книг XVI-XVII вв. Н.М.Рогожиным составлены также подробные биографии приказных судей дипломатического ведомства XVI в. — И.М.Висковатого, братьев Щелкаловых. Меньше внимания уделено персоналу Посольского приказа, а также такой разновидности материалов делопроизводства, как столбцы.

Вопросы, связанные с персоналом дьяков и подьячих центральных приказов (в том числе Посольского), разрабатывались в исследовании Н.Ф.Демидовой «Приказная бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма»⁷. В работе подробнейшим образом анализируются вопросы численности персонала московских приказов в XVII столетии, характеризуются имущественное и социальное положение дьяков и подьячих, их служебные обязанности. Непосредственно к истории Посольского приказа автор не обращался, но многие сделанные им в монографии общие выводы справедливы и для этого ведомства. К числу работ, посвященных штату дьяков и подьячих московских приказов могут быть отнесены также справочники С.К.Богоявленского и С.Б.Веселовского⁸. При этом следует учитывать, что справочник С.К.Богоявленского «Приказные судьи XVII в.» в части о Посольском приказе всецело построен на материалах монографии С.А.Белокурова; справочник С.Б.Веселовского «Дьяки и подьячие XV-XVII вв.» основан исключительно на опубликованных документах. В указанных работах также отсутствуют сведения о вспомогательном персонале Посольского приказа.

Проблемы, связанные с изучением приказного делопроизводства в целом и дипломатической документации в частности, рассматривались в работах М.Н.Тихомирова, С.О.Шмидта, С.Е.Князькова. В трудах перечисленных авторов дана характеристика основным разновидностям материалов приказного делопроизводства, а также приемам делопроизводственной практики⁹. Однако предметом специального детального анализа делопроизводство Посольского приказа в этих работах не является. Отдельные аспекты функционирования Посольского приказа затронуты в работах ряда других исследователей. Так, в частности, дипломатический церемониал и терминология, использовавшиеся в России конца XVI — начала

XVII вв., были рассмотрены в исследовании Л.А.Юзефовича¹⁰. Уровень обеспеченности российской дипломатической службы информацией о событиях за рубежом был охарактеризован в статье М.А.Алпатова¹¹. Выводы автора базируются на материалах статейных списков российских дипломатов второй половины XVII в. Рассмотрению статейных списков (в их литературном аспекте) российских послов XVI-XVII вв. была посвящена статья Д.С.Лихачева¹². А.А.Новосельский подверг анализу приемы и источники составления статейных списков русских послов (по данным документации, освещающей русско-крымские отношения в XVII веке)¹³. Следует отметить, что в историографии наиболее изученными являются именно статейные списки; прочие элементы делопроизводства Посольского приказа исследованы в меньшей степени. Вопрос о степени сохранности материалов делопроизводства Посольского приказа был поднят в статье В.И.Гальцова¹⁴.

Непосредственно истории Посольского приказа рассматриваемого нами периода (начала XVII в.) посвящено лишь несколько работ. Н.М.Рогожиным написана работа, посвященная анализу посольских книг 1613-1616 гг.¹⁵ М.П.Пуцилло был составлен биографический очерк о судьбе Посольского приказа И.Т.Грамотине¹⁶. Биография другого руководителя дипломатического ведомства начала XVII в. — дьяка П.А.Третьякова — рассмотрена в недавно опубликованной статье Б.А.Куненкова¹⁷.

Анализ историографии, посвященной истории Посольского приказа, показывает, что российское дипломатическое ведомство начала XVII в. до сих пор не было предметом специального монографического исследования. Большинство работ, посвященных Посольскому приказу, основано на материалах других хронологических периодов. В историографии наиболее подробно разработаны вопросы, связанные с персоналом дьяков и подьячих Посольского приказа; из делопроизводства Посольского приказа лучше всего изучены посольские книги и статейные списки российских дипломатов. При этом практически не исследованы категории вспомогательного персонала Посольского приказа (толмачи, переводчики, служилые татары, новокрещены, золотописцы, сторожи); малоизучены столбцы дипломатического ведомства, их состав, содержание, приемы составления. Не был предметом специального изучения и весь комплекс материалов делопроизводства Посольского приказа. Рассмотрение указанной проблематики на базе использования всего комплекса книг и столбцов дипломатического ведомства начала XVII столетия представляется перспективным направлением исследования.

Имеющийся в нашем распоряжении корпус источников открывает широкие возможности для исследования по предложенной теме. Некоторую информацию о Посольском приказе и внешней политике Московского государства начала XVII столетия можно почерпнуть в нарративных источниках, относящихся к эпохе Смуты. Среди таких произведений следует перечислить повествования русских и иностранных современников событий Смутного времени: Авраамия Палицына, Ивана Тимофеева, Конрада Буссова, Исаака Массы, Жака Маржерета, Петра Петрея, а также свидетельства анонимных авторов — «Нового летописца» и ряда других литературных памятников начала XVII в.¹⁸ Данные произведения являются ценнейшими источниками по истории Московского государства начала XVII столетия. Однако они содержат мало информации, касающейся Посольского приказа. В большинстве из них мы можем почерпнуть лишь отрывочные сведения о руководителях дипломатического ведомства — думных дьяках Посольского приказа, а также некоторые данные о внешнеполитических акциях, предпринимавшихся российским правительством в годы Смуты. Сведения о Посольском приказе, которые можно извлечь из нарративных источников, безусловно, ценны, но на их базе составить целостную картину, отображающую состояние дипломатического ведомства в начале XVII в., невозможно.

Относительно немного информации о Посольском приказе и его работе предоставляют и такие источники, как разрядные и боярские книги¹⁹. В разрядных книгах фиксировались назначения на достаточно высокие посты и пожалования чинов, а также местные споры, возникавшие при этом. Подавляющее большинство служащих Посольского приказа было недостаточно родовито для того, чтобы их служба фиксировалась в подобных документах. В разрядных книгах можно обнаружить лишь имена дьяков Посольского приказа, а также уточнить хронологию пребывания в Москве некоторых иностранных посольств или отправления за рубеж российских дипломатических миссий. Боярские книги содержат перечневые списки членов «государева двора», и в них также можно найти практически лишь имена посольских дьяков и наиболее родовитых представителей персонала Посольского приказа. Кроме того, сохранившиеся до наших дней боярские книги относятся к более позднему периоду, следовательно, в них можно почерпнуть только информацию о более поздней службе лиц, состоявших в штате Посольского приказа, или же их потомков. Таким образом, перечисленные источники также содержат некоторые сведения о Посольском приказе, но этих сведений недостаточно для изучения дипломатического ведомства начала XVII в.

Наибольший объем информации о Посольском приказе начала XVII столетия содержится в делопроизводстве этого ведомства. К настоящему времени значительная доля документации, составленной в Посольском приказе в начале XVII в., утрачена, но, тем не менее, сохранившаяся часть делопроизводства внешнеполитического ведомства открывает перед исследователями богатые возможности для изучения как внешней политики Московского государства, так и истории самого приказа.

Среди материалов делопроизводства Посольского приказа особое место принадлежит описям его архива XVII в. На настоящий момент известны четыре описи архива Посольского приказа XVII в.: 1614, 1626, 1632 и 1673 годов. За исключением Описи 1632 года, все они опубликованы²⁰. Для нашего исследования наиболее интересный материал предоставляет Опись 1614 года, составленная во время, укладываемое в изучаемый нами хронологический отрезок. Ценные сведения содержатся также и в Описи 1626 года. Меньше информации по исследуемой теме содержится в описях 1632 и 1673 годов. Благодаря описям архива Посольского приказа XVII в. мы можем составить представление о первоначальном составе документации дипломатического ведомства, об утратах памятников делопроизводства. Лишь по упоминаниям в описях известно о некоторых дипломатических миссиях начала XVII столетия. В описях содержатся также более богатые, чем в охарактеризованных выше источниках, сведения о персонале Посольского приказа.

подавляющее большинство сохранившихся материалов делопроизводства Посольского приказа содержится в фондах Российского государственного архива древних актов (далее — РГАДА). При этом фонды, являющиеся традиционной основой при изучении Посольского приказа (фонд 138 — «Дела о Посольском приказе и служивших в нем» и фонд 141 — «Приказные дела старых лет»), для нашего хронологического отрезка относительно бедны. Помимо указанных собраний, были привлечены дела из фондов: 130 — «Сибирские дела», 131 — «Татарские дела», 149 — «Дела о самозванцах и письма Лжедмитрия», 150 — «Дела о выездах иностранцев в Россию», 159 — «Приказные дела новой разборки». Материалы данных фондов, вкуче с делами фондов 138 и 141, позволяют дать характеристику административным функциям Посольского приказа, а также содержат некоторые сведения о штате Посольского приказа.

Недостаток документов в перечисленных выше фондах РГАДА восполняется материалами так называемых «дипломатических» фондов, в которых сосредоточены дела по связям Московского государства с иностранными державами. В настоящем исследовании

нами были использованы дела следующих фондов: 32 – «Сношения России с Австрией и Германской империей», 35 – «Сношения России с Англией», 44 – «Сношения России с Гамбургом», 50 – «Сношения России с Голландией», 52 – «Сношения России с Грецией», 53 – «Сношения России с Данией», 61 – «Сношения России с имперскими городами», 77 – «Сношения России с Персией», 79 – «Сношения России с Польшей», 89 – «Сношения России с Турцией», 93 – «Сношения России с Францией», 96 – «Сношения России со Швецией», 109 – «Сношения России с Бухарой», 110 – «Сношения России с Грузией», 111 – «Донские дела», 115 – «Кабардинские, черкесские и другие дела», 119 – «Калмыцкие дела», 121 – «Кумыцкие и тарковские дела», 123 – «Сношения России с Крымом», 126 – «Мунгальские дела», 127 – «Сношения России с ногайскими татарами», 134 – «Сношения России с Хивой». Дела, находящиеся в «дипломатических» фондах РГАДА, существуют в трех видах: грамоты, столбцы, книги. Грамоты (их число за рассматриваемый период относительно невелико) представляют собой, как правило, иностранные тексты на одном или нескольких листах. Наибольшее количество материалов делопроизводства Посольского приказа хранилось в виде столбцов – свитков из последовательно подклеенных друг к другу листов. Наконец, самую малочисленную группу представляют собой книги, состоящие из переплетенных тетрадей.

Дела, содержащиеся в «дипломатических» фондах, характеризуют, прежде всего, дипломатическую деятельность Посольского приказа. Однако информативная ценность данных источников этим отнюдь не исчерпывается. Так, иностранные грамоты, хранящиеся в «дипломатических» фондах, не относятся к делопроизводству Посольского приказа. Но при этом на оборотах многих грамот имеются пометы, сделанные служащими приказа. Благодаря пометам удастся установить дату перевода грамоты в Посольском приказе, а также имена переводчиков, осуществлявших перевод. Это оказывает неоценимую услугу при реконструкции штата переводчиков Посольского приказа. В книгах и, особенно, в столбцах удастся найти многочисленные упоминания о служащих дипломатического ведомства почти всех категорий, что позволяет с высокой степенью точности реконструировать списки персонала Посольского приказа. Сопоставление текстов столбцов и книг, рассмотрение помет, исправлений и вставок в документах дает возможность составить представление о приемах делопроизводства, использовавшихся служащими приказа. Следовательно, делопроизводство Посольского приказа является основным источником при изучении российского дипломатического ведомства начала XVII в.

Часть документации, составленной в Посольском приказе в начале XVII в., к настоящему времени опубликована. Наиболее значительными публикациями являются следующие: документы по связям Московского государства с империей Габсбургов²¹; три тома «Памятников дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией»²²; дела по связям России с Речью Посполитой (напечатаны в 137 и 142 томах сборников Русского исторического общества)²³; крымские и ногайские дела (опубликованы в «Актах времени правления Василия Шуйского» и «Актах времени междуцарствия»)²⁴; книга по связям России с Англией 1613-1614 гг.²⁵ Однако автором привлекались к работе в основном подлинники. Это было обусловлено тем, что большинство публикаций документов начала XVII в. было осуществлено в конце XIX – начале XX в. по устаревшим к настоящему моменту правилам публикации источников (в некоторых изданиях не указана пагинация, не учтены пометы и исправления, не прочтены отдельные фрагменты текстов). Ввиду этого более плодотворной представляется работа с подлинными текстами документов.

Помимо прочего, автор имел возможность ознакомиться с архивными материалами, сохранившимися в собраниях Главного архива древних актов в Варшаве (AGAD). Наиболее интересные для настоящего исследования документы сохранились в двух фондах: Архив королевской казны (Archiwum skarbu koronnego, ASK) и Архив Радзивиллов (Archiwum Radziwillow, AR). Дела данных архивных фондов позволяют уточнить некоторые моменты в дипломатической деятельности Посольского приказа времени царствования Лжедмитрия I и «междуцарствия» – периодов, по которым сохранность дипломатического делопроизводства в российских архивных собраниях является наименьшей.

Анализ источниковой базы исследования позволяет сделать вывод о том, что комплексное использование нарративных источников, разрядных и боярских книг и материалов делопроизводства Посольского приказа дает возможность составить целостную картину, отражающую состояние центрального дипломатического ведомства Московского государства начала XVII столетия.

Следует охарактеризовать методику, использовавшуюся при изучении истории Посольского приказа начала XVII в. Ввиду того, что степень сохранности документов, характеризующих внутреннее устройство и штат приказа данного периода, невелика, особое значение приобрели материалы, отражающие внешнеполитическую работу ведомства. По отдельным разрозненным упоминаниям в столбцах и книгах, хранящихся в «дипломатических» фондах РГАДА, удастся восстановить утраченные к настоящему моменту списки служа-

ших Посольского приказа. Пометы и исправления в столбцах Посольского приказа позволяют реконструировать основные приемы делопроизводственной деятельности служащих. Все это обусловило использование в ходе исследования в качестве одного из основных методов сплошной просмотр всего комплекса документации Посольского приказа начала XVII в. Данные, почерпнутые в делопроизводстве дипломатического ведомства, комбинировались со сведениями, полученными из других источников.

Выше отмечалось, что часть делопроизводства Посольского приказа начала XVII в. к настоящему времени утрачена. Пробелы, имеющие место в документации дипломатического ведомства (относящиеся преимущественно ко времени разгара Смуты), удаётся в значительной степени восполнить с помощью метода ретроспективного изучения документации Посольского приказа. Подобная возможность имеется благодаря тому, что в делопроизводственной практике российского дипломатического ведомства широко использовались выписки из более ранних столбцов и книг. В дальнейшем многие документы были утрачены, но содержащиеся в них сведения сохранились в сделанных персоналом Посольского приказа выписках. Используя метод ретроспективного изучения материалов Посольского приказа, удалось найти сведения о ряде дипломатических миссий, документация которых не сохранилась до наших дней.

Огромное значение для реконструкции первоначального корпуса документов, хранившихся в архиве Посольского приказа в начале XVII в., имеет использование данных описей архива этого ведомства 1614, 1626, 1632 и 1673 годов, а также сопоставление с ними современного состояния «дипломатических» фондов РГАДА. При изучении приемов делопроизводства Посольского приказа (составления книг) была использована методика, разработанная и апробированная в работах Н.М.Рогожина — текстологическое сопоставление материалов столбцов и книг Посольского приказа. В данном исследовании апробируется авторская методика, основанная на комплексном анализе всех видов делопроизводства Посольского приказа начала XVII в. Большой объем документации, составленной в дипломатическом ведомстве на протяжении исследованного периода, значительное количество дипломатических миссий, прошедших через приказ в течение этого времени, а также многочисленность приказного персонала обусловили использование в настоящем исследовании математических методов. Такова в целом методика, использованная автором при изучении Посольского приказа начала XVII в.

Данная работа состоит из пяти глав. Первая глава посвящена характеристике дипломатической и административной деятельности Посольского приказа, а также условиям работы приказа в начале XVII в. Во второй главе рассматриваются биографии руководителей Посольского приказа — дьяков, возглавлявших это ведомство в начале XVII в. В третьей главе анализируется штат Посольского приказа начала XVII в., персональный состав, имущественное и социальное положение его служащих. В четвертой главе приводятся результаты реконструкции первоначального корпуса документов, составленных в Посольском приказе в начале XVII в. Пятая глава посвящена приемам делопроизводства, использовавшимся служащими Посольского приказа при составлении столбцов и книг. В заключении содержатся общие выводы по исследуемой теме; в приложениях приведены хронологический перечень важнейших мероприятий, организованных Посольским приказом в 1604-1619 гг., а также биографические сведения о служащих Посольского приказа начала XVII в.

Автор выражает глубокую признательность за содействие в подготовке монографии и ценные советы сотрудникам Института российской истории Российской Академии наук и Российского государственного архива древних актов: А.И.Аксенову, М.Е.Бычковой, А.В.Виноградову, А.Г.Гуськову, А.И.Комиссаренко, М.П.Лукичеву, Е.И.Малето, А.Н.Медушевскому, Л.Е.Морозовой, О.В.Новохатко, а также руководству Института истории Польской Академии наук и Главного архива древних актов (Варшава). Особую признательность и благодарность хочу высказать моему Учителю и Наставнику — Н.М.Рогожину.

Глава 1.

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ И АДМИНИСТРАТИВНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОСОЛЬСКОГО ПРИКАЗА В НАЧАЛЕ XVII ВЕКА

Посольский приказ сложился как особое ведомство в середине XVI в. Его основной сферой деятельности в начале XVII столетия, как и на протяжении всего времени существования приказа (более полутора столетий), была дипломатия. Посольский приказ выполнял и ряд других административных функций, но главной областью его деятельности всегда оставалась внешняя политика. По этой причине Посольский приказ всегда был одним из важнейших звеньев административной системы Московского государства. В начале XVII в. деятельность Посольского приказа приобрела для страны особое значение. Московское государство вступило в полосу глубокого кризиса — Смутное время. Положение усугублялось тем, что во внутренние дела Российского государства активно вмешивались зарубежные державы. Под вопрос были поставлены политическая и национальная независимость русского народа. В этих условиях перед дипломатическим ведомством были стояли непростые задачи: сначала Посольский приказ пытался дипломатическими методами предотвратить надвигающуюся Смуту, затем добивался отказа соседних стран от вмешательства в события российского кризиса. В разгар Смутного времени дипломатическое ведомство приложило немало усилий для обеспечения Московскому государству международной поддержки. Поэтому, не ставя перед собой специальной цели изучения внешней политики Московского государства в начале XVII в., мы все же считаем необходимым дать общую характеристику внешнеполитической деятельности Посольского приказа, поскольку рассмотрение государственного учреждения в отрыве от анализа его основных функций не представляется возможным. Даже количественные показатели (число дипломатических миссий, отправленных и принятых в Москве за рассматриваемый период) способны продемонстрировать степень напряженности и продуктивности работы приказа в эпоху Смуты — время, которое традиционно считается периодом упадка и кризиса государственной системы России. В данной главе будет дана лишь общая характеристика дипломатической и административной деятельности Посольского приказа; информация об основных внешнеполитических мероп-

риях, организованных этим ведомством в начале XVII в., помещена в приложении 1. В главе производится также анализ условий деятельности Посольского приказа в годы Смуты, поскольку это дает возможность оценить специфику указанного периода в работе дипломатического ведомства.

Раздел 1.

Внешнеполитическая и административная работа Посольского приказа в начале XVII в.

К началу XVII в. правительство Бориса Годунова могло чувствовать себя достаточно спокойно в отношении западных рубежей Московского государства. По Тязвинскому мирному договору 1595 г. Москва возвратила себе земли, которые были захвачены Швецией в 1583 г. Личная уния Швеции и Польши была расторгнута с изгнанием из Швеции короля Сигизмунда III в 1599 г.; в 1600 г. между Швецией и Речью Посполитой началась война, которая снимала для Московского государства угрозу борьбы против двух держав одновременно. В этих условиях Борис Годунов пошел на заключение русско-польского перемирия на 20 лет (в 1601-1602 гг.) и продолжал отказываться от ратификации Тязвинского мира со Швецией. В 1600 г. в Москве нашел приют шведский королевич Густав, которого Борис Годунов рассматривал, вероятно, как претендента на шведский престол и орудие благоприятного для Московского государства решения «балтийского вопроса».

В условиях относительной безопасности на западных границах московское правительство предпринимало попытки усилить свои позиции на южном направлении. В конце XVI в. русские укрепленные пункты продвигались все глубже в степь, подходя к пределам Крымского ханства. Своеобразной демонстрацией изменения вектора российской внешней политики стал известный поход войск Бориса Годунова в 1598 г. под Серпухов. Османская империя не могла оказать помощи своему вассалу — крымскому хану, поскольку была с 1593 г. занята войной с империей Габсбургов. В этой ситуации крымский хан был вынужден в 1602 принести шерть Борису Годунову. Шертовали русскому царю и ногайские татары.

Другим ответвлением южного направления российской внешней политики рубежа XVI-XVII вв. было «кавказское направление». Еще в 1587 г. царь Кахетии Александр обратился к царю Федору с просьбой принять его страну в российское подданство. Соперниками Московского государства на Кавказе были Османская империя и Персия. С конца XVI столетия между Российским государством и

Персией установились довольно оживленные дипломатические контакты; правительство Бориса Годунова активно способствовало вступлению Персии в войну против Османской империи (начавшуюся в 1603 г.). Москва взяла на себя посреднические функции в переговорах между Персией и империей Габсбургов. Ирано-турецкая война позволяла Московскому государству проводить более твердую линию на Кавказе; отвоевание подвластных туркам территорий Закавказья давало основания причислить Московское государство к странам антитурецкой коалиции. Это могло повлечь за собой сближение с империей Габсбургов и Речью Посполитой и предоставить возможности для пересмотра «балтийского вопроса» за счет Швеции.

Такие перспективы стояли перед Посольским приказом и московским правительством в начале XVII в. Ситуация изменилась со вступлением Московского государства в период затяжного внутреннего и, как следствие, внешнеполитического кризиса — Смутного времени.

Переломным этапом во внешней политике Московского государства стал 1604 г. До 1604 г. факт появления в Польше претендента на российский престол был известен в Москве¹, но не был определяющим моментом для дипломатии Московского государства. Так, отправленный в 1603 г. в Крым русский посланник князь Ф.Борятинский вел себя настолько заносчиво, что был выдворен из Бахчисарая². Поведение русского дипломата в Крыму свидетельствует о том, что в 1603 г. в Москве еще не предвидели осложнений, связанных с самозванческой интригой. Правительство Бориса Годунова продолжало уклоняться от ратификации Тявзинского мира со Швецией³. Кроме того, Москва продолжала расширять свое влияние на Кавказе: в мае 1604 г. в Грузию для приведения к присяге царя Александра отправилось посольство М.И.Татищева и А.Иванова⁴. Перед российским посольством на Кавказ было отправлено стрелецкое войско под командованием И.М.Бутурлина, которое должно было вести боевые действия против тарковского шамхала — вассала Османской империи⁵. Однако, с 1604 г. Московское государство в переговорах было скорее пассивной стороной, принимавшей иностранные посольства и рассматривавшей чужие инициативы. В 1604 г. из Москвы за рубеж отбыло лишь одно посольство (в Грузию), которое должно было проводить прежнюю внешнеполитическую линию на укрепление позиций Московского государства на южном направлении. Прочие миссии, отправленные Посольским приказом за границу в 1604 г., имели уже иную цель: попытку предотвратить надвигающуюся Смуту дипломатическими методами.

Первой миссией, направленной на предотвращение самозванческой интриги, стало отправление в начале 1604 г. в Польшу посланника Смирного Отрепьева, родного дяди Григория Отрепьева. Следом за ним в Речь Посполитую были отправлены еще три дипломата, которые должны были заявить протест против поддержки поляками Лжедмитрия: Афанасий Пальчиков, Постник Огарев и Андрей Бунаков⁶. В условиях возможного военного конфликта с Польшей правительству царя Бориса Федоровича Годунова пришлось пересмотреть политику в отношении Швеции: в марте 1605 г. российская сторона все же согласилась на ведение переговоров о ратификации Тязвинского мира⁷. С целью обезопасить южные рубежи государства были отправлены гонец в Крым, поминки, а затем посланник в Ногайскую Орду, гонец к донским казакам⁸. Была предпринята также попытка заручиться поддержкой империи Габсбургов: после начала войны с самозванцем, в ноябре 1604 г., в Империю был отправлен в качестве гонца переводчик Посольского приказа Ганс Англер с грамотой, в которой содержались жалобы на польского короля⁹.

Таким образом, с начала 1604 г. Посольский приказ предпринимает значительные усилия для обеспечения Московскому государству международной поддержки и нейтралитета соседних держав в надвигающейся войне. Всего за 1604-1605 гг. Посольский приказ подготовил отправление и обобщил материалы двенадцати российских дипломатических миссий, осуществлявших связи Московского государства с восемью державами и территориально – этническими образованиями (Речью Посполитой, Швецией, империей Габсбургов, Данией, Грузией, Крымским ханством, Ногайской Ордой, донскими казаками). Большинство российских миссий имели целью предотвращение наступающей Смуты. Помимо этого, в тот же временной промежуток в Посольском приказе приняли 16 дипломатических миссий из восьми стран (из Польши, Швеции, империи Габсбургов, Англии, Персии, Грузии, Крымского ханства, от зарубежного православного духовенства (хронологический перечень дипломатических миссий, отправленных из Москвы и принятых в Москве в годы Смутного времени, приводится в приложении 1). Таким образом, за последний год царствования Бориса Годунова через Посольский приказ прошло не менее 28-ми российских и зарубежных миссий, осуществлявших связи Москвы с одиннадцатью державами. Это свидетельствует о высокой степени интенсивности работы внешнеполитического ведомства Московского государства. Результатом работы Посольского приказа стало то, что ни одна из соседних держав не приняла участия в событиях Смуты на ее первом этапе (за исключением Речи Посполитой, которая, впро-

чем, не поддерживала Лжедмитрия официально). Отчасти это объясняется и благоприятной в целом для Московского государства внешнеполитической ситуацией: Речь Посполитая находилась в состоянии конфликта со Швецией, империя Габсбургов и Персия вели войну против Турции и не могли принять активного участия в событиях российского кризиса. Отмечая этот факт, следует учитывать, что российская дипломатия не была сторонней наблюдательницей в общеевропейской политике, и столь благоприятная для Московского государства ситуация не была следствием простого стечения обстоятельств. В том, что ни одна из соседних держав (в том числе – Крымское ханство и Ногайская Орда) не вмешалась в ход борьбы между Борисом Годуновым и Лжедмитрием I, есть немалая заслуга Посольского приказа. Внешняя политика Российской державы в начале XVII в., и в 1604-1605 гг. в том числе, была последовательной, продуманной и целенаправленной. Поражение Годунова в борьбе с самозванцем было обусловлено не внешнеполитическими просчетами, а тяжелым внутренним положением Московского государства.

В июне 1605 г. на российский престол вззошел «царь Димитрий Иванович». Посольский приказ продолжил свою работу при новом государе с не меньшей интенсивностью, чем прежде. На момент воцарения самозванца за рубежом находились две российские миссии, отправленные еще при Борисе Годунове: из Грузии возвращалось посольство М.И.Татищева и А.Иванова, а из Империи – гонец Г.Англер. В пределах Московского государства находились две иностранные миссии, не успевшие отбыть до воцарения Лжедмитрия I: в Москве оставался крымский гонец Ян-Ахмет-Челибей, а в Вологде – английский посол Т.Смит. Посольский приказ продолжил работу с этими миссиями, имевшими начало еще в царствование Бориса Годунова¹⁰.

Наиболее активными в правление Лжедмитрия I были дипломатические контакты с Речью Посполитой. Позднее польские дипломаты заявляли, что самозванец прислал в Польшу около десяти своих посланников¹¹. Первые три миссии Лжедмитрия к королю Сигизмунду III были посланы еще до вступления претендента в Москву, и Посольский приказ не имел отношения к их подготовке. За время царствования Лжедмитрия в Польшу были отправлены следующие дипломаты: судья Посольского приказа А.И.Власьев, гонец Станислав Слоньский, гонец Петр Чубаров, гонцы Михаил Толочанов и Ян Бучинский, гонец Иван Безобразов. Если к перечисленным миссиям добавить отправленные к папе римскому, которые также должны были следовать через польскую столицу (Александра Рангони и Андрея Лавича), то количество посланников

и гонцов, направленных Лжедмитрием в Речь Посполитую с конца 1604 г., действительно приблизится к десятку (не считая мелких курьеров, ездивших навстречу Мнишекам в январе — апреле 1606 г.)¹² При Лжедмитрии было подготовлено еще одно посольство в Речь Посполитую, не успевшее отбыть по причине гибели самозванца¹³. С польским направлением внешней политики Московского государства в царствование Лжедмитрия тесно связано оживление дипломатических контактов между Москвой и Римом. Однако, следует отметить, что при Лжедмитрии Посольский приказ продолжал проводить и традиционную политику, направленную на поддержку православия за рубежом¹⁴.

При Лжедмитрии I Посольский приказ вернулся к проведению прежнего дипломатического курса в отношениях со Швецией. Отправленное при Борисе Годунове на переговоры о ратификации Тявзинского мира посольство было отозвано назад. В течение некоторого времени отношения между двумя странами были обостренными, не исключалась возможность военных действий¹⁵. Однако, уже к концу 1605 г. ситуация стабилизировалась. Продолжалась при Лжедмитрии и прежняя политическая линия, направленная на укрепление российских позиций на южных рубежах. За время правления Лжедмитрия Посольский приказ дважды отправлял в Крым своего дипломата — Афанасия Мелентьева (в сентябре 1605 г. и в марте 1606 г.) В то же самое время царь деятельно готовился к войне с Османской империей¹⁶. В преддверие конфликта с Турцией следовало обеспечить поддержку Ногайской Орды: к ногайскому князю Иштереку от Лжедмитрия был отправлен с подарками посланник Третьяк Кашкаров¹⁷. Кавказская политика самозванца также являлась прямым продолжением линии, начатой царем Борисом. Весной 1606 г. к Астрахани было отправлено войско под командой боярина Ф.И.Шереметева и И.Н.Салтыкова. При этом российские дипломаты заявляли: «вперед великий государь... турскому за его неправды, а шевкалу за его измену терпети не учнет, пошлет на них многую рать свою и велит кумыцких людей до основания разорити и города во всех украинских местех поставити». По всей видимости, войско, отправленное Лжедмитрием весной 1606 г. к Астрахани, должно было отправиться на Кавказ для завершения дела, неудачно начатого при Борисе Годунове — разгрома тарковского шамхала и строительства российских крепостей в Дагестане. Последним мероприятием, предпринятым Лжедмитрием на южном направлении российской внешней политики, стала подготовка и отправление посольства князя И.П.Ромодановского в Персию¹⁸. При Лжедмитрии Посольский приказ поддерживал также связи с донскими казаками — на Дон был отправлен Василий Тол-

стой¹⁹. Картина дипломатической деятельности Посольского приказа в 1605-1606 гг. будет неполной, если не упомянуть о том, что, вскоре после приезда в Москву, Лжедмитрий подтвердил прежние торговые льготы и привилегии английских и голландских купцов. Следом за ними получили подтверждение прежних привилегий и ганзейские негоцианты: 24 августа 1605 г. им было разрешено торговать без пошлин «с тем, чтобы разодрать грамоту Бориса Годунова и взять новую от его императорского величества»²⁰.

Проанализировав внешнюю политику Московского государства времени царствования Лжедмитрия I, можно сделать вывод о том, что в 1605-1606 гг. не произошло каких-либо кардинальных изменений в дипломатическом курсе страны. При самозванце Посольский приказ проводил прежнюю линию во взаимоотношениях с соседними державами. Нельзя отрицать того, что личные интересы нового государя наложили свой отпечаток на внешнюю политику Москвы (в частности, активизировались контакты с Речью Посполитой и римскими папами), однако произошедшие изменения не меняли в целом дипломатического курса Московского государства. Политика Лжедмитрия I была прямым продолжением политики его предшественников на российском престоле. Подобная преемственность внешнеполитического курса при смене царей объясняется тем, что на международной арене перед московским правительством в царствование Лжедмитрия стояли те же задачи, что и ранее. Таким образом, в начале XVII в. внешняя политика Московского государства определялась, прежде всего, не личными интересами монарха, а насущными внешнеполитическими задачами, стоявшими перед страной; стратегия и тактика решения этих задач во многом определялись Посольским приказом.

Работа Посольского приказа в царствование Лжедмитрия была столь же интенсивной и напряженной, как и при Борисе Годунове. За неполный год пребывания самозванца на российском престоле за рубеж было отправлено не менее 12 дипломатических миссий в шесть государств и территориально-этнических образований (Речь Посполитая, Рим, Крымское ханство, Персия, Ногайская Орда, Дон). Кроме того, грамоты были отправлены в Англию и империю Габсбургов; было подготовлено еще одно посольство в Польшу (не успешнее выехать из-за смерти Лжедмитрия). В то же самое время Посольский приказ продолжал работу с дипломатическими миссиями, отправленными за рубеж при Борисе Годунове (в Империю и Грузию). Всего, таким образом, в 1605-1606 гг. российское дипломатическое ведомство контролировало подготовку и результаты деятельности приблизительно 16-ти российских миссий. В то же самое время при Лжедмитрии в Москве было принято не менее

14-ти зарубежных миссий из десяти стран и территориальных образований (из Польши, Швеции, Рима, Персии, Крымского ханства, Казыева улуса, Сибири, от черкесских мурз, донских казаков и зарубежного православного духовенства). К названным миссиям следует добавить также крымского гонца и английского посла, задержанных в стране со времени Бориса Годунова, был принят также представитель Ганзы. Кроме того, имеются косвенные указания на то, что при Лжедмитрии в Москву приезжали имперские и датские дипломаты²¹. Всего, следовательно, при Лжедмитрии Посольский приказ принял 17-19 зарубежных миссий из одиннадцати – тринадцати держав. За время царствования Лжедмитрия российское дипломатическое ведомство подготовило и приняло более 30-ти отечественных и зарубежных дипломатических миссий, при посредстве которых поддерживались контакты с 14-15 державами, то есть практически со всеми основными дипломатическими партнерами Московского государства. Следовательно, мы должны сделать вывод о том, что на первом этапе Смутного времени работа Посольского приказа оставалась интенсивной и продуктивной.

Свержение Лжедмитрия I и воцарение Василия Шуйского на первых порах также не привели к радикальному изменению дипломатического курса Московского государства. На момент вступления на престол нового государя в пути уже находились три посольства, отправленные его предшественником: посольство А.Мелентьева в Крым, посольство И.П.Ромодановского в Персию, посольство Т.Кашкарова в Ногайскую Орду. Посольский приказ продолжил работу с указанными миссиями²². Было отправлено, после соответствующей переработки наказа, подготовленное при Лжедмитрии посольство в Польшу. До определенного момента Посольский приказ проводил прежнюю внешнеполитическую линию. В Англию была отправлена грамота с извещением о воцарении Василия Шуйского; новым царем были подтверждены льготы и привилегии голландских купцов; продолжались контакты с Войском Донским и Запорожской Сечью²³. В июне 1606 г., как указывалось, в Польшу было отправлено посольство Г.К.Волконского; тогда же был послан в Польшу к князю В.Острожскому гонец Ф.Дуров²⁴. Результатом русско-польских переговоров стало заключение перемирия на 3 года и 11 месяцев. До 1608 г. Посольский приказ продолжал отклонять предложения Швеции подтвердить Тязвинский мирный договор. Политика Московского государства по отношению к Крымскому ханству при Василии Шуйском была иной, чем при Лжедмитрии, но в целом также не выходила за рамки прежних связей между Москвой и Бахчисараем. Оказавшись с самого начала своего царствования перед угрозой войны с Речью Посполитой, новый царь

не мог продолжать курса на конфронтацию с Турцией и ее вассалом, намеченную самозванцем. В первые два года царствования Василия IV в Крым были отправлены две российские миссии: посланник А.Восейков и гонец С.Ушаков. Задачей этих дипломатов было настаивать на отказе хана от вмешательства в события Смуты²⁵. Новый царь попытался также войти в контакт с императором Рудольфом II: русские посланники, находившиеся в 1606 г. в Польше, должны были добиваться от властей Речи Посполитой разрешения на проезд в Империю русского гонца²⁶.

Таким образом, мы должны констатировать, что в начале царствования Василия Ивановича Шуйского внешнеполитический курс Московского государства не претерпел серьезных изменений. Посольский приказ продолжал в 1606-1608 гг. проводить прежнюю политику в отношении Речи Посполитой, Швеции, Крымского ханства, Персии и Кавказа; при смене государей на престоле и руководителей Посольского приказа сохранялась преемственность дипломатического курса. Это объясняется тем, что в основе действий менявшихся правительств в сфере внешней политики лежали прежние геополитические интересы Московского государства: стремление сохранить мирные отношения с Польшей, отложить до более удобного момента окончательное решение «балтийского вопроса» и укрепить позиции державы на южном направлении.

Ситуация существенно изменилась во второй половине 1608 г. В это время под Москвой уже стояло войско Лжедмитрия II, значительную часть сил которого составляли польские отряды. Нежелание польских дипломатов подписать с Московским государством перемирие на длительный срок, а также неспособность короля Сигизмунда III отозвать из Тушина своих подданных — все это должно было убедить правительство Василия Шуйского во враждебных намерениях Речи Посполитой и стремлении короля повторить ситуацию 1604-1605 гг., когда Польша, не вступая в открытый конфликт с Москвой, способствовала победе первого самозванца. Вследствие этого, со второй половины 1608 г. внешнеполитический курс российского правительства заметно изменился, приняв ярко выраженную антипольскую направленность. Отношения между Московским государством и Речью Посполитой в течение года (в 1608-1609 гг.) регулировались договором о перемирии от 15 июля 1608 г. В 1609 г. Посольский приказ попытался вступить в новые контакты с Речью Посполитой, отправив к королю гонца Амвросия Лодыженского, однако последний был схвачен сторонниками Лжедмитрия II²⁷. Логическим завершением переориентации российской дипломатии стали попытки создания союза против Речи

Посполитой после начала боевых действий польской армии под Смоленском в сентябре 1609 г.

С 1608 г. кардинально меняется позиция российских дипломатов в отношении Швеции. Причиной этого стало появление под Москвой в июне 1608 г. войск Лжедмитрия II. В августе 1608 г. московское правительство обратилось к Швеции с просьбой о помощи. Во второй половине 1608 г. на переговоры со шведскими дипломатами в Выборг был отправлен М.В.Скопин-Шуйский, который в ноябре того же года заключил со шведской стороной предварительный договор. Продолжили переговоры С.В.Головин и дьяк С.Васильев. 28 февраля 1609 г. переговоры завершились подписанием договора, по которому Москва не только признавала все условия Тязвинского мира, но, в обмен на шведскую военную помощь против «воров», уступала дополнительно город Корелу с уездом. В конце 1609 г. из Москвы в Стокгольм было отправлено новое русское посольство, возглавленное С.Отрепьевым²⁸.

Тогда же наметились изменения и в отношениях с Крымским ханством. Если до 1608 г. российская дипломатия стремилась избежать вмешательства крымского хана во внутренние дела Московского государства, то в 1608 г. правительство Василия Шуйского уже само обратилось за помощью к хану. В 1608 г. в Крым отбыло посольство С.Звягина и подьячего Д.Витовтова. Летом 1609 г. на реке Оке велись переговоры между русскими и крымскими дипломатами. В 1609-1610 гг. из Москвы с предложениями совместных действий против Польши были отправлены еще два дипломата — гонец В.Пургасов и посланник А.Шеншин²⁹.

В конце царствования Василия Шуйского активизировались контакты Московского государства с ногайскими улусами. После вторжения польской армии под Смоленск в Москве было решено привлечь Ногайскую Орду к союзу против Речи Посполитой. В 1610 г. от царя Василия в Ногайскую Орду с жалованием были посланы И.Бутурлин и Д.Жедринский. В марте 1610 г. к князю Иштереку был отправлен посланник П.Вражский³⁰. В самом конце царствования Василия Шуйского московское правительство вновь получило возможность вести переговоры относительно кавказского региона. После распада тушинского лагеря в марте 1610 г. захваченные сторонниками Лжедмитрия II персидские посланники были доставлены в Москву, где их передали в ведение Посольского приказа. Вместе с ними в приказ поступили грамоты шаха Аббаса I, написанные в 1607-1608 гг., в которых шах предлагал в обмен на военную помощь против Османской империи передать Московскому государству ряд городов в Дагестане, а также Шемаху. Несмотря на тяжелое внутреннее положение и войну с Речью Поспо-

литой, Московское государство попыталось предпринять некоторые шаги в этом направлении. Не позднее весны 1610 г. в Терский городок было отправлено распоряжение привести к присяге (шерти) кумыков, что и было исполнено вскоре после свержения Василия Шуйского³¹.

Подводя итог четырехлетнему периоду деятельности Посольского приказа в царствование Василия IV, следует отметить, что и в этот временной отрезок российское дипломатическое ведомство продолжало работать активно и целенаправленно. Первая половина правления Василия Шуйского (до середины 1608 г.) была отмечена проведением внешнеполитической линии, сложившейся при Борисе Годунове и Лжедмитрии I. Московское правительство поддерживало контакты с теми же государствами, что и прежде, преследуя аналогичные цели: добиться продления перемирия с Речью Посполитой, уклониться от подтверждения Тязвинского мирного договора со Швецией, не допустить набегов на русские земли крымских татар и ногайцев. Со второй половины 1608 г. внешняя политика Московского государства была переориентирована: ее дипломатический курс принял антипольскую направленность. Подписание Выборгского договора со Швецией, просьба к крымскому хану о помощи против «русских воров и литовских людей» являются свидетельством изменения приоритетов внешней политики Московского государства. В условиях начавшейся в 1609 г. войны с Речью Посполитой Посольский приказ предпринял попытку создать антипольский союз, в который должны были войти, помимо Российского государства, Швеция, Крымское ханство и Ногайская Орда. В деле создания этой коалиции российская дипломатия добилась определенных успехов: совместно с русскими войсками в войне принимал участие корпус шведского генерала Я. Делагарди, крымский хан присылал своих людей, участвовавших в боях со сторонниками Лжедмитрия II, а ногайский князь отправил на помощь царю часть своей орды. Следовательно, нужно признать, что и в условиях разгара Смуты Посольский приказ продолжал работать, демонстрируя высокий уровень профессионализма и ориентации в международных отношениях.

Количество дипломатических миссий, принятых в Москве и отправленных за рубеж при Василии IV, также было значительным, хотя в целом следует отметить снижение их числа по сравнению с предшествующим периодом. За четыре года из Москвы было отправлено 14 дипломатических миссий (в Польшу, Швецию, Крымское ханство, Ногайскую Орду, на Дон). Помимо этого, грамоты были отправлены в Англию, Любек, к кумыцкому князю. Продолжило свой путь с исправленным наказом посольство И.П. Ромода-

новского в Персию, отправленное Лжедмитрием I; при Василии Шуйском вернулось из Крыма посольство А.Мелентьева (также посланное при самозванце). Всего, следовательно, в указанный временной отрезок Посольский приказ подготовил и обработал результаты деятельности 19-ти миссий в 9 стран и территориально-этнических образований. За этот же период в Москве приняли 23 иностранные миссии (из Польши, Швеции, империи Габсбургов, Крымского ханства, Ногайской Орды, Казыева улуса, Персии, от калмыков, запорожских казаков и зарубежного православного духовенства); под Серпуховом в 1609 г. велись переговоры с крымскими мурзами. Кроме того, на момент восшествия на престол Василия Шуйского в стране находились польские послы и гонцы (в Московское государство и в Персию), шведский гонец, персидский посол, посланники римского папы в Персию, посол из Казыева улуса и атаман с Дона, оказавшиеся в Московском государстве еще при Лжедмитрии. Всего в 1606-1610 гг. Посольский приказ принял и контролировал деятельность 32-х зарубежных миссий из 12-ти государств и территориальных образований. В целом, в царствование Василия Шуйского через Посольский приказ прошла 51 российская и зарубежная дипломатическая миссия, осуществлявшая связи Московского государства с 15-ю державами и территориальными образованиями. По сравнению с предшествующим периодом заметно снижение количества миссий (в последний год правления Бориса Годунова приказ работал с 28-ю миссиями; за неполный год царствования Лжедмитрия их было более 30-ти). Следует, однако, учитывать, что не все иностранные дипломаты, направленные в 1606-1610 гг. в Москву, сумели добраться до российской столицы — одни не решились ехать через охваченные Смутой земли, другие были задержаны противниками Василия Шуйского. Однако и в этих условиях Посольский приказ продолжал работать эффективно, стремясь обеспечить Московскому государству международную поддержку и помощь соседних держав.

Свержение 17 июля 1610 г. Василия Шуйского и заключение боярами и гетманом Жолкевским спустя месяц, 17 августа, предварительного договора об избрании на российский престол польского принца Владислава, коренным образом изменили внешнеполитическую ситуацию, что немедленно сказалось на работе Посольского приказа. Речь Посполитая из неприятеля должна была превратиться в главного дипломатического партнера, а вчерашние союзники Московского государства (Швеция, Крымское ханство, Ногайская Орда), напротив, становились противниками. Российская дипломатия времени «междоцарствия» может быть условно разделена на три периода. Первый период охватывает время с июля 1610 г. до весны

1611 г., когда московские дипломаты еще пытались сохранить некоторую видимость независимости и равноправия в отношениях с Речью Посполитой; в эти месяцы Посольский приказ был, по существу, единственным дипломатическим ведомством на территории Московского государства. Второй период начинается с сожжения польским гарнизоном Москвы (19 марта 1611 г.), появления под Москвой Первого ополчения и депортации по приказу польского короля Сигизмунда III российского посольства Филарета Романова и Василия Голицына (13 апреля 1611 г.); завершается этот этап освобождением Москвы силами Первого и Второго ополчений (26 октября 1612 г.) С весны 1611 г. власть в Москве окончательно перешла в руки поляков и их сторонников, а король Сигизмунд фактом высылки в Польшу под арест российских послов дал понять, что ни о каком равноправном диалоге с московским правительством речи идти не может. Действия Посольского приказа на данном этапе определялись указаниями короля Сигизмунда и начальников польского гарнизона Кремля; фактически центральное дипломатическое ведомство превратилось в марионетку. В этот период особую дипломатическую линию проводили силы, враждебные Польше — Первое и Второе ополчения, Новгород Великий. Показательно, что после сожжения Москвы большинство иностранных дипломатов, находившихся в Кремле, бежали к ополченцам. Третий период внешней политики времени «междоусобицы» начинается с освобождения Москвы от поляков и завершается избранием на российский престол Михаила Федоровича Романова (21 февраля 1613 г.) На этом этапе произошло объединение центрального (московского) дипломатического ведомства с внешнеполитическими структурами ополчений. Московский Посольский приказ не стал после этого единственным дипломатическим органом в стране — продолжали проводить свою особую политику Новгород Великий и сторонники М.Мнишек и И.Заруцкого. Однако Посольский приказ в этот период становится основным, наиболее авторитетным и влиятельным внешнеполитическим ведомством, поддерживающим контакты с наибольшим количеством зарубежных стран.

Практически вся дипломатическая деятельность Посольского приказа во время «междоусобицы» (до конца 1612 г.) состояла в осуществлении контактов с Речью Посполитой; ее основным содержанием были переговоры об условиях восшествия королевича Владислава на российский престол. Первым дипломатическим шагом правительства «семибоярщины» стало вступление в переговоры с гетманом Жолкевским, который был уполномочен королем Сигизмундом заключить предварительный договор об избрании на

российский престол принца Владислава. 12 сентября 1610 г. в королевский лагерь, расположенный под Смоленском, отправилось русское посольство, возглавленное митрополитом Филаретом³². Следующая российская миссия была отправлена ко двору Сигизмунда осенью 1611 г. На этот раз посольство возглавили более «удобные» для польской стороны лица: бояре князь Ю.Н.Трубецкой, М.Г.Салтыков и дьяк В.Янов. Данное посольство ярко демонстрирует зависимость московской дипломатии от воли польского короля. На пути в Польшу миссия была остановлена гетманом Ходкевичем, который, ознакомившись с дипломатической документацией, велел послам возвращаться в Москву, поскольку «наказ написан не гораздо, не так, как королю... надобно»³³. К чести русских дипломатов следует указать, что они отказались принять другой наказ, и спустя некоторое время вновь отбыли из Москвы в Варшаву со своими прежними инструкциями, что зафиксировано в польских источниках³⁴. Последнее посольство к королю Сигизмунду в начале 1612 г. возглавил судья дипломатического ведомства И.Т.Грамотин³⁵. Помимо посольств, из Москвы к королю Сигизмунду отправляли в 1610-1611 гг. также гонцов: в источниках упоминаются гонцы Тимофей Грязной, Алексей, Елизар и Иван Безобразовы, Игнатий Хомутов, Андрей и Василий Мосальские³⁶.

Следует также учесть, что в первые месяцы «междоусобия» Посольский приказ продолжал работать с посольствами, оказавшимися в Москве в последний период царствования Василия IV. Не успели уехать на родину персидские дипломаты; пребывали в столице ногайские послы. После сожжения поляками Москвы большинство из них бежали к ополченцам³⁷. Таким образом, к весне 1611 г. деятельность Посольского приказа окончательно была ограничена лишь контактами с Речью Посполитой.

После освобождения столицы от польского гарнизона произошло оформление нового Посольского приказа на базе объединения столичного ведомства с внешнеполитическими структурами ополчений. Во главе Посольского приказа были поставлены два дьяка: Петр Третьяков, находившийся в течение 1612 г. в осажденном Кремле, и Савва Романчуков, ведавший международными контактами Второго ополчения³⁸. В дальнейшем Посольский приказ будет признавать законными и представительными как миссии, отправленные «семибоярщиной» (посольство Филарета в Польшу), так и миссии, посланные ополченцами (переговоры Первого ополчения со Швецией, Второго ополчения — с империей Габсбургов). Начальный период деятельности возрожденного Посольского приказа пришелся на последние месяцы «междоусобия»: ноябрь 1612 г. — февраль 1613 г. (до избрания на престол Михаила Романова). Од-

нако и за этот короткий промежуток времени (менее четырех месяцев) Посольский приказ успел предпринять ряд шагов по обеспечению Российскому государству благоприятных условий в контактах с соседними державами.

Первые контакты новое правительство установило с ногайскими улусами: в конце 1612 — начале 1613 г. в Ногайскую Орду был отправлен посланник П. Вражский³⁹. В начале 1613 г. из Москвы был отправлен с грамотой в Новгород Великий Б. Дубровский. Отправление гонца в Новгород, признавший своим государем шведского принца Карла — Филиппа, само по себе было шагом внешнеполитического значения. Кроме того, в грамоте содержалось прямое предложение начать переговоры со Швецией⁴⁰. Наконец, уже в начале февраля 1613 г., незадолго до избрания царя, было принято решение отправить в Польшу гонца, задачей которого было «выговорить» королю Сигизмунду его «неправды» и добиться размена пленных. Гонцом был назначен Д. Оладьин. Он выехал в Польшу лишь 11 марта 1613 г., т.е. уже после избрания Михаила Романова. Однако указанная миссия была подготовлена еще до избрания царя, поэтому может быть причислена к дипломатическим акциям, запланированным в годы «междоцарствия»⁴¹.

Таким образом, в период «междоцарствия» Посольский приказ подготовил отправление 12-ти дипломатических миссий для осуществления контактов с тремя странами: Речью Посполитой, Швецией и Ногайской Ордой. В Москве в те же годы побывали 17 миссий из Речи Посполитой, Персии, Ногайской Орды и от зарубежного православного духовенства. Всего, следовательно, во время «междоцарствия» Посольский приказ контролировал деятельность не менее 29-ти российских и иностранных миссий, осуществлявших контакты Московского государства с пятью зарубежными державами. Это свидетельствует о том, что даже во время наивысшего этапа развития внутривнутриполитического кризиса и упадка московской дипломатии, абсолютного «затишья» в отношениях Московского государства с соседями не было.

Избрание на престол Михаила Романова не изменило общей направленности внешней политики Московского государства, установившейся в конце 1612 — начале 1613 г. Однако, акт избрания был причиной, активизировавшей внешнеполитическую деятельность Посольского приказа, поскольку для стабилизации отношений с соседями требовалось, прежде всего, их официальное признание Михаила Федоровича российским царем. Этой задаче была подчинена деятельность российского дипломатического ведомства в первые годы царствования Михаила (1613-1615 гг.) Новый царь сразу после вступления на престол распорядился улучшить содер-

жание задержанных иностранных дипломатов: «А в прошлом во 121-м году, как учинился на Московском государстве и на всех Российских государствах великий государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Руси самодержец, и по государеву указу посланы от государя в Казань и в Асторохань к воеводам государевы грамоты, а велено ко всяким иноземцом береженье держать великое, и приставов к ним велено приставити»⁴². В первые годы правления Михаила Романова за рубеж были отправлены дипломатические миссии с официальным извещением о восшествии на престол нового царя и просьбами помощи в борьбе с Польшей и Швецией, приняты первые ответные посольства. В указанные годы Посольский приказ оценивал международную ситуацию, рассматривая соседние державы в качестве возможных союзников в борьбе с Польшей и Швецией. Неудача в поисках союзников заставила руководителей внешней политики отправить за границу новую серию дипломатических миссий, перед которыми ставились уже более конкретные цели и задачи, определявшиеся с учетом опыта и сведений, собранных на предыдущем этапе деятельности. Завершением этого периода во внешней политике Московского государства стало подписание Столбовского мира со Швецией в 1617 г. и Деулинского перемирия с Речью Посполитой в 1618 г., а также размен пленных в 1619 г.

Внешнеполитическая деятельность Посольского приказа в 1613-1619 гг. была наиболее активной, количество дипломатических миссий, отправленных и принятых в Москве в эти годы, настолько значительно, что в рамках настоящей работы, не посвященной специально рассмотрению внешней политики Московского государства, представляется нецелесообразным перечислять имена российских и иностранных дипломатов, побывавших в русской столице в указанные годы. Для характеристики степени интенсивности внешнеполитической деятельности Посольского приказа достаточно привести перечень стран и территориально — этнических образований, с которыми в первые годы царствования Михаила Федоровича осуществлялись дипломатические контакты, а также указать количество миссий, посредством которых поддерживались контакты с каждой страной — контрагентом. Сведения о дипломатических миссиях 1613-1619 гг. приведены в приложении 1 к монографии.

Как и в предшествующие периоды, наиболее важными для Московского государства оставались контакты с Речью Посполитой, Швецией, Крымским ханством и Ногайской Ордой. С этими державами поддерживались оживленные связи: Польша была главным противником, а Швеция, Крымское ханство и ногайские улусы рассматривались в Москве как вероятные союзники в борьбе с польской интервенцией. В первые семь лет правления Михаила

Романова Посольский приказ подготовил четыре российских миссии в Польшу и принял в Москве три ответных польских посольства; помимо этого, в указанные годы имели место три русско-польских посольских съезда (в 1615-1616 гг. под Смоленском, в 1618 г. — в Деулино, в 1619 г. — на реке Поляновке). Всего, следовательно, в 1613-1619 гг. российское дипломатическое ведомство работало с десятью отечественными и польскими дипломатическими миссиями. В те же годы Посольский приказ подготовил для переговоров со Швецией и зависимым от нее Новгородом четыре дипломатические миссии; в Москве были приняты три шведские и новгородские миссии. К ним следует добавить размен пленных в 1615 г. и посольские съезды в Дедерино и Столбово в 1615-1617 гг., а также размежевание границ в 1617-1619 гг., проходившие под непосредственным контролем Посольского приказа. Наиболее активными были контакты с Крымским ханством: за 1613-1619 гг. Посольский приказ подготовил и отправил в Крым 18 дипломатических миссий; в те же годы из Крыма в Москву была прислана 21 дипломатическая миссия. К указанным дипломатическим контактам следует добавить посольскую размену, осуществленную летом 1614 г. в Ливнах. В первые годы царствования Михаила Романова Посольский приказ работал также с 24 русскими и ногайскими миссиями (15 российских и 9 ногайских), с помощью которых поддерживались связи с Большой Ордой и Казыевым Улусом.

Контакты с остальными странами были менее оживленными. В 1613-1619 гг. Посольский приказ работал с семью миссиями, осуществлявшими связи Московского государства с империей Габсбургов: три имперские миссии и четыре российских; помимо этого, в 1618 г. дипломатическое ведомство отправило посольство в вольные северогерманские города. Русско-английские связи в те же годы осуществлялись посредством девяти дипломатических миссий (пять английских и четыре российских). Контакты Москвы с Голландией представлены тремя российскими посольствами и четырьмя голландскими. После восстановления в 1613 г. дипломатических отношений с Данией из Москвы в Копенгаген отбыли три отечественные миссии; в свою очередь, Посольский приказ принял двух датских дипломатов. Впервые были установлены дипломатические отношения с Францией: в 1613-1615 гг. внешнеполитическим ведомством были подготовлены две миссии (из которых достигла цели одна). После двадцатилетнего перерыва были возобновлены дипломатические связи с Османской империей: в 1613-1619 гг. Посольский приказ работал с шестью миссиями, обеспечивавшими связь Московского государства с Османской империей: пять миссий было отправлено в Турцию и одна принята в Москве. Русские

послы, ездившие в Османскую империю, имели также поручения к представителям зарубежного православного духовенства (патриархам константинопольскому и иерусалимскому)⁴³. В конце рассматриваемого нами периода, в 1619 г., в Москву прибыл иерусалимский патриарх Феофан. Довольно активными были в начале правления царя Михаила и связи с Персией: Посольский приказ подготовил и отправил ко двору шаха пять дипломатических миссий; в ответ в Москву прибыло пять персидских посольств. Возобновились контакты с кавказскими государствами и народами: Посольский приказ подготовил две дипломатические миссии на Кавказ; в то же время в Москве приняли пять миссий с Кавказа. Налажены были также связи с державами и народами Средней Азии, Сибири и Дальнего Востока: Посольский приказ организовал дипломатическую миссию в Хивинское ханство; в Москве в 1614-1619 гг. приняли семь посольств из Хивы, Бухары, Монголии, от киргизов и калмыков. Тобольские воеводы по указанию из Посольского приказа отправили посольство, которое уже в 1617 г. прибыло в Китай⁴⁴. Имеются также сведения о приезде в Москву двух посольств от донских казаков и одного от запорожцев; на Дон было отправлено в те же годы не менее девяти миссий.

Этим исчерпывается информация о дипломатической деятельности Посольского приказа в первые семь лет царствования Михаила Федоровича. Можно констатировать, что в течение 1613-1619 гг. Посольский приказ сумел установить контакты практически со всеми европейскими державами (за исключением Испании и итальянских государств), а также со многими странами Азии и рядом народов Кавказа и Сибири. В указанное время Московское государство обменивалось посольствами и гонцами с Речью Посполитой, Швецией, империей Габсбургов, ганзейскими городами, Англией, Голландией, Данией, Францией, Османской империей, Персией, Крымским ханством, Ногайской Ордой, Казыевым улусом, Грузией, Тарковским шамхальством, Кабардой, Хивинским ханством, Бухарским ханством, Монголией, калмыцкими и киргизскими племенами, донскими и запорожскими казаками, зарубежными православными иерархами — всего с 24-мя контрагентами. Именно в 1613-1619 гг. Московское государство впервые установило регулярные дипломатические контакты с Францией, Голландией, Монголией и киргизскими племенами, после долгого перерыва были восстановлены отношения с Османской империей и среднеазиатскими державами, что свидетельствует о расширении горизонтов российской дипломатии. За семь лет через Посольский приказ прошло не менее 161 дипломатической миссии, из которых 77 были заграничными, 77 подготовил и отправил за рубеж Посольский

приказ, в семи случаях имели место посольские съезды (в отношениях с Речью Посполитой, Швецией и Крымским ханством). Соотношение отправленных и принятых миссий было приблизительно равным. Следует отметить, что большая часть дипломатических миссий (100) имели целью обеспечение связи Московского государства со странами и народами Востока (Крымом, ногайскими улусами, Турцией, Персией, державами и народами Кавказа, Средней Азии и Сибири); 61 миссия была призвана поддерживать контакты между Московским государством и европейскими странами. Необходимо также учитывать, что далеко не все дипломатические контакты российского правительства с соседними странами и народами проходили непосредственно через Посольский приказ: связи с ногайскими татарами часто осуществлялись воеводами Астрахани, с народами Кавказа — из Терского городка, с сибирскими народами — из Тобольска, с европейскими державами переписка нередко велась от лица воевод пограничных городов. Однако во всех случаях действия воевод определялись и направлялись инструкциями руководства Посольского приказа; во внешнеполитическое ведомство пересылались и отписки пограничных воевод по дипломатическим вопросам, копии и подлинники зарубежных грамот. Все это позволяет сделать вывод о том, что в 1613-1619 гг. работа Посольского приказа была активной и напряженной. Выход к концу второго десятилетия XVII в. Московского государства из внешнеполитического и общегосударственного кризиса был во многом обусловлен добросовестной и плодотворной работой служащих Посольского приказа.

Проанализировав дипломатическую деятельность Посольского приказа на отдельных этапах с 1604 г. по 1619 г., мы можем сделать ряд выводов по всему периоду в целом. За шестнадцать лет через центральное внешнеполитическое ведомство Московского государства прошло не менее 278 российских и зарубежных дипломатических миссий, посредством которых поддерживались контакты с 25 странами и территориальными образованиями: Речью Посполитой, Швецией, империей Габсбургов, ганзейскими городами, Англией, Голландией, Данией, Францией, Османской империей, Персией, Крымским ханством, Ногайской Ордой, Казыевым улусом, Грузией, Тарковским шамхальством, Кабардой, Хивинским ханством, Бухарским ханством, Монголией, калмыцкими и киргизскими племенами, донскими и запорожскими казаками, папской курией и зарубежным православным духовенством. При этом 132 миссии были подготовлены и отправлены за рубеж Посольским приказом, 139 иностранных миссий приняты в рассматриваемое время в Москве; кроме того, семь миссий отправлено на посольские съезды и размежевание границ. Интенсивность работы Посоль-

ского приказа на отрезке с 1604 г. по 1619 г. не была постоянной. Наиболее активной деятельностью дипломатического ведомства была в первые годы Смутного времени (последний год царствования Бориса Годунова и царствование Лжедмитрия I) — за два года Посольский приказ подготовил и принял около 60-ти дипломатических миссий. В разгар Смуты (царствование Василия Шуйского и период «междоусобия») работа дипломатического ведомства была менее интенсивной: за четыре года пребывания на престоле Василия IV приказ подготовил и принял около 40 новых дипломатических миссий, за два с половиной года «междоусобия» — 24. Деятельность Посольского приказа вновь активизировалась при Михаиле Федоровиче, за первые семь лет царствования которого дипломатическое ведомство отправило за рубеж и приняло 154 новых миссии.

Нужно отметить, что смена на российском престоле царей не меняла коренным образом внешнеполитической линии, проводимой Московским государством: вплоть до середины 1608 г. Посольский приказ продолжал следовать курсом, намеченным в конце XVI в. Обострение в отношениях с Речью Посполитой стало причиной отступления от традиционного внешнеполитического курса, который с 1608 г. принял антипольскую направленность. Избрание на российский престол польского королевича Владислава на время изменило этот курс, наметилось сближение с Польшей и возникла напряженность в отношениях со Швецией. Однако с 1613 г. московское правительство вновь сделало приоритетной задачей борьбу с Речью Посполитой.

Смутное время, безусловно, оказало влияние на систему отношений Москвы с зарубежными державами. На рубеже XVI-XVII вв. внешнеполитическая линия Московского государства была направлена на обеспечение равновесия сил на западных рубежах (при наметившемся сближении с Речью Посполитой), одной из основных задач московской дипломатии было расширение российского влияния на Кавказе. События Смуты заставили московское правительство пересмотреть свою дипломатическую линию; заложенные в начале XVII в. принципы взаимоотношений с соседними странами определяли внешнюю политику Москвы в течение нескольких десятилетий. Так, потеря Смоленска и Северских земель по Деулинскому перемирию стала причиной длительной борьбы между Московским государством и Речью Посполитой, завершившейся лишь в 1686 г. заключением «Вечного мира». Столбовский мир со Швецией, напротив, стал началом относительно спокойного, мирного периода в отношениях Российского государства со Швецией, продолжавшегося до середины XVII в.; невыгодные для Москвы условия мирного договора были ликвидированы лишь в 1721 г. Ниш-

тадтским договором. В начале XVII в. в орбиту внешней политики Московского государства вновь вошла Османская империя, которая (вместе с Крымом) стала рассматриваться как потенциальный союзник в борьбе с Речью Посполитой. Контакты с империей Габсбургов, занявшей в эпоху Смуты пропольские позиции, напротив, были прерваны до середины XVII столетия. В начале периода Смуты, при Лжедмитрии, значительно активизировались связи с Ватиканом; в дальнейшем контакты с папством были прерваны. Наконец, следует отметить, что именно в эпоху Смуты Московское государство установило дипломатические отношения с рядом новых для российской внешней политики государств и народов Европы и Азии. Таким образом, можно констатировать, что Смутное время было серьезным испытанием как для всего Московского государства, так и для его дипломатического ведомства; внешнеполитическим итогом Смуты стала значительная переориентация дипломатии Московского государства, ключевую роль в которой сыграл Посольский приказ.

Внешняя политика, прием иностранных дипломатов и подготовка российских миссий за рубеж были главной сферой деятельности Посольского приказа. Однако, помимо собственно дипломатической работы, центральное внешнеполитическое ведомство в начале XVII в. занималось множеством других вопросов, связанных с управлением отдельными территориями и курированием некоторых групп населения, проживавших в пределах Московского государства. В отличие от дипломатической работы, эта сфера деятельности Посольского приказа может быть названа административной. К ней относилось ведение: иностранных купцов, приезжавших в Московское государство; иностранцев, принимавших российское подданство; проживавших на российских землях татар и занимаемых ими территорий. Передача перечисленных категорий населения под контроль Посольского приказа объясняется рядом причин. Так, иностранные купцы были подданными зарубежных держав, предоставление им льгот или лишение таковых зависело, прежде всего, от того, как складывалась и изменялась система международных отношений. Выходцы из-за границы, желавшие перейти на российскую службу, были иностранцами, наибольший опыт общения с которыми был накоплен именно в дипломатическом ведомстве; Посольский приказ обладал и широким штатом специалистов — переводчиков, которые были необходимы для общения с иноземцами. Что касается татар, то они, в силу своей этнической и религиозной обособленности от основной части населения Московского государства, также были переданы под управление Посольского приказа, возможно, в том числе и потому, что это учреждение располагало опытом контактов с независимыми татарскими

державами. Кроме того, из татар вербовалась и часть штата Посольского приказа, занимавшаяся осуществлением связей с азиатскими странами (татарские переводчики и толмачи, служилые татары Посольского приказа).

Иностранцы торговцы, которые в силу своих занятий должны были подолгу оставаться в пределах Московского государства, часто обращались с челобитными на имя царя, содержащими просьбы предоставить им те или иные льготы. Среди прочих привилегий, которыми московское правительство наделяло иностранных гостей, было изъятие их дел из юрисдикции всех российских властных структур, за исключением Посольского приказа. Так, летом 1613 г. шведскому купцу Ивану Буку была дана жалованная грамота, согласно которой он был подсуден только посольским дьякам⁴⁵. Аналогичные грамоты были выданы в 1613-1614 гг. голландским торговцам⁴⁶. В мае 1615 г. голландскому купцу Еремею Иванову была дана жалованная грамота, в которой было записано: «А кому будет до него в чем дело, и его по нашему царскому указу судят и во всем ведают в Посольском приказе посольские дьяки»⁴⁷. По царскому указу от 10 августа 1616 г. все иноземцы, обиженные в чем-либо архангельскими воеводами, должны были отдавать свои челобитные в Посольском приказе⁴⁸.

Посольский приказ занимался делами не только европейских, но и азиатских купцов. В ноябре 1614 г. московское правительство указало: «которые будет иноземцы ...послы, и посланники, и гонцы, и купчины, и тезики [торговцы из стран Востока. — Д.Л.] вперед учнут приходити в Казань, и об их приезде велено писати... к Москве, а отписки и росписи... велено отдавати в Посольском приказе, и вперед... о тех иноземцах... в Казанской Дворец и в ыные ни в которые приказы, опричь Посольского приказу, никуды ни о чем писать не велено»⁴⁹. Позднее, в 1619-1620 гг. посольские дьяки вели переговоры с ногайцами, определяя правила их торговли лошаадьми на российских базарах⁵⁰. Ведая делами иностранных купцов, посольские дьяки имели широкие возможности для злоупотребления своей властью: в 1646 г. русские торговцы жаловались царю Алексею Михайловичу на иностранцев, получивших жалованные грамоты «многими посулами» у дьяков Петра Третьякова и Ивана Грамотина⁵¹.

В ведении Посольского приказа были также выехавшие «на государево имя» иностранцы. Выходцы из-за рубежа, желавшие поступить на российскую службу, должны были, прежде всего, обратиться в Посольский приказ. Посольские дьяки подробно расспрашивали иноземцев об их происхождении и биографиях. Так, в 1617 г. «выезжие волошане» подробно рассказали в дипломатичес-

ком ведомстве о том, как они оказались в Москве после плена в Польше и пребывания в Швеции⁵². Приехавший на службу в Московское государство голштинец Ганс Лакман, оказавшийся сначала в Новгородской чети, был взят оттуда в Посольский приказ и расспрошен о его происхождении и жизни⁵³. Выходец из Германии, желавший наняться на российскую службу, в 1618 г. в расспросе сообщил о себе следующие сведения: «сказался родом Цесаревы земли, отец его был у цесаря дворянин, и служил отец его и он, Анца, в Цесареве земли конную службу на 3-х конех, а у свейского служил конную ж службу на 3-х конех, а шло ему от свейского короля на месяц по 15 ефимков, а на лошади давано овес и сено»⁵⁴. Если иностранец заявлял о своем знатном происхождении, он должен был представить в Посольском приказе доказательство этому. Так, выехавший в Москву датский дворянин в 1615 г. подал посольскому дьяку П.Третьякову письмо, в котором удостоверялось его дворянство⁵⁵. Прибывший из Грузии Иван Фатьянов в доказательство своего дворянского титула призвал в свидетели переводчика Посольского приказа С.Каменева, который знал его со времени посольства в Грузию 1604-1605 гг.⁵⁶ После удостоверения личностей иностранцев, они определялись на службу в соответствии с их происхождением и прежним служебным положением. Иноземцев награждали «за выход»; помимо прочего, им назначали содержание из средств Посольского приказа. При этом учитывались прецеденты, имевшие место ранее. Например, при приеме на службу английского полковника А.Астона в 1614 г. была сделана обширная выписка о выездах иностранцев в Российское государство, начиная с 1592 г.⁵⁷

Ведал всеми делами «выезжих иноземцев» в начале XVII в. Посольский приказ. Именно в это ведомство они подавали челобитные о различных своих нуждах. Так, перешедшие в российскую службу англичане били челом о выдаче им поденного корма; в Посольский же приказ следовало обращаться с просьбами об увеличении кормового содержания⁵⁸. Кормовые деньги для иностранцев числились как одна из расходных статей бюджета Посольского приказа⁵⁹. В дипломатическое ведомство иностранцы обращались и по другим вопросам. Так, англичанин Ульян Игнатьев около 1617 г. просил в Посольском приказе выдать ему деньги на строительство дома⁶⁰. Английский дворянин Артемий Астон, наделенный в России земельными владениями, в 1617 г. просил вместо поместья давать ему поденный корм⁶¹. В Посольский приказ иностранцы подавали свои челобитные и в том случае, если желали вернуться на родину⁶². Последнее, правда, было затруднительно: иностранцев, проживавших в Московском государстве, отпускали за рубеж весьма неохотно. Голштинец Г.Лакман не был отпущен из страны даже

по просьбе датского короля⁶³. Выезды в Московское государство иноземцев и их служба фиксировались в Посольском приказе в особой документации. Так, на обороте одного из столбцов, сохранившихся в РГАДА, имеется помета: «выезжих немец князя Артемья Астона»⁶⁴. Имеется соответствующая запись и в датской книге 1613-1616 гг. В 1614 г. в один день царь давал аудиенцию датскому посланнику и «выезжим» шотландцам, причем в книге была сделана запись: «А приезд их [шотландцев], и как оне у государя были, и что им в стола место корму, и то писано в немецком столпу с их приездом вместе»⁶⁵.

В начале XVII в. Посольский приказ занимался также вопросами, связанными с проживанием в Московском государстве татар. Компактными зонами расселения татар (помимо казанских, астраханских и сибирских земель), были города Касимов на Оке и Романов на Волге. Указанные города находились в ведении Посольского приказа. В архиве дипломатического ведомства хранилась документация, связанная с делами касимовских и романовских татар. Романов был единственным из городов, удаленных от границы, чертеж которого хранился в Посольском приказе⁶⁶. Сохранилась роспись татар и мурз, проживавших в Романове, присланная в приказ в октябре 1616 г.⁶⁷ Судебные иски касимовских и романовских татар и мурз (равно как и иски против них) рассматривались также в Посольском приказе: в «Описи 1626 года» упоминаются соответствующие дела⁶⁸.

Татары, находившиеся в ведении посольских дьяков, как и иноземцы, получали в приказе кормовые деньги. Так, татарин Степан Кошаков в 1619 г. обратился в Посольский приказ с просьбой выдавать ему корм, и при этом упомянул о том, что его отец «до Московского разорения» также получал корм в этом ведомстве; в подтверждение справедливости своих слов он сослался на татарских толмачей и переводчиков внешнеполитического ведомства⁶⁹. Служащие Посольского приказа должны были следить за тем, чтобы подведомственные приказу татары были способны нести службу. Так, около 1618 г. романовский татарин Инка Кулчанов обратился в Посольский приказ с челобитной, прося отставить его от службы по старости, а на его место зачислить его сына Осипа; помимо того, он просил передать сыну свое поместье. Вопрос решался в Москве: «А в Посолском приказе Инка Кулчанов и сын ево Осипко осматриваны, и Инка стар, от службы отбыл, а сын ево Осипко в службу поспел, государева служба ему служить мочно»⁷⁰. В Посольском приказе татары получали вознаграждение (в том случае, если они принимали решение перейти в христианство). Случаи крещения татар и выдач им на этом основании вознаграждения в По-

сольском приказе тщательно фиксировались в особых столбцах⁷¹. Выдача татарам жалованья за крещение не прекращалась даже в самый разгар Смутного времени. Сохранилась память, отправленная из Посольского приказа в марте 1611 г. По этой памяти в Посольский приказ было велено прислать деньги, «а дати те деньги по боярскому приговору государева царева и великого князя Владислава Жигимонтовича всеа Русии жалованья выезжему крымскому татарину Келибеку для крещенья на платье»⁷².

Наконец, кроме собственно романовских и касимовских татар, Посольский приказ ведал татарских царевичей и мурз, выехавших на службу в Московское государство из-за рубежа: из Крымского ханства и Ногайской Орды⁷³. Подконтрольны дипломатическому ведомству были также потомки ханских династий Астрахани и Сибири⁷⁴. В Посольском приказе имелись росписи царевичей и мурз, «которых по государеву указу ведают в Посолском приказе»; в росписях были указаны размеры поместных и денежных окладов татарских мурз, вышедших на российскую службу⁷⁵. Эти лица, как и касимовские и романовские татары, были подсудны Посольскому приказу. Так, сохранилось разбиравшееся в Посольском приказе в 1617 г. дело по челобитью вдовы дьяка Дея Витовтова на Алей-мурзу Шейдякова, который свел у нее нескольких крестьян⁷⁶. «Выезжие» мурзы также получали в Посольском приказе кормовое содержание⁷⁷; им выплачивалось жалованье и за крещение (в Посольском приказе, в частности, хранилась выписка о крещении выехавших из Ногайской Орды князей Урусовых)⁷⁸. Помимо просьб о жалованье, подведомственные Посольскому приказу татары обращались к дьякам и с другими просьбами: например, один из кабардинцев подал челобитную, прося выкупить из плена его жену⁷⁹.

Раздел 2.

Условия работы Посольского приказа в начале XVII в.

Рассматривая дипломатическую и административную деятельность Посольского приказа в начале XVII в., следует охарактеризовать условия, в которых этому ведомству приходилось осуществлять свою работу. В настоящем разделе подняты вопросы о помещении и бюджете Посольского приказа в начале XVII столетия, об уровне информированности служащих приказа относительно событий за рубежом, а также о влиянии Смутного времени на деятельность российского дипломатического ведомства.

До наших дней не дошло описаний помещения Посольского приказа начала XVII в., поэтому мы можем представить себе внутреннюю планировку и внешний облик этого заведения лишь в общих чертах, по отдельным упоминаниям в разрозненных источниках. В рассматриваемый период Посольский приказ не имел своего отдельного здания, а был расположен в одном из строений Кремля, занимая в нем первый этаж. В «Описи 1614 года» упоминается о «верхней полате», расположенной непосредственно над «Посольской полатой»; старые дела дипломатического значения были в 1614 г. перенесены со второго этажа вниз, в Посольскую палату⁸⁰. Следовательно, второй этаж здания не относился к Посольскому приказу.

Войти в Посольский приказ можно было через крыльцо, выходящее, по всей вероятности, к Успенскому собору Кремля. В столбце 1617 г. о приезде в Москву монгольских и киргизских послов упоминается о том, что 13 апреля 1617 г., в Вербное воскресенье, дипломаты с крыльца Посольского приказа наблюдали за тем, как царь шел «к Пречистой»⁸¹. Подниматься на крыльцо следовало по ступенькам: в 1607 г. шведский гонец сошел с коня у входа в Посольский приказ, «не доезжая приступу сажени с полторы»⁸².

Основное помещение Посольского приказа было разделено на три большие комнаты — «палаты»: переднюю, «среднюю подписную» и заднюю. В «средней» палате сидели посольские дьяки, там же они принимали иностранных дипломатов. Что представляло собою рабочее место дьяка, точно установить не удастся. По всей видимости, это были стол и скамья. При описании приемов иностранцев в Посольском приказе обычно указывалось, что дьяки встречали их, «выступя из своего места», или, встав, давали посланникам руки. В 1609 г. в Посольском приказе принимали шведских наемников: «А как вошли в полату, где сидит Василей [Телепнев, глава приказа. — *Д.Л.*], и Василей из места своего вышел»⁸³; в 1615 г., принимая голландского гонца, П.Третьяков «на месте приподнявся немного, з гонцом витался [здоровался. — *Д.Л.*] и спрашивал его о здоровье»⁸⁴. Данные указания позволяют предположить, что дьяки Посольского приказа работали сидя. В дьячьей палате также находились ящики и мешки, в которых хранились некоторые дипломатические документы⁸⁵. Судя по тому, что палата именовалась «подписной», ее стены были украшены росписями. Можно предположить, что в «средней» палате Посольского приказа находилась печь: среди расходов дипломатического ведомства указываются деньги на покупку дров⁸⁶; вероятно, помещение, где сидели руководители приказа и где принимались иностранные дипломаты, должно было отапливаться лучше прочих комнат.

В документах начала XVII столетия упоминаются также передняя и задняя палаты. Их функциональное назначение в сохранившихся материалах не раскрывается; можно предположить, что в одном из этих помещений работали подьячие, а в другом дежурили толмачи, которых периодически отправляли из Посольского приказа с памятями и отписками в другие ведомства. Для работы подьячих в данных помещениях должны были стоять столы и скамьи; «старые» подьячие имели также свои ящики, запиравшиеся на замки — в ящиках хранилась дипломатическая документация и деньги. Ящики «старых» подьячих известны уже в начале XVII в.: в «Описи 1626 года» упоминается ящик подьячего П.Палицына, ставшего дьяком при Лжедмитрии I, ящик подьячего М.Матюшкина, из которого около 1615 г. были похищены деньги, ящики других старых подьячих с дипломатическими документами⁸⁷. Если в Посольском приказе в один день принимали несколько миссий, то первого дипломата сразу проводили в «среднюю» палату, а прочие дожидались своей очереди в передней или задней. Передняя и задняя палаты для дипломатов были также местом, где они ждали приглашения на аудиенцию. Так, в 1619 г., бухарский и грузинский послы должны были дожидаться аудиенции в Посольском приказе: «бухарскому сидети в средней в подписной полате, а грузинскому сидети в задней полате»⁸⁸. Спустя год, в день приема черкесского мурзы и кумыцкого посла, «наперед шел к диаком в среднюю полату черкаской Яным-мурза Канукин, а кумытцково Илдара-мурзы посол Мамеделей ждал по себя присылки в передней полате»⁸⁹.

Помимо указанных основных палат, в Посольском приказе также были и другие помещения. Так, в «Описи 1614 года» упоминается о «старонних полатках, что у Посольские полаты». В этих «сторонних» (боковых) палатках (небольших комнатах), вероятно, хранился архив Посольского приказа, поскольку в описи сказано, что там находилось четыре сундука с документами⁹⁰. Помимо сундуков, дипломатическая документация хранилась в осиновых коробьях и ящиках: в расходном столбце Посольского приказа 1614-1615 гг. сохранились записи о выдаче денег на их приобретение «для посольских дел». Сколько было таких «сторонних палаток» и как они были расположены относительно основных помещений (слева или справа или с обеих сторон), установить не удается. Наконец, к числу подсобных помещений должна быть отнесена «задняя казенка», запиравшаяся на замок: в 1615 г. на изготовление ключа к этой казенке были выделены деньги⁹¹. Указанная «задняя казенка» была расположена, вероятно, за задней палатой; в ней под замком могли хранить казну, бумагу и свечи. Наконец, при Посольском приказе, вероятно, должна была быть пристройка для хранения дров.

Имеющиеся в нашем распоряжении источники позволяют составить представление о годовом бюджете Посольского приказа рассматриваемого периода. Так, в 1614/15 г. имевшиеся в Посольском приказе деньги тратились на корм лицам, сопровождавшим дипломатические миссии, а также подьячим, толмачам, переводчикам и иностранцам, находившимся в ведении Посольского приказа; деньги выделялись на приобретение бумаги, чернил и дров; в расходных статьях упоминаются также деньги, выданные на восстановление гроба датского королевича Иоганна, а также уплаченные хивинскому послу за привезенный им ремень. На выплату жалования служащим Посольского приказа и участникам дипломатических миссий было потрачено 9.183 рубля и 33 алтына⁹². Сохранившийся расходный столбец 1614/15 г. позволяет несколько уточнить, как происходило расходование денег по указанным статьям. Столбец сохранился не полностью, в нем указаны денежные затраты с середины октября 1614 г. по конец марта 1615 г. (т.е. за пять месяцев). Упоминания о приобретении бумаги имеются за три месяца (с 23 октября 1614 г. по 20 января 1615 г.) За указанное время Посольский приказ покупал бумагу в Овощном ряду девять раз. Всего за три месяца было приобретено 23 стопы на общую сумму 18 рублей и 94 копейки⁹³; в течение года, таким образом, на бумагу должно было быть израсходовано около 80 рублей. Упоминание о покупке чернил в столбце встречается лишь один раз: на них было потрачено 30 копеек⁹⁴. Упоминания о приобретении Посольским приказом свечей встречаются на временном отрезке в полтора месяца (с 26 октября по 10 декабря 1614 г.) За полтора месяца Посольский приказ купил 800 сальных свечей и 9 «гривенок» восковых общей стоимостью в 5 рублей 8 копеек⁹⁵. По всей видимости, в указанный временной период свечи закупались активнее, чем в летнее время, когда световой день был длиннее. Для хранения дипломатической документации служащие Посольского приказа приобретали в Коробейном ряду осиновые «коробьи» и ящики. В столбце упоминается о покупке 13 «коробей» и одного ящика⁹⁶. Для отопления помещений Посольского приказа приобретались дрова, счет которых велся возами. Всего было куплено 19 возов дров на 2 рубля 47 копеек⁹⁷. Помимо указанных расходов, деньги выплачивались служащим Посольского приказа (сверх их оклада или в счет будущих выплат)⁹⁸.

Крупные суммы денег выделялись Посольским приказом на нужды российских посольств, отправленных в течение 1614/15 г. На Дон к казакам с посланником П.Мансуровым, ехавшим в Турцию, было послано 1.959 рублей жалования; послам, выехавшим в Голландию и Францию, было дано 400 рублей; самую крупную

сумму получило посольство Г.К.Волконского в Крым – 7.937 рублей, 4 алтына и 2 деньги. Самой крупной расходной статьей были отчисления на нужды других приказов – 33.364 рубля, 9 алтынов и 3 деньги⁹⁹. Значительные денежные суммы передавались из Посольского приказа в Разрядный: с 24 сентября 1614 г. по 14 июля 1615 г. (т.е. за неполный год) в Разрядный приказ из дипломатического ведомства было передано 13.952 рубля¹⁰⁰. Кроме того, деньги передавались из Посольского приказа в Большой Приход, Большой Дворец, Стрелецкий и Ямской приказы¹⁰¹. Всего, согласно составленной в Посольском приказе ведомости, за 1614/15 г. было израсходовано 53.599 рублей, 28 алтынов и 3 деньги¹⁰².

Несколько сложнее обстоит дело с доходной частью бюджета Посольского приказа. В приходе – расходной ведомости источники основных поступлений в казну приказа не указаны: написано лишь, что в приходе числились средства общей суммой в 52.360 рублей, 1 алтын и 4 деньги. Кроме того, в приходе были записаны 600 рублей «сборных» денег. Сюда же были причислены 1.118 рублей, 17 алтынов и 5 денег остатков от кормовых денег, а также 1.453 рубля, привезенные посольством Г.К.Волконского обратно из Крыма. От предыдущего года в казне Посольского приказа осталось 1.870 рублей и 6 денег. Всего, следовательно, в приходной части бюджета Посольского приказа за 1614/15 г. числилось 57.401 рубль, 20 алтынов и 3 деньги. Приходная часть бюджета превысила расходную на 3.801 рубль, 25 алтынов и 2 деньги¹⁰³. Следовательно, Посольский приказ в начале XVII в. распоряжался довольно крупными денежными суммами (более 50.000 рублей в год); за вычетом расходов, в казне дипломатического ведомства к концу года оставались значительные средства.

Рассматривая финансовую сторону деятельности Посольского приказа, следует учитывать и тот факт, что судье дипломатического ведомства в начале XVII в. практически постоянно был подчинен один или более других приказов. При этом соподчиненные приказы работали в тесном взаимодействии друг с другом, хотя полного слияния или подчинения одного ведомства другому не происходило. В этом отношении интересна сохранившаяся в составе персидского столбца 1616 г. память из Казанского дворца от думного дьяка Петра Третьякова в Посольский приказ к дьяку Савве Романчукову: «Лета 7124-го февраля в 8 день по государеву... указу память диаку Саве Романчукову. В приказ Казанского дворца к диаком к думному к Петру Третьякову да к Петру Микулину с товарищи в памяти за твоею, Савиною, приписью написано: велено выписать... да та выписка велено прислати в Посольской приказ»¹⁰⁴. В другом столбце имеется текст памяти из Посольского приказа в приказ

Казанского дворца к Петру Третьякову¹⁰⁵. Тексты памятей свидетельствуют о том, что слияния двух ведомств, подчиненных одному дьяку, не произошло: Савва Романчуков по вопросу, находившемуся в ведении Казанского дворца, вполне мог бы просто обратиться к руководителю этого ведомства и своему непосредственному начальнику — думному посольскому дьяку Петру Третьякову. Однако, вместо этого, Романчукову приходилось вести переписку с Казанским дворцом по устоявшимся правилам.

Тем не менее, есть некоторые указания на то, что в отдельных случаях приказы, подчиненные одному судье, действовали «в режиме слияния», причем именно по финансовым вопросам. Так, весной 1615 г., царь распорядился передать в Разрядный приказ из Устюжской чети, которой руководил П.А.Третьяков, 2.250 рублей. Однако большая часть указанной суммы была выдана не в Устюжской чети, а в Посольском приказе, подчиненном Третьякову. Об этом свидетельствует помета на обороте памяти о выдаче денег: «По сей памяти Ивашко Грязев взял у Ивана Зиновьева тысячу триста рублей... Да у Онтона Подольского семьсот пятьдесят шесть рублей»¹⁰⁶. Зиновьев и Подольский были подьячими Посольского приказа. Другой пример сотрудничества двух подчиненных одному лицу приказов можно найти в деле по челобитной подьячих Посольского приказа 1620 года, просивших выплатить им «праздничные деньги». В деле были приведены примеры денежных выдач подьячим с сентября 1618 г., а затем помещена запись: «А что преж 127-го году Посольского приказу подьячим для государева ангела и по празником давано государева жалованья для бедности в приказ при думном дьяке при Петре Третьякове, и тому в Посольском приказе записки нет, потому что давано из Устюжской чети»¹⁰⁷. Следовательно, «праздничные деньги» выдавались подьячим Посольского приказа из подчиненной судье этого ведомства Устюжской чети, причем в дипломатическом ведомстве в этих случаях не находили нужным документально фиксировать эти выдачи. Записи о выдаче «праздничных денег» стали вести лишь в 1618 г., после смерти Петра Третьякова, когда Устюжская четь вышла из-под контроля посольских дьяков. Таким образом, можно сделать следующий вывод: в начале XVII в. Посольский приказ еще не сливался с другими ведомствами, подчиненными его судьям, однако в финансовой сфере тенденция к слиянию соподчиненных ведомств уже наблюдалась.

Для проведения продуманной внешнеполитической линии Посольскому приказу необходимо было обладать информацией о взаимоотношениях между зарубежными державами, важнейших событиях, происходивших при иностранных дворах. Вопрос о степени

осведомленности российского дипломатического ведомства об основных происшествиях в жизни зарубежных стран в начале XVII в. остается спорным. В работах М.А.Алпатов (на материалах статейных списков второй половины XVII в.) и Н.М.Рогожина (по документации Посольского приказа XVI в.) было показано, что Посольский приказ обладал всей необходимой информацией о международной жизни¹⁰⁸. Однако, в историографии порой можно встретить и строго противоположные выводы. Так, Ю.Н.Достовалов в своей статье сделал вывод, согласно которому «отсутствие постоянных миссий за границей отражалось на деятельности русской дипломатии, слабо осведомленной в иностранной политике»¹⁰⁹. В настоящем разделе будут проанализированы источники информации, поступавшей в дипломатическое ведомство в начале XVII столетия, уровень осведомленности Посольского приказа о событиях за рубежом, степень достоверности получаемой информации.

Прежде всего следует выявить источники знаний служащих Посольского приказа о международных отношениях и главных происшествиях за рубежом. Анализ материалов делопроизводства российского дипломатического ведомства начала XVII столетия показывает, что достаточно целостная картина основных происшествий в зарубежных державах складывалась в Посольском приказе из сведений, почерпнутых из самых разнообразных источников.

Текущая информация о событиях в сопредельных странах поступала от лазутчиков, посылаемых за рубеж воеводами пограничных городов. Практика отправления за границу разведчиков была к началу XVII столетия вполне устоявшейся, традиционной. Так, в 1606 г. смоленские воеводы в своей отписке в Москву упоминали, что им было предписано «послати... в литовские порубежные места лазутчиков тайно по прежнему обычею»¹¹⁰. Деньги на оплату услуг лазутчиков были специально включены в смету расходов при подготовке в конце 1615 г. русского посольства на переговоры со шведскими дипломатами¹¹¹. Некоторую информацию удавалось получить от иностранцев, оказывавшихся в Российском государстве. Не всегда иностранцы подвергались прямым расспросам — часто сведения у них приходилось выведывать. Иностранные купцы также рассказывали о событиях за рубежом. Так, летом 1614 г. в Посольском приказе расспрашивали персидских купцов, от которых удалось узнать о взаимоотношениях Персии с сопредельными азиатскими державами¹¹². Одним из источников информации были допросы пленных. Так, в конце 1615 г. русские послы под Смоленском допрашивали немца, взятого «языком»¹¹³. Немало сведений приносили и перебежчики, переходившие на российскую службу: воеводы городов, куда приходили перебежчики, в обязательном

порядке расспрашивали их, а «расспросные речи» пересылали в Посольский приказ¹¹⁴. В годы Смуты в Посольском приказе активно пользовались и таким источником информации, как перехваченные письма иностранцев. Подобные послания доставлялись в дипломатическое ведомство, переводились и в дальнейшем хранились в архиве приказа (до настоящего времени, в частности, сохранилось большое количество «перенятых» шведских писем)¹¹⁵. Ценные сведения удавалось получить и от осведомителей, продолжавших жить на оккупированных неприятелем территориях. Так, старорусский подьячий Ф. Витовтов в челобитной на имя царя сообщал, что не раз посылал русским послам информацию о событиях, происходивших в контролируемых шведами городах «и в тайне от свийских послов к твоим государевым послом ночью приезжал»¹¹⁶. Информация поступала также и от выходцев из плена: так, в марте 1614 г. в Посольском приказе дьяк Петр Третьяков расспрашивал вышедших из турецкого плена людей об их проезде через земли Империи, о миссии находившегося там посланника С.Ушакова, о внутренней ситуации в Польше¹¹⁷. Некоторые сведения в Москве получали от иностранных дипломатов, присланных с официальными миссиями в российскую столицу, а также от послов, следовавших в другие государства через земли Московского государства. К иностранным дипломатам направляли приставов, в обязанности которых, помимо обеспечения посольства всем необходимым, входило «проведывание вестей»; для приставов составлялись особые памяти, в которых содержался перечень вопросов, которые следовало задать иностранцам. По прибытии в Москву, иностранного дипломата расспрашивали о вестях уже служащие Посольского приказа. В ряде случаев зарубежные дипломаты сами предлагали свои услуги информаторов. Так, в январе 1615 г. голландский посланник И.Масса заявил в Посольском приказе: «только будет государь изволит послати своих государевых послов или посланников к папе римскому, и к королю испанскому, и ко францовскому, и он государю служить рад, подлинно все расскажет, как в котором государстве чин ведетца, и чего в котором государстве от Московского государства хотят»¹¹⁸.

Пожалуй, главным источником сведений по интересующим руководством страны и приказа вопросам были данные, полученные за границей русскими дипломатами. Отправляя за рубеж своего представителя, Посольский приказ снабжал его наказом. К наказу непременно примыкала особая «память», в которой содержались вопросы о взаимоотношениях между зарубежными странами. Ответы на эти вопросы российские дипломаты должны были «проведывать всякими мерами», записывать в особые «вестовые списки», которые

затем передавались в Посольский приказ¹¹⁹. Оказавшись за рубежом, посланники и гонцы приступали к сбору информации, источником которой были личные наблюдения и результаты разговоров с иностранцами. Одним из способов получения сведений был подкуп: в наказе русским послам в Швецию было записано: «о том о всем всякими мерами проведывати накрепко, хотя будет от того какой подарок дать, только б однолично про то про все... проведать подлинно»¹²⁰. Одному из посланников, отправившемуся в 1618 г. за границу, выдали сорок соболей «на роздачу для проведыванья всяких вестей»¹²¹. Статейные и вестовые списки российских дипломатов давали наиболее подробную и систематизированную информацию о событиях за рубежом.

Материалы делопроизводства Посольского приказа позволяют сделать вывод о том, что российская дипломатическая служба была хорошо осведомлена об основных событиях, происходивших за рубежом. Наиболее важными для дипломатического ведомства были сведения о международных отношениях. Информация подобного характера преобладает среди «проведанных вестей». Находившиеся в 1604-1605 гг. в Грузии русские послы собрали и переслали в отписках в Посольский приказ подробные сведения о первом этапе ирано-турецкой войны, начавшейся в 1603 г.¹²² В июле 1606 г. в Посольском приказе получили информацию о заключении польско-шведского перемирия на три года. Вернувшееся в феврале 1607 г. из Польши посольство доставило сведения о заключении в ноябре 1606 г. Сиваторокского мирного договора между Империей и Турцией¹²³. В августе 1612 г. в результате расспроса англичанина, желавшего наняться на российскую службу, русские дипломаты узнали, что между Швецией и Данией шла война, причем успех сопутствовал датчанам¹²⁴. Весной 1613 г. в Посольском приказе стало известно о войне между ногайцами и калмыками¹²⁵. Летом 1613 г. из письма английского посла Дж. Меррика в Посольском приказе узнали о заключенном в том же 1613 г. при английском посредничестве датско-шведском мире¹²⁶. Летом 1616 г. в Москве получили известие о нашествии персидских войск на Грузию¹²⁷. В октябре 1616 г. в Посольский приказ поступили сведения о взятии запорожскими казаками турецкой крепости в Крыму Кафы¹²⁸. Вернувшийся в 1617 г. из Империи гонец И. Фомин доставил подробную информацию о взаимоотношениях между зарубежными державами, в том числе и о таких локальных конфликтах, как осада брауншвейгским герцогом и датским королем города Брауншвейга и война Империи с Венецией¹²⁹. В 1617 г. были получены сведения о войне между Венецией с одной стороны и Испанией и Флоренцией с другой, а также о том, что испанцы отняли у французов Ми-

лан¹³⁰. В конце 1618 г. русские послы доставили в Москву данные о возобновлении войны между Речью Посполитой и Османской империей¹³¹. Первые сведения о начавшейся в Империи Тридцатилетней войне (1618-1648 гг.) поступили в Посольский приказ уже в конце 1618 г. с отпиской возвращавшихся из Швеции послов. Из той же отписки стало известно о войне между Бременом и Ольденбургом¹³².

В Посольском приказе были хорошо осведомлены не только о важнейших событиях в международной жизни, но и главных происшествиях в отдельных странах. Через русских лазутчиков в июле 1606 г. в Посольском приказе получили информацию о начавшемся в Польше рокоше¹³³. В августе 1612 г. русские дипломаты узнали, что в Англии по-прежнему правил король Яков I, в Империи по смерти Рудольфа II на престол был возведен в том же 1612 г. Матвей Габсбург¹³⁴. Летом 1614 г., отправляя посольство в Крым, руководство Посольского приказа располагало данными о борьбе за ханский престол хана Джанибек-Гирея и царевича Шан-Гирея¹³⁵. В конце 1614 г. от вернувшихся из Дании послов в Москве узнали о планирующемся браке Людовика XIII и Анны Австрийской (заключенном в следующем, 1615 г.)¹³⁶. Гонец И.Грязев, вернувшийся в 1616 г. из Англии, привез любопытную информацию о заговоре графа Сомерсета и его сторонников, хотевших извести короля Якова и наследного принца Карла порчей¹³⁷. Много сведений доставили и послы, вернувшиеся в 1616 г. из Франции. В их статейном списке изложен порядок наследования французского престола начиная с гибели в 1559 г. короля Генриха II; подробно описаны обстоятельства убийства Генриха IV; удалось узнать о Юлих-Клевском конфликте, о современных событиях во Франции, в том числе о борьбе принца Конде в союзе с парижским парламентом против регентши Марии Медичи¹³⁸. Эти же послы получили сведения о проезде через французские земли в 1615 г. польского посла в Испанию с просьбой о помощи против Российского государства¹³⁹. Факт отправления польского дипломата в Испанию подтверждают материалы польских архивов: в 1615 г. с миссией в Мадрид ездил посол Кшиштоф Корицинский¹⁴⁰.

В начале XVII в. в Посольский приказ поступили первые сведения о некоторых европейских и азиатских странах. Вернувшиеся в 1616 г. из Франции послы сообщили данные о Швейцарии и ее жителях¹⁴¹. Интересна также информация, собранная в Посольском приказе о Китае и Монголии. От русских казаков, посетивших в 1617 г. Китай и Монголию, в Москве получили богатейшие сведения о пути в эти страны, взаимном расположении дальневосточных держав, развитии торговли, природных богатствах и промыслах,

городах, достопримечательностях (в их отчете описана, в частности, Великая китайская стена); особенно подробно описали русские путешественники религиозные системы Востока (прежде всего их обрядовую сторону)¹⁴².

Приведенная выше подборка указаний источников показывает, что Посольский приказ и московское правительство в начале XVII в. своевременно получало достаточно полную, подробную и достоверную информацию об основных событиях, происходивших за рубежом. Лишь в разгар Смутного времени, в 1608-1612 гг., когда Москва оказалась в осадном положении, приток информации стал затруднен, что объясняется не недостатками организации российской дипломатической службы, а обстоятельствами общего внутреннего кризиса Московского государства. Уже с 1613 г. Посольский приказ сумел вновь наладить обеспечение правительства сведениями, необходимыми для проведения продуманного внешнеполитического курса.

Поступившие в Посольский приказ данные обобщались, анализировались, в случае необходимости отдельные сведения подвергались проверке или более глубокой проработке. Получив в 1614 г. сведения о борьбе крымского хана с претендентом на его престол Шан-Гиреем, дипломатическое ведомство потребовало от посланника, находившегося в Крыму в 1616 г., узнать «прочен ли на Крыме Джанбек-Гирей царь и где ныне крымской Шан-Гирей царевич»¹⁴³. Осенью 1617 г. в Москве получили информацию о прибытии в Лондон испанского посла. Это обеспокоило руководство российской дипломатии, и в Англию к русским посланникам было отправлено дополнительное распоряжение — узнать, с какой целью пришел ко двору Якова I испанский посол. В наказе посланникам служащие Посольского приказа высказали свои подозрения относительно возможной антирусской направленности этого визита: «а за шпанским королем цесарева сестра, а за польским королем цесарева племянница, и вера их одна — римская»¹⁴⁴. По получении первых относительно подробных сведений о Монголии и Китае в декабре 1616 г. было принято решение воздержаться от официальных контактов с этими державами, «а вперед разведывать про них еще подлинно»¹⁴⁵.

Не всегда получаемая в Посольском приказе информация была достоверной. Например, не подтвердились сведения, полученные в 1615 г. от выходцев из польских земель о смерти короля Сигизмунда III или королевича Владислава¹⁴⁶. Наивным было истолкование российскими дипломатами причины начала Тридцатилетней войны: русские послы сообщили, что германские князья выступили против императора из-за того, что он оказывал помощь польскому

королю в его войне с Московским государством. К чести российского дипломатического ведомства следует сказать, что эти сведения вызвали в приказе серьезные сомнения, и было принято решение проверить информацию о причине начала войны в Германии¹⁴⁷. Случаи поступления в Посольский приказ непроверенной и недостоверной информации были довольно редкими.

Стремясь получать максимально полные сведения о жизни за рубежом, Посольский приказ одновременно заботился о том, чтобы за границей получали как можно меньше данных о внутреннем положении в Московском государстве. От иностранцев старались скрыть и имевшуюся в распоряжении приказа информацию о зарубежных странах. Постоянным требованием к приставам при иностранных дипломатах было следить, чтобы к их подопечному «русские и литовские люди и иные никакие иноземцы не приходили... и не разговаривали с ним ни о чем»¹⁴⁸. Поскольку полностью изолировать иностранцев было невозможно, общение зарубежных дипломатов с русскими людьми и иноземцами старались свести к минимуму и поставить его под контроль Посольского приказа. Вести долгие беседы с дипломатами позволялось лишь приставам, которые были снабжены подробнейшими наказами; в наказах были приведены ответы на возможные вопросы послов, отмечены темы, которые следовало обходить молчанием. Сведения, передаваемые приставами иностранцам рисовали внутреннюю и внешнеполитическую ситуацию в исключительно выгодном для Московского государства свете, что нередко было далеко от действительности. Посольский приказ заботился и о том, чтобы иностранные дипломаты не могли видеть других посланников без особого разрешения. Так, например, в 1618 г. приставам пришлось везти шведских гонцов в Москву окольными дорогами, чтобы избежать встречи с отпущенными из столицы шведскими же послами¹⁴⁹.

Лица, вступавшие, хотя бы и невольно, в контакт с иностранными дипломатами, подвергались арестам и наказаниям. В начале 1614 г. в Посольском приказе получили челобитную персидского посла, написанную по его просьбе нижегородским площадным подьячим А. Зиновьевым. В ответ посольские дьяки отправили воеводам следующее распоряжение: «и вы б того подьячего Олешку велели попытати слехка, то ему и в поученья место»¹⁵⁰. Приставы, охранявшие иностранных дипломатов, имели обыкновенно следующее предписание: «А какой человек ко двору придет и с посланники или с их людьми учнет говорить, и тех, имая, отсылати в Посольской приказ»¹⁵¹.

Отправляя за рубеж своих представителей, Посольский приказ также заботился о сведении утечки информации к минимуму. Рус-

ские дипломаты, согласно своим наказам, должны были скрывать неблагоприятную для державы информацию и искажать имевшиеся в Посольском приказе сведения в интересах государства. Так, чрезвычайно интересны сведения о Китае, которые должны были передать в 1617 г. русские послы англичанам. Английская Московская торговая компания добивалась разрешения ездить через русские земли в страны Азии, в том числе и в Китай, московское же правительство такого права предоставлять иностранным торговцам не желало. По этой причине русские послы должны были заявить: «Да и про Китайское государство сказывают, что невеликое и небогатое, добиватца к нему дороги нечего... А золота де и иных никаких узорочей в Китайском государстве не родитца и не ведетца, и потому знать, что государство невеликое»¹⁵². Помимо обычного пути дезинформирования соседей через русских дипломатов, Посольский приказ использовал и другие каналы. Так, в 1615 г., во время пребывания в Москве новгородского посольства, удалось перевербовать некоторых членов миссии. Они должны были, вернувшись в Новгород, распространять сведения, изображавшие положение московского правительства в наилучшем свете: «Да на отпуске ж в Посольском приказе дан дворяном Якову Боборыкину да Матвею Муравьеву наодине без архимарита и без посадских людей востовой список, а велено им про Московское государство розсказывати немцом и всяким людем вести против сего списка»¹⁵³. За распространение неблагоприятной для Московского государства информации следовало наказание. Так, в 1616 г., узнав от вернувшихся из Голландии русских послов о том, что один голландский купец «говорил про Московское государство непригожие слова», посольские дьяки распорядились арестовать этого купца в Архангельске и доставить его в Москву¹⁵⁴.

Условия, в которых Посольскому приказу в начале XVII в. приходилось осуществлять дипломатическую деятельность, были чрезвычайно сложными. Контакты с соседними государствами были затруднены действиями повстанцев и неприятельских войск; ситуация усугублялась тем, что силы, боровшиеся с московским правительством, стремились проводить свою особую внешнюю политику, противоположную дипломатическому курсу Посольского приказа. Гибель некоторых служащих дипломатического ведомства, частые смены посольских судей при переходе трона к новому государю также неблагоприятно сказывались на результатах деятельности Посольского приказа.

Одним из главных факторов, затруднявших работу дипломатического ведомства, были действия мятежников и оккупантов, перхватывавших и уничтожавших посольства, следовавшие из столицы

за рубеж или возвращавшиеся в Москву. Проезд через русские земли в годы Смуты стал чрезвычайно опасен. Некоторые дипломатические миссии, отправленные Посольским приказом за рубеж, были перебиты мятежниками. В 1604 г. был доставлен к Лжедмитрию I и убит посланник П.Хрушов, отправленный из Москвы на Дон; в 1606 г. восставшими астраханцами был убит посланник Т.Кашкаров, который должен был ехать с жалованьем от Василия Шуйского в Ногайскую Орду; тогда же от рук мятежников погибло посольство князя И.П.Ромодановского, отправленное в Персию; в 1607 г. было уничтожено возвращавшееся из Крыма посольство А.М.Воейкова; в 1610 г. ногайцы перебили русское посольство в Крым; в 1618 г. запорожскими казаками было захвачено посольство С.Хрушова, следовавшее в Крымское ханство¹⁵⁵. В ряде случаев, в силу изменившихся обстоятельств, дипломатическому ведомству не удавалось воспользоваться результатами своей работы: так, русско-шведские переговоры, намеченные на весну 1605 г., так и не успели начаться – после падения правительства Годуновых русские послы были отозваны от границы. Нередко, в связи с затруднительным положением Российского государства, русские послы подвергались дополнительным опасностям и унижениям. Так, в 1605 г. возвращавшееся из Грузии посольство подверглось нападению со стороны ногайских татар. Тогда же в Швеции был арестован возвращавшийся из Империи российский гонец Г.Англер, скончавшийся в шведской тюрьме. В 1616 г. в Империи, по приказу императора, в течение некоторого времени содержался под арестом российский гонец И.Фомин¹⁵⁶.

Обстоятельства времени сказывались и на сроках выполнения задач, ставившихся Посольским приказом перед дипломатами. Вследствие того, что многие традиционные пути продвижения посольств находились под контролем мятежников, дипломатическим миссиям приходилось следовать другими, более протяженными дорогами. В марте 1610 г. гонец П.Вражский был отправлен в Ногайскую Орду не по Волге, как это делалось прежде, а в обход мятежных городов, через Вологду, Вятку и Казань¹⁵⁷. Русский гонец И.Баклановский, вернувшийся из Дании и Голландии в Архангельск 11 августа 1618 г., из-за похода королевицы Владислава на Москву смог прибыть в столицу только 7 января 1619 г.¹⁵⁸

Затруднен был и проезд в Москву иностранных послов. Некоторые зарубежные миссии были перехвачены противниками московского правительства и не допущены в столицу; некоторые миссии оказались в Посольском приказе со значительным опозданием. Так, персидские посольства в Московское государство и страны Европы, оказавшись в Астрахани, попали в руки сторонников

Лжедмитрия II и были доставлены в его Тушинский лагерь. Такова была судьба послов и гонцов Али-Кули-бека, Томогас-бека, Сеит-Азима, Амир-заде, Мюгиб-бека, Амир-Али-бека, отправленных шахом Аббасом в 1605-1608 гг.¹⁵⁹ Некоторые иностранные дипломаты не решались пересечь российскую границу. Так, в самом начале Смуты, в 1605 г., отказались ехать в Москву грузинские послы; в 1618 г., в конце рассматриваемого нами периода, из Архангельска бежал, узнав о походе королевича Владислава на Москву, английский посол Д.Дикс.

Для обеспечения безопасности дипломатических миссий приходилось принимать дополнительные меры. Передвигаться по территории Российского государства русским и иностранным дипломатам предписывали осторожно и под хорошей охраной. Уже весной 1605 г., отпуская английского посла, Посольский приказ снабдил его пристава наказом: «едучи дорогою, ставитися с аглинским послом бережно в живущих селех и в деревнях, где б дворов было немало»¹⁶⁰. В октябре 1614 г. пристав, отправленный навстречу английскому послу, получил из Посольского приказа инструкцию: «в ночи б сторожи и караулы были крепкие, чтоб в дороге и на станех воровские люди, ночью искрадом пришед, над послы какова дурна не учинили»¹⁶¹. Особо следовало беречь материалы миссии. С этой целью посланников иногда снабжали подложной документацией. В 1607 г., отправляя в Крым гонца, Посольский приказ снабдил его грамотой к хану на татарском языке, которую, в случае нападения воров, предписано было «в землю вкопать, или в воду вкинуть, чтоб государев наказ и грамота царева вора не досталася». Мятежникам же следовало отдать другую, подложную грамоту¹⁶².

События Смутного времени стали причиной потери Посольским приказом части своего персонала. Так, в самом начале Смуты, в 1605 г., погиб в Швеции переводчик Г.Англер. В числе последних был убит в 1618 г. запорожцами толмач А.Ганюков. В документации Посольского приказа имеются прямые указания на потерю этим ведомством в рассматриваемый период 15-ти подьячих, толмачей и переводчиков; вполне возможно, что таковых было больше.

Работа Посольского приказа в начале XVII в. осложнялась и тем, что в годы Смуты практически все политические силы в борьбе за власть стремились наладить самостоятельные контакты с зарубежными дворами. В силу этого служащие Посольского приказа были вынуждены, разрабатывая указы для российских дипломатов, учитывать не только расстановку сил на международной арене, но и принимать контрмеры для нейтрализации внешнеполитических усилий противников московского правительства. Дипломатические структуры претендентов на престол и враждебных централь-

ному правительству движений своей активностью значительно уступали Посольскому приказу, однако их деятельность создавала серьезные препятствия для нормального функционирования российской внешнеполитической службы. Контролируя целые регионы страны, мятежники лишали Москву возможности вступить в контакт с некоторыми странами, перехватывая, как указывалось выше, российские и зарубежные посольства. Не довольствуясь этим, противники московского правительства отправляли за рубеж собственные миссии, пытаясь заручиться поддержкой и помощью иностранных держав.

Первые попытки противодействия московской дипломатии предпринял в 1604 г., готовясь к вторжению в Московское государство, а затем во время похода на столицу, Лжедмитрий I, который вел переговоры с Речью Посполитой, римской курией, донскими казаками, Ногайской Ордой и Крымским ханством¹⁶³. После воцарения Лжедмитрия I свою особую тайную дипломатию проводили члены боярской оппозиции самозванцу: бояре вступили в контакт с польским правительством¹⁶⁴. Особую внешнюю политику проводили сторонники «Тушинского вора» — Лжедмитрия II. Тушинцы вели переговоры с Ногайской Ордой, Речью Посполитой, а также пытались вступить в контакты с римской курией¹⁶⁵. Лжедмитрий III, объявившийся в марте 1611 г. в Ивангороде и признанный затем в Пскове, предпринял попытку установить дипломатические отношения со Швецией¹⁶⁶. Предпринимал попытки проводить свою внешнюю политику в качестве «московского государя» и король Речи Посполитой Сигизмунд III. Известно, что в 1612 г. он отправил на Дон и в Ногайскую Орду своего посланника¹⁶⁷. Внешнеполитическую линию, противоположную курсу столичного Посольского приказа, проводили в 1611-1612 гг. дипломатические структуры Первого и Второго ополчений: они вступили в контакты с Ногайской Ордой, Швецией и империей Габсбургов¹⁶⁸. Независимую от Москвы (но фактически подчиненную интересам Швеции) внешнюю политику в 1611-1615 гг. пытался проводить Новгород Великий. Новгородцы вели переговоры со Швецией, а затем предприняли попытку наладить связи и с московским правительством. Однако в Москве Новгород не был признан официальной стороной — контрагентом, о чем свидетельствует факт изъятия по распоряжению из Посольского приказа у новгородских послов всей дипломатической документации еще во время следования посольства в столицу¹⁶⁹. Начало русско-шведских переговоров в конце 1615 г. положило конец попыткам новгородцев проводить самостоятельную политику. Активно искали сближения с зарубежными дворами противники московского правительства И.Заруцкий и

М.Мнишек. Укрепившись в Астрахани, они попытались привлечь на свою сторону Ногайскую Орду и персидского шаха Аббаса, а также донских казаков. В январе 1615 г. шах отпустил царских дипломатов, а вместе с ними отправил в Москву и астраханское посольство, официально признав, таким образом, своим единственным дипломатическим партнером в Российском государстве московское правительство¹⁷⁰. Следовательно, лишь к 1615 г. Посольский приказ вернул себе «монополию» в деле определения дипломатического курса Московского государства: страна вновь приобрела внешнеполитическое единство.

Осложняло работу центрального дипломатического ведомства и то, что зарубежные державы и территориальные образования в различные периоды предпочитали вступать в контакт не с московским государем, а с его противниками. Первый подобный случай имел место еще во время пребывания Лжедмитрия I в Польше, 25 августа 1604 г., когда к самозванцу было прислано посольство донских казаков¹⁷¹. В дальнейшем попытки вступить в переговоры с противниками московского правительства предпринимались зарубежными государями регулярно. Активно искало контактов с соперниками московских царей шведское правительство. В 1605-1612 гг. шведские короли пытались вступить в переговоры с тремя Лжедмитриями, а также с Первым и Вторым ополчениями¹⁷². С противниками московского правительства поддерживал контакты и персидский шах Аббас I. Отправляя в 1607-1608 гг. в Москву своих послов и гонцов, он снабжал их грамотами, в которых не указывалось имя царя, а приводился лишь титул «московского государя и белого царя», который одинаково мог быть применен как к Василию Шуйскому, так и к Лжедмитрию II. Позднее, когда кризис Московского государства достиг своей кульминации, шах поддерживал отношения с отложившейся от Москвы Астраханью¹⁷³. Отправляли свои миссии к противникам московского правительства и другие державы. Непосредственно в тушинский лагерь самозванца было отправлено в декабре 1609 г. посольство от короля Сигизмунда III. К самому королю Сигизмунду, во время осады им Смоленска (вероятно — в конце 1610 — первой половине 1611 гг.), прибыли для переговоров голландские послы, обратившиеся к нему как к московскому государю, испрашивая у него разрешения ходить через русские земли в Персию¹⁷⁴. С Заруцким и Мариной Мнишек в 1613-1614 гг. поддерживал контакты ногайский князь Иштерек¹⁷⁵.

Таким образом, можно констатировать, что в течение 1604-1615 гг. практически все российские политические силы, оппозиционные московскому правительству, пытались проводить свою собственную внешнюю политику. С этой целью ими были отправ-

лены дипломатические миссии в Польшу, Швецию, Крымское ханство, империю Габсбургов, Персию, Ногайскую Орду, к донским казакам (т.е. практически ко всем основным дипломатическим партнерам Московского государства). В свою очередь, преследуя собственные интересы, правящие круги зарубежных стран и территориальных образований вступали в переговоры с противниками центрального московского правительства: в 1604-1614 гг. свои миссии к претендентам на престол, отложившимся окраинным регионам, ополченцам присылали Речь Посполитая, Швеция, Голландия, Персия, Ногайская Орда, донские казаки, что значительно осложняло работу Посольского приказа.

Завершая обзор деятельности Посольского приказа в начале XVII в., можно отметить, что несмотря на предельно тяжелые условия работы дипломатического ведомства, оно продолжало работать в достаточно напряженном ритме. Эффективная, поставленная на высоком профессиональном уровне деятельность Посольского приказа во многом способствовала преодолению Московским государством одного из тяжелейших кризисов в его истории – Смутного времени.

Глава 2.

РУКОВОДСТВО ПОСОЛЬСКОГО ПРИКАЗА В НАЧАЛЕ XVII СТОЛЕТИЯ

Основной персонал Посольского приказа в XVI-XVII вв. составляли дьяки и подьячие. Общее руководство внешнеполитическими делами и деятельностью Посольского приказа осуществляли приказные судьи, имевшие в конце XVI — начале XVII в. чин думных дьяков (за исключением 1618-1619 гг., когда дипломатическое ведомство возглавлял дьяк), и их заместители — вторые посольские дьяки. Специфика рассматриваемого периода истории Посольского приказа состоит в том, что именно в начале XVII в. в системе руководства этим ведомством произошли некоторые структурные изменения, в дальнейшем утвердившиеся и ставшие нормой. С начала XVII столетия рядом с судьей Посольского приказа оказывается его официальный заместитель — второй посольский дьяк (в первое десятилетие века — эпизодически, с 1612 г. — постоянно).

Руководители Посольского приказа, стоявшие во главе этого ведомства в начале XVII в. были неординарными, одаренными людьми и опытными дипломатами. Условия, в которых им приходилось осуществлять государственную деятельность, обстоятельства Смутного времени, сделали жизненный путь руководителей дипломатического ведомства сложным и извилистым. В настоящей главе рассматриваются биографии дьяков Посольского приказа и анализируются их служебные обязанности, имущественное положение и социальный статус.

Раздел 1.

Думные дьяки Посольского приказа

Афанасий Иванович Власьев. К началу Смутного времени на посту главы Посольского приказа находился думный дьяк Афанасий Иванович Власьев. На настоящий момент исследователи располагают сведениями о его жизни, укладываемыми в 26-летний период (правда, с большими хронологическими разрывами). Основной объем данных относится к 1594-1606 гг. — эпохе правления Бориса Годунова и начальному этапу Смутного времени. Профессиональный дипломат (в его послужном списке — участие в пяти

посольствах, причем в трех случаях — в качестве главы миссии), А.И.Власьев пользовался доверием как царя Бориса, так и его противника и преемника Лжедмитрия, ценивших его опыт и образованность (по предположению Ю.А.Лимонова, Власьев владел латынью и немецким языком)¹.

Афанасий Иванович Власьев происходил, вероятно, из дьяческой семьи. Отцом его был, возможно, дьяк Ямского прихода Иван Власьев, упоминающийся в документах в 1579 г.² Дьяком был и родной брат Афанасия Ивановича — Богдан Власьев, служивший на рубеже XVI-XVII вв. в Галицкой и Владимирской четвертях³. Родство Афанасия и Богдана Власьевых удалось подтвердить на основании текста отрывка дела об извете на Богдана Бельского: переводчик Посольского приказа А.Андреев показывал, что «его дьяк Офонасей Власьев к брату своему к Богдану ко Власьеву на подворье посылал...»⁴. До назначения на должность судьи Посольского приказа (1601 г.) из всех посольских дьяков эпохи Смуты Афанасий Власьев имел самый длительный опыт работы в приказной системе (не менее 17 лет). Первые упоминания о его службе относятся к 1584 г., когда Афанасий Иванович был подьячим Мастерской палаты (по предположению С.Б.Веселовского)⁵. По всей видимости, вскоре он был переведен в Посольский приказ: в 1594 г., когда руководителем дипломатического ведомства являлся Василий Яковлевич Щелкалов, Афанасий Власьев числился первым по денежному жалованью и поместному окладу подьячим Посольского приказа. На тот момент его жалованье составляло 50 рублей, кроме того, он был поверстан поместьем в 500 четей⁶. Косвенным подтверждением того, что Афанасий Власьев к 1594 г. имел опыт работы в дипломатическом ведомстве, является тот факт, что в феврале (по другим данным — в апреле) 1595 г. он был отправлен в составе посольства в Империю ко двору Рудольфа II, причем А.И.Власьев был одним из руководителей этой миссии и именовался дьяком. Интересно, что в состав посольства Афанасий Иванович был включен еще будучи подьячим: в разрядной книге сохранилась запись о том, что «послал государь к цысарю хрестьянскому к Рудельфу... в дьячье место подьячево Офонася Власьева — а как он пришел ис Цысар, и государь ево пожаловал во дьяки»⁷. Отправляясь в посольство, Афанасий Власьев получил «на подмогу» 100 рублей. Перед послами М.И.Вельяминовым и А.И.Власьевым были поставлены непростые задачи: побудить империю Габсбургов к вступлению в войну против Турции, убедить императора в поддержке Московского государства, но при этом добиться того, чтобы участие Москвы в «антитурецкой коалиции» было ограничено финансовой помощью Рудольфа II. В качестве этой «подмоги» из Москвы с послами были

отправлены меха, оцененные пражскими купцами в 400.000 рублей (причем некоторые меха, по причине их дороговизны, так и не были оценены). В ноябре 1595 г. российские дипломаты возвратились в Москву⁸, не сумев достичь поставленных перед ними целей, но позднее, в 1614 г., в грамоте, отправленной к императору Матвею с гонцом Иваном Фоминым, московское правительство напоминало о том, как царь Федор Иванович оказал «цесарю» помощь «казною»⁹.

Неудача миссии 1595 г. не оказала отрицательного влияния на дальнейшую карьеру Афанасия Власьева — ему официально был пожалован дьяческий чин, а в апреле 1596 г. он упоминается в качестве дьяка приказа Казанского и Мещерского дворца. 19 сентября 1597 г. А.И.Власьев являлся еще дьяком, а спустя полгода, 25 мая 1598 г., уже имел чин думного дьяка¹⁰ (можно предположить, что думный чин был пожалован Власьеву в связи с избранием на престол Бориса Годунова).

Несмотря на то, что вплоть до 1603 г. А.И.Власьев числился думным дьяком приказа Казанского и Мещерского дворца, его руководство этим ведомством временами, по-видимому, носило номинальный характер в связи с тем, что, будучи опытным дипломатом, он периодически привлекался к работе на внешнеполитическом поприще. Так, 19 июля 1597 г., дьяк Власьев присутствовал на дворцовом приеме императорского посла (он был в составе «первой встречи», высланной к Аврааму Бургграфу)¹¹. Аналогичное поручение Власьев выполнял в следующем, 1598 г., во время пребывания в Москве датского посольства. В мае 1598 г. Афанасий Иванович был участником похода Бориса Годунова под Серпухов¹².

Спустя год, 28 июня 1599 г., Афанасий Власьев, на этот раз как глава посольства, вновь отправился в Империю. Официальной задачей Власьева являлось извещение императора Рудольфа о воцарении Бориса Годунова. Истинной целью его миссии было добиться того, чтобы Империя объявила войну Речи Посполитой, с которой у Московского государства в то время вновь обострились отношения. Б.Н.Флоря в своей работе, посвященной истории этого посольства, показал, что при постановке задачи руководство Посольского приказа следовало прежним представлениям об империи Габсбургов как о естественном союзнике против Польши. Однако в 1599 г. внешнеполитическая ситуация кардинально изменилась: польский король Сигизмунд III стал проводить дипломатический курс на сближение и союз со Священной Римской империей¹³. Вследствие этого миссия А.И.Власьева окончилась провалом. Не удалось ему выполнить и другое тайное поручение царя Бориса: достигнуть договоренности о заключении брака эрцгерцога Макси-

милиана с Ксенией Годуновой. Помимо посольства при императорском дворе, Афанасий Иванович посетил также вольные северогерманские города. В Гамбурге, через который проезжало российская миссия, Власьева встретили с большим почетом — позднее, в грамоте 1614 г. власти этого города напоминали царю Михаилу: «был в нашем городе тому тринадцать лет посол с Москвы Офонасей Иванович Власьев, и мы ему для Московского государства и для государя, которой в те поры был на государстве, великую почесть воздали»¹⁴. Почетный прием московского посольства в этом вольном городе объясняется заинтересованностью городских властей в торговле с Российским государством. В мае 1600 г. посольство Власьева было отпущено из Германии и прибыло в Москву 29 июля того же года¹⁵.

Несмотря на неудачу миссии 1599-1600 гг., дьяк Власьев продолжил продвижение по служебной лестнице: по предположению С.А.Белокурова, по возвращении в 1600 г. в столицу, он был назначен вторым посольским дьяком, поскольку он упоминается как посольский дьяк 17 января 1601 г., еще до опалы Василия Щелкалова¹⁶. Версия о назначении Афанасия Ивановича заместителем судьи Посольского приказа подтверждается тем, что он вместе с В.Я.Щелкаловым входил в ответную комиссию на переговорах с иностранным дипломатом. В 1600/01 г. в Москву прибыл английский посол Ричард Ли. В документации Посольского приказа было отмечено, что «в ответ высылал государь к послу боярина Ивана Василевича Годунова, ...окольничей Михайло Глебов Салтыков..., печатник и посольской дьяк Василей Щелкалов, думной дьяк Офонасей Власьев»¹⁷. Вместе с Щелкаловым Власьев участвовал в 1600-1601 гг. в переговорах с польским послом Львом Сапегой, а затем, в феврале 1601 г. — с шведским послом Юрием Клаусовым¹⁸.

Спустя год по возвращении из Германии, в 1601 г., Афанасий Иванович Власьев был поставлен во главе Посольского приказа. Назначение его на этот пост было связано с опалой прежнего судьи приказа — Василия Яковлевича Щелкалова, руководившего внешней политикой Московского государства с 1594 г. Это событие произошло, по всей видимости, весной 1601 г. — в конце наказа послам И.Ржевскому и П.Дмитриеву, отправленным в Данию в мае 1601 г., стоит подпись Афанасия Власьева¹⁹. Уже в качестве главы дипломатического ведомства А.И.Власьев принимал 28 мая 1601 г. в Посольском приказе датского гонца Нильса Ириксона. 21 июня 1601 г. дьяк Власьев расспрашивал гонца у себя в приказе и в тот же день присутствовал на данной ему аудиенции²⁰. В качестве главы дипломатического ведомства Власьев продолжал переговоры со шведским послом Юрием Клаусовым — позднее, в 1616 г., на пере-

говорах шведские дипломаты напоминали, что Борис Годунов, не желая подтверждать условий Тязвинского мирного договора 1595 г., «велел посольскому дьяку Офонасью Власьеву послом их отказать, и хотел послов их отпустить к себе пеших»²¹.

Вскоре после этого, в августе 1601 г., думный посольский дьяк Власьев вновь отбыл за границу — в составе посольства М.Г.Салтыкова-Морозова в Польшу. В российской дипломатической практике это был первый случай, когда за границу был отправлен глава внешнеполитического ведомства. В январе 1602 г. посольство возвратилось в Москву, добившись ратификации договора с Речью Посполитой о перемирии на 20 лет²². По всей видимости, вскоре после возвращения из Польши, Афанасий Иванович принимал датских послов Нильса Краха и Клауса Пошлиха: в выписке из датских книг и столбцов было отмечено, что послы прибыли в Москву в 7110 г. [1601/02 г.], и посольский дьяк выслал к ним сани²³ (следовательно, встреча датского посольства происходила в первые месяцы 1602 г.)

Интересно, что во время одного из посольств за границу Афанасий Власьев нанял на российскую службу капитана Жака Маржерета, опубликовавшего позднее свои «Записки» — один из интереснейших источников по истории России эпохи Смуты. Ю.А.Лимонов в статье о Маржерете предположил, что посольский дьяк нанял французского капитана в Польше, указав при этом, что найм был осуществлен в 1600 г.²⁴ Однако, в 1600 г. Афанасий Власьев не был в Польше — в том году он возвращался из Империи в Москву. Материалы делопроизводства Посольского приказа позволяют утверждать, что Жак Маржерет был нанят Афанасием Ивановичем именно во время посольства в Империю в 1599-1600 гг. (как указывали посланнику от иностранных наемников представители Второго ополчения в августе 1612 г.)²⁵

Далее в биографии Афанасия Власьева следует не вполне ясный момент. В «Описи архива Посольского приказа 1614 года» был зафиксирован «Столп 110-го [1601/02] году, отпуск к цесарю посланника Офонасья Власьева, сверху того столпа отодрано и не сыскано»²⁶. Документация этой миссии до наших дней не сохранилась. «Новый летописец» подтверждает факт пребывания Власьева в 1602 г. за рубежом (согласно этому источнику посольский дьяк в 1602 г. был с посольством в Дании): «Посылал царь Борис в Датскую землю дьяка Афанасия Власьева просить у короля датского брата его..., чтобы отпустил его в Московское государство. ...Король же Афанасия отпустил к Москве вскоре... Афанасий же пришел вскоре к Москве и возвестил про него [королевича. — Д.Л.] царю Борису. Царь же ...послал тотчас на встречу бояр Михаила

Глебова сына Салтыкова, да того же Афанасия Власьева... Они же пришли в Ивангород, и сотворили все по велению Бориса...»²⁷. Запись в Разрядной книге 1550-1636 гг. также дает основания предположить, что в 1602 г. Власьев побывал за границей — в описании приезда в Москву в 1602 г. датского королевича было указано: «А с королевичем шол государев *посланник* [курсив мой. — Д.Л.] думной диак Офонасей Иванов сын Власьев»²⁸. Следовательно, несколько независимых источников дают косвенные указания на факт поездки А.И.Власьева в 1602 г. за рубеж.

Временные рамки этого предполагаемого посольства должны быть заключены между январем 1602 г., когда А. Власьев вернулся в Москву из Польши, и июнем 1602 г., когда ему было поручено встречать датского королевича Иоганна. Однако материалы делопроизводства Посольского приказа свидетельствуют о том, что после возвращения из Польши в январе 1602 г. Афанасий Власьев до 1603 г. не покидал пределов Российского государства. Так, 28 марта 1602 г. в Посольский приказ к нему была отправлена отписка; 9 июня 1602 г. в Новгород из Москвы была отправлена грамота за приписью А.Власьева²⁹. Таким образом, указания «Описи 1614 года», Разрядной книги и «Нового летописца» на участие Афанасия Власьева в 1602 г. в посольстве за границу (в Империю или Данию) являются ошибочными.

Когда Борис Годунов получил известие о скором приезде в Московское государство датского королевича Иоганна, который должен был стать супругом Ксении Годуновой, Афанасию Ивановичу было поручено встретить принца у границы. 23 июня 1602 г. М.Г.Салтыков и А.И.Власьев выехали из столицы; 28 июня они уже были в Новгороде, а 1 июля — в Ивангороде³⁰. 11 августа 1602 г. королевич прибыл в Ивангород и был встречен посланцами Бориса Годунова. Посольскому дьяку Власьеву было поручено ознакомить датского принца с русскими обычаями³¹. С.А.Белокуров указывает, что Власьев вернулся в Москву около 18 сентября (т.е. вместе с Иоганном)³². Однако есть основания утверждать, что посольский дьяк возвратился в столицу несколько раньше. Отписка лиц, сопровождавших принца Иоганна, о событиях 20 августа 1602 г. еще была написана от имени М.Г.Салтыкова и А.И.Власьева; отписка же от 22 августа была отправлена в Москву одним Салтыковым. Афанасий Власьев покинул королевича по царскому указу, не доехав до Новгорода, и отправился к Борису Годунову, чтобы доложить ему о внешности жениха царевны³³. Посольскому дьяку было велено как можно скорее явиться к царю, который находился в это время в отъезде из Москвы — в делопроизводстве Посольского приказа сохранилась «Память думному дьяку Офонасию Власьеву,

чтоб еси ехал к государю... да к сыну его... царевичу... по приезде прямо на стан, где государей сведает, а к Москве б еси однолично не заезжал»³⁴. Таким образом, Власьев вернулся в столицу раньше королевича Иоганна (вероятно, он должен был принять участие в подготовке церемонии встречи датского принца).

Вместе с королевичем в Москву прибыл датский посол Аксель Гюленштерна, который привез с собой чертеж, в соответствии с которым датская сторона предлагала произвести размежевание русско-датской границы в Лапландии. В ответную комиссию к Гюленштерне был назначен Афанасий Власьев, который в ходе переговоров высказал свои возражения, отметив, что по чертежу, представленному датским дипломатом, к Дании отходят давние владения Московского государства, в том числе и Кольский острог. Переговоры затянулись, и 18 января 1603 г. по указу Бориса Годунова А.И.Власьев ездил на подворье к датским послам сообщить о том, что царь готов пойти на некоторые компромиссы³⁵. Параллельно Афанасию Власьеву приходилось вести переговоры и с другими дипломатами. В начале 1603 г. он принимал в Посольском приказе кабардинского мурзу Сунчалая Янглычева и посла тарковского шевкала Абрейма; посольский дьяк участвовал в аудиенции им и 24 февраля 1603 г. отпустил этих дипломатов из Москвы³⁶.

После скоропостижной смерти королевича (в октябре 1602 г.), на Афанасия Ивановича было возложено нелегкое поручение — официально известить о случившемся датского короля Христиана. В связи с этим в июле 1603 г. Власьев отправился в очередное посольство — в Копенгаген³⁷. Безусловно, весть о смерти принца Иоганна была лишь поводом для отправления посольства: со дня смерти королевича до отбытия Власьева в Данию прошло около 9-ти месяцев, а свита Иоганна была отпущена в Данию значительно раньше. Скорее, миссия Власьева была ответом на посольство А.Гюленштерны. Из более поздних документов архива Посольского приказа известно, что во время посольства Афанасий Иванович вел переговоры по вопросу, поднятому в 1602 г. в Москве — «о рубежах Лопские земли»³⁸. Согласно зарубежным источникам, думный дьяк, помимо этого, выступил от лица русского царя с очередным брачным проектом: новым женихом царевны Ксении должен был стать один из сыновей голштинского герцога или бранденбургского курфюрста. Переговоры в Копенгагене продолжались с октября 1603 г. по январь 1604 г. После этого Власьев выехал в Любек, где провел около двух месяцев, а затем отправился в обратный путь³⁹.

Документация этого посольства не сохранилась, однако по данным «Описи 1614 года» можно сделать вывод о том, что А.И.Власьев на этот раз побывал не только в Дании, но и при дво-

ре императора Рудольфа: в описи отмечены две грамоты «от Рудольфа-цесаря к царю Борису, з дьяком с Офонасьем Власьевым, во 112-м [1603/04] году», а также «грамота Максимлияна, цесарева брата римского, к царю Борису, с Офонасьем Власьевым, об ево отпуске, как он был у цесаря, писано во 112-м году»⁴⁰. Косвенным подтверждением того, что в 1603-1604 гг. Власьев был с посольством в Империи, является следующий факт. Приехавший в ноябре 1603 г. к русской границе терновский митрополит Дионисий заявил, что он прибыл «для твоего, государева, ...великого тайного дела, о чом ты, государь, ...писал и посылал к цесарю; да и листы деи к тебе, ко государю, ...от цысаря есть...»⁴¹. При этом, несмотря на важность миссии митрополита Дионисия, он получил разрешение выехать в Москву лишь в мае 1604 г., уже после возвращения Афанасия Власьева из посольства⁴². Подобная задержка иностранного посла (на полгода) до приема в столице была необычным явлением в практике Посольского приказа рубежа XVI-XVII столетий. Вероятно, в Москве хотели прежде дождаться своего посланника и узнать от него о ходе тайных переговоров (судя по словам Дионисия, речь шла о заключении союза Российского государства, Империи и Крымского ханства), а уже после выслушать императорского дипломата. Другим косвенным подтверждением факта пребывания Власьева в Империи является упоминание Петра Петрея о том, что Борис Годунов, ища помощи против самозванца, «...отправил послов к римскому императору и датскому королю»⁴³. Правда, Петрей ошибочно относит отправление этой миссии к концу 1604 г. Интересно, что аналогичная ошибка была допущена при составлении «Описи 1626 года», где упоминаются «7 тетратей, не переплетены, статейного списка, как ходил дьяк Офонасей Власьев к цысарю Христьянскому в посольстве во 113-м году декабря с 14-го числа июля по 14 число»⁴⁴. Хронология миссии, указанная в описи, безусловно, ошибочна: в декабре 1604 – июле 1605 гг. Афанасий Иванович находился в Московском государстве, что документально подтверждается материалами делопроизводства Посольского приказа. По всей вероятности, составители описи допустили ошибку в один год: речь должна идти не о 113-м, а о 112-м годе [1603/1604 г.] В это время А.И.Власьев действительно находился за границей. Вероятно, исполнив посольство при дворе датского короля, он в декабре 1603 г. (или в январе 1604 г. по зарубежным источникам – подобное расхождение в датах вполне допустимо) отправился в Империю (вольный город Любек был частью империи Габсбургов) и был принят императором Рудольфом и эрцгерцогом Максимилианом, от которых и привез в Москву грамоты. Это позволяет объяснить и странную задержку Власьева в Любеке (около

двух месяцев): посол возвращался на родину не морским путем, а по суше, и дожидаться наступления весны в данном случае не было необходимости. Не вполне ясной является последняя дата статейного списка Власьева, указанная в описи — 14 июля (он возвратился в Москву в апреле 1604 г.) Возможно, в статейный список А.Власьева были внесены также материалы, связанные с приездом имперского посланника митрополита Дионисия, переговоры с которым велись в Москве в июне — июле 1604 г.

Возвращаясь из Дании в начале 1604 г., А.Власьев узнал в Любеке, что на территории Прибалтики, через которую он намеревался проехать в пределы Московского государства, ведутся боевые действия между Польшей и Швецией. Из предосторожности дьяк Власьев оставил в Любеке запечатанную коробку с «посольским нарядом», которую городские власти обязались прислать в Ивангород морским путем в этом же году⁴⁵. Однако начавшаяся вскоре в России Смута задержала решение этого вопроса на 12 лет: коробка с «посольской рухлядью» была доставлена немецкими купцами в Архангельск лишь летом 1616 г.⁴⁶ Опасения Афанасия Ивановича не были беспочвенны: польский король Сигизмунд, поддерживавший претендента на российский престол Лжедмитрия, 15 марта 1604 г. отдал распоряжение арестовать возвращавшегося через Прибалтику посла на том основании, что последний не запросил разрешения на проезд у польских властей. Позиция большинства сенаторов и шляхты, не желавших обострения русско-польских отношений, заставила короля отказаться от этого намерения⁴⁷.

Едва вернувшись в Москву, А.И.Власьев вновь включается в работу Посольского приказа. 18 апреля 1604 г. по царской грамоте отпуску должны были доставить в Посольский приказ дьяку Власьеву. 21 апреля 1604 г. А.И.Власьев был участником аудиенции грузинскому послу Кириллу Ксантопуло и персидскому посланнику Лачин-беку⁴⁸; 23 апреля в Смоленске была получена грамота за приписью Афанасия Ивановича⁴⁹; 26 апреля приставу при греческих старцах было предписано сообщить о своем прибытии к Москве Афанасию Власьеву⁵⁰. В мае 1604 г. русским послам в Грузию М.И.Татищеву и дьяку А.Иванову был послан наказ, а также роспись посольской документации и подарков грузинским князьям «за Офонасья печатью»⁵¹. 6 мая посольский дьяк присутствовал на аудиенции, данной царем грекам, приехавшим за милостыней (ему было поручено принять у них грамоты и иконы, привезенные в подарок царю)⁵². 9 мая черниговские воеводы получили грамоту, подписанную Власьевым⁵³, 14 мая 1604 г. в Ивангород, в связи с известием о скором приезде германского посольства, была отправлена кормовая роспись за приписью Афанасия Власьева⁵⁴. 3 июня

1604 г. Власьев присутствовал на приеме имперского гонца Балсара Мерла (думному дьяку было поручено принять у гонца грамоту и сказать речь от имени Бориса Годунова)⁵⁵, 24 июня эти же функции А.И.Власьев выполнял во время приезда во дворец терновского митрополита Дионисия⁵⁶. 17 июля 1604 г. за приписью посольского дьяка Власьева была отправлена кормовая роспись в Архангельск, куда прибыло английское посольство⁵⁷ 12 сентября Афанасий Иванович принял участие в аудиенции крымскому гонцу Ян — Ахмет Челибею, 28 ноября 1604 г., 17 и 28 марта 1605 г. принимал крымских гонцов в Посольском приказе и на Казенном дворе⁵⁸. 11 октября Власьев был участником аудиенции английскому послу Томасу Смитсу⁵⁹. 10 ноября 1604 г. в Астрахань была прислана составленная Афанасием Власьевым роспись подарков ногайскому князю Иштереку и его родственникам и приближенным⁶⁰.

Иностранцы в своих письмах именовали влиятельного посольского дьяка «канцлером»⁶¹, хотя в прежние времена подобным титулом наделялись печатники — хранители государственной печати. Однако Власьев не был произведен в печатники, и эта должность оставалась «вакантной» с 1601 г., когда подвергся опале прежний печатник В.Я.Щелкалов, до 1605 г., когда этот чин был пожалован Лжедмитрием дьяку Б.Сутупову⁶². Титулование же А.И.Власьева «канцлером» со стороны иностранцев объясняется, вероятно, тем, что государственная печать, за отсутствием печатника, находилась в Посольском приказе, то есть фактически была под контролем думного посольского дьяка. Подтверждением тому, что государственная печать в годы, предшествующие Смуте, хранилась в дипломатическом ведомстве, служат слова, записанные в наказ посланному князю Г.К.Волконскому и дьяку А.Иванову, отправленным в июне 1606 г. в Польшу. Русские дипломаты должны были сказать, что Лжедмитрий забрал печати «ис приказу, где они бывают, к себе»⁶³. Позднее, в конце 1607 г., во время переговоров с польскими посланниками С.Витовским и Я.Соколинским, было сказано более определенно: «...и печатал тот Вор те грамоты у себя, взяв все печати ис Посольские полаты...»⁶⁴. Таким образом, именование А.И.Власьева «великим канцлером», с точки зрения иностранцев, было вполне обоснованным, хотя формально Афанасий Иванович и не был пожалован чином печатника.

Находясь во главе дипломатического ведомства, А.И.Власьев занимался не только о решении текущих внешнеполитических задач, но и стремился подготовить кадры для дальнейшей работы приказа. Именно во время руководства Власьева Посольским приказом за границу впервые были отправлены на обучение русские люди. Конрад Буссов сообщал, что по велению Бориса Годунова 18 детей

боярских были отправлены для изучения иностранных языков в Любек, Англию и Францию⁶⁵. Документально подтверждается факт направления на обучение четырех человек в Англию и пяти — в Любек⁶⁶. Материалы Посольского приказа показывают, что главной целью обучения было именно овладение иностранными языками. В конце 1606 г. в Любек была отправлена грамота, в которой излагалось требование царя Василия Шуйского отпустить на родину «робят русских», когда «выучат накрепко грамоте и языку»⁶⁷. В 1617 г. в Англии русскому посланнику было наказано говорить: «В прошлом в 111-м [1602/03] году ...посланы из Московского государства в Аглинскую землю для науки латынскому, и аглинскому, и иных розных неметцких языков и грамоте ...четыре человеки»⁶⁸. Очевидно, выучив за границей иностранные языки, русские дети боярские, по замыслу А.И.Власьева, должны были стать переводчиками Посольского приказа.

Контактируя с иностранцами по долгу службы, Власьев держал иноземцев и у себя в услужении. Известно, что у него служил некий Бажен Иванов (француз по национальности), которого «вывез с собою из Цесарские земли диак Офонасей Власьев». Впоследствии, в 1609 г., Б. Иванов был определен переводчиком в Посольский приказ⁶⁹. Помимо Бажена Иванова, у Афанасия Власьева был в услужении и другой иностранец — голштинiec Ганс Лакман (или Анца Матвеев). Афанасий Иванович привез его в Москву из Любека, возвращаясь в 1600 г. из посольства в Империю. По показаниям самого голштинца, «...жил он у Офонася во дворе 6 лет, и на всякие посылки в поместья и в вотчины его Офонасей надзирать над прикащиками своими для всяких дел посылал». Позднее Лакман уехал в Данию и служил переводчиком у датского короля, но в 1617 г. вновь вернулся на службу в Московское государство⁷⁰. Таким образом, Афанасий Власьев стал одним из первых представителей московской верхушки, нанимавших на службу европейцев. В отношениях со слугами посольский дьяк порой бывал жесток. Так, вышеупомянутый Ганс Лакман был вынужден бежать от своего господина после того, как тот, в ответ на просьбу отпустить его на родину, распорядился посадить слугу в «железа» и пригрозил сослать в Сибирь⁷¹.

Пользуясь доверием царя Бориса Годунова, А.И.Власьев получал от него поручения не только дипломатического характера. В 1600/01 г. он был отправлен царем к упоминавшемуся выше английскому послу Ричарду Ли «розпрашивать о тайном деле — о сватанье: хто у королевны ее королевнина родства братья, и сестры, и племянники, и племянницы... И каким обычаем о том королевна хочет радети и промышляти»: Сохранившиеся в посольской книге

сведения о переговорах А.Власьева с Р.Ли позволяют охарактеризовать Афанасия Ивановича как опытного и настойчивого дипломата. Дьяк сказал послу, «что присылал ко государю Рудельф цесарь римской, и брат его арцыкнязь Максимилиан, и Жигимонт король польской, и иные великие государи с великим прошением, чтоб государь изволил дати за кого из них дочь свою ...И он бы, посол, похотя к себе государского жалованья, о том объявил: есть ли у королевны в ее государстве или в ыных в которых государствах родства ее ближнего которых великих государей дети и братья...». Посол не желал отвечать на этот вопрос, отговариваясь тем, что об этом не было сказано в его наказе, но Власьев продолжал настаивать: «И Офонасей послу говорил о том накрепко всякими мерами, чтоб он про то объявил подлинно, не опасаясь ничего, а те его речи неизносны и скрыты будут тайно»⁷². В конечном итоге Афанасий Иванович добился решения поставленной перед ним Борисом Годуновым задачи. О высокой степени доверия царя к судье Посольского приказа свидетельствует также то, что именно через руки Власьева проходили документы, связанные со ссылкой семейства Романовых в 1601-1605 гг.⁷³ В 1601 г. братья Власьевы приняли активное участие в следственном деле над Богданом Бельским⁷⁴ Конрад Буссов указывает, что А.И.Власьеву Борис Годунов летом 1604 г. тайно поручил узнать о значении появившейся в небе кометы от выписанного из Лифляндии астролога⁷⁵. Свидетельством того, что Власьев относился к числу доверенных лиц царя Бориса Федоровича, является следующий факт: когда приехавший из Империи терновский митрополит Дионисий заявил, что он уполномочен императором Рудольфом говорить «о великих тайных делах», на переговоры к нему 26 июня 1604 г. были высланы Ф.И.Мстиславский, Д.И.Шуйский (самые родовитые люди в Боярской Думе), С.В.Годунов, С.Н.Годунов (родственники царя) и посольский дьяк А.И. Власьев⁷⁶.

На государевой службе постепенно укреплялось имущественное положение Афанасия Ивановича: в 1594 г. его поместный оклад равнялся 500 четям земли; спустя десять лет, в 1604 г., размеры его земельных владений выросли до 900 четей (судя по тому, что осенью этого года он должен был выставить в поход против самозванца девять человек)⁷⁷. В документах упоминается также купленная вотчина жены А.И.Власьева, находившаяся в Боровском уезде⁷⁸.

Участия в походе против «расстриги» Власьев не принял: выше упоминалось, что осенью 1604 г. он оставался в Москве, занимаясь дипломатическими делами. Однако, Афанасию Ивановичу все же пришлось совершить поездку в Северские земли. Произошло это, по-видимому, в конце февраля – начале марта 1605 г. В описании поездки в Москву английского посла Томаса Смита было написа-

но, что дипломат в середине февраля 1605 г. отправил к Власьеву письмо с просьбой об отпуске, причем автор записей отметил, что посольский дьяк через два дня после этого должен был отбыть к месту военных действий «с весьма важным поручением». Вскоре по возвращении Власьева в столицу, английскому послу была дана аудиенция⁷⁹. Дело о пребывании при дворе Бориса Годунова посольства Т.Смита сохранилось до наших дней, и в нем действительно указано, что английский посол обращался к Власьеву с письмом 19 февраля, а 10 марта 1605 г. Смигу была дана аудиенция⁸⁰. Следовательно, Афанасий Власьев отсутствовал в Москве в течение примерно двух недель: последней недели февраля и первой недели марта 1605 г. Цель его поездки известна — в Разрядных книгах сохранилась запись: «И бояре и воеводы тогды от Рылска отошли в Севской, и государь послал к боярам с речью, и пенять, и распрашивать, для чего от Рылска отошли, окольникового Петра Никитича Шереметева да думного дьяка Офонасия Власьева»⁸¹. Исаак Масса отмечал также, что с Власьевым была отправлена большая сумма денег для раздачи войску, кроме того, посольский дьяк вез с собой письмо короля Сигизмунда, в котором утверждалось, что Польша не оказывает никакой помощи Лжедмитрию⁸². Последний факт свидетельствует о том, что царь Борис Федорович продолжал доверять Власьеву до конца своей жизни.

Возвратившись в Москву, незадолго до смерти Бориса Годунова, Власьев продолжил переговоры с английским послом Томасом Смитом. В посольской книге было записано: «а как царь Борис велел аглинскому послу князю Томосу Смигу быти у себя на отпуске, и в те поры выслал к нему с ответом бояр Степана Васильевича Годунова, да Петра Федоровича Басманова, да окольникового князя Ивана Дмитриевича Хворостинина, да дьяка Офонасья Власьева»⁸³. Указанная аудиенция и переговоры, как указывалось выше, имели место 10 марта 1605 г.⁸⁴

После кончины (13 апреля 1605 г.) Бориса Годунова царем был провозглашен его сын, Федор Борисович, который не пользовался таким авторитетом, как его покойный отец. Тем не менее Афанасий Власьев усердно служил и царю Федору: о восшествии на престол нового государя был немедленно оповещен незадолго до того отпущенный из Москвы английский посланник Томас Смит (его грамота с поздравлением царю Федору была написана в Вологде уже 20 апреля 1605 г., через неделю после смерти Бориса Годунова)⁸⁵. По этой причине трудно поверить в справедливость слов некоторых современников, обвинявших Афанасия Ивановича в измене династии Годуновых (в частности утверждалось, что посольский дьяк еще в 1601 г., во время переговоров с польским послом Львом

Сапегой в Москве, договорился с польскими панями уничтожить Годуновых руками самозванца)⁸⁶. Косвенным доказательством непричастности Власьева к «антигодуновскому заговору» (если такой существовал в действительности) является то, что к Лжедмитрию в Тулу он отправился лишь в июне 1605 г., после свержения Федора Борисовича, в составе правительственной делегации: «А с Москвы встречали ево [Лжедмитрия. — Д.Л.] бояре князь Иван Михайлович Воротынской, да князь Ондрей Ондреевич Телетевской, да окольный Петр Никитич Шереметев, да думной дьяк Офонасей Власьев; а с ними стольники, и дворяне большии, и изо всех чинов люди»⁸⁷.

Первоначально, как и другие члены делегации, Власьев был встречен самозванцем довольно холодно, но вскоре новый царь пожаловал ему чин казначея, оставив при этом на посту главы Посольского приказа. На польский манер А.И.Власьев именовался «подскарбей надворной и секретарь великой»⁸⁸. Информация о пожаловании ему Лжедмитрием околичества, приведенная С.М.Соловьевым⁸⁹, не находит подтверждения: как в начале правления самозванца, так и накануне его гибели, Власьев именуется в материалах Посольского приказа и в разрядных записях «казначеем и посольским дьяком»⁹⁰. При дворе Лжедмитрия А.И.Власьев был одним из самых влиятельных лиц. Бургомистры города Любека в октябре 1605 г. сообщали в своем письме в Бремен, что «Афанасий Иванович, прежний канцлер, у них опять в великой милости и определен главным казначеем и канцлером»⁹¹. Один из анонимных европейских авторов, живший в 1605-1606 гг. в Москве, приписывает причину помилования князя Василия Ивановича Шуйского, организовавшего в июне 1605 г. заговор против царя Димитрия, «заступничеству канцлера Афанасия Ивановича»⁹². Усиление влияния А.И.Власьева при дворе самозванца негативно воспринималось его современниками. Отрицательную характеристику дает Афанасию Власьеву в своем «Временнике» Иван Тимофеев, писавший, что посольский дьяк служил Лжедмитрию «человекоугодно ради гнилой чести от души и сердца». Возвышение Афанасия Ивановича при «расстриге» также вызвало осуждение со стороны автора «Временника»: «участник в тайных делах его [Лжедмитрия. — Д.Л.], Афанасий не по достоинству и несправедливо принял... некоторый сан и двойное к имени прибавление чести: он [Лжедмитрий. — Д.Л.] поставил его выше всех, хранителем и распорядителем всех находящихся в кладовых царских украшений и вручил ему всю царскую казну. Его же, как видели некоторые, Самозванец назначил впоследствии и предшествующим себе, дав ему чин второго боярина, идущего с прочими перед лицом лжецаря; достойные высшего звания тайно и злобно завидовали чрезмерному, постоян-

но оказываемому ему возвышению»⁹³. Голландец Исаак Масса, напротив, охарактеризовал Афанасия Власьева положительно, отметив, что посольский дьяк — «человек разумный, несколько раз бывавший посланником при дворе римского императора, ибо был образован и умел хорошо говорить»⁹⁴.

Как и при Борисе Годунове, в первые месяцы правления царя Дмитрия Ивановича Афанасий Власьев активно работал на дипломатическом поприще: 8 июля 1605 г. он принимал в Посольском приказе крымских гонцов; 21 июля присутствовал на аудиенции, данной «расстригой» крымским гонцам, касимовскому царю Ураз-Магмету и шведскому королевичу Густаву; 6 августа слушал доклад пристава при крымских гонцах⁹⁵.

Вскоре царь Дмитрий доверил А.И.Власьеву ответственную миссию: 16 августа 1605 г. он был назначен главой посольства в Речь Посполитую. Афанасий Иванович должен был от лица Лжедмитрия обручиться с Мариной Мнишек и привезти ее в Москву. 5 сентября Афанасий Иванович выехал из Москвы, сопровождаемый внушительной свитой: согласно данным польских источников, с Власьевым в Польшу прибыло 230 человек при 330 лошадях⁹⁶. Спустя два месяца после отправления, 9 ноября 1605 г., миссия прибыла в польскую столицу Краков. Через пять дней, 14 ноября, король Сигизмунд дал Власьеву аудиенцию, после чего посол вел переговоры с польскими дипломатами (во главе которых стоял знакомый ему Лев Сапега). Основной темой переговоров стал вопрос о совместной борьбе Московского государства и Речи Посполитой против Османской империи: российский посол призывал к объединению усилий, чтобы «стараниями... великих государей христианство было освобождено из рук бусурман». Впрочем, окончательное решение этого вопроса посольский дьяк предлагал отложить до времени обмена великими полномочными послами⁹⁷. В процессе переговоров Афанасий Иванович высказал протест против «умаления» поляками царского титула. Позднее русские послы Г.К.Волконский и А.Иванов напоминали полякам: «И Офонасей с вами говорил о цесарском именованье, чтоб король к тому Вору велел в своих грамотах писати и в речи говорити цесарем и самодержцем»⁹⁸. Для доказательства прав Лжедмитрия на царский титул Афанасий Иванович привлек документы из архива Посольского приказа — в описях 1614 и 1626 годов было записано: «В бумаге связано 11 грамот дацково короля, писаны к царю и великому князю Федору Ивановичю всеа Русии и к царю Борису с царским именованьем, были с Офонасьем Власьевым в Литве для царского именованья, грамоты и печати все целы»⁹⁹.

Французский наемник капитан Жак Маржерет с похвалой отзывался о дипломатических способностях Власьева в связи с его поездкой в Польшу в качестве посла Лжедмитрия: «Афанасий приехал ко двору [Сигизмунда III. — Д.Л.] и провел переговоры так хорошо, что в Кракове была отпразднована свадьба, на которой присутствовал сам польский король»¹⁰⁰. 22 ноября 1605 г. произошло официальное обручение Власьева, представлявшего особу Лжедмитрия, с Мариной Мнишек. Во время церемонии Афанасий Иванович вызвал всеобщее недоумение, когда в ответ на вопрос, не обручен ли Димитрий с кем-либо, ответил: «Разве я знаю; царь ничего не поручил мне на этот счет». Лишь когда этот вопрос был задан ему вторично, Власьев ответил, что если бы государь был связан обещанием с кем-нибудь еще, то не послал бы его в Польшу. Повторяя за кардиналом латинские слова, Власьев удивил присутствовавших поляков своим правильным произношением, показав, что знаком с латынью (по польским источникам, Власьев и посольство правил на латыни)¹⁰¹. Позднее, когда обряд был совершен, посол долго отказывался танцевать с Мариной Мнишек, ставшей с этого момента его государыней, говоря, что он недостойн такой чести; когда ему нужно было взять Марину за руку, он делал это только через платок¹⁰².

Вскоре после этого, 11 декабря 1605 г., Власьеву пришлось стать участником другой свадебной церемонии: думной дьяк представлял особу своего государя на свадьбе короля Сигизмунда и австрийской принцессы Констанции. При этом А.И.Власьев сумел настоять на том, чтобы на пиру он был посажен не только выше всех других послов, но и за одним столом с Сигизмундом III¹⁰³. Поведение Власьева в Кракове позволяет охарактеризовать его как опытного политика и сторонника досконального соблюдения всех тонкостей дипломатического церемониала, не желающего ни на шаг отступить от данного ему наказа. С другой стороны, Афанасий Иванович всячески стремился продемонстрировать, что он не чужд веяниям европейской культуры. Так, например, помимо обычного корма, полагающегося русским дипломатам в Польше, думной дьяк попросил выдать ему пряности: шафран, гвоздику, имбирь¹⁰⁴. По всей видимости, Власьеву удалось произвести впечатление на поляков, которые именовали его «греком»¹⁰⁵.

После обручения Мнишеки отправились готовиться к поездке в Москву. По всей видимости, некоторое время в Самборе с ними жил и Афанасий Иванович. Известно, что находясь у сандомирского воеводы, Власьев встретился с персидским послом, возвращавшимся из Империи через земли Речи Посполитой и Московского государства в Персию. Власьев в беседе с персидским дипломатом

уведомил последнего о воцарении Димитрия Ивановича¹⁰⁶. Затем Афанасий Власьев уехал из Самбора — он должен был дожидаться Мнишек в Слониме. Однако приготовления к отъезду затянулись, и Афанасий Иванович был вынужден написать Юрию Мнишеку несколько писем с требованием выехать как можно скорее. Сохранились два послания А.И.Власьева, которые позволяют заключить, что посольский дьяк обладал определенным литературным талантом, т.к. его письма к сандомирскому воеводе написаны в весьма изысканном стиле. В частности, 15 января 1606 г., отвечая на письмо Юрия Мнишека, он пишет: «И яз, вычетчи ваш лист, не токмо что сердцем, и душою скорблю и плачу о том, что все делается не потому, как вы со мною договорились и как цесарскому величеству по вашему договору писано. И великому государю нашему... в том великая кручина, и, чаю, надо мною за то велит великую опалу свою и казнь учинити, что вы долго замешкались». В связи с этим посол требовал ехать «наспех, нигде не мешкати, и себя б ни в чем и лошадей не пожалети, поспешити наспех ехати: через стан, или как спешнее»¹⁰⁷. Сандомирский воевода, в свою очередь, раздраженный настойчивостью посла, обратился к Лжедмитрию в своем послании от 4 апреля 1606 г. с жалобой на Власьева: «Господин Афанасий, посол вашего царского величества... пишет к вашему царскому величеству, что не исполняются его домогательства, дабы мы до вашего царского величества как наискорее поспешали. Но и мы жалуемся... на него, понуждающего нас перелетать к вашему царскому величеству, несмотря, что сие и для женского пола несносно, и для меня, в рассуждении тяжкой моей болезни, тягостно»¹⁰⁸. Самозванец, также раздосадованный долгим отсутствием невесты, опалился на Афанасия Ивановича, однако тому удалось оправдаться — в Описи 1626 года была зафиксирована «отписка к Розстриге из Литвы от дьяка Офанасья Власьева против ево Ростригины грамоты, что писал к нему с опалою; и под отпискою грамота, рука Ивана Грамотина, что опалу свою Розстрига дьяку Офонасью Власьеву отдал, писана во 114-м году»¹⁰⁹. Наконец, пригрозив лично отправиться за Мнишеками, Власьев сумел добиться их выезда, и в начале мая 1606 г. царская невеста была доставлена в Москву. Сам Афанасий Иванович прибыл туда несколько раньше, 24 апреля, о чем Лжедмитрий немедленно известил своего «нареченного тестя»¹¹⁰.

Вернувшись в столицу, А.И.Власьев вновь возглавил Посольский приказ (в его отсутствие им руководил думный дьяк И.Т.Грамотин), а также Казенный приказ (наряду с ним казначеем был окольный В.П.Головин). 3 мая 1606 г. он присутствовал на аудиенции, данной Лжедмитрием польским послам¹¹¹; 8 мая Влась-

ев принял участие в свадебной церемонии «царя Димитрия»: он, вместе с печатником Сутуповым, бросал золотые монеты в толпу¹¹². Во время венчания Лжедмитрия и Марины Мнишек произошел любопытный казус: входя в церковь, польский посол Н.Олесницкий снял с себя шапку. Афанасий Власьев предложил дипломату поддержать его головной убор, а когда тот согласился, посольский дьяк распорядился унести шапку из церкви, опасаясь, что посол оденет ее и этим продемонстрирует свое неуважение к царю. Когда же посол попросил вернуть свой головной убор, Власьев ответил отказом, отшучиваясь фразами вроде: «Однако в церкви теперь не студено», «солнце тебя также не освещает, и ты видишь, здесь никто на голове не имеет шапки»¹¹³. Сам факт изъятия у посла головного убора не был чем-то из ряда вон выходящим: Петр Петрей, описывая аудиенции у московских царей, отмечал, что «послы должны отдавать свои шапки служителю, пока не окончится церемония»¹¹⁴. Однако, Афанасий Иванович, вероятно, предполагал, что польский посол может ответить отказом на требование отдать головной убор, и поэтому предпочел прибегнуть к хитрости. На свадьбе Лжедмитрия и Марины Мнишек «казначей и посольский дьяк Офонасей Иванович Власьев» сидел с боярами, окольными и думными дьяками «под боярынями на лавке»¹¹⁵. В этот же день ему пришлось идти к польским послам Н.Олесницкому и А.Гонсевскому, которые в качестве условия своего присутствия на свадебном пиру потребовали, чтобы их посадили за один стол с царем. После того, как И.Т.Грамотину не удалось убедить послов отказаться от их притязаний, к ним был направлен А.И.Власьев. В ответ на напоминание послов о том, что король Сигизмунд также сажал его за один стол с собою, выше папского легата, посольский дьяк в весьма резкой форме ответил, что он в тот момент представлял царя; на счет же папского легата заявил: «У нашего преславного цесаря каждый поп как ваш папа»¹¹⁶. После свадьбы, 13 мая 1606 г., Власьев был на балу у Лжедмитрия (причем он и князь Василий Мосальский были единственными русскими людьми, приглашенными на этот праздник)¹¹⁷. Незадолго до убийства Лжедмитрия, 15 мая 1606 г., А.И.Власьев был назначен в «ответную палату» к вышеназванным польским послам, где обсуждался вопрос о совместных действиях Московского государства и Польши против Турции¹¹⁸. Согласно польским источникам, Власьев был одним из последних лиц, с кем говорил самозванец буквально перед своей гибелью, на рассвете 17 мая 1606 г.¹¹⁹

17 мая 1606 г., в ходе восстания, Лжедмитрий I был убит. Смерть самозванца практически подвела черту под карьерой А.И.Власьева. Вскоре после гибели «розстриги» Афанасий Ивано-

вич, скомпрометированный своей близостью к самозванцу, был выслан из Москвы. Еще 17 мая он приходил с утешениями к Мнишекам, взятым под охрану на Посольском дворе, а 8 июля 1606 г. они были переведены на двор Власьева, «а самого посла, вскоре по смерти Дмитрия, сослали в опале в Сибирь»¹²⁰. И.Масса указывает, что народ требовал казни Афанасия Власьева, в то время как вельможи выступали в его защиту¹²¹. По-видимому, с поста главы Посольского приказа А.И.Власьев был смещен в первые же дни по свержении Лжедмитрия: в царской грамоте в Смоленск от 13 июня 1606 г. воеводам было приказано отдать отписку «в Посольском приказе дьяку нашему Василию Телепневу»¹²². Кроме того, доказательством ранней опалы Власьева в самом начале царствования Василия Шуйского служит наказ русским посланникам в Польшу Г.К.Волконскому и А.Иванову. Текст наказа составлялся в первые дни по свержении самозванца, так как посольству было велено выехать 8 июня 1606 г.¹²³, то есть через три недели после убийства «расстриги». Тем не менее, в наказе уже содержится очень резкая характеристика бывшего посольского дьяка. В Посольском приказе было предусмотрено, что польская сторона на переговорах станет утверждать, будто польские власти были введены в заблуждение относительно самозванца, и в качестве довода будет ссылаться на миссию Афанасия Власьева, который «...посольство правил как есть от прямого государя... И грамоты пришли с тем Офонасьем за печатью государя вашего за тою ж, которою прежние государи печатали»¹²⁴. В этом случае русские посланники должны были отвечать: «А Офонасью Власьеву что было верити? Офонасей вор, разоритель вере христьянской, тому Вору советник; поехал к государю вашему, Жигимонту королю, по его воле без сенатарей ведома»¹²⁵. Надо полагать, что на момент написания посольского наказа А.И.Власьев уже был подвергнут опале.

Опала Афанасия Власьева была выражена в форме т.н. «почетной ссылки» — вместе с воеводой Н.В.Годуновым он был отправлен управлять городом Уфой. Однако высылка человека, занимавшего до этого ключевые посты в государстве в один из окраинных городов была явным признаком немилости. Кроме того, с момента ссылки в разрядных документах Власьева перестают «писать с вичем» — в «Разрядных записях за Смутное время» записано: «На Уфе: ...Офонасей Иванов сын Власьев», а в некоторых вариантах «Офонасей Власьев»¹²⁶. Поляки, находившиеся в то время в Москве, не питали иллюзий относительно характера нового назначения А.И.Власьева, заявляя, что его «сослали в опале в Сибирь»¹²⁷. Московский двор Афанасия Ивановича был конфискован (на нем содержались под охраной люди Мнишеков). Его имя ста-

рались не употреблять в разговорах с поляками. В частности, во время переговоров с польскими посланниками в конце 1607 г., русские дипломаты не упоминали Власьева в связи с русским посольством в Польшу 1601-1602 гг., обходясь формулировкой «...Салтыков с товарищи»¹²⁸. По всей видимости, активную и успешную работу Афанасия Ивановича в сфере внешней политики трудно было увязать с образом «вора и разорителя веры», создававшегося для польской стороны. Впрочем, в дипломатической документации по связям с другими государствами имя А.И.Власьева продолжает употребляться и после его опалы: уже в июле 1606 г. Посольский приказ предпринимает попытку вернуть имущество, оставленное Власьевым в Любеке на обратном пути из Дании¹²⁹. В Архангельске в 1614 г. при приездах иностранных посольств еще продолжали пользоваться кормовой росписью, присланной туда за приписью дьяка Афанасия Власьева¹³⁰.

Опала Власьева продолжалась, по всей видимости, до конца царствования Василия Шуйского. После свержения царя Василия и избрания на российский престол польского королевича Владислава (1610 г.) Афанасий Иванович бил челом о возвращении ему двора и имения. На челобитную Власьева в январе 1611 г. королем Сигизмундом был дан положительный ответ; кроме того, А.И.Власьев был пожалован в думные дворяне. В «Описи 1626 года» было записано: «Лист Офонася Власьева, велено его взять к Москве и быти ему по-прежнему в казначеях и в думных дворянех»¹³¹. Дальнейшая судьба Афанасия Ивановича Власьева, одного из самых талантливых дипломатов Московского государства рубежа XVI-XVII вв., неизвестна.

Василий Григорьевич Телепнев. После свержения Лжедмитрия во главе Посольского приказа был поставлен дьяк Василий Григорьевич Телепнев. Его биография наименее изучена. Мы обладаем сведениями лишь о последних семи годах жизни этого человека (1604-1611 гг.) Тем не менее, можно констатировать, что Василий Телепнев был человеком достаточно одаренным и не лишенным дипломатического таланта. Его карьерное продвижение к должности судьи Посольского приказа было самым стремительным для той эпохи; дипломатическим ведомством ему пришлось руководить в чрезвычайно сложных условиях внутреннего и внешнеполитического кризиса Московского государства. Заняв пост судьи Посольского приказа с воцарением Василия Шуйского, Василий Телепнев верно служил этому государю и сошел с политической арены вскоре после его свержения.

Первое упоминание о В. Телепневе относится к началу июня 1604 г., когда в Москве находился имперский гонец Б.Мерл. Подьячему Василию Телепневу было велено отнести на подворье к гонцу «опасную грамоту» для проезда в Москву императорского посла Г.Логау, вручить имперскому дипломату царское жалованье и вернуть кубки, которые тот подарил во время аудиенции царю Борису Годунову и царевичу Федору Борисовичу¹³². Характер поручения, данного Василию Телепневу, позволяет предположить, что в то время он уже являлся подьячим Посольского приказа. Второй раз подьячий В.Телепнев упоминается 14 октября 1604 г., когда он ездил на подворье к крымцам для переговоров о выкупе русских пленных, привезенных с собой крымскими гонцами. Спустя три месяца, 7 января 1605 г., он вновь отправился к гонцам: «...по приказу дьяка Офонася Власьева ездил Василей Телепнев на крымской двор для договору тех же полоняников»¹³³. Последняя цитата уже прямо свидетельствует о том, что В. Телепнев служил в подчинении у А.И.Власьева, т.е. в Посольском приказе. Интересно, что в росписи подьячих Посольского приказа, служивших в этом ведомстве при А.И.Власьеве, имя В.Г.Телепнева не названо¹³⁴. Вероятно, на момент составления росписи Телепнев был одним из молодых посольских подьячих, которые при составлении списка не были перечислены поименно. Ответственное поручение Василий Григорьевич выполнил также 19 марта 1605 г., когда был «ответной список послан к аглинскому послу ко князю Томосу Фомину с подьячим с Васильем Телепневым»¹³⁵.

Следующее упоминание о Василии Телепневе относится ко времени царствования Лжедмитрия I, когда Посольский приказ возглавлял И.Т.Грамотин, замещавший отбывшего с посольством в Польшу А.И.Власьева. Новый царь пожаловал в дьяки «старого» посольского подьячего П.Палицына, а на освободившееся место был переведен Василий Телепнев: «А как подьячему Петру Палицыну велено быть в дьяцах, и на ево место был в подьячих Василей Телепнев, а оклад ему был поместной 500 чети, денег 50 рублей»¹³⁶. Таким образом, В.Телепнев, недавно, вероятно, служивший «молодым» подьячим, сразу был переведен в «старые» подьячие с максимальным для приказной системы Московского государства начала XVII в. жалованьем. При этом он опередил в карьерном продвижении других подьячих Посольского приказа, из которых многие имели гораздо более значительный стаж работы в дипломатическом ведомстве. Кроме того, Телепнев, вероятно, стал не просто «старым» подьячим, а «первым» подьячим, поскольку П.Палицын в отсутствие А.Иванова (находившегося до ноября 1605 г. с посольством в Грузии) был первым по списку подьячим

Посольского приказа. По всей вероятности, уже в качестве первого подьячего Василий Телепнев ходил по поручению Лжедмитрия на подворье к польскому посланнику А.Гонсевскому (находившемуся в Москве в октябре 1605 г.) Позднее, в январе 1608 г., во время переговоров в Москве, Гонсевский напоминал посольскому дьяку: «А ты, государской диак Василей, приезжал ко мне на посольской двор, как я был от государя своего прислан к тому небошику [Лжедмитрию. — Д.Л.] в посланниках, и говорил ты мне, выславляя того небошика, что он прямой государь ваш, прирожденной, милостивой и храброй государь»¹³⁷.

По свержении Лжедмитрия, вскоре после воцарения Василия Шуйского, Василий Григорьевич Телепнев возглавил Посольский приказ вместо опального Афанасия Ивановича Власьева. В справочнике С.К.Богоявленского указано, что судьей Посольского приказа В.Телепнев стал 14 февраля 1606 г.¹³⁸, т.е. еще в царствование самозванца. Однако, эти сведения ошибочны: в документации Посольского приказа думным дьяком этого ведомства вплоть до возвращения из Польши А.И.Власьева именуется И.Т.Грамотин¹³⁹. Не подтверждается и информация С.Б.Веселовского, указавшего, что Телепнев возглавлял дипломатическое ведомство с 25 февраля 1607 г.¹⁴⁰ — как указывалось выше, первое упоминание о Василии Телепневе в качестве посольского дьяка относится уже к 13 июня 1606 г., когда смоленским воеводам было указано «...отписку отдати в Посольском приказе дьяку нашему Василью Телепневу»¹⁴¹. 25 июня 1606 г. к воеводам Ф.И.Шереметеву и И.Н.Салтыкову, шедшим в Астрахань, была прислана от Телепнева грамота с распоряжением забрать у посланного в Ногайскую Орду Т.Кашкарова грамоты, написанные еще от лица Лжедмитрия, и заменить их грамотами Василия Шуйского¹⁴². Посольским дьяком Телепнев именуется и в июле 1606 г. в грамоте ивангородским воеводам¹⁴³; кроме того, сохранилось пять подорожных грамот, выданных в Ямском приказе гонцам и иностранцам по памяти за приписью дьяка Василия Телепнева, датированные 5 сентября — 3 октября 1606 г.¹⁴⁴ 7-12 января 1607 г. датирована переписка посольского дьяка Василия Телепнева с руководством других приказов о содержании грузинского царевича Баграта¹⁴⁵.

Не удастся точно определить время пожалованья В.Г.Телепневу думного дьячества. С.Б. Веселовский указывает, что это произошло 14 или 15 сентября 1609 г.¹⁴⁶ Однако в источниках удастся обнаружить более ранние упоминания Телепнева в качестве думного дьяка. В «Боярском списке 7115 года» (сентябрь 1606 г. — август 1607 г.) Василий Телепнев уже назван среди «диаков думных»¹⁴⁷; думным дьяком он именуется и 22 ноября 1607 г., во время перегово-

воров с польскими послами¹⁴⁸. Установить точную дату пожалования Телепнева думным дьячеством сложно, поскольку в документации Посольского приказа думные дьяки нередко упоминаются без указания думного чина. В частности, В.Г.Телепнев в одном и том же деле 1609-1610 гг. именуется и дьяком, и думным дьяком¹⁴⁹. Можно высказать предположение, что думным дьяком Василий Телепнев стал одновременно с назначением на пост судьи Посольского приказа или вскоре после этого, так как на протяжении долгого времени (со второй половины XVI в.) глава дипломатического ведомства всегда являлся и думным дьяком. Самый большой временной разрыв между назначением судьей Посольского приказа и пожалованием думного чина в изучаемое нами время имел место в карьере П.А.Третьякова, который стал думным дьяком через 7 месяцев после того, как возглавил дипломатическое ведомство. Представляется, что Василий Телепнев был допущен в Боярскую думу быстрее, чем его коллега Третьяков, поставленный во главе посольской службы в условиях «междоусобия».

В связи со стремительным карьерным продвижением Василия Григорьевича Телепнева возникает вопрос о причинах столь быстрого назначения его на пост судьи Посольского приказа. Возможно, причиной являлась родовитость Василия Телепнева. Согласно «Общему Гербовнику», род Телепневых происходил от князей Телепневых-Оболенских. По документам, поданным в Разрядный приказ в конце XVII в., происхождение Телепневых выглядит более скромным: они производили себя от выходца из Польши Степана Телепнева, переехавшего на службу в Московское государство в XVI столетии¹⁵⁰. Так или иначе, но семья Телепневых была достаточно родовитой. Брат Василия Телепнева — Ефим — упоминается в качестве дьяка в Новгороде Великом, одном из крупнейших русских городов, уже в 1604/05-1607/08 гг.¹⁵¹ Позднее, после избрания на царство Михаила Романова, в 1615 г., обсуждался вопрос о размене пленных со шведами, находившимися в Новгороде. В первую очередь предполагалось выменять М.А.Пушкина, Д.К.Плещеева, Ф.Левашова и И.Ф.Пушкина. В том же случае, если вышеперечисленных лиц выменять не удастся, следовало выменивать четверых детей Ефима Телепнева и сына Томилы Луговского (дьяка Разрядного приказа)¹⁵². То, что Телепневых предполагали выменивать из шведского плена в числе первых, свидетельствует об определенной родовитости этого семейства. В том же 1615 г. Е.Г.Телепнев вошел в состав посольства, отправленного под Смоленск на переговоры с поляками. В документах миссии Ефим Телепнев числился дворянином, и его имя писалось выше дьяческих¹⁵³. Наконец, в 1623 г. сын Василия Телепнева — Степан — местничал с дьяком Михаилом

Ларионовым¹⁵⁴, а право вести местнические споры признавалось только за людьми «родословными». Служба представителей захудалых ветвей родовитых семейств в приказной системе не была нонсенсом для рубежа XVI-XVII столетий: в начале XVII в. в дьяках служили Палицыны¹⁵⁵; дьяки Яновы, по одной из версий, происходили из рода князей Ростовских¹⁵⁶; отпрыском знатной фамилии был, вероятно, и судья Посольского приказа П.А.Третьяков.

Во главе Посольского приказа В.Г.Телепнев находился на протяжении всего царствования Василия Шуйского. Эти четыре года были очень сложными для Московского государства: именно в то время внутренний кризис был дополнен острейшим кризисом в сфере внешней политики. Первоочередной задачей, стоявшей перед Посольским приказом, являлось оповещение соседних государств о воцарении Василия Шуйского. Кроме того, необходимо было добиться подтверждения Польшей 20-летнего перемирия, заключенного в 1602 г. С этими целями в 1606 г. отправились посольства в Речь Посполитую, Персию, Крым; в Швецию, Англию и Любек были посланы грамоты. Посольский приказ сумел частично добиться решения вышеперечисленных задач, в чем, несомненно, есть неоспоримая заслуга посольского дьяка Василия Телепнева (в частности, как глава дипломатического ведомства, в 1607-1608 гг. он принимал участие в переговорах с польскими послами, результатом чего стало подписание перемирия сроком на 3 года и 11 месяцев в июле 1608 г.)

Во время руководства Посольским приказом В.Г.Телепнева внешнеполитические связи Московского государства, как было показано в предыдущей главе, оставались довольно обширными, несмотря на кризис. Глава Посольского приказа активно участвовал во внешнеполитических делах страны. В январе — марте 1607 гг. к Телепневу в Посольский приказ отправлялись отписки от воевод из Корелы и Орешка по поводу их переписки с «державцами» шведских пограничных городов и приезда шведского гонца Б.Неймана¹⁵⁷. 22 апреля 1607 г. В.Г.Телепнев присутствовал на аудиенции, данной крымскому гонцу Хедир-Улану. Ему было поручено спросить крымских посланцев о здоровье и сказать им от царского лица речь. Затем Василий Григорьевич представил крымцам русских гонцов, которые должны были отправиться в Крым; в завершение аудиенции Телепнев вручил крымчакам «государево жалованье» — шубы — и объявил им «в стола место корм»¹⁵⁸. 29 декабря 1607 г. Василий Григорьевич на приеме калмыцких послов вновь объявлял «в стола место корм»; после вел с ними переговоры в Посольской палате; 14 февраля 1608 г. Телепнев был на новой аудиенции калмыкам, причем представлял их царю и отвечал на их челобитные

по приказу Василия Шуйского¹⁵⁹. 27 апреля 1608 г. посольский дьяк Василий Телепнев принимал в Посольском приказе ногайских послов Бай-Магмета и Ен-Магмета и ходил с докладом об их приезде к царю; 14 августа 1608 г. Телепнев присутствовал на аудиенции «прежним и новым» ногайским послам¹⁶⁰. Как указывалось выше, в то же время (с ноября 1607 г. по июль 1608 г.) судья Посольского приказа вел переговоры с польскими послами С.Витовским и Я.Соколинским¹⁶¹.

В общении с иностранными дипломатами Василий Григорьевич не всегда умел соблюдать правила посольского этикета и вел себя подчас грубо (вероятно, сказывалось отсутствие продолжительного опыта службы в Посольском приказе). В частности, в апреле 1608 г. польские послы обратились к членам ответной комиссии с жалобой на Телепнева: «...и то делалось при наших очех, что он, Василей, ...пана Миколая [Олесницкого. — *Д.Л.*] обесчестил не токмо словом, и рукою на него замахивался, и тем он обесчестил не посла — государя нашего, короля, и ему с нами в ответе быти непригож, а естли он и будет здесь з бояры, и нам с ним ни о чем не говаривать»¹⁶². Помимо участия в аудиенциях, переговорах и составлении грамот в соседние державы, Телепневу приходилось решать и более частные вопросы: так, в конце апреля 1607 г., он определял состав станицы, сопровождавшей гонцов в Крым; в то же время на допрос к нему был приведен пойманный возле Крымского двора мужик, пытавшийся продать крымским посланцам лошадь¹⁶³.

Работа Посольского приказа во время руководства им Телепнева осложнялась гражданской войной, развернувшейся в стране в 1606 г., а также интервенцией Польши и Швеции. В этих условиях некоторые посольства гибли, не дойдя до места назначения (посольство И.П.Ромодановского в Персию), или на обратном пути (посольство А.М.Воейкова в Крым). Помимо этого следует учитывать, что часть штата подьячих Посольского приказа перешла в 1608 г. на сторону «Тушинского вора» (например, первый подьячий Петр Третьяков). Дипломатическое ведомство не могло остаться в стороне от событий разгорающейся Смуты. В одном из литературных памятников начала XVII в. — «Повести о некоей брани» — указывается, что после прихода под Москву войск Лжедмитрия II дипломатическое ведомство и лично его руководитель В.Г.Телепнев приняли участие в агитации в пользу царя Василия Шуйского и сборе войск против самозванца: «И от царской благочестивой державы, от того христоролюбивого царя и самодержца Василия из его пресветлой палаты, называемой Посольским приказом, от его царской тайной думы дьяка именем Василия Телепнева, я был послан с его государевой палаты толмачом немецкого языка именем Гри-

горий Крапольский [шведский толмач Посольского приказа Г.Корокольский. — *Д.Л.*], во многие грады с царскими посланиями на собрание воинского чина, готового противостоять тем окаян-ным, названным выше врагам и разорителям христианской веры [тушинцам. — *Д.Л.*] — в Переславль-Залесский, в Ростов, в Ярославль Поволжский, в Кострому, в Галич»¹⁶⁴.

17 сентября 1608 г., когда под Москвой, в Тушино, обосновалось войско Лжедмитрия II, посольский дьяк Василий Телепнев в течение одного дня даже выступал в качестве заложника во время переговоров тушинцев со сторонниками Василия Шуйского, добивавшихся того, чтобы поляки покинули пределы Московского государства. Информация об этом сохранилась в «Записках» Станислава Немоевского: «Прислали четырех заложников, среди которых знатнейшие: Заруцкий и Лисовский. Бояре отправили тоже четверых: Андрея Голицына, Василия Сукина, Ивана Федоровича Колычева, Василия Григорьевича Телепнева». Переговоры продолжались в течение дня и закончились безрезультатно¹⁶⁵.

Дальнейшее углубление внутривнутриполитического кризиса вынудило московское правительство искать помощи извне. В начале 1609 г. был заключен русско-шведский договор, по которому Швеция в обмен на пограничный Корельский уезд обязалась поддержать Василия Шуйского в его борьбе с Лжедмитрием. Этот шаг был использован Польшей в качестве повода для начала боевых действий против России. В этих условиях Василий Телепнев продолжал верно служить Василию Шуйскому и искать новых союзников для борьбы с «ворами» и «литвой». 17 — 21 августа 1609 г. он принимал в Посольском приказе шведских наемников, приехавших в Москву за жалованьем, и участвовал в двух аудиенциях, данных им Василием Шуйским¹⁶⁶. В марте 1610 г. Посольский приказ отправил гонцов в Ногайскую Орду, стремясь добиться помощи от князя Иштерека. При этом грамота, направленная «в Ногаи» была написана от лица князя боярина Д.И.Шуйского, но автором ее был судья Посольского приказа В.Г.Телепнев. В столбцах сохранился как первый черновой вариант с многочисленными правками, написанный самим посольским дьяком, так и окончательный текст, переписанный начисто более разборчивым почерком с пометкой: «А ся грамота списана с Васильева писма Григорьевича слово в слово для того, любо вскоре прочесть почище»¹⁶⁷. Приблизительно в то же время (в начале 1610 г.) Телепнев принимал персидского посла в Польшу Томогас-бека, попавшего в Москву из «воровских таборов» после отступления сторонников второго самозванца из Тушино. Персидский дипломат писал позднее в своей челобитной: «И привели ево, Томогаса-бека, к Москве к царю Василью, и на Москве

ево посольской дьяк Василей Телепнев розпрашивал, и, розпрося, докладывал царя Василья»¹⁶⁸. В начале 1610 г., по всей вероятности, Телепнев вел также переговоры со шведскими дипломатами: в шведском столбце 1615 г. сохранилось указание на «перевод с утверженные грамоты, какову грамоту подал в Посольском приказе думному посольскому дьяку Василью Телепневу свейского короля секретарь Монс Мартынов 118-го году»¹⁶⁹. Известно также, что в сентябре 1609 г. — марте 1610 г. судья Посольского приказа занимался расследованием дела по челобитью ногайского посла Нурмагмета на толмача Н.Тютчева, который взял у ногайца саблю и не уплатил за нее денег. К следствию было привлечено 4 толмача, причем Телепнев лично расспрашивал их. 22 марта 1610 г. деньги были возвращены ногайскому послу¹⁷⁰. Занимаясь преимущественно внешнеполитическими делами, В.Г.Телепнев возглавлял одновременно и другое важнейшее ведомство — Поместный приказ (упоминается в качестве его судьи с 30 сентября 1609 г. по 4 мая 1610 г.)¹⁷¹ Следы руководства Телепнева Поместным приказом сохранились в дипломатическом ведомстве и на момент составления Описи 1626 года, в которой были отмечены поместные выписки «немногие, выписываны ...при царе Василье»¹⁷².

После свержения царя Василия Шуйского (17 июля 1610 г.) В.Г.Телепнев примкнул к боярской группировке, выступавшей за избрание на российский престол польского королевича Владислава. При приближении к Москве войска польского гетмана С.Жолкевского из столицы навстречу к нему была выслана делегация, возглавленная боярами Ф.И.Мстиславским, В.В.Голицыным и Ф.И.Шереметевым, окольным Д.И.Мезецким и думными дьяками В.Г.Телепневым и Т.И.Луговским¹⁷³. На переговорах 5 августа 1610 г. обсуждался вопрос о приглашении на престол королевича Владислава, причем Василий Телепнев зачитывал гетману условия, которые ставила российская сторона. 13 августа посольский дьяк вновь ходил к Жолкевскому и от лица московского правительства требовал перехода Владислава в православие и отступления польских войск от Смоленска¹⁷⁴. 17 августа предварительный договор об избрании Владислава московским царем был подписан. Василий Григорьевич был одним из авторов текста договора: в Польше сохранился черновой вариант этого документа, в конце которого указано, что Телепнев «приписал» к нему свою руку¹⁷⁵. Есть сведения, что Василий Телепнев был включен в состав посольства, отправленного в сентябре 1610 г. из Москвы под Смоленск к королю Сигизмунду, однако по какой-то причине остался в столице¹⁷⁶.

Сведения о дальнейшей судьбе посольского дьяка В.Г.Телепнева бедны и отрывочны. С.А.Белокуров указывает, что 28 августа 1610 г. Телепнев был упомянут в документах в качестве «канцлера», а в феврале — марте 1611 г. — думного дьяка; в конце 1610 г. он еще числился в Посольском приказе¹⁷⁷. Однако, в «Боярском списке 7119-го года» [1610/11 г.] среди думных дьяков Василий Григорьевич Телепнев не назван. Известно также, что с сентября 1610 г. печатником (канцлером) и посольским дьяком именовал себя также Иван Тарасьевич Грамотин (официальное подтверждение этих чинов он получил в ноябре 1610 г.)¹⁷⁸ Это противоречие, вероятно, объясняется тем, что в конце 1610 г. в Москве шел постепенный процесс замены правительства «семибоярщины» ставленниками короля Сигизмунда (позднее, на переговорах с поляками, русские послы скажут, что начальник польского гарнизона в Москве А.Гонсевский «старых дьяков ...всех отженул прочь, а иным ничего делать не велел»¹⁷⁹. По всей вероятности, Грамотин оттеснил Телепнева от руководства дипломатическим ведомством вскоре после вступления в Москву польского гарнизона. И.Т.Грамотин именовал себя «печатником великие монархии Московские» с сентября 1610 г., а в архиве Посольского приказа хранилась «книга записная печатным пошлинным деньгам 119-го году сентября со 18 числа по апрель месяц»¹⁸⁰, которая должна была находиться в Печатном приказе. Интересно также, что вышеназванная книга начата 18 сентября 1610 г., т.е. на другой день после ввода польских отрядов в Москву. Последнее упоминание о Василии Телепневе относится к марту 1611 г., когда по указу королевича Владислава было дано распоряжение об отправлении денег «...в Посольской приказ к печатнику и к думным диаком к Ивану Тарасьевичу Грамотину да к Василью Телепневу»¹⁸¹. Согласно этой грамоте, В.Г.Телепнев оставался в Посольском приказе в чине думного дьяка до марта 1611 г. (возможно — до антипольского восстания в Москве), но главой дипломатического ведомства являлся И.Т.Грамотин. Вероятно, в скором времени В.Г.Телепнев скончался (против версии о возможной опале думного дьяка свидетельствует то, что его родной брат Ефим не только не подвергся немилости, но оставался в Москве вплоть до ее освобождения ополченцами в качестве дьяка Денежного двора)¹⁸².

Иван Тарасьевич Грамотин. В 1610 г., после свержения Василия Шуйского, главой Посольского приказа стал Иван Тарасьевич Грамотин. И.Т.Грамотин был одним из ярчайших представителей московского дьячества начала XVII столетия. Данные источников позволяют нам проследить его жизненный путь на протяжении 44-х

лет — с 1595 г. по 1638 г. Иван Тарасьевич последовательно служил всем московским царям, а также самозванцам и претендентам на российский престол в эпоху Смуты (от Лжедмитрия I до королевича Владислава), и был вынужден некоторое время прожить в эмиграции в Польше; дважды Грамотин подвергался опале, но всякий раз умел не только восстановить свое прежнее положение, но и подняться до более высоких чинов. Беспринципность и корыстолюбие сочетались в этом человеке с редкими политическими способностями, литературным талантом и готовностью к восприятию отдельных сторон европейской культуры. Среди своих коллег — посольских дьяков — Иван Грамотин также выглядит фигурой исключительной: он трижды выезжал за границу в составе посольств, а во главе Посольского приказа его ставили пять раз (что являлось беспрецедентным случаем в истории этого ведомства). Кроме того, И.Т.Грамотин был первым после В.Я. Щелкалова руководителем внешней политики Московского государства, добившимся официального пожалования чина печатника. Из всех руководителей Посольского приказа начала XVII в. он единственный не только пережил кризис начала XVII в., но и оставался в правящих кругах еще около двух десятилетий. Все это позволяет охарактеризовать Ивана Тарасьевича Грамотина как личность незаурядную.

По наблюдениям А.П.Павлова, Иван Грамотин был одним из немногих дьяков рубежа XVI–XVII вв., происходивших из дьяческой среды¹⁸³ — его отцом был дьяк Тарас — Курбат Григорьевич Грамотин, служивший в начале 80-х гг. XVI в. в Разрядном приказе¹⁸⁴. При этом Тарас Григорьевич привлекался и к дипломатической работе: в апреле 1578 г. он был отправлен в составе посольства в Польшу; в августе — сентябре 1581 г. дьяк Курбат Григорьев вместе с думным дьяком Василием Щелкаловым расспрашивал возвратившихся из Ногайской Орды служилых татар и детей боярских¹⁸⁵. Знакомство Т.Г.Грамотина с В.Я.Щелкаловым, вероятно, оказало влияние на начальный этап карьеры Ивана Грамотина, который отправился в заграничное посольство в первый же год руководства Василия Щелкалова Посольским приказом.

Год рождения Ивана Тарасьевича неизвестен, достаточно сложно установить даже приблизительную дату. В нашем распоряжении есть лишь косвенные указания на его возраст. В 1595 г. Иван Грамотин отправился с посольством в Империю в качестве «подьячего для письма»¹⁸⁶, то есть ему было доверено ведение документации дипломатической миссии (в связи с этим имя Грамотина впервые упоминается в источниках). По всей видимости, к этому времени он уже должен был иметь некоторый опыт приказной работы. К сожалению, установить средний возраст подьячих, впервые отправ-

ляемых за границу, не удастся. Не решает проблемы и указание на то, что в 1635 г. И.Т.Грамотин ушел с поста судьи Посольского приказа «по старости»¹⁸⁷. Таким образом, вопрос о дате рождения Грамотина остается открытым.

В 1599-1600 гг. Иван Грамотин в составе посольства А.И.Власьева вновь посетил Германию (по-прежнему исполняя обязанности подьячего для письма), а по возвращении в Москву он упоминается (под именем Ивана Курбатова) в феврале – сентябре 1601 г. в качестве подьячего Новгородской четверти¹⁸⁸.

Материалы делопроизводства Посольского приказа позволяют восстановить следующий этап биографии Ивана Тарасевича, который ранее был неизвестен исследователям. В августе 1602 г. он упоминается в качестве пристава при датском королевиче Иоганне, причем уже в дьяческом чине. 23 августа 1602 г., по прибытии в Новгород, Грамотин представлял принцу местных воевод: «...а объявил их королевичю Иван Курбатов»¹⁸⁹. Позднее он вновь упоминается как пристав: «Сентября ...в 7 день на стану на Хотелове присылал к приставом ко князю Семену Кропоткину, да к Ивану Судокову, да к диаку Ивану Курбатову королевича Ягана амерал ...человека своего Анцу...»¹⁹⁰. Таким образом, в промежутке между сентябрем 1601 г. и июнем 1602 г. (когда навстречу королевичу была отправлена правительственная делегация) Иван Тарасевич был пожалован в дьяки. Возможно, своим возвышением он был обязан покровительству вернувшегося в 1602 г. из Польши нового судьи Посольского приказа Афанасия Власьева, который знал Грамотина по совместному участию в двух посольствах в Германию.

18 февраля 1603 г. И.Т.Грамотин упоминается в документах как думный дьяк Поместного приказа; на этом посту он оставался около года – последнее упоминание о его службе в Поместном приказе относится к февралю 1604 г. (к тому времени он уже не был думным дьяком)¹⁹¹. Со времени производства в думные дьяки Иван Тарасевич, ранее именовавшийся Курбатовым, получил право писаться «с вичем», и в документах с этого момента он упоминается с отцовской фамилией – Грамотин. В это же время ему впервые пришлось встать во главе дипломатического ведомства Московского государства: в отсутствие А.И.Власьева, с июля 1603 по январь 1604 гг., Грамотин исполнял обязанности судьи Посольского приказа¹⁹². Сохранились отписки, адресованные в Посольский приказ дьяку Ивану Грамотину в ноябре – декабре 1603 г.¹⁹³ Первые месяцы 1604 г. стали для Ивана Тарасевича сложным временем: от руководства внешней политикой он был отстранен еще до возвращения Власьева из Дании; Поместный приказ он покинул не позднее начала апреля¹⁹⁴; с 5 февраля по ноябрь 1604 г. не удастся найти ни

одного упоминания о нем. Возможно, И.Т.Грамотин подвергся опале, но прямые указания на это отсутствуют.

В ноябре 1604 г. Иван Тарасьевич был отправлен с войском в Северскую землю для борьбы с Лжедмитрием I и перешел на сторону самозванца. За это он получил от последнего думное дьячество: в разрядных записях было зафиксировано, что в походе самозванца от Тулы до Москвы Иван Грамотин был думным дьяком «в Розряде»¹⁹⁵. По возвращении в Москву, в июле 1605 г., Иван Тарасьевич возглавил Поместный приказ (упоминается как судья этого ведомства 20 июля)¹⁹⁶. Вскоре после этого Грамотин во второй раз был поставлен во главе Посольского приказа. Время назначения И.Т.Грамотина на должность судьи дипломатического ведомства точно определить не удастся: указанию С.Б.Веселовского, согласно которому Грамотин занимал этот пост уже в июле 1605 г., противоречат данные источников, свидетельствующих о том, что в июле, и, по меньшей мере, до 6 августа дипломатические вопросы ведал «казначей и посольской дьяк» А.И.Власьев¹⁹⁷. Наиболее раннее упоминание о руководстве И.Т.Грамотина посольскими делами при царе Димитрии Ивановиче относится к 21 августа 1605 г., когда думный дьяк присутствовал на приеме, данном боярами гонцу Ю.Мнишека Я.Бучинскому¹⁹⁸; спустя десять дней Грамотин ходил к государю с докладом о выкупе у крымских гонцов русских пленных¹⁹⁹. Это позволяет предположить, что назначение Ивана Грамотина судьей Посольского приказа, как и ранее, в 1603-1604 гг., носило характер замещения официального главы приказа А.И.Власьева, который 16 августа 1605 г. возглавил посольство в Польшу. Эту версию подтверждает также тот факт, что позднее, по возвращении этой миссии в Москву, посольским дьяком вновь именуется Афанасий Власьев²⁰⁰.

В течение недолгого правления Лжедмитрия I Грамотин оставался одним из наиболее влиятельных лиц при дворе, возглавляя российскую внешнюю политику: в октябре 1605 г. смоленские воеводы И.С.Куракин и И.П.Ромодановский получили распоряжение отправить отписку о прибытии гонцов в Польшу М.Толочанова и Я.Бучинского в Посольский приказ дьяку Ивану Грамотину²⁰¹. 4 декабря 1605 г. Иван Грамотин расспрашивал в Посольском приказе вернувшегося из Персии литовского торговца Ромашку, который состоял в свите имперского посла Стефана Какаша²⁰². 13 декабря 1605 г., на аудиенции, данной царем черкесским мурзам, Грамотин по-прежнему именуется думным посольским дьяком²⁰³. 14 и 20 января 1606 г. были отправлены две царские грамоты (соответственно в Смоленск и в Астрахань), в которых Иван Грамотин именуется посольским дьяком²⁰⁴. Не находит подтверждения

информация, приведенная С.К.Богоявленским, об отстранении И.Т.Грамотина от руководства Посольским приказом и замене его на этом посту 14 февраля 1606 г. думным дьяком В.Г.Телепневым²⁰⁵. В феврале 1606 г. (в том числе и 14 февраля), а также 19 и 22 марта 1606 г. Иван Грамотин продолжает именоваться в источниках думным дьяком Посольского приказа²⁰⁶. Иван Тарасевич работал и над составлением церемониала встречи Марины Мнишек: в Описи 1626 года была отмечена грамота, отправленная им в Смоленск из подмосковной Вяземы (где в то время жил Лжедмитрий). В грамоте было «писано о каптанах и о встрече Маринкине, и как им проводит к Москве»²⁰⁷. До конца царствования Лжедмитрия Грамотин возглавлял Поместный приказ и продолжал участвовать в дипломатических делах после возвращения из Польши А.И.Власьева. В частности, во время аудиенции Юрию Мнишкеку, думный дьяк Грамотин был в составе «третьей встречи» (наиболее почетной) отца царской невесты; 8 мая 1606 г. он присутствовал на свадьбе царя и Марины Мнишек²⁰⁸; в тот же день Иван Тарасевич был отправлен Лжедмитрием к польским послам Гонсевскому и Олесницкому с приглашением на свадебный пир²⁰⁹. 15 мая 1606 г., накануне гибели самозванца, Грамотин вместе с Власьевым был назначен в ответную палату для переговоров с польскими послами²¹⁰.

После убийства «расстриги» и воцарения Василия Шуйского И.Т. Грамотин, как и другие приближенные самозванца, был выслан из Москвы. Грамотина лишили думного чина и отправили в Псков, где ему пришлось прожить около двух лет²¹¹. В начале ноября 1606 г. Иван Тарасевич уже находился в Пскове — 2 ноября воеводы П.Шереметев, Ф.Звенигородский и дьяки И.Грамотин и А.Рубцов отправили в Москву отписку и переводы немецких грамот²¹². Действия воеводы Шереметева и дьяка Грамотина в Пскове вызвали недовольство широких слоев городского населения и окрестного крестьянства. Шереметев и Грамотин поддерживали верхушку посада в ущерб «меньшим людям», заставляли ремесленников работать на себя «безденежно». Когда города и села, расположенные недалеко от Пскова, начали присягать Лжедмитрию II, городские власти жестоко наказывали «изменников», спрашивая: «Зачем мужик крест целовал?» В то же время крестьянам деревень, отданных им в кормление, воевода и дьяк, напротив, велели присягать самозванцу, чтобы защитить от разорения источники своих доходов²¹³. О деятельности И.Т.Грамотина в псковский период сохранилось следующее свидетельство: дьяк посылал своих людей «грабить христиан и приказывал гнать их скотину в Псков; сам же выезжал из Пскова, брал многих христиан в плен, пытал их, на мзде великой отпускающе»²¹⁴. Жестокость и мздоимство воеводы

Шереметева и дьяка Грамотина стали одной из причин городского восстания 2 сентября 1608 г., в результате которого Псков присягнул Лжедмитрию II. Петр Шереметев был убит восставшими; Иван Грамотин спас свою жизнь, перейдя на сторону «чудесно спасшего» царя Димитрия».

После псковского восстания дьяк Иван Грамотин отъехал в Тушинский лагерь самозванца и вскоре стал одним из ближайших советников «Вора»²¹⁵. Самой известной акцией Грамотина в «тушинский период» была его неудачная попытка совместно с боярином М.Г.Салтыковым обманом склонить к капитуляции осажденный Я.Сапегой и А.Лисовским Троице-Сергиев монастырь в июле 1609 г., заявив, что Василий Шуйский свергнут и Москва занята войсками тушинцев: «И зовуше из града на зговор Михайло Салтыков да Иван Грамотин троицких людей и сказываху, что и Москва уже покорилася и царь Василей и з бояры у нас же в руках»²¹⁶.

Осенью 1609 г., когда Речь Посполитая начала боевые действия против Российского государства, король Сигизмунд III потребовал, чтобы поляки, служившие самозванцу, прибыли под Смоленск. Это раскололо Тушинский лагерь. В числе русских сторонников «Вора» также образовалась группировка, пожелавшая перейти на сторону короля. В их числе был и Иван Грамотин, который, по свидетельству Конрада Буссова, являлся одним из инициаторов измены Тушинскому вору: «Несколько московитских вельмож, как, например, Иван Тарасович и Михаил Глебович Салтыков, явились ...под Смоленск к королю и, как хитрые, лукавые умы, посоветовали королю, раз в России сейчас больше нет прирожденного государя, ...отправиться и попытать счастья»²¹⁷. В составе «тушинского посольства» Иван Грамотин выехал на переговоры под Смоленск. Результатом этой миссии было подписание договора 4 февраля 1610 г. об избрании русским царем королевича Владислава. Грамотин, бывший среди тушинцев одним из самых опытных дипломатов, принял активнейшее участие в разработке этого документа. Именно он на аудиенции у короля Сигизмунда говорил речь, содержащую самую суть посольства — обрисовывал политические и экономические выгоды тесного союза Московского государства и Речи Посполитой, а также излагал условия, на которых Владислав может быть избран русским царем (в частности, неприкосновенность православия и расширение прав «московского народа»)²¹⁸.

По заключении договора Иван Грамотин остался в польском лагере и стал служить Сигизмунду III «преж всех»²¹⁹. Поляки, лично знавшие дьяка в этот период его жизни, отзывались о нем с похвалой. Так, гетман Станислав Жолкевский, шедший с войском на

Москву, в письме к королю Сигизмунду от 10 (20) июля 1610 г. просил прислать для возможных переговоров с москвитями опытного дипломата — канцлера Льва Сапегу, упоминая в числе прочего, что последний «имеет такие дарования, какими Господь Бог хотел наделить его милость пана Салтыкова Старого, князя Масальского, Грамотина и других, которых Ваше королевское величество благоволите иметь у себя на виду»²²⁰.

Вскоре после свержения царя Василия Шуйского и подписания боярами договора об избрании на престол королевича Владислава, в августе 1610 г., Иван Тарасьевич прибыл в Москву, именуя себя «печатником великие монархии Московские»²²¹. Интересно, что примерно в то же время под Смоленском был составлен документ о распределении должностей в правительстве, которое должно было отстранить от власти «семибоярщину». В этом «листе на уряды» было отмечено назначение И.Т.Грамотина главой Посольского приказа, но он не был назван ни печатником, ни даже думным дьяком²²². Вероятно, этот титул Иван Тарасьевич принял самовольно, пользуясь неразберихой, царившей в Московском государстве. Позднее, в марте 1613 г., в Польшу был отправлен гонец Д.Оладын, который должен был в числе прочего заявить радным панам: «А от государя вашего Жигимонта короля в теж поры, как уж бояре с корунным гетманом крестным целованьем укрепились, приехали ис под Смоленска крестнопреступник и изменник Московскому государству Михайло Глебов сын Салтыков, да князь Василей Михайлов сын Мосалской, да дьяк Иван Грамотин, да гостиные сотни торговой детина Федька Ондронов... и учили быти по королевскому велению в Московском государстве *мимо королевские листу* [курсив мой. — Д.Л.] и гетманского укрепленья правители»²²³.

12 сентября 1610 г. из Москвы под Смоленск отправилось посольство «семибоярщины», задачей которого было договориться с польской стороной об избрании на российский престол королевича Владислава, что, по замыслу московского правительства, могло прекратить войну с Речью Посполитой. Приведенная С.Б.Веселовским информация об участии Грамотина в этом посольстве²²⁴ не подтверждается. С.Б.Веселовский, указывая на то, что И.Т.Грамотин был участником миссии, писал, что с того момента дьяк стал служить Сигизмунду III «преж всех». В данном случае, похоже, были смешаны сентябрьское посольство «семибоярщины» и январское посольство тушинцев (во время которого Грамотин присягнул Сигизмунду и Владиславу). Противоречат вышеназванному утверждению и другие факты. Еще 17 сентября Иван Тарасьевич находился в Москве, уговаривая москвичей впустить в город польский гарнизон²²⁵, посольство же было отправлено в лагерь польского короля

12 сентября²²⁶, то есть пятью днями раньше. Неучастие Грамотина в переговорах с Сигизмундом III под Смоленском подтверждается и тем фактом, что он в то время вел из Москвы переписку с канцлером Львом Сапегой: одно из его писем было отправлено в сентябре, другое точно датировано 16 декабря 1610 г. (в нем Грамотин сообщал о смерти Лжедмитрия II: «Про Калужскаго есть новины добрые, же его забито, о чем до короля, его милости, будут писать бояре»). Вышеназванные послания сами по себе представляют большой интерес, поскольку в сентябрьской грамоте содержится одно из первых прошений о земельном пожаловании, обращенных к королевским властям (Иван Грамотин ходатайствовал о наделении поместьем подьячего Никифора Спиридонова). Подобные прошения в дальнейшем могли быть использованы королем Сигизмундом как аргумент, подтверждающий его права на российский престол. Оба письма «печатника великие монархии Московские» написаны в униженном тоне и изобилуют полонизмами вроде «сподеваемся вперед вшекого добра», «рачь ваша милость у него выслушает», «от вшитких народов славы и пошанованя» и так далее²²⁷. Подобный стиль письма не был характерен для Московского государства начала XVII столетия, поэтому можно заключить, что И.Т.Грамотин усвоил и использовал отдельные элементы польской культуры. По свидетельству самих поляков, Иван Тарасьевич хорошо разговаривал по-польски²²⁸.

После ввода польского гарнизона в Москву власть в столице перешла в руки полковника А.Гонсевского. Как отмечалось выше, Иван Грамотин оттеснил от руководства Посольским приказом Василия Телепнева уже в сентябре 1610 г., хотя до марта 1611 г. в Посольском приказе числились оба думных дьяка (Грамотин и Телепнев)²²⁹. И.Т.Грамотин сделался одним из ближайших советников начальника гарнизона. Впоследствии русские послы на переговорах напоминали Гонсевскому: «К боярам ты ходил..., только, пришед, сядешь, а возле себя посадишь своих советников, Михайла Салтыкова, князя Василья Мосальского, Федьку Андропова, Ивана Грамотина с товарищи, и того нам не слышать, что ты с своими советники говоришь и приговариваешь, и что велишь по которой челобитной сделать, так и зделают, а подписывали челобитные твои ж советники, дьяк Иван Грамотин, Евдоким Витовтов, Иван Чичерин..., а старых дьяков, которые бывали при прежних царех, всех ты отженул прочь, а иным ничего делать не велел»²³⁰.

Верная служба Грамотина интересам Польши вскоре была вознаграждена: 29 ноября 1610 г. было подтверждено его назначение думным дьяком Посольского приказа и печатником; помимо этого Иван Тарасьевич возглавил Поместный приказ. В королевском ука-

зе говорилось: «Пожаловали есмя печатника нашего и думного посольского дьяка Ивана Тарасьевича Грамотина, велели ему дати нашего четвертного жалованья, что он имел преж сего, да Ивану ж указали сидеть в Поместном приказе»²³¹. В указе от 10 января 1611 г. Грамотин по-прежнему именуется печатником и посольским дьяком, но в Поместном приказе, по данным С.Ф.Платонова, его сменил дьяк Г.Мартемьянов²³². Вскоре после этого, по сведениям С.К.Богоявленского, 8 марта 1611 г., И.Т.Грамотин вновь упоминается в качестве главы Поместного приказа²³³. Однако, источники позволяют утверждать, что Иван Грамотин оставался на посту судьи Поместного приказа без перерывов до самого момента его бегства из Москвы. Среди документов Поместного приказа времени «междоусобия» сохранилось немало грамот, памятей и записок по поместным делам, датированных мартом – октябрем 1611 г., причем наряду с думным дьяком И.Грамотиным в приказе упоминаются дьяки Н.Новокшенин и Г.Мартемьянов²³⁴.

Сохранилась челобитная Ивана Тарасьевича на имя королевича Владислава: «Царю, государю и великому князю Владиславу Жигимонтовичю всеа Руси бьет челом холоп твой Иванко Грамотин. Милостивый государь, царь и великий князь Владислав Жигимонтович всеа Руси, пожалуй меня, холопа своего, за мою службу – в Невельском уезде Никольскою волостью Плесково. Царь государь, смилуйся». На обороте челобитной можно прочесть резолюцию начальника польского гарнизона Кремля А.Гонсевского: «Царского величества бояром князю Федору Ивановичу Мстиславскому с товарищи. Мой совет вам таков, что прикгожо Ивана Тарасьевича за его службу тем поместьем пожаловать. И вашим... милостям поговора..., так делать велеть. Александр Корвин Кросевский вашим милостям челом бьет». 27 сентября 1611 г. просимая волость была пожалована Грамотину²³⁵. Пропольские симпатии Ивана Грамотина навлекли на него ненависть жителей столицы, которые в марте 1611 г. едва не подняли восстание, требуя выдать на расправу некоторых изменников, в том числе и Ивана Грамотина. Конрад Буссов в своей «Московской хронике» писал: «Они [москвиты. – Д.Л.] изругали постыдным образом также и московитских вельмож, стоявших за короля, а именно – Михаила Глебовича Салтыкова, Федора Андронина, Ивана Тарасовича Грамотина и еще некоторых других, и потребовали, чтобы им выдали всех их, будто бы предавших Россию и своей хитростью добившихся, что ее предложили королевскому сыну»²³⁶.

Некоторые сведения о деятельности Ивана Грамотина и его роли в московской администрации в 1610-1612 гг. сохранились в наказе русским послам, отправленным в 1615 г. на переговоры с по-

ляками под Смоленск. По указанию интервентов, Иван Тарасевич пытался склонить бояр к избранию царем не королевича Владислава, а самого короля Сигизмунда. В наказе было записано: «А гетману Хоткееву говорити: он сам о том всем бояром говорил, и грамоту у себя королевскую сказывал, и князя Юрья Трубецкого, и Ивана Грамотина, и Василья Янова о том к нам ко всем бояром присылал, чтоб нам всем целовати крест королю самому»²³⁷. Относительно боярских грамот, которые могли быть представлены польскими послами на переговорах для доказательства своей правоты, русским дипломатам предписывалось говорить: «В уряде на Москве был ты, Александр [Гонсевский. — Д.Л.], владел всем, как хотел, а в Посольском приказе был изменник Московского государства дьяк Иван Грамотин, ваш советник, и он по совету с тобою так писал, и печати боярские были у него, и вы писали, что хотели, и печатали, а бояре того не ведали»²³⁸. Далее говорилось: «Бояре были у вас что в вязенье, велели есте руки прикладывать, и они прикладывали поневоле и не четчи грамот... А прикладывали руки к верхнему столпцу да к другому, а на сставех Московского государства изменников... Василья Янова, да Овдокима Витофтова, Ивана Грамотина руки»²³⁹. Согласно официальной версии, И.Т.Грамотинным были составлены «боярские» грамоты к Я.П.Сапеге с призывом идти под Москву против Прокопия Ляпунова, а также к королю с сообщением об аресте патриарха Гермогена по решению бояр²⁴⁰. В 1611 г. Иван Грамотин по приказу А.Гонсевского от лица бояр говорил с польским послом А.Жолкевским: «что велел Ивану Грамотину боярским словом говорити Александр Гасевской, то Иван от бояр и говорил, и письмо таково дали Александр с изменники, ...а говорил все боярским словом и писал по Александрову веленью Иван Грамотин»²⁴¹. Посольский дьяк готовил посольство Ю.Н.Трубецкого, М.Г.Салтыкова и В.Янова, отправившееся в Польшу в октябре 1611 г., а затем и сам поехал ко двору короля Сигизмунда. На переговорах в 1615 г. поляки напоминали: «присылали бояре с Москвы к государю их [Сигизмунду. — Д.Л.] послов своих князя Юрья Трубецкого, да Михайла Салтыкова, да думного дьяка Василья Янова..., а после того присылали дьяка Ивана Грамотина, а с Иваном х королю и х королевичю писали и приказывали, да и к послом ко князю Юрию Трубецкому да к Михайлу Салтыкову писали и приказывали..., чтоб они били челом государю их, чтоб он шол к Москве с сыном своим вскоре, чтоб воры не осилели»²⁴².

Деятельность Грамотина по подготовке миссии Ю.Н.Трубецкого, а также обстоятельства его собственного отъезда в Речь Посполитую, изложены в наказе русским послам под Смоленском.

Текст этого наказа сохранился в составе двух книг Посольского приказа по связям Российского государства с Польшей: в книге № 30, помимо наказа (листы 3 об. — 304 об.), содержится переписка Посольского приказа с послами; книга № 31 содержит лишь текст наказа (листы 1 — 358 об.) Текст наказа в книге № 31 переписан не до конца, обрыв текста соответствует листу 293 книги № 30. Сопоставление текстов наказа в книгах № 30 и № 31 позволяет прийти к выводу об их идентичности. Серьезные разночтения можно отметить лишь в той части, где речь идет о деятельности И.Т.Грамотина в 1611-1612 гг. В связи с этим представляется необходимым привести здесь результаты текстологического сопоставления содержания наказа русским послам в книгах № 30 и № 31 (жирным шрифтом выделены разночтения).

Книга № 30 ²⁴³

Книга № 31 ²⁴⁴

И ты, гетман, советовав с Олександром Гасевским и с его советники, а Московского государства с ызменники, велели х королю ехати, будто в послех, князю Юрью Трубетцкому, да Михайлу Салтыкову, да дьяку Василью Янову, а наказ велели писати дьяку **Ивану Грамотину по тому, как государю вашему и вам надобно...** И Иван наказ писал у вас в табарех по вашему веленью, что вы ему велели. И отпустили вы князь Юрья да дьяка Василья от себя х королю ис табор... А Иван Грамотин написал себе грамоту сам, и, запечатав боярскою печатью, по совету с Олександром Гасевским, поехал собою х королю. И его на дороге ис полков ограбили, и ту грамоту, которую было повез с собою с Москвы, бутто от бояр, взяли. И он жил у тебя, гетмана, в Рогачове долгое время, да приехав в Можаяск, написал другую грамоту от бояр о себе х королю, бутто он послан от бояр, а бояре того и не ведали, бояре себе ожидали с часу смерти.

И ты, гетман, советовав с Олександром Гасевским и его советники, велели х королю ехати, будто в послех, князю Юрью Трубетцкому, да Михайлу Салтыкову, да дьяку Василью Янову, а наказ велели писати дьяку о себе х королю, бутто он послан от бояр, а бояре того и не ведали, бояре себе ожидали с часу на час смерти.

Как видно из сопоставления текстов, при переписывании книги № 31 из наказа были удалены сведения, которые компрометировали Ивана Тарасевича Грамотина. Поэтому можно предположить, что эта книга писалась в то время, когда Иван Грамотин вновь возглавил Посольский приказ (вероятнее всего, в 1634 г., когда по завершении русско-польской войны велись мирные переговоры, и

обращение к материалам, освещавшим аналогичные переговоры двадцатилетней давности, было оправдано).

Дата отправления И.Т.Грамотина в Польшу нуждается в уточнении. М.П.Пуцилло в своем исследовании указывает, что это событие произошло в сентябре 1612 г.²⁴⁵ Однако, отправление посольства в тот момент являлось бы крайне проблематичным, так как еще с конца августа Москва была блокирована Вторым ополчением. Можно предположить, что Грамотин покинул столицу раньше указанной даты. Это косвенно подтверждается свидетельством архиепископа Арсения Елассонского, который сообщал, что в начале 1612 г. из Москвы ушел с войском гетман Карл Ходкевич, следом за которым «последовали и многие другие: великий логофет Иоанн секретарь и дьяк Евдоким Титов [вероятно, дьяк Евдоким Витовтов. — Д.Л.] и другие, которые вместе с патриархом кир Игнатием были ограблены на пути русскими воинами, и едва нагими и лишенными всего убежали в Польшу патриарх кир Игнатий и некоторые с ним»²⁴⁶. Надо полагать, что под «логофетом и секретарем Иоанном» архиепископ Арсений подразумевал Ивана Грамотина, поскольку логофет — это название одной из церковных должностей, в обязанности обладателя которой входило хранение патриаршей печати, архива и делопроизводства. Грамотин же в 1611-1612 гг. имел чин печатника и посольского дьяка. Приведенные Арсением Елассонским сведения об ограблении патриарха Игнатия и его спутников (в том числе логофета Иоанна) подтверждается текстом вышеприведенного наказа об ограблении Грамотина ополченцами. Описывая совещание начальника польского гарнизона с «некоторыми русскими начальниками», имевшее место 23 августа 1612 г., Арсений Елассонский не называет в числе совещавшихся Ивана Грамотина — одного из виднейших сторонников поляков²⁴⁷. По всей видимости, дьяк к этому времени уже уехал из города. Кроме того, в наказе русским послам под Смоленском было записано, что после ограбления Иван Грамотин долгое время жил у гетмана Ходкевича в Рогачеве, затем переехал в Можайск, где написал новую грамоту, и лишь после поехал к королю Сигизмунду. Под Москву же с королевским поручением он вернулся в ноябре 1612 г. Все эти события вряд ли могут уложиться в два — три месяца (сентябрь — ноябрь 1612 г.) Поэтому отъезд Грамотина из Москвы в Речь Посполитую следует датировать не сентябрем, а началом 1612 г.

Российские источники не сохранили для нас информации об этой миссии Ивана Тарасевича: в нашем распоряжении имеются лишь те немногочисленные данные, которые он счел возможным сообщить о своем посольстве по возвращении из польской эмиграции, или же те сведения, которых дьяк не смог скрыть. Согласно

имевшейся в Москве на 1615 г. информации, картина вырисовывается следующим образом. В сентябре 1611 г. Грамотин подготовил и отправил в Польшу посольство Ю.Н.Трубецкого, М.Г.Салтыкова и В.Янова, однако эта миссия была возвращена в Москву гетманом Ходкевичем. Под нажимом гетмана Грамотин был вынужден написать послам другой наказ, согласно которому они должны были просить на российский престол не королевича Владислава, а самого Сигизмунда III. С этим наказом посольство Трубецкого и отбыло в Варшаву в октябре 1611 г. Всего через два – три месяца Иван Грамотин зачем-то тоже отправляется в Польшу с собственноручно написанной грамотой, содержание которой никому не известно. Подвергнувшись ограблению со стороны ополченцев, думной дьяк в лагере Ходкевича написал себе новую грамоту (также неизвестного содержания), и вновь отправился ко двору Сигизмунда. К этому времени польский король уже получил через посольство Трубецкого приглашение занять российский престол. Так выглядит ход событий в изложении самого Грамотина (как было показано выше, позднее Иван Тарасьевич попытался уничтожить значительную часть и этих немногочисленных сведений).

Однако, в свете польских источников, события выстраиваются иначе. В нашем распоряжении имеется запись речей посольства Трубецкого, сделанная поляками во время переговоров в Варшаве. Кратко изложив историю развития Смуты в Московском государстве, русские дипломаты сообщили о желании русских людей видеть на российском престоле королевича Владислава (предложить трон которому и отправилось их посольство). Однако, гетман Ходкевич вернул их в Москву и сообщил послам о желании Сигизмунда III принять российскую корону в обход Владислава. Посоветовавшись, русские люди решили отклонить данное предложение, поскольку лишь воцарение королевича Владислава способно прекратить Смуту в Московском государстве²⁴⁸.

Переговоры закончились согласием короля дать на российский престол своего сына. Как видно, посольство Трубецкого не было виновно в том, что Сигизмунд III стал сам претендовать на московскую корону. Отпустив посольство, король отправился на богомолье в Ченстохово. Оттуда в марте 1612 г., т.е. через полтора месяца по завершении переговоров, король стал посылать грамоты сенаторам, сообщая, что последнее московское посольство обратилось к нему с просьбой приехать в Москву вместе с Владиславом и изъявило согласие на слияние Российского государства и Речи Посполитой в единое целое²⁴⁹. Однако, миссия Трубецкого, как было известно сенаторам, с таким предложением к королю не обращалась. Следовательно, логично будет предположить, что под «последним

московским посольством» Сигизмунд III подразумевал какую-то другую миссию. Зная, что в начале 1612 г. из Москвы с грамотой к королю отбыл Иван Тарасьевич Грамотин, по пути побывавший в лагере гетмана Ходкевича, можно с высокой степенью достоверности предположить, что именно думной дьяк Грамотин прибыл к марту 1612 г. к польскому королю и заявил о готовности Московского государства вступить в унию с Речью Посполитой. Позднее дьяк сделал все возможное, чтобы скрыть этот факт, возложив вину за приглашение на российский престол польского короля на миссию Трубецкого.

Таким образом, в начале 1612 г. И.Т.Грамотин покинул столицу и отправился в Польшу. Вероятно, он увез с собой боярские печати, поскольку в наказе русским послам в 1615 г. указывалось: «А боярских печатей после Ивана Грамотина в Посольском приказе и не сыскали»²⁵⁰. В королевской грамоте, присланной в Москву 2 октября 1612 г., упоминалось о приезде Грамотина к королю в качестве посла²⁵¹. В ноябре 1612 г. Иван Грамотин вернулся к столице с польским отрядом, получив от Сигизмунда III поручение склонить Земский собор к избранию царем Владислава²⁵². Позднее польские паны в своей грамоте напоминали московским боярам, что они королевских послов «пана Самойла Зборовского, пана Ондreja Молоцкого, князя Данила Мезетцкого, Ивана Грамотина, которых был государь, их милость, перед собою к вам отпустили, объявляючи свой государьский приход, к себе есте не пустили, и, обесчестив их, выслали из столицы многих ратных людей, и учинили с ними драку и бой»²⁵³. Русским послам было предписано отвечать, что Зборовский, Молоцкий и Грамотин «пущие враги Московскому государству, царствующий град жгли и всякое зло делали, хотя б таких король и с прямым з добрым делом прислал, и им было верити нельзя»²⁵⁴.

Потерпев неудачу, Грамотин возвратился в Польшу и доложил королю Сигизмунду, что «на Москве у бояр, которые вам, великим государям, служили, и у лутших людей хотение есть, чтоб просити на господарство вас, великого государя королевича Владислава Жигимонтовича, а имянно де о том говорити не смеют, боясь казаков, а говорят, чтобы обрать на господарство чужеземца»²⁵⁵. После этого Ивану Тарасьевичу пришлось некоторое время прожить в Польше. Вплоть до сентября 1615 г. в официальных русских документах Ивана Тарасьевича именовали изменником, «первым всякому злу начальником и Московскому государству разорителем». Так квалифицировался И.Т.Грамотин в наказе гонцу в Польшу Д.Оладыну, который должен был высказать протест в случае, если во время аудиенции у короля Сигизмунда при нем будут находить-

ся русские изменники²⁵⁶. В 1615 г., во время русско-польских переговоров под Смоленском, Ивана Грамотина называли «пушим врагом Московскому государству»²⁵⁷. Тем не менее, Грамотин вернулся на родину, и был не только помилован, но и вновь занял высокое место в московской администрации.

Установить точную дату возвращения Грамотина из Польши не удастся. С.Б.Веселовский в качестве примерной даты называет 1617-1618 гг.²⁵⁸ Эта же дата приводится и в других справочных изданиях. Основанием для подобной датировки явилось то, что первым упоминанием в источниках о жизни И.Т.Грамотина в Москве после 1613 г. считалось указание на руководство им с апреля 1617 г. приказом Новгородской четверти²⁵⁹. Кроме того, в наказе русским послам под Смоленском было записано, что Иван Грамотин все еще живет в Польше: «...Московского государства изменников, которые и ныне у вас [в Польше. — Д.Л.]: Василья Янова, да Овдокима Витовтова, Ивана Грамотина...»²⁶⁰; «в Посольском приказе были советники ваши — изменник Иван Грамотин, в Розряде Василей Янов, Овдоким Витофтов, которые и тепере у вас...»²⁶¹. Поскольку переговоры велись под Смоленском осенью 1615 г. — зимой 1616 г., можно сделать вывод, что Иван Грамотин возвратился из Польши не раньше этого времени, поскольку в наказе говорится, что он находится в Польше. Однако материалы Посольского приказа позволяют отнести возвращение Ивана Грамотина из Польши к более раннему времени. 16 октября 1614 г., в связи с приездом в Москву датского посольства, из Посольского приказа в Земской приказ была отправлена память, в которой было сказано: «Указал государь... стояти датцким посланником на дворе Соловецкого монастыря, где ныне стоит Иван Грамотин»²⁶². Следовательно, Иван Тарасьевич находился в Москве уже в октябре 1614 г. и жил на дворе Соловецкого монастыря (в Китай-городе, на Введенской улице)²⁶³. По всей видимости, Грамотин вернулся в Москву незадолго до этого упоминания, поскольку ему пока не возвратили его собственный двор. Вероятно, в то время Грамотин еще не был реабилитирован, так как его содержали на монастырском подворье (где позднее жили под надзором польские и датские посланники)²⁶⁴. Подтверждением того, что Иван Грамотин возвратился из эмиграции до начала русско-польских переговоров под Смоленском, является упоминание в тексте наказа русским послам подробностей из жизни Ивана Тарасьевича, относящихся к 1612 г. (о проживании у гетмана Ходкевича в Рогачеве, переезде в Можайск, составлении новой грамоты к королю)²⁶⁵. Эти сведения не могли быть известны московскому правительству; по всей видимости, их сообщил сам Иван Грамотин. Упоминания же о том, что

И.Т.Грамотин в момент переговоров якобы продолжал жить в Польше, объясняется, вероятно, нежеланием российской стороны упоминать факт возвращения в Москву человека, который, по официальной версии, был одним из главных виновников разорения Московского государства. Кроме того, в одном месте наказа при перечислении изменников, проживающих в Польше, Иван Грамотин назван не был²⁶⁶.

При каких обстоятельствах Иван Тарасевич Грамотин возвратился в Москву — неизвестно. Однако можно высказать некоторые предположения. Гетман Станислав Жолкевский в своем письме от 30 июля 1613 г., отправленном из Львова к канцлеру Льву Сапеге, выражал сомнения в целесообразности принятия Речью Посполитой посредничества Империи в переговорах с московским правительством и предлагал свой план действий: «Я считал бы лучше, чтобы тех людей московского народа, которые здесь у нас находятся, т.е. Филарета, Голицына, Луговского, Баратынского, Василия Иванова, Грамотина свести вместе, дабы они сообща дали совет и из своей среды послали. Вероятным есть, что желая и примирения своего отечества, и затем самим себе свободы, они искренно и с доброю волею захотят подать соответственные советы и убеждениями (которые, однако, не могут иметь большой важности) стараться у своего народа, чтобы мы, наконец, когда-нибудь могли примириться»²⁶⁷. По всей видимости, сначала король Сигизмунд III пытался добиться выгодного для себя мира при посредничестве имперских дипломатов, однако прибывшие в январе 1614 г. к границе императорский гонец Яков Генкель и посланник от панов Ян Гридич не были пропущены через рубеж²⁶⁸. Возможно, после этого была предпринята попытка реализовать вариант, предложенный летом 1613 г. С.Жолкевским. Для выполнения подобной миссии из русских людей, находившихся в Польше, Грамотин был самой подходящей фигурой, поскольку имел солидный дипломатический стаж и был известен своей лояльностью по отношению к польской стороне. Интересно, что с ноября 1614 г. (после первого упоминания Ивана Грамотина в Москве по возвращении из эмиграции) в дипломатической документации Посольского приказа появляются сведения о некой мирной инициативе польских панов. В наказе приставу при английском после Дж.Меррике говорилось: «А ныне невдавне присылали к великого государя нашего ...бояром коруны польские... паны рада, чтоб бояре великого государя нашего... молили и просили, чтоб его царское величество... позволили им, своей царской думе, с ними, с паны радами, сослатца, и послом бы с обе стороны на рубез съехатца, и о мирном договоре говорити и становити, как бы с обе стороны кровь уняти, и мир и покой учи-

нити, и пленных на обе стороны свободити»²⁶⁹. Аналогичные слова были записаны в грамоту, отправленную с посланником Ф. Желябужским в декабре 1614 г. в Польшу²⁷⁰. Таким образом, возвращение И.Т. Грамотина в Москву, возможно, было связано с мирной инициативой рады Речи Посполитой, в качестве посланника которой Грамотин мог выступить осенью 1614 г. Это отчасти объясняет, почему в октябре 1614 г. Иван Грамотин стоял на подворье Соловецкого монастыря, где позднее ставили датских и литовских дипломатов. Неизвестно, был ли Грамотин задержан в Москве насильно, или же он изъявил желание, покаявшись в своих изменах, перейти на службу к царю Михаилу. Однако совпадение появления Ивана Грамотина в Москве с выдвижением польской дипломатией мирных предложений, особенно ввиду приводившейся выше фразы Жолкевского, видного сторонника прекращения «Московской войны», представляется довольно интересным.

Следовательно, не позднее октября 1614 г. Иван Тарасевич возвратился из Польши в Москву. Таким образом, И.Т. Грамотина можно считать одним из первых русских политических эмигрантов, вернувшихся в Российское государство. В связи с этим перед нами встает вопрос: чем можно объяснить реабилитацию Грамотина, позволившую ему вернуться на родину и вновь занять высокое место в служебной иерархии? Аргументацию С.Ф. Платонова, видевшего причину прощения дьяка в его «исключительной талантливости и деловитости»²⁷¹, трудно назвать исчерпывающей. «Острую нехватку нужных кадров», отмеченную Н.Ф. Демидовой²⁷², также нельзя считать решающим фактором: Романовы могли миловать чиновников, изменявших предыдущим царям, но Грамотин успел провиниться и перед новой династией (в частности, он пытался воспрепятствовать избранию царем Михаила Федоровича). Поэтому, несмотря на то, что бояре еще в марте 1613 г. указали гонцу в Польшу Д. Оладину обнадежить прощением московских изменников, «в ком правды почает»²⁷³, Иван Грамотин вряд ли мог надеяться на безнаказанность.

Несомненно, возвращаясь в Москву, Иван Тарасевич рассчитывал на заступничество высоких покровителей. Однако укоренившееся в историографии представление, согласно которому своим прощением и возвышением после эмиграции Грамотин был обязан протекции Филарета Никитича Романова, с которым он якобы сблизился в Польше²⁷⁴, может быть подвергнуто критике. Сведения об их контактах в Речи Посполитой отсутствуют. Сомнительно также, что пленный митрополит мог найти общий язык с изменником, служившим польскому королю. Трудно также предположить, что сблизившись в Польше, дьяк и патриарх вернулись в Москву с

диаметрально противоположными взглядами на цели и задачи внешней политики Московского государства: Грамотин был сторонником сближения с Речью Посполитой, а патриарх настаивал на военном реванше в борьбе с Польшей, для чего предлагал заключить военный союз со Швецией²⁷⁵. Впоследствии именно Филарет Никитич стал инициатором опалы Ивана Грамотина. Кроме того, возвращение дьяка Грамотина в Москву и его реабилитация относятся ко времени, когда Филарет еще находился в польском плену. Более вероятно, что поддержку Ивану Тарасьевичу оказали Борис и Михаил Салтыковы, племянники царицы-инокини Марфы, которые были самыми влиятельными лицами при дворе до возвращения Филарета. С братьями Салтыковыми Грамотина связывало многолетнее сотрудничество с их дядей М.Г.Салтыковым, также служившим Сигизмунду III и бежавшим в Польшу. Именно ко времени управления государством царицы Марфы и Салтыковых (начальному периоду царствования Михаила Романова) относятся реабилитация и наибольшие успехи в карьерном продвижении Ивана Тарасьевича. Близость дьяка Грамотина с семейством Салтыковых подтверждается также тем фактом, что в 1646 г., спустя восемь лет после смерти Ивана Тарасьевича, И.И.Салтыков сделал по нему вклад в Троице-Сергиев монастырь – золотое блюдо в 54 золотника²⁷⁶.

Источники пока не позволяют проследить биографию И.Т.Грамотина с октября 1614 г. по апрель 1617 г. В материалах делопроизводства Посольского приказа сохранилось дело, справленное неким подьячим «Иваном Гр...» (фамилия не сохранилась)²⁷⁷. Можно предположить, что по истечении некоторого времени после возвращения из Польши Иван Грамотин был лишен дьяческого чина и зачислен подьячим в Посольский приказ. Подобный прецедент уже имел место в рассматриваемую эпоху: после освобождения Москвы от поляков был разжалован в подьячие дьяк Евстафий Кувшинов, сотрудничавший с интервентами²⁷⁸. Однако, доказать справедливость данной версии не удастся, и она остается лишь предположением.

В апреле 1617 г. Грамотин уже управлял деятельностью приказа Новгородской четверти, а год спустя вновь был допущен к дипломатическим делам. 2 мая 1618 г. царь «указал свейское посольское дело ведати и в ответе з бояры быти дьяку Ивану Грамотину, а в ответех указал государь писатися ему думным»²⁷⁹. Уже 3 мая Иван Грамотин присутствовал на аудиенции шведским послам, во время которой исполнял функции, традиционно входившие в компетенцию посольского дьяка, в частности, говорил послам речи от имени царя²⁸⁰. Вероятно, сначала Иван Тарасьевич должен был замещать

большого судью Посольского приказа Петра Третьякова на переговорах со шведскими послами (Грамотину было указано ведать лишь «свейское посольское дело»). Думным дьяком в это время его также именовали, надо полагать, лишь при шведских дипломатах, чтобы повысить авторитет и представительность русской ответной комиссии. Представляется, что думный чин был официально пожалован И.Т.Грамотину несколько позже, около 19 мая 1618 г. В этот день состоялась аудиенция шведским послам. Церемониал царского приема, как нередко делалось в Посольском приказе, был составлен и записан заранее (позднее в тексте делались поправки соответственно отклонениям от церемониала, после чего текст мог переписываться начисто). В предварительной росписи церемониала аудиенции Иван Грамотин еще именовался дьяком, однако позже над строкой рядом с его именем везде было приписано слово «думной»²⁸¹. Это позволяет сделать вывод о том, что официальное пожалованье И.Т.Грамотину думного чина произошло незадолго до 19 мая 1618 г.

Неизвестно также, когда Иван Грамотин был официально назначен главой Посольского приказа. Информация С.Б.Веселовского, согласно которой Иван Тарасевич возглавлял дипломатическое ведомство с апреля 1618 г.²⁸², не подтверждается данными делопроизводства Посольского приказа. Как указывалось выше, 2 мая Грамотину было указано ведать лишь «свейские дела», а не Посольский приказ. В связи с посольством Г.Стейнбока и ратификацией Столбовского договора Иван Тарасевич упоминается в Посольском приказе и позднее: 19 июня 1618 г. информацию, касавшуюся шведского посольства, велено было «сказати в Посольском приказе диаком Ивану Грамотину да Саве Романчюкову»²⁸³; 11 июля подьячему И.Дедкову и переводчику Т. фон Немену были выданы подорожные до шведского рубежа по грамотам за приписью дьяка Ивана Грамотина²⁸⁴; 2 августа 1618 г. из Посольского приказа в Белоозеро была отправлена грамота за приписью И.Грамотина²⁸⁵; 5 января 1619 г. к нему в Посольский приказ из Большого Прихода была прислана память о жалованье толмача В. Вилимова, отправленного на межевание русско-шведской границы²⁸⁶. Однако, в связи с дипломатическими контактами с другими державами, имя Ивана Грамотина не встречается вплоть до лета 1619 г. В крымских делах, в частности, Грамотин упоминается в качестве думного посольского дьяка лишь с 30 июля 1619 г., когда он принимал в Посольском приказе гонца Ибрагим – мурзу и на аудиенции получал грамоты, являл крымцам царские подарки и говорил от лица Михаила Федоровича речь²⁸⁷. Назначение Грамотина судьей Посольского приказа произошло между 21 мая (когда в

приказе упоминается один дьяк — Савва Романчуков)²⁸⁸ и 22 июня (в этот день Грамотин принимал в Посольском приказе датского гонца). По всей видимости, назначение Грамотина руководителем дипломатического ведомства произошло незадолго до 22 июня 1619 г.: в росписи церемониала встречи гонца было записано: «А лошадь под посланника с седлом посылана думново дьяка Томила Луговского» (однако, имя Луговского было вычеркнуто, а вместо него было вписано «Ивана Грамотина»²⁸⁹. Далее, в наказе приставу было сказано: «А сказать ему: «Царского величества думной дьяк Иван Грамотин прислал к тебе лошадь». В последней фразе возле слова «дьяк» над строкой было приписано слово «посольской»²⁹⁰. Характер правки позволяет предположить, что Грамотин стал посольским дьяком незадолго до приезда датского гонца в Москву, поскольку сначала предполагалось участие в церемонии встречи другого думного дьяка — Луговского, а самого Ивана Грамотина записали в столбце без указания на его принадлежность к Посольскому приказу. Таким образом, наиболее вероятным временем нового назначения Ивана Тарасьевича судьей Посольского приказа следует считать июнь 1619 г., а не май 1618 г., как считалось ранее. В связи с этим интересно отметить, что назначение Грамотина судьей Посольского приказа совпало во времени с возвращением из польского плена Филарета Никитича Романова, прибывшего в Москву 14 июня 1619 г. Данное обстоятельство позволяет нам иначе истолковать фразу И.Массы, на основании которой прежде делались выводы о реабилитации Грамотина по воле Филарета: «Все сделано по приказу самого родителя царского, но все заранее уже было назначено и определено»²⁹¹. Воле патриарха Иван Тарасьевич был обязан своим назначением главой Посольского приказа, но не реабилитацией, которая произошла значительно раньше. С сентября до 2 ноября 1619 г. Иван Грамотин находился с царем Михаилом Федоровичем на богомолье²⁹² (в его отсутствие иностранных дипломатов принимали в Посольском приказе окольных Г.К.Волконский и дьяк С.Романчуков). По возвращении в Москву, Грамотин вернулся к руководству внешнеполитическими делами (24 ноября 1619 г. участвовал в аудиенции крымскому гонцу, 17 декабря вел с ним переговоры в приказе)²⁹³. Перечисленные факты свидетельствуют о том, что Посольский приказ был возглавлен И.Т.Грамотиным в середине 1619 г.

Дальнейшая биография И.Т.Грамотина выходит за хронологические рамки настоящего исследования, поэтому жизненный путь думного дьяка после завершения Смуты приводится в общих чертах. Во главе Посольского приказа Грамотин находился до конца 1626 г. Занимая этот пост, он продолжал проводить внешнеполити-

ческую линию, направленную на сближение с Речью Посполитой, но при этом ему пришлось бороться с влиятельной боярской группировкой, во главе которой стоял вернувшийся из плена непримиримым противником Польши патриарх Филарет. Так, в июне 1621 г., принимая в Посольском приказе крымского посла Сулемшу-мурзу, в ответ на его предложение вступить в союзе с Османской империей и Крымским ханством в войну с Речью Посполитой, Иван Грамотин сказал, что «ныне царскому величеству послати ратей своих на полсково короля не время». Патриарх же вскоре, в начале июля, на совещании с царем заявил: «Ныне над ними [поляками. — Д.Л.] государю промышлять время»²⁹⁴. Царский отец, нередко проводивший свою дипломатическую политику в обход Посольского приказа, сумел в 1622 г. добиться разрыва отношений с Польшей. Московское государство при этом оказалась в дипломатической изоляции, и Иван Грамотин сумел воспользоваться ошибкой Филарета Никитича и восстановить свое влияние при дворе: в 1623-1626 гг. Посольский приказ отклонил английское и два шведских предложения союза против Польши. Руководя Посольским приказом, в 20-е годы XVII в. Иван Грамотин наладил личные (полуофициальные) контакты с английским дипломатом Дж. Мерриком²⁹⁵, что было серьезным новшеством в работе российского дипломатического ведомства. Несмотря на противоборство с патриархом Филаретом, Иван Тарасевич продолжал пользоваться доверием царя. Именно ему в 1624 г. было поручено деликатное расследование, связанное с установлением подлинности присланной из Персии в подарок Михаилу Федоровичу Ризы Господней; в том же году И.Т.Грамотин возглавил приказ Золотой палаты²⁹⁶. Грамотин неизменно сопровождал царя в его поездках в Троице-Сергиев монастырь²⁹⁷; в 1626 г. он участвовал в подготовке свадебной церемонии царя Михаила.

21 декабря 1626 г. И.Т.Грамотин был подвергнут опале и сослан в Алатырь, где провел почти семь лет. Ивану Тарасевичу было предъявлено обвинение в колдовстве (говорили, что у думного дьяка был «волшебный крест» (или перстень), с помощью которого он добивался царской благосклонности)²⁹⁸. По мнению С.А.Белокурова, это было лишь поводом для удаления Грамотина от двора, главной же причиной опалы были его разногласия с патриархом Филаретом по внешнеполитическим вопросам²⁹⁹. Подтверждением того, что ссылка Ивана Грамотина была инициирована Филаретом Никитичем, является то, что сразу после смерти патриарха он был амнистирован и возвращен в столицу (5 октября 1633 г., на четвертый день после смерти царского отца, Грамотина было велено взять из опалы). В ноябре 1633 г. он был пожалован в московские дворя-

не, 19 мая 1634 г. Иван Грамотин вновь стал думным дьяком Посольского приказа, а 2 июня — печатником³⁰⁰.

Таким образом, Иван Тарасьевич полностью восстановил свое влияние при дворе, а также сам мог оказывать покровительство своим родственникам. Грамотин состоял в родстве с семейством Милославских: И.Д.Милославский, отец первой жены царя Алексея Михайловича Марии Ильиничны, приходился Ивану Грамотину племянником. Своим возвышением в начале карьеры будущий царский тесть был обязан покровительству печатника Грамотина³⁰¹. Уже к 20-м годам XVII в. Иван Тарасьевич был крупным землевладельцем — ему принадлежали родовая вотчина в Городском стане Звенигородского уезда и купленная вотчина в Горетовом стане Московского уезда. За участие в «московском осадном сидении» 1618 г. Грамотин был пожалован 15 августа 1619 г. вотчиной в Закудемском стане Нижегородского уезда — селом Толоконцево (457 четей и 153 двора)³⁰². В Нижегородском уезде в 1625 г. Грамотин владел и другой вотчиной — деревней Сопчино³⁰³. Всего, по сведениям О.А.Шватченко, думный дьяк И.Т.Грамотин владел 1069 десятин вотчинной земли в трех уездах³⁰⁴. Кроме того, Ивану Грамотину принадлежало поместье Лена в Яренском уезде (с 1618/19 г.)³⁰⁵. Двор Ивана Грамотина в Москве был расположен в Китай-городе, на Посольской улице (ныне Ильинка)³⁰⁶. Согласно разметному списку 1632/33 г. Грамотин был одним из богатейших людей в дьяческом чину³⁰⁷. О богатстве И.Т.Грамотина свидетельствует и величина его монастырских вкладов: 100 рублей в 1620 г., 200 рублей в 1624 г., более 440 рублей по смерти³⁰⁸. Показателем богатства думного дьяка является его подарок, поднесенный царевичу Алексею Михайловичу — серебряный медведь. Сделан этот подарок был, вероятно, вскоре после возвращения И.Т.Грамотина из ссылки (А.Ф.Малиновский ошибочно относит это событие к 1642 г., когда дьяка уже не было в живых)³⁰⁹. Жалованье Грамотина (согласно «Боярской книге 1627 года») составляло 300 рублей³¹⁰. Одним из источников доходов Ивана Тарасьевича были получаемые им взятки: в 1646 г. российские купцы жаловались на засилье «гамбургских, брабантских и голландских немцев», имевших грамоты о торговых льготах: «А грамоты эти взяли они из Посольского приказа ложным своим челобитьем и многими посулами и поминками у думных дьяков Петра Третьякова и Ивана Грамотина»³¹¹.

Во главе Посольского приказа после ссылки Грамотин находился чуть больше года, однако к этому времени относится попытка реформировать российскую посольскую службу. В декабре 1634 г. в Стокгольме впервые в истории отечественной внешней политики было создано постоянное дипломатическое представительство —

резидентура (просуществовавшая, правда, всего полтора года)³¹². В июле 1635 г. И.Т.Грамотин отказался от должности судьи Посольского приказа по старости, сохранив за собой должность печатника. Два следующих года Иван Тарасевич оставался заметной фигурой при дворе. 4 ноября 1637 г. царь, отбывая на богомолье, поручил следить за порядком в Москве группе лиц, среди которых был и печатник Грамотин. Последний раз в приказной документации его имя упоминается 15 декабря 1637 г.³¹³ 23 сентября 1638 г. Иван Тарасевич Грамотин умер, не оставив потомства, приняв перед смертью постриг под именем Иоилия в Троице-Сергиевом монастыре³¹⁴, где и был погребен 4 октября 1638 г.³¹⁵ Так завершилась жизнь одного из интереснейших представителей московской приказной системы первой половины XVII в. Современники высоко оценивали выдающиеся способности и образованность Ивана Грамотина. Голландец Исаак Масса охарактеризовал думного дьяка следующим образом: «похож на немецкого уроженца, умен и рассудителен во всем и многому научился в плену у поляков и пруссаков»³¹⁶.

По роду своей службы постоянно общаясь с иностранцами, И.Т.Грамотин воспринимал отдельные элементы европейской культуры. С.Ф.Платонов дал меткую характеристику думному дьяку Грамотину: «Он сам тянулся к иностранцам и без принуждения усвоил немецкое обличье и польский язык... Во всем поведении Грамотина всегда сквозило одно — стремление к житейскому успеху, которого он ищет хотя бы ценою потери личного достоинства и чести. В нем и ему подобных нет ничего принципиального и идейного. Иноземное новшество для него — удобное и приятное житейское средство; старые устои — нечто, не имеющее цены»³¹⁷. Увлеченность Грамотина европейской культурой была отмечена И.Массой; свидетельством определенного внимания дьяка Грамотина к культуре Запада является заказ им собственного портрета — явление, распространенное в Европе, но в Российском государстве встречавшееся еще крайне редко (копия этого портрета сохранилась до настоящего времени и находится в Государственном историческом музее, хотя о времени его написания идут споры). Кроме того, увлечение Ивана Тарасевича западной культурой прослеживается и в его письмах Л.Сапеге, показывающих знакомство дьяка с польским языком, а также в попытках реформировать деятельность Посольского приказа по европейскому образцу. Несмотря на увлечение элементами европейской культуры, И.Т.Грамотин оставался приверженцем православия: дома у него были довольно дорогие иконы; дьяк периодически делал пожертвования в монастыри и сам окончил жизнь монахом. Известен случай, когда Иван Грамотин некоторое время запрещал шведскому послу А.Д.Рубцову (бывшему

российскому подданному) посещать православные храмы, опасаясь, что тот «отступил в римскую и в иные веры». В результате шведский посол получил разрешение молиться в русских храмах от самого патриарха Филарета, лично знакомого с Рубцовым³¹⁸. В данном случае посольский дьяк оказался более последовательным «ревнителем благочестия», чем сам патриарх. Грамотин, безусловно, относился к порожденному Смутой поколению русских людей, которых, по выражению В.О.Ключевского, «нужда впервые заставила заботливо и тревожно посматривать на еретический Запад в чаянии найти там средство для выхода из домашних затруднений, не отрекаясь от понятий, привычек и верований благочестивой старины»³¹⁹.

Иван Грамотин занимался и литературной деятельностью — его перу принадлежит одна из редакций (шестая по счету) «Сказания о битве новгородцев с суздальцами». В этом произведении повествуется о сражении, выигранном новгородским войском в 1170 г. у войск владими́ро-суздальского князя благодаря «чудесному заступничеству» иконы Божьей Матери Знамения. Особенностью грамотинской редакции «Сказания...» является сочувственное отношение автора к «самовластью» новгородцев, которые «сами себе избираху» князей, и осуждение суздальских князей, которых Грамотин обвиняет в зависти к богатству Новгорода. Л.А.Дмитриев датировал написание этого произведения 30-ми годами XVII в., основываясь на том, что в заглавии «Сказания...» указано — «Сия повесть слогу печатника Иоанна Тарасевича Грамотина»³²⁰. Однако выше указывалось, что Грамотин имел чин печатника дважды: в 1610-1612 гг. и в 1634-1638 гг. Поэтому написание «Сказания» может быть отнесено и к более раннему периоду.

Можно предположить, что «Сказание о битве новгородцев с суздальцами» было написано Иваном Грамотиным в конце 1610 г. — начале 1611 г. В пользу этой версии можно привести некоторые аргументы. Начальная граница этого временного отрезка соответствует времени подписания Сигизмундом III указа о назначении Грамотина судьей Посольского приказа, думным дьяком и печатником (29 ноября 1610 г.) Именно с данного момента Иван Тарасевич официально получил право подписываться «с вичем», хотя печатником он именовал себя уже в сентябре 1610 г., в письме ко Льву Сапеге. Заслуживает внимания и тот факт, что празднование чуда иконы Богоматери, заступничеству которой приписывалась победа новгородцев, относится к 27 ноября, а указ о назначении И.Т.Грамотина печатником был подписан 29 ноября. Это позволяет предположить, что написание грамотинской редакции «Сказания...» было своего рода благодарностью Ивана Тарасевича

чудотворному образу, покровительством которого он мог объяснить свое возвышение.

Работа над «Сказанием...», вероятно, завершилась не позднее начала 1611 г. В марте 1611 г. в Новгороде произошло восстание, причем был убит воевода И.М.Салтыков, присягнувший королевичу Владиславу. В июле того же года Новгород Великий заключил со Швецией (противницей Польши) договор об избрании на российский престол королевича Карла-Филиппа. После упомянутых событий печатник Грамотин, будучи сторонником поляков, вряд ли мог с похвалой отозваться о «самовластии» новгородцев, самостоятельно избравших себе князей.

В пользу датировки грамотинской редакции «Сказания...» 1610-1611 гг. можно привести еще один аргумент. Положительную характеристику новгородского «самовластия» Грамотиным трудно объяснить, если принять версию о написании произведения в 30-е годы XVII в. — подобный выпад против монархического принципа власти был в то время по меньшей мере неуместен. И, напротив, для конца 1610 г. такая трактовка событий XII столетия вполне объяснима: тогда в Москве ожидали скорого воцарения польской династии (которую бояре «сами себе избираху»). В этих условиях разгром «самовластными» новгородцами суздальских князей (предков пресекшейся московской ветви Рюриковичей, а также свергнутых Шуйских) мог оцениваться приверженцами королевича Владислава положительно. В 1630-е гг., когда Иван Тарасевич Грамотин занимал руководящие посты при дворе Михаила Романова, подчеркивавшего свое родство с Рюриковичами, печатник вряд ли осмелился бы одобрить разгром суздальских князей. Поэтому можно предположить, что написание грамотинской редакции «Сказания...» относится не к 30-м годам XVII в., а к рубежу 1610-1611 гг., и ее текст, таким образом, является литературным памятником эпохи Смутного времени.

Петр Алексеевич Третьяков. После освобождения Москвы от польского гарнизона главой Посольского приказа во временном правительстве, а затем и в правительстве Михаила Романова, стал Петр Алексеевич Третьяков. До последнего времени специальных работ, посвященных биографии этого человека, не было. Лишь недавно был опубликован очерк Б.А.Куненкова, посвященный жизни и государственной деятельности посольского дьяка П.А.Третьякова³²¹. В настоящей работе, следовательно, не имеет смысла воспроизводить биографию Третьякова во всех подробностях. В данном исследовании будут прослежены лишь основные этапы жизненного пути этого человека, а также приведены сведения,

позволяющие уточнить ряд спорных моментов в биографии судьи Посольского приказа Петра Третьякова.

До настоящего момента является нерешенным вопрос о происхождении П.А.Третьякова. По предположению Н.П.Лихачева, Петр Алексеевич Третьяков был сыном Третьяка Лошакова, убитого в 1552 г. под Казанью. При этом Н.П.Лихачев отождествлял П. Третьякова с П.Лошаковым, служившим в 1605-1607 гг. в Разрядном приказе³²². С.Б.Веселовский высказал предположение, согласно которому Петр Третьяков был сыном Третьяка Семенова Федорова, продавшего в 1551/52 г. принадлежавшую ему половину села в Дмитровском уезде, а в 1595 г. упомянутого в документах в качестве думного дьяка Ямского приказа. Отвергая тождество Третьякова и Лошакова, С.Б.Веселовский, тем не менее, ошибочно приписал П.А.Третьякову факт из биографии П.Лошакова – службу в Разрядном приказе в июле 1605 г., при Лжедмитрии I³²³. Б.А.Куненков, приводя в своей работе обе точки зрения, не склоняется окончательно ни к одной из них, оставляя вопрос о происхождении П.А.Третьякова открытым³²⁴.

Следует отметить, что обе вышеприведенные версии не разъясняют происхождения фамилии и отчества Петра Алексеевича Третьякова: отец будущего судьи Посольского приказа, безусловно, должен был носить имя Алексей, а Третьяком, соответственно, мог именоваться его дед, а не отец. Кроме того, есть основания утверждать, что Петр Третьяков и Петр Лошаков – два разных лица. П.Лошаков впервые упоминается в источниках летом 1605 г.: во время похода самозванца из Тулы к Москве Лошаков был дьяком «в Розряде»³²⁵. 14 июля 1605 г., как указывалось выше, он по-прежнему был дьяком Разрядного приказа³²⁶. 17 ноября 1605 г. в документах упоминаются дьяки Разрядного приказа И.Стрешнев, Т.Витовтов, П.Лошаков³²⁷. Петр Лошаков продолжал службу в этом ведомстве и в 1607 г.: в материалах Посольского приказа сохранилась память от 24 апреля 1607 г., отправленная в Разрядный приказ дьякам Т.Витовтову, И.Карташеву и П.Лошакову³²⁸. В 1607 г. дьяк Петр Лошаков участвовал в походе царя Василия Шуйского под Тулу против И.И.Болотникова (поход завершился в октябре 1607 г. взятием этого города)³²⁹. Как видно, в 1605-1607 гг. карьера Петра Лошакова была связана с Разрядным приказом, где на протяжении этих трех лет он имел чин дьяка.

Факты биографии Петра Алексеевича Третьякова не совпадают с данным этапом жизни Петра Лошакова. Долгое время считалось, что наиболее раннее упоминание о П.А.Третьякове относятся к 1605-1606 гг. (С.Б. Веселовский ошибочно приписывал ему службу в Разрядном приказе в 1605 г.; С.А.Белокуров впервые упоминает

Петра Третьякова как подьячего Посольского приказа в 1606 г.)³³⁰ Однако, в материалах делопроизводства Посольского приказа удалось обнаружить более раннее упоминание о Петре Алексеевиче Третьякове. В голландских столбцах сохранилась челобитная Петра Третьякова, поданная им на царское имя в 1615 г., когда он уже занимал пост судьи Посольского приказа. В этом документе Третьяков сообщал: «в 111-м году посылал царь Борис к датцкому Христьяну королю в посланниках Офонасья Власьева, а с ним... посылал меня, холопа твоего»³³¹. Позднее, в июне 1616 г., в царской грамоте, отправленной в Любек, было записано: «Извещал нашему царскому величеству... думной посольский дьяк Петр Третьяков: во сто первом на десять году блаженные памяти... царь... Борис Федорович... посылал к датцкому Христьяну королю в посланниках... посольского дьяка Офонасья Власьева, а он, Петр, был с Офонасьем в те поры в секретарех»³³². Из приведенных выдержек следует, что Петр Алексеевич Третьяков участвовал в посольстве Афанасия Власьева в Данию в июле 1603 – апреле 1604 гг., причем исполнял в составе этой миссии функции подьячего для письма (секретаря). Вероятно, в то время П.Третьяков уже являлся подьячим Посольского приказа, с которым была в дальнейшем связана его жизнь вплоть до 1608 г. В списке подьячих, служивших в Посольском приказе при А.И.Власеве (этот список, вероятно, отражает состояние штата дипломатического ведомства на 1604-1605 гг.), имя Третьякова не названо³³³. По всей видимости, в то время П.Третьяков, как и В.Телепнев, занимал должность «молодого» подьячего (они не перечислены в росписи поименно). Следующее упоминание о Петре Третьякове относится к 1606 г., когда Посольский приказ был возглавлен В.Г.Телепневым. В начале царствования Василия Шуйского в дьяки был пожалован первый подьячий Посольского приказа Андрей Иванов, отправлявшийся с посольством в Польшу. Его место в штате подьячих дипломатического ведомства было занято Петром Третьяковым: «А при царе Василье Ивановиче был в Посольском приказе диак Василей Телепнев, и Оondreю Иванову из подьячих велено быть во диацех, а на ево место был в подьячих Петр Третьяков, поместной оклад ему был 500 чети, денег 50 рублей»³³⁴. В качестве посольского подьячего П.А.Третьяков упоминается и 12 ноября 1607 г., когда по распоряжению Василия Телепнева он ходил «выговаривать» польским послам за их попытку самовольно уехать из Москвы³³⁵. В июне 1608 г. первый подьячий Посольского приказа Третьяков отъехал из Москвы в Тушинский стан второго самозванца³³⁶. Таким образом, жизнь и деятельность Петра Алексеевича Третьякова в 1603-1608 гг. была связана с Посольским приказом, где он служил подьячим, в то время как Петр Лошаков в это же время чис-

лился дьяком Разрядного приказа. Таким образом, отождествлять Петра Третьякова с Петром Лошаковым нет оснований.

Можно выдвинуть еще одну гипотезу о происхождении П.А.Третьякова. Возможно, он был выходцем из знатного рода Третьяковых-Головиных (Ховриных), выехавших на службу к московским государям в конце XV в. из крымского княжества Феодоро, и занимавших высокие посты в Московском государстве в XVI столетии. В пользу этой версии можно привести несколько аргументов. Во-первых, во вкладной книге Троице-Сергиева монастыря вклады по смерти думного дьяка Петра Третьякова записаны вместе с вкладами Третьяковых-Головиных: там же упоминаются Иван Иванович, Борис Семенович и Фома Третьяковы³³⁷. Во-вторых, в «Боярских списках» рубежа XVI-XVII столетий упоминается Алексей Фомич Третьяков, служивший в 1577 г. в стольниках, а в 1598/99 г. – в московских дворянах³³⁸. Если принять версию о том, что А.Ф.Третьяков был отцом П.А.Третьякова, то снимается вопрос об отчестве посольского дьяка: в этом случае он действительно должен именоваться Петром Алексеевичем Третьяковым. В-третьих, известно, что А.Ф.Третьяков и его брат С.Ф.Третьяков владели вотчинами в Московском (села Хорошево, Витенево, Ховрино)³³⁹, Ростовском (село Судино)³⁴⁰, Костромском (села Олексино и Широково)³⁴¹ уездах. В начале XVII в. Алексей Третьяков был крупным землевладельцем: в поход против Лжедмитрия в 1604 г. он выставил 26 всадников³⁴². Позднее, в 1608 г., возглавив Поместный приказ у Тушинского вора, Петр Третьяков получил земельные пожалования в тех же местах, где имели вотчины Третьяковы-Головины: село Сулось в Ростовском уезде и село Васильевское в Суздальском уезде³⁴³ (село Широково Костромского уезда, принадлежавшее Третьяковым, было расположено «на реке Шаче на Суздальском рубежу»)³⁴⁴. Учитывая, что все земельные пожалования в Тушинском лагере должны были осуществляться с ведома поместного дьяка, следует полагать, что вышеназванные села выбрал для себя сам Петр Третьяков.

Кроме того, предположение о знатном происхождении П.А.Третьякова объясняет его стремительную карьеру в начале правления Василия Шуйского, а затем в окружении Лжедмитрия II, при «семибоярщине» и Михаиле Романове. В 1606 г., после убийства «расстриги», Петр Алексеевич выдвинулся на должность первого посольского подьячего, обойдя в карьерном продвижении других подьячих, имевших гораздо больший опыт дипломатической работы. В Тушино Третьяков практически сразу был пожалован из подьячих в думные дьяки Поместного приказа. Здесь он также оказался на более значимых постах, чем другие сторонники самозван-

ца, ранее стоявшие в служебном отношении выше него. Например, И.Т.Грамотин, отъехавший в Тушино из Пскова вскоре после Третьякова, в сентябре 1608 г., мог рассчитывать на большую благосклонность при дворе Лжедмитрия, поскольку при «царе Димитрии Ивановиче», за которого выдавал себя второй самозванец, он имел чин думного дьяка и руководил Поместным и Посольским приказами. При царе Василии Шуйском Грамотин, как говорилось выше, подвергся опале и был выслан из столицы. Однако Иван Грамотин, приехавший в Тушино дьяком, оставался в этом чине вплоть до 1610 г., когда перешел на сторону короля Сигизмунда. В то же время Петр Третьяков, занимавший при «царе Димитрии» скромную должность подьячего и не только не подвергшийся опале, но и возвышенный врагом Тушинского вора Василием Шуйским до первого подьячего Посольского приказа, был немедленно пожалован Лжедмитрием II в думные дьяки одного из важнейших ведомств (думным дьяком П.А.Третьяков именуется уже в письме к Я.Сапеге в декабре 1608 г.)³⁴⁵ Вероятно, возвышение Третьякова в Тушино объясняется не его тождеством с разрядным дьяком Петром Лошаковым, как предположил Б.А.Куненков³⁴⁶, а принадлежностью Петра Алексеевича к знатному роду. Этим же, вероятно, объясняется и тот факт, что в августе 1610 г. П.Третьяков был назван в числе самых родовитых сторонников Лжедмитрия, вместе с М.Турениным, Ф.Долгоруким, А.Сицким, Ф.Засекиным, А.Нагим, Г.Сунбуловым, Ф.Плещеевым³⁴⁷. Позже, после капитуляции польского гарнизона в Кремле в конце 1612 г., Петр Третьяков был едва ли не единственным из дьяков, который сидел с поляками в осаде и не подвергся со стороны ополченцев даже временной опале (его товарищи по чину были наказаны за сотрудничество с поляками: Ф.Андронов казнен; И.Безобразов, С.Соловецкий, Б.Замочников подвергнуты пыткам (причем последний скончался)³⁴⁸, Е.Кувшинов лишен дьячества; Е.Витовтов, И.Грамотин и В.Янов, находившиеся в тот момент в Польше, были провозглашены изменниками). Наказания не понесли люди родовитые: официально они считались «пленными» у поляков. Петр Третьяков также не был наказан; напротив, вскоре после освобождения Москвы его поставили во главе Посольского приказа. Все это позволяет предположить, что П.А.Третьяков происходил из знатного рода.

В пользу предположения о знатном происхождении дьяка Третьякова свидетельствует и следующий факт. В документации Посольского приказа 1615-1616 гг. судья Посольского приказа именуется «с вичем»³⁴⁹. В марте 1618 г. П.А.Третьяков был включен в состав комиссии, которая должна была отправиться на мирные переговоры с польскими дипломатами. При этом во всех случаях,

когда перечислялись имена членов русской делегации, в тексте были оставлены пустые места под отчество Петра Третьякова, а в одном месте имя думного дьяка было написано полностью, «с вичем» — «Петру Алексеевичу Третьякову»³⁵⁰. Обыкновенно же имена думных дьяков в официальных документах писались вовсе без отчества.

Попытаемся разобраться в причинах, по которым выходец из рода Третьяковых-Головиных начал службу в приказной системе. Возможно, это было следствием опалы, какой были подвергнуты Головины в конце XVI в. в период регентства Бориса Годунова. Они стали первыми представителями знати, на которых была положена опала после смерти Ивана Грозного. Члены этого семейства находились в ссылке на воеводствах в окраинных городах вплоть до прихода в Москву Лжедмитрия. Известно, что Головины были давними сторонниками князей Шуйских, составлявших в конце XVI в. оппозицию Борису Годунову³⁵¹. В «Боярских списках» рядом с именами Третьяковых-Головиных имеются пометки, свидетельствующие о том, что они также находились в немилости. Так, в списке 1588-1589 гг. рядом с именем А.Ф.Третьякова были записаны слова «отослан, у пристава»³⁵²; в списке 1598-1599 гг. имя А.Ф.Третьякова было зачеркнуто, рядом с ним помещена запись — «в Сибирь»³⁵³. Василий Алексеич Третьяков (вероятно, брат Петра Алексеича) в списке жильцов 1602-1603 гг. стоит последним³⁵⁴. Кроме того, по наблюдениям А.П.Павлова, дети представителей знати редко служили в жильцах³⁵⁵. По всей видимости, опала семейства Головиных стала причиной службы П.А.Третьякова подьячим в Посольском приказе. Интересно также, что начало быстрого карьерного продвижения Петра Третьякова относится ко времени воцарения Василия Шуйского, сторонниками которого были Головины.

Таким образом, начальный период биографии Петра Алексеича Третьякова восстанавливается следующим образом. Петр Третьяков родился в семье Алексея Фомича Третьякова, вероятно, на рубеже 70-80 гг. XVI в. (в это время А.Ф.Третьяков был стольником, а стольники, по данным А.П.Павлова, в массе своей были людьми молодыми; сын А.Ф.Третьякова и брат Петра Алексеича Василий в начале XVII в. был жильцом, которые в большинстве случаев также были молодыми)³⁵⁶. После опалы, которой был подвергнут род Головиных в 80-е годы XVI в., Петр Алексеич Третьяков, вероятно, был вынужден по вступлении в зрелый возраст начать службу в каком-либо из московских приказов. Служить в Посольском приказе Третьяков начал на рубеже XVI-XVII вв. (в списке посольских подьячих 1594 г. он еще не назван, а в 1603-1604 гг. он уже участвовал в посольстве А.И.Власьева в Данию). До середи-

ны 1608 г. Петр Алексеевич служил в дипломатическом ведомстве, где с мая — июня 1606 г. был первым подьячим. После прихода под Москву войска Лжедмитрия II подьячий Третьяков перешел на его сторону и был пожалован им в думные дьяки.

В 1608-1609 гг. П.А.Третьяков был одним из ближайших сподвижников «Тушинского вора», возглавляя «воровской» Поместный приказ и участвуя в боевых действиях. В конце ноября 1609 г. Петр Третьяков вместе с «воровским» воеводой князем Григорием Шаховским отправил послание польским послам, ехавшим на переговоры в Тушино. В письме содержалось требование сократить посольскую свиту до 100 человек³⁵⁷, поскольку сторонники самозванца полагали (и не без оснований), что целью польских дипломатов являлся раскол тушинского лагеря. После бегства самозванца из Тушино Третьяков последовал за ним в Калугу, где по-прежнему руководил Поместным приказом. Немецкий наемник Конрад Буссов обвинял П.А.Третьякова в том, что в Калуге он был одним из доносчиков Лжедмитрию II на служивших ему немцев: «Ложные доносы на немцев делали советники Димитрия, а именно: князя Григорий Шаховской, Трубецкой, Рындин, Петр Алексеевич, Михаил Константинович Юшков, Третьяков, Никифорович и еще некоторые другие. Все они получили и заняли те превосходные поместья, которые в свое время Димитрий дал немцам за верную службу. Поэтому они опасались, что если немцы останутся в милости, то эти поместья могут быть у них отняты и снова отданы немцам»³⁵⁸. По-видимому, Буссов ошибочно упомянул поместного дьяка в этом отрывке дважды — как Петра Алексеевича и как Третьякова. После свержения в Москве Василия Шуйского П.А.Третьяков изменил Лжедмитрию и уже 28 августа 1610 г. «принес вино» королевичу Владиславу³⁵⁹. Вскоре, лишенный думного чина, Петр Третьяков вместе с воеводой И.М.Салтыковым был отправлен приводить к присяге польскому принцу Новгород Великий. В ноябре 1610 г. Салтыков и Третьяков уведомили своей грамотой короля Сигизмунда о том, что Новгород присягнул Владиславу³⁶⁰. После этого Петр Алексеевич был дьяком в Новгороде и оставался на этом посту, вероятно, до марта 1611 г., когда город восстал против московского правительства.

Сведения о деятельности Третьякова в последующие полгода отсутствуют. Вероятно, по окончании новгородского восстания он отправился в подмосковный лагерь Первого ополчения, где 20 августа 1611 г. упоминается уже в качестве думного дьяка Поместного приказа. В ополчении Д.Т.Трубецкого и И.М.Заруцкого Петр Третьяков оставался до декабря 1611 г. Вскоре П.А.Третьяков вновь перешел на сторону королевича Владислава: 25-26 января 1612 г. он

скрепил своей подписью «увещательные грамоты» в Ярославль и Кострому, призывая жителей этих городов подчиниться сыну короля Сигизмунда³⁶¹. Можно предположить, что перебежавший в Кремль в начале 1612 г. Петр Алексеевич Третьяков возглавил столичный Посольский приказ вместо бежавшего в это же время в Польшу Ивана Грамотина. Косвенным подтверждением этой мысли является то, что после освобождения Москвы именно Третьяков был поставлен во главе Посольского приказа «временного правительства» — «Совета всея земли» как представитель администрации, сотрудничавшей с поляками (вместе с ним приказ возглавил сторонник Ополчения Романчуков). Однако прямых доказательств данной гипотезы обнаружить не удастся.

Следующее (после января 1612 г.) упоминание Третьякова в источниках относится к ноябрю 1612 г., когда Москва была освобождена от польского гарнизона. Неясным остается вопрос о том, перешел ли П.Третьяков на сторону ополчений до капитуляции поляков, или вышел из Кремля вместе с московским правительством королевича Владислава. Б.А.Куненков предположил, что Третьяков примкнул к отрядам К.З.Минина и Д.М.Пожарского ранее июня 1612 г., поскольку можно отметить определенные текстологические совпадения между грамотой, отправленной Пожарским 20 июня 1612 г. к императору Рудольфу II, и наказами, составленными для русских послов в 1613 г., когда П.А.Третьяков стоял во главе Посольского приказа³⁶². Однако, это не является бесспорным доказательством того, что Третьяков в июне 1612 г. находился в ополчении и был автором грамоты, направленной в Империю. Текстологические совпадения грамоты и посольских наказов могут объясняться и тем, что в 1613 г. Посольский приказ при составлении документации для посольств за границу пользовался материалами, накопившимися в его архиве за предыдущие годы. Подобная практика была достаточно распространенной: например, можно обнаружить текстологические совпадения между наказом И.Кондыреву и М.Неверову, отправленным во Францию в 1615 г., и наказом М.Татищеву и А.Иванову, выехавшим в Грузию в 1604 г. (в части, где говорится о гибельных последствиях вражды между христианскими народами)³⁶³. Наконец, текстологические совпадения в грамотах 1612 и 1613 гг. могут быть объяснены и пребыванием летом 1612 г. в лагере Второго ополчения дьяка Саввы Романчукова, который позднее стал вторым посольским дьяком. Таким образом, доказать тезис о переходе Петра Третьякова на сторону ополченцев еще до капитуляции польского гарнизона Кремля не удастся.

15 ноября 1612 г. Петр Третьяков подписал грамоту от Земского совета в Новгород. Спустя неделю, 21 ноября, он упоминается уже

в качестве дьяка Посольского приказа. Думный чин был пожалован ему 13 июня 1613 г. (столь длительный промежуток времени между назначением на должность главы Посольского приказа и производством в думные дьяки объясняется, скорее всего, тем, что Третьяков возглавил дипломатическое ведомство в условиях междуцарствия — Михаил Романов венчался на царство лишь 11 июня). Именно Петр Алексеевич Третьяков скрепил своей приписью «грамоту утвержденную» об избрании на престол Михаила Федоровича; позднее эта грамота хранилась в Посольском приказе³⁶⁴. В день царского венчания Петру Третьякову было поручено сообщить боярам их места и функции в этой церемонии³⁶⁵.

Став главой российской дипломатии, П.А.Третьяков принимал активное участие в восстановлении дипломатических связей с соседними державами. 23 марта 1613 г. им были отправлены грамоты в Рязань и Казань — дьяк распорядился улучшить содержание находившихся там ногайских послов, приехавших еще при Василии Шуйском. 18 августа 1613 г. Третьякову была доставлена грамота ногайского князя Иштерека, присланная из Тобольска. В тот же день Третьяков распорядился отправить ногайских посланников в Москву³⁶⁶. В 1613 г. под руководством П.А.Третьякова были подготовлены посольства в Империю и Голландию, Данию, Англию, Крым, Турцию, Персию, Ногайскую Орду. Целью всех этих миссий было известить о восшествии на престол Михаила Федоровича и добиться помощи зарубежных держав в борьбе против Польши и Швеции. Факт участия Петра Третьякова в составлении документации для послов подтверждается тем, что в черновике наказа посланникам в Крым А.Лодыженскому и П.Данилову в конце текста сохранилась его подпись³⁶⁷. Посольства 1613 г. частично справились со своими задачами: все державы, кроме Империи и Речи Посполитой, признали законность прав Михаила Романова на российский престол; дипломатические отношения, прерванные Смутой, были возобновлены, однако военной помощи Московскому государству никто не оказал.

Помимо подготовки посольств, Петру Третьякову приходилось участвовать в аудиенциях и переговорах с иностранными дипломатами. В 1614–1615 гг. в Москве принимали послов из Англии, Дании, Голландии, Крыма, Турции, Персии, Ногайской Орды и ряда других держав. 29 июня 1614 г. Третьяков расспрашивал в Посольском приказе ногайского гонца³⁶⁸; в январе — мае 1615 г. принимал в Посольском приказе голландского гонца Исаака Массу и 31 мая участвовал в аудиенции этому дипломату³⁶⁹; 1 января 1615 г. Третьяков присутствовал на приеме английского посла Джона Меррика, а затем входил в состав ответной комиссии на переговорах с ним³⁷⁰;

13 января 1615 г. П.Третьяков вел переговоры с персидским гонцом Ходжи-Муртозой³⁷¹. Вплоть до весны 1618 г. думный дьяк Петр Третьяков был неизменным участником всех аудиенций, переговоров и иных дел дипломатического характера. Не во всех начинаниях посольскому дьяку сопутствовал успех. Так, в 1615-1616 гг. сорвались мирные переговоры между Московским государством и Польшей, причем позднее автор «Нового летописца» возложил вину в этом на Петра Алексеевича Третьякова: «Всему же тому доброму делу и посольству было разрушение от дьяка Петра Третьякова». Судью Посольского приказа обвиняли также в изменнических связях со шведами, оккупировавшими Новгород³⁷². В целом, однако, результаты государственной деятельности П.А.Третьякова следует оценить положительно. В годы руководства Третьякова Посольским приказом дипломатические связи с соседними государствами были не только восстановлены, но и расширены: русские дипломаты посетили новые для российской внешней политики страны; начался обмен посольствами с Голландией. Одним из важнейших результатов деятельности Посольского приказа в 1613-1617 гг. стало заключение Столбовского мира между Московским государством и Швецией в феврале 1617 г. Анализируя внешнеполитическую деятельность П.А.Третьякова, можно прийти к выводу, что судья Посольского приказа был вполне самостоятельным руководителем дипломатического ведомства. Вряд ли можно согласиться с мнением Б.А.Куненкова, считающего, что Третьяков не был хорошим специалистом и «должен был нуждаться в помощи чиновников — профессионалов», каковым стал его заместитель С. Романчуков. Б.А.Куненков высказал мысль, согласно которой в 1612-1618 гг. Посольским приказом управлял «дуумвират»³⁷³. Однако, материалы делопроизводства Посольского приказа не позволяют сделать вывода о том, что деловые отношения судьи приказа и его заместителя в данный период в чем-либо отличались от аналогичных отношений в последующее время. Безусловно, как и все другие руководители Посольского приказа, Петр Третьяков нуждался в высококвалифицированных специалистах, но при этом не следует недооценивать уровня профессионализма самого судьи ведомства, имевшего опыт работы в подьячих Посольского приказа. Кроме того, известны случаи, когда П.А.Третьяков вел переговоры с иностранными дипломатами совершенно самостоятельно, без участия второго посольского дьяка (как, например, в декабре 1614 — январе 1615 гг. с персидским гонцом)³⁷⁴.

Оценивая государственную деятельность П.А.Третьякова, следует отметить, что помимо Посольского приказа он руководил Устюжской четвертью (С.Б.Веселовский указывает, что это ведомство было воз-

главлено Третьяковым 2 апреля 1616 г.³⁷⁵, однако в источниках удается обнаружить более раннее упоминание о руководстве П.А.Третьякова Устюжской четью, относящееся к 13 сентября 1614 г.³⁷⁶). Кроме того, Третьяков руководил приказом Казанского дворца (упоминается как глава этого учреждения 8 февраля, 18 мая и 21 июня 1616 г.)³⁷⁷; в июне 1617 г. П.А.Третьяков вместе с И.Б.Черкасским пересматривал жалованные грамоты после отмены тарханов³⁷⁸.

Петр Третьяков был одним из самых богатых людей в своем чину и крупным землевладельцем. Ему принадлежали поместья и вотчины в Вологодском и Арзамасском уездах³⁷⁹; в 1617 г. он обменял свое вологодское поместье на поместье в Рязанском уезде³⁸⁰. Годовое денежное жалованье думного дьяка Третьякова составляло 200 рублей³⁸¹. Как и И.Т.Грамотин, П.А.Третьяков был нечист на руку: в 1646 г. русские купцы жаловались царю на иноземцев, получивших грамоты на льготы посулами этим посольским дьякам. Недовольны Третьяковым были и иностранные купцы, в частности, голландцы. И.Масса в своих донесениях сообщал о смерти посольского дьяка Третьякова с нескрываемой радостью³⁸².

От руководства Посольским приказом П.А.Третьяков отошел, вероятно по состоянию здоровья, незадолго до смерти. Последняя из сохранившихся подорожных грамот, выданных по памяти за приписью Третьякова, датирована 3 сентября 1617 г.³⁸³; после этого с 7 сентября 1617 г. по 30 июня 1618 г. подорожные дипломатам и иностранцам выдавались по памятям за приписью дьяка Саввы Романчукова³⁸⁴. В Описи 1626 года сохранилась запись о приеме посла от крымского царевича Шан-Гирея — Эминшертя — дьяком Саввой Романчуковым³⁸⁵ (последнее, согласно сохранившимся документам, имело место в марте 1618 г.)³⁸⁶ 20 марта 1618 г. калмыцких послов принимал в Посольском приказе один Савва Романчуков, причем в столбце было записано, что Петр Третьяков в это время был болен³⁸⁷. 29 марта 1618 г. П.А.Третьяков присутствовал на аудиенции, данной ногайским и калмыцким послам³⁸⁸. Последнее упоминание в документах об исполнении Петром Третьяковым обязанностей посольского дьяка относится ко 2 апреля 1618 г., когда он принимал в Посольском приказе крымских послов³⁸⁹. Вероятно, Петр Алексеевич заболел и окончательно отстранился от руководства приказом в апреле: 12 апреля 1618 г. распоряжения о финансировании посольства в Персию отдавал уже его заместитель С.Романчуков³⁹⁰. 1 мая 1618 г. Третьяков должен был присутствовать на аудиенции крымскому послу Шебан-аге (церемония был составлен заранее), однако вместо него функции главы Посольского приказа на приеме исполнял дьяк Савва Романчуков³⁹¹. 2 мая

И.Т.Грамотину было поручено замещать судью Посольского приказа в переговорах со шведскими послами.

Точная дата смерти Петра Третьякова неизвестна. Еще в марте 1618 г. он был назначен участвовать в предполагавшемся съезде с польскими послами³⁹². 10 и 14 мая из Посольского приказа в Разрядный и Стрелецкий приказы были отправлены памяти, отписки по которым указали переслать в Посольский приказ дьякам П.Третьякову и С.Романчукову³⁹³. Вероятно, на тот момент еще была надежда на возвращение Петра Алексеевича к руководству дипломатическими делами. 16 мая 1618 г. Вожезерскому монастырю была дана жалованная несудимая грамота за приписью П.А.Третьякова³⁹⁴. 13 июня 1618 г. супруга Петра Алексеевича, Варвара, уже упоминала в своей челобитной, что ее мужа «не стало»³⁹⁵. Перед смертью Петр Третьяков постригся в монахи под именем Павла; его вотчина в Арзамасском уезде отошла вдове и сыновьям Ивану и Юрию³⁹⁶. Троице-Сергиев монастырь получил по смерти думного дьяка необычно маленький для человека его социального положения вклад — 20 рублей. Возможно, это объясняется обстоятельствами времени — на Москву в тот момент надвигалось войско польского королевича Владислава. Спустя 10 лет после смерти П.А.Третьякова его вдова Варвара пожаловала монастырю драгоценный крест стоимостью в 200 рублей (этот крест позднее был использован при крещении царевича Алексея Михайловича)³⁹⁷.

Раздел 2.

Должность второго дьяка в Посольском приказе

Эпоха Смуты стала временем, когда произошли некоторые изменения в системе руководства Посольского приказа. В рассматриваемое время в дипломатическом ведомстве учреждается постоянная должность второго посольского дьяка. В источниках можно найти упоминания о том, что в Посольском приказе было два дьяка еще в конце XVI в. Так, в выписке о русско-английских отношениях в связи с приездом в Москву посла Джильса Флетчера (1588-1589 гг.) используются формулировки: «сказывал в Посольском приказе дьяком», «и дьяки сказывали бояром»³⁹⁸. С.А.Белокуров высказал предположение, что в 1600-1601 гг. должность второго посольского дьяка занимал А.Власьев; в 1607-1608 гг. — А.Иванов; в 1610 г. — М.Поздеев³⁹⁹. Однако, рассмотрение материалов делопроизводства Посольского приказа начала XVII столетия не позволяет подтвердить эту версию, за исключением случая Афанасия Власьева, который упоминался в качестве посольского дьяка в январе

1601 г., еще до опалы судьи Посольского приказа В.Я.Щелкалова, а, следовательно, был вторым дьяком дипломатического ведомства. Относительно же Андрея Иванова и Марка Поздеева источники не дают возможности сделать подобный вывод. Андрей Иванов после пожалования в дьяки и возвращения из польского посольства упоминается в связи с дипломатическими делами лишь в 1607-1608 гг. на переговорах с польскими послами. Введение его в ответную комиссию объясняется тем, что он являлся участником последнего посольства в Речь Посполитую, а потому был одним из самых осведомленных лиц в Москве по вопросам русско-польских отношений. Аналогичный случай имел место и позднее, когда в ответную комиссию английскому послу Дж. Меррику в 1616 г. вошел вместо второго посольского дьяка С.Романчукова дьяк Н.Новокшенов, находившийся до этого вместе с Мерриком на русско-шведских переговорах в Дедерино⁴⁰⁰. В переговорах и аудиенциях другим иностранным дипломатам дьяк Андрей Иванов участия не принимал.

Марк Поздеев упоминается в качестве дьяка Посольского приказа лишь однажды, в марте 1610 г., причем упоминание это позднего происхождения: соответствующий документ был представлен в Разрядный приказ в конце XVII в., после отмены местничества⁴⁰¹, и в данном случае вполне возможна ошибка. В материалах Посольского приказа, относящихся к марту 1610 г., имя М.Поздеева не упоминается.

Известно, кроме того, что в течение полугода (с сентября 1610 г. по март 1611 г.) во главе Посольского приказа одновременно стояли два думных дьяка — И.Т.Грамотин и В.Г.Телепнев⁴⁰². Подобная ситуация объясняется, вероятно, тем, что в указанное время в Москве сложилась своего рода система двоевластия, поскольку люди короля Сигизмунда в это время постепенно оттесняли от руководства московскую администрацию «семибоярщины». Позднее, вплоть до второй половины XVII в., в Посольском приказе числился лишь один думный дьяк.

Таким образом, в течение 1602-1610 гг. в связи с внешнеполитическими делами, за исключением случая русско-польских переговоров 1607-1608 гг., упоминается лишь один дьяк; в царских грамотах в города приказывается отдавать отписки в Посольский приказ одному посольскому дьяку; наконец, в росписях посольских подьячих конца XVI — начала XVII вв. указывается, что приведенные списки подьячих относятся ко времени «...как был в Посольском приказе дьяк Афонасей Власьев», «...был в Посольском приказе дьяк Василей Телепнев» и т.д.⁴⁰³ Лишь со времени царствования Михаила Романова в росписях указывается, что перечисленные подьячие служили в Посольском приказе при дьяках Петре Третья-

кове и Савве Романчукове, а затем при Иване Грамотине и Савве Романчукове; Савва Романчуков по смерти в 1624 г. был заменен дьяком Максимом Матюшкиным⁴⁰⁴. Начиная с 1613 гг. в переговорах с иностранными дипломатами принимают участие два посольских дьяка; отписки по внешнеполитическим вопросам из городов адресуются в Посольский приказ «дьяком думному Петру Третьякову да Саве Раманчукову»⁴⁰⁵. Таким образом, постоянная должность второго посольского дьяка была учреждена лишь в 1612-1613 гг., и в рассматриваемый нами временной период вторым дьяком Посольского приказа являлся Савва Романчуков. В связи с этим его биография излагается в настоящей главе, очерки же о М.Поздееве и А.Иванове приведены в приложении к следующей главе, в которой рассматривается штат подьячих Посольского приказа.

Савва Романчуков. Впервые его имя упоминается в документах в 1594 г., когда он уже был «средним» подьячим Посольского приказа. Возможно, Савва Романчуков имел отчество Самсонович (в датском столбце 1619 г. имеется указание о том, что «расспросные речи» датского гонца были присланы в Посольский приказ «дьякам думному Ивану Грамотину да Саве Самсонову»⁴⁰⁶ (во всех других случаях второй посольский дьяк именуется Романчуковым). Согласно росписи подьячих Посольского приказа 1594 г., Савва Романчуков имел поместный оклад 250 четей и денежное жалованье 25 рублей; этот оклад сохранялся за ним и при А.И.Власьеве⁴⁰⁷. Однако, если в росписи 1594 г. Романчуков был записан четвертым из пяти «средних» подьячих, то около 1604 г. его имя стоит в списке из шести «средних» подьячих вторым. В качестве посольского подьячего Романчуков упоминается в 1606 г., когда во главе приказа уже стоял дьяк Василий Телепнев: в Описи 1626 года была отмечена «роспись деньгам и рухляди Посольсково приказу 114-го году, что диак Василей Телепнев отдал подьячему Петру Третьякову налицо денег, и золотых, и рухляди... — ведает подьячей Сава Романчуков, ...руки у росписи подьячих Петра Третьякова, да Савы Романчукова, да Ивана Зиновьева»⁴⁰⁸. Согласно описанию этого документа, С.Романчуков приложил руку к росписи вторым после П.Третьякова, который в означенное время был первым подьячим Посольского приказа. Это позволяет предположить, что к 1606 г. Савва Романчуков стал одним из «старых» посольских подьячих. Вероятно, С.Романчуков продолжал службу в Посольском приказе и в последующие годы. В 1616 г. в Посольском приказе было составлено описание черновика грамоты, отправленной в Швецию в ноябре 1609 г. При этом было указано: «У той же грамоты помета дьяка Савы Раманчукова на поле вверху против царя Васильевых

титл: «По княж Михайлове отписке Василь[евича] [Скопина – Шуйского – Д.Л.] ся грамота переписана»⁴⁰⁹. Данное указание позволяет нам сделать вывод о том, что Савва Романчуков служил в Посольском приказе по меньшей мере до конца 1609 г., когда Посольский приказ координировал переговоры М.В.Скопина – Шуйского со шведскими дипломатами. Был ли Романчуков уже тогда назначен дьяком – неизвестно; указание на его дьячество может относиться к 1616 году, когда производилось описание черновика грамоты. В 1610/11 г., после свержения Василия Шуйского, Романчуков упоминается в качестве дьяка (по предположению С.Б.Веселовского – Денежного двора)⁴¹⁰.

Материалы делопроизводства Посольского приказа позволяют осветить еще один эпизод из жизни Саввы Романчукова, относящийся к эпохе «междоусобия». В августе 1612 г. Романчуков находился при Втором ополчении К.З.Минина и Д.М.Пожарского, причем, вероятно, ведал посольскими делами ополченцев. 10 августа 1612 г. Савва Романчуков в Переяславле-Залесском вел переговоры с шотландцем Яковом Шавом, приехавшим предлагать князю Пожарскому услуги иностранных наемников в деле освобождения Москвы: «Августа в 10 день по приказу стольника и воеводы князя Дмитрея Михайловича Пожарского дьяк Сава Романчуков спрашивал немчина Якова Шава». В беседе с шотландцем дьяк выяснил, что английский престол по-прежнему занимает Яков I, в Империи Рудольфа II сменил Матвей I, Швеция ведет войну с Данией; Романчуков пытался также узнать, в каких отношениях между собой находятся Речь Посполитая и империя Габсбургов⁴¹¹. Крут вопросов, освещенных в ходе переговоров Романчукова и Шава, свидетельствовал о понимании дьяком системы взаимоотношений между европейскими государствами и стремлении определить место Московского государства в этой системе в изменившихся условиях.

Итак, в 1612 г. Савва Романчуков руководил дипломатией Второго ополчения. Это объясняет факт назначения его вторым посольским дьяком после освобождения Москвы в конце 1612 г. Вероятно, Романчуков был сделан одним из руководителей Посольского приказа как человек, связанный с победившими ополченцами (в противовес находившемуся с поляками в осаде и скомпрометировавшему себя службой Лжедмитрию II Третьякову). 21 ноября 1612 г. Савва Романчуков упоминается как второй дьяк Посольского приказа. С этого момента вплоть до смерти П.А.Третьякова он был вторым посольским дьяком. В 1613 г. в Посольском приказе им была справлена память в Поместный приказ⁴¹². В сентябре 1614 г., когда Петр Третьяков отбыл с царем Михаилом на богомолье, Савва Романчуков оставался в Москве и руководил Посольс-

ким приказом⁴¹³. До 1618 г. С.Романчуков, наряду с П.Третьяковым, был участником переговоров с иностранными дипломатами.

В историографии господствует точка зрения, согласно которой по смерти Петра Третьякова судьей Посольского приказа сразу был назначен Иван Грамотин, при котором Савва Романчуков оставался вторым дьяком. Этой точки зрения придерживался С.А.Белокуров, а следом за ним все позднейшие исследователи⁴¹⁴. Однако, данные делопроизводства Посольского приказа позволяют сделать вывод о том, что в течение некоторого времени, когда Петр Третьяков уже отошел от посольских дел, а Иван Грамотин еще не был поставлен во главе дипломатического ведомства, Савва Романчуков исполнял функции руководителя Посольского приказа. По всей видимости, Савва Романчуков начал руководить Посольским приказом уже в апреле 1618 г., во время болезни Петра Третьякова. 12 апреля второй посольский дьяк отдает распоряжения, свидетельствующие о том, что в это время он выступает уже как глава дипломатического ведомства: «И апреля в 12 день дьяк Сава Раманчуков приказал, что государь указал те деньги дать в Казани ис казанских изо всяких доходов, и память в Казанской Дворец приказал послать, и по его приказу память послана за ево ж, Савиною, приписью...»⁴¹⁵. В очерке о Третьякове отмечалось, что подорожные дипломатам и иностранцам с 7 сентября 1617 г. по 30 июня 1618 г. выдавались только за приписью Романчукова; в марте 1618 г. он принимал в приказе крымского посланника Эминшертя. Уже 11 июня 1618 г. в поволжских городах получили грамоты за приписью посольского дьяка Саввы Романчукова⁴¹⁶. 14 и 17 июня 1618 г. в Посольский приказ пришли отписки, адресованные дьяку Савве Романчукову (а не двум дьякам, как было прежде)⁴¹⁷. 17 июня 1618 г. приставу при крымских гонцах было велено кормовые расходные книги отдать в Посольском приказе дьяку Савве Романчукову⁴¹⁸. 25 июля 1618 г. С.Романчуков принимал в Посольском приказе крымского гонца Ибрагим — мурзу, причем исполнял функции руководителя ведомства: «корошевался» с крымцами и вел с ними переговоры⁴¹⁹. 28 июля Романчуков присутствовал на аудиенции, данной царем Ибрагим — мурзе. Во время церемонии приема Савва Романчуков вновь играл роль, отведенную русским посольским церемониалом судьей Посольского приказа: принимал гонца в Посольской палате, взял у него грамоты, являл посланникам царские подарки (шубы), говорил речь от имени царя Михаила⁴²⁰. Возвратившийся из Ногайской Орды во второй половине 1618 г. посланник С.Рагозин отдал статейный список в Посольском приказе С.Романчукову⁴²¹. 4 февраля и 20 марта 1619 г. Романчуков принимал в Посольском приказе крымского посла Мустафу-мурзу (в первом случае — с кня-

зем Г.К.Волконским)⁴²²; 20 марта он также присутствовал на аудиенции крымскому дипломату, исполняя функции, которые прежде исполнялись думными посольскими дьяками⁴²³. В апреле 1619 г. в Посольском приказе была заготовлена роспись будущего приема у царя грузинского посла, причем роль руководителя дипломатического ведомства на аудиенции вновь играл «посольской дьяк Сава Романчуков»⁴²⁴. 20 апреля 1619 г. к Романчукову приходил с докладом пристав крымских послов⁴²⁵; 20 марта и 22 апреля С.Романчуков вел в Посольском приказе переговоры с Ибрагим — мурзой⁴²⁶; 5, 11 и 21 мая 1619 г. в Посольский приказ были присланы памяти, адресованные дьяку Савве Романчукову⁴²⁷. 2 июня 1619 г. в Разрядный приказ была отправлена память, согласно которой дьяки этого ведомства должны были отправить отписку в Посольский приказ к дьяку С.Романчукову⁴²⁸. Иван Грамотин, как отмечалось выше, за исключением шведских дел, упоминается во главе дипломатического ведомства лишь с 21 июня 1619 г. Перечисленные факты позволяют сделать вывод о том, что с мая 1618 г. до июня 1619 г. Посольским приказом руководил дьяк Савва Романчуков. Только после назначения думным посольским дьяком И.Т.Грамотина (между 2 и 21 июня 1619 г.) Савва Романчуков стал вторым посольским дьяком, каковым и оставался до своей кончины. 3 и 20 октября 1619 г. С.Романчуков вместе с Г.К.Волконским вновь принимал в Посольском приказе крымских послов и гонцов, но в это время он уже был вторым дьяком (судья приказа, Иван Грамотин, находился в это время с царем на богомолье)⁴²⁹.

Помимо службы в дипломатическом ведомстве, в 1620/21-1623/24 гг. Савва Романчуков упоминается в качестве дьяка Новгородской четверти (подчиненной Посольскому приказу)⁴³⁰. По данным С.А.Белокурова, Савва Романчуков умер в середине 1624 г. (не упоминается в Посольском приказе с 22 сентября 1624 г.) и был заменен на посту второго посольского дьяка Максимом Матюшкиным. С.Б.Веселовский ошибочно указывает, что 21 октября 1625 г. Романчуков еще числился посольским дьяком⁴³¹.

Итак, как уже отмечалось, в начале XVII в. Посольский приказ возглавляли приказные судьи — думные дьяки — и их заместители — вторые дьяки. Однако, следует отметить, что в самом начале рассматриваемого периода имел место случай, когда во главе дипломатического ведомства оказывалось лицо, не являвшееся дьяком Посольского приказа. Впервые такая ситуация сложилась в начале 1604 г. Вместо отбывшего летом 1603 г. с посольством в Данию думного дьяка Афанасия Власьева, Посольский приказ временно возглавил думный дьяк Иван Грамотин. При этом Грамотин официально именовался посольским дьяком. Однако, в конце 1603 —

начале 1604 г., Иван Грамотин по неизвестной причине был отстранен от руководства Посольским приказом еще до возвращения в Москву Афанасия Власьева. В течение первых месяцев 1604 г. дипломатическое ведомство находилось в подчинении у дьяка Новгородского Разряда Григория Ивановича Клобукова. В феврале 1604 г. в связи с приездом в Москву грузинского посольства из столицы рассылаются памяти за приписью дьяка Г.Клобукова; 18 февраля 1604 г. Клобуков принимал в Посольском приказе грузинских послов; 4 марта 1604 г. присутствовал на аудиенции грузинской миссии; 9 марта вел переговоры⁴³². Григорию Клобукову было велено также заниматься делами греческой миссии, ехавшей в Москву за милостыней в начале 1604 г.⁴³³ Однако при этом в дипломатической документации Клобуков ни разу не был назван посольским дьяком. Напротив, выписки и отписки по посольским делам предписывалось присылать к дьяку Григорию Клобукову в Новгородский Разряд⁴³⁴. Следовательно, в течение нескольких месяцев в начале 1604 г. Посольский приказ ведался человеком, не получившим даже формального назначения на пост посольского дьяка.

Кроме того, следует отметить, что в отсутствие в Посольском приказе думного дьяка, при переговорах с иностранцами на помощь руководителю приказа назначался кто-либо из членов государственного двора. Так, в феврале 1604 г. вместе с Григорием Клобуковым грузинских послов принимал в Посольском приказе думный дворянин и ясельничий Михаил Татищев⁴³⁵, отправившийся спустя два с половиной месяца во главе посольства в Грузию. В начале 1619 г., когда в Посольском приказе не было думного дьяка (Савва Романчуков так и не получил думного чина), а также во время отсутствия в Москве думного дьяка Ивана Грамотина, на переговоры с крымчаками вместе с Саввой Романчуковым являлся окольный князь Григорий Константинович Волконский, имевший богатейший опыт общения с крымскими дипломатами⁴³⁶. Следовательно, в начале и в конце рассматриваемого нами периода бывали случаи, когда дипломатическими делами ведали лица, не состоявшие на службе в Посольском приказе.

Раздел 3.

Социальное положение и профессиональные обязанности посольских дьяков в начале XVII в.

В рассматриваемое время во главе Посольского приказа поочередно стояло пять человек: А.И.Власьев, В.Г.Телепнев, И.Т.Грамотин, П.А.Третьяков, С.Романчуков. Кроме того, с 1612 г. в дип-

ломатическом ведомстве учреждается постоянная должность второго посольского дьяка, каковым в 1612-1618 и 1619-1624 гг. был С.Романчуков. Большинство судей Посольского приказа рассматриваемого периода имели достаточно высокое социальное происхождение: Афанасий Власьев и Иван Грамотин были сыновьями дьяков; Василий Телепнев и Петр Третьяков, по-видимому, происходили из довольно родовитых семейств. Второй посольский дьяк Савва Романчуков, вероятно, знатностью не отличался. В служебном отношении судьи Посольского приказа стояли достаточно высоко: все они (кроме С.Романчукова) имели чин думного дьяка, а И.Грамотин, помимо этого, добился пожалованья в печатники. Довольно высокое положение в структуре государева двора занимали позднее и сыновья посольских дьяков: согласно «Боярской книге 1639 года», С.В.Телепнев был стольником, Д.В.Телепнев и Ю.С.Романчуков — стряпчими, Н.В.Телепнев и Ю.В.Телепнев служили в дворянах⁴³⁷. Практически все посольские дьяки до назначения на этот пост имели опыт дипломатической работы и служили подьячими в Посольском приказе (отсутствуют указания на службу подьячим во внешнеполитическом ведомстве лишь относительно И.Грамотина, но и он, как отмечалось, до момента назначения посольским дьяком участвовал в двух посольствах). В этом проявляется специфика рассматриваемого нами периода истории Посольского приказа: рубеж XVI-XVII вв. был временем, когда руководящие кадры этого ведомства подготавливались непосредственно в самом приказе, в связи с чем ни один судья Посольского приказа эпохи Смуты не был случайной фигурой в сфере внешней политики. Посольские судьи начала XVII в., безусловно, были людьми образованными, яркими, выдающимися личностями. Обзор их биографий позволяет составить представление об эволюции приказной верхушки Московского государства эпохи Смуты. А.И.Власьев и В.Г.Телепнев, деятельность которых пришлась на начало Смутного времени, следовали устоявшейся традиции и служили законным (по представлениям эпохи) государям (венчанным на царство в Москве). Смена венценосца подводила черту под их карьерой. И.Т.Грамотин и П.А.Третьяков, пришедшие им на смену, были уже государственными деятелями иного типа, и, в отличие от своих предшественников, они должны быть названы не жертвами Смуты, а, скорее, ее активными участниками. И.Т.Грамотин и П.А.Третьяков, выделявшиеся, по меткому выражению С.Ф.Платонова, «своими способностями и умением менять господ»⁴³⁸, смогли не только сохранить свое положение при смене государей, но даже упрочить его. Не останавливаясь перед нарушением присяги, они достигали высших

чинов и становились самыми влиятельными лицами при новом царе.

Деятельность судей Посольского приказа была связана прежде всего с дипломатией. Во внешнеполитической сфере полномочия и обязанности посольских дьяков были следующими. Ими составлялись от царского лица грамоты в города к воеводам по всем вопросам, касавшимся дипломатии. В частности, сохранился черновой вариант грамоты от царя Василия IV к М.В.Скопину – Шуйскому, скрепленный на сставе приписью думного дьяка Василия Тепленева⁴³⁹. Отписки по этим грамотам отправлялись в Посольский приказ дьякам. Думные посольские дьяки участвовали в заседаниях Боярской Думы и ходили к государю и боярам с докладами⁴⁴⁰. Судьи Посольского приказа представляли решения правительства по дипломатическим вопросам и Земскому Собору. В одном из столбцов удалось обнаружить соответствующее указание: «И государь... то объявляет на Соборе им, властем и всяких чинов людем, чтоб им то дело, на чем с свейскими послы договорились, было ведомо. И власти, и бояре, и всяких чинов люди, которые на том Соборе были, выслушав у думново дьяка Петра Третьякова речи, говорили при государе вслух, что оне, слыша о том, воздают хвалу... Богу»⁴⁴¹. Иностранцы дипломаты, приезжая в Москву, сталкивались прежде всего с главой Посольского приказа, от имени которого им нередко присылали лошадей, возок или сани⁴⁴². Иногда, еще до приема у царя, зарубежные послы должны были явиться в Посольский приказ, где судья расспрашивал их о целях визита⁴⁴³. Во время аудиенции судья Посольского приказа также был одной из центральных фигур: в отдельных случаях он вместо окольного «являл посланника челом ударити»⁴⁴⁴; принимал грамоты и передавал их царю; по указу государя говорил от царского лица речи; извещал послов о том, что государь жалуется им «в стола место корм»; отпускал на подворье⁴⁴⁵, а иногда и вручал царские подарки⁴⁴⁶. Оба посольских дьяка в рассматриваемый период, как правило, входили в состав ответной комиссии на переговорах с иностранными дипломатами и докладывали царю и Боярской Думе о ходе переговоров⁴⁴⁷. В книге по связям Российского государства с Англией имеется запись, согласно которой думный дьяк присутствовал при обсуждении боярами дипломатических вопросов и протоколировал их решения: «Указал государь быти о всем по боярскому приговору, как под которою статьею подмечал боярской приговор думной дьяк Петр Третьяков»⁴⁴⁸. Посольский судья иногда по царскому указу писал иностранным послам письма, отвечая на их предложения⁴⁴⁹; нередко случалось, что для обсуждения наиболее важных и тайных вопросов посольские дьяки отправлялись на подворье к иностран-

цам⁴⁵⁰; дьякам же поручалось «выговаривать» послам в случае их недостойного, с точки зрения российского дипломатического церемониала, поведения⁴⁵¹. Во время церемонии отпуска послов думный дьяк Посольского приказа исполнял те же функции, что и на первой аудиенции, но, помимо этого, вручал отпускаемому послу ответную грамоту⁴⁵².

Глава Посольского приказа принимал также активнейшее участие в подготовке российских посольств за границу, о чем свидетельствуют сохранившийся черновик грамоты в Ногайскую Орду, написанный рукой В.Г.Телепнева⁴⁵³, а также дьячьи приписи на наказах русским послам⁴⁵⁴. Посольские дьяки составляли обыкновенно росписи подарков, которые следовало вручить иностранным государям и их приближенным, а также зарубежным послам в Москве⁴⁵⁵. За приписью посольских дьяков дипломатам выдавались подорожные грамоты⁴⁵⁶. После возвращения в Москву русские дипломаты должны были явиться в Посольский приказ к дьякам, которые принимали у них документацию их миссии и расспрашивали о ходе посольства⁴⁵⁷. В случае, если послы вели себя за границей недостойно, дьякам поручалось «вычесть их вины»⁴⁵⁸. Посольские дьяки должны были также в случае необходимости проводить дознания. Так, в августе 1614 г., думный дьяк П.Третьяков допрашивал «наодине» переводчика Т. фон Немена о поведении русских послов в Империи⁴⁵⁹. Посольские дьяки осуществляли общее руководство делопроизводством Посольского приказа: в столбцах сохранились многочисленные дьячьи пометки («писать», «с тех мест писать в книги», «не писать» и т.д.), которыми руководствовались подьячие, переписывавшие материалы столбцов в книги.

Анализируя биографии глав российского дипломатического ведомства начала XVII в., нельзя не отметить, что именно в это время появляется серьезное новшество в работе приказа. С 1601 г. судьи Посольского приказа начинают выезжать за рубеж в составе посольств: Афанасий Власьев в 1601-1602 гг. и 1605-1606 гг. был в составе дипломатических миссий в Польше, а в 1603-1604 гг. — в Дании и Империи; Иван Грамотин в 1612 г. отправился с посольством в Польшу. По окончании эпохи Смуты подобная практика была надолго прекращена.

Посольским дьякам, помимо всего перечисленного, приходилось постоянно решать текущие вопросы работы приказа: они обращались с памятями в другие приказы и отправляли в иные ведомства отписки⁴⁶⁰; слушали челобитные служащих Посольского приказа о выдаче жалованья⁴⁶¹. К посольским судьям на допрос приводили людей, замеченных в запрещенном общении с иностранными послами⁴⁶²; посольские дьяки разбирали иски, поданные

на служащих их ведомства⁴⁶³; иногда судья Посольского приказа участвовал в допросах с применением пыток⁴⁶⁴.

Помимо работы в Посольском приказе и участия в аудиенциях, судья Посольского приказа должен был сопровождать царя в его длительных походах на богомолье. Так, в 1614 г. Петр Третьяков находился с царем Михаилом в отъезде и осуществлял общее руководство дипломатическим ведомством через посылаемые в Москву грамоты. В сентябре – октябре 1619 г. думный посольский дьяк Иван Грамотин ездил с царем на богомолье в Кострому и Галич. В его отсутствие приказом руководил Савва Романчуков.

Помимо руководства дипломатическими делами, посольские дьяки являлись одновременно судьями других приказов: А.И.Власьев – Казанского и Мещерского дворца и Казенного приказа; В.Г.Телепнев – Поместного; И.Т.Грамотин – Поместного, Печатного, Новгородской чети, Золотой палаты; П.А.Третьяков – Устюжской чети и Казанского дворца.

Полномочия второго посольского дьяка были менее широкими. Вместе с судьями приказа он участвовал в аудиенциях, но его роль на приемах была более скромной: он входил в состав «первой встречи» послу, как правило, у сеней⁴⁶⁵. Известны случаи, когда дьяку Савве Романчукову было поручено явить польского посланника Каличевского (1615 г.), однако говорил речь, подавал грамоту и спрашивал о здоровье радных панов и послов судья Посольского приказа Петр Третьяков. В 1616 г. второй дьяк Савва Романчуков представлял царю гонцов от английского и голландских послов⁴⁶⁶. По всей вероятности, в данных случаях расширение полномочий второго дьяка объясняется тем, что посланник приехал не к царю, а к боярам, а ранг гонцов от послов (а не от государей) был низким. Второй дьяк был обязательным участником переговоров⁴⁶⁷; иногда его отправляли на подворье к иностранцам⁴⁶⁸. Известен случай, когда второй дьяк Савва Романчуков ходил с докладом к царю (13 февраля 1616 г.)⁴⁶⁹ За его приписью в отдельных случаях отправлялись грамоты в города⁴⁷⁰ и выдавались подорожные грамоты⁴⁷¹. Известно также, что второй дьяк, как «старые» и «средние» подьячие, мог справлять дела и памяти⁴⁷². Второму дьяку давали также поручения «полицейского характера»: так, в августе 1614 г., «бояре... послали к Степану и к Семому [послам, вернувшимся из Империи. – Д.Л.] дьяка Саву Раманчукова, а велели у них всякое письмо взяв, привести в Посольской приказ, а животы их все переписав, запечатати»⁴⁷³. Второй дьяк принимал участие и в других делах, но всегда вместе с судьей приказа. Исключением являются случаи, когда судья Посольского приказа отсутствовал в Москве, и

второму дьяку, остававшемуся в столице, приходилось возглавлять работу дипломатического ведомства⁴⁷⁴.

Итак, на протяжении рассматриваемого нами периода на посту руководителя Посольского приказа сменилось пять судей: А.И.Власьев, В.Г.Телепнев, И.Т.Грамотин, П.А.Третьяков и С.Романчуков. В начале XVII столетия произошло изменение в системе руководства приказом: в штате ведомства появилась постоянная должность второго посольского дьяка. Круг полномочий дьяков Посольского приказа был чрезвычайно широк: от решения текущих вопросов работы Посольского приказа до общего руководства внешнеполитическими делами и составления документов международного значения. Судьи Посольского приказа были влиятельными лицами при дворе; все они были яркими, одаренными личностями и не являлись случайными фигурами на внешнеполитическом поприще.

Глава 3.

ПЕРСОНАЛ ПОСОЛЬСКОГО ПРИКАЗА В НАЧАЛЕ XVII ВЕКА

Настоящая глава посвящена рассмотрению штата российского дипломатического ведомства в начале XVII столетия. Посольский приказ с самого начала своего существования значительно отличался от других приказов Московского государства. Одной из особенностей этого ведомства, обусловленной спецификой сферы его деятельности, была довольно разветвленная структура штата его служащих. Помимо основного персонала (каковой был представлен, как и в других приказах, дьяками и подьячими), в Посольском приказе к началу XVII в. имелось несколько категорий «вспомогательного» персонала – переводчики, толмачи, служилые татары, золотописцы и сторожи. Задачей переводчиков и толмачей было осуществление письменного и устного перевода с иностранных языков. Служилые татары исполняли функции дипломатических курьеров в мусульманские страны, а также сопровождали русских послов в поездках в Турцию, Крым, Ногайскую Орду. Золотописцы должны были «прописывать» золотом государевы грамоты к соседним монархам. Задачей сторожей являлась охрана здания Посольского приказа, хранившихся в нем материальных ценностей и государственного архива.

Руководители Посольского приказа начала XVII столетия, как указывалось выше, будучи фигурами заметными и влиятельными, редко оставались на своем посту при смене государей на престоле. Персонал дипломатического ведомства в те же годы был более стабилен: подьячие, служилые татары, толмачи, переводчики, служившие при одном дьяке, в большинстве своем оставались в дипломатическом ведомстве и при его преемнике. Некоторые из них служили в приказе на протяжении всего рассматриваемого нами временного отрезка. Однако, для начала XVII в. не сохранилось полных списков служащих Посольского приказа. Поэтому в настоящей главе прежде всего следует восстановить персональный состав служащих Посольского приказа. Реконструировав персональный состав Посольского приказа и проанализировав служебный путь работавших в нем лиц, можно делать выводы о круге профессиональных обязанностей каждой из категорий служащих приказа, происхождении, имущественном и социальном положении подьячих, переводчиков, толмачей, служилых татар, золотописцев и сторожей дипломатического ведомства.

Раздел 1.

Подьячие Посольского приказа начала XVII в.

Основную делопроизводственную работу в Посольском приказе выполняли подьячие. Н.Ф.Демидова в своей монографии высказала следующую мысль: «...состав дьяков и подьячих московских приказов достаточно полно представлен дошедшими до нас источниками. Мы можем с почти исчерпывающей полнотой восстановить размеры этих групп и распределение их по приказам для любого из годов XVII в.»¹. Однако, для начала XVII в. и, в особенности, для эпохи Смуты этот вывод справедлив лишь частично. Современные росписи подьячих начала XVII в. не сохранились, и состав штата подьячих Посольского приказа приходится восстанавливать по отдельным упоминаниям, либо по росписям, составленным в более позднее время. С.А.Белокуров в монографии «О Посольском приказе» опубликовал роспись штата Посольского приказа конца XVI – начала XVII вв., составленную, вероятно, в середине 20-х годов XVII в. Этот документ содержит сведения о штате подьячих и их жалованье при В.Я.Щелкалове, А.И.Власьева, И.Т.Грамотине, П.А.Третьякове. Данные росписи не отражают всей динамики изменений штата подьячих в эпоху Смуты, поскольку в ней приведены списки служащих лишь на определенный момент времени. Кроме того, в росписи упоминаются далеко не все подьячие, числившиеся в Посольском приказе в рассматриваемое время. Тем не менее, опубликованный С.А.Белокуровым документ позволяет делать выводы о численности посольских подьячих, изменениях соотношения между отдельными категориями служащих, размерах жалованья, получаемого ими за службу. Помимо подьячих, упомянутых в указанных росписях, в материалах делопроизводства Посольского приказа удастся обнаружить имена и других посольских подьячих. Биографические сведения, которые нам удалось собрать о каждом из подьячих Посольского приказа конца XVI – начала XVII в., помещены в приложении 2.

Согласно опубликованной С.А.Белокуровым росписи, количество подьячих Посольского приказа в конце XVI – начале XVII вв. составляло 16-17 человек. При В.Я.Щелкалове посольских подьячих насчитывалось 17 человек; в подчинении у А.И.Власьева служило 16 подьячих; это же число подьячих сохраняется в Посольском приказе после избрания на царство Михаила Федоровича Романова, когда российской дипломатией руководил П.А.Третьяков². В 1619 г. в приказе числились 18 подьячих³. Таким образом, на протяжении Смутного времени количество посольских подьячих не

претерпело заметных изменений. Лишь позднее, в начале 20-х годов XVII в., штат подьячих существенно сократился — до 12 человек⁴. При этом заметны изменения соотношения «старых», «средних» и «молодых» служащих приказа.

Попытаемся проанализировать и восстановить списки посольских подьячих конца XVI — начала XVII вв. При В.Я.Щелкалове в приказе числились 17 подьячих: Афанасий Власьев, Андрей Иванов, Третьяк Аврамов, Дмитрий Иванов, Собина Юрьев, Захарий Языков, Дружина Кузьмин, Савва Романчуков, Иван Зиновьев, Петр Данилов, Марк Поздеев, Андрей Вареев, Семей Заборовский, Федор Григорьев, Тихон Жиневлев, Иван Федоров, Михаил Жиневлев⁵. Общий годовой денежный оклад посольских подьячих составлял 429 рублей. Время, которому соответствует приведенный список, определяется достаточно точно: он мог быть составлен между июнем 1594 г., когда Василий Щелкалов возглавил Посольский приказ, и апрелем 1595 г., когда упомянутый в перечне в качестве первого подьячего А.И.Власьев уже был пожалован в дяки. Позднее, в 1597/98 г., в качестве подьячего Посольского приказа упоминается также Михаил Ильин.

При А.И.Власеве в Посольском приказе, согласно росписи, служили 16 подьячих (причем поименно перечислены лишь 10). Об остальных шестерых подьячих было сказано, что они относились к разряду «молодых» служащих, причем трое из них были верстаны поместным окладом по 200 четей. В росписи перечислены следующие подьячие: Андрей Иванов, Петр Палицын, Нечай Федоров, Никифор Спиридонов, Собина Юрьев, Савва Романчуков, Захарий Языков, Дружина Кузьмин, Иван Зиновьев, Семен Мартемьянов. Общий годовой денежный оклад 16-ти посольских подьячих составлял 412 рублей⁶. Время, которому соответствует данный список, точно определить не удастся. Однако, представляется, что он отражает состояние персонала дипломатического ведомства в последние годы управления приказом А.И.Власьева — 1604-1605 гг. В пользу этой датировки говорит то, что в 1605-1606 гг., когда отбывшего с посольством в Польшу Афанасия Власьева замещал И.Т.Грамотин, штат посольских подьячих не изменился — в росписи было отмечено: «и при нем были подьячие те ж»⁷. Большая часть перечисленных выше подьячих (шесть человек) служили в Посольском приказе еще при В.Я.Щелкалове.

Полностью восстановить список «молодых» подьячих Посольского приказа 1604-1605 гг., не названных в росписи поименно, не удастся. Анализ документации Посольского приказа позволяет установить личности четверых «молодых» подьячих, служивших в приказе около 1604 г.: это П.Данилов, И.Федоров (служили в По-

сольском приказе как до назначения судьей Власьева, так и после его опалы), В. Телепнев (упоминается в дипломатической документации с июня 1604 г.), П.Третьяков (участвовал в посольстве в Данию в 1603-1604 гг.) Представляется, что П.Данилов и И.Федоров в это время имели прежние оклады, поскольку вознаграждение за службу других подьячих («старых» и «средних»), служивших в приказе в 1594 г., не изменилось⁸. Соответственно, около 1604 г. П.Данилов имел оклад 18 рублей и 200 четей, а И.Федоров – 12 рублей. Вероятно, были верстаны поместьями В.Телепнев и П.Третьяков (учитывая их дальнейшую стремительную карьеру в Посольском приказе, следует полагать, что среди «молодых» подьячих они занимали привилегированное положение). В этом случае они должны были иметь денежный оклад не менее 17-18 рублей (минимальный денежный оклад, при котором подьячий Посольского приказа верстался поместьем в конце XVI – начале XVII вв.)⁹. Если сложить годовые денежные оклады «старых» и «средних» подьячих, то можно вычислить, что шестеро «молодых» подьячих при Власьеве имели общий оклад 92 рубля. Таким образом, на долю остальных двоих «молодых» подьячих Посольского приказа (личности которых нами не установлены) приходится 26-28 рублей годового денежного оклада (т.е. по 13-14 рублей).

После воцарения Лжедмитрия и отправления А.И.Власьева в Польшу во главе Посольского приказа стоял И.Т.Грамотин, и при нем, как отмечено в росписи, штат подьячих не изменился. Единственным изменением в персонале стал перевод в первые подьячие Василия Телепнева после пожалования в дьяки Петра Палицына¹⁰.

Сведений о персонале Посольского приказа при В.Г.Телепневе в опубликованной С.А.Белокуровым росписи нет – указано лишь, что с пожалованием в дьяки Андрея Иванова на его место в первые подьячие был переведен Петр Третьяков¹¹. Представляется, однако, что в начале правления Василия Шуйского штат подьячих Посольского приказа не претерпел серьезных изменений. Продолжали службу в дипломатическом ведомстве подьячие П.Третьяков (до 1608 г.), З.Языков (до 1607 г.), С.Романчуков и И.Зиновьев (упоминаются в Посольском приказе в 1606 г., после свержения Лжедмитрия), П.Данилов (служил в приказе до конца царствования Василия IV). Вероятно, продолжал службу в Посольском приказе и И.Федоров (остававшийся в этом ведомстве и после избрания царем Михаила Романова).

В следующие годы Смутное время оказало влияние на смену персонала посольских подьячих: З. Языков был убит повстанцами; П.Третьяков перешел на сторону Тушинского вора. Вероятно, вследствие этого в приказ должны были взять новых подьячих. В

документации Посольского приказа сохранилось дело, относящееся к апрелю 1607 г., справленное неким подьячим Ларионом (Ларко)¹². В предшествующий период подьячего с таким именем в Посольском приказе не было, не упоминается он и в более позднее время. Удастся найти упоминание о подьячем Афанасии Огаркове, служившем в дипломатическом ведомстве в 1606/07 г. Возможно, он приходился родственником дьяку М.Ф.Огаркову, служившему в Галицкой четверти, ездившему с посольством в Крым, а позднее направленному в Ивангород¹³. В Описи 1626 года упомянута «Перепись грамотам, у которых обрезавал печати воровством Посольского приказу подьячей Офона Огарков во 115-м году»¹⁴. По всей вероятности, после уличения в этом преступлении служба А.Огаркова в Посольском приказе завершилась. Известно также, что летом 1608 г., после прихода под Москву войск Лжедмитрия II, в Тушинский лагерь вместе с первым посольским подьячим Петром Третьяковым перебежали еще двое подьячих Посольского приказа — «Ивашки Виригина дети Ковертнева»¹⁵. Информация об этих подьячих исчерпывается упоминанием об их измене; их отец Иван Верига Ковернев в первое десятилетие XVII в. служил подьячим, а затем дьяком в Вологде и Арзамасе¹⁶. Сведений о других подьячих Посольского приказа, служивших при В.Г.Телепневе, обнаружить не удастся. Таким образом, в документах обнаружены имена лишь десяти подьячих Посольского приказа, служивших в 1606-1610 гг. под началом думного дьяка В.Г.Телепнева: П.Третьяков, С.Романчуков, З.Языков, И.Зиновьев, П.Данилов, И.Федоров, Ларион, А.Огарков, братья Коверневы. По меньшей мере половина из них при различных обстоятельствах прекратили службу в дипломатическом ведомстве в 1607-1608 гг. Возможно, в 1606-1610 гг. в Посольском приказе служили подьячие, числившиеся в этом ведомстве еще при А.И.Власьева: Д.Кузьмин, С.Юрьев, Н.Спиридонов, С.Мартемьянов, однако документальных указаний на их службу в царствование Василия Шуйского обнаружить не удастся. Принимая во внимание то, что на рубеже XVI-XVII вв. в дипломатическом ведомстве одновременно числилось около 16-ти подьячих, приходится констатировать, что за 1606-1610 гг. полным списком посольских подьячих мы не располагаем.

Самые скудные сведения о штате подьячих Посольского приказа относятся к периоду «междущарствия» — времени от свержения Василия Шуйского до избрания на царство Михаила Романова. Причиной этого является низкая степень сохранности источников 1610-1612 гг.; кроме того, в более позднее время приказные служащие неохотно вспоминали о своей службе «царю Владиславу». Можно предположить, что после свержения Василия Шуйского в

Посольском приказе продолжали числиться подьячие И.Зиновьев, П.Данилов, И.Федоров (поскольку эти служащие упоминаются в качестве подьячих Посольского приказа как до, так и после периода «междоцарствия»). Есть основания утверждать, что в это же время в приказе служил подьячий и золотописец Мина Быков. В своей челобитной, поданной на имя Михаила Федоровича в апреле 1613 г., он сообщал о том, что «снасть», необходимая для «творения золота», сгорела у него дома во время пожара при поляках (это позволяет предположить, что М.Быков был посольским подьячим уже в марте 1611 г., когда Москва была сожжена польским гарнизоном). Этим исчерпываются сведения о штате подьячих Посольского приказа периода «междоцарствия».

Значительно больше информации мы имеем о персональном составе подьячих Посольского приказа, служивших в первые годы царствования Михаила Романова. Росписей посольских подьячих 1613-1615 гг. не сохранилось; первый имеющийся перечень относится к 1616 г. Однако примерные списки подьячих дипломатического ведомства первых трех лет царствования Михаила Федоровича можно восстановить на основании указаний отдельных дошедших до наших дней документов.

В начале правления Михаила Федоровича продолжали службу в Посольском приказе подьячие Иван Зиновьев, Иван Федоров, Петр Данилов (до 1614 г.) Некоторое время после избрания царем Михаила Романова в приказе числился подьячий и золотописец Мина Быков. В первый год царствования царя Михаила в Посольском приказе упоминается подьячий Василий Исленьев. Около августа 1614 г. в Посольском приказе служил подьячий Наум Никифоров. В то время была составлена кормовая роспись для пристава, сопровождавшего в Москву датское посольство. На обороте росписи было отмечено: «Справил подьячей Наумко Никифоров»¹⁷. Недолгим был срок службы в дипломатическом ведомстве подьячего Филата Димашнева (Домашнева), служившего в Посольском приказе в 1615 г. Кроме того, сохранился обрывок списка подьячих Посольского приказа, служивших в этом ведомстве до составления перечня 1616 г.: «По 15 рублей: Степан Карпов, Олексей Никитин. 13 рублей: Богдан Великопольской. По 12 рублей: Яков Дрозжин, Юшко Резанцев»¹⁸. Упоминание в этом списке А.Никитина и Ю.Рязанцева (занесенных в список 1616 г.) свидетельствует о том, что приведенный выше перечень представляет собой роспись «молодых» подьячих Посольского приказа. Данный список был составлен раньше 1616 г., поскольку А.Никитин и Ю.Рязанцев указаны в нем с меньшими денежными окладами, чем в 1616 г. С другой стороны, роспись не могла быть составлена раньше ноября

1614 г., поскольку в ней не назван подьячий Андрей Семенов, имевший до возвращения из английского посольства в ноябре 1614 г. оклад 15 рублей (по возвращении получил 2 рубля прибавки к жалованью)¹⁹. Поэтому можно сделать вывод о том, что приведенный выше список «молодых» подьячих был составлен в конце 1614 г. — начале 1615 г. До составления списка 1616 г. в Посольском приказе служил подьячий «Иван Гр...» (фамилия в его единственном сохранившемся автографе не читается). Этим подьячим в Посольском приказе было справлено дело, относящееся к февралю 1615 г.²⁰ В списке 1616 г. этого подьячего нет. В 1613-1615 гг. в Посольском приказе начали службу подьячие М.Матюшкин, А.Шахов, А.Подольский, Я.Лукин, Т.Никитин. Всего, таким образом, в качестве посольских подьячих в 1613-1615 гг. упоминается 19 человек: М.Матюшкин, И.Зиновьев, И.Федоров, П.Данилов, М.Быков, В.Исленьев, А.Шахов, А.Подольский, Н.Никифоров, Я.Лукин, Т.Никитин, Ф.Домашнев, Иван Гр., С.Карпов, А.Никитин, Б.Великопольский, Я.Дрожжин, Ю.Рязанцев, А.Семенов. Учитывая, что не все они служили в Посольском приказе одновременно, можно сделать вывод о том, что в первые годы царствования Михаила Романова штат подьячих дипломатического ведомства по-прежнему составлял около 16 человек.

В опубликованной С.А.Белокуровым росписи приведен список посольских подьячих, служивших в приказе при П.А.Третьякове. В этом перечне названо 16 подьячих: Максим Матюшкин, Иван Зиновьев, Алексей Шахов, Антон Подольский, Иван Федоров Каша, Яков Лукин, Третьяк Никитин, Федор Реткин, Алексей Никитин, Андрей Семенов, Григорий Львов, Арефа Башмаков, Юрий Рязанцев, Степан Данилов, Григорий Михайлов, Кирилл Дмитриев. Общий годовой денежный оклад этих подьячих составлял 387 рублей; на их долю приходилось 3400 четей поместья. В росписи указано, что перечисленные подьячие служили в приказе «по 125-й год» (сентябрь 1616 г. — август 1617 г.)²¹. Однако датировка перечня посольских подьячих может быть уточнена. Он не мог быть составлен раньше сентября 1615 г., поскольку упомянутый в нем подьячий Г.Львов был взят в приказ в 7124 г. от сотворения мира²². Одновременно с ним в росписи назван подьячий А.Подольский. Антон Подольский в 7125 году уже служил в Разрядном приказе: 1 октября 1616 г. он получил в этом ведомстве денежное жалованье за вторую половину 7124 года (март — август 1616 г.). Там же он числился и позднее²³. Следовательно, А.Подольский был переведен из Посольского приказа в начале 1616 г. Поэтому приведенный выше список отражает состояние штата Посольского приказа на начало 1616 г. Указание в тексте выписки на 125-й год означает,

вероятно, не время, которому соответствует список, а последний полный год руководства Посольским приказом П.А.Третьякова.

После составления списка 1616 г. среди подьячих Посольского приказа упоминаются Григорий Ларионов, Никита Иванов, Влас Аникеев, Богдан Горяйнов, Филипп Никитин, Михаил Самсонов. К 1619 г. штат подьячих Посольского приказа вырос до 18 человек. Поименная роспись посольских подьячих 1619 г. не обнаружена, но на основании сведений о службе подьячих более раннего периода ее можно восстановить. Безусловно, в 1619 г. продолжали служить подьячие, взятые в приказ в 1619 г. и ранее, и числившиеся в Посольском приказе позже: М.Матюшкин, А.Шахов, Т.Никитин, Ф.Реткин, Г.Львов, А.Никитин, Ю.Рязанцев, А.Семенов, К.Дмитриев, Н.Иванов, В.Аникеев, Ф.Никитин, Б.Горяйнов, М.Самсонов. Вероятно, в 1619 г. в приказе также числился «старый» подьячий И.Зиновьев (упоминавшийся в Посольском приказе 11 декабря 1618 г.) Кроме перечисленных, в 1619-1620 гг. в Посольском приказе упоминаются «молодые» подьячие Ивашко Непоставов (оклад 4, затем 5 рублей), Ивашко Каменев (оклад 2, затем 3 рубля) и Ивашко Зиновьев (оклад 2 рубля). Трое последних подьячих служили в Посольском приказе недолго: здесь они упоминаются в декабре 1619 г. — августе 1620 г.²⁴; в опубликованной С.А.Белокуровым росписи, соответствующей 1621-1622 гг., они не названы.

Позднее, в начале 20-х гг. XVII в., численность подьячих Посольского приказа сократилась до 12 человек (в росписи ошибочно указано иное количество — 11 подьячих, хотя перечислено 12 служащих). Их общий поместный оклад составлял 3550 четей земли: общее годовое жалованье — 324 рубля²⁵. Половину из них составляли подьячие, начинавшие работу в приказе в 1613-1616 гг.: М.Матюшкин, А.Шахов, Т.Никитин, Ф.Реткин, Г.Львов, Ю.Рязанцев. Пятеро из 12-ти подьячих были взяты в Посольский приказ в 1618-1619 гг.: Н.Иванов, В.Аникеев, Ф.Никитин, Б.Горяйнов, М.Самсонов. Незадолго до составления росписи был зачислен в штат Посольского приказа Михаил Неверов.

Составление приведенного выше списка подьячих следует датировать 1621-1622 гг. В пользу этой датировки можно привести ряд аргументов. Прежде всего, данная роспись могла быть составлена не позднее 1622 г., поскольку в ней не названы подьячие И.Хрипов, М.Фокин и Н.Федоров, взятые в Посольский приказ в 1623-1624 гг.²⁶ В списке посольских подьячих назван М.Неверов, который в 1620 г. еще не служил в Посольском приказе. Следовательно, список не мог быть составлен ранее 1621 г. Кроме того, в росписи зафиксировано имя подьячего Ф.Реткина (последнее упоминание о котором как о посольском подьячем относится к 1622 г.)

Все это позволяет сделать вывод о том, что данная роспись из 12-ти посольских подьячих должна датироваться 1621-1622 гг.

Восстановление списков подьячих, служивших в Посольском приказе в конце XVI — двух первых десятилетиях XVII в. позволяет сделать следующие выводы. За временной промежуток с 1594 г. по 1622 г. удается обнаружить упоминания о 59-ти посольских подьячих: Третьяк Аврамов, Влас Аникеев, Арефа Башмаков, Мина Быков, Андрей Вареев, Богдан Великопольский, Афанасий Власьев, Богдан Горяйнов, Иван Гр., Федор Григорьев, Петр Данилов, Степан Данилов, Кирилл Дмитриев, Филат Домашнев, Яков Дрожжин, Михаил Жиневлев, Тихон Жиневлев, Семей Заборовский, Иван Зиновьев, Иван Зиновьев, Андрей Иванов, Дмитрий Иванов, Никита Иванов, Михаил Ильин, Василий Исленьев, Иван Каменев, Степан Карпов, братья Коверневы, Дружина Кузьмин, Ларион, Григорий Ларионов, Яков Лукин, Григорий Львов, Семен Мартемьянов, Максим Матюшкин, Григорий Михайлов, Михаил Неверов, Иван Непоставов, Алексей Никитин, Третьяк Никитин, Филипп Никитин, Наум Никифоров, Афанасий Огарков, Петр Палицын, Марк Поздеев, Антон Подольский, Федор Реткин, Савва Романчуков, Юрий Рязанцев, Михаил Самсонов, Андрей Семенов, Никифор Спиридонов, Василий Телепнев, Петр Третьяков, Иван Федоров, Алексей Шахов, Собина Юрьев, Захарий Языков. Шестеро из них — Т.Аврамов, Д.Иванов, Ф.Григорьев, Т.Жиневлев, М.Жиневлев и М.Ильин — отошли от дел до начала событий Смуты, один — М.Неверов — был переведен в Посольский приказ в начале 20-х годов, после выхода Московского государства из внешнеполитического кризиса. В подавляющем большинстве случаев мы можем определить, к какой из трех категорий служащих («старым», «средним» или «молодым») относился тот или иной подьячий. Исключение составляют М.Ильин, А.Огарков, сыновья Ивана Вериги Ковернева. На протяжении всего Смутного времени численность посольских подьячих практически не менялась (17 человек в 1594/95 г., 16 человек в 1604/05 г. и 1616 г., 18 человек в 1619 г.) Только в начале 20-х годов, по завершении кризиса, количество подьячих Посольского приказа было существенно сокращено: в 1621-1622 гг. в дипломатическом ведомстве числилось всего 12 человек. В более позднее время количество подьячих вновь возросло до 15 человек. Таким образом, события Смуты не оказали заметного влияния на численность посольских подьячих.

Иная картина складывается при анализе «качественной» стороны штата подьячих эпохи Смуты. На рубеже XVI-XVII столетий персонал Посольского приказа был достаточно стабилен, что, разумеется, отражалось на уровне квалификации служащих. В 1604-

1605 гг. из 16 подьячих Посольского приказа 8 человек начали службу на дипломатическом поприще как минимум в 1594 г., т.е. имели стаж работы в дипломатическом ведомстве не менее 10-ти лет. Из 26-ти подьячих, служивших в Посольском приказе в последнее десятилетие перед Смутой, до дьяческого чина в дальнейшем дослужились 11 человек (А.Власьев, А.Иванов, С.Романчуков, П.Данилов, М.Поздеев, А.Вареев, С.Заборовский, П.Палицын, В.Телепнев, П.Третьяков, Н.Спиридонов). Семеро из них были пожалованы в дьяки из посольских подьячих (А.Власьев, А.Иванов, С.Романчуков, П.Данилов, П.Палицын, В.Телепнев, П.Третьяков). Временной промежуток между первым упоминанием в качестве подьячего и пожалованьем в дьяки у них колеблется от 12 лет (у А.Власьева) до 20 лет (у А.Иванова). У П.Палицына, В.Телепнева и П.Третьякова зафиксированный источниками срок службы в подьячих был значительно короче (от 2 до 6 лет), но их карьера, как указывалось в предыдущей главе, в силу ряда причин была исключительной. В это время в приказе служили в подьячих четверо будущих судей дипломатического ведомства (А.И.Власьев, В.Г.Телепнев, П.А.Третьяков и С.Романчуков).

Начавшаяся Смута значительно сократила количество опытных служащих дипломатического ведомства. Сведения о персонале Посольского приказа в царствование Василия Шуйского и в период междоусобия слишком скудны, чтобы на их основании можно было строить максимально объективные выводы, но все же следует отметить, что именно в эти годы Посольский приказ теряет значительную часть квалифицированных служащих: в 1607 г. погиб З.Языков, в 1608 г. переметнулся на сторону самозванца П.Третьяков; в эти же годы исчезают из источников упоминания о С.Юрьеве и Д.Кузьмине, имевших значительный стаж дипломатической работы. Из 34-х посольских подьячих, впервые упоминаемых в источниках в 1606-1621 гг., в дальнейшем дослужились до пожалования дьяческим чином лишь 8 человек (М.Быков, М.Матюшкин, Т.Никитин, Г.Львов, А.Башмаков, Г.Ларионов, Н.Иванов, М.Неверов). Только трое из них (М.Матюшкин, Т.Никитин и Г.Львов) были пожалованы в дьяки непосредственно из посольских подьячих. Срок между первым упоминанием в качестве подьячего и пожалованьем дьяческого чина у них колеблется от 14 лет (М.Матюшкин) до 28 лет (А.Башмаков). Из подьячих, начавших службу в Посольском приказе после начала Смуты лишь двое (М.Матюшкин и Г.Львов) стали впоследствии дьяками в этом ведомстве.

Серьезной проблемой для Посольского приказа стала значительная текучесть кадров, которую можно констатировать в первые

годы царствования Михаила Романова. Если около 1606 г. половина посольских подьячих имела дипломатический стаж более 10-ти лет, то к началу 20-х годов этот уровень так и не был достигнут. Из подьячих Посольского приказа, упоминаемых в начале царствования Михаила Федоровича, 9 человек к 1616 г. уже не числились в этом ведомстве (П.Данилов, М.Быков, В.Исленьев, Н.Никифоров, Ф.Димашнев, С.Карпов, Б.Великопольский, Я.Дрожжин, «И.Гр...»). К 1616 г. из 16-ти посольских подьячих большой стаж дипломатической службы имели лишь двое — И.Зиновьев и И.Федоров-Каша, служившие в приказе с 1594 г. Остальные подьячие упоминаются в Посольском приказе не раньше 1613 г., и их опыт работы на внешнеполитическом поприще был небольшим. Относительная стабилизация штата Посольского приказа была достигнута лишь после 1616 г., вследствие чего к 1622 г. из 12 посольских подьячих шестеро (М.Матюшкин, А.Шахов, Т.Никитин, Ф.Реткин, Г.Львов, Ю.Рязанцев) имели стаж службы в дипломатическом ведомстве от семи до десяти лет. Таким образом, только к началу 20-х годов XVII в. Посольский приказ начал приближаться к показателям, которые были характерны для этого ведомства до эпохи Смуты, когда значительный дипломатический опыт имела половина штата подьячих.

Служба в Посольском приказе была одной из самых престижных и высокооплачиваемых в приказной системе Московского государства. Например, в 1615 г. 40 подьячих Разрядного приказа, одного из важнейших центральных ведомств Московского государства, получали 761 рубль совокупного денежного оклада (приблизительно по 19 рублей на человека)²⁷. В 1617 г. в этом же ведомстве служило 59 подьячих с общим жалованьем 930 рублей²⁸ (примерно по 16 рублей на человека). В это же время (по росписи 1616 г.) 16 подьячих Посольского приказа получали 387 рублей годового жалованья²⁹ (в среднем по 24 рубля на человека). Около 1621 г. 12 посольских подьячих имели совокупный годовой оклад 324 рубля³⁰ (в среднем по 27 рублей на человека). Этот показатель для Посольского приказа был заключен в пределах 24–27 рублей и в более раннее время: около 1594 г. средний годовой оклад подьячего дипломатического ведомства был равен 24,5 рублям, около 1605 г. — приблизительно 26 рублям. Таким образом, средний годовой денежный оклад в Посольском приказе был на треть выше, чем в Разрядном.

Оклад «старых» подьячих в центральных приказах был примерно одинаковым и колебался от 40 до 50 рублей; заметна разница в денежных окладах «молодых» подьячих. В рассматриваемое время в Разрядном приказе известны годовые денежные оклады по 1 рублю³¹. Минимальный же зафиксированный оклад подьячего Посоль-

ского приказа в рассмотренный период равнялся 10 рублям (М.Жиневлев в 1594 г.); около 1621 г. минимальный оклад «молодого» посольского подьячего составлял 14 рублей (у Б.Горяйнова)³². Лишь в течение короткого времени (1619-1620 гг.) в Посольском приказе служили «молодые» подьячие, имевшие оклады, сопоставимые с окладами «молодых» подьячих других приказов — 2-5 рублей. Перевод в Посольский приказ из другого ведомства значительно повышал уровень благосостояния подьячего. Например, подьячий Н.Иванов в 1614/15 г. имел в Новгородской четверти оклад 5 рублей; после перевода в Посольский приказ его денежное жалованье возросло до 15, а затем 18 рублей, и, помимо этого, его поверстали поместьем. При переводе подьячего из дипломатического ведомства в другое учреждение за ним, как правило, сохраняли денежный оклад, заработанный им в Посольском приказе (в частности, подьячий А.Подольский, имевший в Посольском приказе оклад 33 рубля, получал то же жалованье после перевода в Разрядный приказ). Даже непродолжительная служба в Посольском приказе была выгодна для подьячего: так, Ф.Димашнев после своего возвращения в Ямской приказ из Посольского упоминается уже в качестве «справного» подьячего³³; Г.Ларионов после кратковременной службы в дипломатическом ведомстве (в начале 1617 г.) получил в Разрядном приказе прибавку к денежному окладу на 2 рубля (до 35 рублей). Помимо годового оклада, подьячие Посольского приказа, как и служащие других ведомств, получали т.н. «праздничные деньги» — на Рождество, Пасху и «день Ангела» государя³⁴. Карьера посольского служащего открывала дорогу в высшие органы власти: треть подьячих Посольского приказа рассматриваемого времени (19 человек из 59) дослужились до дьяческого чина. Глава же Посольского приказа в изучаемый период всегда имел чин думного дьяка, а иногда и печатника. Следовательно, работа в Посольском приказе могла открыть доступ в Боярскую думу. Поэтому служба в подьячих дипломатического ведомства таких достаточно родовитых людей, как В.Телепнев, П.Третьяков, П.Палицын, представляется вполне объяснимой.

Наиболее квалифицированной и высокооплачиваемой частью штата Посольского приказа были «старые» подьячие. Они имели максимальный годовой денежный оклад (от 40 до 50 рублей) и были верстаны поместьями от 400 до 500 четей земли. В конце XVI в. в дипломатическом ведомстве «старых» подьячих было четверо; в 1604/05 г. их численность осталась прежней. После 1613 г. количество «старых» подьячих сократилось: при П.А.Третьякове их было трое, а около 1621 г. — двое. Возможно, сокращение числа «старых» подьячих объясняется тем, что во втором десятилетии XVII в. в

штате Посольского приказа появляется постоянная должность второго дьяка. За весь рассматриваемый период в списках упоминается 11 «старых» посольских подьячих: А.Власьев, А.Иванов, Т.Аврамов, Д.Иванов, П.Палицын, Н.Спиридонов, В.Телепнев, П.Третьяков, М.Матюшкин, И.Зиновьев, А.Шахов (принадлежность к штату Посольского приказа Н.Федорова вызывает сомнения). Кроме того, вероятно, в Посольском приказе дослужились до «старых» подьячих С.Романчуков и П.Данилов (позднее они были пожалованы в дьяки, а дьяческий чин жаловался «старым» подьячим). Некоторое время «старым» подьячим в Посольском приказе был, по-видимому, В.Исленьев. Всего, т.о., в 1594-1621 гг. в Посольском приказе служили 14 «старых» подьячих.

Большинство из «старых» подьячих (11 человек) впервые упоминаются в источниках именно в качестве посольских подьячих; сведения о карьере до зачисления в дипломатическое ведомство имеются лишь относительно А.Власьева (Мастерская палата), М.Матюшкина (Приказ Холопьяго суда) и А.Шахова (Разрядный приказ). Далеко не все «старые» посольские подьячие имели большой опыт дипломатической работы. Так, сразу в качестве «старых» подьячих, упоминаются в Посольском приказе А.Власьев и Т.Аврамов. В 1604/05 г. «старыми» подьячими названы П.Палицын и Н.Спиридонов, служившие во внешнеполитическом ведомстве, безусловно, меньше целого ряда подьячих, упоминавшихся в приказе в 1594 г., но остававшихся в категории «средних» и «молодых». То же самое может быть сказано о М.Матюшкине, А.Шахове и В.Исленьеве в начале царствования царя Михаила. Подьячие В.Телепнев и П.Третьяков также были произведены в «старые» подьячие без продолжительного стажа работы в Посольском приказе. Лишь 5 человек из 14 (А.Иванов, Д.Иванов, И.Зиновьев, С.Романчуков, П.Данилов) обладали к моменту их первого упоминания в документах в качестве «старых» подьячих значительным дипломатическим стажем (не менее 9-ти лет). Это позволяет сделать вывод о том, что при переводе в «старые» подьячие учитывался не только стаж работы в Посольском приказе, но также и общий стаж работы в приказной системе и социальное происхождение (в случаях с П.Палицыным, В.Телепневым, П.Третьяковым).

Из 14 «старых» посольских подьячих 9 человек в дальнейшем были пожалованы в дьяки, причем 8 человек — непосредственно из подьячих Посольского приказа (А.Власьев, А.Иванов, П.Палицын, В.Телепнев, П.Третьяков, М.Матюшкин, С.Романчуков, П.Данилов). Н.Спиридонов был переведен в Разрядный приказ, и, после продолжительной службы в нем, стал дьяком. Пятеро из «старых» подьячих после пожалования дьяческим чином продолжали службу

в Посольском приказе (А.Власьев, В.Телепнев, П.Третьяков, С.Романчуков, М.Матюшкин). Двое «старых» посольских подьячих оставались в этой должности практически до конца своей карьеры: И.Зиновьев до начала болезни, А. Шахов до ссылки. В.Исленьев был переведен в Разрядный приказ. Дальнейшая карьера «старых» подьячих Т.Аврамова и Д.Иванова неизвестна.

Служебные обязанности «старых» подьячих были довольно широкими. Они ездили за границу с посольствами в качестве послов (А.Иванов, П.Данилов), в ряде случаев они принимали участие в миссиях «в дьячье место», то есть официально именовались дьяками, оставаясь при этом подьячими. Их отправляли с ответственными поручениями на подворья иностранных послов: А.Иванов в 1594-1597 гг. несколько раз ходил к имперским гонцам; П.Третьяков в 1607 г. «выговаривал» польским послам за их самовольство; П.Данилов в 1610 г. был отправлен возвратить ногайскому послу его деньги; М.Матюшкину в 1613 г. было поручено расспросить ногайского посла о целях его миссии и записать его речи; И.Зиновьев в 1615 г. отвозил жалованье английскому послу и его людям; А.Шахов в 1619 г. ходил расспрашивать грузинского посла о целях его миссии. «Старого» подьячего могли в некоторых случаях сделать приставом при иностранном гонце, если значение миссии последнего не имело большого значения для московской дипломатии (так, в 1615 г. М.Матюшкин был приставлен к ногайскому посланнику Абдул — Ходже). «Старые» подьячие принимали участие в делопроизводстве Посольского приказа: сохранились дела, справленные И.Зиновьевым, А.Шаховым, М.Матюшкиным, В.Исленьевым. Уже в начале XVII столетия «старые» подьячие имели в Посольском приказе свои особые сундуки (или ящики), в которых хранились посольские дела различных лет, а также деньги (в частности, упоминается ящик П.Палицына, содержание которого было описано в связи с его уходом из приказа, а также ящик М.Матюшкина). Опись 1626 года также сохранила сведения о ящиках, принадлежавших дьякам и «старым» подьячим. «Старые» подьячие хранили у себя различные ценности: в связи с отъездом в посольство А.Иванова в 1604 г. были описаны хранившиеся у него золото и «рухлядь»; из ящика М.Матюшкина было украдено 150 рублей «государевых денег»; И.Зиновьев в 1615/16 г. выдавал деньги золотописцу для приобретения золота; А.Шахов в 1616 г. передал в Казну драгоценные вещи.

Промежуточное положение между «старыми» и «молодыми» подьячими занимали «средние» подьячие. По-видимому, эта категория служащих уже существовала в конце XVI — начале XVII вв. В опубликованной С.А.Белокуровым росписи при А.И.Власьеве пере-

числены имена 10-ти подьячих, после чего записано: «да молодых 6 человек». Все 10 перечисленных поименно подьячих не могут принадлежать к категории «старых» служащих — очень заметна разница в их поместных окладах и денежном жаловании: от 250 четей и 25 рублей до 500 четей и 50 рублей. Четверо из них, как отмечалось выше, могут быть отнесены к «старым» подьячим (их оклады — 400-500 четей и 40-50 рублей). Остальных шестерых подьячих с окладами по 250 четей и 25 рублей к ним причислить нельзя. При составлении росписи они не были отнесены и к разряду «молодых» подьячих. Следовательно, они составляли особую группу служащих, промежуточную между «старыми» и «молодыми» подьячими — «средних» подьячих. В «шведском» столбце 1619-1620 гг. удалось обнаружить прямое указание на то, что в начале XVII столетия категория «средних» подьячих уже существовала: в январе 1620 г. навстречу шведскому посланнику был отправлен пристав, «а с ним на встрече велел государь быти подьячим ис приказов средних статей»³⁵. К «средним» должны быть отнесены подьячие, поместный оклад которых колебался от 250 до 350 четей земли, а денежное жалованье находилось в пределах 25-35 рублей.

В росписи 1594 г. было названо 5 подьячих, которые по вышеприведенным критериям должны быть причислены к «средним» подьячим. К 1604/05 г. их число увеличивается до 6 человек; в 1616 г. их было четверо; в списке 1621 г. «средних» подьячих по-прежнему 4 человека (Ю.Рязанцев занимал промежуточное положение между «молодыми» и «средними» подьячими). Таким образом, для начала XVII столетия средняя численность подьячих «средней статьи» составляла 5 человек и за годы Смуты существенно не изменилась. «Средними» подьячими Посольского приказа в 1594-1622 гг. были С.Юрьев, З.Языков, Д.Кузьмин, С.Романчуков, И.Зиновьев, С.Мартемьянов, М.Быков, А.Подольский, И.Федоров-Каша, Я.Лукин, Т.Никитин, Г.Ларионов, М.Неверов, Ф.Реткин, Г.Львов. Кроме них, вероятно, перед переводом в разряд «старых», «средним» подьячим был П.Данилов. По-видимому, «средними» подьячими были и подьячие Ларион и «Иван Гр...» (ими в Посольском приказе были справлены дела, что было служебными обязанностями «старых» и «средних» подьячих; допустить же, что «старые» подьячие не оставили после себя иной памяти, кроме двух справленных ими дел, сложно). Таким образом, за рассматриваемый нами временной отрезок удастся найти упоминания о 18 «средних» подьячих.

До начала Смутного времени «средние» подьячие были самой стабильной частью штата Посольского приказа. Все 5 подьячих «средней статьи», служившие в Посольском приказе в 1594 г., оста-

вались в этом ведомстве и в 1606 г., к началу правления Василия Шуйского. Двое из них продолжали службу в дипломатическом ведомстве и после избрания на престол Михаила Романова: С.Романчуков, дослужившийся до дьячества, и И.Зиновьев, числившийся «старым» подьячим. Картина изменилась с началом Смутного времени: после 1613 г. упоминания о многих «средних» подьячих становятся единичными, а срок службы большинства из них в Посольском приказе — небольшим. Из четырех «средних» подьячих 1616 г. спустя 5 лет, в 1621 г., продолжал службу в Посольском приказе только один — Т.Никитин (уже в качестве «старого» подьячего). Следовательно, категория «средних» подьячих после начала Смутного времени (в отличие от предшествующей эпохи) характеризуется высокой степенью нестабильности кадров.

Большинство «средних» подьячих рассматриваемого периода впервые упоминаются в источниках в качестве посольских служащих — 15 из 18 человек. Сведения о службе до зачисления в Посольский приказ имеются лишь относительно Г.Ларионова (Разрядный приказ), М.Неверова (Приказ Казанского дворца и Галицкая четверть) и Г.Львова (Казань). Из остальных 15-ти подьячих трое впервые упоминаются в документах как «молодые» подьячие Посольского приказа (П.Данилов, И.Федоров-Каша и Ф.Реткин). Прочие же впервые упоминаются в документах сразу в качестве «средних» подьячих Посольского приказа.

Дальнейшая карьера «средних» посольских подьячих складывалась по-разному. Семеро из них дослужились до «старых» подьячих, а затем до дьяческого чина (С.Романчуков, П.Данилов, М.Быков, Т.Никитин, Г.Ларионов, М.Неверов, Г.Львов), при этом двое — С.Романчуков и Г.Львов — были пожалованы в дьяки из посольских подьячих и остались служить в Посольском приказе. Для некоторых из «средних» подьячих Посольский приказ стал последним известным местом службы: С.Юрьев, Д.Кузьмин, С.Мартемьянов, Ларион, З.Языков, И.Федоров-Каша, Ф.Реткин, И.Зиновьев, «Иван Гр...». Двое «средних» подьячих были переведены в другие приказы, где и служили в подьячих: А.Подольский (Разрядный приказ), Я.Лукин (Челобитенный приказ).

Служебные обязанности «средних» подьячих Посольского приказа во многом смыкались с обязанностями «старых» и «молодых» подьячих. Как и «старые» подьячие, они принимали участие в посольствах за границу: С.Юрьев в 1592 г. в Польшу; Д.Кузьмин в 1594 г. в Персию; З.Языков в 1591 г. в Польшу, в 1606 г. в Крым; И.Зиновьев в 1600-1601 гг. в Англию. Как видно, большинство случаев отправления «средних» подьячих за границу относится ко времени до начала Смуты. Обнаружить сведения об отпадении

«средних» подъячих на подворья иностранных дипломатов не удастся. Подьячие «средней статьи» допускались к финансовым делам: известен факт передачи денег в Разряд А.Подольским. «Средние» подьячие принимали активное участие в делопроизводстве Посольского приказа: сохранились дела, справленные подьячими Ларионом, Я. Лукиным, «Иваном Гр...», Г.Ларионовым. «Средним» подьячим доверялось и изготовление документов дипломатического значения. Подьячий И.Федоров в конце 1614 г. активно участвовал в подготовке дипломатической документации по связям Московского государства с Речью Посполитой: писал грамоты, переписывал документацию, присланную из-под Смоленска³⁶. Г.Львов в своей челобитной упоминал, что на протяжении всей своей службы в приказе (следовательно, и в «средних» подьячих) писал «в лист» грамоты в соседние государства; другой «средний» подьячий — М.Быков — был одновременно и золотописцем.

Наименее стабильной частью штата служащих Посольского приказа были «молодые» подьячие. За рассматриваемый период удастся обнаружить упоминания о 31 посольском подьячем, которые должны быть отнесены к разряду «молодых»: П.Данилов, М.Поздеев, А.Вареев, С.Заборовский, Ф.Григорьев, Т.Жиневлев, И.Федоров, М.Жиневлев, Ф.Реткин, А.Никитин, А.Семенов, Г.Львов, А.Башмаков, Ю.Рязанцев, С.Данилов, Г.Михайлов, К.Дмитриев, Б.Великопольский, С.Карпов, Я.Дрожжин, Ф.Димашнев, Н.Иванов, В.Аникеев, Ф.Никитин, Б.Горяйнов, М.Самсонов, И.Зиновьев, И.Каменев, И.Непоставов, а также, вероятно, В.Телепнев и П.Третьяков. Размер их годового жалованья колебался от 2 до 22 рублей (в опубликованной С.А.Белокуровым росписи подьячих «молодыми» названы служащие с годовым окладом менее 25-ти рублей), поместный оклад составлял 200 четей. Многие «молодые» подьячие вовсе не были верстаны поместьем. Лишь к 20-м годам XVII в. все «молодые» посольские подьячие были поверстаны поместным окладом.

Немногие из «молодых» служащих оставались в приказе на продолжительный срок. Из восьми «молодых» подьячих, перечисленных в росписи 1594 г., продолжали службу в Посольском приказе при А.И.Власьева Петр Данилов и Иван Федоров. При А.И.Власьева количество «молодых» подьячих сократилось до шести человек, причем в росписи они не были названы поименно: было сказано лишь, что трое из них были верстаны минимальным поместным окладом — по 200 четей³⁷. Информацией о «молодых» посольских подьячих, служивших в приказе при Василии Телепневе и в период «междоцарствия» мы не располагаем. При П.А.Третьякове и И.Т.Грамотине в Посольском приказе сменилось значительное количество «молодых» подьячих. Отмечавшаяся выше большая теку-

честь кадров, имевшая место в приказе в первые годы царствования Михаила Федоровича, относится прежде всего к штату «молодых» подьячих. Из подьячих, упоминаемых в приказной документации до составления росписи 1616 г., к числу «молодых» должны быть отнесены Б.Великопольский, Я.Дрожжин, С.Карпов, А.Семенов, А.Никитин, Ю.Рязанцев. Из перечисленных подьячих трое последних продолжали служить в Посольском приказе в 1616 г. и лишь один (Ю.Рязанцев) около 1621 г. В 1616 г. в «молодых» подьячих числились также: Ф.Реткин, Г.Львов, А.Башмаков, С.Данилов, Г.Михайлов, К.Дмитриев. Вместе с А.Никитиным, А.Семеновым и Ю.Рязанцевым количество «молодых» подьячих Посольского приказа к 1616 г. составило 9 человек (более половины всего штата). Из «молодых» подьячих 1616 г. в росписи, составленной при И.Т.Грамотине (около 1621 г.), значатся Ф.Реткин и Г.Львов (дослужившиеся к этому времени до «средних» подьячих) и Ю.Рязанцев. Во время руководства посольскими делами С.Романчукова (1618-1619 гг.) в приказ были взяты также Н.Иванов, В.Оникеев, Ф.Никитин, Б.Горяйнов, М.Самсонов, И.Зиновьев, И.Каменев, И.Непоставов. За счет этого в 1619 г. штат подьячих Посольского приказа увеличился до 18 человек, причем «молодых» подьячих было 12 человек, т.е. 2/3 от общего количества (на рубеже XVI-XVII вв. в приказе их было около 40%). Вскоре после этого (при И.Т.Грамотине) в приказе было произведено значительное сокращение штата: около 1621 г. во внешнеполитическом ведомстве служило 12 подьячих, в том числе четверо «молодых» (Н.Иванов, В.Оникеев, Ф.Никитин, Б.Горяйнов), а также двое (Ю.Рязанцев и М.Самсонов), занимавшие по своим окладам промежуточное положение между «молодыми» и «средними» подьячими³⁸.

Анализ состава «молодых» подьячих позволяет сделать ряд выводов. В годы кризиса Московского государства их количество значительно возросло (от 40 до 66% от общего количества служащих). Информация о карьере этой категории подьячих до перевода в Посольский приказ скудна. Для большинства «молодых» подьячих Посольский приказ был первым местом службы, зафиксированным источниками: из 31 «молодых» посольских подьячих имеются сведения о более ранней службе в других ведомствах лишь относительно 9-ти человек. Некоторые из них служили в других центральных ведомствах: А.Никитин во Владимирской четверти, Ф.Димашнев в Ямском приказе, Н.Иванов в Новгородской четверти, В. Аникеев и Б.Горяйнов в Большом приходе, Ф.Никитин в Печатном приказе. Трое подьячих были переведены из городов — Г.Львов был взят в Посольский приказ из Казани, Г.Михайлов и

А.Башмаков из Новгорода. Как правило, время службы «молодого» подьячего в Посольском приказе было непродолжительным: после нескольких лет работы в дипломатическом ведомстве их переводили в другие приказы (Разрядный, Холопьевого суда, Казанского дворца, Стрелецкий) или города. Лишь немногие из «молодых» подьячих служили в приказе долгое время: И.Федоров (около 22 лет), П.Данилов (около 20 лет), Г.Львов (22 года). Двое последних сумели дослужиться до дьяческого чина. Исключительной была карьера В.Г.Телепнева и П.А.Третьякова: как отмечалось, служба их в «молодых» подьячих была непродолжительной; миновав ступень «средних» служащих, они были произведены в «старые» подьячие, а затем и в дьяки.

Служебные обязанности «молодых» посольских подьячих были разнообразны. Они выезжали за границу в составе посольств: П.Данилов в 1600-1601 гг. в Персию; П.Третьяков в 1603-1604 гг. в Данию; А.Семенов в 1613-1614 гг. в Англию; Ф.Реткин в 1618 г. в Швецию. В отличие от «старых» и «средних» подьячих, они не были главами миссий, а выполняли в посольствах вспомогательные функции (в частности, вели документацию посольства, т.е. являлись «подьячими для письма»). Известны случаи отправления «молодых» подьячих на подворья иностранных дипломатов: В.Телепнев в 1604-1605 гг. был у имперского и крымского гонцов; Ю.Рязанцев в 1614 г. ходил с росписью к крымским послам. «Молодых» подьячих отряжали на помощь к переводчикам: вероятно, они должны были записывать произносимый вслух перевод. Так, в декабре 1614 г. польские грамоты переводили три переводчика и два «молодых» подьячих³⁹. 20 января 1615 г. немецкую грамоту вместе с переводчиком переводил подьячий А.Никитин⁴⁰. «Молодым» подьячим доверялась и ответственная работа делопроизводственного характера. В ноябре 1614 г. «молодой» подьячий А.Семенов вместе с «средним» подьячим И.Федоровым переписывал литовскую грамоту; в декабре того же года четверо «молодых» подьячих писали наказ для посольства, отправлявшегося в Польшу⁴¹. «Молодой» подьячий Г.Львов в 1616 г. «переписывал в лист» царские грамоты в Любек и в Империю; аналогичную работу выполняли Арефа Башмаков и Федор Реткин. Известно также, что при царе Михаиле «молодые» посольские подьячие участвовали в царских походах на богомолья («на подъем» для похода к Троицкому монастырю, например, им выдавали по 2 рубля)⁴². Кроме того, вероятно, подьячие Посольского приказа всех трех категорий принимали участие во встречах и проводах иностранных дипломатов. В частности, 25 февраля 1615 г. датских послов провожали из Москвы «подьячие всех приказов»⁴³ (представляется, что посольские подьячие, имев-

шие прямое отношение к внешнеполитическим делам, должны были принимать участие в подобных мероприятиях непременно).

Итак, на основании вышеизложенного, можно подвести итоги рассмотрения персонального состава подьячих Посольского приказа конца XVI — начала XVII в. За рассмотренный хронологический отрезок удалось выявить упоминания о 59-ти посольских подьячих. Штат подьячих Посольского приказа в годы Смуты претерпел некоторые изменения. Численность подьячих в 1594-1619 гг. заметно не изменилась (колебалась от 16 до 18 человек). В то же время иная картина складывается при анализе качественной стороны штата подьячих. Если накануне Смутного времени половина посольских подьячих (8 человек) имели не менее чем десятилетний стаж работы в сфере внешней политики, то к 1616 г. подьячих с большим стажем службы в приказе было всего двое. Серьезной проблемой для дипломатического ведомства являлась значительная текучесть кадров, особенно заметная в 1613-1616 гг. Относительная стабилизация персонала подьячих Посольского приказа была достигнута лишь в начале 20-х годов XVII в., в связи с чем увеличилось и число опытных служащих.

Служба в Посольском приказе была престижной и высокооплачиваемой. Годовой денежный оклад посольских подьячих колебался от 10 до 50 рублей; поместный оклад — от 200 до 500 четей. Треть от общего числа упоминаемых за рассмотренный нами период подьячих Посольского приказа (19 из 59 человек) дослужились до дьяческого чина. Служащие Посольского приказа делились на три категории («старые», «средние» и «молодые» подьячие), которые отличались друг от друга как кругом служебных обязанностей, так и размерами вознаграждения за службу. В годы Смуты несколько сократилось число «старых» подьячих и увеличилось количество «молодых». «Молодые» подьячие были наименее стабильной категорией служащих в ведомстве. В карьерном продвижении подьячего в Посольском приказе играли свою роль стаж службы в приказной системе, личные заслуги и способности, а также социальное происхождение.

Раздел 2.

Переводчики и толмачи Посольского приказа начала XVII в.

Значительную часть штата Посольского приказа составляли переводчики и толмачи. Их основной обязанностью являлось осуществление письменного и устного перевода с иностранных языков; помимо этого они выполняли целый ряд других функций. Толмачи

и переводчики были необходимы для осуществления дипломатических контактов с европейскими и азиатскими государствами. К сожалению, самая ранняя относительно полная роспись переводчиков и толмачей Посольского приказа, сохранившаяся до наших дней, относится лишь к 1622 г. Однако, существующий пробел может быть в значительной степени восполнен при рассмотрении материалов «дипломатических фондов» РГАДА, в делах которых нередко упоминаются толмачи и переводчики Посольского приказа. Поэтому для составления списков специалистов по переводу с иностранных языков и рассмотрения их служебных обязанностей необходимо восстановить по данным архивных фондов РГАДА, а также по другим источникам, карьерный путь каждого из переводчиков и толмачей Посольского приказа. Биографические сведения о переводчиках и толмачах Посольского приказа начала XVII в., ввиду большого объема информации, помещены в приложении 3.

Всего за период с 1604 г. по 1622 г. в Посольском приказе упоминается 44 переводчика, карьерный путь которых восстанавливается с разной степенью полноты: Андрей Англер, Ганс Англер, Семен Андреев, Ганс Арпов, Арент Бук, Вилим Вилимов, Прокофий Вражский, Роман Выбор, Федор Гвоздинский, Амир Девлетев, Тарас Елизарьев, Еремей Еремеев, Петр Еремеев, Яков Заборовский, Бажен Иванов, Сунчалей Искелев, Андрей Итрот, Своитин Каменев, Иван Кильдеяров, Курманай Кутумов, Игнатий Кучин, Тимофей Лещинский, Тимофей Луцкий, Мануил Мануйлов, Дмитрий Николаев, Федор Мозолевский, Суналей Монаев, Милюта Нагаев, Тимофей фон Немен, Александр Осеев, Елисей Павлов, Андрей Петров, Багилдей Сабрузин, Василий Садовский, Олферий Северов, Иван Селунский, Вельямин Степанов, Павел Томасов, Резеп Устокасимов, Иван Фомин, Василий Черментьев, Михаил Юрьев, Вульф Яковлев, Юрий Якушевский.

Значительную часть персонала Посольского приказа составляли толмачи, основной служебной обязанностью которых являлся устный перевод. Всего за 1604-1622 гг. упоминается 70 толмачей Посольского приказа: Семен Адаров, Айдикей, Александр, Булгак Алексеев, Савва Алехин, Иван Альшев, Даниил Аминов, Степан Арап, Дмитрий Астафьев, Степан Афанасьев, Тарас Бабаев, Тимофей Баубеков, Ижболда Бердииков, Степан Боздырев, Анц Бракилев, Бессон Булгаков, Даниил Вицкин, Айдар Ганюков, Семен Герасимов, Трофим Громов, Денис, Василий Досаев, Иванис Драгичев, Петр Елагин, Василий Епанчин, Семен Епишев, Гавриил Есипов, Иван Есипов, Роман Зеленого, Афанасий Золотухин, Тит Зябрев, Дмитрий Иванов, Федор Иванов, Христофор Иванов, Юрий Иванов, Федор Исаков, Михаил Кашинцев, Григорий Корокольс-

кий, Петр Красников, Мочак Кучумов, Семен Лежнев, Софон Логунов, Богдан Маткин, Алексей Мельников, Петр Муратов, Федор Мясоедов, Алексей Нагаев, Степан Никифоров, Софон Огарков, Иван Перетчик, Гавриил Пономарев, Иван Пономарев, Андрей Раков, Иван Рехтерев, Роман Родин, Григорий Санюков, Григорий Селунский, Айдар Софронов, Яким Сумороков, Иван Сур, Тарыбердей, Михаил Толмачев, Бурнаш Томонаев, Тит Труфанов, Федор Тырин, Василий Тыринов, Никита Тютчев, Иван Ушаков, Петр Чаплыгин, Терех Шатерников. К ним должны быть добавлены также те лица, которые к началу Смутного времени служили в толмачах, но позднее дослужились до должности переводчиков: Вилим Вилимов, Еремей Еремеев, Петр Еремеев, Павел Томасов. Таким образом, в рассматриваемый хронологический период в Посольском приказе служило в общей сложности не менее 74-х толмачей.

Суммируя сведения о биографиях и карьерах переводчиков и толмачей Посольского приказа, можно реконструировать примерные списки этих служащих в определенные временные периоды.

К началу Смутного времени и в его первые годы (конец царствования Бориса Годунова и царствование Лжедмитрия — 1604-1606 гг.) в Посольском приказе служили:

переводчики

1. Иван Фомин, английский и немецкий. 2. Анц Англер, немецкий. 3. Яков Заборовский, польский и латинский. 4. Олферий Северов, шведский. 5. Своитин Каменев, греческий. 6. Тарас Елизарьев, греческий. 7. Вельямин Степанов, татарский. 8. Амир Девлетев, татарский.

толмачи

1. Петр Еремеев, немецкий. 2. Павел Томасов, немецкий и шотландский. 3. Софон Огарков, греческий. 4. Булгак Алексеев, татарский. 5. Тарас Бабаев, татарский. 6. Семен Герасимов, татарский. 7. Иванис Драгичев, татарский. 8. Гаврило Есипов, татарский. 9. Иван Есипов Большой, татарский. 10. Михаил Кашинцев, татарский. 11. Алексей Мельников, татарский. 12. Петр Муратов, татарский. 13. Алексей Нагаев, татарский. 14. Иван Пономарев Старой, татарский. 15. Бурнаш Томонаев, татарский. 16. Никита Тютчев, татарский. 17. Теребердей, татарский. 18. Гаврило Пономарев, татарский. 19. Дмитрий Иванов, татарский. 20. Василий Епанчин, татарский. 21. Еремей Еремеев, немецкий. 22. Анц Арпов, немецкий. 23. Григорий Корокольский, шведский.

В начале эпохи Смуты, т.о., в Посольском приказе упоминается 31 специалист по иностранным языкам: 8 переводчиков и 23 толмача (соотношение — 26 и 74%); 12 человек владели европейскими языками

ми, 19 – татарским (соотношение – 39 и 61%); всего было представлено 9 языков: английский, голландский, немецкий, польский, латинский, шведский, греческий, шотландский, татарский.

В 1606-1610 гг. (царствование Василия Шуйского) в Посольском приказе служили:

переводчики

1. Иван Фомин, английский и немецкий. 2. Бажен Иванов, французский. 3. Яков Заборовский, польский и латинский. 4. Олферий Северов, шведский. 5. Своитин Каменев, греческий. 6. Михаил Юрьев, немецкий. 7. Амир Девлетев, татарский. 8. Тарас Елизарьев, греческий. 9. Анц Арпов, немецкий. 10. Роман Выбор, шведский.

Кроме того, возможно в этот период служили в приказе переводчики: Вельямин Степанов, татарский; Елисей Павлов, немецкий.

толмачи

1. Еремей Еремеев, немецкий. 2. Петр Еремеев, немецкий. 3. Павел Томасов, немецкий и шотландский. 4. Григорий Корольский, шведский. 5. Софон Огарков, греческий. 6. Булгак Алексеев, татарский. 7. Семен Герасимов, татарский. 8. Иванис Драгичев, татарский. 9. Гаврило Есипов, татарский. 10. Иван Есипов, татарский. 11. Алексей Нагаев, татарский. 12. Бурнаш Томонаев, татарский. 13. Иван Пономарев Старой, татарский. 14. Никита Тютчев, татарский. 15. Айдиkey Тенешев, татарский. 16. Анц Бракилев, немецкий.

В 1606-1610 гг., следовательно, в Посольском приказе служило 26-28 переводчиков и толмачей: 10-12 переводчиков, 16 толмачей; 15-16 человек владели европейскими языками, 11-12 – азиатскими; всего представлено 10 языков: английский, голландский, немецкий, польский, латинский, шведский, французский, греческий, шотландский, татарский. Общая численность переводчиков и толмачей несколько снизилась в сравнении с предыдущим периодом (возможно, под влиянием событий Смуты); изменилось соотношение переводчиков и толмачей (приблизительно 38-43% к 57-62% соответственно), а также соотношение лиц, владевших европейскими и азиатскими языками (58% к 42%); число представленных языков увеличилось за счет зачисления в приказ французского переводчика. Следует отметить также, что как минимум 21 человек из 28 (приблизительно 75%) начали службу в приказе не позже 1604-1605 гг.

Менее всего информации сохранилось о штате переводчиков и толмачей Посольского приказа за период «междоцарствия» (1610-1613 гг.) Можно лишь предположить, что лица, упоминавшиеся в Посольском приказе как до 1610 г., так и после 1613 г., служили в

дипломатическом ведомстве и во время «междоусобия». Известно, что некоторые из них (Е.Еремеев, Ю.Якушевский, С.Монаев) были участниками народных ополчений. В этом случае список переводчиков и толмачей 1610-1613 гг. восстанавливается в следующем виде:

переводчики

1. Иван Фомин, английский и немецкий. 2. Яков Заборовский, немецкий и латинский. 3. Своитин Каменев, греческий. 4. Юрий Якушевский, польский и немецкий. 5. Еремей Еремеев, немецкий. 6. Петр Еремеев, немецкий. 7. Суналей Монаев, татарский.

толмачи

1. Павел Томасов, немецкий и шотландский. 2. Григорий Корольский, шведский. 3. Софон Огарков, греческий. 4. Булгак Алексеев, татарский. 5. Семен Герасимов, татарский. 6. Иванис Драгичев, татарский. 7. Гаврило Есипов, татарский. 8. Иван Есипов, татарский. 9. Алексей Нагаев, татарский. 10. Бурнаш Томонаев, татарский.

В период «междоусобия», следовательно, к дипломатическим делам привлекалось не менее 17 человек: 7 переводчиков, 10 толмачей; 9 человек владело европейскими языками, 8 — азиатскими; всего было представлено 9 языков: английский, голландский, немецкий, польский, латинский, шведский, греческий, шотландский, татарский. 14 человек из 17 (приблизительно 82%) начинали службу в Посольском приказе до начала Смутного времени или в его первый период. Следует отметить, что степень сохранности документов 1610-1613 гг. не позволяет расценивать вышеприведенный список как полный. Однако, при заметном снижении общей численности толмачей и переводчиков по сравнению с предшествующим периодом, примерно сохраняется:

1. Соотношение переводчиков и толмачей (41 и 59%);

2. Соотношение лиц, владевших европейскими и азиатскими языками (53 и 47%);

3. Количество (8) и набор представленных языков.

Это позволяет предположить, что реконструированный список переводчиков и толмачей Посольского приказа 1610-1613 гг., не являясь полным, все же в целом отражает общее состояние штата лиц, занимавшихся переводом с иностранных языков.

После 1613 г. количество упоминаемых в источниках переводчиков и толмачей Посольского приказа значительно увеличивается. Рассмотрим штат этих служащих в первые годы царствования Михаила Романова (1613-1615 гг.)

переводчики

1. Яков Заборовский, польский и латинский. 2. Своитин Каменев, греческий. 3. Иван Фомин, английский и немецкий. 4. Еремей

Еремеев, немецкий. 5. Анц Арпов, немецкий. 6. Юрий Якушевский, немецкий и польский. 7. Федор Гвоздинский, польский и латинский. 8. Андрей Итрот, польский и латинский. 9. Тимофей Лещинский, польский и латинский. 10. Тимофей Луцкий, польский и латинский. 11. Василий Садовский, польский и латинский. 12. Федор Мозолевский, польский и латинский. 13. Дмитрий Миколаев, немецкий. 14. Александр Осеев, польский, латинский и немецкий. 15. Павел Томасов, немецкий переводчик и шотландский толмач. 16. Елисей Павлов, немецкий. 17. Мануил Мануилов, немецкий, французский и итальянский. 18. Иван Селунский, греческий. 19. Прокофий Вражский, татарский. 20. Курманай Кутумов, татарский. 21. Суналей Монаев, татарский. 22. Милюта Нагаев, татарский. 23. Василий Черментьев, татарский. 24. Семен Андреев, татарский. 25. Иван Кильдеяров, татарский. 26. Вульф Яковлев, шведский и датский. 27. Андрей Петров, шведский. 28. Багилдей Сабрузин, персидский. 29. Тимофей фон Немен, немецкий.

толмачи

1. Григорий Корокольский, шведский. 2. Софон Огарков, греческий. 3. Данило Вицкин, немецкий и шотландский (?). 4. Федор Тырин, татарский. 5. Булгак Алексеев, татарский. 6. Семен Герасимов, татарский. 7. Иванис Драгичев, татарский. 8. Гаврило Есипов, татарский. 9. Иван Есипов, татарский. 10. Алексей Нагаев, татарский. 11. Бурнаш Томонаев, татарский. 12. Трофим Громов, татарский. 13. Тимофей Баубеков, татарский. 14. Богдан Маткин, татарский. 15. Степан Никифоров, татарский. 16. Степан Афанасьев, татарский. 17. Айдар Софронов, татарский. 18. Иван Сур, татарский. 19. Айдар Ганюков, татарский. 20. Семен Адаров, татарский. 21. Денис, татарский. 22. Иван Перетчик, татарский. 23. Степан Боздырев, татарский. 24. Семен Лежнев, турецкий. 25. Яким Сумороков, турецкий. 26. Дмитрий Астафьев, (турецкий – ?). 27. Григорий Санюков, татарский. 28. Василий Тыринов, татарский. 29. Т. Шатерников.

Всего за 1613-1615 гг. в Посольском приказе упоминается 59 толмачей и переводчиков: 29 переводчиков и 29 толмачей (соотношение значительно меняется и составляет 50 и 50%); 24 человека владели европейскими языками, 34 – азиатскими (соотношение – 40 и 60%, заметно снижение доли специалистов по европейским языкам); всего было представлено 13 языков: английский, немецкий, польский, латинский, шведский, датский, французский, итальянский, греческий, шотландский, татарский, персидский, турецкий. Количество упоминаемых в 1613-1615 гг. в документах толмачей и переводчиков вдвое превосходит аналогичный показатель предыдущих периодов. 18 человек из 58 (прибли-

зительно 31%) упоминаются в Посольском приказе «до Московского разоренья», следовательно, персонал толмачей и переводчиков был в значительной степени обновлен после 1613 г. (хотя количество служащих с продолжительным стажем работы в сфере дипломатии остается значительным).

Картина продолжает меняться в 1616-1618 гг. В эти годы в Посольском приказе служили:

переводчики

1. Своитин Каменев, греческий. 2. Иван Фомин, английский и немецкий. 3. Еремей Еремеев, немецкий. 4. Тимофей Лещинский, польский и латинский. 5. Тимофей Луцкий, польский и латинский. 6. Федор Мозолевский, польский и латинский. 7. Андрей Англер, немецкий. 8. Тимофей фон Немен, немецкий. 9. Елисей Павлов, немецкий. 10. Олферий Яковлев, шведский и датский. 11. Арент Бук, шведский. 12. Мануил Мануйлов, немецкий, французский и итальянский. 13. Павел Томасов, немецкий переводчик и шотландский толмач. 14. Прокофий Вражский, татарский. 15. Суналей Монаев, татарский. 16. Милюта Нагаев, татарский. 17. Курманай Кутумов, татарский. 18. Игнатий Кучин, шведский. 19. Семен Андреев, татарский. 20. Андрей Петров, шведский. 21. Резеп Устокасимов, татарский.

толмачи

1. Вилим Вилимов, немецкий. 2. Софон Огарков, греческий. 3. Иван Рехтерев, немецкий. 4. Александр, шведский или немецкий. 5. Бессон Булгаков, татарский. 6. Семен Герасимов, татарский. 7. Гаврило Есипов, татарский. 8. Иван Есипов, татарский. 9. Степан Афанасьев, татарский. 10. Ижбулд Бердилов, татарский. 11. Федор Иванов, татарский. 12. Мочак Кучумов, татарский. 13. Айдар Ганюков, татарский. 14. Тимофей Баубеков, татарский. 15. Федор Исаков, татарский. 16. Афанасий Золотухин, татарский. 17. Иван Кильдеяров, татарский. 18. Григорий Санюков, татарский. 19. Степан Мааметев Арап, татарский. 20. Иван Сур, татарский. 21. Даниил Аминев, татарский. 22. Иван Алышев, татарский. 23. Семен Епишев, татарский. 24. Семен Лежнев, турецкий. 25. Яким Сумороков, турецкий. 26. Степан Никифоров, татарский. 27. Федор Мясоедов, татарский, персидский, турецкий, бухарский, кумыцкий, черкесский. 28. Софон Логунов, татарский. 29. Бурнаш Томонаев, татарский. 30. Василий Досаев, татарский. 31. Петр Елагин, татарский. 32. Григорий Селунский, греческий (?).

Всего в 1616-1618 гг. в Посольском приказе упоминается 53 переводчика и толмача: 21 переводчик и 32 толмача (соответственно 40 и 60%); 20 человек владело европейскими языками, 33 — азиатскими (38 и 62%); всего было представлено 16 языков: английский, немец-

кий, польский, латинский, шведский, датский, французский, итальянский, греческий, шотландский, татарский, персидский, турецкий, бухарский, кумышский, черкесский. 30 человек из 53 (57%) служили в Посольском приказе в предшествующие периоды, причем 10 человек (около 20%) начинали службу «до Московского разоренья». Это свидетельствует о стабилизации кадров переводчиков и толмачей в Посольском приказе к концу второго десятилетия XVII в.

Наиболее ранняя роспись переводчиков и толмачей Посольского приказа, сохранившаяся до наших дней, как указывалось выше, относится к 1622 г. В ней числятся:

переводчики

1. Своитин Каменев, греческий. 2. Еремей Еремеев, немецкий. 3. Федор Мозолевский, польский и латинский. 4. Иван Селунский, греческий. 5. Тимофей фон Немен, немецкий. 6. Олферий Яковлев, шведский и датский. 7. Игнатий Кучин, немецкий и шведский (взят в приказ в 1619 г., после освобождения из шведского плена). 8. Андрей Петров, шведский. 9. Вилим Вилимов, немецкий. 10. Суналей Монаев, татарский. 11. Сунчалей Искелев, персидский и арабский.

Помимо перечисленных в росписи, в Посольском приказе в 1622 г. служили переводчики: Иван Фомин, английский и немецкий; Елисей Павлов, немецкий; Андрей Англер, немецкий; Прокофий Вражский и С. Андреев, татарские. Т.о., всего в 1622 г. в приказе числилось 16 переводчиков.

толмачи

1. Христофор Иванов, греческий. 2. Иван Рехтерев, немецкий. 3. Роман Зеленого, немецкий. 4. Гаврило Есипов, татарский. 5. Федор Мясоедов, татарский. 6. Семен Епишев, татарский. 7. Василий Досаев, татарский. 8. Федор Тырин, татарский. 9. Мочак Кучумов, татарский. 10. Григорий Санюков, татарский. 11. Афанасий Золотухин, татарский. 12. Даниил Аминев, татарский. 13. Софон Логунов, татарский. 14. Андрей Раков, татарский (взят в приказ в 1619/20 г.). 15. Иван Ушаков, татарский. 16. Савва Алевин, татарский. 17. Роман Родин, татарский (упоминается с 1620/21 г.). 18. Тит Зябрев, турецкий, татарский и ногайский. 19. Петр Чаплыгин, татарский (с 1621/22 г.). 20. Петр Красников, татарский (с 1621/22 г.). 21. Семен Лежнев, турецкий.

Всего к 1622 г. в Посольском приказе числилось 37 специалистов по иностранным языкам: 16 переводчиков и 21 толмач (соответственно — 43 и 57%); 15 человек владели европейскими языками, 22 — азиатскими (40 и 60%); было представлено 14 языков: английский, немецкий, польский, латинский, шведский, датский, гре-

ческий, татарский, турецкий, персидский, бухарский, кумыцкий, черкесский, арабский. 19 человек из 36 (более 50%) к 1622 г. уже имели как минимум пятилетний стаж работы в Посольском приказе, а 9 человек (25% штата) начали службу в этом ведомстве не позднее 1613-1614 гг.

Реконструкция списков толмачей и переводчиков позволяет проследить общую динамику изменений в их штате в начале XVII в.

Прежде всего следует обратить внимание на колебание общей численности толмачей и переводчиков в Посольском приказе. Около 1605 г. упоминается 31 специалист по иностранным языкам. Их количество сокращается в царствование Василия Шуйского (26-28 человек). В период «междоцарствия» в приказе должно было служить не менее 17 толмачей и переводчиков (эта цифра, вероятнее всего, не окончательная, хотя условия польской оккупации Москвы в 1610-1612 гг. позволяют предположить некоторое снижение числа служащих приказа). Максимальное увеличение численности переводчиков и толмачей приходится на первые годы царствования Михаила Федоровича, когда численность переводчиков и толмачей удваивается по сравнению с исходной: в 1613-1615 гг. упоминается 59 человек, в 1616-1618 гг. — 53. К 1622 г. численность толмачей и переводчиков значительно сокращается и составляет 37 человек. Таким образом, за годы внешнеполитического кризиса, общее количество служащих, чьими обязанностями был устный и письменный перевод, увеличилось приблизительно на 19%.

Интересно проследить также соотношение числа лиц, владевших европейскими и азиатскими языками. К началу Смуты в распоряжении Посольского приказа было 12 переводчиков и толмачей, владевших европейскими языками, что составляло 39% от всего штата толмачей и переводчиков. В то же время в приказе числилось 19 толмачей и переводчиков татарского языка (61%). Лиц, владевших азиатскими языками, т.о., служило в приказе в полтора раза больше, чем их коллег, знавших языки европейские. Картина значительно меняется уже в царствование Василия Шуйского: 15-16 толмачей и переводчиков владели европейскими языками, 11-12 — азиатскими, т.е. приблизительно по 58 и 42%. Согласно списку времени «междоцарствия» специалисты по европейским языкам (9 человек, 53%) также преобладают над переводчиками и толмачами азиатских языков (8 человек, 47%). После воцарения Михаила Романова процент лиц, владевших европейскими языками, сократился: 24 человека (40%) в 1613-1615 гг., 20 человек (38%) в 1616-1618 гг.; к 1622 г. — 15 человек (40%). В те же годы меняется количество толмачей и переводчиков азиатских языков: 33 человека

(60%) в 1613-1615 гг., 33 человека (62%) в 1616-1618 гг.; к 1622 г. – 22 человека (60%). Таким образом, в годы Смуты заметно изменялось соотношение числа лиц, владевших европейскими и азиатскими языками (процент европейских толмачей и переводчиков Посольского приказа, выросший в годы Смуты приблизительно на 15%, к началу 20-х годов вновь вернулся к прежним показателям). Временное увеличение числа переводчиков и толмачей европейских языков объясняется, вероятно, практическими нуждами государства, которому пришлось вести борьбу с Речью Посполитой и Швецией (из 24 специалистов по европейским языкам в 1613-1615 гг. половина владели польским и шведским языками). Кроме того, Российское государство было вынуждено искать союзников в Европе, что также требовало увеличения числа специалистов по европейским языкам. Таким образом, изменения в штате переводчиков и толмачей Посольского приказа начала XVII в. являются отражением общего процесса вынужденной европеизации Московского государства под влиянием Смуты и возвращения к прежним традиционным порядкам после выхода из кризиса.

Набор языков, которыми владели служащие Посольского приказа в рассмотренный нами период, также заметно изменился (9 языков в начале XVII в., 14-16 языков к концу эпохи Смуты). На протяжении всего Смутного времени в распоряжении российской дипломатической службы были люди, владевшие наиболее необходимыми для поддержания международных контактов языками. В их число входили польский, латинский, шведский, немецкий, татарский, английский, голландский и греческий языки. В условиях Смуты важными оказались также языки шотландский и французский (на этих языках говорили многие наемники, служившие в Московском государстве). По этой причине толмач Бажен Иванов, до 1609 г. живший в Новгороде, был зачислен переводчиком в Посольский приказ, как только там стало известно, что он владеет французским языком⁴⁴. В 1613 г. приказ был зачислен толмач Семен Лежнев, владевший турецким языком. В 1614-1615 гг. языковая база Посольского приказа пополнилась за счет принятия на службу датского переводчика Вульфа Яковлева. Руководство российской дипломатической службы прилагало также немалые усилия к тому, чтобы получить в свое распоряжение человека, владевшего персидским языком. Так, в 1614 г. в Казань к воеводам была отправлена грамота с требованием «...сыскати татарина Аббагазыя, а умеет тот татарин фарсовскому языку. А сыскав и обнадежа ево нашим жалованьем, велено ево прислати к нам к Москве»⁴⁵. В том же году этот человек был зачислен в штат Посольского приказа. К 1622 г. в По-

сольском приказе уже служил переводчик Сунчалей Искелев, владевший помимо персидского языка также «арапским».

Результаты обобщения и анализа состава штата переводчиков и толмачей Посольского приказа целесообразно представить в виде таблиц.

Таблица 1

**Изменения численности переводчиков и толмачей
Посольского приказа в 1604-1622 гг.**

Хронологический отрезок	Общая численность	Переводчики	Толмачи
1604-1606 гг.	31	8 (26%)	23(74%)
1606-1610 гг.	26-28	10-12 (38-43%)	16 (57-62%)
1610-1612 гг.	17	7 (41%)	10 (59%)
1613-1615 гг.	59	29 (50%)	30 (50%)
1616-1618 гг.	53	21 (40%)	32 (60%)
1622 г.	37	16 (43%)	21 (57%)

Таблица 2

Изменения численности специалистов по европейским и азиатским языкам, служивших в Посольском приказе в 1604-1622 гг.

Хронологический отрезок	Специалисты по европейским языкам	Специалисты по азиатским языкам
1604-1606 гг.	12 (39%)	19 (61%)
1606-1610 гг.	15-16 (58%)	11-12 (42%)
1610-1612 гг.	9 (53%)	8 (47%)
1613-1615 гг.	24 (40%)	34 (60%)
1616-1618 гг.	20 (38%)	33 (62%)
1622 г.	15 (40%)	22 (60%)

Интересной особенностью, присущей штату толмачей и переводчиков Посольского приказа начала XVII в., была начавшая складываться практика наследственности службы в дипломатическом ведомстве. Так, в начале Смутного времени в Посольском приказе числились толмачи – братья Иван и Гаврило Пономаревы; служивший при царе Михаиле немецкий переводчик Андрей Англер был сыном погибшего в начале Смутного времени немецкого переводчика Ганса Англера. В начале XVII в. в приказе служил турецкий переводчик Резеп Устокасимов, сын турецкого же переводчика Кучука Устокасимова. Сын переводчика Ивана Селунского Григорий служил в Посольском приказе в толмачах. В свойстве состояли переводчик А.Арпов и толмач А.Бракилев. Стремление

переводчиков сделать службу в Посольском приказе наследственной документально подтверждается челобитной, поданной на имя царя Михаила в июле 1617 г.: «Бьет челом государю перевотчика Иванова жена Фомина Марья. Послан де муж ее на государеву службу к цесарю третьей год, а она деи з детьми без него помирает голодом. И государь бы ее пожаловал, велел сына ее, Ивана, отпустить для ученья аглинского языку и грамоте в Аглинскую землю с аглинским послом со князем Иваном Ульяновым. А как де сын ее взмужает и грамоте аглинской и языку выучитца, и он де учнет государеву службу служить. А в том, что сыну ее, грамоте выучась, опять быти ко государю к Москве, велел бы государь по нем взяти поруку. А сыну де ее ныне четвертой год. И государь пожаловал, велел отпустить»⁴⁶. Подобная практика в начале XVII в. лишь зарождалась; широкое распространение она получила лишь в середине и второй половине столетия. Возможно, процесс складывания служилых династий переводчиков и толмачей Посольского приказа был несколько задержан именно событиями Смуты, которая значительно увеличила приток в страну лиц, владевших иностранными языками и составлявших конкуренцию потомкам служащих дипломатического ведомства. По завершении Смутного времени складывание династий толмачей и переводчиков продолжилось.

После реконструкции примерных списков переводчиков и толмачей и рассмотрения динамики изменений их общего состава, представляется необходимым отдельно проанализировать каждую из категорий специалистов по переводу с иностранных языков — переводчиков и толмачей.

Переводчики Посольского приказа. Численность переводчиков, служивших в Посольском приказе одновременно, в течение рассмотренного нами хронологического отрезка значительно увеличилась. В начале Смутного времени в Посольском приказе служили 8 переводчиков, что составляло 26% от общего числа переводчиков и толмачей. Определенные изменения заметны уже в царствование Василия Шуйского. В этот период в приказе служили не менее 10 переводчиков (возможно, их число возросло и до 12 человек). Соответственно, доля переводчиков в приказе возросла до 38-43%. Приблизительно такой же процент переводчиков (41%) сохраняется и в годы «междоцарствия» — 7 человек согласно реконструированному списку. В 1613-1615 гг. количество переводчиков Посольского приказа возрастает до максимального уровня — 29 человек, что составляло 50% от общего числа специалистов по иностранным языкам. В 1616-1618 гг. количество переводчиков сокращается: в это время в приказе числился 21 переводчик (40% от общего числа). Последние данные позволяют значительно уточнить сведения, при-

водимые С.А.Белокуровым, указавшим, что в 1617 г. в Посольском приказе служило около 6 переводчиков⁴⁷. В материалах делопроизводства Посольского приказа в 1617 г. упоминается не менее 16 переводчиков. В росписи 1619 г. упоминается 9 переводчиков только немецкого и шведского языков⁴⁸. К 1622 г. в приказе числилось 16 переводчиков (по С.А.Белокурову – 11)⁴⁹, что составляло 43% от общего числа специалистов по устному и письменному переводу. Таким образом, в годы Смуты заметна общая тенденция к увеличению количества переводчиков: к 1622 г. их число возросло по сравнению с 1605 г. вдвое, а доля переводчиков от общего числа специалистов по иностранным языкам увеличилась на 17%.

Большинство переводчиков Посольского приказа (32 человека) владели европейскими языками, и лишь 12 – азиатскими. 2 переводчика прекратили службу в Посольском приказе в самом начале эпохи Смуты (Г.Англер и В.Степанов); один был зачислен в дипломатическое ведомство после выхода Московского государства из внешнеполитического кризиса (С.Искелев). Из остальных 40 переводчиков Посольского приказа 13 человек (30%) служили в приказе на протяжении очень недолгого времени, информация об их службе порой ограничивается одним упоминанием (А.Бук, Ф.Гвоздинский, Б.Иванов, А.Итрот, Т.Лещинский, Д.Миколаев, А.Осеев, Б.Сабрузин, В.Садовский, Р.Устокасимов, В.Черментьев, М.Юрьев, Ю.Якушевский). Стаж службы остальных 27-ми переводчиков Посольского приказа колебался от 3-х лет (А.Девлетев, К.Кильдеяров, Т.Луцкий) до 20-ти лет и более (Я.Заборовский, С.Каменев, И.Фомин). Стаж некоторых переводчиков Посольского приказа достигал 40 лет (И.Фомин, С.Каменев).

Переводчики получали более высокое жалованье, чем толмачи. В рассматриваемый период его минимальный известный размер составлял 15 рублей (Е.Павлов). В то же время максимальный денежный оклад переводчика Посольского приказа был равен 60-ти рублям (И.Фомин около 1619 г.) Исключительным является денежный оклад П.И.Вражского, составлявший в 1618 г. 100 рублей. Согласно самой ранней сохранившейся росписи денежных окладов переводчиков (1622 г.), 11 переводчиков Посольского приказа имели совокупный годовой денежный оклад 384 рубля. Соответственно, средний денежный оклад переводчика составлял 35 рублей. Поместный оклад переводчиков Посольского приказа составлял от 250 (Е.Павлов) до 650 (И.Фомин) четей. По своим поместным и денежным окладам переводчики приближались, следовательно, к «средним» и «старым» подьячим Посольского приказа. Соответствие между денежным и поместным окладами переводчиков в большинстве случаев подчиняется следующей условной формуле:

«поместный оклад равен денежному окладу, умноженному на 10, плюс 50 или 100 четей». Пользуясь этой формулой (с известной осторожностью) при отсутствии информации о каком-либо одном виде жалованья переводчика, можно вычислить размер этого жалованья по данным о другом виде жалованья (по известному размеру поместного оклада можно вычислить размер денежного оклада, и наоборот). Денежное жалованье переводчикам, как и подьячим, выдавалось дважды в год: весной и осенью. Переводчики, отправлявшиеся за границу, как правило, получали жалованье за год вперед, и, кроме того, «подмогу» в размере одного годового оклада. Кроме того, в случае нужды, переводчики били челом о досрочной выдаче причитающегося им жалованья и получали часть своего годового оклада. В качестве примера можно привести сохранившуюся запись о досрочной выплате денег: «Ноября в 13 день [1614 г.] латынскому и польскому переводчику Тимофею Лутцкому для бедности в годовое жалованье вперед в нынешней 123-й год в его оклад 5 рублей»⁵⁰.

Переводчики Посольского приказа, вероятно, в большинстве случаев наделялись землями под Москвой для облегчения несения службы: в документах упоминаются подмосковные поместья В. Степанова, П. Вражского; о поверстании поместьями возле столицы били челом переводчики К. Кутумов и О. Яковлев. При этом следует отметить, что иногда поместный оклад у переводчика был лишь номинальным. Известно, что в 1616 г. М. Нагаев упоминал в своей челобитной об отсутствии у него поместья; приблизительно в то же время переводчики Т. Лещинский и Т. Луцкий в своих челобитных сообщали: «А в дачах за нами, холопы твоими, нет нигде ни по едыной чети»⁵¹; в 1621 г. И. Фомин, прослуживший к этому времени в Посольском приказе более 30-ти лет, также сообщал, что не имеет ни чети поместья. Иногда реальные поместные дачи были меньше официальных поместных окладов: в 1611 г. переводчик П. Еремеев, имевший оклад 350 четей, располагал поместьем лишь в 100 четей⁵².

Помимо вышеназванных видов жалованья, переводчики Посольского приказа получали т.н. «поденный корм» — деньги на пропитание служащего, его семьи и слуг. Размер этой выплаты также был различным: он колебался от 10 денег (А. Англер) до 6 алтын и 4 денег в день (И. Фомин, А. Бук). Соответственно, в год переводчик Посольского приказа получал на прокорм, помимо оклада, от 18 до 73 рублей. При установлении размера этой выплаты учитывалась численность семьи переводчика и количество его слуг; при пополнении семейства переводчик мог бить челом об увеличе-

нии поденного корма. Выплачивались деньги на поденный корм из Большого Прихода⁵³.

На переводчиков Посольского приказа, как и на подьячих этого ведомства, распространялась выплата «праздничных денег» — т.е. особых денежных пожалований на Рождество, Пасху, Рождество Богородицы, день Ангела государя. Известно, что переводчик О.Яковлев должен был получить на Пасху 1619 г. 10 рублей (его годовой оклад составлял тогда 35 рублей, т.е. «великоденская» выплата была равна приблизительно трети его годового денежного оклада). Исходя из этого, можно предположить, что общий размер выплат переводчикам к праздникам в год составлял сумму, близкую к их годовым денежным окладам.

Размер денежного жалования и поместного оклада переводчика зависел от нескольких факторов. Прежде всего, при зачислении на службу учитывался социальный статус и прежнее жалование. Поступавшего в Посольский приказ человека (русского или иноземца) расспрашивали о его прежнем окладе и служебном положении, в соответствии с чем и начислялся первоначальный оклад. Стаж работы в Посольском приказе в этом случае имел второстепенное значение. Так, в 1614 г., при зачислении в переводчики польского и латинского языков Ф.Мозолевского, было приказано его «поверстать ... поместным окладом и денежным жалованием, кому он в версту». В результате Мозолевский получил более высокий оклад, чем начавшие службу в приказе до него Итрот, Луцкий и Лещинский⁵⁴. По годовому денежному окладу (35 рублей) Мозолевский был сравнен с Фоминым, а поместный оклад Мозолевского (450 четей) был выше оклада Фомина (400 четей), несмотря на то, что последний прослужил в Посольском приказе не менее 25-ти лет. А.Бук был взят в Посольский приказ сразу с окладом 40 рублей и 500 четей (Е.Еремеев до достижения такого же уровня жалования должен был прослужить в приказе не менее 15-ти лет). Редкость и сложность языка также не были определяющими моментами при установлении оклада: в 1622 г. переводчик «фарсовской и арапской» С.Искелев числился в приказе предпоследним по денежному окладу (24 рубля).

Вторым фактором, учитывавшимся при начислении первоначального оклада, были размеры денежных и поместных окладов других переводчиков того же языка. Так, при определении жалования Ф.Мозолевскому, «в пример» были выписаны польские и латинские переводчики; когда татарский переводчик К.Кутумов ударил челом о поверстании его подмосковным поместьем, для справки были выписаны подмосковные поместные оклады только татарских переводчиков (в том числе В.Степанова, к тому времени в

Посольском приказе уже не служившего); по челобитной польского, латинского и немецкого переводчика А.Осева об увеличении поденного корма «в пример» выписали польских и латинских переводчиков Ф.Мозолевого, Т.Луцкого, Т.Лещинского. Немецкий и шведский переводчик А.Англер в своей челобитной заявлял, что «де он государевым денежным и поместным окладом, и поденным кормом перед своею братьею перед иными переводчики умален», в связи с чем просил «с товарищи его, с ыными переводчики, кому он в версту, ...поверстать». В пример ему были выписаны только переводчики немецкого и шведского языков⁵⁵. О наделении окладом «перед своию братию в версту» бил челом в 1589 г. и И.Фомин⁵⁶.

Итак, при начислении первоначального оклада переводчику основную роль играли его происхождение, а также уровень жалованья среди его коллег по языку. В дальнейшем изменение размера оклада переводчика зависело от его служебных успехов. При этом большое значение имел общий стаж работы в Посольском приказе. В первом из сохранившихся до наших дней списков переводчиков с указанием их денежных окладов (1622 г.) переводчики перечислены в порядке убывания размера жалованья. При этом последовательность, в которой расположены их имена, в целом отражает порядок зачисления переводчиков в Посольский приказ: С.Каменев (50 рублей, упоминается с 1588 г.), Е.Еремеев (45 рублей, упоминается с 1604 г.), Ф.Мозолевский (40 рублей, взят в приказ в 1614 г.), С.Монаев (40 рублей, упоминается с 1611 г.), И.Селунский (35 рублей, упоминается с 1615 г.), Т. фон Немен (35 рублей, упоминается в приказе с 1613 г.), В.Яковлев (35 рублей, служил в Посольском приказе с 1614/15 г.), И.Кучин (35 рублей, служил в приказе с 1619 г.), С.Искелев (24 рубля, впервые упомянут в 1622 г.), А.Петров (24 рубля, служил в приказе с 1614/15 г.), В.Вилимов (21 рубль, служил в приказе с 1617 г.). Как видно из приведенного перечня, между стажем службы в Посольском приказе и размером денежного жалованья существовала определенная зависимость. Некоторое отступление от этого принципа наблюдается среди переводчиков, служивших в приказе с низкими окладами и взятых на службу незадолго до составления росписи. Объясняется это тем, что при назначении первоначального оклада, как отмечалось, учитывалось прежде всего происхождение переводчика.

Помимо стажа работы в дипломатическом ведомстве, на изменение размера жалованья влияли личные заслуги переводчика. Денежный и поместный оклад мог быть значительно увеличен за участие в заграничном посольстве. Так, Д.Миколаев по прибытии из Дании получил к прежнему денежному окладу (20 рублей) прибавку в размере 5 рублей. Жалованье увеличивалось и за выполнение

различных поручений (Е.Павлов получил прибавку в 8 рублей «за новгородскую службу»). Личные заслуги во многом определяли темп увеличения денежного оклада. Например, Ф.Мозолевский, взятый в приказ в 1614 г. с окладом 35 рублей, в 1622 г. служил с окладом 40 рублей, т.е. за восемь лет его денежное жалованье возросло на пять рублей. Переводчик Е.Павлов, имевший в 1613-1614 гг. оклад 20 рублей, к концу 1614 г. уже имел жалованье 30 рублей, т.е. за два года увеличил свой оклад на 10 рублей. Таким образом, размер жалованья за службу переводчика Посольского приказа определялся его происхождением, уровнем окладов его коллег, стажем работы в приказе, а также личными заслугами.

Имущественное положение переводчиков Посольского приказа было достаточно высоким. Благодаря судебному делу о невыплате переводчиком М.Мануйловым долга английским купцам, мы можем представить, как выглядела городская усадьба переводчика. Позаимствовав у купцов 130 рублей, Мануйлов дал им закладную грамоту на свой двор на Рождественской улице. За забором с дощатыми воротами находилась «изба белая», отдельная горница, соединенная с «белой избой» бревенчатыми сенями, «изба черная воротная» с сенями, поварня, бревенчатая конюшня, погреб с клетью, колодец⁵⁷. Денежный оклад Мануйлова неизвестен, но показательно, что он рискнул занять столь значительную сумму.

Интересны также результаты анализа национальной принадлежности переводчиков Посольского приказа. Можно с уверенностью говорить об иностранном или инородном происхождении большинства переводчиков: А.Англера, Г.Англера, А.Арпова, А.Бука, В.Вилимова, Р.Выбора, А.Девлетева, Е.Еремеева, Б.Иванова, С.Искелева, А.Итрома, И.Кильдеярова, К.Кутумова, М.Мануйлова, Ф.Мозолевского, С.Монаева, М.Нагаева, Т. фон Немена, А.Петрова, Б.Сабрузина, И.Селунского, П.Томасова, И.Фомина, В.Черментьева, О.Яковлева. Кроме того, возможно, что выходцами из Речи Посполитой были Ф.Гвоздинский, Я.Заборовский, Т.Лещинский, Т.Луцкий, В.Садовский, Ю.Якушевский; вероятно также греческое происхождение С.Каменева. Следовательно, из 44 переводчиков рассмотренного периода около 73% (32 человека) были либо иностранцами, либо татарами (для которых переводимый ими язык был родным). Возможно, последняя цифра не является окончательной, поскольку имена многих иностранцев в Московском государстве русифицировались (Б.Иванов был французом, И.Фомин — англичанином, английского посла Дж.Меррика в Москве именовали Иваном Ульяновым; перечень подобных примеров может быть продолжен). Та же ситуация наблюдается в отношении татар, принимавших крещение: им давали русское имя, а иногда и

отчество (например, в документах можно встретить имя «татарина Сerezки Никитина»)⁵⁸. Таким образом, для большинства переводчиков Посольского приказа переводимый ими язык был родным, а русский — «иностранным».

С.А.Белоуров в монографии «О Посольском приказе» сделал вывод, согласно которому большинство переводчиков Посольского приказа начинали свою карьеру в качестве толмачей этого ведомства. Для начала XVII в. данное наблюдение не подтверждается. Известно, что до перевода в разряд переводчиков служили в Посольском приказе толмачами Е.Еремеев, П.Еремеев, Я.Заборовский, П.Томасов — всего 4 человека (около 9% от общего числа). Еще три человека в начале своей службы именовались «толмачами и переводчиками» — И.Фомин, С.Каменев, В.Вилимов. Срок службы в толмачах (до первого упоминания в качестве переводчика) был различным: от 8 лет (Е.Еремеев) до 15-16 лет (Я.Заборовский). Три переводчика были переведены в приказ из городов: П.Вражский — из Астрахани, Е.Павлов — из Пскова, Б.Иванов — из новгородских толмачей. Остальные 37 человек (84%) упоминаются в документах сразу в качестве переводчиков Посольского приказа, без предварительной службы в должности толмача. Следовательно, в начале XVII в. практика подготовки и перевода толмачей на более высокий уровень квалификации в Посольском приказе еще не была распространена. Кроме того, следует отметить, что на рубеже XVI-XVII вв. окончательного разделения корпуса служащих, владевших иностранными языками, на толмачей и переводчиков еще не произошло. Так, Своитин Каменев во время посольства в Грузию в 1604-1605 гг. именуется и толмачом, и переводчиком, в зависимости от характера исполняемых им обязанностей. В статейном списке русского посольства в Данию в 1613-1614 гг. было записано: «А посольство толмачил... толмач и переводчик Дмитрий Миколаев»⁵⁹. В 1615-1618 гг. Иван Селунский также именуется и переводчиком, и толмачом; в 1617-1624 гг. переводчиком и толмачом именовался Вилим Вилимов.

Рассмотрим круг обязанностей переводчиков Посольского приказа. Прежде всего, они должны были осуществлять перевод текстов иностранных грамот на русский язык и наоборот. На сохранившихся подлинниках иностранных грамот начала XVII в. можно обнаружить пометы, указывающие на то, когда и кем была переведена соответствующая грамота. Например, на грамоте английского дипломата Дж. Меррика имеется запись: «111-го году переводил Иван Фомин з Ивана Ульянова»⁶⁰. Грамота шведского короля Карла IX имеет помету: «112 августа в 18 день переведена, переводил Олфер Северов...»⁶¹. В мае 1615 г. переводчик П.Вражский «к тотал-

рину ездил, и грамоты от мурз у него взял, и перевел»⁶². На челобитной пленного польского полковника Н.Струся (1617 г.) сохранилась запись: «...а переводил переводчик Тимофей Лутцкой»⁶³. В 1618 г. переводчики О.Яковлев и А.Бук перевели верительные грамоты шведских послов⁶⁴. В том же году грамоту от английского гонца Р.Свифта переводил И.Фомин⁶⁵. Подобных примеров можно привести множество. При приездах в Москву иностранных дипломатов посольские дьяки изымали у них грамоты, которые в течение короткого времени переводились в Посольском приказе. Грамоту, привезенную в 1616 г. русскими послами из Франции, по распоряжению царя передали в Посольский приказ для перевода⁶⁶. Вероятно, при переводе иностранных грамот между переводчиками существовало определенное «разделение труда». Две шведские грамоты, поступившие в Посольский приказ, переводились в один день (29 мая 1618 г.), но разными переводчиками — одну из них перевели Е.Еремеев и А.Бук, а другую — И.Фомин и В.Яковлев⁶⁷. Широко распространенной была практика коллективного осуществления переводов. На многих грамотах сохранились пометы, свидетельствующие о ее переводе двумя переводчиками; 6 декабря 1614 г. польские грамоты из под Смоленска переводили одновременно три переводчика⁶⁸. Можно также предположить, что в начале XVII в. переводчики хранили некоторые из пришедших в Москву грамот у себя (возможно — для языковой практики). Так, в греческом столбце 1603-1604 гг. был приведен перевод грамоты, после чего было приписано: «112-го июня в 25 день списана, а подлинная грамота отдана греческому переводчику Торасу Елизарьеву к греческим грамотам»⁶⁹. Аналогичное упоминание удалось обнаружить и в шведском столбце 1615 г.: после текстов переводов перехваченных немецких писем помещена запись: «А подлинныя оба листы у неметцких переводчиков у Еремея Еремеева с товарищи»⁷⁰.

Переводчики осуществляли также и перевод русских грамот на иностранные языки. Так, в октябре 1615 г., переводчиками М.Нагаевым и К.Кильдеяровым была переведена с русского языка на татарский роспись жалованья крымским гонцам⁷¹. Кроме того, известно немало случаев, когда отправляемые с русскими дипломатами грамоты переводились на иностранные языки (чаще всего — на азиатские). Грамоты на татарском языке были посланы в Крым в апреле 1607 г. с С.Ушаковым⁷², в 1614 г. с Г.К.Волконским⁷³; на полях русских черновых текстов грамот 1618 г. в Крым сохранились пометы «Писать в лист по-татарски»⁷⁴; в 1613 г. с посольством в Персию были отправлены грамоты к калмыкам и ногаям⁷⁵; в 1617 г. в Турцию, помимо грамоты на русском языке, была послана

грамота, написанная по-татарски, на случай, если русскую перевести будет некому⁷⁶.

Переводчики Посольского приказа часто выезжали за границу в составе дипломатических миссий. Известно, что Я. Заборовский ездил с посольствами в Империю в 1583/84 и 1599-1600 гг.; С. Каменев в Грузию в 1604-1605 гг.; Е. Еремеев в 1612 г. в Империю и в 1619 г. в Данию; Д. Миколаев в Данию в 1613-1614 гг.; И. Фомин в 1614-1617 гг. в Империю, в 1620/21 г. в Данию, Швецию и германские княжества; С. Андреев в 1614 г. в Казыев улус, в 1616 г. в Персию; С. Монаев в Крым в 1614-1615 гг. и в 1618 г.; К. Кильдеяров в 1615-1616 гг. в Крым; М. Нагаев в 1618 г. в Персию; К. Кутумов в Крым в 1617 г.; П. Томасов и А. Петров в 1617 г. в Швецию; П. Вражский в Ногайскую Орду в 1618 г.; Е. Павлов в 1617/18 г. в Голландию и в 1619 г. в Швецию; Т. фон Немен в 1618 г. в Империю и Швецию. В большинстве случаев функции переводчика в составе посольства ограничивались переводом (устным и письменным). Например, в 1605 г. в Грузии, во время утверждения русско-грузинского договора «чли послом запись греческим языком и писмом..., а толмачил и смотрил записи переводчик Своетин Каменев... А после того велел царь послом свою запись перед собою прочесть, и чол запись Ондрей, а толмачил Своетин же»⁷⁷. В 1615 г. Суналей Монаев присутствовал при принесении крымским ханом клятвы быть другом царя Михаила и читал шертную грамоту⁷⁸. По прибытии за границу, переводчика, как правило, посылали к местным властям с сообщением о приезде послов⁷⁹. Кроме того, переводчиков часто посылали «проведывать всяких вестей». Этим, как правило, ограничивались задачи переводчика за границей. Однако, в ряде случаев, они играли более важные роли. Так, переводчик Своетин Каменев во время посольства в Грузию выполнял особую дипломатическую задачу: ездил к карталинскому царю Юрию для договора о браке царевича Федора Борисовича с грузинской царевной⁸⁰. Иногда переводчиков использовали в качестве дипломатических курьеров: их отправляли с грамотами к русским дипломатам, уже находившимся за границей, а те посылали их обратно в Москву с отписками. Такого рода поручения выполняли ездившие в Крым С. Андреев (1615 г.) и М. Нагаев (1616 г.)

Ермей Еремеев в 1612 и 1619 гг., Иван Фомин в 1614 г., Прокофий Вражский в 1618 г. выезжали за границу в ранге гонцов к иноземным государям, т.е. были вполне самостоятельными дипломатами. В материалах делопроизводства Посольского приказа сохранилась выписка, свидетельствующая о том, что перед отправлением переводчика за границу рассматривалось несколько кандида-

тур: «Переводчики Посольского приказа немецких языков, ково из них государь укажет послати для своих государевых дел одного в гонцах в Дацкую землю, а дрогово для толмачества переводу немецкого и свейского языку в Новгород» (далее следовал перечень всех имевшихся на тот момент в распоряжении приказа немецких и шведских переводчиков с указанием их денежных окладов)⁸¹.

Переводчики Посольского приказа были участниками международных переговоров. Известно, что Я. Заборовский привлекался для перевода при переговорах с имперским послом в 1597 г.; в 1609 г. бояре договаривались со шведскими наемниками о помощи Московскому государству при посредничестве толмача и переводчика Б. Иванова⁸²; А. Осеев и Е. Еремеев в 1615 г. были командированы на русско-польский посольский съезд под Смоленском; А. Англер и Т. фон Немен обслуживали русско-шведские переговоры в 1617-1618 гг.; И. Фомин в 1618 г. присутствовал при русско-шведских переговорах в Москве в ответной палате.

В отдельных случаях переводчиков Посольского приказа назначали приставами при иностранных дипломатах. В 1604 г. немецкий переводчик А. Андреев в 1604 г. был отправлен из Москвы навстречу имперскому гонцу Б. Мерлу и сопровождал его до столицы, исполняя функции пристава. В 1615 г., вероятно, приставом при голландском после И. Массе был немецкий переводчик М. Мануйлов, сообщавший в Посольском приказе речи голландца. В 1615 г. татарского переводчика М. Нагаева посылали навстречу турецкому посланнику, которого он должен был сопровождать до Москвы; в том же году приставом при ногайском посланнике был С. Андреев. В 1620 г. функции пристава при датском после осуществлял Е. Павлов.

Иногда переводчиков отправляли с различными поручениями на подворья иностранных дипломатов. П. Петрей в «Истории о великом княжестве Московском» отмечал, что приглашать послов на аудиенцию в обязательном порядке должен был переводчик⁸³. В 1602/03 г. к крымским послам ездил с кормовыми деньгами В. Степанов. В 1609 г. на двор к шведским наемникам ходил переводчик Иван Фомин, приглашавший их на прием в Посольский приказ, а затем с «государевым жалованьем» к шведам был отправлен немецкий переводчик М. Юрьев. В 1610 г. на подворье у ногайских послов находился переводчик А. Девлетев, который был свидетелем при передаче послам денег из Посольского приказа. В 1615 г. П. Вражский ездил к ногайскому посланнику, чтобы забрать у него грамоты, присланные к царю; в 1617 г. его отправляли на подворье к только что приехавшему крымскому гонцу, а также к персидским посланникам. В 1616 г. голландского посланника провожал в По-

сольский приказ переводчик Е.Еремеев. В 1617 г. на подворье к английскому гонцу Р.Свифту присылали переводчиков М.Мануйлова и И.Фомина, которые сопровождали дипломата в Посольский приказ. В 1618 г. переводчику Е.Еремееву было поручено ездить с приставами на подворье к шведским послам. В 1619 г. переводчику А.Буку велели расспросить на подворье датского гонца о целях его миссии. В 1621 г. к грузинскому послу отправляли С.Камёнева. Как видно, практика отправления переводчиков с поручениями на подворья иностранных дипломатов имела место на протяжении всего рассматриваемого нами временного промежутка. При этом следует отметить, что в большинстве случаев переводчики получали достаточно ответственные задачи либо дипломатического характера, либо связанные с денежными вопросами.

Безусловно, переводчики Посольского приказа должны были принимать участие в церемониях аудиенций, даваемых царем и боярами иностранцам. В материалах делопроизводства Посольского приказа участие переводчиков в официальных царских приемах фиксировались крайне редко. Удалось обнаружить упоминание о том, что шведских наемников в 1609 г. на прием к боярам сопровождали немецкие переводчики и толмачи: «А за ними [наемниками – Д.Л.] шли от Посольсково приказу до Благовещенские паперти неметцкие переводчики и толмачи, и дожидались их, как они пошли от бояр, на Казенном дворе»⁸⁴. В материалах Посольского приказа начала XVII в. удалось найти лишь одно указание на присутствие переводчиков на аудиенциях: в декабре 1615 г. голландского гонца сопровождал во дворец немецкий переводчик Е.Еремеев: «и ехал с ним в город, и к государю шел, и толмачил перед государем переводчик Еремей Еремеев»⁸⁵. Однако, безусловно, речи царя, окольникового, дьяков должны были переводиться для иностранцев, равно как и речи зарубежных дипломатов нуждались в переводе. Представляется, что перевод на аудиенциях в большинстве случаев доверялся именно переводчикам, а не менее квалифицированным толмачам. Петр Петрей отмечал также, что во время царских пиров «против посланников сидят несколько знатных русских бояр с великокняжескими переводчиками, которые должны прислуживать послам и угощать их»⁸⁶. В документации Посольского приказа удалось найти подтверждение этим сведениям: 8 июня 1617 г. монгольские послы были приглашены на царский пир, «а толмачил им у стола и их подчивал стоя толмач Бурнаш Томонаев»; когда же послы «напились пьяни», провозжать их на подворье отправили переводчика П.Вражского⁸⁷. Таким образом, переводчики Посольского приказа были также участниками церемоний аудиенций иностранным дипломатам.

Известно несколько случаев, когда переводчиков Посольского приказа приставляли к иностранцам, нанятым на российскую службу. В 1609 г. переводчика О.Северова планировали отправить к М.В.Скопину – Шуйскому для перевода в общении с иноземными наемниками; в 1613 г. переводчик Ю.Якушевский был отправлен к воеводе Д.Т.Трубецкому, вероятно, для этого же. Переводчик Е.Павлов, получивший прибавку «за новгородскую службу и за рану» в 1614 г., по всей видимости, также состоял при наемниках. В 1623 г. Т. фон Немена приставили в качестве переводчика к иностранным рудознатцам.

Переводчики Посольского приказа, по меньшей мере с конца второго десятилетия XVII в., отправлялись на временную службу в города, в которых была постоянная необходимость вести переговоры и переписку с иностранцами (Новгород, Псков и ряд других). До этого, вероятно, такая практика еще не вошла в систему: в конце XVI – начале XVII вв. в пограничных городах имелись свои собственные переводчики. Известно, что в 1617 г. в Новгороде в распоряжении воеводы находился переводчик Посольского приказа Т. фон Немен, однако, когда последний был отправлен на размежевание русско-шведской границы, другого переводчика в Новгород не прислали, а велели найти специалиста на месте⁸⁸. В 1619 г. была составлена роспись переводчиков немецкого и шведского языков, из которых предстояло выбрать кандидата для командирования в Новгород. Срок службы посольских переводчиков в городах, вероятно, был равен году, после чего их заменяли другими. В 1622/23 г. в Новгороде служили переводчики Посольского приказа А.Петров и В.Вилимов; в 1623/24 г. их сменил Е.Еремеев. В 1624 г. в Новгород был направлен недавно взятый в приказ переводчик немецкого и финского языков, и ему было велено служить в Новгороде «бес перемены»⁸⁹. Таким образом, практика отправления переводчиков Посольского приказа на службу в города только начинала оформляться к концу рассматриваемого нами периода.

Относительно редко переводчикам Посольского приказа поручались дела, не требовавшие дипломатического опыта и знания иностранных языков. В документах Посольского приказа удается обнаружить лишь несколько упоминаний об отправлении переводчика с памятью в приказ: в 1607 г. памяти в Разрядный приказ, Казанский дворец и Новый Земской двор были доставлены переводчиками Т.Елизарьевым и А.Девлетьевым. В 1619 г. памяти в приказ было поручено отнести И.Кучину. Нечасто переводчиков Посольского приказа использовали и в качестве курьеров: в 1615 г. под Смоленск с грамотой ездил переводчик Е.Еремеев (посылка его объясняется тем, что он должен был помочь в переводе А.Осееву, и

грамота была отправлена с ним именно поэтому). Несколько раз в 1615-1616 гг. ездил с грамотами в города И.Селунский, но неясным остается вопрос о том, был ли он в то время переводчиком (в документах его именовали и толмачом).

Необходимо также охарактеризовать общий уровень подготовки и квалификации переводчиков Посольского приказа. На протяжении всего рассмотренного нами периода российское дипломатическое ведомство имело в своем распоряжении специалистов по переводу с языков основных внешнеполитических контрагентов Московского государства: английского, голландского, немецкого, польского, латинского, шведского, татарского, греческого. Кроме того, в рассматриваемую эпоху в приказе появились переводчики французского и итальянского языков, а также специалисты по датскому, арабскому языкам и фарси. Однако, уровень квалификации переводчиков не всегда был высоким, а особенно это стало заметно после 1613 г. Так, в 1615 г. один из крымских мурз выговаривал русским послам по поводу присланной ему грамоты: «...приказывал к нам, что он грамоты прочесть не умел, писана де з збором, потатарски и по-кизылбашски ж, а иного де и не знаю, и писано де неведомо што, большое де у вас и переводчики перевелись, что не умеют написать»⁹⁰. В конце 1615 г. под Смоленск, где с русскими послами находился переводчик А.Осеев, был направлен другой переводчик — Е.Еремеев, поскольку текст переведенной Осеевым грамоты вызвал в Москве удивление: «И нам то стало в сумненье, достаточно ль переводчик Олександра Осеев те листы у вас перевел, и мы ныне послали к вам немецкого переводчика Еремея Еремеева, а велели ему с переводчиком с Олександром Осеевым те листы вытолковати гораздо, таки ль те листы переведены гораздо и достаточно»⁹¹. Позднее, в 1618 г., когда в Москву прибыли шведские послы, в Казань немедленно послали гонцов за шведом А.Буком⁹², хотя в приказе служили шведские переводчики В.Яковлев и А.Петров. Верительную грамоту послов переводило несколько человек: в столбце было указано, что переводом этого документа занимались «Ульф с товарищи»⁹³. Тем не менее, после этого текст грамоты был вторично переведен А.Буком: «переводил Арн Бук вдругорядь для правки»⁹⁴. Известен случай, когда переводчиком в Посольский приказ был зачислен швед, практически не владевший русским языком (А.Петров) — в 1617 г. Е.Павлов в челобитной заявил: «Ведомо вам самим..., что Ондрей Петров по-руски не токмо что грамоте — и говорить не умеет, а я по-свейски языку и грамоте не умею. А сказывает мне Ондрей с свейского письма немецким языком, и что скажет, то я и напишу»⁹⁵. Подобный способ перевода в Посольском приказе называли переводом «через язык»⁹⁶. В

некоторых случаях приходилось прибегать к услугам иностранцев, которые не состояли в штате переводчиков Посольского приказа. Так, в составе посольства в Англию 1613-1614 гг., в качестве переводчика находился «немчин» Андрей Андреев; его же планировали отправить в Англию с гонцом И.Грязевым в 1615 г., но, ввиду отъезда Андреева по делам Английской Московской компании, с Грязевым был послан «агличенин Ромашка Григорьев»⁹⁷. В том же 1615 г. с посольством в Голландию и Францию выехали в качестве переводчиков Болгвин Миколаев (сын аптекаря Аптекарского приказа, обучавшийся торговому делу у голландского купца)⁹⁸, а также торговый немчин Елисей Юрьев; французского переводчика московским послам предоставили в Голландии⁹⁹. На переводе английской грамоты от февраля 1615 г. сохранилась помета: «переводил агличанин Юрьи Родивонов»¹⁰⁰. В 1616 г. при посланнике в Империю Л.Мясном состоял в переводчиках «торговый немчин» Андрей Ишкиль¹⁰¹. В 1617 г. в качестве переводчиков за границу были отправлены: с толмачом В.Вилимовым в Англию — «аглинский немчин» Юрий Родионов (Ю.Родионов был переводчиком английского посла Дж.Меррика; позднее, в 1623 г. его зачислили в Посольский приказ в качестве английского переводчика)¹⁰²; с посланником И.Баклановским в Швецию, Данию и Голландию — «московский немчин Ефим Ефимов»¹⁰³; с Д.Лодыгиным — «Оптекарского приказу перевотчик Захарий Захарьев сын Миколаева»¹⁰⁴. Сохранилась также челобитная англичанина Ульяна Игнатьева, который сообщал: «Бываю я, холоп твой, у твоих царских дел в Посольском приказе в перевотчиках и в толмачех»¹⁰⁵. Ульян Игнатьев приехал в Российское государство в 1612 г. и был толмачом у англичан, предлагавших свои услуги Д.М.Пожарскому. 20 августа 1613 г. его распорядились прислать из Ярославля в Москву¹⁰⁶. Привлечение англичан к переводу в Посольском приказе было связано с тем, что единственный в этом ведомстве английский переводчик — И.Фомин — в 1614-1617 гг. находился в качестве гонца в Империи. Так, в январе 1615 г. во время переговоров с английским послом Дж.Мерриком, русские дипломаты заявили: «А толмачей ныне аглинских никого нет. Самому тебе ведомо: один был аглинской толмач и переводчик — Иван Фомин, ты его знал. И он отослан на государево дело». В результате Меррик был вынужден подать свои грамоты, переведя их на немецкий язык¹⁰⁷. В Новгороде в 1617 г. помимо переводчика Т. фон Немена, власти прибегали к услугам «торгового немчина» Тимофея Тиля, «потому что твой государев переводчик Тимофей по-свейски не умеет»¹⁰⁸.

Таким образом, не все переводчики Посольского приказа владели иностранными языками в совершенстве; Смута несколько сни-

зила уровень квалификации переводчиков; в ряде случаев Посольский приказ был вынужден прибегать к помощи иностранцев, хотя в целом российская дипломатия была вполне обеспечена необходимыми специалистами для перевода с иностранных языков.

Толмачи Посольского приказа. В рассматриваемый нами период происходили серьезные изменения количества служивших в приказе толмачей. К началу Смутного времени их числилось в Посольском приказе 23 человека (74% от общего числа служивших в приказе толмачей и переводчиков). В годы царствования Василия Шуйского удается обнаружить упоминания о 16-ти толмачах (57-62% от общего числа специалистов по переводу); в период «междоцарствия» – 10 (59%). Значительное увеличение численности толмачей Посольского приказа наблюдается после воцарения Михаила Федоровича Романова: в 1613-1615 гг. в дипломатическом ведомстве служило 30 толмачей (50% от общего числа); в 1616-1618 гг. – 32 толмача (60%). В 1622 г. в Посольском приказе служил 21 толмач (57%). Таким образом, на протяжении всего рассмотренного нами хронологического отрезка можно отметить постепенное снижение доли толмачей в общем количестве специалистов по иностранным языкам (к 1622 г. – на 17%). При этом численность толмачей в некоторые моменты возрастала в полтора раза по сравнению с исходным количеством. После того как Посольский приказ был возглавлен И.Т.Грамотиным, численность толмачей, чрезмерно возросшая во время руководства дипломатическим ведомством П.А.Третьякова и С.Романчукова, была ограничена. Так, А.Ракову, просившемуся в приказ на службу, новый судья Посольского приказа предписал «подождать, покаместа порожня место будет». На место погибшего в 1618 г. толмача А.Ганюкова другой человек был взят лишь в 1620 г.¹⁰⁹ В результате, к 1622 г. количество служивших в Посольском приказе толмачей было значительно снижено и сведено к показателям начала Смутного времени.

Из упоминаемых в рассматриваемый период толмачей (74 человека) подавляющее большинство составляли толмачи азиатских языков – 62 человека. Толмачей европейских языков в рассмотренный период было всего 12 человек (около 16% от общего числа). Таким образом, при анализе языкового состава толмачей Посольского приказа можно наблюдать картину, обратную той, что создается при рассмотрении штата переводчиков, среди которых основную массу составляли лица, владевшие европейскими языками.

Из перечисленных толмачей 6 человек прекратили службу в Посольском приказе в самом начале Смутного времени (до воцарения Василия Шуйского) – Т.Бабаев, М.Кашинцев, А.Мельников, П.Муратов, Г.Пономарев, Тарыбердей. 12 человек были взяты в Посольс-

кий приказ в 1619-1622 гг., после выхода Московского государства из внешнеполитического кризиса — С.Алехин, Р.Зеленого, Т.Зябрев, Х.Иванов, П.Красников, А.Раков, Р.Родин, М.Толмачев, Т.Труфанов, И.Ушаков, П.Чаплыгин, Ю.Иванов. Четыре человека — В.Вилимов, Е.Еремеев, П.Еремеев, Я.Заборовский — были переведены в разряд переводчиков. Из остальных 52-х толмачей 17 человек служили в дипломатическом ведомстве на протяжении незначительного срока — не дольше двух лет (С.Адаров, Айдикей, Александр, И.Алышев, С.Арап, Д.Астафьев, И.Бердииков, С.Боздырев, Б.Булгаков, Т.Громов, Денис, П.Елагин, Ф.Исаков, Б.Маткин, И.Перетчик, А.Софронов, В.Тыринов). Процент толмачей с коротким стажем службы в Посольском приказе составлял приблизительно 33%, что вполне сопоставимо с аналогичным показателем среди переводчиков — 30%). Стаж внешнеполитической работы остальных 35-ти толмачей колебался от 3-4 лет (А.Ганюков, Ф.Иванов, Я.Сумороков) до 18-22-х лет (Б.Алексеев, С.Герасимов, Г.Есипов, Б.Томонаев). Исключительным является случай И.Драгичева, прослужившего в Посольском приказе около 40 лет.

Размер жалованья, получаемого толмачами Посольского приказа за службу, был ниже, чем у переводчиков. Минимальный годовой денежный оклад толмача, зафиксированный в источниках, был равен 4-м рублям (Т.Зябрев в 1622 г.) Максимальный денежный оклад был определен турецкому толмачу Я.Суморокову около 1615 г. — 30 рублей. Случай Я.Суморокова является исключительным, поскольку до своего плена он служил с окладом 25 рублей. Эта сумма и стала исходной при назначении ему первоначального оклада. Толмач Г.Есипов после 22-х лет службы в Посольском приказе выслужил денежный оклад в 24 рубля. Прослуживший приблизительно столько же толмач Б.Томонаев имел оклад в 25 рублей. таким же был последний оклад С.Никифорова. По всей видимости, данную сумму и следует считать верхней границей годового денежного оклада для толмача, не имевшего при принятии в Посольский приказ привилегий, связанных с его прежним служебным положением и происхождением. Согласно первой из сохранившихся росписей денежных окладов толмачей (1622 г.), на долю 21 толмача приходилось 252,5 рубля совокупного годового денежного оклада. Следовательно, средний денежный оклад толмача Посольского приказа составлял 12 рублей (это втрое ниже аналогичного показателя среди переводчиков — 35 рублей). Есть также указания на то, что толмачи, как и переводчики, получали в Посольском приказе поденный корм — в приходно-расходной ведомости Посольского приказа 1614/15 г. имеется соответствующая расходная статья. Размер поденного корма, получаемого толмачами, был ниже, чем у

переводчиков: от 5 денег до 2 алтын 1 деньги (т.е. от 9 до 24 рублей в год).

Толмачи Посольского приказа, также как переводчики, верстались за службу поместьями. Минимальный известный поместный оклад толмача был равен 200 четям (С.Логунов), максимальный достигал 500 четей (Я.Сумороков). Как видно, по размерам поместных окладов толмачи Посольского приказа приближались к переводчикам, хотя минимум поместного оклада был у них все же ниже. Однако, поместный оклад у многих толмачей существовал лишь на бумаге. Известно, что поместьем был наделен И.Драгичев; Н.Тютчев имел 140 четей поместья в Рязанском уезде (возможно, он имел владения и в других уездах); Б.Алексеев был верстан поместьем под Епифанью. Соответствие между поместным и денежным окладами для толмачей Посольского приказа подчинено иной формуле, нежели у переводчиков: «поместный оклад равен денежному окладу, умноженному на 20, плюс – минус 100 четей». Толмачи, верстанные поместным окладом, но не имевшие поместий, получали компенсацию в виде т.н. «хлебного жалованья»: от 12 до 15 четей ржи и овса. В одной из росписей жалованья посольских толмачей было указано: «По 18 рублей, помесной по 300 чети, а до тех мест, покаместа их испоместят, велено им давати государево хлебное жалованье»¹¹⁰. По желанию толмача выдача хлебного жалованья могла быть заменена выплатой поденного корма из Большого Прихода (поденный корм вместо хлебного жалованья получали Ф.Мясоедов, Д.Аминев, В.Вилимов).

Принципы начисления первоначального денежного и поместного окладов для толмачей Посольского приказа были теми же, что и для переводчиков. Большое значение имели происхождение и прежнее служебное положение. Так, вышедший в 1614 г. из турецкого плена Я.Сумороков, в соответствии со своим прежним окладом (25 рублей и 500 четей), был поверстан сначала 25 рублями и 400 четьми поместья, а вскоре после этого его жалованье составило 30 рублей и 500 четей. Взятый в толмачи в 1622 г. выходец из Валахии Х.Иванов сразу получил денежный оклад 21 рубль, причем стал вторым по окладу толмачом Посольского приказа. В том же 1622 г. начали службу в Посольском приказе выкупленные крымские полоняники П.Чаплыгин (с окладом 15 рублей) и П.Красников (20 рублей). При этом последний был сверстан по размеру жалованья с толмачами С.Лежневым и И.Рехтеревым, прослужившими к тому моменту в Посольском приказе 7-10 лет. Толмач А.Золотухин после зачисления в приказ бил челом, прося «его поверстати своим государевым жалованьем: денежным, и поместным, и хлебным окладом, кому он в версту»¹¹¹. Приведенные случаи свидетельствуют о

большой роли происхождения при определении окладов толмачам Посольского приказа.

При начислении оклада также учитывался уровень жалованья других толмачей того же языка. Так, при зачислении в толмачи И.Бердикова и определении ему оклада «в пример» были выписаны татарские толмачи¹¹². Точно так же поступили в случаях с А.Золотухиным, М.Кучумовым, Ф.Мясоедовым¹¹³. О том, что при определении первоначального оклада толмачу примером служили оклады его коллег по языку, свидетельствует и тот факт, что в первые годы царствования Михаила Романова (1613-1614 гг.) разница в денежных окладах татарских толмачей служивших в приказе до 1613 г. (Г.Есипов, И.Есипов, Б.Алексеев, А.Нагаев), и толмачей, впервые упоминаемых в 1613-1614 гг. (Б.Маткин, С.Лежнев, А.Софронов, Т.Баубеков), практически незаметна: их годовое жалованье составляло 13-15 рублей. В более позднее время, на рубеже 10-х и 20-х годов XVII в., когда произошло значительное обновление штата толмачей, их (татарских толмачей) стали принимать в Посольский приказ (вероятно, сверстывая друг с другом) с более низкими окладами: 9-10 рублей. При этом толмачи европейских языков (в том числе и новые) служили в Посольском приказе с более высокими окладами (от 16-ти до 21-го рубля).

Стаж службы в Посольском приказе также играл определенную роль. За исключением оговоренных выше случаев, когда толмачу сразу назначали высокое жалованье, максимальные оклады в Посольском приказе имели толмачи с наибольшим стажем службы в дипломатическом ведомстве. Личные заслуги также влияли на размер годового и поместного оклада толмача. Так, Г.Есипов за участие в посольстве в Ногайскую Орду получил прибавку в размере 5 рублей и 50 четей; Т.Баубеков за участие в посольстве получил 50 четей прибавки к поместному окладу. Итак, размер жалованья, получаемого за службу толмачами Посольского приказа, определялся теми же факторами, что и для переводчиков, т.е. происхождением, уровнем окладов толмачей в приказе на момент зачисления, стажем службы и личными заслугами. Как правило, служба в приказе давала толмачу постепенное увеличение денежного и поместного окладов. Известно также несколько случаев, когда оклады толмачей Посольского приказа снижались. Так произошло с С.Лежневым, имевшим по возвращении из Персии в 1615 г. оклад 19 рублей, но служившим позднее с окладом 15 рублей; поместный оклад И.Есипова был сокращен на 100 четей, А.Ганюкова, Ф.Иванова — на 50 четей.

Среди документов Посольского приказа сохранились документы, позволяющие представить реальную картину выдачи жалованья толмачам Посольского приказа. Так, в 1622 г., толмачи и перевод-

чки составляли челобитную на имя царя с просьбой выдать им жалованье, «чтоб им, будучи у ево государева дела в Посольском приказе в толмачех, голодную смертью не помереть». Челобитная подавалась посольским дьякам, которые составляли роспись окладов посольских служащих и вычисляли общую сумму денег, подлежащую выдаче (за вычетом сумм, выдававшихся по какой-либо причине раньше срока)¹¹⁴. Дальнейшая процедура обрисовывается более ранним делом. В сентябре 1609 г., в связи с жалобой ногайского посла на толмача Н.Тютчева, судья Посольского приказа послал запрос в Большой Приход о жалованье этого толмача: «Толмачу Миките Тютчеву государево денежное жалованье на 117-й год дано ли, и сколь давно, и самому ему дано, или кому на него государево жалованье дано, и почему дано?» В ответ в Посольский приказ была прислана память, в которой сообщалось: «И в прошлом во 117-м году ис Посольского приказа в Большой приход прислана роспись за твоею, Васильевою приписью, а велено по той росписи дати государево жалованье [на] 117-й год Посольского приказу переводчиком и [толмачам] по их окладом. И в той росписи толмачю Ми[ките] Тютчеву написано государева жалованья по окладу осмнатцать рублей, а он, Микита, на Резани. И по той росписи толмачю Миките Тютчеву государева жалованья на 117-й год за половину его окладу за девять рублей дано жемчугом с товарищи его вместе, потому что в росписи того не написано, что Миките государева жалованья не давати». Далее в памяти было сказано, что в отсутствие Н.Тютчева его жалованье было выдано подьячему Разрядного приказа К.Федорову, который «в его, Микитино, место к роздаточной росписи руку приложил»¹¹⁵. Приведенная выдержка свидетельствует о том, что жалованье толмачам и переводчикам Посольского приказа выдавалось два раза в год (по половине оклада). Роспись, по которой выдавалось жалованье, составлялась в Посольском приказе (причем в ней могло содержаться указание не выдавать жалованья тому или иному служащему) и пересылалась в Большой Приход, где и производилась выдача окладов. Выплата осуществлялась не только деньгами, но и различными товарами (в данном случае — жемчугом). При получении жалованья служащие расписывались в особой ведомости («роздаточной росписи»), причем получить оклад за отсутствующего толмача или переводчика мог кто-либо из его знакомых. С.А.Белокуров отмечал, что толмачи и переводчики Посольского приказа получали жалованье не в дипломатическом ведомстве, а в других приказах¹¹⁶ (в 1609 г. — в Большом Приходе). Однако, так было не всегда. Например, в приходно-расходной росписи Посольского приказа 7123-го (1614/15) года среди расходов дипломатического ведомства указана выдача жалованья

толмачам и переводчикам¹¹⁷, следовательно, выдача денег этим служащим могла производиться и в Посольском приказе.

Анализ национального состава штата толмачей Посольского приказа дает следующие результаты. Из 74 толмачей по меньшей мере 24 человека были либо выходцами из других стран, либо являлись татарами (переводимый язык был для них родным): С.Адаров, Айдиkey, И.Алышев, С.Арап, Т.Бабаев, Т.Баубеков, И.Бердиков, А.Бракилев, Д.Вицкин, А.Ганюков, Т.Громов, В.Досаев, Р.Зеленого, Х.Иванов, Г.Корокольский, М.Кучумов, П.Муратов, А.Нагаев, И.Рехтерев, А.Софронов, Г.Селунский, И.Сур, Тарыбердей, Б.Томонаев. Данные цифры, безусловно, не окончательны, поскольку известно множество случаев, когда иностранцы и татары жили в Московском государстве под русскими именами. Тем не менее, следует констатировать, что среди толмачей Посольского приказа процент иностранцев и иноверцев (32%) был значительно ниже, чем среди переводчиков (73%). Более высокий процент уроженцев Московского государства среди толмачей иностранных языков объясняется тем, что овладение устной иностранной речью было значительно проще, чем обучение иноземному письму. Кроме того, следует учитывать то, что подавляющая часть толмачей Посольского приказа владела татарским языком, научиться которому в Российском государстве, учитывая значительную численность татарского населения, было проще, чем европейским языкам, которыми владело большинство посольских переводчиков. И, наконец, необходимо отметить, что значительная часть толмачей Посольского приказа (по меньшей мере 10 человек, т.е. около 15%) обучились иностранной речи, находясь в плену: это Д.Аминев, П.Елагин, А.Золотухин, Т.Зябрев, П.Красников, Ф.Мясоедов, А.Раков, Я.Сумороков, М.Толмачев, П.Чаплыгин, которые провели в плену от 6 до 24 лет.

Служебные обязанности толмачей Посольского приказа были разнообразными. Основным их занятием был устный перевод. «Для толмачества» их отправляли за границу в составе дипломатических миссий. Так, П.Муратов в 1600-1601 гг. находился с посольством в Персии, Г.Есипов в 1601 г. в Крыму. При посольстве в Грузию в 1604-1605 гг. состоял толмач Н.Тютчев. В 1613-1616 гг. в составе дипломатических миссий посетили Персию толмачи С.Герасимов, И.Есипов, Т.Баубеков, С.Никифоров, С.Афанасьев и С.Лежнев. В ногайские улусы в 1613-1616 гг. с посольствами ездили Г.Есипов, А.Нагаев, С.Никифоров и Ф.Иванов. С российскими послами находились в Крыму в 1616-1618 гг. Г.Санюков, Ф.Мясоедов. Как видно, на протяжении всего рассматриваемого нами периода толмачей Посольского приказа отправляли с посольствами за границу. При этом следует отметить, что практически все известные случаи

относятся к отправлению миссий в азиатские государства — в Европу с посольствами посылали более квалифицированных специалистов — переводчиков.

Самостоятельные дипломатические миссии поручались толмачам относительно редко. Так, в 1614 г. в Казыев Улус был отправлен с грамотами толмач И.Перетчик; в том же году с грамотой на Дон ездил А.Софронов; в 1615 г. с грамотой в Казыев улус был отправлен А.Нагаев. Следует отметить, что все перечисленные случаи связаны с осуществлением контактов с землями, находившимися фактически в зависимости от Московского государства, поэтому дипломатическое значение подобных миссий было довольно ограниченным. В остальных случаях толмачи Посольского приказа осуществляли функции дипломатических курьеров — им поручали доставить грамоты русским дипломатам, находящимся за границей. Так, в Крым с грамотами ездили в 1598 г. П.Муратов, в 1614 г. — А.Нагаев, в 1614 и 1615 гг. Т.Баубеков; в Турцию грамоты доставлялись в 1596 г. Б.Томонаевым, в 1617 и 1623 гг. С.Лежневым. В данном случае вновь нужно констатировать, что при посредстве толмачей Посольского приказа поддерживалась связь с российскими дипломатами, находившимися при азиатских дворах. Исключением является отправление в 1617 г. в Англию с грамотой для русских посланников В.Вилимова (однако, он именуется в документах не только толмачом, но и переводчиком). Находясь за границей, толмачи должны были осуществлять перевод при общении дипломата с иностранцами (прежде всего — «толмачить посольство»), а также «проведывать всяких вестей».

Толмачам Посольского приказа поручалось также сопровождать иностранных посланников до Москвы или из Москвы до границы. При этом они иногда исполняли функции пристава, в большинстве же случаев находились при приставе «для толмачества». Сопровождающими лицами при иностранных гонцах были: в 1597 г. — И.Драгичев; в 1601 г. — П.Томасов; в 1604 г. — Б.Алексеев; в 1605 г. — С.Герасимов и Н.Тютчев; в 1614 г. — Я.Сумороков, Б.Алексеев, Б.Томонаев, А.Нагаев; в 1615 г. — С.Адаров и Г.Санюков; в 1616 г. — Я.Сумороков; в 1618 г. — С.Никифоров; в 1619 г. — М.Кучумов и С.Логунов. Толмачи были также участниками церемоний встреч иностранных дипломатов под Москвой — приставам предписывалось «говорить речь толмачом»¹¹⁸; с толмачом к зарубежному послу могла быть выслана лошадь от судьи Посольского приказа. Известно также, что посольские толмачи жили на подворьях у иностранных дипломатов в качестве помощников приставов. Например, в 1604-1606 гг. на подворье у крымских гонцов находились И.Драгичев, А.Мельников, М.Кашинцев, И.Поно-

марев; в 1604 г. пристав греческих старцев получил наказ, согласно которому он должен был посылать за кормом для греков детей боярских и толмачей¹¹⁹; в 1609 г. при ногайских послах состояли И. Драгичев и Н. Тютчев; в 1618 г. при крымских послах жил толмач Б. Томонаев. Случаи назначения толмачей Посольского приказа приставами исчисляются единицами: в 1604-1605 гг. в качестве пристава при крымцах упоминается П. Муратов; в 1614 г. к находившимся в Москве персидским купцам был приставлен Г. Есипов; в 1615 г. к ногайскому гонцу был приставлен «для береженья» И. Сур. Известны случаи отправления толмачей на подворья иностранцев с разовыми поручениями: в 1605 г. Т. Бабаев ходил приглашать черкесских мурз на аудиенцию; в 1615 г. И. Драгичев отнес крымским гонцам роспись жалованья; в том же году толмач А. Нагаев ходил приглашать на переговоры в Посольский приказ ногайского посланника. Подобные поручения выполнялись толмачами на протяжении всего изучаемого нами периода. Толмачи бывали также участниками аудиенций иностранным дипломатам: в декабре 1616 г., во время приема хивинского посла, грамоту и подарки несли «люди его [посла] и толмачи татарские»¹²⁰.

При работе с иностранными дипломатами толмачам Посольского приказа иногда доверяли ответственные миссии, связанные с денежными вопросами. Например, в 1605-1606 гг. кормовые деньги для крымских гонцов поручалось отвозить толмачам И. Драгичеву, С. Герасимову, Б. Алексееву. Со «встречным жалованьем» посылали навстречу к крымским гонцам, ехавшим в Москву, толмачей Ф. Иванова (в 1615 г.), И. Есипова и Г. Санюкова (в 1617 г.), Ю. Иванова (в 1619 г.) Следует отметить, что подобные поручения давались толмачам реже, чем переводчикам. Кроме того, все известные случаи относятся к приездам дипломатов в ранге гонцов (нижней дипломатической категории), тогда как переводчиков направляли также к посланникам и послам.

Наконец, очень часто толмачи Посольского приказа исполняли функции курьеров, доставляя памяти и отписки из Посольского приказа в другие ведомства, а также грамоты из Москвы в другие города. Случаи выполнения подобных заданий толмачами упоминаются в документах на протяжении всего рассматриваемого нами периода с такой частотой, что представляется нецелесообразным перечислять их. Дипломатическое значение подобных поручений было небольшим, вследствие чего доставление грамот по внешнеполитическим вопросам в другие города часто доверялось, при наличии «оказии», лицам, не служившим в Посольском приказе.

На протяжении рассматриваемого временного отрезка в Посольском приказе служили толмачи татарского, турецкого, гречес-

кого, немецкого, шотландского, шведского языков, а к концу этого периода на службу был взят толмач, владевший персидским, черкесским, кумыцким и бухарским языками (Ф.Мясоедов). Языковой состав штата толмачей Посольского приказа вполне позволял поддерживать дипломатические контакты с соседними державами на высоком профессиональном уровне. При зачислении толмача на службу он сдавал своего рода экзамен переводчикам и толмачам того же языка, служившим в Посольском приказе. Так, при принятии в толмачи Тита Труфанова в 1620 г. была сделана запись: «А по допросу татарского языка переводчика Прокофья Враского и иных татарских переводчиков и толмачей тот Титко татарскому языку по-турски и по-крымски говорити умеет»¹²¹. Однако, несмотря на отбор при зачислении на службу, степень подготовки и профессионализма толмачей Посольского приказа не всегда была достаточной. Известно, что крымские мурзы в 1615 г. в насмешку называли некоторых из российских толмачей «немыми»: «а которые толмачи по-нашему не умеют говорити, таких бы государь к царю [хану] немых в Крым не присылал»¹²². Сходную оценку уровню владения языком некоторых толмачей дали также русские посланники в Крыму Ф.Челюсткин и П.Данилов в 1616-1617 гг. В своей отписке в Посольский приказ они сообщали о причине своего нежелания отпустить в Москву переводчика М.Нагаева: «А толмачи, государь, которые останутца с нами, холопи твоими, крымскому языку недостаточно умеют»¹²³. Приведенные примеры отражают общую картину снижения уровня профессионализма служащих Посольского приказа в первые годы царствования Михаила Федоровича, что являлось, безусловно, следствием кризисных условий Смутного времени. В ряде случаев, когда не хватало специалистов по европейским языкам, толмачество доверялось иностранцам. Так, в 1616 г. «в толмачех» бывал в Посольском приказе англичанин Ульян Игнатьев¹²⁴; в 1617 г. с посланником С.Волынским в Англии находился в качестве толмача «немчин» Андрей Келдерман, а с дворянином Н.Киреевским — Еремей Марсов¹²⁵.

Таким образом, опираясь преимущественно на данные «дипломатических» фондов РГАДА, удастся восстановить достаточно полные списки переводчиков и толмачей, служивших в Посольском приказе в начале XVII столетия. Всего в 1604-1622 гг. в дипломатическом ведомстве упоминается 44 переводчика и 70 толмачей. На протяжении всего рассмотренного периода Посольский приказ располагал специалистами по всем языкам, необходимым для поддержания контактов с соседними державами на высоком профессиональном уровне. Под влиянием внутреннего и внешнеполитического кризиса Московского государства штат переводчиков и толма-

чей Посольского приказа претерпел значительные изменения: возросла их численность, увеличилась доля специалистов по европейским языкам. Общая численность переводчиков и толмачей, а также соотношение специалистов по европейским и азиатским языкам к началу второго десятилетия XVII в. вернулись к показателям начала столетия; значительно возросло количество более квалифицированных специалистов — переводчиков (по сравнению с толмачами).

Раздел 3.

Служилые татары и новокрещены Посольского приказа

Особую категорию служащих Посольского приказа составляли служилые татары и новокрещены Посольского приказа. Служилые татары и новокрещены упоминаются в документах еще в XVI в. Главной обязанностью этой категории служащих было сопровождение российских дипломатических миссий в мусульманские страны Азии. Для начала XVII в. не удалось обнаружить ни одного упоминания лишь об отправлениях служилых татар в Персию. Объясняется это, по всей видимости, тем, что государственной религией Ирана являлся шиизм, тогда как татары были суннитами. Прежде чем приступить к подробному рассмотрению обязанностей служилых татар и новокрещенов, следует свести воедино сведения о карьере, окладах и поручениях, выполнявшихся ими. Биографические данные о служилых татарах и новокрещенах приведены в приложении 4. Восстановив биографии и служебный путь служилых татар и новокрещенов, можно определить национальную принадлежность, численность, уровень жалованья и служебные обязанности этих категорий служащих Посольского приказа.

В материалах делопроизводства Посольского приказа удалось выявить имена 34-х служилых татар и новокрещенов Посольского приказа. Прежде всего следует отметить, что практически все служащие этих категорий имели татарское происхождение, о чем свидетельствуют их имена и фамилии, а также само название этой категории служащих. Новокрещены Посольского приказа также являлись татарами, но после принятия православия их именовали новокрещенами. Интересно, что в начале XVII в. еще не было выработано четкое разделение служащих на служилых татар и новокрещенов, чему причиной являлись их совершенно одинаковые служебные обязанности. Поэтому иногда новокрещенов Посольского приказа именуют в документах служилыми татарами, как это было, например, в случае с новокрещеном М.Миляевым.

Интересной особенностью рассматриваемых категорий служащих Посольского приказа являлась служба в этом ведомстве лиц, состоявших в родстве друг с другом. Подобная картина заметна уже в самом начале XVII в. Так, Айгильдей Бинюков Нагаев приходился сыном Бинюку Нагаеву; Богдан Исенчурин Байкешев был сыном служилого татарина Исенчура Байкешева; Исенгильдей и Девликей Девлекозины, вероятно, были братьями друг другу и сыновьями Девлет-Хози Резанова, служившего в Посольском приказе во второй половине XVI в.; Айгильдей Багильдеев сын Исенев, вероятно, состоял в родстве с Янгильдеем Исеневым; Иван Исеналеев, возможно, был сыном переводчика Исен-Али Дербышева; новокрещен Кирилл Байберин был, вероятно, потомком служилого татарина Байбери, упоминавшегося в приказе в 1564 г.; Янгильдей Исенев в 1619 г. отправился в Крым со своим сыном Ибрагимом. Таким образом, на рубеже XVI-XVII вв. среди служилых татар Посольского приказа начинает вырабатываться система наследственности службы в дипломатическом ведомстве.

Основные служебные обязанности служилых татар и новокрещенов Посольского приказа, примерная численность служащих этой категории и принципы выдачи им жалованья довольно четко сформулированы в деле по челобитной служилого татарина Т.Тергулова: «А преж сего при государе царе и великом князе Федоре Ивановиче всеа Руси и при царе Борисе было в Посольском приказе для турские, и крымские, и нагайские, и иных в мусульманские государства посылки служилых татар станичных голов человек по десяти, а в ыное время и больши. А з головами было в станице в товарищех с лутчими человек по пяти, а с ыными по четыре и по три человеки. А коли им живет служба, тогда им и жалованье дают»¹²⁶. Следовательно, общая численность служилых татар и новокрещенов Посольского приказа на рубеже XVI-XVII вв. должна была составлять около 40 человек. Надо полагать, что и при Михаиле Романове численность служилых татар и новокрещенов была близка к этому числу, а персональный состав этой категории служащих не претерпел заметных изменений в годы Смуты. В цитированном выше деле было записано: «А как государь... учинился на государстве, и по его государеву указу взяты из Розряду ис службы в Посольский приказ служилые татарове станичные головы, которые преж сего были в Посольском же приказе для посылки в Крым, и в Нагаи, и в ыные в розные в мусульманские государства»¹²⁷. Далее был приведен список станичных голов (служилых татар и новокрещенов) с указанием их денежных и поместных окладов. Всего было перечислено 11 человек: Д.Девлекозин, А.Нагаев, Я.Исенев, Б.Исенчурин, Д.Комаев, М.Янглычев, А.Багильдеев,

И.Янбулатов, М.Миляев, И.Исеналеев, Я.Коротаев. Из перечисленных лиц лишь Я.Коротаев был взят в Посольский приказ «в нове», поскольку «умел татарской грамоте». М.Янгличев, по всей видимости, вскоре был отставлен по причине старости. Помимо перечисленных станичных голов около 1614 г. в приказ был взят Т.Терегулов, также служивший ранее в дипломатическом ведомстве. Пометы напротив имен некоторых служилых татар помогают установить примерную датировку составления росписи: напротив имен Б.Исенчурина и А.Багильдеева было записано: «в Крыме»; возле имени Д.Комаева: «в Нагаех». Это позволяет предположить, что роспись составлялась после отправления посольства А.Лодыженского в Крым (октябрь 1613 г.) и до возвращения в Москву из Ногайской Орды посольства И.Кондырева (июнь 1614 г.) Следовательно, составление этого списка следует датировать временным промежутком между октябрем 1613 г. и июнем 1614 г. Таким образом, в первые годы царствования Михаила Федоровича численность станичных голов Посольского приказа не превышала традиционного числа: «человек по десяти, а в иное время и больши», а следовательно, прежним оставалось и количество служилых татар.

Кроме того, заметно, что подавляющее большинство станичных голов Посольского приказа служили в дипломатическом ведомстве как «до московского разорения», так и после него (за исключением, вероятно, периода «междуцарствия», когда они были переданы в ведение Разрядного приказа). Таким образом, можно отметить, что станичные головы Посольского приказа в рассматриваемую нами эпоху представляли собой самую стабильную часть штата этого ведомства. Попытаемся частично восстановить списки служилых татар и новокрещеных Посольского приказа, служивших в 1604-1610 гг. и 1613-1619 гг.

В 1604-1610 гг. в дипломатическом ведомстве числились:

станичные головы

А.Исенеv, Д.Девлекозин, И.Исеналеев, Я.Исенеv, Б.Исенчуриh, Д.Комаев, А.Нагаев, Б.Нагаев, Т.Терегулов, И.Янбулатов, М.Янгличев.

служилые татары и новокрещены

Б.Сабаниh, И.Девлекозин, А.Бидеев, Т.Янгиреев.

В 1613-1619 гг. в Посольском приказе упоминаются:

станичные головы

А.Исенеv, Д.Девлекозин, И.Исеналеев, Я.Исенеv, Б.Исенчуриh, Д.Комаев, Я.Коротаев, А.Нагаев, Т.Терегулов, И.Янбулатов, М.Янгличев.

служилые татары и новокрещены

Абдурахман, М.Бабашихов, Т.Бавкеев, К.Байберин, С.Беляев, А.Бидеев, Г.Бидеев, К.Будалеев, Д.Емаев, И.Исенев, К.Кашаев, Т.Козяев, И.Майтяков, М.Миляев, И.Облешев, С.Очаков, Б.Сабанин, Д.Семенов, К.Черетаев.

Недостаточность данных о служилых татарях и новокрещенах Посольского приказа (особенно за 1604-1610 гг.) ограничивает возможности сравнительного анализа их списков по двум выделенным периодам (хотя можно отметить, что двое из четырех известных нам рядовых служилых татар первого периода продолжали служить в приказе после 1613 г. — Б.Сабанин и А.Бидеев). Однако, среди высшего звена этой категории служащих — станичных голов — мы видим высокую степень стабильности штата, приближающуюся к 91% (от подобного уровня стабильности в рассматриваемую эпоху был очень далек штат подьячих, толмачей и переводчиков Посольского приказа).

Размер жалованья, получаемого служилыми татарами и новокрещенами за службу в Посольском приказе, был ограничен довольно широкими рамками. Минимальный известный нам денежный оклад служилого татарина или новокрещена был равен 12-ти рублям: с таким окладом упоминаются в начале своей службы Б.Нагаев, К.Кашаев, Д.Комаев, Т.Бавкеев. Минимальный поместный оклад для служилого татарина в начале XVII в. был равен 140 четям (у Б.Нагаева в 1604 г.) Подобный случай единичен, минимальный поместный оклад остальных служащих этой категории был не ниже 250-ти четей. Максимальный денежный оклад имел в 1613/14 г. служилый татарин Б.Сабанин — 39 рублей; годовое жалованье прочих служилых татар и новокрещенов не превышало 33-34 рублей (А.Нагаев, Д.Девлекозин, Б.Исенчурин). Максимальный поместный оклад составлял 650-700 четей (у Д.Девлекозина, А.Нагаева, И.Янбулатова). По размеру поместных окладов служилые татары и новокрещены приближались к переводчикам; некоторые из них имели более высокие поместные оклады, чем «старые» подьячие и переводчики. По годовым денежным окладам служилые татары и новокрещены занимали промежуточное положение между толмачами и переводчиками: нижний уровень оклада служилого татарина был равен среднему окладу толмача, а верхняя рамка денежного жалованья служилого татарина была близка к среднему окладу переводчика. Интересно также, что, по соотношению денежного и поместного окладов, служилые татары и новокрещены были более близки к толмачам, чем к переводчикам. Если соответствие между денежным и поместным окладами переводчиков, в

среднем подчиняется условной формуле «поместный оклад равен денежному окладу, умноженному на 10, плюс 50 или 100 четей», то для толмачей, служилых татар и новокрещенов в большинстве случаев справедлива формула «поместный оклад равен денежному окладу, умноженному на 20, плюс – минус 100 четей». Заметно, что у толмачей, служилых татар и новокрещенов, по сравнению с переводчиками, относительно небольшим денежным окладам соответствуют относительно высокие поместные оклады. Это подтверждает мысль о том, что служилые татары и новокрещены занимали промежуточное положение между толмачами и переводчиками: с первыми их сближал уровень соответствия между денежным жалованьем и поместным окладом, со вторыми – размер поместного оклада; по денежному жалованью служилые татары и новокрещены стояли между толмачами и переводчиками. Следует отметить также относительно быстрый рост размера жалованья служилых татар и новокрещенов. Так, Б.Сабанин, имевший в 1603/04 г. денежный оклад 13 рублей, спустя 10 лет, в 1613/14 г. числился в приказе уже с окладом 39 рублей; Д.Девлекозин, служивший в 1610 г. с окладом 19 рублей, через пять лет, к 1615 г. уже выслужил оклад в размере 33-х рублей. При этом следует отметить, что выдача денежного жалованья служилым татарам и новокрещенам Посольского приказа не была столь регулярной, как у других служащих дипломатического ведомства, о чем свидетельствует фраза: «А коли им живет служба, тогда им и жалованье дают». По всей видимости, выдача денежного жалованья этим категориям служащих приурочивалась не к какому-либо конкретному сроку (как это было у подьячих, переводчиков и толмачей), а ко времени отправления с миссией за границу. В прочее же время служилые татары и новокрещены должны были жить на доходы от своих сравнительно крупных поместий. Размер денежного и поместного оклада служилых татар и новокрещенов зависел, по-видимому, от тех же факторов, что и у других категорий служащих Посольского приказа.

Основной обязанностью служилых татар и новокрещенов, как отмечалось выше, было сопровождение посольств «в розные в мусульманские государства». Действительно, рассматривая биографии служилых татар и новокрещенов Посольского приказа, следует признать, что практически каждый из них был участником одной или нескольких миссий в страны мусульманского Востока. С другой стороны, изучение столбцов и книг Посольского приказа дает основания утверждать, что практически каждый российский дипломат, отправлявшийся в мусульманские страны (кроме Персии) в ранге от гонца до посла имел в качестве сопровождающих лиц посольских служилых татар и новокрещенов. При выборе лиц, кото-

рых следовало отправить за границу, учитывались различные факторы. В одном из дел по связям Московского государства с Ногайской Ордой сохранилась запись, позволяющая представить процедуру отбора руководством Посольского приказа служилых татар и новокрещеных для участия в посольстве за границу: «И пописаны новокрещены и служилые татарове, кого из них послать с Ываном Кондыревым в Нагаи. Новокрещены: 20 рублей – в Нагаи – Иван Ямбулатов, а наперед сего в Нагаех бывал; 18 рублей – Михайло Миляев, наперед сего не бывал нигде; Иван Исеналеев, сказал себе из чети 16 рублей. Татаровя: Даир Комаев – в Нагаи, сказал – за Коломенское сиденье пущен в четь в Галицкую, 12 рублей; 20 рублей – Миляй Янглычев»¹²⁸. Таким образом, при отборе кандидатов для посылки за границу учитывался прежде всего размер жалованья и наличие соответствующего опыта.

В составе миссии служилые татары и новокрещены выполняли различные функции. Часто их направляли с посланником «для толмачества», несмотря на наличие в составе посольства толмачей и переводчиков. Так, в 1607 г. служилые татары Б.Сабанин и И.Девлекозин были приставлены к гонцу С.Ушакову «для толмачества»¹²⁹. В отдельных случаях служилые татары могли осуществлять также функции переводчиков, т.е. заниматься письменным переводом. В наказе С.Ушакову в 1607 г. было сказано, что после получения ответной ханской грамоты он должен ее тайно распечатать и прочесть; в случае же, если прочесть грамоту самому не удастся, Ушаков должен был обратиться к служилому татарину Б.Сабанину¹³⁰. Позднее, в 1613 г., в Посольский приказ был взят на службу служилый татарин Я.Коротаев, причем особо было отмечено, что он «умеет татарской грамоте»¹³¹. Это также указывает на факт использования служилых татар и новокрещеных в качестве переводчиков. В целом же служилые татары и новокрещены настолько часто выступали в качестве лиц, осуществляющих устный перевод, что даже в делопроизводстве Посольского приказа их нередко именуют толмачами, что создает известные сложности при отнесении служащего к той или иной категории штата дипломатического ведомства. Так, толмачами в столбцах по связям с различными азиатскими странами именовались служилые татары и новокрещены Б.Нагаев, Б.Сабанин, С.Беляев, К.Кашаев, Я.Исенеv, К.Байберин, Г.Бидеев, И.Ямбулатов, Т.Бавкеев, И.Исеналеев, М.Миляев, Д.Семенов, Д.Емаев, И.Майтязков.

Находясь за границей, служилые татары и новокрещены, как и толмачи, должны были «проведывать всяких вестей», чему способствовало их владение татарским языком. Например, посланник И.Спешнев, находившийся в 1615-1616 гг. в Крыму, в своих отпис-

ках в Москву сообщал сведения, добытые состоявшими при нем служилыми татарами¹³². Кроме того, служилые татары вместе с толмачами должны были развозить по дворам крымских мурз «государево жалованье». Служилых татар использовали и в качестве дипломатических курьеров: в 1610 г. П. Вражскому, ездившему в Ногайскую Орду, было предписано послать в Москву вперед себя с вестью кого-либо из служилых татар¹³³. В 1614 г. отписка посланника А. Лодыженского была доставлена в Москву служилым татаринном Я. Исеневым¹³⁴. Нередки были случаи отправления служилых татар и новокрещенцов с грамотами за границу, где уже находились российские посланники. Подобные поручения выполняли С. Беляев, А. Багильдеев, К. Байберин, А. Нагаев, Д. Девлекозин, Г. Бидеев, Я. Исенев, И. Облешев, Б. Исенчурин, Т. Бавкеев, И. Янбулатов. Курьерские обязанности исполняли также Д. Комаев, Д. Емаев и Д. Семенов, доставившие в 1615 г. из Посольского приказа в Казань указы для посланников в Ногайскую Орду. В 1618 г. новокрещен М. Миляев ездил с грамотой к приставам при шведских послах (это единственный известный случай, когда новокрещен был привлечен к делам, не относящимся к связям с азиатскими странами).

Иногда служилым татарам и новокрещенцам Посольского приказа доверяли самостоятельные дипломатические поручения. Например, в 1614/15 г. служилый татарин Девлекей Девлекозин и новокрещен Кирилл Будалеев были отправлены с грамотами ко двору хивинского хана. В деле по их челобитной сохранилась обширная выписка об их миссии, содержащая подробное описание поездки в «Юргенскую землю», согласно которому Девлекозин «на посольстве у него [Арап-хана] был, государевы грамоты подал и речь от государя... говорил по государеву наказу»¹³⁵. Действия Д. Девлекозина на аудиенции у шаха свидетельствуют о том, что он был полномочным дипломатом в ранге гонца.

Случаев отправления служилых татар и новокрещенцов на подворья иностранных дипломатов, а также в различные приказы с памятными и отписками, обнаружить в материалах делопроизводства Посольского приказа не удастся. Это отличает их от толмачей. В целом же следует отметить, что по своим служебным обязанностям служилые татары и новокрещенцы Посольского приказа были близки к татарским толмачам.

Итак, служилые татары и новокрещенцы Посольского приказа были категориями служащих, подвергшимися наименьшим изменениям под влиянием Смутного времени. Общая численность и персональный состав служилых татар и новокрещенцов практически не изменились за годы внутреннего и внешнеполитического кризи-

са Московского государства начала XVII в. В национальном плане служилые татары и новокрещены имели общее татарское происхождение и различались между собой по конфессиональному признаку: первые оставались мусульманами, вторые принимали православие. В начале XVII в. среди служилых татар уже наблюдается принцип наследственности службы в Посольском приказе. По размерам жалованья, получаемого ими за службу, они занимали промежуточное положение между толмачами и переводчиками Посольского приказа. По своим служебным обязанностям служилые татары и новокрещены были близки к толмачам татарского языка.

Раздел 4.

Золотописцы и сторожи Посольского приказа

Золотописцы Посольского приказа. В начале XVII в. в штате Посольского приказа состояли золотописцы, обязанностью которых было парадное оформление царских грамот, отправлявшихся за рубеж. Относительно золотописцев в исследовании С.А.Белокурова указано, что они упоминаются в Посольском приказе лишь с 1622 г. Тем не менее, можно указать и на более ранние упоминания золотописцев в штате дипломатического ведомства. Так, 28 декабря 1603 г. память из Посольского приказа в Нижегородскую четверть была отправлена с золотописцем Василием Перфирьевым¹³⁶. Этот же золотописец продолжал службу в Посольском приказе по меньшей мере до конца 1614 г. — 1 декабря 1614 г. в приказе ему было выдано 2 рубля¹³⁷. Упомянувшийся в Посольском приказе около того же времени (в 1615-1616 гг.) золотописец Богдан Перфирьев был, вероятно, сыном Василия Перфирьева. В Описи 1626 года между делами 123 и 124 гг. упомянута «Тетрадь, а в ней записка, что у подьячего у Ивана Зиновьева золотописец Богдан Перфирьев взял денег на золото на прописку государевых посольских грамот»¹³⁸. Видимо, навыки золотописания были переданы отцом сыну. В разделе о подьячих также отмечалось, что в 1611-1614 гг. в Посольском приказе служил подьячий Мина Быков, который одновременно являлся и золотописцем. В декабре 1626 г. М.Быков вновь упоминается в качестве золотописца Посольского приказа с прежним окладом¹³⁹. В начале XVII в., таким образом, в штате Посольского приказа состояло одновременно два золотописца (сначала В.Перфирьев и М.Быков, а затем М.Быков и Б.Перфирьев). В более позднее время, например, в 1632 г., в приказе числился один золотописец¹⁴⁰.

Главной обязанностью золотописцев была прописка золотом грамот, отправляемых в другие государства. Информацию о работе золотописцев начала XVII в. можно почерпнуть из описаний внешнего вида грамот, сохранившихся в столбцах Посольского приказа: «Кайма верхняя и начальное слово, и государево имя по «Владимерского» все писано золотом; сторонние деревца не писаны...»¹⁴¹; «Писана на олександрейской бумаге, Божие имя, и государево имя и титуло, и королево имя писано золотом, кайма с фигуры писано золотом же...»¹⁴² и т.д. Помимо грамот, изготовленных в Посольском приказе, русским дипломатам иногда давались «в запас» листы без текста, но заранее обработанные золотописцами. Так, в 1604 г. русским послам в Грузию было вручено «5 листов олександрейские бумаги, а на них писаны каймы и начальное слово золотом»¹⁴³. Можно предположить, что золотописцы состояли в штате Посольского приказа и до 1603 г., поскольку известно, что грамоты, посылаемые из Москвы в соседние державы, прописывались золотом еще в XVI столетии.

Сторожи Посольского приказа. Менее всего сведений сохранилось о персональном составе и службе сторожей Посольского приказа начала XVII в. С.А.Белокуров в монографии «О Посольском приказе» указывает, что сторожи этого ведомства упоминаются в источниках лишь со второй половины XVII в. (тогда в приказе их числилось 4 человека)¹⁴⁴. Однако материалы Посольского приказа позволяют утверждать, что такая категория служащих существовала в дипломатическом ведомстве и в более раннее время. В частности, в январе 1615 г. в Посольском приказе были выданы деньги на изготовление ключа к замку «задней казенки» сторожу Кузьме Афанасьеву¹⁴⁵. В Описи 1626 года упоминается «Сыскное дело 124-го [1615/16 г.] году, как у подьячего у Максима Матюшкина из ящика, сорвав печать ево, украли государевых денег сто пятьдесят рублей, и дьяки думной Петр Третьяков да Сава Раманчуков про то сыскивали, и сторожи пытаны...»¹⁴⁶. Кроме того, в той же описи упомянута «запись по стороже Матюше Иванове, что быть в Посольском приказе»¹⁴⁷. В 1620/21 г. на М.Иванова бил челом подьячий Б.Горяйнов: «Судное дело 129-го году: искал в Посольском приказе Посольского приказу подьячей Богдан Горяинов Посольского же приказу на стороже на Матюшке Иванове своего бесчестья, не вершено»¹⁴⁸. Других упоминаний о сторожах Посольского приказа начала XVII столетия обнаружить не удается в силу специфики их служебных обязанностей: сторожи не принимали участия в делопроизводстве и дипломатических церемониях, поэтому они не фигурируют в материалах «дипломатических» фондов; дела же о внутренней жизни Посольского приказа в первые два десятилетия

XVII в. практически не сохранились до наших дней. Обязанностью сторожей Посольского приказа, безусловно, была охранная служба в здании приказа (в связи с чем они и подверглись допросам и пыткам со стороны приказных дьяков, когда были похищены деньги из опечатанного ящика первого подьячего). Этим исчерпывается информация о сторожах Посольского приказа, имеющаяся на данный момент в нашем распоряжении.

Таким образом, изучение материалов делопроизводства Посольского приказа начала XVII в. позволяет значительно уточнить существующие представления о штате дипломатического ведомства рассматриваемого периода. Несмотря на малое число документов, сохранившихся за исследуемый нами период в фондах РГАДА 138 («Дела о Посольском приказе и служивших в нем») и 141 («Приказные дела старых лет»), недостающие сведения в значительной степени восполняются материалами «дипломатических фондов» РГАДА, что позволяет составить достаточно полную и целостную картину эволюции персонала Посольского приказа в Смутное время. В начале XVII столетия в приказе числились, как и в других ведомствах, подьячие, а также несколько категорий вспомогательного персонала: переводчики, толмачи, служилые татары, новокрещены, золотописцы, сторожи. В ведении служащих Посольского приказа находился весьма широкий спектр работы, связанной с осуществлением международных контактов: от ведения дипломатической документации до охранной службы в помещении приказа.

Глава 4.

ДЕЛОПРОИЗВОДСТВО ПОСОЛЬСКОГО ПРИКАЗА В НАЧАЛЕ XVII ВЕКА

Дипломатическая и административная деятельность Посольского приказа находила свое отражение в материалах делопроизводства этого ведомства. Сохранившись до наших дней, они в настоящий момент являются основным источником как по истории внешней политики Московского государства, так и по истории самого дипломатического ведомства. Практически все действия, предпринимавшиеся Посольским приказом (от подготовки миссии за рубеж или переговоров с иностранными посланниками до отправления памяти по второстепенному вопросу в другое ведомство) строго документировались. Основными формами делопроизводства Посольского приказа в начале XVII в., как и в предшествующее и последующее время, являлись грамоты, столбцы и составлявшиеся на их основе книги. Задача настоящей главы — выявление первоначального корпуса документов Посольского приказа начала XVII столетия, сопоставление его с объемом документов, сохранившихся до наших дней, а также рассмотрение внутренней структуры дипломатической документации рассматриваемого периода.

Раздел 1.

Первоначальный корпус документации Посольского приказа 1604-1619 гг.

Основной корпус материалов делопроизводства Посольского приказа начала XVII в., сохранившихся до наших дней, сосредоточен в фондах-коллекциях Российского государственного архива древних актов. В настоящей работе рассматриваются столбцы, грамоты и книги, относящиеся к 1604-1619 гг., т.е. ко времени Смуты и выхода из порожденного ею внешнеполитического кризиса Московского государства, завершившегося подписанием Деулинского перемирия с Речью Посполитой в декабре 1618 г. и разменом пленных в июне 1619 г.

Особенностью источниковой базы исследования является относительная скудность архивных фондов, которые традиционно являются основой при изучении истории Посольского приказа и

других государственных учреждений Российского государства конца XVI – начала XVII столетия. Сравнительно мало документов, относящихся к делопроизводству Посольского приказа сохранилось в фонде 138 «Дела о Посольском приказе и служивших в нем». За 1613-1617 гг. в этом фонде имеется четыре дела (включая опубликованную в 1960 г. «Опись архива Посольского приказа 1614 г.»)¹. Документы, относящиеся к периоду до 1613 г. в фонде 138 отсутствуют; не представлены в нем также 1618-1619 гг. Помимо Описи 1614 г. в 138-м фонде РГАДА содержатся:

– дело 1613-1617 гг., в которое включены различные челобитные, поданные в Посольский приказ, и дела по ним²;

– дело 1615 г. – челобитная аптекаря З.Николаева с ходатайством о его сыне, отправленном с посольством в Голландию и Францию³;

– дело 1616 г. – челобитная татарского толмача И.Бердикова о поверстании его жалованьем⁴

Этим исчерпывается перечень материалов, содержащихся в 138-м фонде РГАДА за начало XVII в.

Некоторая часть документов Посольского приказа рассматриваемого времени сохранилась в составе 141-го фонда РГАДА – «Приказные дела старых лет». Следует отметить, что опись этого архивного фонда, составленная в конце XVIII в., на данный момент не соответствует его реальному состоянию. Причиной этого является перенесение многих дел в другие фонды (в том числе – в 138-й). Значительно облегчают работу исследователей подготовленные Н.П.Воскобойниковой три выпуска «Описания древнейших документов РГАДА», по существу представляющие новейшую и подробнейшую опись 141-го архивного фонда⁵. Однако и в 141-м фонде материалов делопроизводства Посольского приказа рассматриваемого нами периода сохранилось немного, а за период 1604-1612 гг. количество дел Посольского приказа исчисляется единицами⁶.

Мало информации о делопроизводственной работе Посольского приказа эпохи Смуты можно почерпнуть в фонде 149-м «Дела о самозванцах и письма Лжедмитрия». Среди материалов, помещенных в этот архивный фонд, имеются документы внешнеполитического значения, но в большинстве своем они исходили не из Посольского приказа, а лично от Лжедмитрия и его ближайших сподвижников.

Основной пласт документов Посольского приказа за рассматриваемый период отложился в т.н. «дипломатических» фондах РГАДА (в которых были собраны дела по связям Московского государства с различными иностранными державами). Описи этих фондов были составлены на рубеже XVIII-XIX веков под руководством

Н.Н.Бантыш-Каменского. Состояние дипломатических фондов РГАДА на настоящий момент в целом соответствует этим описям, поэтому в данной работе представляется нецелесообразным дублировать их содержание. Автор ограничивается лишь общей характеристикой количества документов, хранящихся в фондах за 1604-1619 гг., а также некоторыми уточнениями данных описей, которые стали возможны в результате работы с материалами дипломатических фондов РГАДА.

Следует отметить, что мы не всегда можем с высокой степенью достоверности определить, какие из ныне существующих столбцов представляли собой в начале XVII в. отдельные единицы хранения, а какие были объединены в рамках одного столбца. Некоторую информацию о первоначальном состоянии документации Посольского приказа можно почерпнуть в описях 1614 и 1626 гг. Другим источником реконструкции первоначального состояния материалов дипломатического ведомства могут служить пометы на оборотах столбцов. Следует отметить, что данные описей и пометы на оборотах столбцов порой противоречат друг другу. Так, например, на обороте дела по челобитной грузинского царевича Баграта (1607 г.) имеется запись: «Столп со 111-го по 115-й год грузинской»⁷. Однако в описях 1614 и 1626 гг. данное дело описано отдельно от предшествующих дел: «Столп 114-го году, о царевиче о Понкратье...»; «Столп грузинской 115-го году и выписки о иверском Иосия царя сыне о Понкратье»⁸. Следовательно, дела Посольского приказа подвергались реформированию уже в начале XVII в., что затрудняет анализ первоначального состояния документации этого ведомства. Можно привести и другой пример. Материалы столбцов о русско-шведских переговорах в 1615-1617 гг. в Дедерино и Столбово в настоящий момент разбиты на несколько единиц хранения. На оборотах листов указанных дел можно обнаружить пометы, дающие возможность реконструировать прежнее состояние столбцов, отличное от современного: «Отпуск послов окольного князя Данила Ивановича Мезецкого с товарищи на свейское посольство»⁹; «Свейских послов другой столп»¹⁰; «Столп 3-й свейских послов»¹¹; «Свейской 124-го 4-й столпик»¹²; «Свейской 5 столп 124 году»¹³; «Отпуск государевых послов окольного князя Данила Ивановича Мезецкого с товарищи вдругорядь на свейской съезд 124 году»¹⁴; «Столп свейской 124-го июля с 13 дня после отпуску на съезд князя Данила Ивановича Мезецкого»¹⁵. При сопоставлении помет на оборотах столбцов с данными Описи 1626 г. можно обнаружить их совпадение. Однако, есть основания предположить, что приведенные выше пометы появились на оборотах столбцов в процессе составления Описи 1626 г.; на это указывает текст пометы на обороте

одного из столбцов: «Свейской столп 4 124-го году, в нем ни начала, ни конца»¹⁶. Подобная помета не могла быть поставлена сразу по составлении столбца. Согласно пометам, в «4-й столп» входили современные дела №№ 1 и 3 за 1616 г. 96-го фонда РГАДА. В указанных делах освещается ход русско-шведских переговоров в январе – феврале 1616 г. в Дедерино. В Описи 1626 г. имеется описание столбца, полностью совпадающее с «4-м свейским столпом»: «Столп свейской 124-го году генваря с 11-го числа февраля по 24 число, верху и низу нет, потлел, и подран, и распался, а в нем писаны съезды государевых послов с свейскими послы, как съезжались в Дедерине»¹⁷. Таким образом, мы можем датировать время появления указанных помет: они были сделаны при составлении Описи 1626 г. и отражают состояние документов архива российского дипломатического ведомства после пожара 1626 г. Дать ответ на вопрос, соответствует ли состояние столбцов, зафиксированное описью и удостоверенное пометами, первоначальному виду документов, составленных в Посольском приказе, мы не можем, хотя в данном случае такое совпадение вполне вероятно.

Однако, в большинстве случаев, пометы и данные описей не позволяют сопоставить современное состояние документации с исходным. В тех же самых шведских столбцах можно найти пометы, появившиеся значительно позднее составления столбцов: «Свейские. Лет нет»¹⁸. Иногда содержание пометы подвергалось изменению: один из столбцов был помечен как «Свейской 125-го году генварской и февральской», однако потом указание на месяцы было вычеркнуто¹⁹. Нужно учитывать также, что пометы на оборотах столбцов возникали не одновременно. В приведенных выше случаях появление большинства помет можно датировать 1627-м годом, когда производилось описание архива Посольского приказа. Другие пометы ставились на оборотах столбцов в иное время. Так, например, на обороте столбца 1615 г. имеется помета: «Аглинской новой. Приезд посла князя Ивана Мерики да отпуск в Свею королевского дворянина Томоса»²⁰. Представляется, что эта запись была сделана вскоре после составления столбца, т.е. в 1615 г. Безусловно, этот столбец не мог быть поименован «новым» при составлении Описи 1626 г.: в ней после соответствующего дела описано еще 16 «английских» столбцов по 1626 год включительно²¹. Помета «Крымской новой» стоит на обороте столбца 1619 г.²²

Встречаются случаи ошибочного датирования столбцов в пометах на оборотах. Так, на обороте «шведского» столбца 1616 г. имеется любопытная запись: «126 году свейской. Подписан неправо, а по осмотре явился 124-го году»²³. В данном случае можно утверждать, что первая часть пометы появилась значительно позже со-

ставления столбца, во всяком случае, после 1618 г. Еще позже, после обнаружения ошибки в датировке, появилась вторая часть пометы. К более позднему времени относится помета на обороте кумышского столбца 1615 г. — «Терской старых годов»²⁴. В большинстве случаев датировать время появления на оборотах столбцов помет не удастся, что затрудняет их использование для установления исходного состояния документации. Следовательно, возможность восстановления первоначального состояния документов Посольского приказа начала XVII в. довольно ограничена. Поэтому в тех случаях, когда мы не имеем достаточных оснований утверждать, что материалы делопроизводства Посольского приказа были в начале XVII в. сгруппированы иным образом, за основу будет браться современное состояние дел в архивных фондах РГАДА. В случае же, когда описи позволяют уточнить первоначальное состояние столбцов, будет указываться исходное количество столбцов, сформированных в начале XVII в.

Кроме того, следует оговорить, что хранящиеся в дипломатических фондах РГАДА иностранные грамоты не являются, в строгом понимании, памятниками делопроизводства Посольского приказа. Однако, на многих грамотах сохранились пометы, сделанные служащими российского дипломатического ведомства (о времени поступления грамоты в приказ, лице, привезшем грамоту, а также о факте перевода грамоты тем или иным переводчиком). Следовательно, иностранные грамоты также могут быть источниками, освещающими делопроизводственную деятельность служащих Посольского приказа. Поэтому в обзоре материалов Посольского приказа, сохранившихся до наших дней, автор счел необходимым, помимо сведений о книгах и столбцах, поместить также и информацию об иностранных грамотах.

В значительной степени позволяют восполнить сведения о первоначальном корпусе документации Посольского приказа начала XVII в. материалы описей архива Посольского приказа 1614 и 1626 гг. Опись документации дипломатического ведомства, составленная в 1673 г., может использоваться для восстановления первоначального корпуса делопроизводства Посольского приказа лишь с известной долей осторожности, поскольку при составлении этой описи была допущена масса ошибок относительно документов начала XVII столетия. Так, например, миссия имперского посланника Я.Сенгела и польского посланника Я.Гридича ошибочно отнесена к 1624 г.²⁵, тогда как она имела место на десять лет раньше, в 1614 г. Миссия С.Ушакова и С.Заборовского в Империю также была отнесена к более позднему времени, чем это было в действительности (1618/19 г. вместо 1613-1614 гг.)²⁶. Аналогичная ошибка была до-

пушена и в отношении российского посольства в Грузию 1604-1605 гг. — согласно описи, оно имело место в 1607-1608 гг.²⁷ Неверно датирована миссия П.Вражского в Ногайскую Орду 1610 г. — Опись 1673 г. относит ее к 1607 г.²⁸ Ошибочно 1615 годом датировано отправление посольства С.Волынского и М.Поздеева в Англию²⁹ (в действительности они отправились в Англию в 1617 г.) Ошибка в целое столетие была допущена при датировке документов миссии польских посланников С.Витовского и Я.Соколинского (1507 г. вместо 1607 г.)³⁰ Многие материалы делопроизводства Посольского приказа, относящиеся к первой трети XVII в., при составлении Описи 1673 г. не были датированы вовсе: «Сверток, список с ответного писма бояр князя Ивана Борисовича Черкасского с товарищи, каково дано французскому послу Лодвику, которого году неведомо»³¹.

В Описи 1673 г. встречаются также ошибки иного плана. Например, неверно названо имя русского посла, направленного в 1615 г. во Францию (вместо И.Кондырева назван И.Коробьин)³²; переводчики Посольского приказа И.Фомин и Ю.Родионов названы в Описи 1673 г. подьячими³³ Имеются и гораздо более серьезные неточности: в описи указана грамота, направленная императором Матвеем Габсбургом царю Ивану Васильевичу³⁴. Император Матвей занимал германский престол в 1612-1619 гг. и из русских царей мог вести переписку только с Михаилом Романовым. Соответствующее послание, упомянутое в описи и сохранившееся до наших дней, адресовано эрцгерцогом Матвеем к Василию Шуйскому³⁵. Грамота от саксонского герцога, присланная к царю Михаилу Федоровичу, была отнесена составителями описи к 1607 г., когда царем был Василий Шуйский³⁶. Наконец, в Описи 1673 г. не названы многие документы, сохранившиеся до настоящего времени. Все это значительно ограничивает наши возможности использовать Опись 1673 г. в качестве источника о первоначальном составе архива Посольского приказа начала XVII в.

Основным источником об утраченных документах эпохи Смуты являются более ранние описи 1614 и 1626 гг. Информацию о столбцах и книгах, по каким-то причинам не упомянутых в Описи 1614 г. или составленных в дипломатическом ведомстве после создания этого реестра, а затем погибших в пожаре 1626 г., можно почерпнуть в сохранившихся материалах делопроизводства. При реконструкции корпуса делопроизводственных материалов Посольского приказа, относящихся к эпохе Смуты, представляется ненужным перечислять отмеченные в описях несохранившиеся иностранные грамоты. Нецелесообразно и описание утраченных первичных материалов делопроизводства, именованных в XVII в.

«рознью». В Описи 1614 г. документы этого вида описаны предельно обобщенно, например: «5 ящик, а в нем в 4 связках рознь литовская, и неметцкая, и крымская при царе Борисе и после царя Бориса по Владислава; да тут же связка о всяких делех»³⁷. Более подробно и детально «рознь» описана в Описи 1626 г. Однако, в данный момент в дипломатических фондах РГАДА «рознь» в качестве отдельных единиц хранения не содержится. Знакомство с материалами делопроизводства Посольского приказа позволяет сделать вывод о том, что документы, описанные в Описи 1626 г. как «рознь», в большинстве своем, к настоящему времени утрачены, а часть их вошла в состав дел, хранящихся в виде столбцов в РГАДА. Так, например, выписки о приемах русскими царями персидских послов с 1590 по 1616 гг. и о царском жалованье этим дипломатам³⁸ вошли в состав столбца об отпуске из Москвы персидских послов в 1618 г.³⁹ В связи с этим в данной работе не будут рассматриваться утраченные или вошедшие в состав столбцов материалы первичного делопроизводства Посольского приказа — «рознь». Ниже приводится информация об утраченных памятниках делопроизводства, представлявших собой более высокую ступень обработки информации, т.е. о столбцах, тетрадах и книгах, составленных в российском дипломатическом ведомстве в 1604-1619 гг.

Следует оговорить, что, вследствие того, что в начале XVII в. многие книги существовали в виде связок не переплетенных тетрадей (в описях они упоминаются во множественном числе — «книги» или «тетрати»)⁴⁰, в данном обзоре комплексы не переплетенных тетрадей, упоминающихся во множественном числе как «книги», будут именоваться книгами, хотя их переплет был осуществлен позже. К книгам причислены также комплекты утраченных тетрадей, которые по своему содержанию (широкое освещение деятельности какой-либо дипломатической миссии) совпадают с книгами. К таковым, например, можно отнести упоминаемые в Описи 1614 г. и утраченные к настоящему моменту «5 связок тетрадей, не переплетены, 114-го году, а в них писано приезды литовских послов Николая Олешницкого да Олександра Гасевского, и как они были на Москве»⁴¹. Согласно описанию, в данных тетрадах содержался комплекс документов, совпадающих по своему содержанию с формуляром книг Посольского приказа; следовательно, данные материалы можно отнести к разряду книг. В нашем обзоре подобные комплексы утраченных тетрадей будут учитываться вместе с книгами. Материалы, упоминаемые в описях как «тетради» и содержавшие лишь часть документации посольства, как книги рассматриваться не могут. К таким могут быть отнесены, например, упомянутые в Описи 1626 г. «9 тетрадей, а в них писано статейной

список Михайла Тиханова да подьячево Олексея Бухарова, как они были в Кизылбашех в посланниких во 122-м году»⁴². Согласно описи, в тетрадах содержался только статейный список посольства; в книгах же статейные списки русских послов отдельно от другой документации миссии («отпуска» или «приезда») не содержались. В данном случае упомянутые тетради следует рассматривать отдельно как промежуточную, незавершенную стадию сведения документации, которая позднее должна была составить книги.

Фонд 32 — «Сношения России с Австрией и Германской империей». В первой описи данного фонда (столбцы и книги) указано 9 единиц хранения, относящихся к 1604 и 1613-1616 гг.⁴³ Однако, четыре из них, в строгом понимании, не относятся к делопроизводству Посольского приказа, поскольку представляют собой немецкие и латинские тексты, присланные в Москву от различных лиц⁴⁴. В дело 1614 г. ошибочно помещен один лист, относящийся к 1657/58 г.⁴⁵ В начале XVII в. материалы о посольстве С.Ушакова в 1613-1614 гг. в Империю представляли собой четыре отдельных столбца (отпуск, «белый» наказ, «наказ меньшей», статейные списки — чистый и черновой)⁴⁶. К настоящему моменту частично сохранились лишь отпуск и статейный список, включенные ныне в одно дело⁴⁷. Нынешнее дело о посольстве Л.Мясного в Империю в 1616-1617 гг. было разделено прежде на три столбца (отпуск, наказ, статейный список)⁴⁸. Таким образом, в данном фонде имеется восемь столбцов, составленных в рассматриваемый нами хронологический отрезок.

Во второй описи перечислено пять грамот, относящихся к 1604, 1606, 1612 и 1613 гг.⁴⁹

По связям Московского государства с империей Габсбургов были утрачены следующие документы, относившиеся к эпохе Смуты. В Описи 1626 г. упомянута заготовка для будущей книги — семь не переплетенных тетрадей статейного списка посольства А.И.Власьева в Империю. В описи эти материалы датированы декабрем 1604 г. — июлем 1605 г.⁵⁰, однако эта датировка ошибочна. Как было показано во второй главе данной работы, А.Власьев посетил Империю в 1603-1604 гг., параллельно с визитом в Данию. В Посольском приказе имелся также наказ посланникам в Империю С.Ушакову и С.Заборовскому, относящийся к 1613-1614 гг., написанный в тетради⁵¹ (вероятно, эти материалы должны были составить впоследствии книгу).

Согласно описям 1614 и 1626 гг., в Посольском приказе хранился столп о приезде в Москву в 1607 г. имперского гонца Дитора (по другим источникам Гектора) Муралда⁵². Утрачены два столбца 1613 г. — «белый» наказ посольству С.Ушакова и «меньшой наказ»

этому же посольству в Голландию⁵³. Кроме того, в Описи 1614 г. были отмечены два столбца 122-123 гг. (1614-1615 гг.): один содержал информацию о приезде имперского посланника в Персию Юсуфа с персидским послом Мурши-Кули-беком, а другой — о прибытии в Российское государство императорского посла в Персию Адама Дорна⁵⁴. В датской книге имеется упоминание о существовании столбца о приезде в Москву в 1614 г. шотландских дворян, отнесенного к немецким делам: «А приезд их и как оне у государя были, и что им в стола место корму, и то писано в немецком столпу с их приездом вместе»⁵⁵. В Описи 1673 г., среди документов по связям Московского государства с Империей, был упомянут утраченный к настоящему времени столбец о приезде имперского посланника Я.Сенгела и польского посланника Я.Гридича. В описи этот документ был ошибочно датирован 1623/24 г.⁵⁶; по данным книги по связям Московского государства с Речью Посполитой известно, что вышеназванные дипломаты приезжали к российской границе в январе 1614 г.⁵⁷ Подтверждение факта существования столбца о приезде Я.Сенгела (Генкеля) обнаруживается в помете на присланной от него в Москву грамоте: «122-го февраля в 15 день привез из-под Смоленска Богдан Писарев, а писал цесарев гонец Якуб Хенкильс..., перевел Еремей Еремеев, перевод в столпу»⁵⁸. Упоминание о данном столбце имеется и в Описи 1626 г., в которой данное дело было отнесено к «литовским» столбцам⁵⁹. В силу того, что данный столбец в начале XVII в. числился среди дел, освещающих отношения Московского государства с Речью Посполитой, он будет учтен среди утраченных «польских» столбцов. Таким образом, согласно описям 1614, 1626 и 1673 гг., по связям Российского государства с империей Габсбургов за период 1604-1615 гг. было утрачено не менее восьми единиц хранения — два комплекта тетрадей и шесть столбцов.

Фонд 35 — «Сношения России с Англией». В первую опись фонда включены четыре книги 1613-1617 гг.⁶⁰ В XVII в. книги № 3 и № 5 составляли одну книгу и были разделены позднее (отправление в Англию посольства А.Зюзина в 1613 и отправление гонца И.Грязева в 1615 г.); точно так же одну книгу составляли материалы, разделенные позже на книги № 4 и № 6 (приезд в Москву английского посла Дж.Меррика в 1614 г. и отправление в Англию посольства С. Воынского в 1617 г.)⁶¹.

Среди столбцов за период 1604-1619 гг. имеется упоминание о 39-ти единицах хранения⁶²; на настоящий момент числятся вышедшими две единицы хранения — № 72 и № 75, относящиеся к 1618 г. Два дела, помещенные в описи под 1613 г., относятся по времени составления к более позднему периоду: одно было состав-

лено в 1713 г.⁶³, а другое представляет собой выписку об обмене посольствами между Российским государством и Англией в 1613-1664 гг.⁶⁴ Дело, датированное в описи 1619 годом, относится к 1633 г.⁶⁵ Следовательно, данные дела не могут быть использованы для характеристики делопроизводства Посольского приказа начала XVII в. К делопроизводству Посольского приказа не могут быть отнесены и помещенные среди столбцов четыре английские грамоты с пометами об их переводе⁶⁶. Кроме того, следует учесть, что современное дело № 53 (приезд в Москву английского посла Дж. Меррика в 1614-1615 гг.) в начале XVII в., согласно Описи 1626 г., представляло собой четыре отдельных столбца. Следовательно, в начале XVII в. в архиве Посольского приказа имелось 33 «английских» столбца, относящихся к рассматриваемому нами периоду и сохранившихся до настоящего времени.

Во второй описи 35-го фонда указано девять английских грамот 1604-1605, 1613 и 1615-1618 гг.⁶⁷

По связям Российского государства с Англией были утрачены следующие документы. К 7118 г. [1609/10 г.] относился столбец с текстами проезжих грамот для европейских торговцев. В архиве Посольского приказа хранился наказ гонцу в Англию И. Грязеву (1615 г.) Утрачен столбец о переговорах в Москве с английским послом Дж. Мерриком в июле 1617 г., а также отдельный столбец, содержавший черновой наказ посольству С. Волынского в Англию. За 1618-1619 гг. было утрачено три столбца: приезд из Англии русских послов С. Волынского и М. Поздеева с английским посланником Д. Диксом; столп о гонце Т. Семпале; столп об английском посланнике Т. Финше⁶⁸. В Описи 1673 г. упомянут также «Столп, а в нем приезд к Москве и отпуск с Москвы агличенина иноземца Якова Мержера 120-го году»⁶⁹. В более ранних описях, однако, подобный документ не упомянут; вероятнее всего, в данном случае речь идет о приезде в 1612 г. с просьбой о найме на службу европейских военных, в переговорах с которыми особо поднимался вопрос о французском наемнике Якове Маржерете (этот столбец сохранился в 35-м фонде РГАДА)⁷⁰. Следовательно, за временной промежуток 1610-1619 гг. не сохранилось семь столбцов по связям Московского государства с Англией.

Фонд 44 — «Сношения России с Гамбургом». В двух описях данного фонда упомянуто четыре дела (три грамоты и дело по челобитной), относящихся к 1614-1618 гг.⁷¹ Грамоты не могут быть отнесены к делопроизводству Посольского приказа.

Фонд 61 — «Сношения России с имперскими городами». В первой описи фонда имеются пять дел, относящихся к 1606, 1616 и 1619 гг.⁷² Необходимо уточнить, что дело № 19 в описи 61-го фон-

да неверно датировано 1603-1616 гг. В данном деле содержится информация о попытках российского правительства вернуть в Москву имущество, оставленное в Любеке послом А.И.Власьевым в 1604 г. Однако, дело было начато в июне 1606 г., когда из Ивангорода в Любек была отправлена грамота с соответствующим требованием⁷³. Следовательно, данное дело должно быть датировано 1606-1616 гг. Единица хранения № 20 (письмо бургомистров Любека в Бремен о подтверждении Лжедмитрием их торговых льгот от октября 1605 г.) не имеет отношения к делопроизводству Посольского приказа, поскольку представляет собой перевод с немецкого языка, осуществленный в XIX веке⁷⁴.

Во второй описи 61-го фонда имеется список с грамоты, отправленной в Любек в 1618 г.⁷⁵; данное дело представляет собой копию начала XIX в.

Всего в двух фондах (44 и 61) сохранилось пять дел, относящихся к рассматриваемому нами периоду.

По связям Московского государства с вольными городами (Гамбургом и Любеком) в Описи 1626 г. можно обнаружить указание на утраченный столбец отпуска в Гамбург и Любек посланников Д.Лодыгина и Г.Нечаева, относившийся к 7125-7127 гг. [1617-1619 гг.]⁷⁶.

Фонд 50 — «Сношения России с Голландией». В фонде на данный момент в столбцах числятся 19 единиц хранения за 1613-1619 гг.⁷⁷ В большинстве своем эти дела представляют собой жалованные грамоты голландским купцам, дела по их челобитным, а также переводы голландских грамот. Согласно Описи 1626 г., современные дела № 2 за 1615 г. и № 2 за 1616 г. (выписка о голландском посредничестве на русско-шведских переговорах и приезд в 1616 г. в Москву голландского посланника И.Массы) составляли в начале XVII в. один столбец⁷⁸. В один столбец были объединены и разделенные на данный момент дела № 5 за 1614 г. и № 1 за 1619 г. (дело, ошибочно датированное 1614-м годом, является продолжением дела 1619 г.)⁷⁹. Не относятся к делопроизводству Посольского приказа дела № 2 и 4 за 1614 г. (поздние переводы голландских грамот) и дело № 3 за 1614 г. (подлинная голландская грамота)⁸⁰. Следовательно, до наших дней сохранилось 14 «голландских» столбцов, составленных в рассматриваемый нами период.

Кроме того, сохранились четыре голландские грамоты 1614 и 1616 гг.⁸¹

По связям Российского государства с Голландией также имеются документальные утраты. В Описи 1626 г. упомянут «столпик», а в нем писаны сначала с немецкого письма переводы, каковы давали ответы в Галанской земле галанские владетели к посланником Сте-

пану Ушакову да дьяку Семому Заборовскому, как они посылаемы к Матьяшу цесарю римскому во 122-м году; да тут же их статейный список и государева грамота, какова послана к галанским владетелем с переводчиком с Иваном Фоминым, верху нет»⁸². Первая часть этого столбца сохранилась до настоящего времени⁸³; статейный список пребывания в Голландии С.Ушакова и С.Заборовского в хранилищах РГАДА отсутствует. Не сохранился и текст грамоты, посланной с Иваном Фоминым в Голландию. В столбце об отправлении И.Фомина в 1614 г. в Империю упоминается о существовании этой грамоты, но ее текст не воспроизведен: «а вклеена та грамота особно в галанском столпу»⁸⁴. Таким образом, описанный столбец 1614 г. сохранился лишь частично, большая его часть утрачена. 7125-м годом [1616/17 г.] в описи датирован столбец отпуска в Голландию переводчика Елисея Павлова⁸⁵.

Помимо этого, в сохранившихся материалах делопроизводства Посольского приказа можно обнаружить указание на существование в 1615 г. «голландских книг». В книге об отправлении во Францию через Голландию русского посольства было записано: «А что с Иваном же и с Михайлом писано и велено говорить галанскому Маврицусу князю и голанским владетелем, и то писано в галанских книгах»⁸⁶. Указание на существование голландской книги содержится и в книге по связям Московского государства с Англией, где было записано: «А писан голанского посланника приезд в особной в голанской книге»⁸⁷. Это позволяет утверждать, что в архиве российского дипломатического ведомства хранилась книга по связям Московского государства с Голландией, изготовленная после составления Описи 1614 г. и погибшая во время пожара 1626 г. Следовательно, мы должны констатировать утрату двух единиц хранения по связям Российского государства с Голландией за 1613-1617 гг. — одной книги и одного столбца.

Фонд 52 — «Сношения России с Грецией». В столбцах находятся 10 единиц хранения по связям Московского государства с зарубежными православными иерархами и монастырями, относящиеся к 1604, 1607, 1613, 1615, 1616 и 1619 гг.⁸⁸ Следует отметить, что в описи неверно датированы 1616 годом два дела, относящиеся к 1624 г. — в них содержатся как прямые, так и косвенные указания на то, что указанные столбцы были составлены в 1624 г.⁸⁹ Кроме того, возможно, три современных единицы хранения, относящиеся к 1604 г., в начале XVII в. составляли один столбец, упомянутый в Описи 1626 г.: «Столп греческой 112-го году по 113-й год ноября по 28 число о приезде греческих митрополитов и старцов»⁹⁰. Следовательно, в данный момент в 52-м фонде РГАДА хранится шесть «греческих» столбцов, сформированных в начале XVII в.

Во второй описи 52-го фонда названы две греческие грамоты (1605 и 1619 гг.)⁹¹; в третьей описи, кроме того, зафиксированы две жалованные грамоты (1604 и 1607 гг.)⁹²

По связям Московского государства с Грецией (с зарубежными православными иерархами и монастырями) была утрачена книга, завершенная, вероятно, в начале Смутного времени. В Описи 1614 г. упоминаются «Книги греческие 106-го году по 112 год, что давано на Москве милостины греческим старцом»⁹³. В Описи 1626 г. упомянут утраченный столбец приезда в Москву в 1619 г. иерусалимского патриарха Феофана⁹⁴. Утрачено, таким образом, две единицы хранения — книга и столбец.

Фонд 53 — «Сношения России с Данией». В фонде за рассматриваемый промежуток времени имеется одна книга, относящаяся к 1613-1616 гг.⁹⁵

В столбцах имеется восемь единиц хранения, относящихся к 1613-1619 гг.⁹⁶ Из них одна (выписка о жалованье послам, ездившим в Данию в 1613-1662 гг.)⁹⁷ является документом более поздним, составленным не ранее 1662 г., поэтому данное дело не может быть использовано для характеристики делопроизводства Посольского приказа начала XVII в. В начале XVII в. современное дело о посольстве князя И.Борятинского в Данию (1613-1614 гг.) было разделено на два столбца (отпуск и приезд); к приезду посольства примыкали документы о миссии датского посланника Ивервинта (1614-1615 гг.)⁹⁸ В настоящий момент материалы о посольстве И.Борятинского сведены в одно дело; отдельную единицу хранения составляет столбец о посольстве Ивервинта. Таким образом, до настоящего момента сохранилось семь «датских» столбцов, составленных в начале XVII в.

Во второй описи за исследуемый нами период отмечена одна датская грамота 1617 г.⁹⁹

В Описи 1673 г. среди документов по связям Российского государства с Данией упоминается «Столпик невелик, а в нем выписка датским и швейцарским посланником и гонцом, которые приезжали к Москве со 115 — го году по 127 год [1608-1619 гг.]»¹⁰⁰. По всей вероятности, данная выписка составлялась по случаю приезда в декабре 1619 г. — январе 1620 г. в Москву датского гонца Н.Крейлова¹⁰¹ поэтому можно предположить, что указанный «столпик» был изготовлен в самом конце рассматриваемого нами периода. Данный столбец до наших дней не сохранился.

Фонд 77 — «Сношения России с Персией». В этом фонде имеется книга, частично относящаяся к рассматриваемому нами периоду — 1618-1624 гг.¹⁰², однако составлялась она в середине 20-х годов

XVII в.¹⁰³, поэтому для характеристики делопроизводства Посольского приказа эпохи Смуты эту книгу использовать нельзя.

В первой описи 77-го фонда среди столбцов упомянуты 15 единиц хранения, относящихся к 1607, 1613-1619 гг.¹⁰⁴ Три дела были неправильно датированы при составлении описи. Черновой наказ послу в Персию князю И.П.Ромодановскому ошибочно отнесен к 1607 г., однако отправление этого посольства по целому ряду признаков относится к маю 1606 г., последним дням правления Лжедмитрия I. Об этом свидетельствуют прежде всего многочисленные упоминания в тексте наказа «цесаря Дмитрия Ивановича», исправленные на «царя Василия Ивановича»¹⁰⁵. Поэтому данное дело следует датировать 1606 г. Столбец, отнесенный к 1618 г., на самом деле должен быть датирован 1619 г.¹⁰⁶; а дело, датированное 1619 г., относится к 1620 г.¹⁰⁷ (следовательно, оно не попадает в рассматриваемый нами временной отрезок). Таким образом, в 77-м фонде РГАДА сохранилось 14 столбцов, относящихся к нашему периоду.

В описи второй 77-го фонда имеются 18 русских и персидских грамот 1605-1618 гг.¹⁰⁸, однако они являются копиями рубежа XVIII-XIX вв., выписанными из персидских дел, и, следовательно, не являются памятниками делопроизводства Посольского приказа начала XVII столетия. Кроме того, некоторые грамоты были датированы при копировании неверно: грамоты №№ 3 и 4 относятся к 1606 г. (датированы 1605 г.)¹⁰⁹ грамоты №№ 5-7 отправлены в Москву в 1607 г. (при копировании не датированы)¹¹⁰.

К настоящему моменту утрачены некоторые материалы по связям Московского государства с Персией. В описях 1614 и 1626 гг. за рассматриваемый нами период не указана ни одна персидская книга. Однако, в сохранившихся документах можно найти упоминание о персидской книге, включавшей в себя описание дипломатических контактов Российского государства с Персией в 1604 и 1615 гг. (книги, отмеченные в описях, обрываются 7102-м годом [1593/94 г.])¹¹¹ В выписке из «кизылбашских книг», сделанной в 1618 г., были приведены сведения о приездах в Москву персидских дипломатов с 1590 г. вплоть до 1615 г.¹¹² По всей видимости, эта книга была составлена после описания архива Посольского приказа в 1614 г. и погибла во время пожара 1626 г., поэтому и не была зафиксирована в Описи 1626 г. В описи упомянуты также девять тетрадей статейного списка послов М.Тиханова и А.Бухарова (1613-1615 гг.)¹¹³ Вероятно, эти тетради были заготовкой для будущей книги. К настоящему моменту статейный список этих послов сохранился лишь в столбцах¹¹⁴.

Утрачены также и некоторые столбцы по связям Московского государства с Персией. 7112-м годом [1603/04 г.] было датировано

три столбца: сыск про посла князя А. Засекина; отпуск персидского посла Лачин-бека; столбец о шаховом броннике Калфе. Не сохранился столбец 7112-7118 гг. [1604-1610 гг.] о персидском посланнике Мехди-Кули-беке, польском гонце Х.Краузовском и посланниках римского папы в Персию. Отсутствует недатированный столбец об отпуске Мехди-Кули-бека (эти материалы могли относиться либо к 1604 г., когда Мехди-Кули-бека отпустили из Москвы в Империю, либо к 1606 г., когда его отправили из Москвы в Персию). Утрачен столбец 7114-го года [1605/06 г.] о посланнике Меси-беке (вероятно, о том же Мехди-Кули-беке); в том же столбце находились отписки ивангородских воевод о персидских посланниках Джанжей-хане и Ужбасы-Санбеке. К 7119-му году [1610/11 г.] относился столбец о посланниках Амир-Али-беке и Мехди-Кули-беке. За 7121-й год [1612/13 г.] утрачено два столбца: приезд и отпуск посланника Амир-Али-бека; сыск о купце Мир-Азизе¹¹⁵. Следовательно, за временной промежуток с 1604 по 1615 гг. было утрачено 11 единиц хранения по связям Российского государства с Персией — одна книга, комплект тетрадей и 9 столбцов.

Фонд 78 — «Сношения России с римскими папами». К изучаемому нами периоду в данном фонде частично относится книга 1576-1606 гг., содержащая письмо Лжедмитрия I к папе Павлу V¹¹⁶. Составление этой книги из разнородных документов, согласно выводам Н.М.Рогожина, относится к XVIII столетию¹¹⁷. Вследствие этого сама книга не может быть использована для анализа делопроизводства Посольского приказа рассматриваемого нами периода; мы можем рассматривать лишь отдельные документы.

Фонд 79 — «Сношения России с Польшей». За рассматриваемый временной отрезок в фонде имеется 13 книг по связям Московского государства с Речью Посполитой в 1606-1608, 1610, 1613-1616, 1618-1619 гг.¹¹⁸ Книга № 28 (наказ русским послам, отправленным в 1610 г. на переговоры под Смоленск) является копией начала XIX в.¹¹⁹ Книга № 31 (наказ русским послам на переговорах под Смоленском в 1615 г.) является неполной копией книги № 30 (отправление послов на съезд)¹²⁰. Книга № 31 составлялась после 1619 г. (вероятнее всего — в 1634 г., когда шли русско-польские переговоры), поскольку в ней оказались вымараны сведения, порочащие И.Т.Грамотина, бывшего судьей Посольского приказа в 1619-1626 гг. и 1634-1635 гг.¹²¹ В Описи 1626 г. данная книга не упомянута, что также является свидетельством ее более позднего происхождения. Следовательно, книга № 31 не относится к нашему периоду. Книга № 33 (наказ русским послам, посланным на переговоры на р. Пресне в 1618 г.) представляет собой копию книги № 32¹²²; по всей вероятности, эта копия была снята после 1626 г.

(поскольку она не упомянута в Описи 1626 г.); видимо, она составлялась для переговоров с поляками в 1634 г. По данным Описи 1626 г. можно предположить, что современные книги №№ 32 и 34 в начале XVII в. представляли собой одну единицу хранения и были разъединены после 1626 г. Книги №№ 36 и 37 (списки с перемирной грамоты в Деулино и грамоты о размене пленных 1618-1619 гг.) являются копиями книги № 35¹²³. Книга № 38 представляет собой копию XVIII в.¹²⁴ Таким образом, из 13-ти книг, помещенных в описи между 1606 и 1619 гг., пять не относятся по времени составления к изучаемому нами периоду. Всего за рассматриваемый период в Посольском приказе было составлено восемь книг по связям Российского государства с Польшей, сохранившихся до наших дней.

В столбцах, согласно описи, за изучаемый нами период хранится 48 дел 1605, 1607-1612, 1614-1619 гг.¹²⁵ На данный момент отсутствует одно дело (отписка о посылке в Москву литовского посла Степановского, 1605 г.)¹²⁶ Дело № 1 за 1607 г. (письмо польских послов к боярину Д.И.Шуйскому), дело № 1 за 1610 г. (присяга жителей Зубцова и Ржева королю Сигизмунду), дело № 5 за 1610 г. (списки указов Сигизмунда III), дело № 1 за 1612 г. (грамоты бояр в города о покорности Владиславу), дело № 2 за 1614 г. (письмо пленного полковника Струся), дело № 1 за 1617 г. (челобитная Струся о кормовых деньгах), дело № 1 за 1619 г. (челобитная Струся о возвращении ему лекаря) не относятся к делопроизводству Посольского приказа. Одно из дел (копии договорных грамот М.В.Скопина — Шуйского с Я.-П.Делагарди, 1609 г.)¹²⁷ должно быть отнесено к шведским делам. Выписка из польской печатной книги, помещенная в описи под 1610 г., была сделана не ранее 1649 г., когда соответствующая книга была привезена из Польши в Москву¹²⁸. Дело об отправлении в Польшу Ф.Желябужского (1614 г.) относится к означенному времени лишь частично. Первые три листа, написанные другим почерком, чем остальные 26, относятся ко времени не ранее 1633 г. Датировка трех первых листов дела уточняется содержащейся в них фразой: «Да с ними ж [посланниками. — Д.Л.] посланы были государевы грамоты блаженные памяти к великому государю, святейшему патриарху Филарету Никитичю Московскому и всеа Руси»¹²⁹. Патриарх Филарет скончался 1 октября 1633 г., поэтому словосочетание «блаженной памяти» могло быть употреблено лишь после 1633 г. Остальные 26 листов дела относятся ко времени отправления миссии — декабрю 1614 г. Не относится к рассматриваемому нами периоду и выписка о посылке в Польшу А.Нечаева (1615 г.) Выписка сделана тем же почерком, что и три первых листа предыдущего дела и является их

продолжением: «Да в том же в 123-м году по государеву ж указу послан был в Литву от бояр же к паном раде в гонцах з грамотою Ортемей Нечаев». Выписка содержит лишь краткую информацию об отправлении гонца Нечаева и приезде польского посланника Каличевского¹³⁰. Составление выписки следует относить ко времени после 1633 г. В одно из дел 1615 г. были ошибочно включены два листа, в которых описывается приезд в Москву грузинских послов при царе Алексее Михайловиче¹³¹. Следовательно, для анализа делопроизводства Посольского приказа эпохи Смуты могут быть использованы не все дела, перечисленные в описи (38 из 48-ми отмеченных в описи 79-го фонда).

Во второй описи отмечено 20 русских и польских грамот, относящихся к 1610-1612 и 1618 гг.¹³² В третьей описи содержатся договорные документы 1606, 1608, 1610, 1618-1619 гг. (8 единиц хранения)¹³³. В пятой описи помещено описание приезда в Москву в мае 1606 г. польских послов, однако данное дело представляет собой более поздний перевод с польского языка¹³⁴, поэтому не может использоваться для анализа делопроизводства Посольского приказа.

В описях 1614 г. и 1626 г. содержится информация о значительном числе утраченных дел по связям Московского государства с **Речью Посполитой**. В Описи 1614 г. упомянуты пять связок не переплетенных тетрадей, содержавших информацию о приезде и пребывании в Москве польских послов Н.Олесницкого и А.Гонсевского в 1606 г. (согласно описи, в 1614 г. в этом деле уже не хватало многих тетрадей)¹³⁵. В Описи 1626 г. упоминается также книга об отпуске иностранцев после убийства Лжедмитрия I в Смоленск: «Книга: по Ростригине убийстве отпуск с Москвы на Смоленск, и сколько с ними товаров и людей, тетрадь поплела и подрана»¹³⁶. По своему содержанию (перечень отпущенных из Москвы иностранцев и их товаров), а также по объему (всею одна тетрадь), данная единица хранения скорее близка к записной тетради, нежели к книге, отражающей международные связи Московского государства. Время составления этой тетради также трудно определить: в Описи 1614 г. упоминания о ней нет; после 1614 г. потребность в составлении подобного перечня могла возникнуть во время русско-польских переговоров под Смоленском в 1615-1616 гг. или в Деулино в 1618 г. В столбце 1616 г. можно найти указание на существование несохранившихся книг, которые велись в 1615-1616 гг. под Смоленском русскими послами¹³⁷, однако данные книги не относятся непосредственно к делопроизводству Посольского приказа.

В описях зафиксировано и существование недошедших до настоящего времени столбцов. К 7112 г. [1603/04 г.] относятся четыре столбца: о запорожских казаках; о Григории Отрепьеве; о литвине

Семене Овсяном; о моровых заставах по литовской границе и о польском посланнике Ольбрехте Заболоцком. 7113-м [1604/05 г.] датировано четыре столбца: о переписке новгород-северских воевод с пограничными литовскими городами; запрет черниговским воеводам продавать хлеб в Польшу; отпуск в Речь Посполитую посланника Постника Огарева; отпуск в Польшу посланника Смирного Отрепьева, а также приезд и отпуск польского посланника Ольбрехта Заболоцкого. Пять столбцов относились к 7114 г. [1605/06 г.]: приезд к Лжедмитрию Юрия и Марины Мнишеков; отпуск в Польшу посланников Г.К.Волконского и А.Иванова; переписка смоленских воевод с оршанским старостой; приезд послов Г.К.Волконского и А.Иванова; связка литовских дел. К 7116 г. [1607/08 г.] относилось два столбца: отпуск к запорожским казакам с жалованьем атамана Богдана Мстиславца; переписка псковских воевод с пограничными литовскими городами¹³⁸. В Описи 1614 г. также было записано: «В сундуке столпы литовские, и книги в тетрадах, и мелкая рознь со 113-го году по 118-й год о Сендомирском и о Маринке; да как были на Москве литовские послы и посланники Миколай Олешнитцкой с товарищи; и как был на Москве Станислав Желковской с товарищи»¹³⁹ Общая характеристика в описи документов, относящихся к пятилетнему периоду (1606-1610 гг.) не позволяет с точностью ответить на вопрос о том, какие из перечисленных материалов представляли собой тетради, какие — столбцы, а какие — рознь. Можно предположить, что в тетрадях содержались данные о переговорах в Москве с польскими посланниками С.Витовским и Я.Соколинским (в данный момент эти материалы составляют книгу № 27 по связям Российского государства с Польшей)¹⁴⁰. Документы же о пребывании в Москве Мнишеков и Жолкевского утрачены. Учитывая то, что в Посольском приказе по Описи 1614 г. имелся особый столбец о приезде в Москву Мнишеков¹⁴¹, надо полагать, что в сундуке находились исходные материалы для этого столбца, т.е. рознь. Материалы же о переговорах со С.Жолкевским, вероятно, были сформированы в столбец, поскольку среди документов 1610 г. в Описи 1626 г. упоминаются статьи договора, поданного московскими представителями С.Жолкевскому на переговорах (в 1626 г. эти материалы представляли собой распавшийся столбец; в 1632 г. он уже был утрачен)¹⁴². К 1610 г. относился также столбец, содержавший наказ русским послам, отправленным под Смоленск¹⁴³. Хранящаяся ныне в РГАДА книга, содержащая договорные статьи 1610 г., представляет собой, как отмечалось, позднюю копию¹⁴⁴. 7121 годом [1613 г.] датированы два столбца: отпуск в Польшу гонца Дениса Оладьина и приезд его в Москву¹⁴⁵. К 7122-7124 гг. [1613-1616 гг.] относилось шесть утра-

ченных столбцов: переписка воевод с пограничными литовскими городами (1613/14 г.); столбец о польских пленниках (1614-1615 гг.); проезд к границе польского посланника Я.Гридича и имперского посланника Я.Сенгела (1614 г.); отпуск пленного литовского ротмистра Родвана (1614 г.); проезд и статейный список русского посланника Ф.Желябужского (1615 г.); послужной список русских послов под Смоленском (1616 г.).¹⁴⁶ 1616-м годом датируется утраченный столбец об отправлении в Польшу посланника князя С.Козловского¹⁴⁷. За 7125-7127 гг. [1616-1619 гг.] было утрачено, согласно Описи 1626 г., четыре столбца: вестовой столбец 1616/17 г.; отписки новгород-северских воевод 1617-1618 гг.; проезд М.Томилова (1618/19 г.); столбец 1618/19 гг.; столбец о приезде в 1619 г. в Москву запорожских казаков¹⁴⁸. Таким образом, описи 1614 и 1626 гг. позволяют утверждать, что в первой четверти XVII в. в архиве Посольского приказа хранилась как минимум 31 недошедшая до нашего времени единица хранения по связям Московского государства с Речью Посполитой, относившаяся к 1604-1619 гг. — одна книга, одна тетрадь и 29 столбцов.

Фонд 89 — «Сношения России с Турцией». В фонде содержатся в виде столбцов 13 дел, характеризующих отношения Московского государства с Османской империей, датируемых 1613-1619 гг.¹⁴⁹ В состав столбца 1615 г. включено дело, относящееся по времени своего составления к концу 1621 г.¹⁵⁰ Одно из дел неверно датировано 1615 годом: в челобитной участника посольства в Турцию дьяка М.Данилова содержатся указания, позволяющие отнести составление столбца к 1618-1619 гг., поскольку в нем упоминается о совместной службе М.Данилова с князем И.Б.Черкасским¹⁵¹, что имело место в сентябре 1618 г.¹⁵² Неверно датирован 1619 годом столбец, относящийся по времени составления к 1620 г. (начинающая столбец отписка была получена в Москве только в декабре 1619 г., остальные включенные в дело документы относятся к 1620 г.)¹⁵³ Данный столбец, следовательно, не относится к рассматриваемому нами периоду. Таким образом, на данный момент в 89-м фонде РГАДА хранится 12 «турецких» столбцов, относящихся к изучаемому периоду.

Во второй описи отмечена турецкая грамота 1615 г.¹⁵⁴

Некоторые документальные утраты имеются и по связям Московского государства с **Османской империей**. Не сохранились упомянутые в Описи 1626 г. расходные тетради И.Одадунова, посланного в 1614-1615 гг. сопровождать в Москву турецкого посланника¹⁵⁵. Отсутствуют два столбца 1615 г.: статейный список послов С.Протасьева и М.Данилова и столбец о турецком посланнике Велле-чеуше¹⁵⁶. Отдельный столбец 1617 г. содержал заемные памяти

русских посланников в Турции¹⁵⁷. Следовательно, за 1614-1615 гг. было утрачено четыре единицы хранения по связям Московского государства с Османской империей.

Фонд 93 — «Сношения России с Францией». В фонде имеется книга 1615-1616 гг., содержащая материалы миссии И.Кондырева и М.Неверова в Голландию и Францию¹⁵⁸. В столбцах находятся две единицы хранения, относящиеся к тому же посольству¹⁵⁹

Во второй описи зафиксирована французская грамота короля Людовика XIII от 1615 г.¹⁶⁰

По связям Российского государства с Францией начала XVII в. также имеются некоторые документальные потери. Так, в Описи 1614 г. упоминается несохранившийся «наказ переводчику Ивану Фомину, послан был ко францовскому Лодвику королю во 121-м году [1612/13 г.]»¹⁶¹. Других упоминаний об этой миссии нет; не говорится об отправлении И.Фомина и в материалах российского посольства во Францию в 1615 г. По всей вероятности, вследствие Смуты, И.Фомин не смог проехать в Архангельск и отбыть за границу. В Описи 1626 г. упомянуто два утраченных столбца 7120 — 7121 гг. [1612-1613 гг.] о приезде в Московское государство французов Н.Францискуса и Ф.Делескера, а также англичан А.Астора и Я.Гиля¹⁶². Следовательно, по связям Российской державы с Францией за 1612-1613 гг. были утрачены три столбца.

Фонд 96 — «Сношения России с Швецией». В данном фонде находятся 10 книг по связям Российского государства со Швецией, относящиеся к 1606-1607, 1609, 1615-1618 гг.¹⁶³ Книга № 9, содержащая списки русско-шведских договоров, заключенных в 1609 г., не относится по времени составления к рассматриваемому периоду. В книге имеется запись: «Чтено, выписано, а писали Степан Никитин с Васильем Михайловым»¹⁶⁴. В изучаемое время в Посольском приказе такие служащие не числились. Упоминания об этой книге отсутствуют во всех четырех описях архива Посольского приказа, составленных в XVII веке. Судя по почерку, указанная книга была составлена на рубеже XVII-XVIII вв.

Согласно описи конца XVIII в., одна из книг («черный» статейный список посольства князя Д.И.Мезецкого за август — декабрь 1615 г.) совпадает по содержанию с предыдущей¹⁶⁵. Исходя из указания описи, можно предположить, что книга № 11 («черный» статейный список) служил основой для составления книги № 10, также содержащей статейный список этой миссии. Однако, ознакомление с вышеназванными архивными делами позволяет сделать обратные выводы. Книга № 11, несмотря на гораздо большее количество исправлений и небрежность в оформлении, является не первоисточником книги № 10, а списком с нее. Свидетельством этого

является следующий факт. В тексте книги № 10 имеется интересная описка: шведские послы в процессе переговоров называли царя Михаила Федоровича Федором Михайловичем. В книге № 10 над строкой с указанной записью имеется помета: «О том переводчики гараздо смотрели»¹⁶⁶. В тексте книги № 11 в соответствующем месте имеется помета (также над строкой) — «Написано в прежних книгах над именем Федора Михайловича — о том переводчики [го]раздо смотрили»¹⁶⁷. Следовательно, книга № 11 представляет собой не «черный» статейный список посольства князя Д.И.Мезецкого, а копию книги № 10. Следует отметить, что часть книги № 11 (листы 327-338 оборот) написаны почерком конца XVIII в. Вероятно, книга № 11 переписывалась после 1626 г., поскольку в Описи 1626 г. данная копия не указана.

Книга № 12 фонда «Сношения России со Швецией», по всей видимости, является копией рубежа XVII-XVIII вв. Эта книга написана скорописью конца XVII в. В тексте книги № 12 имеются совершенно несвойственные началу XVII в. сокращения: в словосочетаниях «царское величество» слово «величество» весьма часто заменяется буквой «в», взятой в «кавычки»¹⁶⁸. Подобная вольность с царским титулом в начале XVII в. была просто немыслима; в XVIII-XIX вв. подобные сокращения использовались довольно широко (например, формула «его царское величество» сокращалось до «е. ц. в-во»). С другой стороны, следует отметить, что в тексте книги № 12 используется обозначение цифр буквами кириллицы. В XVIII-XIX вв. при копировании старых документов обычно пользовались арабскими цифрами. Это позволяет предположить, что составление книги № 12 относится к концу XVII в.; возможно, ее копирование связано с дипломатической подготовкой Московского государства к Северной войне 1700-1721 гг. Таким образом, книга № 12 фонда «Сношения России со Швецией» была составлена в конце XVII в. и не относится к делопроизводству рассматриваемого нами периода. Однако, возможно, указанная книга № 12 имела протограф в делопроизводстве Посольского приказа первой четверти XVII столетия: в Описи 1626 г. упоминаются «тетрати, а в них писаны съезды государевых послов околничего и намесника суждальского князя Данила Ивановича Мезецкого с товарищи, как съезжались с свейскими послы меж Новагорода и Осташкова в Дедерине во 123-м и во 124-м году»¹⁶⁹. Описание этих тетрадей совпадает с содержанием книги № 12, скопированной, возможно, в конце XVII в. с указанных тетрадей. В Описи 1632 г. данная книга упоминается уже как утраченная: «Книги свейские 7124 и 125 году, а в них были писаны съезды государевым послом окольничего князя Даила Ивановича Мезецкого с товарищи, как съезжались с

свейскими послы с Яковом Пунтусовым с товарищи»¹⁷⁰. Всего, следовательно, в 96-м фонде РГАДА хранится семь «шведских» книг, составленных в изучаемый нами период.

В столбцах содержится 78 единиц хранения, относящихся к 1608-1611, 1613-1619 гг.¹⁷¹ Заключительная часть столбца 1617 г. (последние восемь листов) относятся к концу 1626 г. — началу 1627 г.¹⁷² Некоторые из вышеозначенных дел также относятся к более позднему времени. Так, челобитная Я. Боборыкина, поданная в приказ в 1623 г., помещена в описи под 1616 г.¹⁷³; к 40-м годам XVII в. относятся «роспись обидным делам» 1617-1643 гг.¹⁷⁴, именная роспись русских пленных 1617-1640 гг.¹⁷⁵, именная роспись беглых крестьян 1617-1646 гг.¹⁷⁶, именная роспись перебежчиков 1617-1649 гг.¹⁷⁷; началом XVIII столетия должна быть датирована краткая выписка о российско-шведских мирных постановлениях 1617-1700 гг.¹⁷⁸ Девять единиц хранения, датированных 1608-1617 гг. относятся по времени своего составления к XVIII веку¹⁷⁹, четырнадцать единиц хранения представляют собой шведские тексты и не относятся к делопроизводству Посольского приказа¹⁸⁰. Следовательно, из 78 единиц хранения в столбцах к нашему периоду относятся 49 дел.

Кроме того, современная разбивка некоторых «шведских» дел на столбцы вызывает сомнения. Это касается прежде всего материалов о русско-шведских переговорах в Дедерино и Столбово в 1615-1617 гг. В настоящий момент соответствующие столбцы разбиты по месяцам. Анализ палеографических данных, а также сведений, содержащихся в Описи 1626 г., позволяет утверждать, что первоначальная разбивка «шведских» столбцов 1615-1617 гг. была иной. Так, современные дела № 7, 8 и 9 за 1615 г. составляли один столбец (отправление на съезд русского посольства); в один столбец были включены дела № 10 и 11 за 1615 г. (переговоры в Дедерино в октябре — ноябре 1615 г.); единое целое составлял столбец, ныне разбитый на дела № 13 за 1615 г. и № 2 за 1616 г. (статейный список русских послов до февраля 1616 г.); современные дела № 1 и 3 за 1616 г. также представляли собой один столбец (переговоры в Дедерино в январе — феврале 1616 г.). Объединены были единицы хранения № 5 и 7 за 1616 г. (переговоры в Столбово в апреле — июле 1616 г.); дела № 6 за 1616 г. и № 3 за 1617 г. (статейный список русских послов с мая 1616 г. по февраль 1617 г.); дела № 10 за 1616 г. и №№ 1 и 2 за 1617 г. (переговоры в Столбово в декабре 1616 г. — феврале 1617 г.); дела № 10 за 1617 г. и № 8 за 1618 г. (отправление на межеванье Г.Писемского и отпуск в Швецию посольства К.Кафтырева); дела № 12 и 13 за 1617 г. и № 1 за 1618 г. (отправление в Швецию посольства князя Ф.Борятинского); дела

№ 2 и 3 за 1618 г. (приезд в Москву шведского посла Г.Стейнбока)¹⁸¹. Следовательно, в начале XVII в. в архиве Посольского приказа хранилось 36 «шведских» столбцов, относящихся к рассматриваемому нами периоду и сохранившихся до настоящего времени.

Во второй описи 96-го фонда имеется восемь шведских грамот 1604, 1607, 1608, 1617 и 1619 гг.¹⁸² В третьей описи данного фонда содержатся 19 договорных записей 1609, 1611, 1615-1618 гг.¹⁸³

Документальные утраты по связям Российского государства со Швецией весьма значительны. Прежде всего, следует отметить потерю целого ряда тетрадей, служивших заготовками для изготовления книг. Полностью утрачены пять тетрадей о ссылке в 7114 г. [1605/06 г.] в Ярославль Лжедмитрием шведского королевича Густава¹⁸⁴. В Описи 1614 г. были упомянуты 34 тетради 7114-7115 гг. [1606-1607 гг.] содержавшие переписку русских воевод со шведскими пограничными городами, а также приезд в Москву и отпуск шведского гонца Даниила Юрта¹⁸⁵. Часть этих тетрадей, вероятно, сохранилась в составе шведской книги № 8, ныне хранящейся в РГАДА (переписка корельских воевод с Выборгскими властями)¹⁸⁶. Материалы о приезде и отпуске Д.Юрта не сохранились. В описи упомянуты также тетради 7115 г. [1606/07 г.], в которых была записана информация о приезде и отпуске шведского гонца Бернта Неймана¹⁸⁷. В настоящее время приезд Б. Неймана содержится в вышеупомянутой книге № 8, но отпуск его в книге отсутствует (текст доведен лишь до момента аудиенции гонца у царя). В конце книги была сделана приписка: «Розные тетрати швейские. Перебрати их нельзя, что многие пропали»¹⁸⁸. Вероятно, эта запись была сделана после пожара 1626 г.; в то же время, по всей видимости, был утрачен текст, содержавший отпуск Б. Неймана. Не сохранились до настоящего времени и тетради 7123-7124 гг. [1615-1616 гг.] о русско-шведском съезде в Дедерино¹⁸⁹ (выше говорилось, что эти тетради стали источником при составлении в конце XVII в. книги № 12).

В Описи 1626 г. упоминается книга 1605 г., содержавшая сведения об отправлении на переговоры в Тязвино посольства князя И.С.Туренина¹⁹⁰. В книге изложены события 1595 г.; основания, на которых мы причисляем данную утраченную книгу к делопроизводству Посольского приказа эпохи Смуты, будут изложены в следующей главе в разделе 2. В Описи 1673 г. упоминается также «Книга швейская всяких дел со 114-го году по 118-й год [1606-1610 гг.]»¹⁹¹. По упоминанию в английской книге удалось установить, что в рассматриваемый нами период в Посольском приказе была составлена еще одна шведская книга, содержавшая материалы о посредничестве английского посла Дж.Меррика на русско-

шведских переговорах 1615-1617 гг.¹⁹² Современной книге № 13 (переговоры в Столбово в 1616-1617 гг.), согласно Описи 1626 г., соответствовали две единицы хранения практически идентичного содержания¹⁹³. Следовательно, одна из этих книг к настоящему времени утрачена. Подробнее об этих книгах будет сказано во втором разделе главы пятой. Всего за рассматриваемый нами период полностью утрачены пять книг и один комплект тетрадей по связям Российской державы и Швеции.

Утрачена была и значительная часть столбцов по связям Московского государства со Швецией. К 7112 г. [1603/04 г.] относилось два столбца. Первый из них был озаглавлен в описи как «Столп 112-го года, о задорех и о разбойникех о Косолапе с товарищи»¹⁹⁴. Представляется, что информация об атамане Косолапе оказалась среди шведских дел в связи с гибелью шведского гонца. Сохранилась грамота от Карла IX к Борису Годунову от 23 мая 1604 г., в которой шведский правитель требовал наказать людей, убивших его гонца и распечатавших его грамоту¹⁹⁵. Вероятно, шведский курьер был убит повстанцами. Второй столбец 7112-го года содержал переписку между пограничными воеводами, а также приезд и отпуск шведского гонца Генриха Ратмысла (Андрея Размыслова)¹⁹⁶, с которым и была привезена грамота от 23 мая 1604 г. К 7113-му году [1604/05 г.] относились два несохранившихся столбца: переписка между пограничными городами; приезд и отпуск шведского гонца Мартына Павлова¹⁹⁷. 7114-м годом [1605/06 г.] были датированы два столбца, содержание которых описано предельно обобщенно: «Столп 114-го году, при царе Борисе и при Ростриге о всяких делех» и «Столп 114-го году, при Ростриге». В описи упоминается столбец 7115-го года [1606/07 г.], в котором были помещены материалы переписки между властями пограничных городов. Утрачены два столбца 7116-го года [1607/08 г.]: приезд и отпуск гонца Б.Неймана; переписка между пограничными городами. 7118-м годом [1609/10 г.] датированы два несохранившихся столбца: корельский; переписка властей пограничных городов¹⁹⁸. «Столпик» о королевиче Густаве был помещен в Описи 1614 года между столбцами 7118 и 7119 гг. [1610-1611 гг.]¹⁹⁹, однако, принимая во внимание тот факт, что королевич скончался в 1607 г., данный столбец можно отнести к более раннему времени. К 7119-му году [1610/11 г.] был отнесен столбец о пребывании в Новгороде воеводы И.Салтыкова. 7122-7123 годами [1614-1615 гг.] в описях датированы четыре столбца: выписка из дел 1611-1614 гг.; переписка воевод Д.Т.Трубецкого и Д.И.Мезецкого с Я.-П.Делагарди и новгородцами; отпуск в Новгород А.Хирина и И.Филатьева²⁰⁰; выписка о

«Лопской земле»²⁰¹. За 7126-й год [1617/18 г.] утрачен один столбец: переписка с ротмистром С.Кобриным²⁰².

Среди шведских столбцов 1604-1606 гг. в Описи 1614 г. были помещены также следующие дела: «Столп 113-го году, о съезде на розмежеванье князя Василья Звенигородцкого да дьяка Игнатья Софонова»; «Список, посольство князя Ивана Туренина с товарищи»²⁰³. Поскольку указанные миссии имели место в 1595-1596 гг., когда был заключен Тявзинский мир, можно предположить, что данные дела были положены среди столбцов 1604-1606 гг. ошибочно. Однако, в той же описи материалы, относящиеся к миссиям В.Звенигородского и И.Туренина, описаны отдельно и помещены под 1595-1596 гг.²⁰⁴ Это позволяет отвергнуть вывод об ошибочном отнесении вышеназванных столбцов к 1604-1606 гг. Учитывая, что в Посольском приказе при подготовке новых миссий активно использовались материалы предыдущих посольств, можно предположить, что столбцы о миссиях Звенигородского и Туренина были скопированы в 1604-1605 гг. в связи с русско-шведскими переговорами о ратификации Тявзинского мира, которые велись в означенное время. В нашем распоряжении есть прямые указания на то, что подготовка русского посольства на съезд 1604 г. велась по образцам 1595-1596 гг.: «А окольникову Петру Никитичю Шереметеву велено было дать [запасов. — Д.Л.] против князя Ивана Туренина, а князю Григорью против Остафья Пушкина, а дьяком большому против большого, другому против другою, как оне посланы на съезд с свейскими немцы в Тесово при царе Борисе в 112-м году»²⁰⁵. Следовательно, в Описи 1614 г. среди дел 1604-1606 гг. были помещены сделанные в эти годы копии столбцов 1595-1596 гг.; данные утраченные копии должны быть отнесены к делопроизводству эпохи Смуты.

Таким образом, за период 1604-1618 гг. по связям Московского государства со Швецией отсутствуют не менее 26 единиц хранения: пять книг, один комплект тетрадей и 20 столбцов.

Фонд 109 — «Сношения России с Бухарой». В столбцах этого фонда имеется две единицы хранения, относящиеся к изучаемому нами периоду — 1614 и 1619 гг.²⁰⁶

Фонд 110 — «Сношения России с Грузией». В данном фонде помещены пять единиц хранения в виде столбцов, относящихся к 1604, 1607, 1616 и 1619 гг.²⁰⁷

Кроме того, в третьей описи фонда отмечена присяга карталинского царя Борису Годунову в 1605 г.²⁰⁸

Фонд 111 — «Донские дела». По изучаемому нами периоду в первой описи данного фонда сохранились четыре столбца 1613, 1618, 1619 гг.²⁰⁹ Один из столбцов (выписка о приездах в Москву

донских казаков 1618-1645 гг.)²¹⁰ относится к более позднему времени. В Описи 1626 г. упомянут также столбец об отправлении на Дон Н. Чаплина в 1617 г.²¹¹ (в настоящий момент данный столбец включен в состав турецкого дела № 1 за 1616 г.)²¹² Следовательно, за рассматриваемый период в 111-м и 89-м фондах сохранились четыре «донских» столбца.

Утрачены некоторые столбцы по связям Московского государства с Войском Донским. В Описи 1626 г. упомянут донской столбец 1613 г., содержащий грамоты на Дон об отправлении в Турцию российского посольства. Утрачен также столбец, в котором содержалось отправление на Дон толмачей Ф. Иванова, А. Ганюкова, И. Есипова и дворянина Е. Кисленского в 1616-1617 гг.²¹³ В сохранившемся до наших дней столбце 1614 г. содержится выписка из утраченного «донского» столбца 1606 г.²¹⁴ Всего, следовательно, утрачено три «донских» столбца, относящихся к рассматриваемому нами периоду.

Фонд 115 — «Кабардинские, черкесские и другие — дела». В столбцах за рассматриваемый период имеется 12 единиц хранения 1605, 1614-1617 гг.²¹⁵ Одно из дел озаглавлено неверно: в заглавии послами черкесского мурзы названы Ахмет и Ачелей, тогда как на самом деле послов звали Сунчалей и Тайшай²¹⁶.

Кроме того, во второй описи 115-го фонда отмечены три грамоты 1614-1615 гг.²¹⁷

Фонд 119 — «Калмыцкие дела». В фонде содержатся шесть единиц хранения (столбцы) 1616-1619 гг.²¹⁸ Вероятно, в начале XVII в. эти дела представляли собой один столбец: на оборотах листов имеются пометы: «Колматцкой 124 и 125 год»; «Колматцкой со 124 по 128 год»²¹⁹. К ним должно быть добавлено дело, ошибочно помещенное в фонд 126²²⁰.

Помимо этого, во второй описи зафиксирована жалованная грамота калмыцкому тайше 1618 г.²²¹, являющаяся поздней выпиской из столбца.

Фонд 121 — «Кумыцкие и тарковские дела». По изучаемому периоду сохранилось четыре единицы хранения в столбцах за 1614, 1618, 1619 гг.²²² Две из них относятся к более позднему времени (столбец, датированный 1619 г., относится к 1620 г.; роспись расходов — к 1622 году)²²³. Следовательно, в нашем распоряжении имеются три «кумыцких» столбца.

Помимо этого, во второй описи 121-го фонда зафиксированы три грамоты 1614-1615 гг.²²⁴

По связям Российского государства с Тарковским шамхальством в документах Посольского приказа можно найти упоминание об одном утраченном столбце 1617-1618 гг. В персидском деле было

записано о приеме у царя 4 января 1618 г. кумыцкого посла Исмаила: «А как он у государя был, что ему при государе дано жалованья, и как речь говорена на отпуске, и тому всему записка в особом в кумытцком столпике»²²⁵.

Фонд 123 — «Сношения России с Крымом». В столбцах данного фонда за рассматриваемый период, согласно описи, находятся 53 единицы хранения 1604-1606, 1607, 1613-1619 гг.²²⁶ Из них одно дело (отправление в Крым посланника А.Мелентьева, 1605 г.) числится выбывшим²²⁷, а выписка об обмене посольствами между Российским государством и Крымским ханством в 1617-1631 гг. относится к более позднему времени²²⁸. Кроме того, следует отметить, что в дело о приезде в Москву крымского посла Мустафы-мурзы в 1614 г. были ошибочно включены несколько листов, относящихся к приезду в Москву того же дипломата в 1618-1619 гг., поскольку в них идет речь о событиях февраля 1619 г.²²⁹ Четыре последних листа этого дела, следовательно, должны быть включены в состав соответствующего дела 1618 г. (между седьмым и восьмым листами)²³⁰. Всего сохранился 51 столбец, освещающий русско-крымские отношения в рассматриваемый временной отрезок.

Помимо столбцов, во второй описи 123-го фонда отмечены две шертные грамоты крымских ханов 1614-1615 гг.²³¹, представляющие собой поздние выписки из столбцов.

Значительные потери документов имеют место и в материалах по связям Московского государства с **Крымским ханством**. Не сохранились до наших дней упомянутые в Описи 1626 г. две книги. Первая из них содержала сведения о миссии посланников в Крым В.Пургасова и Д.Радцова в 1613 г. Во второй были объединены материалы об отправлении к крымскому хану А.Лодыженского и П.Данилова в 1613 г., Г.Волконского и П.Овдокимова в 1614 г., а также наказ Г.Ромодановскому, посланному в 1614 г. на посольскую размену²³². Сведения, содержащиеся в книге 1613-1614 гг., восполняются сохранившимися столбцами²³³; материалы посольства В.Пургасова и Д.Радцова утрачены полностью. Не сохранились также три тетради 7124-7125 гг. [1616-1617 гг.], в которых были записаны расходы приставов при крымских дипломатах Ю.Редрикова, Г.Кириевского, Ф.Оладына²³⁴.

Крупные документальные потери имеются и в столбцах по связям с Крымом. К 7112 г. [1603/04 г.] относилось три столбца: приезд посланника А.Хрущова; доводное дело на князя Ф.Борятинского; пребывание в Москве крымского посла Мустафы-мурзы. За 7113 г. [1604/05 г.] утрачен столбец об отпуске и приезде посланника А.Мелентьева. Потерян столбец 7114-го года [1605/06 г.] об отправлении в Крым посланников А.Воейкова и З.Языкова. За

7116-й год [1607/08 г.] в описях упомянуто пять утраченных столбцов: проезд крымских гонцов Сеит-Казыя и Ахмет-Калифы; проезд из Крыма служилого татарина Б.Сабанина и гонца Сеит-Казыя²³⁵; отправление в Крым посланников С.Звягина и Д.Витовтова; столбец о челобитье крымского гонца Хедыр-улана и отпуске С.Звягина и Д.Витовтова; наказ И.Язвцову, отправленному к крымским татарам, пришедшим на помощь к Василию Шуйскому²³⁶. 7118-м годом [1609/10 г.] было датировано четыре столбца: 2 столбца отпуска в Крым посланника А.Шеншина; столбец о приходе крымских татар на помощь против «воров» и «литовских людей»; отпуск и проезд гонца В.Пургасова. К 7121 г. [1613 г.] относился столбец об отпадении в Крым посланников В.Пургасова и Д.Радцова и возвращении их с крымским гонцом Аллаш-богатырем²³⁷. Упомянутый в описи под 7122-м годом [1613/14 г.] столбец об отпадении в Крым посланников А.Лодыженского и П.Данилова и возвращении П.Данилова с послом Алей-мурзой²³⁸ сохранился лишь частично (утрачены материалы о возвращении П.Данилова с Алей-мурзой)²³⁹. За 7123-й год [1614/15 г.] не сохранился упомянутый в описи столбец о приезде в Москву крымского гонца Ибрагим-паши-мурзы²⁴⁰. Таким образом, за период 1604-1615 гг. утрачено не менее 21-й единицы хранения по связям Московского государства с Крымом — 2 книги, 3 тетради и 16 столбцов. Кроме того, столбец 1613-1614 гг. сохранился не полностью.

Фонд 126 — «Мунгальские дела». В первой описи этого фонда перечислено 6 столбцов 1608, 1616-1619 гг.²⁴¹ Из них наибольший интерес представляет выписка о пребывании в Москве послов Баучина, Девлеша и Арлая. Данное дело помещено в 126-й фонд ошибочно, поскольку в нем описан прием не монгольских, а калмыцких послов. Первый лист этого дела относится к более позднему времени, поскольку на нем упомянут царь Михаил Федорович. Остальная часть дела неверно датирована декабрем 1608 г. (описанные в нем события относятся к декабрю 1607 — февралю 1608 гг.)²⁴² Следовательно, данное дело должно быть перенесено в фонд 119 — «Калмыцкие дела». Одно из дел 126-го фонда относится к 1620 г., а не к 1619 г., как указано в описи²⁴³.

Во второй описи 126-го фонда отмечены две единицы хранения 1617 г.²⁴⁴, одна из них (речь монгольского посла и ответ думного дьяка Петра Третьякова) является поздней копией²⁴⁵ и для анализа делопроизводства Посольского приказа не может быть привлечена.

Фонд 127 — «Сношения России с ногайскими татарами». В данном фонде в столбцах содержится 47 единиц хранения за 1604, 1608-1619 гг.²⁴⁶ К ним следует прибавить также роспись подарков, отправленных в Ногайскую Орду в 1601-1606 гг. (этот документ,

составленный в Посольском приказе около 1607 г., в описи помещен под 1601 г.)²⁴⁷ Согласно Описи 1614 г., материалы о переговорах царских воевод с ногайским князем Иштереком в Астрахани в 1604 г., разбитые ныне на три единицы хранения, представляли собой единый столбец. Необходимо констатировать, что при составлении 127-го архивного фонда было допущено наибольшее количество ошибок и неточностей. Так, выписка о пребывании в Москве ногайских послов Баймагмета и Янмагмета, датированная в описи 1608 г.²⁴⁸, была составлена позднее, вероятно, в начале царствования Михаила Федоровича. Об этом свидетельствуют встречающиеся в документе фразы «при царе Василье», «в прошлом во 116-м году приезжали к царю Василью...»²⁴⁹, что доказывает факт составления выписки после свержения Василия Шуйского. Статейный список П.Вражского, отправленного в Ногайскую Орду в 1610 г., в описи ошибочно датирован 1611 г.²⁵⁰ (эта же ошибка была повторена публикаторами при издании сборника «Акты времени междуцарствия») ²⁵¹. Первое дело за 1613 г. в описи ошибочно озаглавлено как отписки в Посольский приказ из Астрахани (Астрахань в 1613 г. находилась в руках И.М.Заруцкого, а в деле находятся отписки воеводы Уфы князя Б.Хилкова)²⁵². Неверно озаглавлено третье дело за 1613 г. Авторы описи указали в заглавии, что ногайский посол Алликула был отпущен из Казани вместе с сыном боярским Ф.Есиповым с грамотой об избрании Михаила Романова. Однако, согласно тексту дела, Алликула был отпущен из Казани в апреле 1612 г., а Ф.Есипов был отправлен с грамотой через год после этого, в апреле 1613 г.²⁵³ Не соответствует заглавию и содержание третьего дела 1615 г. — «Отправление в Ногаи Родиона Бузовлева». В данном деле сообщается о возвращении в Москву Р.Бузовлева и приезде посланника от ногайских мурз²⁵⁴. Дело об отправлении в Ногайскую Орду А.Нармацкого, датированное в описи 1615 г., относится к 1618 г.²⁵⁵ Напротив, дело об отправлении под Серпухов к ногайским мурзам М.Зубова и П.Вражского, датированное в описи 1617 г., содержит описание событий 1615 г.²⁵⁶ В дело об отправлении в Ногайскую Орду С.Караулова, С.Рагозина и М.Панова в мае 1618 г. с требованием послать людей на Казыев Улус ошибочно включен текст грамоты, отправленный к ногайскому князю Иштереку месяцем позже с П.Вражским с просьбой выслать помощь против поляков. Вследствие этого дело было озаглавлено неверно: согласно заглавию этого столбца в описи, С.Караулов, С.Рагозин и М.Панов должны были требовать помощи не против Казыева Улуса (как это было в действительности), а против поляков²⁵⁷. Столбец об отправлении в Ногайскую Орду П.Вражского в июне 1618 г. с тре-

бованием помощи против поляков включает в себя несколько листов более позднего времени (1619-1620 гг.), не имеющих отношения к данному делу²⁵⁸. В этот столбец должна быть включена грамота, посланная с П.Вражским, ошибочно включенная в дело об отправлении С.Караулова и др. В статейный список М.Панова (1618-1619 гг.) ошибочно включены материалы, относящиеся к 1616 г.²⁵⁹ В статейном списке С.Рагозина (1619-1620 гг.) также оказались более ранние документы, относящиеся к 1617-1618 гг.²⁶⁰ Таким образом, фонд 127-й – «Сношения России с ногайскими татарами» – за рассматриваемый период находится в наименее удовлетворительном состоянии и нуждается в переописании и переформировании. По исследуемому нами периоду в фонде сохранилось 46 столбцов.

Ряд материалов был утрачен и по связям Российской державы с **ногайскими улусами**. В Описи 1614 г. упомянут «столп нагайской 112-го и 113-го году [1604/05 г.]», содержание его в описи не раскрыто²⁶¹. На настоящий момент в 127-м фонде РГАДА содержатся три единицы хранения, связанные с переговорами в Астрахани между С.Годуновым и ногайским князем Иштереком, относящиеся к концу 1604 г.²⁶² Однако в Описи 1614 г. столбец об этих переговорах упомянут отдельно²⁶³. Следовательно, столбец 7112-7113 гг. не сохранился до наших дней. Утрачен столбец 7114-7115 гг. [1606/07 г.] об отпуске в Ногайскую Орду Ивана Кашкарова и приезде в Москву ногайского посла Ахмет-Азея. Не сохранился столп 7116-го года [1607/08 г.] о приезде ногайского посла Нурмагмета²⁶⁴. В описи упоминается также столбец 7116-7118 гг. [1608-1610 гг.] о приезде в Москву посла Баймагмета и отпуске посла Нурмагмета²⁶⁵ (данный столбец не сохранился, в нашем распоряжении имеется лишь краткая выписка из него, составленная, вероятно, в начале царствования Михаила Федоровича)²⁶⁶. Утрачен столбец 7114-7118 гг. [1606-1610 гг.] о пребывании в Москве посла из Казыева улуса Келмамет-мурзы. Отсутствует столбец 7117-го года [1608/09 г.] о Теникее-мурзе²⁶⁷. Упомянутый в Описи 1614 г. столбец 7122-го года [1613/14 г.] о приезде и отпуске ногайских послов Ен-сеите и Куй-беке²⁶⁸ сохранился лишь частично (в хранящемся в РГАДА столбце отсутствует их отпуск)²⁶⁹. Утрачены также две расходные тетради 7123-го года [1614/15 г.], в которых была записана раздача Д.Погожим царского жалованья нагайским и черкесским мурзам²⁷⁰. Таким образом, за 1604-1615 гг. утрачено семь единиц хранения по связям Московского государства с ногайскими татарами. Помимо этого, столбец 1613-1614 гг. сохранился не полностью.

Фонд 130 – «Сибирские дела». В данном фонде по рассматриваемому периоду имеются два дела, относящихся к 1618 и 1619 гг.²⁷¹

В Описи 1614 г. упоминается утраченное дело, которое следовало бы отнести к «Сибирским делам» — столбец 7113-го года [1604/05 г.] об отпуске людей сибирского царя Алея²⁷².

Фонд 131 — «Татарские дела». В фонде числятся 18 единиц хранения за 1613, 1614, 1616, 1617 и 1619 гг.²⁷³ Два дела (выписки 1614-1621 гг. и 1616-1643 гг.) относятся к более позднему времени²⁷⁴, следовательно, мы располагаем 16-ю столбцами, относящимися к нашему периоду.

Фонд 134 — «Сношения России с Хивой». В фонде имеются два столбца 1616 и 1617 гг.²⁷⁵

Во второй описи фонда упомянуты две единицы хранения 1616 и 1617 гг.²⁷⁶; обе являются поздними выписками из столбцов.

Фонд 150 — «Дела о выездах иностранцев в Россию». В фонде числятся 10 дел 1614-1619 гг.²⁷⁷ Из них одно дело (грамота на датском языке) не относится к делопроизводству Посольского приказа²⁷⁸.

Этим исчерпываются наши сведения об утраченных книгах и столбцах Посольского приказа начала XVII в. Соотношение сохранившихся и утраченных материалов делопроизводства Посольского приказа можно наглядно представить с помощью таблиц. В таблице № 3 приведены сведения о сохранившихся книгах и столбцах, составленных в российском внешнеполитическом ведомстве в 1604-1619 гг., ныне находящихся в «дипломатических» фондах — коллекциях РГАДА. При составлении таблицы были исключены материалы, ошибочно датированные в описях хронологическим интервалом 1604-1619 гг. В данную таблицу не включены также иностранные грамоты (97 единиц хранения), поскольку в строгом понимании они не относятся к материалам делопроизводства Посольского приказа.

Таблица № 3

Материалы делопроизводства Посольского приказа 1604-1619 гг., сохранившиеся в «дипломатических» фондах РГАДА

№ фонда	книги	столбцы
32	—	8
35	2 ²⁷⁹	33
44	—	1
50	—	14
52	—	6
53	1	7
61	—	4
77	—	14
79	8	38
89	—	12

№ фонда	книги	столбцы
93	1	2
96	7	36
109	—	2
110	—	5
111	—	4
115	—	12
119	—	2
121	—	2
123	—	51
126	—	4
127	—	46
130	—	2
131	—	16
134	—	2
150	—	9
Итого:	19	332

Таким образом, в 25-ти «дипломатических» фондах РГАДА до настоящего времени сохранилась 351 единица хранения (19 книг и 332 столбца), характеризующие делопроизводственную работу служащих Посольского приказа. Подавляющее большинство книг посвящены дипломатическим контактам Российского государства с Речью Посполитой и со Швецией (8 и 7 книг), т.е. со странами, представлявшими в начале XVII столетия наибольшую угрозу для Российского государства. Речь Посполитая и Швеция являются также единственными странами, книги по связям с которыми охватывают как период до 1613 г., так и после него. Наибольшее число столбцов сохранилось по связям Москвы с Крымским ханством (51), Ногайской Ордой (46), Речью Посполитой (38), Швецией (35) и Англией (33). Количество сохранившихся столбцов по связям Российского государства с любой другой державой не превышает двух десятков. Страны, дипломатическим контактам с которыми посвящено максимальное количество столбцов, являлись либо противниками Московского государства, либо его потенциальными союзниками. Этим и объясняется активность Посольского приказа в отношении с вышеназванными державами.

В таблице № 4 приведена информация об утраченных столбцах и книгах, составленных в Посольском приказе в 1604-1619 гг. В одной колонке таблицы объединены материалы, упоминаемые в источниках как книги и тетради, поскольку тетради обычно являлись заготовками для будущих книг и по своей форме были более близки к книгам, чем к столбцам. Здесь и в последующих таблицах утраченные мате-

риалы условно отнесены к тем современным фондам РГАДА, в которых они должны были бы находиться в случае их сохранности.

Таблица № 4

**Утраченные книги, тетради и столбцы, составленные
в Посольском приказе в 1604-1619 гг.**

№ фонда	Книги / тетради	Столбцы
32	— / 2	6
35	—	7
44,61	—	1
50	1 / —	1
52	1 / —	1
53	—	1
77	1 / 1	9
79	1 / 1	31
89	— / 1	3
93	—	3
96	5 / 1	20
111	—	3
121	—	1
123	2 / 3	16
127	— / 1	6
130	—	1
Итого:	11 / 10	110

Утраты книг, тетрадей и столбцов отмечены, таким образом, по связям со странами, материалы о контактах с которыми ныне составляют 16 фондов РГАДА. Всего была утеряна 131 единица хранения (11 книг, 10 комплектов тетрадей, 110 столбцов). Наибольшее количество документальных потерь имеет место среди книг, тетрадей и столбцов по связям Российской державы с Речью Посполитой (33 единицы хранения), Швецией (26), Крымским ханством (21) и Персией (11). Кроме того, можно с высокой степенью достоверности предположить, что в начале XVII в. существовала дипломатическая документация, не сохранившаяся до настоящего момента и не упомянутая в других документах. Учитывая, что при отправлении за рубеж дипломатических миссий в Посольском приказе всегда составлялись соответствующие документы, можно предположить, что в начале XVII в. существовали столбцы посольства А.И.Власьева в Польшу в 1605 г., а также миссий Г.Англера в Империю (1604 г.) и С.Отрепьева в Швецию (1609 г.) Однако прямых указаний на существование этих документов нет; неизвестно также, сколько единиц хранения они составляли и в какой форме существовали. По этой причине указанные дела нами не учитываются, тем более, что количество миссий, документация которых была утрачена к моменту составления Описи 1614 г., было невелико.

Большинство утраченных документов относилось к периоду 1604-1612 гг.; среди документов, составленных после избрания царем Михаила Романова потерь, учитывая возросший объем документации, значительно меньше. Крупные потери документов были связаны с «Московским разорением», т.е. временем пребывания в Кремле польского гарнизона. В первые годы правления Михаила Романова приказные служащие нередко ссылались при невозможности навести справки по тому или иному вопросу на то, что соответствующие документы после «московского разоренья» не удалось отыскать²⁸⁰. Некоторые документы были вывезены из Москвы поляками. Так, после польской оккупации в Посольском приказе не смогли найти подлинников Выборгского договора Московского государства и Швеции, направленного против Речи Посполитой²⁸¹. Наибольшие же утраты связаны с пожаром 1626 г.: многие документы, пережившие Смуту и упомянутые в Описи 1614 г., уже отсутствовали согласно Описи 1626 г. Соотношение потерь документов, относящихся к разным хронологическим периодам, целесообразно показать с помощью таблицы.

Таблица № 5

**Соотношение утраченных документов 1604-1619 гг.
по хронологическим периодам**

№ фонда	Документы 1604-1612 гг.	Документы 1613-1619 гг.
32	2	6
35	1	6
44,61	—	1
50	—	2
52	1	1
53	—	1
77	7	4
79	19	14
89	—	4
93	—	3
96	16	10
111	1	2
121	—	1
123	14	7
127	6	1
130	—	1
Итого:	67	64

Следовательно, по неполным данным (вполне вероятно, что некоторые документы погибли, не будучи зафиксированы в описях), за 16 лет (1604-1619 гг.) в Посольском приказе были составлены 30 книг, 10 комплектов тетрадей и 442 столбца — всего 482 единицы хранения. Это свидетельствует о том, что в годы Смуты делопроиз-

водственная деятельность российского дипломатического ведомства была достаточно активной (напомним, что нами анализировались лишь материалы, относящиеся к осуществлению контактов с зарубежными державами и административной деятельности приказа; помимо этого, в приказе в рассматриваемый период было немало документов внутреннего пользования — записных тетрадей, расходных и переписных книг и т.д.) Утраченные документы (131 единица хранения) составляют приблизительно 25% от первоначального корпуса столбцов и книг 1604-1619 гг.

Сводные данные по реконструкции первоначального количества документов, составленных в Посольском приказе в начале XVII в. также можно представить в виде таблицы.

Таблица № 6

**Сохранившиеся и утраченные документы, составленные
в Посольском приказе в 1604-1619 гг.**

№ фонда	Сохранившиеся материалы	Утраченные материалы	Всего
32	8	8	16
35	35	7	42
44,61	5	1	6
50	14	2	16
52	6	2	8
53	8	1	9
77	14	11	25
79	46	33	79
89	12	4	16
93	3	3	6
96	43	26	69
109	2	—	2
110	5	—	5
111	4	3	7
115	12	—	12
119	2	—	7
121	2	1	4
123	51	21	72
126	4	—	5
127	46	7	53
130	2	1	3
131	16	—	16
134	2	—	2
150	9	—	9
Итого:	351	131	482

Наибольшее количество документов, составленных в Посольском приказе в 1604-1619 гг., относятся к дипломатическим контактам Российского государства с Речью Посполитой (79 единиц хра-

нения), Крымским ханством (72), Швецией (69) и Ногайской Ордой (53). Суммарное число документов по связям с этими державами составляет около 60% от общего количества. Обращает на себя внимание примерный паритет документов по связям Московского государства с Польшей, «шведскими» и «крымскими» столбцами и книгами. В целом в хранилищах РГАДА материалы по связям с Речью Посполитой преобладают над документами по связям со Швецией и Крымом – в частности, сохранилось 256 «польских» книг, 129 «шведских» и 82 «крымских»²⁸². Причиной увеличения в эпоху Смуты документов по связям со Швецией является то, что Московское государство с 1609 по 1618 гг. находилось в состоянии войны с Речью Посполитой, в то время как обострение отношений со Швецией приходится лишь на 1611-1615 гг.; с 1615 г. между Москвой и Стокгольмом активно велись переговоры. Значительное число крымских и ногайских дел связано с тем, что Российское государство стремилось использовать крымчаков и ногайцев в борьбе против своих основных противников (прежде всего – против Польши) и поэтому весьма активно обменивалось дипломатическими миссиями с этими контрагентами.

Показательна также картина, отражающая первоначальное состояние корпуса книг Посольского приказа. Книги представляли собой высшую и окончательную форму обработки документации российского дипломатического ведомства. По этой причине количество книг, изготовленных в Посольском приказе за определенный временной отрезок может быть показателем интенсивности работы этого ведомства. За предшествующий эпохе Смуты шестнадцатилетний период (1588-1603 гг.) в приказе была составлена 21 книга по связям Российского государства с девятью державами: Речью Посполитой (5), Крымским ханством (3), империей Габсбургов (3), Англией (2), Швецией (2), Турцией (2), Грецией (2), Персией (1), Грузией (1)²⁸³. За рассматриваемый нами шестнадцатилетний период (1604-1619 гг.) в Посольском приказе было создано 30 книг (11 из них утрачены) по связям с девятью странами: Швецией (12), Речью Посполитой (9), Англией (2), Крымским ханством (2), Голландией (1), Данией (1), Персией (1), Грецией (1), Францией (1). За шестнадцать лет, следующих за изучаемым нами периодом (1620-1635 гг.), в Посольском приказе было составлено 28 книг по связям Московского государства с девятью странами: Речью Посполитой (15), Швецией (2), Крымским ханством (2), Данией (2), Турцией (2), Персией (2), Англией (1), Голландией (1), Францией (1)²⁸⁴. Соотношение количества книг, составленных в Посольском приказе в эпоху Смуты, с количеством книг, изготовленных в равнозначные временные отрезки, представлено в виде таблицы 7.

**Соотношение количества книг, изготовленных
в Посольском приказе по хронологическим периодам (1588-1635 гг.)**

Страна	1588-1603 гг.	1604-1619 гг.	1620-1635 гг.
Империя Габсбургов	3	—	—
Англия	2	2	1
Голландия	—	1	1
Греция	2	1	—
Дания	—	1	2
Персия	1	1	2
Речь Посполитая	5	9	15
Османская империя	2	—	2
Франция	—	1	1
Швеция	2	12	2
Грузия	1	—	—
Крымское ханство	3	2	2
Итого:	21 ²⁸⁵	30	28

Как видно, в рассматриваемый нами временной отрезок степень интенсивности делопроизводства Посольского приказа, выражавшаяся в количестве изготовленных книг, увеличилась по сравнению с предшествующим периодом. При этом следует помнить, что в данном случае нами не учтены упоминаемые в описях тетради, которые позднее могли быть переплетены в книги. Прежним осталось количество стран, по связям с которыми составлялись книги. Тем не менее, нельзя не отметить определенных изменений. Если до и после Смуты наибольшее количество книг отражало связи Московского государства с Речью Посполитой, что представляется вполне оправданным в силу наличия тесных политических, экономических и культурных контактов между этими странами и их географической близости, то в 1604-1619 гг. на первом месте по количеству находятся книги «шведские». Количество «польских» книг также остается значительным: если до Смуты книги по связям Российской державы с Польшей составляли менее четверти от общего числа книг (5 из 21), то в начале XVII столетия «польские» книги составляют уже около 30% от общего количества, а в 1620-1635 гг. — более 50%. Столь значительный рост доли «польских» книг объясняется тем, что Речь Посполитая на протяжении всей Смуты была основным противником Московского государства; противоречия между двумя странами занимали основное место в политике российского правительства и после заключения Деулинского перемирия.

В годы Смуты значительно возросло число изготовленных в приказе «шведских» книг: за предшествующий Смутному времени период было составлено 2 книги, в 1604-1619 гг. — 12. Резкое увеличение числа «шведских книг объясняется тем, что Швеция в начале Смуты рассматривалась в Москве как потенциальный союзник против Польши, затем (в 1615-1618 гг.) со Швецией активно велись переговоры в том же русле. После выхода из кризиса количество шведских книг возвращается к прежним показателям — 2 книги за 16 лет.

Несколько сократилось число «крымских» книг: в конце XVI в. их было 3, в годы Смуты и в период, следовавший за ней, — по 2 книги. По-видимому, сокращение количества книг по контактам с Крымским ханством связано с вынужденной условиями Смутного времени переориентацией основного направления внешней политики Москвы с южного на западное. Вероятно, этим же объясняется и прекращение на значительный срок составления турецких и грузинских книг.

События Смуты стали причиной прекращения оживленных контактов с империей Габсбургов: в конце XVI в. Московское государство, стремясь расширить свое влияние на южном направлении, вело активные переговоры с Империей о совместной борьбе с Турцией, отражением чего стало составление трех книг по связям со Священной Римской империей. В годы Смуты, когда внешнеполитические приоритеты московского правительства изменились, а имперская дипломатия заняла пропольскую позицию, контакты с Империей практически прекратились.

Необходимо подчеркнуть, что именно в период Смутного времени в Посольском приказе были составлены первые книги по связям Московского государства с Голландией и Францией, что объективно отражает расширение внешнеполитических связей Московского государства во втором десятилетии XVII в. Наконец, следует отметить, что анализ общего корпуса книг, составленных в Посольском приказе, позволяет сделать вывод о значительной переориентации российской дипломатии на западное направление в начале XVII в. В конце XVI столетия книги по связям Московского государства со странами Востока (Персия, Крымское ханство, Османская империя и Грузия) составляли треть от общего числа книг; в Смутное время книги по связям с этими странами составляют 10%; в течение 1620-1635 гг. ситуация лишь начинает возвращаться к прежним показателям: книги по контактам со странами Востока составляют 21% от общего числа.

Интенсивность работы Посольского приказа на протяжении рассматриваемого периода не была постоянной. В разгар Смутного

времени, когда дипломатические связи Московского государства с соседними державами затруднялись борьбой центрального правительства с самозванцами, а затем с интервенцией Речи Посполитой и Швеции (1604-1612 гг.), работа приказа не могла быть столь плодотворной, как в предыдущие и последующие годы. После 1613 г. ситуация постепенно стабилизируется, восстанавливаются нарушенные контакты с соседями. Как следствие, возрастает интенсивность работы Посольского приказа: по выявленным нами данным, за 1613-1619 гг. в дипломатическом ведомстве было оформлено втрое больше столбцов и книг, чем за 1604-1612 гг. Интересно также, что соотношение количества книг, составленных в Посольском приказе в рассматриваемые периоды, является близким. Из 30 книг шесть относятся к периоду 1604-1612 гг., а 24 — к 1613-1619 гг. (См. таблицу № 9). Отчасти это объясняется также тем, что в 1611-1612 гг. Москва находилась в осаде, и центральное дипломатическое ведомство не могло поддерживать активных контактов с соседними державами, а ополчения еще только начинали создавать свои административные структуры. Следует учесть и то, что в годы Смуты Посольский приказ утратил часть своих опытных кадров. Кроме того, часть дипломатических документов, созданных в Москве в 1604-1612 гг., могла быть уничтожена во время «литовского разоренья», не оставив следа в позднейших описях. Показательно, что в 1610-1612 гг. в Посольском приказе не было создано ни одной книги. Нужно также отметить, что соотношение между книгами и столбцами, составленными в Посольском приказе остается практически одинаковым в оба периода: на одну книгу приходится 15-17 столбцов. Это позволяет сделать вывод о том, что выявленные нами данные, не являясь окончательными, тем не менее в целом отражают общую картину первоначального состояния делопроизводственных материалов Посольского приказа начала XVII столетия. Соотношение сохранившихся и утраченных документов, созданных в Посольском приказе в 1604-1612 гг. и 1613-1619 гг. приводится в таблицах № 8 и 9.

Данные таблицы № 8 позволяют сделать вывод о том, что наиболее активные дипломатические контакты как до избрания на царство Михаила Романова, так и после этого события, Московское государство поддерживало с Речью Посполитой, Швецией, Крымским ханством и Ногайской Ордой. Столбцы и книги, освещающие контакты Москвы с этими государствами преобладают среди документов обоих периодов. Тем не менее, нельзя не заметить существенной разницы. До 1613 г. документы по связям с четырьмя вышеперечисленными странами составляли приблизительно 3/4 всего корпуса материалов делопроизводства Посольского

приказа (91 единица хранения из 121). Составленные в 1604-1612 гг. в Посольском приказе книги и столбцы отражали связи Московского государства с 13-ю державами. Начиная с 1613 г. картина меняется: столбцы и книги по связям Российского государства с Речью Посполитой, Швецией, Крымским ханством и Ногайской Ордой составляют немногим более половины всей дипломатической документации, составленной во внешнеполитическом ведомстве в 1613-1619 гг. (180 единиц хранения из 357). В эти годы Российское государство поддерживает контакты с 24-мя странами — горизонты российской дипломатии расширяются вдвое.

Таблица № 8

Распределение столбцов, тетрадей и книг Посольского приказа по хронологическим периодам (1604-1619 гг.)

№ фонда	Документы 1604-1612 гг.	Документы 1613-1619 гг.
32	3	13
35	8	34
44,61	—	6
50	—	16
52	3	5
53	—	9
77	8	17
79	33	46
89	—	16
93	—	6
96	19	50
109	—	2
110	3	2
111	1	6
115	2	10
119	1	1
121	—	3
123	20	52
126	—	4
127	18	35
130	1	2
131	—	16
134	—	2
150	—	9
Итого:	120	362

**Соотношение количества книг, составленных в Посольском приказе,
по хронологическим периодам (1604-1619 гг.)**

№ фонда	Книги 1604-1608 гг. ²⁸⁶	Книги 1613-1619 гг.
35	—	2
50	—	1
52	1	—
53	—	1
77	—	1
79	3	6
93	—	1
96	2	10
123	—	2
Итого:	6	24

Раздел 2.

Содержание и составные части столбцов Посольского приказа начала XVII в.

В данном разделе будут анализироваться структура и содержание основной формы делопроизводства Посольского приказа — столбцов, а также влияние на них обстоятельств Смутного времени. За рассматриваемый нами период, как указывалось выше, в российском дипломатическом ведомстве было составлено не менее 442-х столбцов, 10 комплектов тетрадей и 30 книг. Представляется, что, в первую очередь, следует рассмотреть состав и содержание столбцов Посольского приказа, являющихся на данный момент самыми массовыми источниками по истории российской внешней политики. Приоритетное рассмотрение столбцов объясняется также тем, что они являлись основным источником при составлении в Посольском приказе книг. Вследствие этого структура книг практически повторяла структуру столбцов.

Столбцы, изготовленные в Посольском приказе, первоначально представляли собою различное количество подклеенных последовательно друг к другу листов (в настоящее время хранятся в расклеенном виде). Для удобства хранения и использования они сворачивались в свиток — «столбец» (отсюда и название этого вида источников). Столбцы Посольского приказа классифицируются прежде всего по странам, контакты с которыми они отражают («столп» ли-

товский, иверский, «свейской» и т.д.) Кроме того, столбцы условно делятся на две группы: «приезды» и «отпуски» (часто в составе одного столбца содержатся и «приезд», и «отпуск»). Материалы, именующиеся «приездами», содержат в себе информацию о прибытии в страну иностранных дипломатов и о переговорах с ними. К этой группе столбцов относятся также документы о возвращении из зарубежных миссий российских послов, а также их отчеты («статейные списки»).

В рамках столбца объединялись материалы, касавшиеся одной или нескольких взаимосвязанных дипломатических миссий, как правило в пределах одного – двух лет. В соответствии с этими принципами деления столбцы и получали в Посольском приказе определенное заглавие, которое обычно записывалось на обороте одного или нескольких листов столбца: «Столп со 111-го по 115-й год грузинской»²⁸⁷; «Нагайской 122 отпуск и приезд Ивана Кондырева»²⁸⁸; «Кизылбашской отпуск Михаила Тиханова 122-го»²⁸⁹; «Францовский отпуск Ивана Кондырева»²⁹⁰; «Свейской с марта 126-го году», «Свейской с сентября 126-го году»²⁹¹; «Аглинской новой. Приезд посла князя Ивана Мерики да отпуск в Свею королевского дворянина Томоса»²⁹² и т.д. В некоторых случаях столбец получал более краткое и менее определенное заглавие: «Цесарев 112 году»²⁹³; «Крымской 112 и 113 год», «Крымской 115 и 116 год»²⁹⁴; «Отпуск Степана Ушакова»²⁹⁵; «121-го нагайской и о юртовских татарех», «Нагайской 122-го»²⁹⁶. Иногда заглавие столбца дает информацию о его состоянии и степени сохранности: «Столп нагайской Ивана Кондырева 122 году без начала»²⁹⁷; «Свейской столп 4 124-го году, в нем ни начала, ни конца»²⁹⁸. Подобным же образом озаглавлены многие столбцы в описях архива Посольского приказа 1614 и 1626 гг. Следовательно, столбцы, составлявшиеся в Посольском приказе в изучаемый хронологический отрезок оформлялись, классифицировались и делились на «приезды» и «отпуски», по странам, с которыми осуществлялись контакты, а также по времени составления.

Столбец в Посольском приказе начинали составлять сразу после получения информации о прибытии к границе иностранного или возвращавшегося российского дипломата («приезд»), либо после принятия решения об отпуске из Москвы зарубежного посланника или об отправлении за границу русского посла («отпуск»). При этом столбец составлялся по-разному, в зависимости от ситуации. Рассмотрим основные варианты формирования столбцов в Посольском приказе 1604–1619 гг.

Столбцы о приездах в Российское государство иностранных послов и гонцов, как правило, начинаются с отписки воевод погра-

ничного города, куда прибыл зарубежный дипломат. В отписках сообщалось о том, из какой страны и когда прибыл посланник, в каком дипломатическом ранге он прислан (гонец, посланник, посол), его имя, количество сопровождающих его лиц, иногда в общих чертах излагались цели миссии. Кроме того, в отписке сообщалось о мерах, принятых воеводами по обеспечению посольства всем необходимым: определении дворов для проживания, назначении корма, охраны и пристава для контроля и обслуживания иностранцев. Как правило, отписки о приездах европейских послов (за исключением польских и шведских) присылались из Ивангорода или Архангельска, а после захвата Ивангорода шведами – только из Архангельска. Польские дипломаты приезжали в Московское государство, обыкновенно, через Смоленск (после его захвата – через Вязму, Дорогобуж и Можайск). Шведские послы и гонцы прибывали в пограничные города (Корелу, Орешек). Отписки о персидских и кавказских посланниках приходили в Москву из Терского городка и Астрахани. Крымские, турецкие и греческие посольства приходили обычно в Северские города (Ливны, Царев-Борисов, Чернигов). В дальнейшем, по мере продвижения посольств к Москве, отписки в Посольский приказ поступали от воевод других городов, находившихся на маршруте следования дипломатических миссий.

Оформлялись воеводские отписки следующим образом: на обороте первого листа отписки вдоль «загибки» записывался адресат: «Царю, государю и великому князю (имя и отчество) всеа Руси». По краю листа помещалась надпись: «В Посольской приказ» или «В Посольской»²⁹⁹. В Посольском приказе на обороте первого листа вдоль «загибки» делалась пометка, которая сообщала, когда и кем отписка была доставлена в Посольский приказ. Оформление отписок воевод в Москву было четко установлено и практически не менялось на протяжении всего рассматриваемого нами периода. Исключение составляют лишь документы эпохи «междоцарствия» и первых месяцев царствования Михаила Романова. Так, отписка архангельских воевод от 24 июля 1612 г. была направлена «Господам князю Дмитрею Михайловичю с товарищи»³⁰⁰, а отписка тобольских воевод от 1 ноября 1612 г. адресована «Московского государства бояром»³⁰¹. Однако традиционный формуляр был настолько устоявшимся, что даже в условиях «междоцарствия» можно обнаружить следы его влияния на составление отписок. Например, в отписке рязанских воевод, отправленной 26 июля 1611 г. на имя возглавлявших Первое ополчение Д.Т.Трубецкого и И.М.Заруцкого, содержится любопытная описка: «Июля, государь, в 26 день...»³⁰².

Следует отметить также, что в условиях внутреннего кризиса и дезорганизации центральной власти в 1611-1613 гг., отписки по

дипломатическим вопросам нередко посылались не в Посольский приказ, а в другие ведомства. Вышеупомянутая тобольская отписка была доставлена в Посольский приказ 18 августа 1613 г. думным дьяком приказа Казанского Дворца А.Шапиловым³⁰³; отписка из Рязани о содержавшихся там ногайских послых была принесена в Посольский приказ 23 марта 1613 г. из Разрядного приказа³⁰⁴. В январе 1614 г. воеводы города Шацка получили выговор за то, что послали отписку о дипломатических делах в Разрядный приказ: «Да вы ж к нам пишете о посольских делех, а отписки отдавать велите в Розряде. И так делают молодые люди, которым наши дела не в обычай, а вам ведати то мочно, что приказы наши все устроены по-прежнему, и о посольских делех пишут в Посольской приказ, а в Розряд пишут о ратных делех»³⁰⁵. Позднее ситуация стабилизировалась, и отписки воевод по внешнеполитическим вопросам, оформляемые по старым образцам, доставлялись исключительно в Посольский приказ.

Из пограничных городов в Посольский приказ присылались также копии грамот (называвшиеся в начале XVII в. «противнями» или «сняжками») ³⁰⁶, присланных из-за границы. Подлинники пересылались в приказ не всегда: в качестве примера можно привести следующий случай. В конце 1606 г. в Ивангород были присланы грамоты из Любека. Ввиду того, что в Ивангороде не было немецкого переводчика, грамоты были отправлены для перевода в Псков. Псковские воеводы отправили один экземпляр переводов в Ивангород, а другой — непосредственно в Москву; ивангородские воеводы также переслали полученные из Пскова переводы в Посольский приказ. Подлинные же немецкие грамоты «до государева указа» остались во Пскове³⁰⁷. В конце 1612 г. тобольские воеводы отправили в Москву ногайскую грамоту, написав при этом, что она отправлена в столицу, «потому что в Тоболску переводчики худы, достоверно перевести не умеют»³⁰⁸. Это указывает на то, что пересылка подлинных зарубежных грамот из пограничных городов не была частым явлением. Иногда текст зарубежных грамот подвергался воеводами правке еще до отправления документации в Посольский приказ. Так, в январе 1618 г. в Можайск из занятой поляками Вязьмы прислали грамоту, в которой содержались оскорбления в адрес царя Михаила. Можайский воевода послал копию грамоты в столицу, предварительно «непригожее воровское описыванье вычерня»³⁰⁹.

Нередко отписки об иностранных дипломатах, посылаемые из городов в Москву, прочитывались воеводами других городов, расположенных на пути следования посольства. Эта практика являлась довольно распространенной и была необходима для быстрого ин-

формирования местной администрации о возникающих проблемах. В том случае, если отписка содержала информацию, не подлежащую широкому разглашению, на ее обороте делали соответствующую пометку. Например, летом 1604 г. новгородские воеводы отчитывались: «Писали к тебе, ко государю, из Ыванагорода воеводы... в Посольской приказ четыре отписки, а на четвертой написано, что ее в Новегороде не честь»³¹⁰. В сентябре того же 1604 г. владимирские воеводы приказали распечатать и переписать пришедшую из Астрахани отписку, «а на подписи, государь, написано, что твои, государевы, тайные дела». За это воеводы получили весьма грубую отповедь из Посольского приказа: «И вы воры, ...страники и глубцы, делаете не гораздо. Как вы, деревенские мужики, смеете без нашего указа такие наши тайные великие дела розпечатывати и переписывати? Велели есте те наши тайные дела невесть кому — мужику, странику же, не земскому дьячку! А вам, глубцом, и самим таких наших тайных великих дел ведать не годитца»³¹¹.

Надо отметить, что не всегда в столбец подклеивался подлинник отписки. В отдельных случаях с отписки в Посольском приказе снимали копию (список), а подлинник отправляли в другое ведомство. Так, в одном из столбцов после текста отписки была сделана помета: «Подлинная отослана в Казанской Дворец»³¹². Подлинная отписка могла также быть включена в один столбец, а ее копия — в другой. В некоторых столбцах перед текстом отписки помещались записи вроде: «Подлинная такова отписка с пометою послана в Стрелецкой приказ с подьячим с Орефою Башмаковым»³¹³; «126-го декабря в 17 день прислан от послов от князя Федора Борятинского с товарищи..., а отписка об нем вклеена для иных дел в свейской столп»³¹⁴. Однако, даже при включении в столбец копий отписок, иногда переписывалось не только их внутреннее содержание, но копировались и внешние стороны их оформления. В крымском столбце 1619 г. было указано, что в него включены копии отписок, «а подлинные отписки посланы к государю». Тем не менее, на оборотах первых листов отписок, в том месте, где у подлинных экземпляров должна быть «загибка», был переписан адресат — «Царю, государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии»³¹⁵. В одном из столбцов 1613 г. оказались подклеены и подлинник, и копия отписки. Связано это было с тем, что на момент прибытия отписки царь находился в отъезде, и подлинник был отправлен к нему; в Посольском приказе в столбец вклеили копию отписки. Позднее, после возвращения Михаила Федоровича в Москву, подлинная отписка была взята из походной канцелярии и также вклеена в столбец, о чем свидетельствует помета: «Сентября в 30 день привезена ис походу»³¹⁶.

На отписки воевод в Посольском приказе составлялись ответные грамоты, написанные от лица царя. Грамоты стандартно начинались с царского титула, имени и адресата: «От царя, государя и великого князя (имя и отчество) всеа Русии воеводам нашим (имена и фамилии)». Далее излагалось содержание полученной в Москве отписки и отдавались распоряжения по различным вопросам. Завершалась царская грамота датой: «Писан на Москве (день, месяц, год)». Чистовой вариант грамоты отправлялся по адресу, а черновик оставался в Посольском приказе и подклеивался к столбцу, причем на нем нередко ставили помету — с кем и когда была послана грамота. В грамотах, исходивших из Посольского приказа, содержались самые различные указания. Прежде всего, воеводам поручали навести во вверенных им городах надлежащий порядок. Так, в связи с приездом в Москву летом 1604 г. имперского посла А. Логау, новгородским воеводам было велено, чтоб в городе было «людно и устроино по посольскому обычею: стрельцы и посадские люди были в чистом платье», а в Торжке распорядились выстлать грязные дворы соломой и хворостом, а также поправить мосты³¹⁷. В 1607 г., когда в Москву ехали польские послы, дорогобужскому воеводе приказали, чтобы у него «по улицам и за посадом, куды ехати посланником, было людно и устроино, чтоб посадские и всякие люди, которые в Дорогобуже есть, гуляли в чистом платье по прежнему обычаю, как преж сего при послех и при посланниках бывало»³¹⁸.

В грамотах нередко приводились «кормовые росписи», по которым следовало выдавать провиант для иностранцев в городах и в пути. Норма выдачи корма определялась рангом иностранного дипломата. Ивангородские воеводы в отписке в Москву сообщали: «А будет, государь, цысаревы послы придут в Ивангород небольшие и не ближние цысаревы люди, и мы, холопы твои, учнем давати им корм менши твоей, государевы, указные розписи, примерясь к розписи, смотря по людем»³¹⁹. В грамотах нередко особо отмечалось: «Да и взпрос сверх росписи чего, корму или питья попросит, велено ему давати, чтоб ему ни в чем нужи не было»³²⁰. Часто в грамотах содержалось требование информировать руководство Посольского приказа о выполнении распоряжений: «...а отписку б велели отдати в Посольском приказе дьяком (имена)».

Грамоты, направляемые из Посольского приказа по городам, как правило, содержали в себе устойчивые формулы и освещали ограниченный круг вопросов, касавшихся обеспечения иностранных миссий продовольствием, жильем, подводами и охраной на пути следования к Москве. Гораздо более информативны указы, составлявшиеся в Посольском приказе для приставов при иностранных дипломатах. Такие указы (черновой вариант) также вклю-

чались в состав столбцов — «приездов». В наказе приставу указывалось, что он должен сопровождать посла до Москвы; на него же возлагалась обязанность снабжать его продовольствием в пути. Традиционным было требование следить, чтобы никто из русских людей или иностранцев не приходил к посланникам и ни о чем с ними не разговаривал.

В годы Смуты в наказах приставам появились новые указания, отражавшие условия внутривосточного кризиса Московского государства. Так, в 1604 г. приставу при имперском гонце было приказано особо следить, чтобы по дороге не было нищих и больных³²¹ (каковых было немало вследствие голода). В дальнейшем, с углублением Смуты, в наказах приставам обязательно содержалось требование, чтобы они с послами «в дороге ставились в жилых и в крепких местех, и в ночи б сторожи и караулы были крепкие, чтоб в дороге и на станех воровские люди, ночью искрадом пришед, над послы какова дурна не учинили»³²². В зависимости от обстоятельств, приставам предписывалось доставить посланника в Москву либо быстро, либо, напротив, рекомендовалось под разными предлогами задерживать его в пути. Пристав должен был «выспрашивать» у сопровождаемого им дипломата и его людей о внутренней ситуации в их стране, взаимоотношениях с другими державами. Предусматривалось, что иностранцы, в свою очередь, станут расспрашивать пристава о состоянии дел в стране и контактах царя с другими государями. В этом случае пристав должен был всячески преуменьшать масштабы охватившего Российское государство кризиса. Так, пристав при польских посланниках в 1607 г. должен был информировать их о полном прекращении Смуты: «И государь... на тех воров посылал людей своих, и тех воров побили, а иных живых поймали и к царскому величеству привели. А которые города по воровской смуте посмутились были, и те города государю добились челом, а достальные города у его царского величества в своих винах милости просят»³²³. О связях с соседними странами пристав также должен был говорить в зависимости от того, какие отношения поддерживались между державами. Например, имперским послам заявляли об отсутствии «ссылки» с Турцией, а крымским дипломатам, напротив, сообщали о братской любви российского царя и турецкого султана. В целом же, пристав не должен был вдаваться в подробности дипломатических связей Московского государства, отговариваясь словами вроде: «Яз человек служилой, живу в государеве жалованье в поместье и в вотчинах, и тех дел не ведаю, а ведают то царского величества думные люди»³²⁴.

Особую часть наказа приставу составляла роспись церемониала встречи посланника под Москвой. При этом в Посольском приказе

делалась выписка из прежних дел. Так, перед встречей под Москвой датского посланника Ивервинта в октябре 1614 г., в приказе была сделана выписка (включенная в столбец) о встречах под Москвой датских послов и гонцов в 1600-1603 гг.³²⁵ Этот порядок особенно важен для нас, поскольку подобные выписки нередко делались из несохранившихся до настоящего момента дел. Таким образом, наказы приставам, включавшиеся в состав столбцов, содержат богатый материал, позволяющий делать выводы о том месте, какое отводилось в Посольском приказе отношениям с той или иной державой. При этом наказ часто копировался с предыдущих наказов приставам. Так, при въезде в Москву имперского гонца Б. Мерла в 1604 г., царь указал встречать его как прежнего гонца Лукаша Павлова (Луку Паули), «а наказ велел ему [приставу] написать о встрече против прежнего»³²⁶. В конце 1614 г. английского посла Дж. Меррика было приказано встречать «за Устретенскими вороты, выехав за ров, где бывал деревяной город, с перестрел, где и прежних аглинских послов встречивали»³²⁷.

Между Посольским приказом и приставом по ходу продвижения посольства к столице велась переписка, также фиксировавшаяся в столбцах (куда подклеивались отписки пристава и черновые варианты царских грамот к нему). Формуляр отписок и грамот к приставу совпадает с формулярами документов переписки Посольского приказа с воеводами. Иногда в грамотах содержались выговоры, свидетельствующие о неудовлетворительной работе приставов. Так, пристава при ногайских послах было выговорено за то, что он не давал им корма: «И ты то делаешь своею дуростью, пьяным обычаем, не гораздо, нашего указу не слушаешь»³²⁸. Приставу при английском после в 1614 г., задержавшемуся в пути, написали: «А ты такое наше великое дело своею простотою и оплошкою поставил ни во что: бражничал, или, захав, жил в поместье и ехал мешкатно»³²⁹.

При организации встречи иностранных дипломатов и определении их на жительство в столице Посольский приказ вступал в переписку с целым рядом других центральных ведомств. Прежде всего, из Посольского приказа в Разрядный отправляли память, в которой было расписано, кто, где и в какой одежде должен встречать посланника³³⁰. Иногда составлялась роспись подьячих различных приказов, участвовавших в церемонии встречи иностранной миссии³³¹. Особая память посылалась в Конюшенный приказ (поскольку по российскому дипломатическому церемониалу послам присылали лошадей, возок или сани)³³². Для размещения посольства нужно было выделить особый двор, и из Посольского приказа отправлялась соответствующая память в Московский Земской приказ³³³. Во время первой аудиенции посланникам вручались царские

подарки. Для этого в Посольском приказе, с учетом прежних прецедентов, составлялась роспись «государева жалованья». Ее отправляли к казначеям вместе с памятью, в которой указывался срок, к которому подарки для иностранцев должны быть доставлены в Посольский приказ³³⁴. По этим памятям в Посольский приказ из других ведомств поступали ответные отписки. Отписки рассматривались в Посольском приказе и подклеивались в столбец. На обороте одной из отписок из Нижегородской чети была сделана помета: «Чтена. Вклеить к отпуску»³³⁵. Формуляр памятей и отписок по ним также был постоянным. Память начиналась словами: «Лета (год, месяц, день) память диаком (имена и фамилии). По государеву (титул, имя и отчество) указу велено... (далее излагалась суть дела)». Завершалась память требованием прислать отписку по ней в Посольский приказ. Столь же устойчивым был и формуляр отписок: «Лета (год, месяц, число) по государеву (титул, имя и отчество) указу память диакам (имена и фамилии). В приказ (название) к диаком (имена и фамилии) в памяти за твоею, (имя), приписью написано: велено... (далее излагалось содержание памяти, по которой пишется отписка, и сообщалось об исполнении поручения)». В столбец подклеивался черновик памяти, исходившей из Посольского приказа (часто с пометой — с кем была отправлена память), и подлинник отписки из другого ведомства (с пометой — кем она доставлена в Посольский приказ).

В состав столбцов о приездах в Москву иностранных дипломатов включались также доклады посольским дьякам приставов, состоявших при иностранцах на подворье в столице. В докладах приставы сообщали, о чем говорили между собой или с ними члены дипломатической миссии, а также передавали дьякам просьбы послов. Так, например, в 1608 г. приставы сообщили, что польские посланники просят увеличить им выдачу корма рыбой³³⁶.

Особое место в составе столбцов — «приездов» занимало описание аудиенций иностранным дипломатам, а также изложение хода переговоров с ними. Церемониал приемов зарубежных дипломатов у царя к началу XVII в. был разработан до мелочей и настолько оформился, что в годы Смуты служащие Посольского приказа стали составлять описания аудиенций еще до того, как они происходили. В дальнейшем в заранее написанный текст вносились исправления, если во время аудиенции имели место какие-либо отклонения от установленного порядка, после чего текст вклеивался в столбец. Более подробно этот вопрос будет рассмотрен в первом разделе пятой главы.

Во время аудиенции (а иногда и до нее) иностранный дипломат отдавал грамоты, присланные с ним. Грамоты переводились в По-

сольском приказе, переводы также подклеивались к соответствующим столбцам. При этом особое внимание уделялось оформлению грамоты: в столбце записывали, какая у грамоты была печать, как зарубежный государь титуловал российского царя и как был написан его собственный титул. Иногда в столбцы подклеивались и подлинники (грамоты не имевшие большого дипломатического значения — например, от крымских или ногайских мурз), но в большинстве случаев иностранные грамоты хранились отдельно.

В столбцах — «приездах» содержатся также материалы переговоров с иностранными дипломатами. Согласно материалам столбцов, в состав переговорной комиссии с послами обыкновенно входили два боярина, окольный и думной дьяк — судья Посольского приказа (после 1613 г., кроме того, второй посольский дьяк). Переговоры с дипломатами более низкого ранга (с посланниками, гонцами) могли вестись в Посольском приказе дьяками этого ведомства, которые уведомляли об их ходе Боярскую Думу и царя. В некоторых столбцах сохранились подробнейшие записи о ходе переговоров. При этом в посольской документации записи о переговорах также велись по строго установленному формуляру, даже если в реальности имели место отклонения от установленного церемониала. Так, в книге по связям Российского государства с Англией перед речью русских дипломатов английскому послу, в которой сохранился полный царский и королевский титулы, имеется любопытная запись: «Се предословье, то послу не чтено»³³⁷. Следовательно, дипломатические процедуры в начале XVII в. могли несколько упрощаться, но в делопроизводстве это не находило отражения, поскольку составление документации Посольского приказа подчинялось строго установленным правилам и образцам.

По завершении переговоров посла вызывали на последнюю аудиенцию — царь указывал послу «быть у себя на отпуске». Эта аудиенция также протоколировалась служащими Посольского приказа. При отпуске иностранному дипломату обыкновенно вручали ответную грамоту к его государю. Текст таких грамот составлялся в Посольском приказе, и черновики подклеивались в столбец. При этом также скрупулезно описывался внешний вид грамоты: печать, пропись золотом, подпись.

Через несколько дней после завершающей аудиенции посла отпускали из Москвы в сопровождении пристава. Пристав получал соответствующий наказ и кормовые росписи. Копии этих документов также включались в столбец. По пути следования посольства рассылались по городам грамоты к воеводам, которые должны были обеспечить дипломатов и пристава провиантом, подводами и охраной. Черновики грамот, разосланных по городам, и отписки

воевод также включались в столбцы. В целом же следует отметить, что в столбцах гораздо более широко представлены документы, связанные с продвижением посольства до Москвы, чем материалы, освещающие его обратный путь.

Несколько иначе составлялись столбцы об отправлении за границу российских послов и их возвращении в Москву. Столбцы такого рода обыкновенно начинаются с текста приговора царя и бояр об отправлении посланника в то или иное государство. Сразу после этого решения в Посольском приказе приступали к составлению документации будущей дипломатической миссии. Составлялся текст грамоты к государю страны-контрагента (черновой вариант грамоты с описанием ее оформления – титулов, печати и прописи золотом – вклеивался в столбец после записи о приговоре царя и Боярской думы). Обязательной частью грамоты являлось «имя Божье» и полные титулы царя и его адресата. Титулование российского царя на протяжении Смутного времени не претерпело каких-либо серьезных изменений. Лишь в течение короткого времени царствования Лжедмитрия титул московского государя изменился радикальным образом: самозванец именовал себя «цесарем» и «всех татарских царств государем»³³⁸. По свержении Лжедмитрия царский титул вновь приобрел прежний вид. После подписания в феврале 1609 г. русско-шведского Выборгского договора царь Василий Шуйский исключил из своего титула слово «Лифляндский», поскольку по договору отказывался от претензий на Ливонию. Однако позднее царь Михаил Романов по-прежнему титуловался «Лифляндским»; лишь после заключения Столбовского мира в феврале 1617 г. это слово вновь было изъято из царского титула³³⁹. В течение короткого периода переписки с турецким султаном, с 1615 г. по 1617 г., в российских грамотах к прежнему царскому титулу добавлялись слова «и государь земли Немецкие»³⁴⁰.

Практически сразу после принятия решения об отправлении миссии в Посольском приказе начинали писать наказ для посла. Делалось это в большинстве случаев еще до того, как определялась кандидатура посланника за рубеж (доказательства этому будут приведены в следующей главе).

После выбора посланника и определения состава миссии из Посольского приказа по городам предполагаемого маршрута следования посольства рассылались царские грамоты. Обычно в них содержалось извещение об отправлении в ту или иную страну «для государева дела» посольства; при этом главных участников миссии (посланников, толмачей и переводчиков, станичных голов) часто перечисляли поименно, указывалась также и общая численность миссии. Воеводы должны были обеспечить послов провиантом,

подводами и провожатыми. Смутное время наложило, однако, свой отпечаток и на содержание царских грамот воеводам. Весной 1606 г. от Лжедмитрия I в Ногайскую Орду был направлен посланник Т.Кашкаров. Вскоре после его отъезда самозванец был убит, и царем стал Василий Шуйский. Посольский приказ быстро отреагировал на изменение ситуации – вскоре воеводы, назначенные в Астрахань, отчитывались: «Послан был от Ростриги в Нагаи... Третьяк Кашкаров, а как он в Асторохань приедет, и нам... велено у него грамоты и всякие дела, что даны ему от Ростриги, и посылку взяти»³⁴¹. В ответ на грамоты из городов в Посольский приказ присылали воеводские отписки, которые, как и копии грамот, подклеивались в столбец. Отписки воевод также отражали реалии Смутного времени: в частности, в них нередко сообщалось о нападениях «воровских» отрядов. Отписки с мест иногда могли повлиять на задачи уже отправленных дипломатических миссий. Так, уфимский воевода князь Б.Хилков 19 января 1614 г. информировал Посольский приказ о том, что И.М.Заруцкий выпустил на свободу содержащегося в Астрахани в заключении Ян-Араслана-мурзу – соперника князя Ногайской Орды Иштерека. Уже 22 января 1614 г. вслед выехавшему «в Ногаи» посланнику И.Кондыреву была отправлена грамота, согласно которой он, исходя из информации уфимской отписки, должен был склонять Иштерека к совместным действиям против Заруцкого, сообщив ему об освобождении Ян-Араслана³⁴².

Участники миссии через Посольский приказ обращались к царю с челобитными. Обычно в них содержались просьбы о денежных или материальных пожалованьях, освобождении их поместий от сбора податей или выдаче в их отсутствие жалованья членам их семейств. При этом челобитчик нередко ссылался на прецеденты, имевшие место ранее. Так, Иван Кондырев, отправляясь в конце 1613 г. в Ногайскую Орду, просил увеличить ему денежную «подмогу»: «А при розстриге, государь, послан был посланник, и тому было дано на подмогу сто рублей, а которые, государь, посланы от тебя, государя, в ныне государьства наша братья, и тем давано твое государево жалованье подмога... рублей по двесте»³⁴³. Иногда в столбцах содержатся челобитные, содержащие не совсем обычные просьбы. Например, назначенный в 1607 г. гонцом в Крым Степан Ушаков просил, чтобы в связи с тем, что «ныне от воров полем итти страшно», «для нынешнего нестройного времени» с ним вместе отправили его друга – тульского сына боярского Воина Пургасова, который знает степные пути, «и в дороге ему с ним будет невсучно»³⁴⁴.

Иногда в столбцах можно обнаружить списки документации, отправленной за границу с русским дипломатом. Подобные роспи-

си позволяют представить масштабы делопроизводственной работы Посольского приказа при подготовке заграничной миссии. Например, в столбце 1604 г. сохранилась роспись документов, отправленных в Грузию с российскими посланниками: две верительные грамоты царю Александру и царевичу Юрию; грамота к сонскому князю Аристову; три грамоты к черкесским мурзам о сопровождении посольства; список с грамоты прежнего посла в Грузию И.Нащокина; список с челобитной грузинского посла Сулеймана; список с «целовальной записи» (присяги) царя Александра и его сына Давида; список с грамоты Бориса Годунова, отправленной с грузинским послом Кириллом Ксантопуло; список с записи о переговорах с послом Кириллом в Москве; росписи кормов грузинским послам; росписи подарков кахетинскому царю и его семье; пять листов александрийской бумаги с каймами и начальным словом, прописанным золотом; запись речи от патриарха. Помимо перечисленного, послам вручили также запас александрийской и писчей бумаги, красный воск для печатей, образ Богородицы в серебряном окладе и два сорока соболей³⁴⁵. Роспись документации, отправленной за рубеж, имеется и в столбце об отправлении гонца в Турцию в 1616 г.: в ней перечислены «большая грамота» на русском языке; запасной список с нее с печатью; копия этой же грамоты для находящихся в Стамбуле русских посланников; наказ посланникам; грамота к посланникам; грамота в Кафу о пропуске русского гонца в Турцию³⁴⁶. В том же году с посланниками в Империю были отправлены: наказ, грамота к императору, список этой грамоты на немецком языке, «опасная грамота» на императорских послов, четыре проезжие грамоты к датскому королю и северогерманским городам и князьям, грамота в Любек «о деле думного диака Петра Алексеевича», грамота в Амстердам об отпуске в Российское государство на службу различных ремесленников, «опасная грамота» на этих ремесленников, «опасная грамота» на докторов, грамота в Любек по челобитной московского купца, грамота от императора Рудольфа II к Борису Годунову от 1600 г. для образца и сравнения³⁴⁷. Аналогичная роспись содержится и в столбце об отправлении в Крым служилого татарина Тулубая Бавкеева в мае 1618 г.: грамота к хану «о большом деле»; пять грамот к ближним людям хана; грамота к находившемуся в Крыму русскому посланнику А.Лодыженскому; списки с грамот от хана и калги (наследника ханского престола); проезжая грамота крымским гонцам о предоставлении им по городам корма и подвод; две грамоты (из Посольского и Разрядного приказов) в Ливны об отпуске гонцов и предоставлении им проводника; грамота в Валуйки об отпуске гонцов; роспись подарков хану и его ближним людям; роспись подорожного корма³⁴⁸.

В столбце об отправлении русских послов на съезд со шведами в Дедерино в 1615 г. перечень отправленной с ними документации составляет 11 листов (в том числе и на оборотах)³⁴⁹. Имеется перечень отправленной из приказа документации и в отпуске русских «межевых судей» на определение новых границ между Российским государством и Швецией в мае 1617 г.³⁵⁰ Как видно, при отправлении миссии за границу в Посольском приказе проводилась серьезная делопроизводственная работа.

Важнейшим документом, составлявшимся в Посольском приказе при отпуске за рубеж российского посольства, являлся наказ дипломатам, содержащий изложение целей миссии и правил поведения за границей. На приемах составления посольских наказов следует остановиться подробнее.

Начинались наказания обычно описанием маршрута следования посольства. Маршруты дипломатических миссий до начала Смуты были устоявшимися. Посольства в Европу отправлялись, как правило, через Ростов — Ярославль — Вологду — Великий Устюг в Архангельск, где послов сажали на корабли европейских купцов. В случае, если миссия не успевала добраться в Архангельск до завершения навигации, послы либо ждали наступления следующей весны, либо отправлялись в путь «горою», т.е. по суше, через владения Швеции и Дании. Иногда российские посольства ездил иным маршрутом: через Тверь и Новгород в Ивангород, а оттуда морем или сушей через территорию Прибалтики. Этим маршрутом пользовались не так часто, поскольку с конца XVI в. прибалтийские земли были ареной постоянных войн между Польшей и Швецией. В начале Смутного времени российская дипломатия попыталась получить более короткий путь в Центральную Европу: в 1606 г. русским послам в Польше было поручено добиваться разрешения на проезд российского гонца в Империю через земли Речи Посполитой³⁵¹. Дипломаты, отправлявшиеся в Польшу и Швецию, ехали соответственно через пограничные города — Смоленск, Корелу или Орешек. Миссии в Крым и Турцию следовали через Коломну и Серпухов в Северские города, а далее степью в Крым и, при необходимости, сушей или морем в Стамбул. Посольства на Кавказ, в Ногайскую Орду и в Персию посылались по Москве-реке, Оке и Волге до Астрахани, а далее сушей или Каспийским морем до Терского городка, после чего через Кавказские горы послы отправлялись в Грузию или Персию.

Однако в Смутное время традиционные пути следования посольств были небезопасны, а порой находились в руках противников московского правительства. После захвата Швецией северо-западных областей страны, русские посольства в Европу могли от-

правляться только через Архангельск. Однако и этот маршрут был очень опасен: в конце 1614 г. приставы при голландском посланнике И.Массе получили приказ остерегаться нападения «воров» даже на последнем стане перед Москвой, в селе Братошино³⁵². Часто лицам, выполнявшим дипломатические поручения, приходилось ездить кружным путем, чтобы не попасть в руки мятежников. Так, в августе 1609 г. жалованье шведским наемникам в Новгород было отправлено через Коломну и Владимир³⁵³. Посланнику в Ногайскую Орду в марте 1610 г. было предписано ехать через Вологду и Вятку³⁵⁴. В конце 1613 г., когда Астрахань была в руках Заруцкого, посланник в Ногайскую Орду был послан не Волгой, как бывало раньше, а сушей, в связи с чем бил челом об увеличении «подмоги»³⁵⁵. Нетрадиционным путем отправилось в конце 1613 г. и посольство в Персию. В столбце об отправлении этого посольства можно обнаружить интересные данные о столкновении администрации Нижнего Новгорода, пытавшейся снарядить дипломатов в дальнейший путь, с посадским населением города. Причиной конфликта было то, что посольство намеревалось выехать не на стругах, как ранее, а на лошадях. Горожане же отказывались предоставить лошадей, ссылаясь на то, что прежде подобной повинности на них не возлагалось. Потребовалась особая царская грамота, чтобы посольство могло продолжить свой путь³⁵⁶. Данная миссия представляет интерес также тем, что русским дипломатам, пожалуй, впервые не предписали строгого маршрута следования: в столбце было записано: «И велел государь про дорогу, куды послом с Самары идти степью лутче и ото всяких воровских людей безстрашнее, положить на посольскую волю, как они... приговорят»³⁵⁷. В итоге посольство отправилось в Персию через Хивинское ханство и прибыло к месту назначения лишь через год после отправления.

После маршрута следования в наказ помещали предписания относительно поведения за границей. Прежде всего, российским дипломатам строго запрещалось быть на приеме у кого-либо из иностранных вельмож до аудиенции у государя, к которому они отправлены, поскольку визит к вельможе ронял авторитет царя. В наказе подробно описывались и правила поведения на аудиенции. Русским послам запрещалось быть на приеме одновременно с послами других государей, особенно же — с литовскими и турецкими; нельзя было также принимать вместе с ними участия в пирах³⁵⁸. Во время аудиенции дипломаты должны были вести себя с достоинством и следовать российскому посольскому обычаю. В частности, посланники в Персию должны были отвечать отказом на возможное требование целовать ногу шаха, ссылаясь на то, что с давних времен русские послы целовали лишь руку шаха³⁵⁹. В Крыму рус-

ские дипломаты должны были отказываться встать перед ханом на колени: «А правити... посольство стоя, а на коленки по их обычаю не падать, о том стоять накрепко, а молыти, что на коленки падают по их мусулманскому закону, а в нашем кристьянском обычае того не ведетца»³⁶⁰. Однако в условиях Смуты, когда Московскому государству требовались помощь или нейтралитет Крымского ханства, посланникам разрешалось отступить от этого правила. В наказе гонцу С.Ушакову, отправленному в Крым в 1607 г. также было велено править посольство стоя, но при этом оговаривалось: «А будет о том учнут говорити, и Степану за то не стояти, и датись в том на цареву [ханскую] волю»³⁶¹. Аналогичное предписание содержалось и в наказе посланнику, отправленному в Крым в 1617 г.³⁶²

Суть дипломатической миссии содержалась в особой части наказа – посольских речах, которые обычно являлись переложением текста царской грамоты, отправленной с дипломатом.

Значительный интерес представляют также списки предполагаемых вопросов, которые могли быть заданы посланнику за границей, а также ответы на них. Основу этих вопросов, как и в предыдущее время, представляла тема отношений Московского государства с соседними державами. В формулировке ответов служащие Посольского приказа, как и прежде, демонстрировали свою осведомленность о системе взаимоотношений между зарубежными державами. Для иллюстрации высокой степени умения служащих Посольского приказа ориентироваться в системе международных отношений приведем лишь примеры, связанные с лавированием московской дипломатии в вопросе о постоянном противоборстве Османской империи и империи Габсбургов. В Крыму русские посланники должны были отрицать факт наличия дипломатических контактов между Российской державой и империей Габсбургов, заявляя, что император «с литовским де королем в миру и в ссылке, а на турсково де салтана литовскому цесарь вспомагает, и государю нашему затем с цесарем ссылки нет»³⁶³; «А в недружбе и в дружбе крепкой с цесарем быти не за што: земля его нигде с великого государя нашего землею не сошлася»³⁶⁴. В Ногайской Орде о контактах с Империей следовало говорить лишь в случае, если об этом будет поставлен вопрос: «А говорить по вопросу ж, а не вспросят, и про цесаря ничего не говорить»³⁶⁵. В Персии же, враждебной Турции, русские послы, напротив, должны были подчеркивать дружественные отношения Москвы и Империи, именуя императора братом царя³⁶⁶. Одновременно в Европе, стремясь заручиться поддержкой христианских государей, русские послы должны были говорить об отсутствии контактов русского царя с турецким султаном, с которым ссылки «и вперед не чаят», намекая даже на возможность

вступления Российского государства в антитурецкую коалицию³⁶⁷. В Империи, в частности, послы должны были сказать: «И с нынешним Ахмет-салтаном царскому величеству ссылки не чаяти, потому что турки искони враги креста Христова, и турецкой салтан христианским государем всем недруг искони вечной»³⁶⁸. Но во Франции, традиционно поддерживающей дружественные отношения с Османской империей, русские послы должны были сообщить о «ссылке» царя с султаном и даже об их совместных планах войны против Польши³⁶⁹.

С проблемой взаимоотношений с мусульманскими государствами был также тесно связан вопрос о набегах донских казаков на турецкие владения, крымские и ногайские улусы. Ответ на предполагаемый вопрос также зависел от ситуации. В 1604 г., в самом начале Смуты, когда казачество примкнуло к самозванцу, на переговорах с ногайским князем Иштереком о казаках было сказано: «Ведомо им самим, что на Дону, и на Волге, и на Яике живут казаки — воры, беглецы, которые за воровство приговорены к казни, а иные — холопы боярские, и от того, збежав, воруют. И тех воров, сыскивая, побивают и вешают»³⁷⁰. Подобная версия излагалась также крымским и турецким дипломатам на протяжении всей Смуты и после ее окончания. В 1607 г. трудности в осуществлении русско-крымских контактов объяснялись именно «воровством» казаков — единомышленников самозванных царевичей³⁷¹. В 1617 г. в Крыму посланнику следовало говорить: «на Дону живут воры, холопы беглые, убежав от смертные казни, и, сложась с такими ж воры с литовскими з запорожскими черкасы, Азову и крымским улусом тесноту чинят. И для того при дяде великого государя нашего, при царе... Федоре Ивановиче..., и при царе Борисе по Донцу и по Осколу города поставлены»³⁷². Приблизительно те же объяснения казачьего «воровства» были даны турецкому султану; посылку жалованья казакам из Москвы оправдывали тем, что в противном случае казаки не станут пропускать государевых посланников в Бахчисарай и Стамбул³⁷³. Однако в удобных случаях московская дипломатия объявляла казаков подданными царя, охотно выполняющими его военные поручения. В 1615 г., например, по инструкции из Посольского приказа русские дипломаты выговаривали ногайским мурзам Казыева улуса: «ни при которых прежних государех донские атаманы и казаки так не служивали, как ныне служат великому государю... Михаилу Федоровичю... А только перед царским величеством вашего исправленья не будет, и царское величество велит на Дон атаманов и казаков еще и прибавить»³⁷⁴. Посланник в Персию в 1618 г. должен был объяснить военные акции казаков повелением царя: «Под турецкого города под Азовом на

Дону и на море многую шкоту царского величества казаки турским людем починили и ныне чинят»³⁷⁵. Списки предполагаемых вопросов и ответов на них, содержащиеся в наказах, позволяют, таким образом, делать выводы о степени знакомства российской дипломатии с системой взаимоотношений между европейскими и азиатскими государствами.

Следует также отметить, что на протяжении всего рассматриваемого периода российские дипломаты часто прибегали к дезинформации, стремясь представить внешнеполитическое положение Московского государства в более выгодном свете, чем было в реальности. В марте 1606 г. посланник Лжедмитрия в Крым заявлял, что с поздравлениями к его государю уже приходили гонцы, посланники и послы из Империи, Речи Посполитой, Дании и других государств³⁷⁶ (точных сведений о контактах Лжедмитрия с Империей и Данией нет). Посланники в Польшу, выехавшие в самом начале царствования Василия Шуйского, должны были сказать, что у их государя нет недругов, а шведские послы в Москве уже просят от Российского государства помощи против Речи Посполитой³⁷⁷. В 1607 г. гонец в Крым по наказу должен был сказать, что единственным государством, с которым у Москвы натянутые отношения, является Речь Посполитая, которая, однако, добивается продления мирного договора³⁷⁸ (как известно, продления перемирия в это время добивалось Российское государство, а не Польша). Посланники в Персию в 1606 г. также должны были преувеличивать степень признания царя Василия Шуйского окрестными государями и владетелями, заявляя, что крымский хан просится в российское подданство, а также, что к Василию IV присылали своих послов черкесские мурзы³⁷⁹ (черкесские послы приезжали в Москву значительно раньше, при Лжедмитрии). В Ногайской Орде в 1613 г. посланнику предписали говорить о том, что в войне с врагами Московскому государству помогают крымский хан и турецкий султан³⁸⁰. В Крыму в то же время сообщали о том, что Швеция добивается мира и союза с Москвой против Польши³⁸¹; в 1614 г. гонец в Персию должен был уже сказать, что единственным противником Российского государства является Польша, а со шведским королем подписан мирный договор³⁸². Одновременно с этим, в 1614 г., посланник в Польшу должен был, не опровергая данных о союзных предложениях шведов, рассказать о внушительных победах русского оружия над шведскими войсками, которые «на боех нигде... против государевых людей не стояли»³⁸³. В Англии и Франции в 1615 г. было заявлено, что крымский хан Джанибек-Гирей «учинился во всей воле великого государя»³⁸⁴. В Дании, Голландии и Швеции в 1617 г. русский посланник должен был отрицать факт

отказа императора официально признать Михаила Федоровича царем³⁸⁵.

В условиях Смутного времени в наказах российским дипломатам значительное место занимают также возможные вопросы о внутреннем положении Московского государства и ответы на них. В Посольском приказе допускали, что при иностранных дворах могут быть осведомлены о событиях Смуты. Поэтому в задачи российских посланников входило преуменьшать масштабы внутриполитического кризиса, доказывать законность прав на престол очередного государя и дискредитировать его соперников. Так, русский гонец в Крым в 1607 г., в случае, если к хану присылал своих людей самозванец Петр, должен был обличать самозванство последнего, напомнить об обострении русско-крымских отношений при Лжедмитрии, о нападениях «воров» на крымские улусы³⁸⁶. В наказах 1613-1616 гг. были предусмотрены вопросы иностранных дипломатов о гибели двух Лжедмитриев³⁸⁷. В 1613-1615 гг. практически во все указы русским посланникам включался ответ на гипотетический вопрос об Иване Заруцком и Марине Мнишек, державших под контролем Нижнее Поволжье. Российские дипломаты должны были сообщать о том, что Астрахань уже очистилась от «воровства», Заруцкий и Марина схвачены и доставлены в Москву. Кроме того, в наказах предписывалось сообщить о казни Заруцкого и «Воренка», но при этом всячески подчеркивалась непричастность московского правительства к смерти Марины Мнишек, которая «от болезни и с тоски по своей воле умерла», а государю она была нужна живая для обличения «неправд» польского короля. В случае же, если вопрос о Заруцком и Марине в процессе переговоров не будет поднят, посланники должны были обойти его молчанием: «А будет про Астарахань и про Заруцкого не вспросят, и ...про Астарахань и про Заруцкого ничего не говорити». Вопросы о Заруцком в Посольском приказе ожидали от польских, имперских, персидских, крымских, английских, датских и даже французских дипломатов³⁸⁸.

В условиях частой смены государей российские посланники должны были, согласно наказам, всячески доказывать легитимность власти посланного их царя. Посланники Лжедмитрия I подчеркивали, что «наияснейший и непобедимый цесарь» Димитрий Иванович взшел на престол «по степени прародителей своих»³⁸⁹. Свержение и убийство Лжедмитрия I Василий Шуйский после оправдывал его самозванством и еретичеством, за что его «осудя истинным судом, всенародное множество Московского государства убили»³⁹⁰. Права самого Василия Шуйского на российский престол в 1606 г. послы в Польшу подтверждали тем, что Василий Иванович покой-

ному царю Федору Ивановичу «по родству брат»³⁹¹. Русские послы во Франции в 1615 г. подробно изложили историю избрания на царство Михаила Федоровича Земским собором, а также упомянули о его родстве с первой женой Ивана Грозного Анастасией и царем Федором Ивановичем³⁹². При этом прилагались значительные усилия, направленные на дискредитацию как внешних, так и внутренних врагов: в наказах русским послам и гонцам рассматриваемого периода значительное место занимают изложения официальной версии Смуты с разоблачениями самозванцев и их сподвижников, а также перечисления «неправд к Московскому государству» польского и шведского королей. В 1607 г. гонец Василия Шуйского в Крыму обязан был напомнить хану о враждебности Лжедмитрия I к татарам, что должно было убедить крымчаков не оказывать помощи сторонникам другого самозванца — царевича Петра³⁹³. Особенно последовательно российская дипломатия стремилась настроить европейских государей против польского короля. В 1613 г., например, в Крыму российский посланник должен был заявить хану, что люди Сигизмунда III нападают на крымские владения, а сам король «ко всем пограничным государем некоторым он... на правде, на чем укрепитца, не стоит»³⁹⁴. В 1616 г. в грамоте, отправленной в Турцию, было сказано, что «польской Жигимонт король и паны рада безпрестани на ваше, брата нашего, Ахмет-салтаново величество, и на наше на всякое лихо с цесарем, и с папою римским, и с ышпанским королем, и с свейским королем, и с ыными государи ссылаютца»³⁹⁵. В 1617 г. с той же целью в протестантских странах (Голландии, Дании, Швеции) посланник сообщал, что Сигизмунд III хочет «во всех... великих крестьянских государствах свою римскую веру утверждати, о том у него с папою крепкой совет»³⁹⁶.

В целях достижения положительных результатов, в наказах российским посланникам эпохи Смуты часто также предписывается при ответах на вопросы дезинформировать зарубежных дипломатов, преуменьшая масштабы кризиса, охватившего Московское государство. В 1613 г. российский посланник в Крыму заявлял: «немецкие люди, чаю, уж из Новагорода вышли»³⁹⁷. Летом 1613 г. русские послы в Англию получили наказ, согласно которому они должны были сообщить о капитуляции Ивана Заруцкого и Марины Мнишек³⁹⁸. В конце 1613 г., еще до подавления мятежа Заруцкого, посланник в Крыму должен был заявить, что атаман уже покорился царю, «и чаем ныне, что Ивашко Заруцкой и Маринка с сыном ныне у великого государя нашего на Москве, а во всех городех всякие люди к воровству нигде не пристали»³⁹⁹. В 1614 г. русские дипломаты в Персии сообщили шаху Аббасу о том, что шведские войс-

ка уже покинули Новгород, а русские рати отбили у поляков Смоленск⁴⁰⁰.

При этом российским посланникам в годы Смуты предоставлялась некоторая самостоятельность в определении стиля и линии проведения переговоров, порой разрешалось даже отступить от статей наказа. Так, уже в наказе русским посланникам в Польшу в 1606 г. было записано: «И выговаривати им [польским дипломатам. — Д.Л.] и встречати их по сему государеву наказу подлинно, и смотря по тамошнему делу и по их словам, как их Бог вразумит»⁴⁰¹. В наказе гонцу в Крым в 1607 г. было предписано: «Будет царевы ближние люди учнут говорити в розговорех сердито и похвально, и дела доброво не почает, и... говорити безстрашно и надежно, а будет... учнут говорити гладостию несердито, и ему говорити по государеву приказу и, смотря по тамошнему делу, также пословно и гладко, чтоб государеву делу порухи не было»⁴⁰². В 1613 г. посланнику в Ногайскую Орду И.Кондыреву по обстоятельствам было разрешено отступить от некоторых статей наказа⁴⁰³. В том же году послы в Крыму должны были «государевым и земским делом промышляти во всем по сему государеву наказу и смотря по тамошнему делу, и по вестям, как им Бог вразумит, как бы государеву и земскому делу было прибыльнее»⁴⁰⁴. Посланники в Крым в 1614 г. также должны были «делати, смотря по тамошней мере, как бы государьскому и земскому делу было прибыльнее»⁴⁰⁵. В 1614 г. посланник в Речь Посполитую получили наказ «...про те дела говорити, смотря по их речем, потому ему и ответ чинити, а сказывати про все доброе, чтоб государскому имяни к честию и к повышенью, и государству Московскому к добру. А чего допряма не ведает, или что и ведает, а государству не на пользу, и Федору [говорити], что он человек служилой, на Москве не бывал долгое время, а был на государевых службах, и ему про то слышати нелучилось»⁴⁰⁶. Почти дословно это требование повторяется и в наказе гонцу в Англию в 1615 г.⁴⁰⁷ В 1618 г. посланнику на съезд с поляками указано «говорить, примеряся к их спросу и смотря по делу, как бы царскому имени к чести и к повышенью, и Московскому государству не к укоризне. А о иных делех, чего ему неведомо, отговариватися, что он человек служилой и про те дела ему ведати нелучилось. А и про те дела, которые... в сем государеве наказе написаны, говорити с литовскими послы, смотря по их речам остерегательно гораздо, говорити б то, что государеву имени к чести и повышенью, а о чем не вспросят, самим не задирать»⁴⁰⁸.

Таким образом, события Смуты оказали влияние на составление набора гипотетических вопросов, среди которых, наряду с традиционной темой международных отношений, значительное место за-

нимают проблемы внутреннего кризиса Московского государства. Русские дипломаты для выполнения своих миссий получали из Посольского приказа инструкции, допускавшие некоторую самостоятельность действий в соответствии с быстро менявшимися в условиях Смуты обстоятельствами.

В рассматриваемый нами период посольские указы часто завершаются требованием держать документацию миссии в тайне, а в случае опасности уничтожать ее, иногда заменяя подложной. Подобные меры предпринимались и ранее, но в тех случаях, если посольство попадало в руки людей враждебно настроенного государя (например, если посольство, едущее в Персию, будет захвачено турками, воюющими с этой страной). Так, в 1606 г., посол в Персию И.П.Ромодановский должен был уничтожить документацию миссии в случае попадания в руки турок, а предъявить ту грамоту, «что послана с ними в запас». В «запасной» грамоте говорилось о том, что посольство отправлено лишь для извещения шаха о воцарении Василия Шуйского. О том же должны были говорить и члены миссии⁴⁰⁹. В Смутное время в указах стали указывать и иную причину необходимости уничтожения посольской документации — опасность нападения со стороны «воров». В 1607 г. с гонцом в Крым была отправлена грамота к хану, написанная по-татарски, а на случай нападения людей самозванного царевича Петра гонцу вручили другую грамоту — на русском языке, которую и следовало в случае нападения предъявить «ворам», заявив при этом о полном неведении ее содержания. Татарскую грамоту, в которой были изложены истинные цели посольства, следовало «в землю вкопать, или в воду вкинуть, чтоб государев наказ и грамота царева воров не досталась». Наличие у него второй грамоты гонец должен был скрывать от остальных участников миссии: «А служилые б тотарове у него того не ведали, что с ним две грамоты»⁴¹⁰. В ряде случаев дипломатам приходилось выполнять требования об уничтожении документации: известно, в частности, что гонец Д.Оладын, возвращаясь из Польши, «изодрал» в Вязьме статейный список своей миссии⁴¹¹. Иногда, помимо основного указа, посланнику вручался тайный наказ, содержание которого должно было быть известным лишь первым лицам миссии. В 1613 г. с посланником в Крым был послан тайный наказ о подкупе хана и мурз для их нападения на Польшу: «А сей государев наказ держати Обросиму у себя тайно и подъячому его не казати, и ничего про то ни с кем не говорити, а где почает какого дурна, и ему сей наказ как-нибудь схоронить: или зжечь, или в землю вкопать»⁴¹². Тайный наказ имели и посланники в Крым, отправленные в 1614 г.: в нем были расписаны действия русских дипломатов в случае захвата ханского престола

соперником хана Джанибек-Гирея Шан-Гиреем. Этот наказ также подлежал уничтожению: «А сей государев наказ вычести неодинову, чтоб допомнить наизусть, и изодрать или жечь, а в Крым с собою не возить, и подьячие б и иной хто того наказу у них не ведал, и не розговаривать про то ни с кем»⁴¹³. В том же году отправленному в Персию гонцу И.Брехову было указано «государев наказ выучить наизусть на дороге, а вычетчи, изодрать или жечь..., а с собою в Кизылбаши не возить»⁴¹⁴. Гонец в Англию И.Грязев должен был проведенные вести послать в Москву, «написав по литареи или затейным писмом, будет и распечатают где, ино б никто не знал»⁴¹⁵. Служилые татары, отправленные в 1617 г. в Крым, в случае опасности должны были уничтожить врученный им наказ⁴¹⁶. В том же году тайным наказом «без дьячьей приписи» был снабжен отправленный на Дон встречать турецкого посланника Ю.Богданов⁴¹⁷.

Помимо наказов, для лиц, отправлявшихся за границу, составлялись «памяти», являвшиеся своего рода дополнениями к наказам. В отличие от наказов, памяти посвящались какому-либо одному, отдельному вопросу. Наиболее распространенными были памяти, предписывавшие русским послам, находясь за рубежом, «проведывать всяких вестей». Преимущественно следовало узнавать о взаимоотношениях между странами, иногда — о внутреннем положении государств. Как правило, круг вопросов, по которым следовало «проведывать вестей», был четко очерчен и касался преимущественно контактов страны — контрагента с ее наиболее значительными внешнеполитическими партнерами или противниками. В зависимости от ситуации, набор вопросов, интересовавших руководство Посольского приказа, мог меняться. На основании сохранившихся наказов можно составить перечень проблем, в наибольшей степени привлекавших внимание российского дипломатического ведомства.

Самые подробные памяти о проведывании вестей составлялись для дипломатов, ездивших в Польшу. В 1605 г. посланник Лжедмитрия должен был узнать об отношениях Речи Посполитой с империей Габсбургов, Османской империей, Крымским ханством, Данией, Швецией; ему было велено также собирать информацию о войне между Империей и Турцией, кто в этой войне выступает в союзе с императором, помогает ли «цесарю» польский король⁴¹⁸. Тот же круг вопросов содержится в памяти послам, отправленным в Польшу в 1606 г. от Василия Шуйского⁴¹⁹. В 1613 г. в памяти русскому гонцу Д.Оладыну доминирует иная тема: он должен был узнать, не помогают ли Речи Посполитой в войне против Московского государства римский папа, император, испанский и французс-

кий короли, а также другие «поморские государи»; предписывалось, кроме того, проведать, как складываются у Польши отношения с Турцией и Крымом⁴²⁰. Близкий круг вопросов затрагивался в памяти посланникам в Империю в 1613 г.: каковы отношения у Империи с Турцией, Речью Посполитой и другими соседними государствами, нет ли войны между императором и султаном; кроме того, русским дипломатам было велено узнать о внешнеполитическом положении Польши (перечень проблем совпадает с перечнем, содержащимся в памяти Д.Оладыну)⁴²¹. В 1614 г. руководство Посольского приказа интересовали отношения императора с польским королем и турецким султаном⁴²².

Довольно обширная проблематика поднималась в памяти русским посланникам в Данию: они должны были узнать об отношениях Дании с Империей, Турцией, Испанией, Францией, Венецией, Швецией, Польшей, а также получить сведения о датско-шведской войне⁴²³. Столь значительный объем вопросов объясняется, вероятно, десятилетним перерывом в контактах между Данией и Московским государством.

Несколько иные вопросы предстояло уяснить русским дипломатам, отправлявшимся на Кавказ, в Персию, Крым и Турцию: они касались преимущественно взаимоотношений между этими государствами, а также отношений Османской империи с европейскими странами. Так, в Грузии в 1604 г. следовало узнавать об отношениях Грузии с Персией и Турцией, а также об ирано-турецкой войне⁴²⁴. В Крыму в 1607 г. гонцу велели узнать о взаимоотношениях Турции с Империей, Венецией, Францией, Испанией; кто является султаном, и кто при нем визирь и ближние паши; помимо того, нужно было установить, не было ли в Крыму послов из Ногайской Орды⁴²⁵. В 1613 г. в Крыму следовало проведать о ходе польско-турецкой войны; прочие вопросы совпадают с перечнем 1607 г.⁴²⁶ В 1616 г. традиционный круг проблем, интересовавший руководство Посольского приказа, был дополнен вопросом «прочен ли на Крыме Джанбек-Гирей царь и где ныне крымской Шан-Гирей царевич»⁴²⁷. В Турции в 1616 г. российским дипломатам было указано узнать об отношениях султана с Литвой, Персией и Крымом⁴²⁸. В Персии в 1614 г., соответственно, следовало проведать про отношения шаха с Турцией, Крымом, Польшей, а также «про неметцкого короля»⁴²⁹ (вероятно — императора).

Как видно, на протяжении всего рассматриваемого нами периода, направляя за границу своих представителей, Посольский приказ снабжал их особыми памятями о «проведывании вестей» о международных отношениях. При этом круг вопросов, подлежавших уяснению, варьировался в зависимости от страны, куда отправлялась

миссия и со временем существенно не менялся. Наиболее обширные подобные памяти относятся к 1613 г., поскольку российская дипломатия в течение 1611-1612 гг. была лишена возможности постоянно следить за изменениями на дипломатической арене; позднее, когда в Москве составили связную картину взаимоотношений между зарубежными державами, памяти сделались менее подробными.

Однако, «памяти о проведывании вестей» эпохи Смуты имеют существенную особенность. Помимо вопросов международных отношений в них значительное место занимают указания узнавать о реакции зарубежных дворов на события внутривосточного кризиса Московского государства. Так, Лжедмитрий I, направляя в 1605 г. в Польшу гонца, приказал вызнавать, что говорят про государя «Димитрия Ивановича», и собирается ли король Сигизмунд в сложившейся ситуации соблюдать перемирие 1601-1602 гг.: «того проведывати накрепко тайно у всяких людей, а что проведает, то все записати себе тайно»⁴³⁰. Спустя год посланники царя Василия Шуйского в Польше должны были узнать, что говорят в этой стране относительно царя Василия, Расстриги и пленных поляков⁴³¹. В 1607 г. гонцу в Крым указали проведать: «И что говорят про Ростригу: подлинно ль ведают, что он убит, и что слух у них про Илейку, что называет Петрушкою, и присылка от тех воров в Крым не бывала ли...»⁴³². В 1613 г. русский посланник в Крыму должен был узнавать, не было ли у хана ссылки с атаманом Заруцким⁴³³. В Империи следовало выяснить, что говорят в Европе о Московском государстве и о Польше: «кого правят, кого винят»⁴³⁴. Русский гонец в Персии в 1614 г. должен был проведывать, не присылали ли к шаху после бегства из Астрахани своих грамот Заруцкий и Марина Мнишек, и не собираются ли они бежать под защиту Аббаса I⁴³⁵. Таким образом, события Смутного времени оказали значительное влияние на содержание составных частей посольских наказов — «памятей о вестях».

К столбцам в Посольском приказе подклеивались также отписки, присылавшиеся в Москву дипломатами после их отъезда и воеводами городов, через которые они проезжали. Включались в столбец и черновики грамот, посланных по этим отпискам из Посольского приказа. Переписка между дипломатическим ведомством и послами велась и во время их возвращения в Москву. Прибыв в первый русский город, посланники отправляли соответствующую отписку в Москву, получая в ответ грамоту с повелением немедленно ехать в столицу. Промедление строго осуждалось. Так, возвращавшемуся в 1614 г. из Дании послу князю И.Борятинскому из Посольского приказа было прислано язвительное замечание по по-

воду его задержек в пути: «И вы то делаете, не радея о нашем и о земском деле и не имея в себе от нас, великого государя, боязни, чего при прежних государех некоторые послы и посланники так не дельвали, что вы ныне делаете: на Колмогорах и на Вологде будучи, мешкали затем, что товары всякими себе торговали, а з дороги ты, князь Иван, поехал к себе в поместье животов своих хоронить да княгине посольство править»⁴³⁶. Похожий выговор получил в то же время возвращавшийся из Англии посланник А.Зюзин⁴³⁷.

Следует также отметить одну особенность документации по связям Московского государства с Крымским ханством, порожденную спецификой русско-крымских отношений. Еще в XVI веке сложилась устойчивая практика долгого задержания русских посланников в Бахчисарае, а крымских — в Москве. Смутное время не было в этом плане исключительным. В связи с этим, в крымских столбцах часто встречаются отписки русских послов, задержанных в Крыму, которые по своему содержанию гораздо ближе к статейным спискам, нежели к отпискам. В ответ на эти «отписки» из Москвы отправлялись грамоты, которые часто содержали в себе новые указы посланникам⁴³⁸. Грамоты с дополнительными наказами послам, задержанным за рубежом, и отписки от последних можно обнаружить в рассматриваемую эпоху также в турецких и персидских делах⁴³⁹, но постоянной практикой подобная переписка дипломата с Посольским приказом стала лишь в русско-крымских отношениях.

Вернувшись в Москву, дипломаты отдавали посольским дьякам грамоту от государя, к которому они ездили, а также документацию своей миссии, среди которой важнейшее место принадлежало статейным спискам. Отчеты русских дипломатов часто фигурируют в документации Посольского приказа именно под этим традиционным названием. Так, в 1616 г. статейный список был подан гонцом, вернувшимся из Англии⁴⁴⁰; документация гонца И.Фомина, вернувшегося в 1617 г. в Москву, также была названа статейным списком⁴⁴¹. Однако, в посольской документации начала Смутного времени отчет вернувшихся дипломатов не всегда имел такое название. Так, в грузинском столбце 1605 г. было записано, что послы подали государю «список, как у них что делалось в Грузех»⁴⁴²; вернувшиеся из Польши в 1607 г. посланники привезли «на свое посольство ответной список»⁴⁴³; в 1614 г. посланник А.Лодыженский отдал в приказ «список, что у него делалось в Крыме...»⁴⁴⁴; в 1615 г. посланники М.Тиханов и А.Бухаров «подали в Посольском приказе дьяком... ездю своего список, как у них в Кизылбашех государево дело делалось»⁴⁴⁵; приехавший в 1619 г. из Ногайской Орды посланник С.Рагозин «тому [государеву] делу в Посольском приказе дьяку Саве Раманчукову подал список»⁴⁴⁶.

Как видно, за отчетами русских дипломатов начала XVII в. еще не было окончательно закреплено общее название, широко используемое в историографии — «статейный список». Однако слово «список» в формулах, обозначающих отчеты русских посланников, используется практически всегда. В статейных списках в хронологическом порядке излагался маршрут следования миссии, описывались аудиенции, переговоры и обратный путь. Источниковедческая и общеисторическая ценность статейных списков русских послов не раз отмечалась в специальных исследованиях⁴⁴⁷. Здесь мы ограничимся лишь указанием на то, что статейные списки русских послов эпохи Смуты также являются ценнейшими источниками, отражающими реалии драматических событий начала XVII столетия.

Следует предположить, что послы, находясь за границей, вели не один список. В пользу этой версии можно привести ряд аргументов. Согласно Описи 1626 г., два варианта статейного списка были привезены в 1614 г. из Империи русскими посланниками С.Ушаковым и С.Заборовским. В описи было записано: «Статейной список черной Степана Ушакова да дьяка Семова Заборовского, как посылаемы они были во 121-м году к цысарю в посланниех, взят у них, у Степана и Семова; да и белой их, Степанов и Семова, статейной список 121-го ж году»⁴⁴⁸. В данном случае, правда, можно предположить, что «белый» статейный список был переписан с черновика позже в Посольском приказе, поскольку в описи не указано прямо, что и он был взят у посланников. Однако имеются и конкретные указания на составление посланниками двух вариантов статейного списка. В 1614 г. послы, возвращавшиеся из Дании, боясь нападения «воров», разделились: князь И.Борятинский отправился в Москву, а дьяк Г.Богданов остался в Ярославле с посольской документацией. В частности, в Ярославле остались подлинники грамот от датского короля, а Борятинский привез в Москву их переводы. Кроме них, Борятинский подал в приказе статейный список еще до прибытия в Москву дьяка, причем в деле было особо отмечено, что этот список был подан до приезда Г.Богданова⁴⁴⁹ (если бы в распоряжении Посольского приказа был только один вариант статейного списка, подобное уточнение не имело бы смысла). Учитывая то, что проезд в Москву был опасным, можно предположить, что сначала в столицу послали документы, утрата которых была восполнима — переводы грамот и черновой вариант статейного списка.

Версия о параллельном составлении участниками дипломатических миссий двух вариантов списка — черного и белого — прямо подтверждается указанием, содержащимся в статейном списке послов в Турцию П.Мансурова и С.Самсонова. На обратном

пути в Московское государство, опасаясь нападения со стороны турок или казаков, русские дипломаты уничтожили часть документации, но оставили у себя «государев наказ да посольские два списка, чистой да черной»⁴⁵⁰. В нашем распоряжении имеются оба варианта статейного списка этой дипломатической миссии. Черновой вариант статейного списка скреплен на оборотах приписями посланников: «К сему списку Петр Мансуров руку приложил; к сему списку великого государя, царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси диак Семейка Самсонов руку свою приписал»⁴⁵¹. Этот вариант списка был рабочим, о чем свидетельствуют многочисленные исправления, вставки и приписи по всему его тексту. Характер исправлений в черновом варианте позволяет утверждать, что его текст подвергался правке по меньшей мере трижды. Например, первоначальный вариант текста сообщает о совместном пребывании российских и польских посланников на приеме у визиря следующим образом: «И как пан Кохоновский пришел к везирю к Ахмет-паше блиско, и везирь Ахмет-паша против его встал, а Петр и Семейка для везиря *Ахмет-паши* *немного приподнялись* [курсив мой. — Д.Л.] и опять на своих местах сели». В результате первой правки текст принял несколько иной вид: «И как пан Кохоновский пришел к везирю к Ахмет-паше блиско, и везирь Ахмет-паша против его встал, а Петр и Семейка для везиря *встали ж* [курсив мой. — Д.Л.] и опять на своих местах сели». Во время второй правки чернового списка весь этот абзац был вычеркнут; в «чистый» список он не был перенесен, также как и другие вымаранные фрагменты чернового варианта⁴⁵². Третья правка чернового текста была произведена уже после составления «чистого» статейного списка: на этот раз оба варианта отчета русских дипломатов редактировались одновременно: в обоих текстах имеются одинаковые исправления (например, и в «черном», и в «чистом» списках имя визиря Мустафы-аги исправлено на «Мустофа-паша»)⁴⁵³. «Чистый» вариант списка был составлен на основе «черного» варианта: в окончательном тексте списка учтены все исправления, сделанные посланниками в черновике. Таким образом, «черный» список являлся рабочим документом. Однако, анализ его текста позволяет утверждать, что и черновой вариант не был составлен в результате автоматического занесения в него записей о происходивших событиях в хронологическом порядке. Об этом свидетельствуют записи, сделанные в черновом статейном списке относительно речей иерусалимского и константинопольского патриархов: «И те патриарши речи писаны в сем списке особною статьею ниж сего»; «Да патриарх же Феофан сказывал за столом Петру и Семейке которые речи, и те его речи писаны внизу сего списка особною ста-

тью царегородского патриарха Тимофея с речью вместе, потому что говорили речи, быв меж собою порознь, а одни речи»⁴⁵⁴. Следовательно, и черновой список не был исходным вариантом, а составлялся, в свою очередь, на основе более раннего списка, поскольку составляя черновик, послы уже знали, в каком месте будут записаны те или иные сведения.

Таким образом, статейные списки были результатом многоэтапной и активной делопроизводственной работы членов дипломатических миссий. Статьиные списки составлялись в двух вариантах (черновом и чистом) еще во время посольства и позднее передавались в Посольский приказ. Подтверждением тому, что списки составлялись именно членами посольств, являются многочисленные указания в документации Посольского приказа, согласно которым по возвращении в Москву списки передавались посольским дьякам уже в законченном виде, а не в виде разрозненного «сырого» материала. Следует согласиться с точкой зрения А.А.Новосельского, пришедшего к выводу о том, что статейные списки составлялись именно членами дипломатической миссии. Однако нельзя согласиться с другим выводом этого автора, согласно которому в Посольском приказе статейные списки могли лишь переписывать, не подвергая переработке и редактированию⁴⁵⁵. Практика редактирования статейных списков, как показано в исследовании Н.М.Рогожина, в Посольском приказе имела место еще в XVI в. Об этом свидетельствуют некоторые разночтения между текстами статейных списков, содержащимися в столбцах и книгах⁴⁵⁶. Факт обработки статейных списков в Посольском приказе подтверждается также широко распространенной практикой записи «расспросных речей» и комбинирования их со статейными списками. Однако в данном случае речь может идти лишь о редактировании статейных списков в Посольском приказе, а не о составлении их в дипломатическом ведомстве. Подтверждения версии Н.А.Смирнова, предположившего, что статейные списки составлялись в Москве под непосредственным контролем думных дьяков⁴⁵⁷, в делопроизводстве Посольского приказа начала XVII столетия обнаружить не удалось.

Завершающей частью статейного списка обыкновенно являлись «вестовые списки», в которых были приведены проведенные за границей вести. Обычно вестовой список состоял из общей характеристики международного положения посещенной страны (с кем «в миру», с кем «не в миру»), и отдельных вестей. Формуляр записи этих вестей был постоянным: фиксировалось в каком городе, какого числа и от кого была получена соответствующая информация. Обыкновенно проведенные вести не объединялись тематически, а располагались в списке в хронологическом порядке. Однако, в

столбце по связям с Турцией в вестовом списке имеются особые разделы — «недружба польского короля с турецким салтан Ахметем», «С турецким недружба испанскому и французскому королем», «Турского Ахмет- салтана недружба с кизылбашским шахом»⁴⁵⁸; внутри соответствующих разделов вести расположены в хронологическом порядке. Вестовые списки были важной частью отчетов русских дипломатов, поскольку являлись одним из главных источников, из которых Посольский приказ получал сведения о международных отношениях, на базе чего в дальнейшем во многом определялся внешнеполитический курс Московского государства.

Дополнением (а иногда и заменой) статейного списка являлись «расспросные речи» участников миссии. Представляется, что возвращавшиеся из-за границы дипломаты должны были подвергаться расспросам всякий раз, но «расспросные» речи записывались в Посольском приказе лишь в отдельных случаях. Прежде всего, запись речей осуществлялась, если документация посольства по той или иной причине погибала. Так, были записаны речи гонца в Польшу Д.Оладына, который, боясь нападения от поляков, уничтожил свой статейный список⁴⁵⁹. Были записаны и речи толмача Г.Есипова, вернувшегося из Ногайской Орды раньше посланника И.Кондырева⁴⁶⁰. Расспрос производился и протоколировался и в том случае, если руководство Посольского приказа получало информацию о недостойном поведении членов миссии за границей. Примером могут служить допросы вернувшихся из Империи в 1614 г. посланников С.Ушакова и С.Заборовского⁴⁶¹, из Персии в 1615 г. М.Тиханова и А.Бухарова⁴⁶². Посольские дьяки расспрашивали послов и других участников миссии. Если их показания расходились, устраивалась очная ставка — членов посольства «с очей на очи ставили»; иногда использовались и пытки — в 1614 г. в присутствии П.Третьякова пытали обвиненного в «изменных речах» портного Федора Левонтьева⁴⁶³; в Описи 1673 г. упоминаются «роспросные и пыточные речи Степана Ушакова да дьяка Семена Заборовского»⁴⁶⁴. В этих случаях после статейного списка помещался перечень отступлений от установленных норм поведения и от государева наказа. Этот перечень был результатом сопоставления статейного списка, поданного послами, и расспросных речей участников миссии. Такие перечни зафиксированы в персидских и имперских делах⁴⁶⁵; среди столбцов по связям Российского государства со Швецией имеется отдельное дело, посвященное рассмотрению ошибок русских послов⁴⁶⁶.

В ряде случаев статейный список, привезенный послами, комбинировался в Посольском приказе с расспросными речами участников миссии. Так, в 1615 г. в статейный список посольства, вер-

нувшегося из Персии, были включены расспросные речи толмача С.Афанасьева, значительно дополнившие отчет посланников. В данном случае расспросные речи не были отделены от статейного списка, как делалось обычно, а составили с ним единое целое, о чем свидетельствует запись после статейного списка и речей толмача: «И думной дьяк Петр Третьяков сей список вверх носил, и государя докладывал, и бояром чол»⁴⁶⁷. Другой способ комбинирования статейного списка с расспросными речами можно обнаружить в столбце по связям с Крымским ханством. На полях статейного списка Исаака Спешнева сохранились пометы: «Исак говорил, что грамоту увез, яз де говорил», «Исак сказал...», «Исак говорил...»⁴⁶⁸. Это свидетельствует о том, что статейный список посланника в данном случае сверялся и дополнялся его собственными расспросными речами.

Наконец, следует отметить, что характерной чертой дипломатической документации начала XVII столетия является то, что в ней довольно часто содержатся попытки объяснить причины и природу случившейся в Московском государстве Смуты. В данном случае для нас интересно, что излагаемая в наказах событийная канва отражала официальную версию московского правительства в том виде, в котором ее желательно было передать иностранным государям. В конце правления Бориса Годунова правительство еще не смогло разработать сколько-нибудь целостной концепции происшедшего, поэтому объяснения иностранным дипломатам давались довольно расплывчатые. Так, в конце марта 1605 г. крымскому гонцу сообщили, что Северская земля находится в шатости «по грехом»⁴⁶⁹. При Лжедмитрии I события 1604-1605 гг. изображались как торжество божественной справедливости: русские дипломаты заявляли, что царь Димитрий Иванович получил престол «Божьим праведным судом и его крепкою десницею и по степени прародителей своих»⁴⁷⁰.

Относительно законченная концепция причин начала Смутного времени сложилась в начале царствования Василия Шуйского. Суть официальной версии сводилась к тому, что главным виновником бедствий Московского государства объявлялась Речь Посполитая: «Начало злу сему бысть от коруны Польские и великого княжства Литовского». Русские посланники в Польше должны были заявлять: «государь ваш Жигимонт король и вы, паны рада, преступя крестное целованье и поруша мирное постановенье, злым умыслом и вспоможеньем навели того вора [самозванца. — Д.Л.] на Московское государство и в Московском государстве смуту и кроворозлитье учинили». Главным мотивом враждебных действий поляков объявлялось желание «истинную нашу православную кристьянскую

веру порушити»⁴⁷¹. В дальнейшем эта концепция принципиально не менялась, а лишь дополнялась новыми деталями по мере развития Смуты: в дальнейшем польского короля обвиняли в том, что он «наслал» на Московское государство второго самозванца; затем — в том, что он, желая воцариться в Москве, способствовал низложению Василия Шуйского и намеренно задерживал приезд в Москву королевича Владислава⁴⁷². После вмешательства во внутренние дела Российского государства Швеции, в событиях Смуты стали усматривать также «злой умысел» шведского короля⁴⁷³. Участие в событиях кризиса широких народных масс объяснялось тем, что «воры казаки, которые были в совете с вором с ростригою з Гришкою Отрепьевым», боясь смертной казни за свои преступления, «учали называти государскими детьми казаков воров»⁴⁷⁴. Позднее, в начале правления Михаила Романова, концепция Смуты была несколько видоизменена: традиционное обвинение соседних держав в разорении Московского государства было дополнено характерной для начального этапа Смутного времени идеей Божьего наказания за грехи: «ныне за грех всего христьянства от разоренья неприятелей — польского Жигимонта короля и панов рад и от воровских людей, от разбойников, в Московском государстве везде запустошенье»⁴⁷⁵. Дополнение официальной версии Смуты идеей Божьего наказания позволяло объяснить продолжительность кризиса и безуспешность попыток преодолеть его, а также отводило Российскому государству мессианскую роль, поскольку та страдала «за грех всего христьянства».

Некоторое отступление от приведенной выше концепции наблюдалось в дипломатической документации лишь на начальном этапе «междоусобицы». В условиях, когда на российский престол был избран польский принц, от объяснения событий Смуты «злым умыслом» польского короля пришлось отказаться. В конце 1610 г. русскими послами, находившимися под Смоленском, в Москву была прислана грамота, в которой была изложена версия Смуты, предложенная польской стороной — переживаемый страной кризис объяснялся нелегитимностью московских государей, правивших после пресечения династии Рюриковичей: «после блаженные памяти царя и великого князя Федора Ивановича всеа Руси на Московском государстве были не природные государи, и потому в Московском государстве и смуты учали быти, и многие вору назывались государскими детьми»⁴⁷⁶. После восшествия на престол Михаила Романова данная концепция событий Смуты была отклонена, однако, и она оставила свой след: царь Михаил старался представить себя законным наследником именно Федора Ивановича.

Таково основное содержание документации, составлявшейся в Посольском приказе в эпоху Смуты. Анализ материалов делопроизводства Посольского приказа начала XVII в. показывает, что работа дипломатического ведомства на этом этапе была довольно интенсивной, свидетельством чего является большое количество столбцов, тетрадей и книг, составленных в приказе за шестнадцать лет. Значительная часть документации Посольского приказа, относящейся к рассматриваемому нами периоду, к настоящему моменту утрачена. Состав документации Посольского приказа в начале XVII в. оставался прежним. Смута оказала заметное воздействие на содержание столбцов и книг, составленных в дипломатическом ведомстве, но не привнесла сколько-нибудь заметных новшеств в оформление посольской документации. В рассматриваемый период в Посольском приказе использовались прежние, проверенные и устоявшиеся формы делопроизводства.

Глава 5.

ПРИЕМЫ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВЕННОЙ РАБОТЫ СЛУЖАЩИХ ПОСОЛЬСКОГО ПРИКАЗА НАЧАЛА XVII ВЕКА

В данной главе анализируются приемы делопроизводственной работы служащих Посольского приказа и способы составления столбцов и книг по связям Российского государства с иностранными державами. В предыдущей главе рассматривалась структура и содержание документации Посольского приказа начала XVII в. Восстановить способы составления столбцов и книг, а также работы с ними, помогают соответствующие пометы, сохранившиеся в делах «дипломатических» фондов РГАДА. Приемы составления книг помогает реконструировать также сопоставление их содержания с текстами соответствующих столбцов.

Раздел 1.

Приемы составления столбцов в Посольском приказе

В столбцах Посольского приказа объединялись относящиеся к тому или иному дипломатическому вопросу материалы. Часть составляющих документов вырабатывалась непосредственно в Посольском приказе, часть поступала из городов, других ведомств, от российских дипломатов. Доставленные в Посольский приказ документы прочитывались, при необходимости представлялись государю и Думе, после чего на обороте первого листа документа (челобитной, отписки) дьяк делал помету: «Чтена. В столп», «Чтена, вклеить в столп», «Чтена. Вклеить к отпуску»¹, «Чтена государю и бояром»², «Государю и бояром чтена. Вклеить в столп»³, «Чтена. В столп крымской»⁴. В делопроизводстве Посольского приказа начала XVII в. удалось обнаружить лишь несколько случаев, когда помета «Чтена» была сделана на лицевой стороне отписки⁵. Часто на обороте входящих документов можно обнаружить не только резолюции о дальнейшей судьбе данного документа, но и приговор царя и бояр по вопросу, поднятому в нем. Так, на обороте отписки о том, что шведские послы забрали с собой шведского

пленника, имеется запись: «Прочести государю и бояром. Чтена. Отнимати не велети»⁶.

Исходящие документы (грамоты, памяти, наказы) в обязательном порядке копировались в Посольском приказе. При этом черновик вклеивался в столбец; в большинстве случаев в конце документа помещалась помета, сообщавшая о том, с кем и когда он был отправлен из приказа. Иногда делались более подробные пометы: «Такова ж память послана в Володимерскую четъ, чтоб послали грамоты, потому что Данков и Переславль Резанской ведают в Володимерской чети, а в Розряд такова ж послана об одной воронезской грамоте с толмачом з Булгаком»⁷.

Составленный черновой вариант исходящего из приказа документа подвергался правке. Фрагменты текста, подлежащие удалению, вычеркивались, при этом небольшие участки текста (от слова до нескольких строк) перечеркивались одной горизонтальной чертой; если же удалению подлежал большой фрагмент текста, то первая и последняя строка фрагмента перечеркивались горизонтальными линиями, которые соединялись вертикальной чертой, перечеркивающей остальные строки. Исправления текста производились путем написания правильного варианта поверх ошибочного (если исправлялась одна или несколько букв). Если объем исправлений был больше (одно или несколько слов, иногда — несколько строк), то новый вариант писался над строкой с зачеркнутыми словами. Наконец, если в текст документа следовало сделать обширную вставку, то на лицевой стороне документа в месте вставки вырисовывался значок в виде креста, вписанного в круг («крыж»). На обороте соответствующего листа ставился этот же символ, после чего следовал текст вставки.

Иногда составлению грамоты предшествовала определенная справочная работа. Так, в Посольском приказе была составлена грамота к воеводе И.А.Хворостинину, причем в грамоте он был написан стольником и воеводой. Однако приказное руководство решило навести соответствующие справки, и перед текстом грамоты была помещена памятка: «Отписати, стольником ли и воеводою пишетьца князю Ивану Ондреевичю Хворостинину, или глухо». После наведения справок (вероятно — в Разрядном приказе) рядом с памяткой было приписано: «Глухо». Вследствие этого в черновом варианте грамоты И.А.Хворостинину титулы «стольник и воевода» были вымараны⁸.

Черновики грамот, посылавшихся из Посольского приказа, не всегда подклеивались в столбец немедленно. Свидетельством этого является следующий факт. В крымском столбце 1604–1606 гг. имеется черновой вариант грамоты от 22 октября 1605 г., отправленной

из Посольского приказа в Мценск к приставу при крымских гонцах. На обороте же этой грамоты записан черновой вариант грамоты к смоленским воеводам, относящийся также к октябрю 1605 г.⁹ Это свидетельствует о том, что черновик грамоты, посланной в Мценск, не был сразу подклеен к соответствующему крымскому столбцу, а в течение некоторого времени (вероятно — нескольких дней) лежал отдельно, вследствие чего оборотная его сторона и могла быть использована для составления грамоты в Смоленск. Подобная практика не была широко распространенной, но аналогичный пример можно обнаружить и в более ранний период. На обороте отрывка наказа посланнику в Данию И.Ржевскому, датированного 1 августа 1601 г., был написан черновой вариант проезжей грамоты от 12 августа 1601 г. ястребникам, отправленным с посольством в Крым. Позднее соответствующий лист был включен в крымский столбец¹⁰. Следовательно, иногда черновые варианты документации подклеивались в столбцы не сразу, а по прошествии некоторого времени (в данном случае отрывок датского дела должен был пролежать не подклеенным около двух недель).

В большинстве же случаев документы подклеивались в столбцы сразу по их написанию или поступлению в приказ. Так, 22 сентября 1613 г. в Посольском приказе получили отписку из Переяславля Рязанского. Копия отписки осталась в Посольском приказе, а подлинник переслали к царю, возвращавшемуся с богомоля. 30 сентября подлинник был передан в Посольский приказ и подклеен к столбцу, где уже находилась копия рязанской отписки¹¹. Следовательно, к 30 сентября столбец о приезде из Переяславля Рязанского ногайских гонцов уже начали составлять; в противном случае в столбце был бы клеен лишь подлинник отписки. Черновой вариант грамоты иногда включался в несколько столбцов. Так, в ногайском столбце 1613-1614 гг. после текста грамоты имеется помета: «Такова грамота послана с атаманом с Ыгнатъем Бедрищевым марта в 18 день, а подлинной отпуск атаману Игнатью Бедрищеву клеен в Донском столпу, как отпущон на Дон Иван Опухтин»¹².

Документы на иностранных языках, поступавшие в Посольский приказ, переводились переводчиками. Когда не было уверенности в точности перевода, к нему привлекалось одновременно несколько специалистов. Так, в 1618 г. верительную грамоту шведских послов переводили «Ульф с товарищи», а затем также Арн Бук, специально для этого вызванный из Казани. После перевода грамоты Буком и сверения текстов двух переводов над вторым экземпляром сделали помету: «Переводил Арн Бук вдругорядь для правки. Не писать. Так будет вдвое ж»¹³. Переводы грамот по распоряжению приказ-

ного руководства подклеивались в столбцы, причем строго в указанном месте: в крымском столбце 1616 г. после росписи подарков, врученных крымским послам на аудиенции у царя, помещена помета: «Подклеить тут переводы с грамот» (каковые и следуют в столбце после этой пометы)¹⁴.

Иногда с российскими дипломатическими миссиями отправлялись грамоты на иностранных языках, написанные находившимися в Российском государстве иностранцами. Такие грамоты в обязательном порядке представлялись в Посольский приказ. Так, в 1617 г., вместе с выехавшим в Данию посланником было отправлено письмо от жившего в Москве датчанина к его родственникам; датчанин лично принес это письмо в Посольский приказ к дьякам, и в столбец был включен перевод этого послания¹⁵. Позднее, в 1626 г. переводчик Е.Еремеев провез в Швецию частные письма живших в Московском государстве немецких торговцев к их родственникам, не передав их для перевода в Посольский приказ. Когда дело раскрылось, Еремеев был уволен из переводчиков, несмотря на длительный стаж и богатый опыт службы в дипломатическом ведомстве¹⁶.

Представленные грамоты в приказе переводили на русский язык (переводы подклеивались в столбцы). При этом содержание писем редактировалось служащими Посольского приказа. Так, например, в 1616 г. английский посол Дж.Меррик, посредничавший на русско-шведских переговорах, передал в Посольский приказ свое письмо к шведскому послу Я.Делагарди. Письмо было переведено, и руководители приказа распорядились: «Приписать о княгине Одоевской, чтоб и з детьми отпустил» (речь идет о жене князя И.Н.Одоевского, находившейся в оккупированном шведами Новгороде). На обороте перевода был записан пространный текст соответствующей вставки¹⁷. Переводы иностранных грамот подклеивались в столбцы, подлинники же грамот хранились отдельно и использовались в дальнейшей дипломатической практике; сравнительно редко в столбец подклеивали и подлинный иностранный текст (несколько примеров можно обнаружить в английских и шведских столбцах 1615-1619 гг., в частности, текст речей английского посла Дж.Меррика, написанный на немецком языке и поданный в Посольский приказ)¹⁸.

При подготовке заграничной миссии важная роль отводилась оформлению грамоты к иностранному государю. При составлении грамоты использовались старые образцы. Так, при подготовке в Посольском приказе в 1610 г. грамоты от боярина Дмитрия Шуйского в Ногайскую Орду, за образец был взят текст грамоты, отправленной в 1603 г. к князю Иштереку от астраханских воевод. Шерт-

ная запись (текст присяги для мусульман) также был составлен на основе документа трехлетней давности, о чем сохранилась соответствующая помета: «А написана ся запись против тое записи, по которой приведены к шерти Иштерек-князь и мурзы во 115 году у Балчика при боярине Федоре Ивановиче Шереметеве». Черновой вариант грамоты составлялся дьяком, а затем переписывался подьячим¹⁹. При составлении примерного варианта договорной записи (русско-шведские переговоры в Дедерино, 1616 г.) был использован текст Тязвинского договора 1595 г. (в сохранившемся черновике исправлены имена шведского короля Сигизмунда, царя Федора Ивановича, русских и шведских послов)²⁰. Иногда в столбце можно обнаружить пометы, содержащие самые общие указания по составлению грамоты: «Писати от государя, примерясь к царевице ж [ханской. — Д.Л.] грамоте»²¹. После составления грамота зачитывалась царю, о чем свидетельствует приписка перед текстом грамоты к датскому королю: «Честь государю»²².

После представления текста грамоты царю и боярам иногда приходилось вносить некоторые изменения. Исправление текста грамоты называлось «вычистойкой». В одном из шведских столбцов сохранились пометы, позволяющие представить процесс редактирования текста грамоты. Перед грамотой помещена запись: «Грамота самая черная, с чистою правлена». На оборотах имеются пометы: «Вычистка 1, июля 14 числа подклеина», «Вычистка 2-я, июля 14 числа подклеина»²³. Как видно, текст грамоты в Швецию правился как минимум дважды. В конце черновых вариантов грамот можно обнаружить распоряжения дьяков: «Переписать»²⁴. После внесения изменений, текст переписывался начисто золотописцами и подьячими, запечатывался и заверялся подписью судьи Посольского приказа: при описании внешнего вида отправляемых за рубеж грамот в большинстве случаев отмечалось: «подпись назади дьячья» или «подпись дьячья на загибке»²⁵. Правленный черновой текст грамоты включался в столбец после тщательного сопоставления его с окончательным вариантом грамоты (об этом свидетельствуют пометы вроде «С подлинною грамотою правлена», «Справлена. Отдати послом. А черная вклеена короткая»)²⁶. В большинстве случаев грамоты писались на русском языке, но известны случаи, когда по распоряжению руководителей приказа подлинники переводились на иностранные языки: в столбцах на полях напротив русских текстов грамот, отправляемых за границу, сделаны пометы: «Писать в лист по-татарски»²⁷; «Такова грамота послана татарским писмом»²⁸.

После принятия царем и Боярской думой решения об отправлении посольства или гонца за границу, служащие Посольского при-

каза приступали к оформлению посольского наказа — одного из важнейших документов дипломатической миссии. Имеются многочисленные примеры, когда в столбцах в тексте наказов оставались пропуски под имена дипломатов. Это объясняется тем, что делопроизводственная работа начиналась еще до определения кандидатуры посланника. Часто эти пробелы в черновиках наказов так и оставались незаполненными (подобный казус удалось обнаружить даже в книге, составлявшейся на основе столбца — в одном месте был оставлен пропуск под имя дьяка)²⁹; иногда имена и фамилии послов и гонцов вписывались позднее чернилами другого цвета, после того, как определялась кандидатура дипломата. Например, в наказе для посланника, отправленного в конце 1617 г. в Данию и Голландию, оставлены пропуски для имени, а на обороте последнего листа наказа была записана фамилия посланника — «Баклановского»³⁰. Известны случаи, когда наказ составлялся для одного человека, но перед отправлением миссии его по какой-либо причине заменяли другим. Тогда в столбец вносились соответствующие исправления. Так, весной 1607 г., в качестве гонца в Крым планировали послать Даниила Протасьева, но вместо него был отправлен Степан Ушаков (сохранилась память, составленная для Протасьева, но его имя было вычеркнуто и вместо него был вписан Ушаков). В тексте наказа также первоначально было вписано имя «Данило», а затем исправлено на «Степан»; в некоторых местах имя Протасьева осталось не вычеркнутым³¹.

В составлении наказа посланникам, отправляемым за границу, принимали участие не только служащие Посольского приказа, но и члены Боярской Думы. В столбцах по связям Московского государства со Швецией можно обнаружить прямые указания на то, что Дума имела непосредственное отношение к составлению наказов. В одном из дел 1616 г., после записи об обсуждении боярами вопросов об условиях заключения мира со Швецией, была помещена помета: «А поговоря, бояре по тому велели... и наказ государев писать»³². В столбцах можно обнаружить также материалы, иллюстрирующие способы составления посольских наказов и степень участия в этом процессе членов Боярской Думы. Сохранился отрывок чернового варианта наказа российским посланникам, отправленным на съезд в Дедерино в 1615 г. Начинается отрывок дьячьей пометой: «Говорити з бояры о свейском деле, как в наказ писати». Далее аккуратным почерком были записаны предполагаемые ситуации и предложения шведских дипломатов, а рядом с ними небрежным почерком помещены записи о боярском решении по данному вопросу³³. Например, в тексте было записано: «А будет с свейскими послы на съезде будут толмачи, которые преж того бы-

вали государевы — Анца Арпов и Анца Бракилев, или иные которые государевы толмачи, и при них государево дело делать ли и с ними говорити ль?» Рядом с этим вопросом было помещено боярское решение: «Бояре приговорили: отговариваться, а по самой неволе и с ними говорить»³⁴. Аналогичным образом составлялся наказ, отправленный к послам в Дедерино в январе 1616 г.³⁵ Как видно, основа наказа (в виде набора возможных ситуаций, осложнений и вопросов, которые могут возникнуть в ходе переговоров) составлялась в Посольском приказе на основании накопленного в этом ведомстве дипломатического опыта; в Боярской Думе определялась стратегия поведения дипломатов.

В присутствии царя и Думы решались и другие вопросы, связанные с подготовкой зарубежной миссии. Вопросы эти также формулировались руководством Посольского приказа. В том же шведском столбце приведен перечень предметов, которые следовало отправить с русскими послами на съезд (крест и икона для присяги, шатер, бумага, чернила и т.д.) На следующем листе этот перечень был переписан с предварительной пометой: «Доложити государя... о свейских послех, чтоб с ними послать на съезд с Москвы». Напротив каждого предмета из перечня другим, небрежным почерком была приписана соответствующая резолюция: «Крест нарядной. От Пречистой из собору. Образ Пречистые Богородицы нарядной. От собору ж от Пречистые. Миса серебряна, на чем кресту быти. От Пречистые ж. Съезжей шатер, к шатру полы и к нему чемодан. На Дворец послать память». По окончании перечня помещена запись: «По сей помете память в Пречистую Соборную, и на Дворец, и на Казенной Двор посланы»³⁶.

В процессе подготовки дипломатической миссии составлялся не один черновик наказа. Так, в Описи 1626 года упомянут «Наказ литовской самой черной, как посыланы на съезд с литовскими послы для мирного постановенья, а имян посольских не написано, черненье думного дьяка Петра Третьякова, 123-го году»³⁷. Данная цитата доказывает факт существования двух или более черновых вариантов наказа русским послам под Смоленск; первый — «самой черной» наказ был составлен еще до определения состава российской дипломатической миссии. Кроме того, мы можем документально подтвердить факт активного участия судьи Посольского приказа Петра Алексеевича Третьякова в подготовке наказа.

При составлении наказа посланникам в Посольском приказе могли использовать тексты других наказов, составленных незадолго до этого. Об этом свидетельствуют сохранившиеся в столбцах описки и исправления. Так, в наказе русским посланникам князю И.Борятинскому и дьяку Г.Богданову, отправившимся в 1613 г. в

Данию, было записано: «И... говорити: великий государь наш, ...памятуячи прежних великих государей *аглинских* королей...» (слово «аглинских» в столбце было зачеркнуто, вместо него записали «датцких»)³⁸. Аналогичные исправления в том же деле встречаются и ниже: «А будет *цесаревы* думные люди учнут *Степана*... спрашивати...» («цесаревы» исправлено на «датцкого короля», имя посланника в Империю Степана Ушакова осталось неисправленным)³⁹; «И *Степану* и *Семому* говорити...» («Степану» исправлено на «князю Ивану», «Семому» (Семой Заборовский – дьяк в посольстве в Империю) – на «дьяку»)⁴⁰; «А будет *цесаревы* люди учнут говорити...» (в данном случае текст не был исправлен)⁴¹; «И *Олексею Ивановичу* и дьяку *Олексею*...» (здесь имена посланников в Англию исправлены на имена дипломатов, отправленных в Данию)⁴². Как видно, при составлении наказа посольству в Данию в качестве источника служащие Посольского приказа использовали указы миссиям, направленным в Англию и Империю. Подобный прием представляется вполне оправданным, поскольку все три посольства (в Империю, Англию и Данию) были отправлены в 1613 г. практически одновременно, и перед русскими посланниками стояли одинаковые задачи – извещение о воцарении Михаила Федоровича и поиск союзников для борьбы с Польшей и Швецией. В данном случае руководство Посольского приказа сочло возможным при составлении наказа посольству в Данию использовать в качестве основы указы миссиям в Империю и Англию. Подобные приемы делопроизводства использовались в Посольском приказе достаточно широко. Так, например, в наказе приставам, сопровождавшим в 1618 г. в Москву шведское посольство, было записано, что шведские дипломаты могут поинтересоваться отношениями русского царя со шведским королем. Подобный вопрос из уст шведских послов звучал бы нелепо, и в черновике наказа он был вымаран⁴³. Тем не менее, этот пример позволяет предположить, что наказ приставам при шведских дипломатах переписывался с наказа какому-либо другому лицу, сопровождавшему иную миссию.

Другим способом составления наказа посольству было использование материалов прошлых дипломатических миссий в ту же страну. Так, в черновом варианте наказа посольству 1614 г. в Крым Г.К.Волконского и П.Овдокимова можно обнаружить места, свидетельствующие об использовании при составлении этого документа более раннего наказа посольству в Крым, отправленному при Борисе Годунове. Приведем несколько примеров. Первоначальный текст наказа выглядел следующим образом: «А однолично б промыслить, и государя царя и великого князя *Бориса Федоровича* всеа Руси без вести не учинить»; «А будет калга учнет говорити, что

Казы-Гирей царь по турецкого велению пошел на *Можары...*»; «И бывал ли где бой турецким и крымским людем сего лета с *цесарскими или с волошскими и с мутьянскими людьми...*». Кроме того, в тексте наказа указаны имена русских послов: князь Григорий Константинович и дьяк Афанасий (в другом месте – Андрей). После написания первоначального текста, он был подвергнут правке: имя царя Бориса Федоровича было исправлено на Михаила Федоровича, имя хана Казы-Гирея (к 1614 г. умершего) заменено именем хана Джанибек-Гирея; исправлено и направление возможного похода крымских татар: вместо Можар (Венгрии) в наказе указали Литву, соответственно крымчаки и турки должны были сражаться не с цесарскими, волошскими и мутьянскими людьми, а с литовскими. Имя русского посланника князя Григория Константиновича Волконского было оставлено без изменений, а имя сопровождавшего его дьяка исправлено на «Петр»⁴⁴. Указанные отрывки позволяют сделать вывод о том, что при составлении наказа русскому посольству в Крым 1614 г. служащие Посольского приказа взяли за основу наказ русским послам 1601 г. Действительно, в 1601 г. российский престол занимал Борис Годунов, а крымский – Казы-Гирей; в это время шла турецко-имперская война 1593-1606 гг. за Венгрию; русское посольство в Крым возглавлял князь Г.К. Волконский, с ним должен был отправиться в дьяках Андрей Иванов. Следовательно, наказ посольству в Крым 1614 г. составлялся на основе документации тринадцатилетней давности, хранившейся в архиве Посольского приказа.

В крымских делах можно обнаружить и другие примеры использования прежней документации при составлении наказов. Наказ приставу, отправленному в июне 1615 г. навстречу крымскому гонцу Исмаил-аге, в первоначальном варианте выглядел следующим образом: «Лета 7123-го декабря в... день государь... велел Ивану Миничю Ростопчину ехати в Серпухов встречу крымских послов Ибреим-паши-мурзы с товарищи с своим государевым со встречным жалованьем с платьем, а толмач с крымскими послы готов Яким Сумороков». Переписанный с прежнего образца текст подвергся правке: была изменена дата, имя и ранг крымского дипломата, имена пристава и толмача; остальной текст остался без изменений⁴⁵. Источником при составлении наказа посланникам в Крым А.Лодыженскому и Р.Болдыреву, отправленным в 1617 г., был наказ посланникам Ф.Челюсткину и П.Данилову, посланным в Крым в 1616 г. Свидетельством этого являются встречающиеся в наказе Лодыженскому имена Челюсткина и Данилова («и Федору и Петру говорити»), причем в одном месте эти имена не были исправлены на правильное «Обросиму и Рахманину»⁴⁶. Аналогичным образом,

на основе наказа Челюсткину и Данилову, был написан наказ посланникам С.Хрущову и С.Бредихину, посланным в Крым в 1618 г.⁴⁷ Подобные приемы делопроизводства использовались не только в крымских делах. Наказ приставу И.Сытину, сопровождавшему в 1617 г. английского посла Дж.Меррика, был переписан с наказа приставу, провожавшему в марте 1605 г. английского посла Т.Смита. Из старого наказа была взята даже прежняя формула: «едучи дорогою, ставитися с аглинским послом бережно в живущих селех и в деревнях, где б дворов было немало»⁴⁸. Напомним, что в разгар Смутного времени требование ехать, принимая все меры предосторожности, объяснялось реальной опасностью нападения воров или «литовских людей». Тем не менее, в наказе 1617 г. автоматически была переписана формулировка, составленная в конце правления Бориса Годунова, когда Смута еще только начиналась.

Таким образом, на основании анализа текстов столбцов можно сделать вывод о том, что при подготовке дипломатической документации в Посольском приказе широко использовали материалы прежних лет. Данный факт не означает того, что в российском дипломатическом ведомстве не учитывали изменений, происходивших на международной и внутривосточной арене. При составлении новых наказов копировались лишь основные, шаблонные моменты, не подвергавшиеся серьезным изменениям с течением времени. Основная же часть наказа учитывала изменившиеся реалии. Заново составлялась речь, которую должны были произнести при заграничном дворе русские дипломаты. В составившемся по прежнему шаблону наказе оставляли место для новых посольских речей, о чем свидетельствует помета на полях «крымского» столбца: «Вписать речь»⁴⁹. Текст наказа корректировался с изменением ситуации — на полях наказа стоит дьячья резолюция: «Переправить против новые грамоты»⁵⁰. В «крымском» столбце 1614 г. имеется помета: «Приписать про Зарутцкого»⁵¹, после чего в наказе следует обширная вставка о том, что следует говорить, если в Бахчисарае зададут вопрос о Иване Зарутском и Марине Мнишек.

Свидетельством того, что руководители Посольского приказа редактировали содержание и последовательность материалов в наказах, является также помета на полях напротив статьи о выкупе людей из крымского плена: «Написати статья после всех»⁵². В английском столбце также можно найти помету, иллюстрирующую сложный процесс составления и редактирования в Посольском приказе текста чернового варианта наказа послам: «Вклеить в черное»⁵³. По всей вероятности, данная часть наказа была составлена позже основной части и вклеена в черновик. Иногда тексты наказов подвергались сокращению. Например, из наказа российским

посланникам, отправленным в 1618 г. в Персию, была удалена часть, посвященная спорному для Российского государства и Персии вопросу о Грузии. Вероятно, в условиях польско-литовского наступления на Москву, в Посольском приказе предпочли не обострять отношений с персидским шахом, и конфликтная часть наказа была удалена (о чем свидетельствует запись в столбце: «Выклеена грузинская статья»⁵⁴).

Наконец, можно предположить, что при составлении посольских наказов составитель не всегда обращался для проверки информации к хранящимся в архиве делам — иногда он полагался на свою память, что иногда приводило к некоторым неточностям. По всей видимости, так произошло при составлении наказа для посольства Г.К.Волконского в Крым летом 1614 г. На возможный вопрос об отношениях Московского государства с другими державами посланник должен был отвечать перечислением миссий, отправленных из Москвы в 1613-1614 гг. При этом была допущена ошибка: составитель наказа написал, что в Англию с посланником отправился дьяк Г.Богданов, а в Данию — дьяк А.Витовтов⁵⁵. На самом же деле Богданов выехал в Данию, а Витовтов, наоборот, в Англию. Вследствие этого мы можем предположить, что данный фрагмент наказа составлялся без обращения к справочному материалу.

После составления чернового варианта наказа он подвергался правке, переписывался начисто и вручался посланникам. В большинстве случаев, в составе имеющихся в наличии в настоящий момент дел сохранились лишь черновые варианты наказов, включавшиеся в столбец и хранившиеся в Посольском приказе. «Чистый» наказ, отправлявшийся за рубеж с посланниками, является редкостью в посольских делах начала XVII в. Однако в нашем распоряжении имеются два варианта наказа («черный» и «чистый») посольству, отправленному в 1614 г. в Крым. Оба наказа сохранились в рамках одного дела. Наличие двух вариантов наказа одному посольству открывает перед нами возможность сопоставить их и сделать на базе этого некоторые выводы о характере делопроизводительной работы служащих Посольского приказа при подготовке заграничных миссий. Текстологическое сравнение чернового и окончательного вариантов выявляет факт составления «чистого» наказа на основе «чернового» с учетом произведенной правки. Так, в «черном» наказе злодеяния Ивана Заруцкого описаны следующим образом: «И тот вор, ещо не насытятся крови человеческие, побежал^а великого государя нашего исконивечную отчину в Асторохань. И астороханские всякие^б люди^в, ведая того^г ведомого вора Ивашка Заруцкого в Московском государстве смуту, служа великому государю нашему, в Астарахань его пустили, а впустя ево в Астарахань,

писали о том и прислали бити челом астраханские всякие люди⁴ к великому государю, к его царскому величеству, чтоб великий государь наш их пожаловал, прислал к ним в Астрахань бояр своих и воевод с ратными людьми, а они вора и злодея Московскому государству Ивашка Зарутцкого и с Маринкою свяжут и отдадут великого государя нашего бояром и воеводам⁵⁶. Характер исправлений позволяет сделать вывод о том, что черновой вариант наказа составлялся сразу, непосредственно на листе, без предварительных заготовок. В «чистом» наказе вся указанная правка учтена; единственные разночтения, связанные, вероятно, с невнимательностью переписчика, сводятся к неправильному написанию слова «Астрахань» (в окончательном варианте — «Астарань») и замене слов «а они» на слова «а в ней»⁵⁷.

После составления черновика и его правки дьяк отдавал распоряжение о копировании: в конце чернового варианта наказа, отправленного в Крым к посланнику Ф.Челюстину, имеется директива: «Переписать весь»⁵⁸. Косвенным подтверждением того, что черновой вариант наказа оставался в Посольском приказе, а «чистый» вручался посланникам, являются указания описей архива Посольского приказа. Так, в Описи 1614 года из документов миссии в Персию 1613-1615 гг. упомянут только «список наказ черной» русским посланникам⁵⁹; «чистый» наказ на момент составления описи еще не был возвращен в Посольский приказ. Текст наказа в обязательном порядке прочитывался судьей Посольского приказа и заверялся его подписью. В конце наказа российским посланникам, отправленным в Данию в 1601 г. можно обнаружить автограф А.И.Власьева⁶⁰; подписи П.А.Третьякова имеются в конце наказов русским дипломатам, посланным в Крым в 1613 г.⁶¹, в Империю в 1613 и 1616 гг.⁶² В случае, если наказ вручался посланнику без «приписи» главы Посольского приказа, это особо оговаривалось в документации: «Таков тайной наказ дан Юрью без дьячьей приписи»⁶³.

Интересной иллюстрацией приемов ведения делопроизводства в Посольском приказе являются описания приемов царем иностранных дипломатов, составлявшиеся заранее, еще до аудиенции. Первый случай такой предварительной записи церемониала аудиенции удается зафиксировать в польском столбце 1608 г. 28 января 1608 г. польским послам Н.Олесницкому и А.Гонсевскому была дана аудиенция. В столбце первоначально было записано: «А государю, царю и великому князю Василью Ивановичю всеа Русии в то время *быти* в Подписной в Золотой полате, *сидети* в своем царском месте в царском платье и в диадеме... А рындам *стояти* по обе стороны государя в белом платье и в золотых чепях: с правую сторону князь

Василей князь Семенов сын Куракин да князь Федор князь Федоров сын Мещерской; с левые стороны князь Юрьи княж Дмитреев сын Хворостинин да Исак Погожего. А при государе *сидети* в полате бояром, и околничим, и и дворяном большим, и дьяком в золотом платье. А стрельцом *стояти* с пищальми... А стречи *будет* послом две... И послы *правят* государю от короля поклон. ...И государь *пожалует* послов, *позовет* к руце, да *пожалует* и *вспросит* послов о здоровье, а *мольт*... И послы на государеве жалованье *бьют* челом, а говорили: [здесь было оставлено пустое место, и речь послов была вписана позже другими чернилами и другим почерком. — Д.Л.] ...А после того послы *подадут* государю верюшую грамоту, и государь *велит* грамоту приняти посольскому дьяку Василью Телепневу. И по государеву указу диак Василей у послов грамоту *примет* и *поднесет* ко государю. И государь, *посмотря* грамоты, *велит* посольскому диаку молыти послом, чтоб правили посольство... И по государеву указу посолской дьяк *мольт*...»⁶⁴. В дальнейшем текст подвергся правке: существительные дательного падежа были переведены в именительный падеж, а неопределенная повелительная форма глаголов заменена глаголами прошедшего времени. В результате текст принял следующий вид: «А государь, царь и великий князь Василей Иванович всеа Русии в то время был в Подписной в Золотой полате, сидел в своем царском месте... А рынды стояли...» и т.д.⁶⁵ Из текста была вычеркнута часть, где говорилось о том, что царь должен спросить о здоровье королевского дворянина⁶⁶ (следовательно, ход аудиенции отклонился от традиционного протокола, и в заготовленный заранее текст пришлось внести исправления). Нужно отметить, что при правке текста изменения были внесены не везде: так, по невнимательности «корректора», в тексте сохранилась запись: «А стрельцы стояти с пищальми»⁶⁷. Предварительные описания церемониала аудиенций составлялись с учетом прецедентов, имевших место раньше. Об этом свидетельствуют пометки, сделанные на полях. Так, напротив записи о том, что Василий Шуйский спрашивал послов о здоровье, на полях была сделана пометка: «А Радиминского [польский посланник, приезжавший в Москву в 1591 г. — Д.Л.] государь о здоровье не спрашивал»; напротив записи о передаче польской грамоты посольскому дьяку было помечено: «А при Лве [Сапеге, приезжавшем с посольством в 1600-1601 гг. — Д.Л.] царь Борис чел грамоту»⁶⁸. Отдельные элементы подобной практики встречались в дипломатической документации и ранее (например, в описании аудиенции английскому послу Т.Смиту 11 октября 1604 г. вычеркнуты слова о том, что царь был в диадеме и со скипетром, а имена рынд, стоявших у трона, были вписаны позднее другими чернилами

ми)⁶⁹. Однако, предварительное описание приема послов 28 января 1608 г. является первым из обнаруженных в столбцах Посольского приказа начала XVII в., имеющим законченный вид. Следовательно, окончательное становление практики предварительного составления описаний приемов иностранцев относится именно к эпохе Смутного времени.

Позднее, в первые годы правления Михаила Романова, подобные приемы делопроизводства использовались довольно часто. За 1614-1619 гг. в столбцах удалось обнаружить восемнадцать случаев предварительного описания церемоний аудиенций иностранным дипломатам. Заранее были протоколированы приемы черкесского посланника Кардона⁷⁰ и Сунчалаея-мурзы⁷¹ 18 сентября 1614 г.; касимовского царя 30 октября 1614 г.⁷²; датского посла Ивервинта и выезджего датского дворянина М.Мартынова 2 февраля 1615 г.⁷³; английского посла Дж.Меррика 19 марта 1615 г.⁷⁴ и 1 мая 1615 г.⁷⁵; крымского гонца Исмаил-аги 25 июня 1615 г.⁷⁶; голландского гонца Г.Фандерхейна 3 декабря 1615 г.⁷⁷; кабардинских князей Куденека и Сунчалаея 6 января 1616 г.⁷⁸; крымского посла Магмет-аги 10 ноября 1616 г.⁷⁹; голландского посланника И.Массы 28 июля 1617 г.⁸⁰; персидских посланников Кая-салтана и Булат-бека 4 января 1618 г.⁸¹; крымского посла Шебан-аги 1 мая 1618 г.⁸²; шведского посла Г.Стейнбока 19 мая и 8 июня 1618 г.⁸³; крымского гонца Ибрагим-мурзы 28 июля 1618 г.⁸⁴; крымских гонцов Ибрагим-мурзы и Резепа 30 июля 1619 г.⁸⁵; крымского гонца Аллаш-богатыря 24 ноября 1619 г.⁸⁶. Подобная практика имела место и позднее: так, в Посольском приказе заранее была расписана церемония приема шведского посланника А.Мартенсона (1620 г.)⁸⁷, бухарского посла Эдема (1620 г.), грузинского посланника игумена Харитона (1621 г.)⁸⁸, калмыцкого посла Онутая (1620 г.)⁸⁹. Как видно, предварительное составление описаний аудиенций имело место достаточно часто, причем подобные способы делопроизводства применялись при описании приемов дипломатов всех рангов (от гонцов до послов) и практически всех держав. Следовательно, предварительное протоколирование царских приемов в рассматриваемый период превратилось в систему, став одним из новшеств, появившихся в делопроизводстве Посольского приказа в годы Смуты. Само стремление служащих российского внешнеполитического ведомства составлять описания аудиенций заранее свидетельствует о том, что к началу XVII в., вследствие твердого закрепления норм дипломатического церемониала, делопроизводство Посольского приказа стремилось к созданию общего формуляра документации.

В большинстве случаев предварительное описание церемониала производилось по той же схеме, что была рассмотрена нами на ма-

териале польского столбца 1608 г. Иногда мы встречаем лишь некоторые элементы, позволяющие утверждать, что церемониал аудиенции записывался предварительно: например, церемония приема голландского посланника И.Массы описана традиционно, о предварительной подготовке записей свидетельствует лишь фраза: «Говорити галанскому посланнику при государе речь»⁹⁰. На предварительную подготовку описания церемониала аудиенции шведского посланника Г.Стейнбока в 1618 г. указывает запись о том, что вместо дьяка С.Романчукова на приеме присутствовал дьяк Д.Семенов. В описании же было изначально записано, что «встретил их [послов. — Д.Л.] блиско дверей посолской диак»; последние два слова были зачеркнуты, вместо них написали «диак Добрыня Семенов»⁹¹. По-своему уникальны описания аудиенций черкесскому послу и мурзе в 1614 г. В столбцах сохранилось два варианта описания их приемов: черновые и чистовые. В черновых вариантах без позднейших исправлений написано о том, как должна выглядеть аудиенция («государь пожалует, спросит...» и т.д.) В чистовых вариантах церемониал описан уже в прошедшем времени («государь пожаловал, спросил...»)⁹².

В некоторых случаях описание аудиенций не соответствует рассмотренной нами схеме. Так, в описании приема касимовского царя мы наблюдаем иную картину. Первоначальный текст выглядел следующим образом: «А как датцкой посланник поедет от государя на подворье, и выезжие немцы государю челом ударят, и государь велит касимовского царя отпустить и велит ему сказать посольскому дьяку в стола место корм. А корму царю послать...». После правки текст принял следующий вид: «А как датцкой посланник поедет от государя на подворье, и выезжие немцы государю челом ударят, и государю *было велети* касимовского царя отпустить и *велеть* ему сказать посольскому дьяку в стола место корм. А корму царю *было послать*...». Объяснение столь необычной правки было приведено там же: «И касимовской царь у государя того дни не был, потому что болен. А как вперед при послех или при посланниках укажет государь быти у себя, государя, царю или царевичем, и им у государя быти и встречу им чинити по сему ж государеву указу»⁹³.

Предварительное описание служащими Посольского приказа аудиенций иностранным дипломатам интересно не только тем, что оно свидетельствует о приближении дипломатической документации к единому формуляру и демонстрирует развитие новых способов делопроизводства. В отдельных случаях сопоставление первоначального текста с позднейшими правками позволяет уточнить и конкретизировать некоторые моменты истории Посольского прика-

за. В предварительном описании приема крымского посла Шебан-аги фигурирует имя судьи приказа П.Третьякова. После аудиенции, состоявшейся 1 мая 1618 г., вместо него в текст был вписан его заместитель – дьяк С.Романчуков⁹⁴. Это позволяет сделать вывод о том, что Третьяков отошел от руководства приказом незадолго до 1 мая 1618 г. При внесении правки в описание приема шведских послов 19 мая 1618 г. к имени дьяка Ивана Грамотина было приписано слово «думной»⁹⁵, что позволяет предположить, что около 19 мая 1618 г. Грамотин был пожалован думным дьячеством. Следовательно, описания аудиенций иностранным дипломатам, содержащиеся в столбцах, несмотря на их унификацию, предоставляют исследователю богатую информацию об истории посольского обычая, приемах делопроизводства служащих Посольского приказа, а в ряде случаев и об их биографиях.

Протоколировались и речи, произносившиеся посольскими дьяками во время аудиенций. Речи также писались заранее, причем и в тех случаях, когда описание аудиенции составлялось прямо в ее ходе. Об этом свидетельствует то, что в большинстве случаев дьячьи речи в столбцах написаны иным, более аккуратным почерком, чем остальное описание аудиенции; при этом запись речи дьяка обычно начиналась на новом листе: по-видимому, заранее написанная речь подклеивалась позже к столбцу. Речи, произносимые дьяком на аудиенциях, позднее переписывались и вручались иностранным дипломатам: в «шведском» столбце сохранилась дьячья помета в конце текста речей: «Списать таковы слово в слово», а также отметка об исполнении распоряжения⁹⁶.

Поступающие в Посольский приказ документы, касающиеся дипломатических вопросов (отписки, памяти, статейные списки), а также черновые варианты исходящих из этого ведомства материалов (грамоты, памяти, росписи, наказы) подклеивались в столбцы. На основе столбцов позднее составлялись книги, в которые входили наиболее важные материалы столбцов. При этом столбцы, хотя и включают в себя гораздо большее количество мелких документов, чем книги, все же не являются источником, в который автоматически и без строго установленной последовательности заносилась вся документация, касающаяся того или иного дипломатического вопроса. Однотипные черновые варианты грамот в разные города по одному и тому же вопросу не всегда подклеивались в столбец. В таких случаях в столбец включали текст одной из грамот, а затем делали приписку, что в прочие города посланы аналогичные грамоты. Так, в английском столбце 1615 г. приведен текст государевой грамоты в Тверь, после чего помещена помета: «Такова ж послана в Торжок, в Осташков»⁹⁷. Не всегда переписывались в столбец и од-

нотипные указы. Так, в 1618 г. в Ногайскую Орду одновременно отправили троих посланников; каждый из них получил отдельный указ. Однако, в силу того, что на посланников были возложены одинаковые задачи (выдать жалованье мурзам), их указы дублировали друг друга. По этой причине в столбце не стали лишним раз переписывать один и тот же текст. Вместо этого была сделана запись: «А к Тинмаметевым детям... послан Мосей Панов, ...а указ ему таков же, что и Семену Рагозину»⁹⁸. Это позволяет характеризовать столбцы как источник, на уровне оформления которого уже производился отбор документов.

Руководство Посольского приказа следило и за последовательностью включения документов в столбцы. Так, в шведском столбце 1618 г. содержится черновой вариант памяти приставам — «Корм швейским послом... давать... по росписи, какова послана под сею памятью». После памяти в столбце была сделана приписка: «Написать внизу, где указано, а не забыть»; за этой пометой действительно следует кормовая роспись⁹⁹. В столбцах Посольского приказа можно обнаружить также элементы классификации однотипных документов, включенных в столбец. В английском столбце имеется следующая запись, подтверждающая эту мысль: «А се указы и росписи к Москве, и именные списки людям, и памяти по приказом о всяких делех о посольском отпуске»¹⁰⁰; после записи в столбце следуют соответствующие документы.

Пометы на листах позволяют сделать вывод о том, что в своей работе служащие Посольского приказа всегда стремились опираться на прецеденты, имевшие место ранее. При этом враждебное отношение нового монарха к своему предшественнику, хотя и сказывалось на формулировках выписок «в пример», все же не являлось фактором, ограничивающим использование примеров из предыдущих царствований. Так, в выписке о приезде в Москву черкесских мурз, сделанной при Лжедмитрии, Борис Годунов упоминается без царского титула: «А в прошлом 111-м году, как был на Москве черкасской Сунчалей-мурза при Борисе...»¹⁰¹. В том же деле, после смерти Лжедмитрия, была сделана выписка о приезде при самозванце того же мурзы: «Да в 114-м году приезжал при розстриге Сунчалей ж мурза...»¹⁰². Иногда текст сделанной пометы позднее исправлялся. В этом отношении интересна помета на обороте челобитной гонцов, отправленных в марте 1606 г. от Лжедмитрия в Крым. Первоначально текст пометы был традиционным: «Государь слушал. В столп». Однако после убийства Лжедмитрия документация Посольского приказа была подвергнута «редакторской правке», и слово «государь» было зачеркнуто; вместо него над строкой приписали «рострига»¹⁰³. Примеры из времени царствования Лжедмит-

рия встречаются в документации Посольского приказа вплоть до 1618 г. Отправленный в конце 1613 г. в Ногайскую Орду посланник бил челом об увеличении подмоги, ссылаясь при этом на то, что «при розстриге... послан был посланник, и тому было дано на подмогу сто рублей»¹⁰⁴. По челобитной кречатников, отправленных из Крыма в октябре 1614 г., была сделана выписка, в которой упоминалось: «как посылаемы вожи с Офонасьем Мелентьевым..., а из Крыму приехали они после розстригина извода...»¹⁰⁵. В 1618 г., при отправлении посольства в Персию, в качестве примера был приведен случай отправления русского посольства в Персию от Лжедмитрия¹⁰⁶. Выписки вклеивались в столбцы в местах, указанных руководителями приказа — в шведском столбце 1617 г. сохранилась помета: «Выписки из прежних межевальных отпусков, вклеены в сем месте в столпу для дьячьи пометы, а начало межевального отпуску Гаврила Писемского с товарищи вклеено ниже сего»¹⁰⁷. Сила прецедента была настолько велика, что при отсутствии соответствующего примера служащие Посольского приказа приходили в некоторую растерянность. Например, в 1616/17 г., по поводу челобитной казаков, доставивших от русских послов из-под Новгорода грамоты в Псков через занятые шведами территории, в приказе была сделана запись: «А на пример в Посолском приказе выписать им некого: таких проходцов, которые б от послов во Псков и изо Пскова к послом прохаживали, наперед сего к Москве не присылавано»¹⁰⁸. О том, что служащие Посольского приказа постоянно обращались за справками к прежней документации свидетельствуют многочисленные записи вроде: «И выписано в пример», «И выписано ис поместново столпа», «И сыскано в записной тетрати нынешнего 124 году», «И выписано из отпуску Солового Протасьева»¹⁰⁹

Следует отметить, что делопроизводственная работа в Посольском приказе велась достаточно оперативно. Свидетельством являются пометы, сохранившиеся в столбцах. Так, в «турецком» столбце 1613 г. сохранилась следующая помета после текста отписки, пришедшей в приказ: «Список с отписки, что прислана ис Переславля Рязанского с резанцом с Васильем Климовым 121-го августа в 16 день, а подлинная отписка отдана в Володимирскую четверть с толмачом с Степаном Микифоровым того ж дни»¹¹⁰. Помета свидетельствует о том, что в течение одного дня отписка была прочитана в Посольском приказе, переписана и отправлена во Владимирскую четверть, в которой ведался Переяславль Рязанский. Об оперативности работы персонала Посольского приказа свидетельствуют записи напротив черновиков грамот и памятей, исходивших из Посольского приказа: «Переписать тотчас», а также отметки о выпол-

нении этого распоряжения: «Переписана и послана»¹¹¹. Нередки были случаи, когда подьячие Посольского приказа получали деньги на корм, поскольку срочно переписывали грамоты и указы, «не выходя ис приказа»¹¹². Спешность выполнения работы не должна была оправдывать ее небрежности: после черновых вариантов исходящих документов в некоторых делах сохранились дьячьи резолюции: «Переписать добра», «Велеть писать добра»¹¹³.

Достаточно быстро реагировали в Посольском приказе и на изменения внутренней и внешнеполитической ситуации. В спешном порядке были переработаны документы посольства, отправленного от Лжедмитрия в Персию: в сохранившихся отрывках наказа посольству заметны следы правки документации миссии, произведенной после гибели самозванца и восшествия на престол Василия Шуйского¹¹⁴. Всего через месяц с небольшим после свержения Лжедмитрия, 25 июня 1606 г., под Астраханью была получена грамота, в которой содержалось распоряжение задержать отправленного «расстригой» в Ногайскую Орду посланника и заменить грамоты от Лжедмитрия грамотами Василия Шуйского¹¹⁵.

Интересно также распоряжение, отданное думным дьяком Петром Третьяковым, находившимся с царем Михаилом на богомолье, его заместителю Савве Романчукову (грамота от 29 сентября 1614 г.). В грамоте сообщалось, что у отправленного в Империю гонца Ивана Фомина «воры» отняли все проезжие грамоты. В связи с этим судья Посольского приказа распорядился: «И по государеву... указу диаку Саве Раманчукову тое проезжую грамоту в государства, и на Колу, и на Колмогоры об их отпуске, каковы посланы с Ъваном наперед сего, велети написати против прежнего отпуску слово в слово тотчас, не выходя из ызбы..., а отпустить их до государева приходу»¹¹⁶.

Можно привести и другие примеры оперативности делопроизводственной работы служащих Посольского приказа. 11 и 13 января 1616 г. от посланников, находившихся на русско-шведских переговорах в Дедерино, в Москву пришел запрос о крайних границах территориальных уступок шведам. В Посольском приказе немедленно был заготовлен текст, содержащий набор предполагаемых притязаний шведской дипломатии; возможные на переговорах ситуации обсуждались в Боярской Думе, после чего были составлены два варианта черновика наказа (в настоящее время их сохранившиеся фрагменты составляют 30 листов текста). Черновик, в свою очередь, был переписан начисто и отправлен к послам в Дедерино уже 15 января 1616 г.¹¹⁷

Достаточно быстро составлялись посольские указы и позднее. 13 июля 1618 г. на Дон был отправлен встречать турецкого послан-

ника дворянин Ю.Богданов. Кроме прочего, Богданову было наказано говорить с донскими казаками. Однако, вскоре после отъезда Ю.Богданова, в Посольском приказе было получено известие о пленении российского посольства С.Хрушова в Крым запорожскими казаками. Дипломатическое ведомство быстро отреагировало на эту новость: уже 21 июля 1618 г. вслед Богданову был отправлен толмач Посольского приказа Д.Аминев с царской грамотой и новым наказом: «А наказ государев к Юрью послан с Данилком же против прежнему ж, каков ему дан был на Москве июля в 13 день, только в том в новом наказе приправлено про крымских послов про Степана Хрушова, что их поймали черкасы, и Ливны и Елец взяли, да велено на Дону просить ратных людей 5000 человек или и больши, или сколько мочно войска послать»¹¹⁸. Как видно из этой записи, сразу после получения в приказе информации о походе запорожцев в русские земли, был составлен второй вариант наказа посланнику. Во время русско-польских переговоров на р. Пресне под Москвой, с 22 по 27 октября 1618 г. русские послы успели получить из Посольского приказа один за другим четыре наказа¹¹⁹. В ряде случаев дипломатическая документация составлялись заранее. Так, в начале 1618 г. предполагалось начать новый раунд русско-польских мирных переговоров (так и не состоявшихся). Тем не менее, необходимые для переговоров документы были составлены; на полях соответствующего столбца сохранилась помета: «Ещо не писано. Ждать»¹²⁰.

Следует однако отметить, что иногда миссии отправлялись за рубеж настолько быстро, что к моменту их отъезда Посольский приказ еще не успевал завершить работу над составлением наказа. Так произошло в 1604 г., когда российское посольство отправилось в Грузию без наказа, который был отправлен с гонцом «за послы в дорогу»; дипломаты получили его уже после того, как покинули Терский городок¹²¹.

Интересны также исправления, нередко встречающиеся в столбцах Посольского приказа. Правка документации, осуществленная при Лжедмитрии, показывает стремление нового царя ввести в дипломатическую терминологию нетрадиционные для Московского государства понятия. Так, в столбце об отпуске в Польшу в 1605 г. гонца П.Чубарова обычные для российского делопроизводства слова «царь» и «царский» (в отношении русского государя) несколько раз исправлены на «цесарь» и «цесарский»¹²². Еще более интересна правка в столбце, содержащем наказ посольству князя И.П.Ромодановского в Персию. В указанном деле имеют места два «пласта» исправлений. Первая правка имеет тот же характер, что и в предыдущем случае: слова «царь» и «царский» исправляются соответственно

на «цесарь» и «цесарский». Эта правка производилась, безусловно, при Лжедмитрии, претендовавшем на титул цесаря. Однако в тексте присутствует и второй «пласт» исправлений: слова «цесарь» и «цесарский» вновь исправлены на исходное «царь» и «царский». Изначальное «Дмитрий Иванович» в наказе повсеместно исправлено на «Василий Иванович». Кроме того, прежние обороты «Борис Годунов» и «Борис» в тексте исправлены на «царь Борис»¹²³. Вторая правка производилась, следовательно, после убийства самозванца, при Василии Шуйском. В данном случае исправления в столбце интересны для нас не только тем, что демонстрируют процесс изменений дипломатической терминологии, но и тем, что указанная правка позволяет значительно уточнить время отправления миссии Ромодановского в Персию. В описи 77-го фонда РГАДА и во всех исследованиях по русско-персидским отношениям посольство ошибочно относят к 1607 г., исправления же в наказе свидетельствуют о том, что миссия Ромодановского была подготовлена и отправлена в конце царствования Лжедмитрия, в мае 1606 г.

Иногда характер исправлений, встречающихся в столбцах, выдаёт стремление служащих Посольского приказа скрыть от иностранных дипломатов реальные масштабы охватившей страну Смуты. В крымском столбце 1607 г. было записано, что крымского гонца отпустят «как от воров польская дорога [очистится]». Однако указанная фраза демонстрировала, насколько серьезные проблемы создавали московскому правительству люди самозванного царевича Петра, поэтому цитированные слова были вычеркнуты, а вместо них было написано более нейтрально: «как наш гонец от брата нашего [крымского хана. — Д.Л.] к нам придет»¹²⁴. Аналогичный пример можно найти и в документации более позднего времени. При изложении «неправд» шведского короля к Московскому государству английскому дипломату в 1615 г., в частности, предполагалось сказать, что Василий Шуйский попросил помощи у Карла IX, «не чая своими рускими людьми против польских и литовских людей устояти». Однако эта фраза, показывающая слабость Московского государства в условиях Смутного времени, была вычеркнута, просьба Василия Шуйского о помощи в окончательном варианте ничем не мотивировалась¹²⁵.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что столбцы Посольского приказа представляют собой ценный источник по истории внешней политики Московского государства, наиболее полно раскрывающий приемы делопроизводства дипломатического ведомства.

Раздел 2.

Приемы составления книг Посольского приказа

Проанализировав приемы составления столбцов, представляющих собою первичную форму обобщения документации, рассмотрим способы изготовления служащими российского дипломатического ведомства книг. Книги Посольского приказа являлись высшей формой делопроизводства этого ведомства, подразумевающей более высокий уровень обобщения информации. Однако, прежде чем приступить к рассмотрению приемов составления книг, следует сказать несколько слов относительно термина «посольские книги», часто встречающегося в отечественной историографии.

Понятие «посольские книги», используемое в исторической литературе, имеет позднее происхождение, в делопроизводстве Посольского приказа XVI-XVII веков и описях архива этого ведомства данный термин практически не встречается. Книги, составлявшиеся в Посольском приказе, обычно именовались по названию страны, контакты с которой они освещали (часто – с указанием хронологического периода): «книги турецкие с лета 7021-го по 72-й год», «книга нагайская с лета 7057-го по лето 7069-го», «книги литовские лета 7121-го»¹²⁶, «книга папы римского лета 6993-го году», «книга аглинская 128-го» и т.д.¹²⁷ В материалах делопроизводства Посольского приказа начала XVII в. нам удалось обнаружить лишь один случай использования термина «посольские книги» в широком смысле: в январе 1615 г., по приказу царя Михаила, была сделана «выписка из аглинских посольских книг или столпов: ссылки царю Ивану, и царю Федору, и царю Борису, и царю Василью с аглинскою Елисавет королевною и с нынешним Якубом королем о всяких делех»¹²⁸. Других случаев употребления данного термина найти не удастся. Отсутствие единого понятия, обозначающего изготовленные в Посольском приказе книги, стало, вероятно, причиной создания и широкого использования историковедцами термина «посольские книги».

Изучение материалов делопроизводства Посольского приказа начала XVII в. приводит к мысли о невозможности использования понятия «посольские книги» применительно ко всему корпусу книг Посольского приказа. Как свидетельствуют источники, в начале XVII в. в делопроизводстве Посольского приказа действительно употреблялось понятие «посольские книги», но оно имело гораздо более узкий смысл, чем вкладывается в него в данный момент. В 79-м фонде РГАДА («Сношения России с Польшей») хранится «Столпик посольства князя И.М.Воротынского». В документе изла-

гаются события, имевшие место на русско-польских переговорах под Смоленском зимой 1615/16 гг. В этом столбце упоминаются «посольские книги»: «А в книгах посольских написано, что пан Зенович говорил...»; «А больши того о том в книгах про то ничего не написано, и списка с того письма в посольских книгах нет»; «и в книгах своих в посольских того не писали ж, и списка с того писма ко государю не привезли»; «Да в книгах, каковы дали государевы послы, написано...»¹²⁹. Аналогичный пример можно найти в «шведском» столбце 1617 г.: «И как послы приехали из Свее к Москве, и подали посольства своего книги, как у них в Свее и на неметцком рубеже государево дело делалось. И в тех посольских книгах написано...»¹³⁰. Как видно из источников, в начале XVII в. под посольскими книгами понимали книги, которые вели самостоятельно, вне Посольского приказа, российские послы (откуда и название — «посольские», т.е. написанные послами). Следовательно, распространение узкого понятия «посольские книги» на весь корпус книг, хранившихся в архиве Посольского приказа, является для начала XVII в. неоправданным. Для общего обозначения всех материалов российского дипломатического ведомства, оформленных в виде книг, можно использовать другое понятие — «книги Посольского приказа».

Рассмотрим основные приемы составления книг в Посольском приказе. В основу книги служащие Посольского приказа клали соответствующие столбцы. Подобная система изготовления книг утвердилась уже в XVI столетии, и Смутное время не привнесло в этом отношении каких-либо новшеств. Всего, как указывалось в предыдущей главе, за рассматриваемый период в Посольском приказе было составлено 30 книг. Однако 11 из них до настоящего времени не сохранились; для некоторых из оставшихся 19-ти книг первоисточники не сохранились, поэтому мы не имеем возможности проанализировать приемы их составления. К их числу относятся книги по связям Московского государства с Польшей (№ 26, 32, 34), со Швецией (№ 8, 17), с Англией (современная книга № 5, составлявшая ранее единое целое с книгой № 3). Лишь частично сохранились столбцы, служившие источниками при составлении книг по связям Российской державы с Польшей (№ 29), с Англией (современная книга № 4, составлявшая в XVII в. единое целое с книгой № 6). Плохая сохранность столбцов затрудняет сопоставление с ними книг по связям Московского государства с Францией (№ 1) и Польшей (№ 27, 30). Нецелесообразным представляется сопоставление книг, содержащих договорные записи между Российским государством, Польшей (№ 35, 36, 37) и Швецией (№ 14, 15) с первоисточниками (текстами договоров). В силу специфики

содержания (важнейшие международные соглашения), тексты договорных записей переносилось в книги дословно, без изменений. Следовательно, подобные книги не могут дать нам богатого материала для исследования, позволяющего делать выводы о приемах делопроизводственной работы служащих Посольского приказа.

Сопоставим содержание книг и столбцов, составленных в Посольском приказе в эпоху Смуты. Сохранилась лишь незначительная часть столбца, ставшего первоисточником для составления книги по связям с Польшей 1613-1615 гг. (книга № 29). В нашем распоряжении имеется отрывок столбца (26 листов)¹³¹, соответствующий по своему содержанию листам 335-356 об. книги № 29 по связям Московского государства с Польшей. Сопоставление текста книги с сохранившимися отрывками столбца позволяет сделать вывод о том, что столбец не всегда переносился в книгу автоматически; написанию текста книги предшествовала определенная редакторская работа. Для сравнения возьмем текст отрывка грамоты от бояр к польским панам (декабрь 1614 г.)

Столбец

«[бояре] князя Михаила Федоровича всеа Руси самодержца молили, и просили, и били челом, чтоб его царское величество по своему царскому милосердому нраву для покою христьянского поволил нам, своей царской думе, послати послов своих на рубеж на съезд с вашими послы»¹³².

Книга

«[бояре] князя Михаила Федоровича всеа Руси самодержца доносили есмя, и его царскому величеству били челом, чтоб он, великий государь наш, его царское величество, для покою христьянского на обе стороны поволил нам с вами против вашей грамоты сослатися»¹³³.

Как видно, содержание грамоты изложено в двух вариантах с разными акцентами. В столбце, составлявшемся в начале царствования Михаила Романова, более заметно стремление русской стороны к заключению перемирия («молили, и просили, и били челом»); подчеркивается роль Думы в принятии мирной инициативы поляков. В книге, писавшейся позже и при иных обстоятельствах, текст грамоты отводит боярам более скромную роль, чем царю; заинтересованность российской стороны в прекращении войны менее выражена («били челом»). Таким образом, можно сделать вывод о том, что текст столбца при перенесении в книгу был отредактирован в духе изменившихся обстоятельств времени, когда положение царя на престоле упрочилось и проблема заключения мира уже не стояла столь остро.

Сохранился еще один отрывок столбца, соответствующего по своему содержанию книге № 29. В этом столбце приведена часть текста грамоты, присланной польскими панам к боярам с посланником Ф.Желябужским (май 1615 г.) Данный отрывок соответствует листам 460 об.-467 книги № 29. Сравнение текстов показывает, что их содержание не является полностью идентичным.

Столбец

«...Корвина Кгосевского, которые за прозьбою и воззванием государя вашего, на столицы московской седячего, на веселье его от короля, его милости, посланы были, и вы и в том непрямо возводите и вините короля, его милости, государя нашего и нас, то всем ведомо, что князь Василей Иванович Шуйской, убивши ростригу, много людей народу польсково и литовского, а меж нами и капланов, служителей Божьих побивши, и много невинные крови проливши, послов короля, его милости, государя нашего, через полтрьтя года, что вязней каких, задержал»¹³⁴.

Книга

«...Корвина Кгосевского, которые за прозьбою и воззванием государя вашего, на столицы московской седячего, на веселье его от короля, его милости, посланы были, то вы им в том неслушне и несправедливе помавляете и винуете короля, его милости, государя нашего и нас, бо то вским ведомо, што князь Василей Иванович Шуйской, убивши ростригу, много людей народу польского и литовского, а межи ними и капланов, служителей Божиих помордовавши, и много невинные крови проливши, послов короля, его милости, государя нашего, через полтредя года, як вязнев яких, задержал»¹³⁵.

Как видно, тексты столбца и книги несколько отличаются. Столбец содержит русифицированный вариант грамоты, тогда как в книжном варианте заметно большое число «полонизмов»: «неслушне и несправедливе помавляете и винуете», «помордовавши», «як вязнев яких». Безусловно, книжный текст в данном случае должен быть ближе к польскому оригиналу, чем текст столбца. Сравнение текстов позволяет сделать вывод о том, что содержание польской грамоты переносилось в книгу не из столбца; по всей видимости, данный отрывок текста восходит к другому переводу грамоты польских панов.

Произведя текстологическое сопоставление текстов книги и соответствующих ей столбцов, можно сделать вывод о том, что столбец был одним из основных источников при составлении книг (при этом могли привлекаться также грамоты и их переводы, отличные от содержащихся в столбцах). Тексты столбцов при перенесении в книги подвергались как стилистической, так и «смысловой» правке

(менялись акценты, но при этом основное содержание документов оставалось прежним).

При анализе приемов составления служащими Посольского приказа книг следует также выяснить, что именно из материалов столбца переносилось в книгу, а что оставалось за ее пределами. Для сравнения удобно использовать текст книги, для которой сохранилась значительная и объемная часть соответствующего ей материала столбцов. Для этой цели нами выбраны книга по связям Российского государства с Данией (отправление в Данию посольства И.Борятинского, приезд датского посланника Ивервинта, переписка пограничных воевод с властями датских крепостей, 1613-1616 гг.)¹³⁶ и книга по связям с Англией (приезд в Москву английского посла Дж.Меррика и его отпуск, отправление в Англию русских посланников С.Волынского и М.Поздеева, 1614-1617 гг.)¹³⁷ Большой объем этих книг (490 и 698 листов соответственно), а также наличие большей части соответствующих столбцов делают выводы более полными и убедительными.

Сопоставим сначала содержание английских столбцов с книгами (в данный момент книга 1614-1617 гг. разделена на две). Поисковые данные сопоставляемых столбцов и книг указаны полужирным шрифтом. Нарушенная пагинация столбцов указывается в правильной последовательности. Сопоставление производится по методике, разработанной Н.М.Рогожиным.

Столбец (Ф. 35. Оп. 1. Д. 53)	Книга (Ф. 35. Оп. 1. Д. 4)
Л. 1-5 В столбце нет. Л. 6-28 Л. 65, 143-170 Л. 29-64, 66-143, 171-216 Л. 217-219 Л. 220-222 В столбце нет. Л. 223-376, 381-404 Л. 377-380, 404-693 В столбце нет.	В книгу не вошли. Л. 1-4 Л. 4-21 об. Л. 22 об.-47 В книгу не вошли. Л. 47-48 об. Л. 22-22 об., 49 Л. 49-51 об. Л. 51 об.-202 об. В книгу не вошли. Л. 203-525
Столбец (Ф. 35. Оп. 1. Д. 63)	Книга (Ф. 35. Оп. 1. Д. 6)
В столбце нет. Л. 1-51 В столбце нет. Л. 51-71, 89, 72-88, 90 В столбце нет. Л. 91-109 В столбце нет. Л. 110-148 В столбце нет. Л. 149-170	Л. 1-3 об. Л. 3 об.-39 об. Л. 39 об.-40 об. Л. 40 об.-69 Л. 69 об.-100 Л. 100 об.-126 Л. 126-139 об. Л. 139 об.-170, 172 Л. 171, 173 В книгу не вошли

Как видно из результатов сопоставления, в книгу вошли не все материалы сохранившихся столбцов. С другой стороны, в составе книги имеются фрагменты, отсутствующие на данный момент в столбцах.

В столбец и книгу вошли следующие документы:

1. Текст отписки вологодских воевод о прибытии к ним английского посольства. (Ст. № 53-л. 6-8; Кн. № 4-л. 4-7).
2. Грамоты из Посольского приказа (от лица царя Михаила) вологодским и ярославским воеводам и приставу при английском после М.Е.Векентьеву. (Ст. № 53-л. 9-28; Кн. № 4-л. 7-21 об.).
3. Описание встречи английского посольства под Москвой. (Ст. № 53-л. 220-222; Кн. № 4-Л. 22-22 об., 49).
4. Наказ приставам при английском после. (Ст. № 53-л. 65, 143-170; Кн. № 4-л. 22 об.-47).
5. Память стремянному конюху Б.Суморокову. (Ст. № 53-л. 217-219; Кн. № 4-л. 47-48 об.).
6. Описание аудиенции 1 января 1615 г. (Ст. № 53-л. 223-236; Кн. № 4-л. 51 об.-60 об.).
7. Наказ стольнику И.И.Салтыкову. (Ст. № 53-л. 237-240; Кн. № 4-л. 60 об.-63 об.).
8. Переводы речей английского посла и поданных им грамот. (Ст. № 53-л. 241-255, 375-402; Кн. № 4-л. 63 об.-71 об., 177-198).
9. Выписка о русско-английских дипломатических контактах в 1582-1613 гг. (Ст. № 53-л. 256-334; Кн. № 4-л. 70 об.-137).
10. Протоколы переговоров 11 и 22 января 1615 г. (Ст. № 53-л. 335-375, 403-404; Кн. № 4-л. 137-177, 198 об.-202 об.).
11. Наказ посланникам С.Волынскому и М.Поздееву. (Ст. № 65-л. 1-90; Кн. № 6-л. 3 об.-39 об., 40 об.-69).
12. Памяти посланникам. (Ст. № 65-л. 91-111; Кн. № 6-л. 96-126, 139 об.-141).
13. Список условий «докончания». (Ст. № 65-л. 112-132; Кн. № 6-л. 141-160).
14. Тексты проезжих грамот. (Ст. № 65-л. 133-136; Кн. № 6-л. 160-163).
15. Грамота о капитане Гилберте. (Ст. № 65-л. 137-143; Кн. № 6-л. 163-168).
16. «Опасная» грамота. (Ст. № 65-л. 144-145; Кн. № 6-л. 168-169 об.).
17. Роспись «поминков». (Ст. № 65-л. 146-147; Кн. № 6-л. 169 об.-170 об.).
18. Роспись жалованья участникам посольства. (Ст. № 65-л. 148; Кн. № 6-л. 172).

Вошли в книгу, но отсутствуют в столбцах:

1. Отписка холмогорских воевод. (Кн. № 4-л. 1-1об.).
2. Грамота к вологодским воеводам. (Кн. № 4-л. 1 об.-4).
3. Роспись кормов послу Дж.Меррику и его свите. (Кн. № 4-л. 49-51 об.).
4. Материалы о возвращении Дж.Меррика из Столбова, переговорах с ним в Москве и отпуске его в Англию. (Кн. № 4-л. 203-525).
5. Приговор об отправлении посольства в Англию. (Кн. № 6-л. 1-1 об.).
6. Текст царской грамоты к королю Якову I. (Кн. № 6-л. 1 об.-3 об.).
7. Часть наказа посланникам С.Волынскому и М.Поздееву (об отправлении английского посольства в Польшу, о предоставлении англичанам проезда через российские земли на Восток, о помощи Москве людьми и казной, о предоставлении англичанам торговой монополии в Архангельске, о союзе против бусурман, церемониал обеда у короля и отпуска посольства). (Кн. № 6-л. 39 об.-40 об., 69 об.-96).
8. Памяти посланникам на случай смерти короля Якова, о кречатниках, об А.Астоне. (Кн. № 6-л. 126-139 об.).
9. Часть выписки о жалованье посланникам. (Кн. № 6-л. 171, 173).

Не вошли в книгу:

1. Переписка Посольского приказа с воеводами городов, через которые следовали английские дипломаты, а также с приставами при английском и голландском посланниках. (Ст. № 53-л. 1-5, 30-64, 66-111, 116-142, 171-213, 216, 441-450, 456-465, 470-487, 659, 666-688).
2. Записи разговоров приставов с посланниками. (Ст. № 53-л. 112-115).
3. Переписка Посольского приказа с другими ведомствами. (Ст. № 53-л. 214-215, 433, 435-436, 452, 657-658).
4. Переговоры с английским послом. (Ст. № 53-л. 404-413, 416-432, 488-516, 601-605, 615-651).
5. Списки грамот, поданных Дж.Мерриком. (Ст. № 53-л. 414, 451, 453-455, 466-469, 517-520).
6. Доклад думного дьяка П.А.Третьякова царю. (Ст. № 53-л. 415).
7. Отпуск в Новгород английского дворянина Т.Андреева. (Ст. № 53-л. 433 об.-434 об.).

8. Наказ приставу И.Спешневу. (Ст. № 53-л. 437-439).
9. Росписи кормов и жалованья. (Ст. № 53-л. 440, 652-656, 660-665).
10. Отпуск Дж. Меррика на русско-шведские переговоры. (Ст. № 53-л. 521-559, 606-615).
11. Выписка о «неправдах» шведского короля. (Ст. № 53-л. 560-600).
12. Наказ Дж.Меррику (отрывок). (Ст. № 53-л. 690-692).
- 13 Челобитная пристава С.Протасьева. (Ст. № 53-л. 693).
14. Переписка Посольского приказа с посланниками С.Волынским и М.Поздеевым. (Ст. № 65-л. 149-170).

Сопоставив содержание столбцов и книги, можно заметить, что из столбцов в книгу были перенесены важнейшие документы: часть переписки Посольского приказа с воеводами и приставом при английском после; церемонии встречи английского посольства и аудиенции ему; указы приставам, стремянному конюху и стольнику, обслуживавшим миссию; протоколы переговоров и переводы грамот и речей английского посла; выписка о русско-английских отношениях; наказ и памяти русским посланникам в Англию; список условий англо-русского союза; тексты грамот, отправленных с посольством; росписи «поминков» и жалованья посланникам.

В книге можно обнаружить и другие важные документы, которые отсутствуют в столбцах: часть переписки Посольского приказа с воеводами; роспись кормов английскому посольству; материалы о переговорах в Москве с Дж.Мерриком в 1617 г. и его отпуске; приговор Думы об отправлении посольства в Англию и текст царской грамоты к королю; часть наказа и памятей русским посланникам; часть выписки о жалованье посланникам. Надо полагать, что документы, перенесенные в книгу и отсутствующие на данный момент в столбцах, первоначально также существовали в виде столбцов. В частности, источником содержащихся в книге материалов о переговорах и отпуске Дж.Меррика в 1617 г. были утраченные столбцы, указанные в Описи 1626 года: «Верх столпа аглинсково, как был у государя аглинской посол князь Иван Ульянов, приехав из Новагорода, и как аглинской король учинился з государем в докончанье, 125-го году июня з 20-го числа, исподу нет. Отпуск с Москвы в Аглинскую землю аглинсково посла Ивана Ульянова 125-го году августа по 4 число»¹³⁸. Данные описательные статьи указывают, что по своему содержанию утраченные столбцы соответствовали тексту книги № 4 (листы 203-525), именно тому ее отрывку, для которого на данный момент исходные столбцы отсутствуют.

Можно также предположить, что в столбце первоначально были записаны отсутствующие в нем приговор об отправлении С.Волынского и М.Поздеева, а также текст отправленной с ними грамоты. Столбец об отправлении этой миссии сохранился не полностью; он начинается словами: «А таков им дан наказ, почему государево дело делать»¹³⁹. Подобное начало текста позволяет утверждать, что первые его листы (с указанием имен посланников) были утрачены. В столбцах об отправлении за границу российских посланников наказу обычно предшествовали именно приговор царя и бояр об отправлении миссии и текст посланной с ней грамоты¹⁴⁰. Наше предположение подтверждается данными Описи 1626 года, в которой указан «Отпуск в Аглинскую землю Степана Волынского да дьяка Марка Поздеева 125-го году, верху нет по наказу»¹⁴¹. Утрачены были, по всей вероятности, и фрагменты росписей поминков и жалованья посланникам – в столбце сохранилась лишь их часть. Вполне вероятно, что в столбцах имелись и другие материалы, в данный момент содержащиеся лишь в книге.

Не вошли в «английскую» книгу преимущественно те материалы столбцов, которые в будущем не могли представлять ценности как справочный материал. Это многочисленные грамоты, отписки и памяти, отражающие переписку Посольского приказа с городами и другими ведомствами, с русскими посланниками во время их следования из Москвы в Архангельск. Не нашли отражения в книге и материалы, связанные с отправлением Дж.Меррика на русско-шведские переговоры. Однако, объяснение их отсутствия в английской книге № 4 находится непосредственно в ее тексте. В книге имеется прямое указание, что данные о посредничестве английского посла были записаны в особых «свейских книгах»¹⁴². Всего, если учесть, что материалы, касавшиеся отправления на русско-шведские переговоры английского посла, были переписаны из столбца в особую несохранившуюся «шведскую» книгу, следует констатировать, что при составлении «английской» книги было отсеяно более трети материалов столбцов.

Сопоставим также тексты трех «датских» столбцов¹⁴³ с соответствующей им книгой. Столбцы дошли до наших дней не полностью: утрачена первая половина наказа русским послам (начало сохранившегося отрывка наказа соответствует 119-му листу книги). Не полностью сохранилась и книга: ее текст обрывается на полупhrase. В Описи 1626 года было отмечено, что в соответствующей книге после пожара не хватало шести тетрадей¹⁴⁴ (т.е. приблизительно 50-ти листов). В приведенной ниже таблице производится сопоставление текстов столбцов и книги. Поисковые данные сопоставляемых столбцов и книги указаны полужирным шрифтом; в

случае, если среди материалов указанного столбца встречаются материалы других столбцов, то их поисковые данные указываются в скобках. Нарушенная пагинация столбцов указывается в правильной последовательности.

Столбец (Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.))	Книга (Ф. 53. Оп. 1. Кн. 3.)
В столбце нет. Л. 1-110 Л. 111-139 Л. 140-145 Л. 145-159 Л. 1-19 (Ст. 1. (1614 г.)) В столбце нет. Л. 47-48 (Ст. 1. (1614 г.)) Л. 160-221 Л. 222-224	Л. 1-118 об Л. 119-214 В книгу не вошли. Л. 215-221 об. В книгу не вошли. Л. 221 об.-235 об. Л. 236-237 Л. 237-238 Л. 238-296 В книгу не вошли.
Столбец (Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. (1614 г.))	
Л. 20-46, 49-114 Л. 115-119 Л. 120-124 Л. 125-174 Л. 175-182 Л. 183-281, 282, 283, 284, 285, 286, 287-291, 295, 296, 298, 297, 301, 302, 304-306 Л. 292-294, 299-300 Л. 303, 310, 311 Л. 307-309 Л. 312, 313, 310а Л. 314-336	В книгу не вошли. Л. 296-300 об В книгу не вошли. Л. 300 об-339 В книгу не вошли. Л. 339 об.-446 В книгу не вошли. Л. 446-450 В книгу не вошли. Л. 450-451 об. В книгу не вошли.
Столбец (Ф. 53. Оп. 1. Д. 2. (1614 г.))	
Л. 1-4, 7, 10, 11, 8, 9, 5, 18, 6, 13-15, 24, 25, 26, 17, 32, 20, 16, 22, 27, 28, 30, 31, 29, 23 Л. 19,21 В столбце нет.	Л. 452-483 В книгу не вошли. Л. 483 об.-490 об.

Сопоставление содержания столбцов и книги позволяет сделать вывод о том, что книга составлялась на основе столбцов: в столбце не удалось обнаружить лишь приговора об отправлении посольства в Данию, росписи жалованья участникам миссии, царских грамот к королю Христиану и первой половины наказа русским послам (Л. 1-118 об. книги), царской грамоты к возвращавшимся в Москву посланникам (Л. 236-237 книги), а также части переписки московской администрации с пограничными городами (Л. 466-490 об. книги). Отсутствие в столбцах соответствующих материалов объясняется просто — их утратой. С другой стороны, видно, что значительная часть материала столбцов в книгу не вошла.

В книгу вошли следующие документы из столбцов:

1. Вторая половина наказа русским послам (Ст. 1. (1613 г.). л. 1-110; Кн.-л. 119-214).
2. Отписка русских послов с кратким изложением результатов их миссии (Ст. 1. (1613 г.). л. 140-145; Кн.-л. 215-221 об.).
3. Наказ приставу при датском посланнике (Ст. 1. (1614 г.). л. 1-19; Кн.-л. 221 об.-235 об.).
4. Отписка пристава при датском посланнике (Ст. 1. (1614 г.). л. 47-48; Кн.-л. 237-238).
5. Приезд в Москву русских посланников из Дании и их отчет (Ст. 1. (1613 г.). л. 160 -165; Кн.-л. 238-240 об.).
6. Перевод грамот датского короля (Ст. 1. (1613 г.). л. 166-175; Кн.-л. 240 об.-250 об.).
7. Статейный список российского посольства в Данию (Ст. 1. (1613 г.). л. 175-221; Кн.-л. 251-296).
8. Выписка о встречах датских гонцов и послов под Москвой (Ст. 1. (1614 г.). л. 115-119; Кн.-л. 296-300 об.).
9. Приезд в Москву датского посольства (Ст. 1. (1614 г.). л. 125-143; Кн.-л. 300 об.-315).
10. Кормовые росписи (Ст. 1. (1614 г.). л. 144-149; Кн.-л. 315-319 об.).
11. Описание аудиенции датскому посланнику 30 октября 1614 г. (Ст. 1. (1614 г.). л. 150-167; Кн.-л. 320-331 об.).
12. Перевод королевских грамот (Ст. 1. (1614 г.). л. 167-174; л. 331 об.-339 об.).
13. Выписка о русско-датских отношениях в 1563-1613 гг. (Ст. 1. (1614 г.). л. 183-269; Кн.-л. 339 об.-421 об.).
14. Описание отпусковой аудиенции датскому посольству 2 февраля 1615 г. (Ст. 1. (1614 г.). л. 270-281, 283; Кн.-л. 421 об.-433).
15. Текст царской грамоты к датскому королю (Ст. 1. (1614 г.). л. 282, 284, 286, 285, 287-291; Кн.-л. 433-440).
16. Отъезд датского посольства из Москвы 25 февраля 1615 г. (Ст. 1. (1614 г.). л. 295-296; Кн.-л. 440-441).
17. Наказ приставу при датском посольстве (Ст. 1. (1614 г.). л. 298, 297, 301, 302, 304-306; Кн.-л. 441 об.-446).
18. Роспись кормов и жалованья (Ст. 1. (1614 г.). л. 303, 310, 311-313, 310а; Кн.-л. 446-451 об.).
19. Переписка центральных ведомств с воеводами пограничных городов (Ст. 2. (1614 г.). л. 1-32; Кн.-452-465 об.).

В книгу не вошли:

1. Челобитные участников посольства в Данию (Ст. 1. (1613 г.). л. 111, 118-120, 130, 137-139).
2. Переписка Посольского приказа с другими ведомствами (Ст. 1. (1613). л. 112, 116, 117, 121; Ст. 1. (1614 г.). л. 97, 98, 120, 121).
3. Переписка Посольского приказа с администрацией городов, через которые следовали посольства (Ст. 1. (1613 г.). л. 113-115, 122-129, 132, 145-149; Ст. 1. (1614 г.). л. 21-26, 41-43, 50-57, 59-64, 66-68, 70-88, 93-96, 101-108, 111, 112, 124, 299, 300).
4. Переписка Посольского приказа с русскими послами (Ст. 1. (1613 г.). л. 133-136, 150-159; Ст. 1. (1614 г.). л. 99, 100).
5. Переписка Посольского приказа с приставами при датских послых (Ст. 1. (1614 г.). л. 44-46, 49, 58, 65, 69, 89-92, 109, 110, 113, 114, 122, 123).
6. Дело об «изменных речах» члена русского посольства (Ст. 1. (1614 г.). л. 175-182).
7. Запись о приеме у царя выезжего датского дворянина М.Мартынова (Ст. 1. (1614 г.). л. 292-294).
8. Подорожные и кормовые росписи (Ст. 1. (1614 г.). л. 20, 27-40, 307-309, 314-332).
9. Перевод грамоты датского короля (Ст. 1. (1613 г.). л. 222-224).
10. Часть переписки Посольского приказа с воеводами Кольского острога.

Как и в предыдущем случае, из столбцов в книгу были перенесены важнейшие документы, имевшие справочное значение; не переписаны в книгу документы, не имевшие большой дипломатической ценности (например, объемная переписка Посольского приказа с другими ведомствами, воеводами и приставами). Исключение представляет перевод грамоты датского короля, помещенный в конце столбца 1613 года. Однако, следует отметить, что королевская грамота была переписана в столбце дважды: первый раз — с перевода, доставленного в Москву князем И.Борятинским, второй раз — с подлинника, привезенного в столицу дьяком Г.Богдановым несколько позже. В силу идентичности этих текстов переписывать перевод в книгу дважды не было необходимости. Всего при составлении книги была отсеяна примерно треть объема материалов столбцов. Практически полностью была перенесена из столбца в книгу переписка центральных ведомств с воеводами Кольского острога; не были переписаны лишь два листа (19 и 21), которые являются черновиком грамоты, переписанной в столбец и книгу.

Интересно, что в датских столбцах, служивших первоосновой для составления книги, сохранились пометы дьяков, представляющие собой указания по составлению книги. Так, в столбце описание возвращения в Москву русских послов предваряется пометой: «С тех мест писать в книги»; перед выпиской о русско-датских отношениях имеется помета «Писать все». Данные материалы были переписаны в книгу. И напротив, перед записью «дела об изменных речах» поставлена помета «Не писать всего»; соответствующего дела в книге нет¹⁴⁵.

Таким образом, на основании сопоставления содержания книг и столбцов можно сделать следующие выводы. Основным источником при составлении служащими Посольского приказа книг являлись предварительно составленные столбцы. Материалы столбцов переносились в книги не полностью; в книгу переписывали самые важные сведения, которые в дальнейшем могли служить справочным материалом при подготовке или приеме новых дипломатических миссий. Значительная часть материала столбцов (около трети) в книгу не переносилась; после составления книг столбцы продолжали хранить в архиве Посольского приказа.

Рассмотрение столбцов, служивших первоисточниками книг, а также текстологическое сопоставление книг и столбцов позволяют представить некоторые приемы делопроизводственной работы, использовавшиеся при составлении книг. Прежде всего, столбец просматривался руководителями приказа. Дьяки определяли, какие материалы следует переписать в книги, а какие — нет. Свои распоряжения относительно копирования столбцов они оставляли в виде помет, являвшихся директивами по составлению книг. Подобные пометы довольно часто встречаются в столбцах начала XVII в. Так, в столбце по связям Московского государства с Данией имеется дьячья помета: «С тех мест писать в книги». На обороте того же листа помещена запись, свидетельствующая о выполнении распоряжения: «Столп датцкой 123-го, списан в книги»¹⁴⁶. В большинстве случаев директивы руководства Посольского приказа были более краткими: «Не писать всего», «Писать все»¹⁴⁷, «Не писать», «Писать», «Писать же»¹⁴⁸.

Наличие в столбцах подобных дьяческих директив открывает перед нами широкие возможности реконструкции текстов утраченных книг. Так, в Описи 1626 года упомянуты «Книги крымского посольства 122-го году, как посылан Обросим Лодыженской да Петр Данилов, и в Крым же наказ князю Григорью Волконскому да дьяку Петру Овдокимову, и наказ окольничему князю Григорью Петровичю Ромодановскому, а в них многих тетратей сверху и в середке и в ысподи нет, в пожар истоптаны и изгрязнены, а иные

поплели, во многих тетратех и письма не знать»¹⁴⁹. Как видно, состояние книги было неудовлетворительным уже в 1626 г.; до наших дней указанная книга не сохранилась. Однако, хорошая сохранность столбцов, соответствующих по содержанию утраченной книге (отправление в Ливны на посольскую размену Г.П.Ромодановского и его статейный список, отправление в Крым Г.К.Волконского и П.Овдокимова и переписка с ними Посольского приказа¹⁵⁰), а также наличие в этих столбцах дьяческих помет – директив по составлению книг¹⁵¹, открывают перед нами возможность восстановления по столбцам текста погибшей книги по связям Российской державы с Крымским ханством.

Документация, переносимая из столбцов в книги, не всегда переписывалась без изменений. Рассмотрим некоторые варианты перенесения материалов столбца в книгу. Иногда документу, который переписывался в книгу, предпосылали краткую преамбулу, раскрывавшую его основное содержание. Например, в шведском столбце 1618 г. над текстом отписки приставов при шведских послых поставлена помета «Писать», а затем сделана вставка: «И марта в 6 день писали ко государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии свейских послов пристава Яков Унковской да Филип Арцыбашев, что они с свейскими послы пришли», после чего следовал текст отписки¹⁵².

В ряде случаев отписки, включавшиеся в книги, подвергались редактированию иного рода. Их тексты сокращались до минимума, при этом документы, написанные от первого лица, переделывали таким образом, что содержание излагалось от третьего лица. Приведем пример. В английском столбце 1615 г. была вклеена отписка осташковского воеводы Бориса Кокорева. Первоначально ее текст выглядел следующим образом: «Государю, царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии холоп твой Бориска Кокорев челом бьет. [Далее следовало переложение пришедшей к нему царской грамоты об отправлении через Осташков в Новгород английского дворянина Т.Андреева в сопровождении пристава И.Спешнева. – Д.Л.]. И Исак, государь, Спешнев аглинского королевства з дворянином с Томасом Ондреевым приехал в Осташков февраля в 5 день. И я, холоп твой, по твоей государеве грамоте дворянину Томосу Ондрееву дал двор доброй... [Далее были изложены прочие распоряжения Кокорева. – Д.Л.]». Данную отписку по решению руководства приказа следовало переписать в книгу, о чем свидетельствовала помета над ее текстом – «Писать». Выше текста отписки другим почерком и чернилами было приписано: «И 123 ж году февраля в 22 день писал к». Далее по всему тексту были вычеркнуты обороты «холоп твой» и обращения «государь», место-

имение «я» заменено в тексте местоимением «он», вставлены слова, необходимые для связки; кроме того, из текста отписки было вычеркнуто длинное переложение государевой грамоты. В результате подлежащий переносу в книгу текст отписки осташковского воеводы приобрел следующий вид: «И 123 ж году февраля в 22 день писал к государю, царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Руси, что Исак Спешнев аглинского королевства з дворянином с Томасом Ондреевым приехал в Осташков февраля в 5 день. И он по государеве грамоте дворянину Томосу Ондреву дал двор доброй...»¹⁵³. В результате обработки текст значительно сократился за счет удаления дублирующейся информации, а также принял наиболее приемлемый для перенесения в книгу вид.

Перед перенесением в книгу данные столбцов подвергались также и стилистической правке. Например, в столбце об отправлении в Англию русского посольства в 1617 г. над строкой были вписаны слова, которые, по мнению приказного руководства, следовало вставить в текст: «...учинили меж великого государя нашего, его царского величества^а, и меж свейского Адольфа короля мир и дружбу, а меж обоих государств покой и тишину навеки^б»; «...послал к брату своему, к государю вашему нас^в, послов своих^г, меня, дворянина своего и наместника рязкого Степана Ивановича Волинского, да меня, дьяка своего, Марка Иванова сына Поздеева, брату своему любительному^д, государю вашему...»¹⁵⁴. Приведенные фразы были перенесены в книгу с учетом произведенной предварительной правки; единственными разночтениями между исправленным текстом столбца и текстом книги является написание в книжном варианте слова «рязского» с двумя буквами «с» — «ряского», а слова «дьяка» — через «а» — «диака»¹⁵⁵. Приведенный пример доказывает факт стилистической и орфографической обработки текстов столбцов перед перенесением их в книги.

Итак, анализ делопроизводства Посольского приказа позволяет сделать вывод о том, что книги составлялись в этом ведомстве на основе столбцов путем перенесения документов столбцов после соответствующей стилистической, грамматической, а иногда и смысловой обработки. В книги переносили важнейшие материалы, имевшие справочную ценность; прочее же отсеивалось. На основании рассмотрения столбцов, служивших источниками при составлении книг, можно представить некоторые приемы делопроизводительной работы служащих Посольского приказа.

Попытаемся приблизительно определить время составления книг начала XVII в.; это позволит сделать выводы о сроке, отделявшем завершение дипломатической миссии от составления освещающей ее книги. Разумеется, определить точные даты составле-

ния книг не удается; во многих случаях речь может идти о хронологическом отрезке протяженностью в несколько лет. Выводы о времени составления книг можно делать на основании сопоставления данных описей архива Посольского приказа; в ряде случаев косвенные указания на примерное время составления содержатся в самих книгах.

По связям с Англией в описях XVII в. зафиксированы две книги (составляющие ныне четыре отдельных книги). Первая из них содержала материалы об отпуске в Англию посольства А.Зюзина и А.Витовтова и их приезде (1613-1614 гг.), а также отпуск гонца И.Грязева (1615 г.). В Описи 1626 года эти материалы уже упоминаются как отдельная книга¹⁵⁶. В настоящее время эта книга разделена на книги № 3 и № 5. Вторая английская книга, относящаяся к рассматриваемому периоду, содержала материалы о приезде и отпуске английского посла Дж.Меррика (1614-1617 гг.), а также отправления в Англию посольства С.Волынского и М.Поздеева (1617 г.) В Описи 1626 года указанные материалы упоминаются как отдельная книга¹⁵⁷. В настоящее время она разделена на книги № 4 и № 6 общим объемом в 698 листов. Основываясь на содержании «английских» книг, можно предположить, что первая из них была написана около 1615 г. (поскольку в нее не вошли материалы, связанные с возвращением в 1616 г. в Москву И.Грязева); составление второй можно условно датировать 1617 годом, поскольку в составе этой книги нет информации о возвращении из Англии посольства С.Волынского (1618 г.)

Составленная в Посольском приказе книга по связям Московского государства с Голландией не была зафиксирована в описях; о ее существовании мы знаем лишь по упоминаниям в других документах. Официальные контакты между Российской державой и Голландией были установлены в 1613-1614 гг., когда русское посольство С.Ушакова и С.Заборовского в Империю следовало через голландские земли. Информация о контактах с Голландией могла быть получена в Москве не раньше августа 1614 г., когда вышеназванное посольство вернулось в Москву. В Описи 1614 года данная книга еще не упоминается. Это позволяет сделать вывод о том, что она была составлена не раньше 1615 г. Во французской книге, описывавшей события 1615-1616 гг., уже есть упоминание о «голландских книгах», упоминаются они и в английской книге 1614-1617 гг.¹⁵⁸, составленной, по нашему предположению, около 1617 г. Таким образом, составление в Посольском приказе «голландских книг» следует датировать 1615-1617 гг. Книги по связям с Голландией также были составлены «по горячим следам» — практически одновременно с началом русско-голландских дипломатических от-

ношений. Голландские книги, вероятно, погибли в пожаре 1626 г., поэтому не были зафиксированы в соответствующей описи.

Между 1604 и 1614 годами в Посольском приказе была составлена книга по связям Москвы с зарубежным православным духовенством: согласно Описи 1614 года, в ней было записано, сколько милостыни выдавалось в Москве греческим старцам, приехавшим в Российское государство с 1598 г. по 1604 г. Более точно датировать составление указанной книги не удается; книга была утрачена, вероятно, во время пожара 1626 г., поскольку в Описи 1626 года она не значится.

По связям Московского государства с Данией имеется одна книга, в которой содержатся материалы об отправлении и возвращении из Дании посольства князя И.М.Борятинского и дьяка Г.Богданова (1613-1614 гг.); о приезде в Москву датского посланника Ивервинта и его отпуске; выписка о прежних переговорах по межеванию русско-датской границы в Лапландии; переписка кольских воевод с варгавскими «державцами» (до февраля 1616 г.)¹⁵⁹. В Описи 1626 года указанная книга описана следующим образом: «Тетрати дацкие: отпуск и приезд в Дацкую землю князя Ивана Борятинского да дьяка Гаврила Богданова 121-го году, с начала тетрати одной нет, а с ысподи шти тетратаей нет»¹⁶⁰. Данная описательная статья позволяет предположить, что к 1626 году в тетради были переписаны лишь материалы, касающиеся русского посольства 1613-1614 гг. Однако в той же описи зафиксированы столбцы, бывшие первоисточниками для нынешней датской книги. При этом столбец об отправлении посольства существовал отдельно, а в столбце о возвращении миссии И.М.Борятинского содержались также сведения о приезде и отпуске датского посланника Ивервинта¹⁶¹. При рассмотрении указанных столбцов (сохранившихся до наших дней) выясняется, что в том же столбце имеется и обширная выписка (87 листов) о прежних переговорах по межеванию границ в Лапландии¹⁶². Столбец, в котором была записана документация о возвращении русского посольства вместе с датским посланником, переписывался в книгу, о чем свидетельствуют соответствующие пометы: «С тех мест писать в книги», «Столп датцкой 123-го, списан в книги», «Не писать всего», «Писать все»¹⁶³. Поскольку материалы о возвращении в Москву посольства Борятинского были переписаны в тетради, можно предположить, что в то же время были переписаны и содержащиеся в этом столбце документы, касавшиеся приезда в Москву посланника Ивервинта. Следовательно, к 1626 году датская книга уже была в общих чертах скомпонована (неизвестно, содержалась ли в ней к тому моменту переписка пограничных воевод, однако можно предположить, что и она была

переписана в тетради, поскольку была логически связана с проблемой границы в Лапландии; выписка же о переговорах о границах, судя по помете «Писать все», была перенесена в книгу).

После 1614 г. в Посольском приказе была составлена несохранившаяся до наших дней книга по связям Российского государства с Персией. Косвенное упоминание об этой книге содержится в персидских столбцах. Во время отпуска из Москвы посланников от шаха Аббаса I Кая-салтана и Булат-бека (январь 1618 г.) была сделана выписка о жалованье прежним персидским дипломатам. Выписка начиналась словами: «Выписано ис кизылбашских же книг»; в ней содержались примеры из 1590, 1592, 1594, 1604, 1613, 1615 годов¹⁶⁴. Книги по связям с Персией, известные по описям, обрываются 1594-м годом¹⁶⁵. Следовательно, в Посольском приказе хранились какие-то книги, освещающие более позднее время. То, что пример из 1604 года был выписан именно из «книг», а не из столбца, косвенно подтверждается указанием той же выписки, в конце которой содержится запись: «Да сыскано в столпу 108-го году...»¹⁶⁶. Относительно других примеров подобного указания нет; то, что выписка из столбца помещена после других примеров, в нарушение хронологического порядка, также подтверждает нашу мысль: вероятно, служащими приказа сначала были просмотрены книги, как более удобный справочный материал, а затем выписка была дополнена материалами столбца.

Другим подтверждением нашей версии является упомянутая в Описи 1626 года среди «розни кизылбашской» «выписка ис кизылбашских книг, что кому шаховым послом и посланником давано государева жалованья на отпуске... в 98-м, и в 100-м, и во 102-м году..., и во 112-м году..., и во 121-м, и во 124-м, и во 126-м году»¹⁶⁷. По своему содержанию данная выписка полностью соответствует вышеупомянутой выписке, содержащейся в столбце 1618 года. Как видно, в Описи 1626 года также указано, что выписка была сделана из книг. Мы можем лишь догадываться о том, что содержалось в указанной книге. Вероятно, в связи с возобновлением после воцарения Михаила Романова русско-персидских дипломатических контактов, в Посольском приказе была составлена книга, включавшая в себя сведения о приезде в Москву последнего персидского посольства до начала Смуты (миссии посла Лачинбека и гонца Булат-бека в 1603-1604 гг.), а также материалы о пребывании в Москве первого официального посольства шаха Аббаса к Михаилу Федоровичу (1615-1616 гг.) Составление книги могло начаться не раньше 1616 г. (когда был отпущен посол Булат-бек, о котором упоминается в выписке); в январе 1618 г. книга уже была составлена (в это время из нее была сделана выписка). Таким обра-

зом, и в этом случае срок между завершением миссии и составлением освещающей ее книги был минимальным. Вероятно, эта книга сгорела во время пожара 1626 года, в Описи 1626 года она не упомянута.

Значительное количество книг (по нашим данным — 9) было составлено за рассматриваемый период в Посольском приказе по связям Московского государства с Речью Посполитой. Самая ранняя из «польских» книг была составлена в дипломатическом ведомстве о пребывании в Москве польских послов Н. Олесницкого и А. Гонсевского в 1605/06 г. В Описи 1614 года упоминаются «5 связок тетрадей, не переплетены, 114-го году, а в них писано приезды литовских послов Николая Олешницкого да Олександра Гасевского, и как они были на Москве; а иных тетрадей многих нет»¹⁶⁸. Указанные материалы, по всей вероятности, были перенесены в тетради еще до польской оккупации Москвы, во время которой они серьезно пострадали. Косвенным доказательством составления этих тетрадей еще до освобождения столицы в 1612 г. служит то, что в Описи 1614 года уже не упоминаются соответствующие столбцы, пропавшие, скорее всего, во время «московского разоренья». Следовательно, данные тетради были составлены еще при Василии Шуйском, т.е. не более чем через пять лет после завершения описываемых в них событий. В Описи 1626 года тетради 114-го года не упоминаются; вероятно, они сгорели во время пожара 1626 г.

Самая ранняя из сохранившихся книг по связям с Речью Посполитой освещает ход посольства князя Г.К. Волконского и дьяка А. Иванова в Польшу в 1606-1607 гг. В настоящее время книга состоит из 340 листов¹⁶⁹. В Описи 1614 года эти материалы упоминаются как «свяска тетрадей не переплетенных»¹⁷⁰. Как видно, соответствующие столбцы (в 1614 г. они еще существовали¹⁷¹, в Описи 1626 года уже не упоминаются) были переписаны в тетради до конца 1614 г.; окончательное оформление тетрадей в книгу было произведено, вероятно, уже после свержения Василия Шуйского (скорее всего — в 1613-1614 гг.) Об этом свидетельствует запись, предваряющая изложение материалов о возвращении посольства: «Приезд из Литвы при царе Василье посланников князя Григорья Волконского да дьяка Ондreja Иванова»¹⁷². Отсутствие пространного титулования Василия Шуйского в данной записи и указание на его царствование, как на уточняющий хронологию момент, позволяет сделать вывод, что во время составления книги Шуйский уже не был царем. Между 1614 и 1626 гг. указанные тетради были переплетены, поскольку в Описи 1626 года материалы миссии 1606-1607 гг. указаны как отдельная книга¹⁷³.

Следующая книга содержит сведения, касающиеся пребывания в Москве польских послов Н.Олесницкого и А.Гонсевского и посланников С.Витовского и Я.Соколинского в 1607-1608 гг. В настоящий момент книга состоит из 251-го листа, причем в ней не хватает начальных, конечных и многих средних тетрадей¹⁷⁴. Данная книга не упомянута в Описи 1614 года, однако есть основания утверждать, что к 1614 г. соответствующие материалы уже были переписаны в тетради. В Описи 1614 года имеется запись: «В сундуке столпы литовские, и книги в тетратех, и мелкая рознь со 113-го году по 118-й год о Сендомирском и о Маринке; да как были на Москве литовские послы и посланники Миколай Олешнитцкой с товарищи; и как был на Москве Станислав Желковской с товарищи»¹⁷⁵. В предыдущей главе указывалось, что в этом сундуке должен был находиться столбец о переговорах 1610 г. с гетманом С.Жолкевским и рознь, связанная с приездом в Москву Мнишек. В таком случае, в сундуке в виде «книг» должны были лежать материалы, касающиеся пребывания польских послов и посланников в 1607-1608 гг. (данные о переговорах с польскими послами в 1606 г. в той же описи названы отдельными тетрадями)¹⁷⁶. Таким образом, к 1614 г. современная «польская» книга № 27 уже представляла собой «книги в тетратех». Вероятно, столбцы о переговорах 1607-1608 гг. были переписаны еще при Василии Шуйском, поскольку в Описи 1614 года они уже не упоминаются (хотя они могли находиться в одном сундуке с книгой). В Описи 1626 года описание данной книги отражает ее современное состояние: «27 тетратей литовского посольства Миколая Олешницкого да Олександра Гасевского, как они были на Москве при царе Василье во 115-м и во 116-м году, смешены, а иные и поплели, первых тетратей, и средних, и последних нет»¹⁷⁷. Переплетена книга была после 1626 г.

Четвертая «польская» книга, относящаяся к исследуемому периоду, охватывает 1613-1615 гг. и содержит сведения об отправлении в Польшу российских гонцов и посланников Д.Оладьина, Ф.Желябужского, А.Нечаева, а также о приезде в Москву польского посланника М.Каличевского. Книга написана на 739-ти листах¹⁷⁸. В Описи 1614 года уже упоминается часть этой книги: «Книги литовские лета 7121-го, отпуск в Литву и приезд из Литвы посланника Денисья Оладьина»¹⁷⁹. Интересно, что эта книга составлялась буквально сразу по следам событий. Оладьин возвратился из Польши 20 июля 1613 г.¹⁸⁰; описание архива Посольского приказа было произведено в ноябре 1614 г. Таким образом, между завершением миссии Оладьина и первым документальным упоминанием книги, освещающей ход этой миссии, лежит временной отрезок протяженностью чуть более года. К концу 1614 г. в тетради были

переписаны, вероятно, первые 267 листов современной книги № 29 (касающиеся миссии Оладьина). В дальнейшем указанная книга была дополнена документацией посольств 1614-1615 гг. В Описи 1626 года материалы миссий 1613-1615 гг. упомянуты уже как отдельная книга; описательная статья Описи 1626 года совпадает с современным состоянием книги № 29¹⁸¹. По всей видимости, завершение этой книги относится к 1615 г., так как в нее случайно попало восемь листов статейного списка возвратившихся в конце 1614 г. из Англии российских послов¹⁸², а «английская» книга, содержащая сведения об этом посольстве, составлялась, как было указано выше, около 1615 г. Следовательно, «польская» книга № 29 была оформлена вскоре по завершении описанных в ней дипломатических миссий.

Пятая «польская» книга, относящаяся к изучаемому временному отрезку, освещает ход русско-польских переговоров под Смоленском в 1615-1616 гг. В настоящий момент она содержит 1054 листа¹⁸³. Это самая объемная из книг, составленных в Посольском приказе в эпоху Смуты. Точное время составления этой книги установить не удастся, однако представляется, что ввиду важности для Московского государства смоленских переговоров, книга, содержащая сведения о них, была сформирована в Посольском приказе вскоре после их завершения, т.е. около 1616 г. В Описи 1626 г. указанные материалы упоминаются во множественном числе: «книги»¹⁸⁴; переплет был осуществлен после 1626 г.

Хранящаяся ныне в РГАДА «польская» книга № 32, содержащая наказ русским послам, отправленным на переговоры с польскими дипломатами на р. Пресню¹⁸⁵ в Описи 1626 года не упоминается. Однако, можно предположить, что эти материалы были включены в одну книгу с данными о переговорах в Деулино: «Книга не переплетена, 55 тетрадей, а в ней писаны съезды государевых послов бояр Федора Ивановича Шереметева с товарищи у Троицы в Сергиеве монастыре с литовскими послы...»¹⁸⁶. В настоящий момент книга № 32 (переговоры на р. Пресне) содержит 150 листов; книга № 34 (переговоры в Деулино) — 356 листов¹⁸⁷. Совокупный объем этих двух книг (506 листов) приблизительно соответствует объему указанной в описи связки тетрадей — 55 тетрадей (обычно тетрадь состояла из 8 листов, но встречались и более объемные тетради — в той же Описи 1626 года упомянуты «3 тетрати, а в них 32 листа»¹⁸⁸). Следовательно, можно предположить, что в начале XVII в. современные «польские» книги № 32 и 34 составляли одну единицу хранения; их разделение и переплет были осуществлены после 1626 г.

Хранящиеся ныне в РГАДА «польские» книги № 35-37 содержат списки договоров о перемирии и размене пленных, подписанных в Деулино и на р. Поляновке в 1618-1619 гг.; содержание их идентично¹⁸⁹. В Описи 1626 года упоминаются все три списка (в тетрадах), причем один из них уже был «оболочен» в кожу¹⁹⁰. В силу важности значения указанных договоров и упоминания трех их копий уже в 1626 г., можно предположить, что копирование договоров в тетради было осуществлено сразу по их заключении, т.е. в 1619 г.

По связям Российского государства с Францией имеется одна книга, освещающая ход российского посольства И.Г.Кондырева и подьячего М.Неверова во Францию в 1615-1616 гг.; в настоящее время она составляет 178 листов¹⁹¹. В Описи 1626 года соответствующая книга описана как «книги 123-го году: отпуски во Французскую землю к королю Лодвику и в Галанскую землю государевых посланников Ивана Кондырева да подьячего Михаила Неверова»¹⁹². Упоминание в книге «голанских книг»¹⁹³, составленных, по нашему предположению, в 1615-1617 гг., позволяет предположить, что «французская» книга была написана вскоре по возвращении миссии Кондырева – Неверова в Москву, т.е. в 1616-1617 гг.

По связям Российского государства со Швецией за рассматриваемый период в Посольском приказе было составлено 12 книг. Самая ранняя по освещаемому хронологическому периоду книга относилась к 1605 г. В Описи 1626 года упоминается «Книга бес кожи, а в начале писан отпуск 7113-го году... послов князя Ивана Самсоновича Туренина, да Остафья Пушкина, да дьяков Григорья Клобукова да Посника Дмитриева на съезд с свейскими послы по договорным записям... в Тязвине, ...исподу у той книги нет»¹⁹⁴. Издатели Описи 1626 года в подстрочной сноске указали, что в рукописи была указана неверная дата, должен был значиться 7103 [1594/95] год¹⁹⁵. Действительно, переговоры посольства И.С.Туренина со шведскими послами в Тязвино имели место в 1595 г. Однако известно, что в 1605 г., в конце царствования Бориса Годунова, на русско-шведскую границу было отправлено посольство П.Н.Шереметева, причем при подготовке последней миссии использовались материалы посольства 1595 г. Следует также учесть, что составители Описи поместили запись о данной книге между тетрадами 1600 и 1606 гг., причем книги и тетради посольства И.С.Туренина, верно датированные 1595 годом, помещены между тетрадами 1584-1595 и 1600 гг. Следовательно, в данном случае мы должны отказаться от предположения об описке составителя Описи 1626 года: указанная книга, вероятно, составлялась в 1605 г. для переговоров о ратификации Тязвинского мира.

Самая ранняя из сохранившихся «шведских» книг охватывает период 1606-1607 гг. и содержит 65 листов; содержание книги — переписка русских воевод со шведскими пограничными городами и проезд в Москву шведского гонца Б.Неймана¹⁹⁶. Согласно Описи 1614 года, содержание данного дела (представлявшего собой не переплетенные тетради) было шире и содержало также материалы отпуски этого гонца¹⁹⁷. Данный факт подтверждается записью на последнем сохранившемся листе книги: «Розные тетрати свейские. Перебрати их нельзя, что многие пропали»¹⁹⁸. По всей вероятности, книга зафиксирована в описи дважды: в первый раз — среди дел, лежавших в особом ящике (34 тетради 114 и 115 [1606-1607] гг.), с указанием, что они (тетради) положены к шведским книгам; второй раз данные тетради описаны уже среди шведских книг¹⁹⁹. В Описи 1626 года данное дело описано следующим образом: «32 тетрати, а в них почато было писати с столпа 114-го году приезды немецких свейских посланников и гонцов к царю Василью»²⁰⁰. Если учесть обычный размер тетрадей (по 8 листов), то сохранившаяся до наших дней часть книги составляет 8 тетрадей; утрачено, таким образом, не менее 3/4 ее первоначального объема. Составление книги относится, вероятнее всего, к 1608-1610 гг., т.е. она также была составлена вскоре после завершения освещаемой в ней миссии.

Третья «шведская» книга относится к августу — декабрю 1615 г. и освещает отправление посольства князя Д.И.Мезецкого на русско-шведский съезд в Дедерино. В настоящий момент данная книга включает в себя 529 листов²⁰¹; ее современное состояние соответствует описательной статье Описи 1626 года (книга в тетрадах)²⁰². Точное время составления книги определить не удастся, однако представляется, что она, как и другие книги, повествующие о мирных переговорах, составлялась «по горячим следам».

Четвертая «шведская» книга (упомянутая в Описи 1626 года как тетради) содержала материалы о русско-шведских переговорах в Дедерино в 1616 г.²⁰³ В настоящий момент мы располагаем копией этой книги²⁰⁴; копия, как было показано в предыдущей главе, была составлена на рубеже XVII-XVIII вв., подлинник начала XVII столетия до наших дней не сохранился.

Современной «шведской» книге № 13, содержащей сведения о продолжении русско-шведских переговоров в Столбово (1616-1617 гг.), 711 листов²⁰⁵, согласно Описи 1626 года, соответствовали две единицы хранения: книги и тетради практически аналогичного содержания (съезды и переговоры в Столбово в 1616-1617 гг.)²⁰⁶. В настоящий момент в нашем распоряжении имеется лишь одна

книга, соответствующая описательной статье Описи 1626 года. Вероятно, одна из единиц хранения была утрачена после 1626 г.

Современные книги № 14 и 15 содержат списки договоров, заключенных в Столбово и ратифицированных российской и шведской сторонами (1617 г.)²⁰⁷. Соответствующие материалы упоминаются в виде тетрадей в Описи 1626 года²⁰⁸.

Современной «шведской» книге № 16 (посольство Ф.П.Борятинского в Швецию, 1617-1618 гг.)²⁰⁹ соответствуют упоминаемые в Описи 1626 года «Книги свейские 7125 году: отпуск в Свею... князя Федора Петровича Борятинского с товарищи и приезд их к Москве»²¹⁰.

«Шведской» книге № 17 (межевальный съезд на р. Лавуе в 1618 г. С.Жеребцова со шведскими представителями)²¹¹ в Описи 1626 года соответствуют 12 тетрадей об этом межевании²¹².

Не вполне понятно упоминание в Описи 1673 года «Книги свейской всяких дел со 114-го году по 118-й год [1606-1610 гг.]»²¹³. Эта книга не упоминается в описях 1614 и 1626 г.; содержание книги в тексте Описи 1673 года не раскрывается. Можно предположить, что соответствующая книга была составлена на основании многочисленных шведских столбцов 1606-1610 гг., упоминаемых в Описи 1614 года. В этом случае можно предположить, что данная книга была составлена между 1614 и 1626 гг., поскольку она не названа в Описи 1614 года, а в Описи 1626 года уже нет упоминания о столбцах 1606-1610 гг., погибших, вероятно, в пожаре 1626 г. Наиболее вероятным временем составления книги является период 1615-1617 гг., когда между Московским государством и Швецией активно велись переговоры, в которых предстояло решать проблемы, возникшие в русско-шведских отношениях в 1606-1610 гг. Книга по связям со Швецией, следовательно, уцелела во время пожара, но по какой-то причине не была занесена в Опись 1626 года. Возможно, это объясняется тем, что она в 1626-1627 гг., т.е. во время составления описи, находилась вне Посольского приказа. Известно, что в эти годы патриарх Филарет, руководивший российской внешней политикой (нередко в обход внешнеполитического ведомства), активно искал сближения со Швецией для совместных действий против Речи Посполитой²¹⁴. В этой ситуации вышеназванная книга вполне могла находиться у патриарха, и потому не быть зафиксированной в Описи 1626 года.

На основании упоминания в «английской» книге удалось установить, что в рассматриваемый нами период в Посольском приказе была составлена еще одна шведская книга, не зарегистрированная в архивных описях. В английской книге 1614-1617 гг. описание переговоров с английским послом Дж.Мерриком 22 января 1615 г. пре-

рывается записью: «А что говорили, и как аглинской посол после того опять з бояры в ответе бывал, и как к свейскому королю и на съезд в Дедерино отпушен, и как с первого съезду из Дедирина к Москве приехал, и как у государя был и ел, и как з бояры в ответе был, и как опять на свейской съезд на Тихвину отпушен, и как опять с Тихвина к Москве приехал, и то все подлинно писано в свейских книгах»²¹⁵. В сохранившихся шведских книгах вышеназванные события не освещаются. Нет упоминания о книге с таким содержанием и в Описи 1626 года. Следовательно, в Посольском приказе после июня 1617 г., когда Меррик вернулся в Москву, была составлена книга, содержащая сведения о посредничестве английского дипломата на русско-шведских переговорах. Эта книга, видимо, погибла в пожаре 1626 г., и поэтому не была записана в описи. Факт существования такой книги косвенно подтверждается тем, что столбцы, содержащие сведения, соответствующие описанию утраченной книги, подвергались обработке, предшествующей составлению книги. В частности, в некоторых местах столбца текстам отписок предпосланы преамбулы: «И апреля в 7 день писали к государю... изо Твери воевода Михайло Молчанов да дьяк Федор Михайлов, а в отписке пишет...». В столбце один за другим следовали документы, относившиеся к одному и тому же дню; при обработке столбца во втором документе число было вычеркнуто, вместо него было написано: «И того ж дни»²¹⁶. Подобная правка свидетельствует о том, что текст адаптировался для переписывания в книгу.

По связям Российского государства с Крымским ханством в Посольском приказе были составлены две книги, не сохранившиеся до наших дней. О них известно по упоминанию в Описи 1626 года. В первой из книг содержались материалы миссии посланника в Крым В.Пургасова и подьячего Д.Радцова (1613 г.); вторая включала в себя документацию об отправлении в Крым посольства А.Лодыженского и П.Данилова (1613 г.), о размене послов в Ливнах в 1614 г., об отправлении в Крым посольства князя Г.К.Волконского и П.Овдокимова. Согласно описи, указанные книги сильно пострадали во время пожара 1626 г.²¹⁷, позднее они были утрачены. Составлены эти книги могли быть не ранее 1615 г., так как они не упоминаются в Описи 1614 года.

Рассмотрев на материалах описей 1614 и 1626 гг., а также по указаниям в текстах, процесс составления в Посольском приказе книг по связям с зарубежными державами, можно сделать некоторые выводы. В большинстве случаев мы не можем точно датировать время составления книг (особенно в отношении книг, составленных до 1614 г.) Однако, в ряде случаев, можно с точностью утверж-

дать, что между завершением дипломатической миссии и составлением освещающей ее ход книги был заключен сравнительно небольшой временной отрезок — не более 1-2 лет. Это позволяет предположить, что перенесение материалов столбцов в книги происходило вскоре после составления столбцов. Следовательно, книги начала XVII в., в тех случаях, когда не удастся точно установить время их составления, можно датировать по освещаемым в них дипломатическим миссиям.

Рассмотрение делопроизводственной деятельности российского внешнеполитического ведомства будет неполным без упоминания о том, что Посольский приказ в начале XVII в. ведал также и изготовлением карт. В описях архива Посольского приказа 1614 г. и 1626 г. упоминается большое количество хранившегося здесь картографического материала (в большинстве своем это были карты («чертежи») пограничных городов и областей)²¹⁸. Материалы делопроизводства Посольского приказа позволяют утверждать, что карты составлялись именно в этом ведомстве. В 1617 г. в Москву приехал выходец из шведского плена Никита Тырков, «и по государеву указу велел ему думной диак Петр Третьяков быти в Посольском приказе у чертежу и у роспросу про рубеж... И по скаске Микиты Тыркова государевым и немецким свейским городом и их уездом, в которых местех по рубежем государева земля с немецкою с свейскою землею сошлася, роспись, и по росписи чертеж в Посольском приказе зделан»²¹⁹.

Таким образом, рассмотрение приемов делопроизводственной деятельности служащих Посольского приказа демонстрирует достаточно высокий уровень квалификации персонала этого ведомства. При составлении столбцов и книг приказные служащие начала XVII в. использовали как прежние, проверенные методы работы, так и некоторые новшества в делопроизводственной практике.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Посольский приказ на рубеже XVI-XVII веков являлся одним из важнейших центральных ведомств в административной системе Московского государства. Особое значение для страны деятельность Посольского приказа приобрела в годы внутривосточного и дипломатического кризиса начала XVII столетия — Смутного времени. Сохранившиеся до наших дней документальные источники свидетельствуют о том, что, несмотря на тяжелые условия работы, внешнеполитическое ведомство Московского государства продолжало функционировать на высоком профессиональном уровне. Подводя итоги рассмотрения штата Посольского приказа, внешнеполитической, административной и делопроизводственной деятельности служащих этого ведомства, а также условий работы приказа в начале XVII в., можно сделать ряд выводов.

Несмотря на тяжелый внутренний и внешнеполитический кризис Московского государства в начале XVII столетия, российское дипломатическое ведомство продолжало работать активно и эффективно. Внешнеполитические связи Российской державы с соседними государствами оставались достаточно оживленными. Всего за шестнадцать лет (1604-1619 гг.) через Посольский приказ прошло не менее 276 российских и зарубежных дипломатических миссий, посредством которых осуществлялись связи России с 25-ю странами, территориальными и этническими образованиями. Наиболее активными контакты с соседями были на начальном этапе Смутного времени, а также в первые годы царствования Михаила Романова.

Рассмотрение дипломатической деятельности Посольского приказа в начале XVII в. позволяет отметить, что, несмотря на быструю смену царей на российском престоле, на протяжении первых лет Смутного времени внешнеполитический курс Московского государства существенно не менялся. Преемственность дипломатической линии свидетельствует о том, что деятельность Посольского приказа в начале XVII в. определялась не столько волей монарха, сколько насущными государственными интересами. Определенный поворот в отношениях с соседями наметился лишь в 1608 г. вместе с изменениями государственных интересов, когда активное участие в событиях Смуты польских отрядов обострило взаимоотношения России с Речью Посполитой. Другой временный поворот дипломатического курса был связан с избранием на российский престол польского королевича, когда московская дипломатия оказалась в жесткой зависимости от Речи Посполитой. Начиная с 1612-1613 гг. внешняя политика Московского государства вновь стала опреде-

ляться одной глобальной задачей — необходимостью вести борьбу за независимость России с Польшей и Швецией. Сложившаяся в годы кризиса начала XVII в. система отношений России с соседними державами определяла внешнюю политику Московского государства в течение нескольких десятилетий.

Помимо собственно дипломатической деятельности, Посольский приказ ведал целым рядом административных вопросов: под управлением внешнеполитического ведомства в начале XVII в. находились города Касимов и Романов; приказ контролировал также жизнь и деятельность ряда категорий населения Московского государства: служилых татар, потомков татарских ханских династий и мурз, иностранных купцов и иноземцев, перешедших на российскую службу. В целом можно констатировать, что, несмотря на события кризиса Московского государства, Посольский приказ вполне справлялся с возложенными на него задачами.

Характеризуя условия, в которых Посольский приказ осуществлял свою деятельность в начале XVII в., следует отметить ряд моментов. Работа центрального дипломатического ведомства была значительно осложнена обстоятельствами Смутного времени. Некоторые российские и иностранные дипломатические миссии погибли или не смогли достичь пункта назначения; для обеспечения безопасности посольств приходилось принимать дополнительные меры. Затрудняло работу Посольского приказа и то, что ему приходилось противодействовать дипломатическим структурам сил, оппозиционным центральному правительству. Монополию в определении внешней политики Московского государства Посольский приказ вернул себе лишь к 1615 г.

Посольский приказ стремился обеспечить Московскому государству все условия для проведения продуманного внешнеполитического курса. С этой целью дипломатическое ведомство тщательно собирало, анализировало и проверяло информацию о событиях за рубежом, получаемую из различных источников. Анализ делопроизводства Посольского приказа позволяет сделать вывод о том, что российская дипломатия в начале XVII в. была хорошо осведомлена о системе отношений между зарубежными странами. С другой стороны, руководство российской дипломатической службы прилагало все усилия для того, чтобы ограничить поступление информации о событиях в Московском государстве за рубежом. С этой целью иностранных дипломатов, приехавших в Россию, старались максимально изолировать от случайного общения как с русскими людьми, так и с иноземцами.

Изучение материалов делопроизводства Посольского приказа начала XVII столетия позволяет в общих чертах реконструировать

внутреннюю планировку помещений дипломатического ведомства, а также представить его годовой бюджет. Посольский приказ занимал несколько комнат на первом этаже одного из кремлевских зданий. Годовой бюджет Посольского приказа выражался довольно крупной суммой – более 50.000 рублей. Деньги расходовались на приобретение бумаги, чернил, свечей, дров, на корм служащим приказа, иностранцам и лицам, сопровождавшим иностранные миссии, на обеспечение российских миссий, отправлявшихся за рубеж, а также на иные нужды. Значительные суммы передавались из Посольского в другие центральные ведомства.

В начале XVII в. во главе Посольского приказа, как и в предшествующий период, стояли судьи, имевшие, как правило, чин думных дьяков. В течение рассмотренного нами временного отрезка (1604–1619 гг.) во главе российской дипломатии стояли поочередно посольские дьяки А.И.Власьев, В.Г.Телепнев, И.Т.Грамотин, П.А.Третьяков и С.Романчуков (единственный из всех, не пожалованный думным чином). Практически все приказные судьи до пожалования им дьячества имели опыт дипломатической работы; руководящие кадры внешнеполитического ведомства подготавливались в самом Посольском приказе. Посольские дьяки были самыми заметными фигурами в дипломатическом ведомстве и обладали серьезным влиянием при дворе. Вероятно, в связи с этим при смене государей на престоле, как правило, меняли и главу Посольского приказа.

В начале XVII в. в системе руководства Посольским приказом произошли изменения. Во главе этого ведомства, наряду с думным дьяком, был поставлен второй дьяк. В 1600–1601 гг. таковым был А.И.Власьев; в 1610–1611 гг., в течение нескольких месяцев, вторым дьяком Посольского приказа являлся бывший судья этого ведомства В.Г.Телепнев, сохранивший за собой думный чин; в 1612–1618 и 1619–1624 гг. заместителем судьи Посольского приказа был С.Романчуков. С 1612 г. должность второго посольского дьяка стала в штате дипломатического ведомства постоянной. Кроме того, следует отметить, что в рассматриваемый нами период, в случае отсутствия в приказе думного дьяка, практиковалась временная передача его функций другому лицу, которое, тем не менее, не назначалось официально главой Посольского приказа.

Руководители Посольского приказа в начале XVII в. входили в состав элиты Московского государства, поскольку были достаточно родовиты и, в силу своих служебных обязанностей, чрезвычайно влиятельны. Круг полномочий посольских дьяков был весьма широк: от общего руководства внешнеполитическими делами и составления документов международного значения до решения текущих вопросов работы Посольского приказа. Новшеством рассмат-

риваемого периода стали выезды судей Посольского приказа за границу в составе дипломатических миссий. Все руководители Посольского приказа начала XVII в. были людьми образованными и одаренными; обстоятельства Смутного времени сделали их биографии богатыми событиями и интересными для исследования.

В подчинении у дьяков Посольского приказа находился отличающийся многочисленностью и сложностью структуры персонал. В рассматриваемую эпоху в штате российского дипломатического ведомства состояли подьячие, переводчики, толмачи, служилые татары, новокрещены, золотописцы и сторожи. Разветвленная структура штата Посольского приказа свидетельствует о том, что в XVII в. Посольский приказ был вполне сложившимся учреждением, работающим на высоком профессиональном уровне.

Основной персонал Посольского приказа составляли подьячие. В документах начала XVII в. обнаружены имена 59-ти посольских подьячих. Восстановив их биографии, удалось составить относительно полные списки подьячих, служивших в различные временные периоды. В течение 1594-1619 гг. общая численность подьячих Посольского приказа значительно не менялась, составляя 16-18 человек. События Смутного времени оказали влияние на штат посольских подьячих: часть квалифицированных специалистов по разным причинам прекратила службу в дипломатическом ведомстве. Серьезной проблемой в первые годы царствования Михаила Федоровича была значительная текучесть кадров, наблюдавшаяся среди подьячих Посольского приказа. Вследствие этого количество подьячих, имевших большой стаж работы в дипломатическом ведомстве, было невелико. Качественный уровень штата подьячих стал возвращаться к докризисному состоянию лишь к началу 20-х годов XVII в.

Подьячие Посольского приказа уже в начале XVII в. делились на три категории — «старых», «средних» и «молодых». Наиболее опытными и высокооплачиваемыми были «старые» подьячие, которым доверялись самые ответственные поручения; «старые» подьячие в дальнейшем нередко жаловались в дьяки. Численность этой категории служащих за рассмотренное время несколько сократилась, что, возможно, было связано с учреждением должности второго посольского дьяка. «Средние» и «молодые» подьячие выполняли основную делопроизводственную работу в приказе, а также привлекались к исполнению ряда иных поручений. «Средние» подьячие составляли одну из самых стабильных категорий служащих приказа, срок их службы в дипломатическом ведомстве обычно был продолжительным. Среди «молодых» подьячих, на-

против, наблюдалась серьезная текучесть кадров, лишь немногие из них оставались в приказе надолго.

Служба в подьячих Посольского приказа была престижной и выгодной. Приблизительно треть из подьячих, служивших в дипломатическом ведомстве, в дальнейшем были пожалованы в дьяки; выслужившись из подьячих Посольского приказа до должности судьи этого ведомства (как В.Телепнев, П.Третьяков, Г.Львов), можно было получить доступ в Боярскую Думу. Уровень жалованья подьячих в Посольском приказе был выше, чем в других центральных ведомствах; при переводе в Посольский приказ подьячий, как правило, получал значительную прибавку к своему прежнему денежному окладу; в этом плане была выгодна даже непродолжительная служба в дипломатическом ведомстве. Персонал подьячих Посольского приказа в рассмотренный период пополнялся из числа служащих других ведомств, а также подьячих из городов.

Значительную часть штата Посольского приказа в рассматриваемую эпоху составляли специалисты по устному и письменному переводу с иностранных языков — толмачи и переводчики. В источниках удалось обнаружить имена 44-х переводчиков и 70-ми толмачей. Общая численность специалистов по иностранным языкам в годы Смуты значительно менялась (в первые годы царствования Михаила Романова число толмачей и переводчиков возросло вдвое по сравнению с началом XVII в.; к 1622 г. оно было приблизительно на 19% выше исходного). Срок службы в Посольском приказе большинства переводчиков и толмачей был значительным (не менее 3-х лет), некоторые из них служили на дипломатическом поприще до 40 лет. Приблизительно треть толмачей и переводчиков служили в Посольском приказе в течение незначительного срока. Наибольшая текучесть кадров наблюдается среди толмачей и переводчиков в первые годы царствования царя Михаила (следует отметить, что в тот период текучесть кадров была максимальной и среди подьячих Посольского приказа). Языковой состав специалистов по иностранному переводу в годы Смуты значительно расширился (приблизительно вдвое); российская дипломатия была обеспечена переводчиками и толмачами всех языков, необходимых для поддержания контактов с сопредельными государствами. Однако, не все переводчики и толмачи владели иностранными языками в достаточной степени, в связи с чем в годы Смуты Посольскому приказу нередко приходилось прибегать к помощи не состоявших в его штате иностранцев, живших в Москве.

Серьезные изменения в рассматриваемый период затронули штат переводчиков Посольского приказа. На протяжении всего изучаемого нами временного отрезка наблюдается постоянная тен-

денция к росту количества служащих этой категории. В отдельные периоды их численность превышала исходную (8 человек) почти в 4 раза; к 1622 г. — в 2 раза. Основная масса переводчиков Посольского приказа владели европейскими языками. В большинстве своем переводчики дипломатического ведомства были либо выходцами из других государств, либо татарами (таких было до 73% от общего числа переводчиков). Лишь немногие переводчики Посольского приказа начинали свою карьеру в должности толмачей; большинство зачислялось в приказ сразу переводчиками. Жалованье переводчиков колебалось от 20 до 50 рублей в год и от 300 до 600 четей поместья. Средний годовой денежный оклад переводчика Посольского приказа составлял 35 рублей. При начислении первоначального оклада (в момент зачисления на службу) учитывалось социальное и прежнее служебное положение переводчика, а также уровень жалованья других переводчиков того же языка. Дальнейший рост жалованья зависел от стажа службы в Посольском приказе и от личных заслуг переводчика. Помимо перечисленных видов жалованья, переводчики Посольского приказа получали также т.н. «поденный корм». В служебные обязанности переводчиков Посольского приказа входил перевод русских текстов на иностранные языки (и наоборот), участие в заграничных посольствах, международных переговорах и аудиенциях иностранцам; известны случаи отправления переводчиков за границу в качестве самостоятельных дипломатов в ранге гонцов; переводчиков иногда назначали приставами при иностранных дипломатах и посылали с ответственными поручениями к ним на подворья; в ряде случаев переводчиков приставляли к иностранцам, нанятым на российскую службу (например, к военным наемникам); относительно редко переводчикам поручали задания, не требовавшие знания иностранных языков и значительного дипломатического опыта.

Толмачи (специалисты по устному переводу) составляли в рассматриваемую эпоху одну из самых многочисленных групп служащих Посольского приказа. Их численность в эпоху Смуты также возрастала по сравнению с исходным количеством начала XVII в. (23 человека), хотя не столь значительно, как число переводчиков. Максимальный рост (почти в полтора раза) количества толмачей Посольского приказа наблюдался в первые годы царствования царя Михаила; к 20-м годам XVII столетия число толмачей, служивших в Посольском приказе, вернулось к показателям начала XVII в. Подавляющее большинство толмачей Посольского приказа владели азиатскими языками. Численность иностранцев и инородцев среди толмачей была ниже, чем среди переводчиков, но тоже была достаточно высокой — не менее 32%. Интересно, что многие толмачи

Посольского приказа обучились языку, находясь в плену. Годовое жалованье толмачей колебалось от 4-х до 25-ти рублей, средний оклад толмача был равен 12-ти рублям. Поместный оклад толмачей составлял от 200 до 500 четей. При начислении оклада толмачу учитывались те же факторы, что и у переводчиков. Помимо вышеназванных видов жалованья, толмачи получали «поденный корм», а также «хлебное жалованье» (компенсация толмачам, не получившим поместья, но верстанным поместным окладом). В обязанности толмачей Посольского приказа входил, прежде всего, устный перевод. Толмачи выезжали за границу в составе дипломатических миссий, чаще — в азиатские страны. Самостоятельные миссии поручались толмачам редко и только при осуществлении контактов с народами, находившимися в зависимости от России. Нередко толмачей использовали в качестве дипломатических курьеров. Довольно часто толмачи были сопровождающими лицами при иностранных гонцах, жили на подворье у иностранцев или ходили туда с разовыми поручениями; случаи назначения толмачей приставами были редки. Толмачи использовались также руководством Посольского приказа в качестве обычных курьеров (им поручалось доставлять грамоты, памяти и отписки в другие приказы и города).

Самой многочисленной категорией служащих Посольского приказа были служилые татары и новокрещены. В документах удалось обнаружить упоминания о 34-х служилых татарах и новокрещенах. Их численность «до московского разоренья» составляла около 40 человек; такой же она осталась, судя по количеству станичных голов, и после избрания царем Михаила Романова. Практически не изменился в годы Смуты и персональный состав станичных голов. Данный факт заставляет признать служилых татар и новокрещенов самой стабильной группой служащих Посольского приказа, подвергшейся в рассматриваемый период наименьшим изменениям. По национальности все служащие данных категорий были татарами; служилые татары при этом оставались мусульманами, а новокрещены были лицами, принявшими православие (тем не менее и новокрещенов в начале XVII в. иногда именовали служилыми татарами). Размер денежного оклада служилых татар и новокрещенов колебался от 12 до 34 рублей; поместный оклад мог составлять от 250 до 700 четей. Основной служебной обязанностью служилых татар и новокрещенов было сопровождение российских посольств в мусульманские (суннитские) государства. В составе этих миссий они использовались в качестве курьеров, толмачей и, реже, переводчиков. Служилые татары и новокрещены могли выступать и в качестве самостоятельных дипломатов в ранге гонцов.

Меньше всего сведений сохранилось о сторожах и золотописцах Посольского приказа. Тем не менее, анализ материалов делопроизводства дипломатического ведомства позволяет утверждать, что сторожи и золотописцы служили в приказе уже в начале XVII в. (согласно данным С.А.Белокурова, золотописцы упоминаются в Посольском приказе с 1622 г., а сторожи – со второй половины XVII столетия). Удалось определить имена двух сторожей и трех золотописцев, служивших в дипломатическом ведомстве в начале XVII в. Обязанностью золотописцев было оформление (пропись золотом) царских грамот, отправляемых за рубеж; сторожи несли в приказе охранную службу.

Анализ данных о персонале Посольского приказа позволяет охарактеризовать его представителей как особую группу российско-го служилого сословия. Доступ в эту группу открывался не высоким социальным происхождением (хотя и оно играло значительную роль на стартовом этапе карьеры), а, прежде всего, личными способностями и умениями. Толмачом или переводчиком в Посольском приказе мог стать как сын боярский, так и представитель более низких социальных групп (из посадских людей и торгового сословия), а также выходец из-за границы. Служба в дипломатическом ведомстве формально включала человека в число крупных землевладельцев. По размерам поместных окладов (до 500-700 четей земли у подьячих, толмачей, переводчиков и служилых татар) служащие Посольского приказа примыкали к высшей категории помещиков – детей боярских, служивших «с городом». Следует однако отметить, что нередко поместный оклад назначался служащим приказе лишь формально, без обеспечения реальными «дачами».

Помимо указанной особенности, следует отметить еще одно специфическое явление, имевшее место среди представителей вспомогательного персонала Посольского приказа. Служба в этом ведомстве требовала от человека обладания особыми навыками и умениями: владения иностранными языками, знания секретов «творения золота» (для золотописцев) и т.д. Приобрести эти навыки, научиться чужеземной речи и письму в условиях начала XVII в. было довольно сложно. Вероятно, именно этим обстоятельством объясняется такой феномен, присущий вспомогательным категориям персонала Посольского приказа, как наследственность службы в этом ведомстве. Так, складывание династий служилых татар Посольского приказа началось еще в 60-70 гг. XVI столетия: в эпоху Смуты в приказе числились сыновья служилых татар, состоявших в нем при Иване Грозном. Для начала XVII в. можно предположить наличие факта наследственности службы у золотописцев. Аналогичная картина начинает складываться в Смутное время среди пе-

реводчиков и толмачей Посольского приказа, стремившихся передать свои навыки сыновьям и обеспечить им место в дипломатическом ведомстве.

Дипломатическая и административная деятельность служащих Посольского приказа находила свое отражение в приказном делопроизводстве. Свидетельством высокой степени интенсивности работы Посольского приказа в рассмотренный нами период является большое количество столбцов (442), тетрадей (10) и книг (30), составленных в этом ведомстве за шестнадцать лет. Значительная часть документации Посольского приказа, относящейся к рассматриваемому периоду, была утрачена. По нашим подсчетам, потеряна приблизительно четверть первоначального корпуса материалов дипломатического ведомства начала XVII столетия. До настоящего времени в РГАДА сохранилась 351 единица хранения (книги и столбцы); утрачено 11 книг, 10 комплектов тетрадей и 110 столбцов. Следует отметить, что уровень активности делопроизводственной деятельности служащих Посольского приказа в 1613-1619 гг., во время восстановления дипломатических связей с соседними державами, был примерно втрое выше, чем в 1604-1612 гг. Материалы Посольского приказа 1604-1612 гг. отражают связи Московского государства с 13-ю странами; за следующий период имеются документы о контактах с 24-мя державами.

Состав документации Посольского приказа рассматриваемого периода оставался прежним. Как и в предыдущий период, материалы делопроизводства этого ведомства делились в целом на две группы: «приезды» и «отпуски», существовавшие в двух основных формах — столбцах и книгах. В столбцы помещались документы, касавшиеся той или иной дипломатической миссии: отписки городских воевод, послов, приставов при иностранных дипломатах, руководителей приказов, с которыми вступал по различным вопросам в переписку Посольский приказ. Составной частью практически всех столбцов являлись грамоты и памяти, отправляемые из Посольского приказа в другие ведомства, города, к посланникам, приставам, воеводам, челобитные лиц, имевших отношение к внешнеполитическим делам. В столбцы о приездах в Москву иностранных дипломатов подклеивались также доклады приставов, описания аудиенций зарубежным послам, переводы иностранных грамот, протоколы переговоров в ответной палате. Элементами столбцов, освещавших российские миссии за границу, помимо челобитных, отписок, грамот и памятей, касавшихся сопровождения посольства и обеспечения его всем необходимым, являлись черновики грамот, отправляемых за рубеж, наказы и памяти, в соответствии с кото-

рыми действовали русские дипломаты, статейные списки и распросные речи (отчеты о проделанной работе).

Рассмотрение делопроизводства Посольского приказа начала XVII в. позволяет сделать вывод о том, что даже в условиях глубокого внутреннего и внешнеполитического кризиса дипломатическое ведомство не теряло из вида системы взаимоотношений между зарубежными державами (за исключением, быть может, 1611-1612 гг., когда Москва, занятая польским гарнизоном, в течение полутора лет находилась в осаде). Перечни предполагаемых вопросов русским дипломатам и ответы на них, включаемые в наказы, свидетельствуют о том, что российская дипломатия в начале XVII в. хорошо ориентировалась в системе международных отношений. События Смуты оказали заметное влияние на содержание основных элементов столбцов Посольского приказа: в отписках, грамотах, челобитных, наказах, статейных списках, распросных речах часто встречаются указания на обстоятельства Смутного времени. Однако, некоторое изменение содержания документации дипломатического ведомства не повлекло за собой изменений форм делопроизводства Посольского приказа.

Изучение материалов документации Посольского приказа позволяет реконструировать некоторые приемы делопроизводства, использовавшиеся в этом ведомстве. Столбцы, составившиеся из разнородной документации, являлись первым уровнем обобщения и отбора материалов, связанных с той или иной дипломатической миссией. Анализ столбцов Посольского приказа начала XVII в. позволяет сделать вывод о том, что в них включались далеко не все поступавшие или исходившие из этого ведомства документы; не случайным был и порядок последовательности материалов, подклеивавшихся в столбцы. Включавшиеся в столбцы документы не всегда помещались в столбец сразу по поступлении в приказ, иногда между их составлением или получением в Москве и внесением в столбец проходило несколько дней или недель. Особое внимание уделялось составлению грамот, отправляемых за границу. Для написания грамоты использовали тексты грамот прошлых лет, учитывали современные отношения с государем, к которому отправляли послание; черновой вариант тщательно сверялся с чистовым, после чего черновик вносился в столбец. Помещались в столбцы и переводы иностранных грамот.

Большое значение придавалось также составлению наказов русским дипломатам. Наказы, несмотря на их значительный объем, составлялись в короткие сроки, иногда еще до определения кандидатуры посланника. При составлении наказов служащие Посольского приказа использовали наказы другим дипломатическим мис-

сиям, отправленным около того времени в другие страны, а также указы прошлых лет (иногда использовалась документация более чем десятилетней давности). При этом учитывалось и изменение политических реалий — основная часть указа составлялась в приказе заново, копировались лишь шаблонные, не менявшиеся в течение длительного времени ситуации. В составлении посольских указов активное участие принимала Боярская Дума, определявшая стратегию поведения русских дипломатов и границы возможных уступок на переговорах. Однако на рассмотрение Думы выносился заранее заготовленный в Посольском приказе список возможных вопросов и ситуаций, могущих встать перед отечественными дипломатами, т.е. основа указа составлялась в дипломатическом ведомстве. Черновик указа после соответствующей правки переписывался начисто и передавался дипломатам; сопоставление «черного» и «чистого» вариантов указов позволяет сделать вывод об идентичности их текстов.

Особый интерес вызывает укоренившаяся в рассматриваемый период в Посольском приказе практика предварительного составления протоколов аудиенций иностранным дипломатам. Первый подобный случай удалось зафиксировать в 1608 г., в дальнейшем церемониал приемов у царя расписывался заранее весьма часто вне зависимости от ранга дипломата и страны, откуда он прибыл. В этих случаях протокол аудиенции также составлялся с учетом precedентов; в случае отклонений от протокола в текст вносились соответствующие исправления. Использование служащими Посольского приказа подобных приемов делопроизводства позволяет нам уточнить некоторые биографические данные о руководителях российской внешней политики. Широкое распространение практики предварительного протоколирования аудиенций свидетельствует о стремлении служащих Посольского приказа свести дипломатическую документацию к единому формуляру.

Богатый материал для размышления предоставляют исправления и пометы, встречающиеся в столбцах довольно часто, поскольку столбец являлся «рабочим» материалом. Некоторые пометы являются резолюциями по решению вопросов, связанных с внешней политикой, а также руководством по составлению столбцов и книг. Интересны также вставки и вычеркнутые фрагменты текстов столбцов, позволяющие делать выводы о том, что руководство Посольского приказа желало скрыть от своих зарубежных партнеров, а что, напротив, стремилось подчеркнуть. Исправления в столбцах позволяют в некоторых случаях более точно датировать время возникновения документов, а также проследить эволюцию дипломатической терминологии, использовавшейся в начале XVII столетия. В этом

отношении столбцы Посольского приказа являются более информативными источниками, чем составлявшиеся на их основе книги.

Анализ делопроизводства Посольского приказа позволяет сделать вывод о том, что служащие дипломатического ведомства работали весьма оперативно, опираясь на принцип прецедента, предусматривающий постоянное обращение к прежнему делопроизводству (как при решении мелких вопросов, так и при составлении посольского наказа для миссии, отправляемой за рубеж). Делавшиеся в этих случаях выписки из документации прошлых лет включались в новые столбцы, что является в настоящее время особенно ценным ввиду утраты многих материалов Посольского приказа конца XVI – начала XVII в.

Следующим (после составления столбца) этапом делопроизводительной работы служащих Посольского приказа, являлось оформление книг. Книги, составлявшиеся в Посольском приказе, являлись высшей и заключительной формой обобщения материалов, касавшихся внешнеполитических вопросов. Анализ делопроизводства российского дипломатического ведомства приводит к мысли о невозможности использования в отношении всех книг, хранившихся в начале XVII столетия в архиве приказа, обобщающего понятия «посольские книги». На рубеже XVI–XVII веков книги, составленные в Посольском приказе обозначались по стране, связи с которой они освещали, а также указанием хронологического отрезка, охватываемого книгой. «Посольскими книгами» в начале XVII в. называли книги, составленные русскими дипломатами в процессе их миссий, вне Посольского приказа и без участия его служащих.

Основным источником при составлении книг являлись столбцы Посольского приказа. Не для всех из дошедших до наших дней книг сохранились соответствующие столбцы, однако сопоставление сохранившихся столбцов с текстами книг подтверждает вывод о том, что в основу книги закладывался столбец. При этом в книгу переносились важнейшие сведения и документы; второстепенный материал отсеивался и в книгу не входил. Сформированная таким образом на базе столбца книга была более удобна для хранения и использования в качестве справочного пособия при подготовке новых миссий за границу или во время приездов иностранных дипломатов. Директивы по составлению книги давались руководителями Посольского приказа; в некоторых столбцах удается обнаружить соответствующие пометы. Текст столбца перед переносом в книгу подвергался грамматическому, стилистическому, а иногда и смысловому редактированию. Нередко тексты отдельных документов, копировавшихся в книгу, снабжались преамбулами или сокращались. Данные описей, а также сведения, содержащиеся в книгах

Посольского приказа, позволяют предположить, что составление книг осуществлялось в дипломатическом ведомстве вскоре после завершения соответствующей дипломатической миссии. Посольский приказ, согласно указаниям источников, занимался также картографической работой.

Подводя общий итог рассмотрению персонала и деятельности Посольского приказа в начале XVII в. (1604-1619 гг.), можно сделать следующие выводы. События Смутного времени оказали серьезное влияние на центральное российское дипломатическое ведомство. За 16 лет в приказе сменилось пять руководителей, значительная текучесть кадров наблюдалась среди подьячих, переводчиков и толмачей. Контакты Московского государства с иностранными державами были затруднены (а в некоторых случаях — прерваны) вследствие действий интервентов и российских сил, противостоявших московскому правительству. В этих условиях значительно снизился уровень активности делопроизводственной деятельности служащих Посольского приказа. Наиболее тяжелым периодом в работе дипломатического ведомства стали конец правления Василия Шуйского и время «междоусобия», однако и на этом этапе приказ продолжал функционировать с той степенью интенсивности, какая была возможна в сложившихся обстоятельствах. Первые годы царствования Михаила Романова (1613-1615 гг.) отмечены началом восстановления прежнего уровня работы дипломатического ведомства. В эти годы были активизированы контакты с зарубежными странами; как следствие, более активной стала делопроизводственная деятельность служащих приказа. При этом штат внешнеполитического ведомства продолжал характеризоваться известной нестабильностью. С середины второго десятилетия XVII в. наблюдается также и стабилизация штата Посольского приказа, увеличивается количество квалифицированных служащих. В общих чертах Посольский приказ вернулся к своему докризисному состоянию на рубеже 10-х — 20-х годов XVII столетия.

Влияние Смутного времени на Посольский приказ имело двоякий характер. Так, под влиянием событий кризиса это ведомство потеряло значительную часть опытных подьячих; одновременно с этим штат переводчиков и толмачей стал в целом более многочисленным и квалифицированным. С одной стороны, события Смуты стали причиной долгого перерыва в контактах с рядом держав; с другой стороны, преодоление последствий кризиса продиктовало необходимость расширения дипломатических связей Московского государства. Возросший, вследствие внешнеполитического кризиса, объем делопроизводственной работы объективно способствовал продолжению сведения дипломатической документации к единому

формуляру. Это, в свою очередь, вело к тому, что, при сохранении устоявшихся делопроизводственных форм, служащими Посольского приказа разрабатывались новые приемы ведения документации. В целом, несмотря на тяжелые условия работы Посольского приказа в годы кризиса начала XVII в., это ведомство сумело продемонстрировать свою устойчивость и жизнеспособность, преодолеть негативные последствия Смутного времени и продолжить работу на более высоком уровне.

Таким образом, имеющийся в нашем распоряжении комплекс источников позволил составить достаточно полную картину, отражающую состояние одного из важнейших центральных учреждений Московского государства – Посольского приказа – в начале XVII столетия. Основным источником в данном исследовании стала документация Посольского приказа, которая дала возможность восстановить биографии и персональные списки служащих ведомства, охарактеризовать их статус и служебные обязанности. Делопроизводственные материалы, составленные в Посольском приказе, являются ценнейшим источником по истории внешней политики Московского государства, «посольскому обычаю» и дипломатической терминологии. Опираясь на них, удастся реконструировать первоначальный корпус документации дипломатического ведомства и проанализировать приемы ее составления. Это дает нам основания охарактеризовать делопроизводство Посольского приказа как один из наиболее важных комплексов источников, на базе которого можно строить не только традиционные для этого вида источников исследования по истории внешней политики Московского государства, но также работы о приказных служащих, делопроизводстве и ряде других проблем. Установление факта активной и эффективной работы Посольского приказа в начале XVII в. ставит на повестку дня вопрос о пересмотре концепции Смутного времени в целом: можно ли считать этот этап периодом упадка и кризиса российской государственности? Ответ на данный вопрос может быть дан в результате детального изучения истории российских приказов начала XVII в. на базе привлечения материалов делопроизводства этих ведомств.

ПРИЛОЖЕНИЯ

В приложениях к настоящей работе приведены сведения, относящиеся к дипломатической деятельности Посольского приказа начала XVII в., а также биографические данные о служащих этого ведомства. В первом приложении приводится хронологический перечень основных мероприятий, организованных Посольским приказом в 1604-1619 гг. Данное приложение позволяет наглядно представить степень напряженности работы дипломатического ведомства. Остальные приложения содержат информацию о штате Посольского приказа указанного периода: во втором приложении даны биографические справки о подьячих Посольского приказа; в третьем — о переводчиках и толмачах (причем справки о переводчиках и толмачах европейских и азиатских языков помещены в разные разделы); в четвертом приложении приведены сведения о служилых татарах и новокрещенах. В трех последних приложениях персоналии расположены не в алфавитном порядке, а в той последовательности, в какой служащие указанных категорий поступали в Посольский приказ или впервые упоминались в нем. Подобное расположение биографических справок представляется более отвечающим целям и задачам настоящего исследования, нежели алфавитно-справочный порядок.

Приложение 1

Основные мероприятия, осуществленные Посольским приказом в 1604-1619 гг.

1604 г.

Начало 1604 г.

— отправление в Польшу посланника Смирного Отрепьева;

— отправление в Киев к В.Острожскому посланника Афанасия Пальчикова¹;

— прибытие в Москву персидского гонца Булат-бека².

18 февраля 1604 г. — переговоры в Посольском приказе с грузинскими послами Кириллом Ксантопуло и Саввой³.

Весна 1604 г. — возвращение из Крыма посольства Ф.П.Борятинского; отправление в Крым гонца Александра Хрущова⁴.

4 марта 1604 г. — аудиенция грузинским послам⁵.

9 марта 1604 г. — переговоры с грузинскими послами⁶.

Апрель 1604 г. — возвращение из Дании и Империи посольства Афанасия Власьева⁷.

21 апреля 1604 г. — отпускная аудиенция персидскому послу Лачинбеку, гонцу Булат-беку, грузинским послам К.Ксантопуло и Савве⁸.

6 мая 1604 г. — отправление посольства Михаила Игнатьевича Татищева и Андрея Иванова в Грузию; аудиенция архиепископу Феодосию⁹.

- 7 мая 1604 г. — прибытие в Москву митрополита Иеремии¹⁰.
- 3 июня 1604 г. — аудиенция имперскому гонцу Балтазару Мерлу¹¹.
- 24 июня 1604 г. — аудиенция имперскому посланнику — терновскому митрополиту Дионисию.
- 26 июня 1604 г. — переговоры с митрополитом Дионисием.
- 1 июля 1604 г. — переговоры с митрополитом Дионисием¹².
- Около 20 июля 1604 г. — прибытие в Москву имперского посла Генриха Логау и гонца Лукаша Паули¹³.
- 18 августа 1604 г. — аудиенция шведскому гонцу Генриху Ратмыслу¹⁴.
- Лето 1604 г. — возвращение из Персии в Москву имперского посланника Георга Тектандера с персидским послом Мехди-Кули-беком.
- Август 1604 г. — отпуск из Москвы имперских послов Г.Тектандера, Г.Логау и персидского посла Мехди-Кули-бека¹⁵.
- Лето 1604 г. — отправление на Дон гонца Петра Хрушова¹⁶.
- 12 сентября 1604 г. — аудиенция крымскому гонцу Ян-Ахмет-Челибею¹⁷.
- Сентябрь — октябрь 1604 г. — отправление в Польшу посланника Постника Огарева; отправление в Астрахань на переговоры с ногайским князем Иштерекком С.С. Годунова¹⁸.
- 4 октября 1604 г. — приезд в Москву английского посла Т.Смита.
- 11 октября 1604 г. — аудиенция английскому послу Томасу Смити¹⁹.
- 29 ноября 1604 г. — переговоры с крымским гонцом в Посольском приказе²⁰.
- Ноябрь 1604 г. — отправление в Империю гонца Ганса Англера²¹.

1605 г.

- Конец 1604 — начало 1605 г. — отправление в Польшу посланника Андрея Бунакова; приезд в Москву и отпуск шведского гонца Мартына Павлова²².
- 1604-1605 гг. — приезд и отпуск из Москвы польского посланника Ольбрехта Заболоцкого²³.
- 10 марта 1605 г. — аудиенция английскому послу²⁴.
- 17 марта 1605 г. — переговоры с крымским гонцом.
- 28 марта 1605 г. — переговоры с крымским гонцом²⁵.
- Март 1605 г. — отправление посольства Петра Никитича Шереметева на пограничный съезд со шведами²⁶.
- Июнь 1605 г. — подтверждение Лжедмитрием торговых льгот английских и голландских купцов²⁷.
- 8 июля 1605 г. — переговоры с крымским гонцом.
- 21 июля 1605 г. — аудиенция шведскому королевичу Густаву, касимовскому царю Ураз-Магмету и крымскому гонцу Ян-Ахмет-Челибею²⁸.
- 21 августа 1605 г. — прием в Посольском приказе Яна Бучинского, привезшего грамоту от Ю.Мнишека²⁹.
- 24 августа 1605 г. — подтверждение торговых льгот ганзейских купцов³⁰.
- 5 сентября 1605 г. — отправление в Польшу посольства А.И.Власьева.
- 13 сентября 1605 г. — отпуск из Москвы крымского гонца Ян-Ахмет-Челибея; отправление в Крым гонца Афанасия Мелентьева — Курлакова³¹.

21 сентября 1605 г. — отправление в Польшу гонца Петра Чубарова³².

Сентябрь 1605 г. — приезд в Москву польского посланника А.Гонсевского; отправление в Польшу гонца Станислава Слоньского³³.

Октябрь 1605 г. — приезд и отпуск из Москвы посланника римского папы Александра Рангони; отправление в Польшу посланников Михаила Толочанова и Яна Бучинского³⁴.

12 ноября 1605 г. — возвращение из Грузии посольства М.И. Татищева³⁵.

4 декабря 1605 г. — прием в Посольском приказе участника имперского посольства в Персию Романа³⁶.

13 декабря 1605 г. — аудиенция черкесским мурзам Сунчалю и Батаю³⁷.

Декабрь 1605 г. — отправление в Рим посланника Андрея Лавича³⁸.

Конец 1605 г. — прибытие в Москву из Империи персидского посла Мехди-Кули-бека с папским посланником Павлом-Симоном и польским гонцом Х. Краузовским; отправление в Польшу гонца Ивана Безобразова³⁹.

1606 г.

Начало 1606 г. — прибытие в Москву шведского гонца Фредерика Татца; посланника из Казыева улуса Алей-мурзы Шейдякова⁴⁰.

Конец января 1606 г. — возвращение из Крыма гонцов А.Мелентьева и К.Ширкова с крымским гонцом Аллаш-богатырем.

9 февраля 1606 г. — аудиенция крымскому гонцу Аллаш-богатырю⁴¹.

Весна 1606 г. — приезд в Москву донского атамана Трени Котова; отправление на Дон с жалованьем посланника Василия Толстого⁴².

Начало марта 1606 г. — отправление в Крым посланника Афанасия Мелентьева — Курлакова и отпуск крымских гонцов Ян-Ахмет-Челибея и Аллаш-богатыря⁴³.

10 марта 1606 г. — отпуск черкесских послов⁴⁴.

Март 1606 г. — отправление в Ногайскую Орду посланника Т.Кашарова⁴⁵.

24 апреля 1606 г. — возвращение из Польши посла А.И.Власьева⁴⁶.

2 мая 1606 г. — приезд в Москву польских послов Н.Олесницкого и А.Гонсевского⁴⁷.

Начало мая 1606 г. — приезд в Москву польского гонца Лукаша Бандикова⁴⁸.

Первая половина мая 1606 г. — отправление в Персию посланника Ивана Петровича Ромодановского с персидским послом Мехди-Кули-беком, папским посланником Павлом-Симоном и польским гонцом Хриштофом Краузовским⁴⁹.

Первая половина июня 1606 г. — отправление в Польшу посланников Григория Константиновича Волконского и Андрея Иванова; отправление к князю В.Острожскому гонца Федора Ратманова Дурова; отпуск польского гонца Л.Бандикова и шведского гонца Ф.Татца⁵⁰.

Июнь — начало июля 1606 г. — отпуск на Дон с царской грамотой атамана Т. Котова.

13 июля 1606 г. — отправление на Дон посланника Семена Молвянинова с жалованьем⁵¹.

Лето 1606 г. — прибытие в Москву шведского гонца Даниила Теодора (Юрта); отправление в Крым посланников Андрея Матвеевича Воейкова и Захария Языкова; приезд посланника из Казыева улуса Келмамета; посланника из Ногайской Орды Ахмет-Азея⁵².

Конец лета 1606 г. — возвращение в Москву из Крыма посольства А.Мелентьева и приезд крымского гонца Хедир-Улана⁵³.

23 сентября 1606 г. — отпуск из Москвы шведского гонца Д.Теодора⁵⁴.

1607 г.

13 февраля 1607 г. — возвращение из Польши посольства Г.К.Волконского и А. Иванова⁵⁵.

22 апреля 1607 г. — аудиенция крымскому гонцу Хедир-Улану.

24 апреля 1607 г. — отправление в Крым гонца Степана Михайловича Ушакова⁵⁶.

10 мая 1607 г. — приезд в Москву имперского гонца Гектора Муралда⁵⁷.

Середина 1607 г. — приезд в Москву ногайских послов Утеша и Ишка-ры⁵⁸.

15 августа 1607 г. — приезд в Москву шведского гонца Бернта Неймана⁵⁹.

Август — сентябрь 1607 г. — отпуск имперского гонца Г.Муралда⁶⁰.

Сентябрь 1607 г. — приезд в Москву крымского посланника Сефера⁶¹.

После 12 октября 1607 г. — приезд в Москву польских посланников Станислава Витовского и Яна Соколинского⁶².

8 ноября 1607 г. — аудиенция шведскому послу Б.Нейману⁶³.

22 ноября 1607 г. — аудиенция польским посланникам и переговоры с ними⁶⁴.

Осень 1607 г. — возвращение из Крыма гонца С.Ушакова⁶⁵.

23 декабря 1607 г. — переговоры с польскими посланниками⁶⁶.

29 декабря 1607 г. — приезд в Москву калмыцких послов Баучина, Девлеша и Арлая⁶⁷.

Конец 1607 г. — приезд в Москву крымских гонцов Сеит-Казыя и Ахмет-Калифы⁶⁸.

1608 г.

1607/08 г. — приезд в Москву и отпуск запорожского атамана Богдана Мстиславца⁶⁹.

27 января 1608 г. — аудиенция польским посланникам.

28 января 1608 г. — аудиенция польским послам.

6 февраля 1608 г. — аудиенция польским послам и посланникам⁷⁰.

7 февраля 1608 г. — прием в Посольском приказе калмыцких послов.

14 февраля 1608 г. — приезд шведского гонца Петра Петрея; аудиенция калмыцким послам⁷¹.

19 февраля 1608 г. — аудиенция польским послам и посланникам.

16 марта 1608 г. — аудиенция и переговоры с польскими послами и посланниками.

12 апреля 1608 г. — аудиенция и переговоры с польскими послами и посланниками⁷².

20 апреля 1608 г. — аудиенция ногайскому послу Нурмагмету.

27 апреля 1608 г. — прием в Посольском приказе ногайского посла Нурмагмета⁷³.

22 июня 1608 г. — аудиенция польским посланникам.

29 июня 1608 г. — переговоры с польскими послами.

5 июля 1608 г. — аудиенция польскому послу Н.Олесницкому.

6 июля 1608 г. — переговоры с польскими послами⁷⁴.

15 июля 1608 г. — подписание русско-польского перемирия на 3 года и 11 месяцев.

1 августа 1608 г. — вторичный приезд в Москву шведского гонца П.Петрея⁷⁵.

14 августа 1608 г. — отпускная аудиенция ногайскому послу Нурмагмету и первая аудиенция ногайским послам Баймагмету и Янмамету⁷⁶.

1608 г. — отправление в Крым посольства Степана Звягина и Дея Витовтова, отпуск крымских дипломатов Хедир-Улана, Сефера, Сеит-Казыя и Ахмет-Калифы⁷⁷.

Конец 1608 г. — отправление на переговоры в Выборг М.В.Скопина-Шуйского, С.В.Головина и С.Васильева⁷⁸.

1609 г.

1609 г. — возвращение из Крыма посольства С.Звягина и Д.Витовтова⁷⁹.

28 февраля 1609 г. — подписание русско-шведского Выборгского договора.

Июль 1609 г. — переговоры с крымским мурзой Богатырь-Гиреем под Серпуховом⁸⁰.

16 августа 1609 г. — приезд в Москву шведских наемников за жалованьем.

17 августа 1609 г. — аудиенция шведским наемникам.

18-19 августа 1609 г. — переговоры со шведскими наемниками.

21 августа 1609 г. — аудиенция шведским наемникам⁸¹.

Осень 1609 г. — отправление в Крым гонца Воина Пургасова⁸².

26 ноября 1609 г. — отправление в Швецию посольства Смирного Отрепьева и Пятого Григорьева⁸³.

1609 г. — приезд в Москву ногайских послов Ян-сеита и Куйбака, посла из Казыева улуса Кутлукелдея⁸⁴.

1610 г.

Начало 1610 г. — возвращение из Крыма гонца В.Пургасова, приезд в Москву крымского посольства⁸⁵.

22 марта 1610 г. — отпускная аудиенция ногайским послам.

23 марта 1610 г. — отправление в Ногайскую Орду посланника Прокофия Вражского и отпуск из Москвы ногайских послов Нурмагмета, Баймагмета и Кутлукелдея⁸⁶.

Март 1610 г. — приезд в Москву из Тушино персидских посланников Томогас-бека, Амир-Али-бека и гонца Мюгиб-бека⁸⁷.

Апрель — май 1610 г. — отправление в Крым посольства Артемия Шеншина вместе с крымскими послами⁸⁸.

Весна 1610 г. — переговоры со шведскими послами Яковом Делагарди и Монсом Мартыновым; отправление распоряжения терским воеводам привести к шерти кумыков; отправление в Ногайскую Орду с жалованьем И.Бутурлина и Д.Жедринского⁸⁹.

5 августа 1610 г. — переговоры под Москвой со Станиславом Жолкевским.

13 августа 1610 г. — переговоры под Москвой со Станиславом Жолкевским⁹⁰.

17 августа 1610 г. — подписание предварительного договора об избрании на российский престол королевича Владислава.

Вторая половина августа 1610 г. — прибытие в Москву польского посланника Александра Гонсевского и Федора Андронова⁹¹.

12 сентября 1610 г. — отправление под Смоленск к королю Сигизмунду посольства митрополита Филарета, Василия Васильевича Голицына и Даниила Ивановича Мезецкого⁹².

Ноябрь 1610 г. — отправление под Смоленск с грамотами Андрея и Василия Мосальских⁹³.

Декабрь 1610 г. — приезд в Москву польского гонца Лукаша Исаковского; отправление под Смоленск гонца Ивана Безобразова⁹⁴.

Конец 1610 г. — приезд в Москву персидского посланника Изъяналхана, ехавшего в Империю⁹⁵.

1611 г.

Январь 1611 г. — отправление под Смоленск Ивана Никитича Салтыкова и Ивана Безобразова⁹⁶.

Февраль 1611 г. — приезд в Москву польского посланника Николая Мошинского⁹⁷.

Март 1611 г. — бегство после московского пожара в лагерь первого ополчения персидских дипломатов Амир-Али-бека и Томогас-бека, ногайских Ен-сеита и Куйбака, «греческого» старца Софрония⁹⁸.

Апрель 1611 г. — приезд в Москву польского посланника Адама Жолкевского⁹⁹.

Июль 1611 г. — отпуск польского посла А.Жолкевского; отправление под Смоленск гонца Алексея Безобразова¹⁰⁰.

17 августа 1611 г. — приезд в Москву польского посланника Яна Гридича.

Конец сентября 1611 г. — прибытие в Москву польского гонца Станислава Бачановского¹⁰¹.

5 октября 1611 г. — отправление в Польшу посольства Юрия Никитича Трубецкого, Михаила Глебовича Салтыкова и Василия Янова¹⁰².

1611 г. (?) — отправление в Польшу гонцов Тимофея Грязного, Игнатия Хомутова; приезд польского гонца Яна Комаровского¹⁰³.

1612 г.

Начало 1612 г. — отправление в Польшу с посольством И.Т.Грамотина¹⁰⁴.

Конец сентября 1612 г. — приезд в Москву польского гонца Жабровского¹⁰⁵.

Ноябрь 1612 г. — прием в Москве польского гонца Шалевского¹⁰⁶.

Конец 1612 г. — приезд в Москву ногайского посланника Були-мурзы Мамаева; отправление в Ногайскую Орду посланника Прокофия Вражского¹⁰⁷; отпуск польского гонца Шалевского¹⁰⁸.

1613 г.

Январь 1613 г. — отправление гонца Богдана Дубровского в Новгород Великий¹⁰⁹.

Февраль 1613 г. — возвращение в Москву П.Вражского с ногайскими послами; подготовка миссии Дениса Оладьина в Речь Посполитую.

11 марта 1613 г. — отправление в Польшу гонца Д.Оладьина¹¹⁰.

Март — апрель 1613 г. — отправление в Крым гонца В.Пургасова; приезд в Москву из Империи имперского посла Иосифа Григорьева и персидского посла Мурши-Кули-бека¹¹¹.

Около июня 1613 г. — возвращение из Крыма гонца В.Пургасова с крымским гонцом Аллаш-богатырем¹¹².

Июнь 1613 г. — отправление в Данию посольства И.М.Борятинского и Г.Богданова; А.И.Зюзина и А.Витовтова в Англию; С.М.Ушакова и С.Заборовского в Империю; С.Протасьева и М.Данилова в Турцию¹¹³.

20 июля 1613 г. — возвращение из Польши гонца Д.Оладьина¹¹⁴.

Июль — август 1613 г. — отправление во Францию переводчика И.Фомина¹¹⁵.

Июль — сентябрь 1613 г. — приезд в Москву крымского гонца Мустафы-мурзы¹¹⁶.

Середина сентября 1613 г. — приезд в Москву ногайских послов Енсеита и Куйбака.

26 сентября 1613 г. — приезд в Москву ногайских послов Келмамета-мурзы и Бегим-мурзы¹¹⁷.

24 октября 1613 г. — отправление в Крым посольства А.Лодыженского и П.Данилова¹¹⁸.

Вторая половина 1613 г. (до конца ноября) — возвращение из Империи переводчика Е.Еремеева; приезд имперского посла в Персию А. Дорна.

21 ноября 1613 г. — отправление в Персию посольства М.Тиханова и А.Бухарова; отпуск персидского посла Амир-Али-бека¹¹⁹.

Ноябрь 1614 г. — отправление в Ногайскую Орду посланника И.Г.Кондырева¹²⁰.

22 декабря 1613 г. — приезд в Москву донского атамана И.Бедрищева¹²¹.

1614 г.

20 марта 1614 г. — отправление на Дон И.Опухтина; отпуск атамана И.Бедрищева¹²².

2 апреля 1614 г. — доставление в Москву перехваченного в Пскове новгородского посольства в Швецию¹²³.

27 июня 1614 г. — возвращение из Большой Орды посланника И.Г.Кондырева; приезд ногайского гонца Кара-богатыря.

29 июня 1614 г. — прием ногайского гонца Кара-богатыря в Посольском приказе; допрос в Посольском приказе персидских купцов¹²⁴.

Июнь 1614 г. — возвращение из Крыма посланника П.Данилова; приезд в Москву крымского гонца Алей-мурзы; отправление в Крым толмача Алексея Нагаева¹²⁵.

21 июля 1614 г. — отправление с жалованьем к черкесским мурзам Д.Погожего¹²⁶.

23 июля 1614 г. — отправление в Персию гонца И.Брехова; отпуск ногайского гонца Кара-богатыря¹²⁷.

Июль 1614 г. — отправление на посольскую размену в Ливны послов Г.К.Волконского и П.Овдокимова; отпуск крымского гонца Алей-мурзы.

22 августа 1614 г. — возвращение из Крыма посланника Амвросия Лодыженского¹²⁸.

25 августа 1614 г. — возвращение из Империи С.М.Ушакова и С.Заборовского¹²⁹.

27 августа 1614 г. — возвращение с посольской размены в Ливнах Г.П.Ромодановского¹³⁰.

31 августа 1614 г. — аудиенция послам черкесских мурз Сунчалею, Тайшаю, Ахмату, Ачелею; отправление в Империю переводчика И.Фомина¹³¹.

Лето 1614 г. — отправление в Казыев Улус посланника Р. Бузовлева¹³².

Конец августа — начало сентября 1614 г. — отправление в Воронеж И.Г.Одадунова встречать турецкого посланника¹³³.

9 сентября 1614 г. — прием в Посольском приказе черкесского посла Кардона¹³⁴.

12 сентября 1614 г. — приезд в Москву крымских послов Мустафы-мурзы и Магмет-Челибея¹³⁵.

15 сентября 1614 г. — возвращение из Дании посла И.М.Борятинского¹³⁶.

18 сентября 1614 г. — аудиенция крымским послам и черкесскому посланнику Кардону¹³⁷.

19 октября 1614 г. — приезд в Москву датского посланника Ивервинта¹³⁸.

20 октября 1614 г. — приезд в Москву персидского купчины Ходжи-Муртозы; приезд дьяка Г. Богданова с документацией посольства в Данию¹³⁹.

30 октября 1614 г. — аудиенция датскому посланнику и выездим шотландцам¹⁴⁰.

Октябрь 1614 г. — вторичное отправление в Империю переводчика И.Фомина¹⁴¹.

Ранее 12 ноября 1614 г. — возвращение в Москву посланника Р.Бузовлева; приезд казыевских послов Эш-Алея и Бек-Магмета¹⁴².

13 ноября 1614 г. — приезд в Москву кумыцкого посла Томулдука.

17 ноября 1614 г. — прием кумыцкого посла в Посольском приказе¹⁴³.

18 ноября 1614 г. — приезд в Москву бухарского посла Дос-Абыза¹⁴⁴.

Между 18 ноября и 11 декабря 1614 г. — отправление в Казыев Улус посланника С. Караулова; отпуск казыевского посла Эш-Алея¹⁴⁵.

11 декабря 1614 г. — отпуск казыевского посла Бек-Магмета¹⁴⁶.

22 декабря 1614 г. — приезд в Москву английского посла Дж.Меррика¹⁴⁷.

Декабрь 1614 г. — приезд в Москву литовского гонца Ф.Рясницына¹⁴⁸.

27 декабря 1614 г. — отправление в Польшу посольства Ф.Желябужского и С. Матчина; прием в Посольском приказе персидского купчины Ходжи-Муртозы¹⁴⁹.

Декабрь 1614 г. — приезд в Москву крымского посла Ибрагим-паши-мурзы¹⁵⁰.

1615 г.

1 января 1615 г. — аудиенция английскому послу Дж.Меррику, голландскому послу И.Массе, бухарским послам Дос-Абызу и Шугуру¹⁵¹.

4 января 1615 г. — прием в Посольском приказе голландского посла И.Массы¹⁵².

8 января 1615 г. — аудиенция персидскому купчине Ходжи-Муртозе и выезджим англичанам¹⁵³.

11 января 1615 г. — прием в Посольском приказе голландского посла¹⁵⁴.

13 января 1615 г. прием в Посольском приказе персидского купчины Ходжи-Муртозы¹⁵⁵.

Середина января 1615 г. — отправление в Новгород с грамотами Я.Епанчина¹⁵⁶.

27 января 1615 г. — прием в Посольском приказе выезджего англичанина А. Астона¹⁵⁷.

29 января 1615 г. — отправление в Персию гонца Г.Шахматова¹⁵⁸.

2 февраля 1615 г. — отпускная аудиенция датскому посланнику Ивервину¹⁵⁹.

11 февраля 1615 г. — приезд в Москву новгородского посольства архимандрита Киприана и прием его у бояр.

14 февраля 1615 г. — возвращение из Новгорода Я.Епанчина.

18 февраля 1615 г. — прием боярами новгородских послов¹⁶⁰.

25 февраля 1615 г. — отпуск датского посланника¹⁶¹.

26 февраля 1615 г. — аудиенция новгородским послам и выезджим англичанам¹⁶².

3 марта 1615 г. — аудиенция и переговоры с английским послом Дж.Мерриком¹⁶³.

8 марта 1615 г. — отпускной прием боярами новгородского посольства¹⁶⁴.

17 марта 1615 г. — переговоры с английским послом.

19 марта 1615 г. — отпускная аудиенция английскому послу.

20 марта 1615 г. — переговоры с английским послом.

22 марта 1615 г. — отправление английского посла Дж.Меррика на посреднические переговоры со Швецией¹⁶⁵.

23 марта 1615 г. — отпускная аудиенция кумыцкому послу Томулдуку; черкесскому послу Кардону; послам черкесских музр Сунчалею, Тайшаю, Ахмату, Ачелею¹⁶⁶.

Март 1615 г. — отправление в Крым толмача Т.Баубекова; отправление на размену пленных на шведском рубеже С. Коробьина¹⁶⁷.

Апрель 1615 г. — отправление в Крым посланника И.Спешнева¹⁶⁸.

7 мая 1615 г. — возвращение из Польши посольства Ф.Желябужского и С.Матчина¹⁶⁹.

21 мая 1615 г. — прием посольским дьяком посланника от музр Казыева Улуса Абдул-Ходжи¹⁷⁰.

Май 1615 г. — возвращение из Турции посольства С.Протасьева и М.Данилова; приезд в Москву турецкого посланника Велий-чеуша; прием в Посольском приказе голландского посла И.Массы¹⁷¹.

31 мая 1615 г. — аудиенция голландскому послу И.Массе¹⁷².

13 июня 1615 г. — отправление в Польшу гонца А.Нечаева¹⁷³.

24 июня 1615 г. — приезд в Москву крымского гонца Исмаил-аги.

25 июня 1615 г. — прием крымского гонца в Посольском приказе.

28 июня 1615 г. — аудиенция крымскому гонцу¹⁷⁴.

Конец июня 1615 г. — возвращение из Казыева Улуса посланника С.Караулова с казыевскими послами Курман-Ходжой и Ентюгой¹⁷⁵.

Июнь 1615 г. — возвращение из Персии посольства М.Тиханова и А.Бухарова, гонца И.Брехова; приезд в Москву персидского посла Булатбека¹⁷⁶.

8 июля 1615 г. — прием в Посольском приказе казыевских послов¹⁷⁷.

10 июля 1615 г. — прием в Посольском приказе персидского купчины Ходжи-Муртозы и его отпуск¹⁷⁸.

25 июля 1615 г. — прием в Посольском приказе казыевских послов.

Конец июля 1615 г. — отправление в Казыев Улус толмача А.Нагаева и отпуск казыевских послов¹⁷⁹.

Июль 1615 г. — отправление во Францию и Голландию посольства И.Кондырева и М.Неверова¹⁸⁰.

11 августа 1615 г. — отправление в Англию гонца И.Грязева¹⁸¹.

13 августа 1615 г. — прием в Посольском приказе и аудиенция персидскому послу Булат-беку¹⁸².

15 августа 1615 г. — приезд крымского посла Булат-Улана, гонцов Уссейна и Мелдеша.

18 августа 1615 г. — прием в Посольском приказе и аудиенция крымским гонцам Уссейну и Мелдешу¹⁸³.

19 августа 1615 г. — возвращение из Польши гонца А.Нечаева; аудиенция крымскому послу Булат-Улану¹⁸⁴.

20 августа 1615 г. — отправление на посольский съезд со шведскими дипломатами Д.И.Мезецкого и А.И.Зюзина¹⁸⁵.

Август 1615 г. — возвращение из Крыма посольства Г.К.Волконского и П.Овдокимова; отправление в Ногайскую орду с жалованьем О.Зюзина, Д.Голохвастова, А.Хохлова¹⁸⁶.

Конец августа — начало сентября 1615 г. — отправление в Крым переводчика С.Андреева; отправление в Турцию посольства П.Мансурова и С.Самсонова; отпуск турецкого посланника Велия-чеуша¹⁸⁷.

8 сентября 1615 г. — приезд в Москву польского посланника М.Каличевского.

10 сентября 1615 г. — переговоры с польским посланником М.Каличевским.

11 сентября 1615 г. — отпуск польского посланника М.Каличевского.

Сентябрь 1615 г. — отправление посольства И.М.Воротынского на посольский съезд под Смоленск¹⁸⁸.

28 октября 1615 г. — приезд в Москву крымского гонца Ислам-аги.

Декабрь 1615 г. — отпуск крымского посла Булат-Улана, гонца Ислам-аги; отправление в Крым посланника Ф.Челюстинкина¹⁸⁹.

1 декабря 1615 г. — приезд в Москву голландского гонца Г.Фан-дерхейна.

2 декабря 1615 г. — прием в Посольском приказе голландского гонца.

3 декабря 1615 г. — аудиенция голландскому гонцу.

4 декабря 1615 г. — отпуск голландского гонца¹⁹⁰.

1615 г. — отправление в Бухару служилых татар Д.Девлекозина и К.Будалеева¹⁹¹.

1616 г.

6 января 1616 г. — прием в Посольском приказе и аудиенция кабардинским князьям Сунчалею Янглычеву, Куденеку Кенбулатову, Шеханукурмузе¹⁹².

1 февраля 1616 г. — приезд из Крыма посланника Б.Нестерова и гонца Аллаш-богатыря¹⁹³.

10 февраля 1616 г. — приезд в Москву английского гонца Р.Свифта и голландского гонца Н.Фанбредерода.

11 февраля 1616 г. — прием английского и голландского гонцов в Посольском приказе.

18 февраля 1616 г. — аудиенция английскому и голландскому гонцам.

21 февраля 1616 г. — отпускной прием английского и голландского гонцов в Посольском приказе¹⁹⁴.

Февраль 1616 г. — прекращение переговоров под Смоленском; отправление в Крым толмача К.Черетаева¹⁹⁵.

15 марта 1616 г. приезд в Москву с русско-шведского съезда английского посла Дж.Меррика¹⁹⁶.

27 марта 1616 г. — приезд в Москву голландского гонца Л.Массы.

28 марта 1616 г. — прием голландского гонца в Посольском приказе¹⁹⁷.

7 апреля 1616 г. — аудиенция персидскому посланнику Булат-беку и кабардинским князьям¹⁹⁸.

13 апреля 1616 г. — приезд в Москву шведского гонца Хриштофа.

14 апреля 1616 г. — аудиенция, переговоры и пир в честь английского посла Дж.Меррика.

Конец апреля 1616 г. — отправление в Швецию гонца к голландским посредникам Б.Карпова.

30 апреля 1616 г. — аудиенция и переговоры с английским послом.

1 мая 1616 г. — отпускная аудиенция английскому послу.

5 мая 1616 г. — переговоры с английским послом.

- 15 мая 1616 г. — отпуск английского посла.
- 20 мая 1616 г. — отпуск в Англию с грамотой английского дворянина А.Бедлея¹⁹⁹.
- 23 мая 1616 г. — отправление в Персию посольства Ф.Левонтьева и Б.Тимофеева²⁰⁰.
- Весна 1616 г. — отправление в Казыев Улус толмача Ф.Иванова²⁰¹.
- 15 июня 1616 г. — возвращение из Персии гонца Г.Шахматова²⁰².
- Июнь 1616 г. — приезд крымского посла Магмет-аги; вторичное отправление посольства Д.И.Мезецкого на переговоры со шведами²⁰³.
- 4 июля 1616 г. — отправление в Империю посольства Л.Мясного и Ф.Постникова²⁰⁴.
- 7 июля 1616 г. — возвращение из Англии гонца И.Грязева²⁰⁵.
- 13 июля 1616 г. — отпускная аудиенция крымскому послу Аллабердею.
- 23 июля 1616 г. — прием крымского посла Магмет-аги в Посольском приказе²⁰⁶.
- 25 июля 1616 г. — отправление в Грузию гонца Г.Веревкина²⁰⁷.
- 30 июля 1616 г. — возвращение из Франции и Голландии посольства И.Г.Кондырева и М.Неверова²⁰⁸.
- 31 июля 1616 г. — отправление в Крым служилого татарина С.Беляева²⁰⁹.
- 3 августа 1616 г. — возвращение из Казыева Улуса толмача Ф.Иванова²¹⁰.
- 18 августа 1616 г. — возвращение из Швеции гонца Б.Карпова²¹¹.
- 19 сентября 1616 г. — приезд в Москву голландского посланника И.Массы.
- Ноябрь 1616 г. — прием в Посольском приказе голландского посланника²¹².
- 10 ноября 1616 г. — аудиенция крымскому послу Магмет-аге.
- 20 ноября 1616 г. — отправление в Крым и в Турцию служилого татарина З.Исенева²¹³.
- Начало декабря 1616 г. — приезд в Москву персидского гонца Касим-Магмета и хивинского посла Ходжи-Юсуфа.
- 20 декабря 1616 г. — аудиенция персидскому гонцу и хивинскому послу²¹⁴.
- 21 декабря 1616 г. — прием в Посольском приказе и отпуск английского гонца Р.Свифта²¹⁵.
- 27 декабря 1616 г. — прием в Посольском приказе хивинского посла Ходжи-Юсуфа.

1617 г.

- 26 января 1617 г. — прием в Посольском приказе хивинского посла Ходжи-Юсуфа.
- 8 февраля 1617 г. — прием в Посольском приказе хивинского посла.
- 9 февраля 1617 г. — отпускная аудиенция персидскому гонцу Касим-Магмету и хивинскому послу Ходжи-Юсуфу²¹⁶.
- 22 февраля 1617 г. — аудиенция крымскому послу Магмет-аге²¹⁷.
- 27 февраля 1617 г. — заключение Столбовского мира со Швецией.

- 3 марта 1617 г. — приезд крымского гонца Апсемета-Халифы.
- 6 марта 1617 г. — прием крымского гонца в Посольском приказе²¹⁸.
- 10 марта 1617 г. — отправление на Дон Ю.Богданова встречать турецкого посланника²¹⁹.
- Март 1617 г. — аудиенция крымскому гонцу²²⁰.
- 5 апреля 1617 г. — прием в Посольском приказе монгольских послов²²¹.
- 6 апреля 1617 г. — аудиенция голландскому посланнику И.Массе²²².
- 9 апреля 1617 г. — отправление в Крым новокрещена Ивана Енбулатова²²³.
- 13 апреля 1617 г. — прием в Посольском приказе монгольского посла²²⁴.
- 29 апреля 1617 г. — отправление в Крым посольства А.Лодыженского и Р.Болдырева²²⁵.
- 1 мая 1617 г. — возвращение с русско-шведских переговоров посольства Д.И. Мезецкого.
- Весна — лето 1617 г. — отправление на Дон и в Казыев Улус толмача Г.Есипова и новокрещена Ивана Суналеева²²⁶.
- Июнь 1617 г. — переговоры с голландским посланником²²⁷.
- 8 июня 1617 г. — аудиенция английскому послу; отпускная аудиенция монгольским послам²²⁸.
- 10 июня 1617 г. — прием в Посольском приказе ногайского посла Багиша²²⁹.
- Июнь 1617 г. — отпускная аудиенция английскому послу Дж.Меррику и голландскому посланнику И.Массе²³⁰.
- 6 июля 1617 г. — переговоры с английским послом Дж.Мерриком²³¹.
- Июль 1617 г. — отправление в Англию посольства С.Вольнского и М.Поздеева; в Швецию посольства Ф.П.Борятинского и Б.Кашкина; возвращение из Империи посольства Л.Мясного и Ф.Постникова, переводчика И.Фомина²³².
- Август 1617 г. — отправление в Крым служилого татарина Тулубая Бавкеева; отправление в Турцию служилого татарина Д.Девлекозина²³³.
- 19 сентября 1617 г. — приезд в Москву английского гонца Р.Свифта; возвращение с Дона и из Казыева Улуса толмача Г.Есипова²³⁴.
- 26 сентября 1617 г. — отправление в Турцию толмача С.Лежнева; отправление на Дон Н.Чаплина²³⁵.
- 28 сентября 1617 г. — прием в Посольском приказе английского гонца.
- 9 ноября 1617 г. — отпуск английского гонца Р.Свифта²³⁶.
- 14 ноября 1617 г. — отправление в Данию и Голландию посланника И.Баклановского²³⁷.
- 15 ноября 1617 г. — отправление в Крым новокрещена Кирилла Байберина²³⁸.
- 30 ноября 1617 г. — прием в Посольском приказе ногайского посла Ишкилдея²³⁹.
- Ноябрь 1617 г. — приезд в Москву персидских послов Кая-салтана и Булат-бека²⁴⁰.
- До 31 декабря 1617 г. — приезд в Москву польского посланника Я.Гридича и переговоры с ним²⁴¹.

30 декабря 1617 г. — приезд крымского посла Шебан-аги; приезд в Москву крымского гонца Рамазан-Мустафы²⁴².

Конец 1617 — начало 1618 г. — возвращение из Астрахани дворян О.Зюзина и А.Хохлова, ездивших с жалованьем в Ногайскую Орду²⁴³.

1618 г.

4 января 1618 г. — отпускная аудиенция персидским послам²⁴⁴.

Январь 1618 г. — отправление в вольные германские города посланника Д.Лодыгина²⁴⁵.

21 января 1618 г. — отпуск персидских послов²⁴⁶.

12 февраля 1618 г. — приезд в Москву калмыцких послов Буги и Ковадана²⁴⁷.

24 февраля 1618 г. — аудиенция крымскому послу Шебан-аге и гонцу Рамазан-Мустафе²⁴⁸.

11 марта 1618 г. — отправление в Польшу посланников И.Кондырева и Ф.Степанова²⁴⁹.

17 марта 1618 г. — приезд в Москву шведского посла Г.Стейнбока²⁵⁰.

20 марта 1618 г. — прием в Посольском приказе калмыцких послов²⁵¹.

29 марта 1618 г. — аудиенция послу крымского царевича Эмир-шиту, ногайским и калмыцким послам²⁵².

2 апреля 1618 г. — прием крымского посла Шебан-аги в Посольском приказе²⁵³.

Апрель 1618 г. — приезд в Москву английского гонца Т.Семпала; отпуск калмыцких послов²⁵⁴.

1 мая 1618 г. — аудиенция крымскому послу Шебан-аге²⁵⁵.

3 мая 1618 г. — аудиенция шведскому послу Г.Стейнбоку²⁵⁶.

Начало мая 1618 г. — отправление в Крым служилого татарина Тулубая Бавкеева²⁵⁷.

12 мая 1618 г. — прием в Посольском приказе английского гонца Т.Семпала²⁵⁸.

19 мая 1618 г. — аудиенция и переговоры со шведским послом Г.Стейнбоком²⁵⁹.

24 мая 1618 г. — отправление в Персию посольства М.П.Борятинского, И.И.Чичерина, М.Тюхина; отправление в Ногайскую Орду с жалованьем С.Караулова, С.Рагозина, М.Панова²⁶⁰.

27 мая 1618 г. — переговоры со шведским послом.

30 мая 1618 г. — переговоры со шведским послом.

8 июня 1618 г. — переговоры со шведским послом.

13 июня 1618 г. — переговоры со шведским послом.

14 июня 1618 г. — переговоры со шведским послом²⁶¹.

17 июня 1618 г. — отправление в Крым посольства С.Хрушова и С.Бредихина; отпуск крымского посла Шебан-аги и гонца Рамазан-Мустафы²⁶².

Середина июня 1618 г. — отпуск шведского посла Г.Стейнбока²⁶³.

24 июня 1618 г. — отправление в Ногайскую Орду переводчика П.Вражского²⁶⁴.

29 июня 1618 г. — возвращение из Крыма и Турции служилого татарина З.Исенева; приезд крымского гонца Ибрагим-мурзы²⁶⁵.

30 июня 1618 г. — приезд в Москву шведского гонца Г.Эвертсона.

15 июля 1618 г. — отправление в Швецию гонца И.Дедкова²⁶⁶.

Середина июля 1618 г. — отправление на Дон Ю.Богданова встречать турецкого посланника²⁶⁷.

25 июля 1618 г. — прием крымского гонца в Посольском приказе.

28 июля 1618 г. — аудиенция крымскому гонцу Ибрагим-мурзе²⁶⁸.

7 августа 1618 г. — аудиенция английскому гонцу Т.Семпалу²⁶⁹.

30 августа 1618 г. — отправление в Крым служилого татарина А.Бинокова; отпуск крымского гонца Ибрагим-мурзы²⁷⁰.

Август 1618 г. — возвращение из Англии посольства С.Волынского и М.Поздеева²⁷¹.

Октябрь 1618 г. — переговоры с польскими послами под Москвой на р. Пресне.

19 ноября 1618 г. — отправление русских послов на переговоры с польскими дипломатами в Деулино²⁷².

1 декабря 1618 г. — заключение Деулинского перемирия с Речью Посполитой.

1619 г.

Январь 1619 г. — переговоры с крымским послом Мустафой-мурзой; приезд в Москву английского посланника Т.Финша²⁷³.

7 января 1619 г. — возвращение в Москву из Дании и Голландии посланника И.Баклановского²⁷⁴.

11 января 1619 г. — отправление в Швецию посольства К.Кафтырева и С.Реткина²⁷⁵.

4 февраля 1619 г. — аудиенция крымскому послу Мустафе-мурзе²⁷⁶.

3 марта 1619 г. — возвращение из Швеции посольства Ф.П.Борятинского²⁷⁷.

20 марта 1619 г. — прием в Посольском приказе крымского посла Мустафы-мурзы²⁷⁸.

Апрель 1619 г. — приезд в Москву грузинского посланника игумена Харитона²⁷⁹.

Конец апреля 1619 г. — отправление в Крым служилого татарина З. Исенева и отпуск крымских гонцов.

12 (или 24) мая 1619 г. — приезд крымского гонца Ибрагим-мурзы²⁸⁰.

11 июня 1619 г. — подписание на р. Поляновке русско-польского договора о размене пленных²⁸¹.

22 июня 1619 г. — приезд в Москву датского гонца В. фон дер Гудена.

26 июня 1619 г. — прием в Посольском приказе датского гонца²⁸².

29 июня 1619 г. — приезд крымского гонца Резеп-мурзы.

Июнь 1619 г. — приезд в Москву крымского гонца Аги-бачи²⁸³.

Первая половина 1619 г. — прибытие в Москву иерусалимского патриарха Феофана²⁸⁴.

16 июля 1619 г. — отправление в Данию переводчика Е.Еремеева; отпуск датского посла В. фон дер Гудена²⁸⁵.

30 июля 1619 г. — аудиенция крымским гонцам Ибрагим-мурзе и Резеп-мурзе²⁸⁶.

17 августа 1619 г. — возвращение из Швеции посольства К.Кафтырева и С.Реткина²⁸⁷.

Август 1619 г. — возвращение из вольных германских городов посланника Д.Лодыгина²⁸⁸.

18 сентября 1619 г. — приезд крымского гонца Сеит-Улана.

3 октября 1619 г. — прием в Посольском приказе крымских послов и гонцов²⁹⁸.

5 октября 1619 г. — возвращение из Турции посольства П.Мансурова и С.Самсонова²⁹⁰.

11 октября 1619 г. — приезд крымского гонца Аллаш-богатыря.

20 октября 1619 г. — прием в Посольском приказе крымского гонца Аллаш-богатыря.

24 ноября 1619 г. — аудиенция крымскому гонцу Аллаш-богатырю.

17 декабря 1619 г. — прием в Посольском приказе крымского гонца Аллаш-богатыря²⁹¹.

Декабрь 1619 г. — отправление в Крым служилого татарина Б.Исенчурина; возвращение из Дании переводчика Е.Еремеева²⁹².

1619 г. — приезд в Москву запорожских послов М.Струсского и П.Одинца²⁹³.

Приложение 2

Подьячие Посольского приказа конца XVI — начала XVII в.

Иванов Андрей. В 1570/71 г. был послухом у данной грамоты Троице-Сергиеву монастырю на вотчину в Ярославле¹. В качестве подьячего Андрей Иванов начал службу в Посольском приказе не позднее 1587 г., когда он был отправлен в составе посольства С.В.Годунова в Польшу. Спустя два года, в октябре 1589 г., А.Иванов был отправлен от бояр гонцом в Польшу к «радным панам». В январе 1591 г. Андрея Иванова отправили вослед польским послам, покинувшим Москву, с поручением от Бориса Годунова изложить им «неправды» шведского короля. В феврале 1592 г. он отправился с посольством Г.Нашокина в Турцию. В феврале 1594 г. подьячий Андрей Иванов был отправлен на подворье к имперскому гонцу М.Шиле расспросить о целях его приезда, причем, по наблюдениям В.И.Саввы, это был первый случай, когда подьячему было поручено выполнение функций, исполнявшихся до этого исключительно посольскими дьяками². В 1594 г. Андрей Иванов числился вторым подьячим Посольского приказа с окладом 500 четей земли и 50 рублей годового денежного жалованья³, а после пожалования Афанасия Власьева в дьяки, вероятно, стал первым подьячим. В 1594-1597 гг. его неоднократно посылали с различными поручениями к имперским гонцам⁴. В 1601 г. А.Иванов должен был выехать с князем Г.К.Волконским в Крым, причем в составе этой миссии он официально именовался дьяком (оставаясь при этом подьячим Посольского приказа)⁵. Однако, вместо Андрея Иванова в Крым был отправлен дьяк Михаил

Огарков⁶. После опалы В.Я.Щелкалова и назначения судьей Посольского приказа А.И.Власьева Андрей Иванов числился первым подьячим этого ведомства с прежним окладом — 500 четей и 50 рублей⁷. В 1602 г. назначен «в дьячье место» на размежевание русско-польской границы⁸. Возможно, в течение февраля — марта 1604 г., когда от руководства Посольским приказом был отстранен Иван Грамотин, а Афанасий Власьев еще не вернулся из посольства, Андрей Иванов осуществлял руководство хозяйственными делами дипломатического ведомства. В документах можно найти указание, позволяющее предположить, что внутреннее руководство приказом осуществлял подьячий Андрей Иванов. Среди росписи расходов на содержание в Москве грузинского посольства в 1604 г. имеется запись: «Месяца того ж [марта] в 27 день по приказу подьячего Ондreja Иванова дано... гривна за оконницы»⁹. В мае 1604 г., накануне Смуты, подьячий Андрей Иванов был назначен вторым послом в миссии, отправленной в Грузию. В этом посольстве А.Иванов вновь именуется дьяком¹⁰, хотя официально и оставался подьячим: в Посольском приказе хранились «книги... золотым и всякой ружляди, что осталось налицо по росписи подьячего Ондreja Иванова, 112-го году мая по 2 число»¹¹. Возвратившись из Грузии в ноябре 1605 г., уже после воцарения Лжедмитрия I, он продолжил службу в Посольском приказе. С.Б.Веселовский ошибочно указывает, что в декабре 1605 г. Иванов был пожалован самозванцем в дьяки, был приставом при польских послых и тогда же был отправлен послом на сейм в Литву, где находился до мая 1606 г., а после свержения Лжедмитрия был разжалован в подьячие¹². Данные источников свидетельствуют о неточности этих сведений. Посольство, которое планировал послать на сейм «Димитрий Иванович», так и не было отправлено, хотя А.Иванов и успел получить «на подмогу» для участия в этой миссии 250 рублей (сумма чрезвычайно большая, поэтому царь Василий Шуйский распорядился впредь этого случая в пример не выписывать)¹³. Приставом при польских послых Н.Олесницком и А.Гонсевском Андрей Иванов был в начале мая 1606 г.¹⁴, а не в декабре 1605 г., как указывает С.Б.Веселовский. Не подтверждаются и сведения о пожаловании А.Иванова в дьяки при самозванце: дьяческий чин не был отобран у него с воцарением Василия Шуйского, а, напротив, был пожалован перед отправлением в польское посольство. В росписи подьячих Посольского приказа, опубликованной С.А.Белокуровым, прямо указано, что в дьяки Иванов был пожалован именно при Василии Шуйском: «А при царе Василье Ивановиче был в Посольском приказе диак Василей Телепнев, и Ондрею Иванову из подьячих велено быть во диацех...»¹⁵. Голландец Исаак Масса охарактеризовал подьячего Андрея Иванова как «человека образованного и благочестивого»¹⁶. В июне 1606 г. Андрей Иванов выехал в составе посольства в Речь Посполитую в качестве второго посла, по-прежнему именуясь дьяком (в разрядных записях было отмечено, что Иванов был отправлен в Польшу как посольский подьячий «во дьячье место»)¹⁷. Однако документы Посольского приказа свидетельствуют о том, что на момент отправления в Польшу Андрей Иванов уже был дьяком: перед выездом в посольство он имел денежный оклад 80 рублей (тогда как максимальный оклад подьячего не превышал 50-ти рублей). В феврале 1607 г. А.Иванов вернулся из посольства и получил прибавку к поместному окладу в размере 100 четей; денежное жалованье дьяка увеличилось до 100 рублей¹⁸. По предположе-

нию С.А.Белокурова, в 1607-1608 гг. он выполнял функции второго польского дьяка¹⁹, но эта версия не находит подтверждения в источниках. Во время переговоров с польскими послами С.Витовским и Я.Соколинским в ноябре 1607 г. — июле 1608 г. Андрей Иванов неизменно входит в состав ответной комиссии²⁰. После возвращения из Польши А.Иванов был назначен дьяком Новгородской четверти; на этой должности, вероятно, он оставался до воцарения Михаила Федоровича. В 1613 г. дьяк Андрей Иванов входил в состав делегации от Земского собора к Михаилу Романову с просьбой принять престол; 4 июня и 10 июля 1613 г. Андрей Иванов упоминается в качестве дьяка Устюжской чети²¹, 23 января 1614 г. и 21 апреля 1615 г.²² — Нижегородской чети, которой он руководил до конца 1615 г. Дьяк был крупным землевладельцем: в 1607/08 г. его поместный оклад составлял 700 четей; С.Б.Веселовский приводит сведения о его поместьях в Ярославце, Клину, Боровске и Арзамасе²³. Дата смерти Андрея Иванова неизвестна. Последние известия о дьяке А.Иванове датированы октябрём 1615 г.²⁴

Аврамов Третьяк. В июле 1594 г. был отправлен с посольством в Турцию²⁵; в росписи подьячих, служивших в Посольском приказе в 1594 г. указано, что его оклад составлял 400 четей поместья и 40 рублей годового жалованья²⁶. Сведений о его дальнейшей службе обнаружить не удается; среди подьячих, служивших приказе при А.И.Власеве, не упомянут.

Иванов Дмитрий. Впервые упомянут в связи с посольскими делами в феврале 1585 г.: ему было поручено доставить из Казенного двора в Посольский приказ шубы, предназначенные для пожалования польским «полоняникам»²⁷. В 1594 г. его оклад составлял 400 четей и 40 рублей²⁸; этим исчерпывается известная информация о его службе в Посольском приказе.

Юрьев Собина. В июле 1592 г. ездил в составе посольства в Польшу²⁹; в 1594 г. он имел поместный оклад 250 четей и денежное жалованье 25 рублей; прежнее жалованье он получал в Посольском приказе и позднее, при А.И.Власеве³⁰.

Языков Захарий. В августе 1591 г. был отправлен с посольством в Польшу³¹; в 1597 г. он ездил с посольством И.Всеволожского в Грузию³². В 1594 г. его жалованье составляло 250 четей и 25 рублей; с тем же окладом он продолжал службу в Посольском приказе до начала царствования Василия Шуйского³³. Исаак Масса указывает, что подьячий Захарий Языков осенью 1604 г. ездил с посланником Постником Огаревым в Речь Посполитую с целью разоблачить Лжедмитрия³⁴. В 1606 г. З.Языков отправился с посольством в Крым с целью известить хана о воцарении Василия Шуйского и, в начале 1607 г., на обратном пути, возле Валук, был захвачен сторонниками самозванца Петра и убит ими в Путивле³⁵.

Кузьмин Дружина. В мае 1594 г. был отправлен с посольством в Персию³⁶; в этом же году он имел оклад 250 четей поместья и 25 рублей годового жалованья; он продолжал службу в Посольском приказе при А.И.Власеве с прежним окладом.

Зиновьев Иван. По росписи 1594 г., был верстан 250 четями поместья и имел годовой денежный оклад 25 рублей³⁷. Возможно, И.Зиновьев служил в дипломатическом ведомстве и ранее: в «Описи архива Посольского приказа 1626 г.» упоминается «столп 98-го году [1589/90 г.]: отпуск на Дон з государевою казною Ивана Зиновьева»³⁸. Позднее, в связи с отправлением

Ивана Зиновьева в 1600 г. с посольством в Англию с извещением о воцарении Бориса Годунова, указан меньший оклад: «Подъячему Ивану жалованье на 2 года: на 108-й да на 109-й год, по 20 рублей, да подмоги 40 рублей...»³⁹. Таким образом, в 1600-1601 гг. его денежный оклад равнялся 20-ти рублям (что позволяет отнести Ивана Зиновьева к разряду «молодых» подъячих). Возможно, уменьшение оклада подъячего Зиновьева объясняется какой-либо его виной. По возвращении из Англии в сентябре 1601 г., вероятно, И.Зиновьев получил прибавку к жалованью, поскольку в росписи подъячих, служивших в Посольском приказе при А.И.Власеве, отмечено, что он вновь имел оклад 25 четей и 25 рублей⁴⁰. С.Б.Веселовский ошибочно считал подъячего И.Зиновьева, отправленного в 1600 г. с посольством Г.Микулина в Англию, и подъячего И.Зиновьева, служившего в Посольском приказе в 1618 г., разными лицами⁴¹. Иван Зиновьев оставался в приказе и при В.Г.Телепневе (упоминается в приказной документации в 1606 г.)⁴² По всей видимости, он непрерывно продолжал служить в Посольском приказе до 1619 г. В марте 1615 г. И.Зиновьев упоминается как служащий Посольского приказа в связи с отпуском английского посла Дж.Меррика — в столбце было записано: «А отвозили к послу государево жалованье: соболи с Казенного двора казенной дьяк Ждан Шипов; деньги ис Посольского приказу подъячей Иван Зеновьев»⁴³. Приблизительно в это же время он выдал деньги золотописцу для приобретения золота «на прописку государевых посольских грамот»⁴⁴. В 1615 г. им были переданы деньги в Разрядный приказ — на обороте памяти в Посольский приказ сохранилась помета: «По сей памяти Ивашко Грязев взял у Ивана Зиновьева тысячу триста рублей»⁴⁵. При П.А.Третьякове (около 1616 г.) Зиновьев числился одним из «старых» подъячих с окладом 400 четей поместья и 40 рублей⁴⁶; среди документации Посольского приказа сохранились дела, справленные им в 1617 г.⁴⁷ 20 сентября 1618 г. И.Зиновьеву было выдано 5 рублей сверх оклада, а 11 декабря — 10 рублей⁴⁸. Вероятно, вскоре после этого, он оставил службу по состоянию здоровья: в декабре 1619 г. среди служащих Посольского приказа он уже не назван, так же как и в росписи подъячих, служивших в Посольском приказе при И.Т.Грамотине (около 1621 г.)⁴⁹ В 1624/25 г. Иван Зиновьев вновь упоминается в качестве посольского подъячего, получившего «чудесное исцеление» после семилетней болезни от присланной шахом Аббасом в подарок царю Михаилу Федоровичу Ризы Господней⁵⁰. Информация о дальнейшей судьбе И.Зиновьева отсутствует.

Данилов Петр. Согласно росписи 1594 г., был верстан 200-ми четями поместья и получал годовой оклад в размере 18 рублей; в списке его имя стоит первым среди «молодых» подъячих Посольского приказа⁵¹. В 1600-1601 гг. П.Данилов находился с посольством в Персии⁵². В росписи подъячих, служивших в Посольском приказе при А.И.Власеве он не упомянут, однако есть основания считать, что он продолжал службу в дипломатическом ведомстве, поскольку в списке служащих, состоявших под началом дьяка Власева, «молодые» подъячие не названы поименно. Доказательством того, что Петр Данилов оставался в Посольском приказе после возвращения из персидского посольства, служит упоминание его в качестве посольского подъячего в более позднее время: 23 марта 1610 г. по распоряжению думного дьяка Посольского приказа П.Данилов ходил на подворье к ногайским послам⁵³. В октябре

1613 г., все еще будучи подьячим, Петр Данилов отправился с посольством в Крым известить хана о восшествии на престол царя Михаила Федоровича⁵⁴. Его жалованье на тот момент составляло 35 рублей и 400 четей поместья⁵⁵ (по своему окладу он занимал промежуточное положение между «средними» и «молодыми» подьячими). По возвращении в августе 1614 г. из посольства, он был пожалован дьяческим чином с денежным окладом 60 рублей⁵⁶ (по другим сведениям, он был поверстан окладом 50 рублей и 500 четей)⁵⁷. После ухода из Посольского приказа, однако, дьяк П.Данилов продолжал привлекаться к работе дипломатического характера: в частности, в ноябре 1614 г. он вместе с князем Д.И.Мезецким производил опись уцелевших документов Посольского приказа⁵⁸; в декабре 1615 г. Петр Данилов вновь был отправлен в составе посольства в Крым, где находился до 1617 г.⁵⁹ В 1618/19 г. П.Данилов был дьяком в объездах в Москве; в 1618/19-1632/33 гг. он был дьяком в Калуге⁶⁰.

Федоров Иван. В 1594 г. был «молодым» подьячим Посольского приказа с годовым денежным окладом 12 рублей⁶¹. Позднее, в начале царствования Михаила Федоровича, среди посольских подьячих упомянут Иван Федоров Каша, имевший оклад в размере 300 четей поместья и 30 рублей годового денежного жалованья⁶². Вероятно, Иван Федоров, служивший в приказе при В.Я.Щелкалове, и Иван Федоров Каша, упоминавшийся в этом же ведомстве в 1614-1616 гг. являются одним лицом. В подтверждение этой версии можно привести следующий аргумент. Если принять посылку о тождестве Ивана Федорова и Ивана Федорова Каша, то можно отметить, что за временной промежуток с 1594 г. по 1616 г. размер его денежного оклада возрос на 18 рублей (за этот же хронологический отрезок оклад служившего в приказе Ивана Зиновьева увеличился примерно так же: на 15-20 рублей). 18 января 1614 г. подьячий Посольского приказа Иван Федоров (назван в источнике без прозвища «Каша») получил сукно в награду за то, что «писал царское поставленье в книгу»⁶³. 8 ноября 1614 г. ему было выдано по его челобитью 2 рубля; в ноябре – декабре 1614 г. И.Федоров активно участвовал в подготовке документации для миссии Ф. Желябужского в Польшу⁶⁴. 12 декабря 1616 г. он упоминается в качестве посольского подьячего⁶⁵; размер его жалованья на тот момент был указан выше. Проследить дальнейшую судьбу Ивана Федорова не удается: среди подьячих, служивших в Посольском приказе при И.Т.Грамотине (около 1621 г.) он не упоминается⁶⁶.

Поздеев Марк. По росписи посольских подьячих 1594 г. имел оклад 200 четей поместья и 18 рублей денежного жалованья⁶⁷. Информация о его дальнейшей службе в Посольском приказе отсутствует. В деле 1621 г. сохранилось упоминание о переводе М.Поздеева из Посольского приказа в царствование Бориса Годунова⁶⁸. В сентябре 1605 г. М.Поздеев являлся подьячим Разрядного приказа (ему было поручено записывать местническое дело)⁶⁹; в 1607 г., уже в качестве дьяка, он участвовал в походе Василия Шуйского под Калугу. Поздеев был участником Первого и Второго ополчений; после избрания на царство Михаила Романова в 1613-1621 гг. он был дьяком Разрядного приказа⁷⁰. В июле 1617 г. Марк Поздеев ездил в составе посольства в Англию⁷¹. Дальнейшая служба М.Поздеева не была связана с Посольским приказом; в документах он упоминается в качестве городского и приказного дьяка до 1643/44 г.⁷²

Вареев Андрей. По росписи 1594 г. был верстан 200 четей поместья и имел годовой денежный оклад 18 рублей; среди подьячих, служивших в Посольском приказе при А.И.Власеве он не назван⁷³. Из Посольского приказа А.Вареев был переведен при царе Борисе⁷⁴. В 1607 г. он уже упоминается в качестве дьяка в походе под Калугу; в 1607 г. А.Вареев был дьяком Приказа Холопьяго суда, позднее — Разрядного приказа. На этом посту он находился до конца царствования Василия Шуйского, в правительстве королевицы Владислава, а затем (с 1611 г.) в ополчениях. После избрания на царство Михаила Романова Андрей Вареев входил в состав делегации, отправленной к царю в Кострому. В дальнейшем А.Вареев был дьяком в ряде приказов и городов; в документах его имя упоминается до 1630 г.⁷⁵

Заборовский Семой. Числился в Посольском приказе при В.Я.Щелкалове с окладом 200 четей и 18 рублей, а при А.И.Власеве его уже не было в этом ведомстве⁷⁶; как и М.Поздеев и А.Вареев, С.Заборовский ушел из Посольского приказа в царствование Бориса Годунова⁷⁷. Вероятно, он был переведен в Разрядный приказ: в августе 1614 г. в следственном деле над ним было записано, что он «сидел в Посольском приказе и в Разряде в подьячих»⁷⁸. Перейдя на службу к Лжедмитрию II, в январе 1610 С.Заборовский был дьяком «воровского» Поместного приказа⁷⁹. В 1613 г. его отправили с посольством в Империю и Голландию известить о воцарении Михаила Федоровича⁸⁰. По возвращении из посольства в 1614 г., Семой Заборовский до 1619 г. исполнял различные поручения, не связанные с дипломатией⁸¹.

Жиневлев Тихон. Упоминается в качестве подьячего Посольского приказа в 1594 г.; имел годовой оклад 12 рублей⁸².

Жиневлев Михаил. Вероятно, брат Тихона Жиневлева. Упоминается в качестве подьячего Посольского приказа в 1594 г.; имел годовой оклад 10 рублей⁸³.

Григорьев Федор. Упоминается в качестве подьячего Посольского приказа в 1594 г.; имел оклад 18 рублей и 200 четей поместья⁸⁴.

Ильин Михаил. Упомянут в качестве подьячего Посольского приказа в 1597/98 г.⁸⁵

Палицын Петр. В качестве посольского подьячего упоминается в 1602 г., когда его назначили «в дьячье место» на размежевание русско-польской границы⁸⁶. Согласно списку 1604-1605 гг. имел оклад 400 четей и 40 рублей денежного жалованья⁸⁷. Возможно, он принадлежал к известному семейству Палицыных, попавших в опалу в 1587-1588 гг. как сторонники князей Шуйских. В этом случае объяснением его высокого положения в Посольском приказе (будучи в этом ведомстве новым человеком, он сразу упоминается в качестве «старого» подьячего, опережая «средних» подьячих, служивших в приказе не менее десяти лет) может быть его родовитость. Следует отметить также, что один из Палицыных — Иван — при Борисе Годунове служил в дьяках⁸⁸. На момент воцарения Лжедмитрия, П.Палицын был первым подьячим Посольского приказа, поскольку А.Иванов в это время находился с посольством в Грузии. После отъезда в Польшу А.И.Власева, когда во главе дипломатического ведомства был поставлен Иван Грамотин, Петру Палицыну было «велено быть в дьяцех»⁸⁹. По всей видимости, он стал дьяком Большого Дворца: в описи ар-

хива Посольского приказа 1626 г. была отмечена «роспись делам, что осталась в ящике Петра Палицына, как он взят ис подьячих во Дворец в дяки, 106-го, и 109-го, и 110-го, и 111-го годов»⁹⁰. Информации о дальнейшей карьере П.Палицына найти не удается.

Федоров Нечай (?). Упомянут в росписи подьячих, служивших в Посольском приказе при А.И.Власеве с окладом 400 четей и 40 рублей⁹¹. Однако, относительно его принадлежности к штату Посольского приказа возникают некоторые сомнения. В это же время в документах упоминается дьяк Нечай Федоров, служивший с Афанасием Власьевым в приказе Казанского Дворца (с 1596 г. по 1605 г.)⁹² В описи архива Посольского приказа имя Н.Федорова упоминается всего один раз (под 1599/1600 г.), причем он назван дьяком Казанского дворца⁹³. Не упоминается он и в текущей документации Посольского приказа. Это позволяет предположить, что Нечай Федоров был вписан в роспись посольских подьячих ошибочно.

Спиридонов Никифор. Впервые упоминается в документах в связи с его участием в «Великом посольстве» 1601-1602 гг. в Польшу⁹⁴; вероятно, в это время он уже был посольским подьячим. При А.И.Власеве его оклад составлял 400 четей поместья и 40 рублей денежного жалованья⁹⁵. В Посольском приказе Н. Спиридонов продолжал служить в царствование Лжедмитрия, и, возможно, в начале правления Василия Шуйского. В сентябре 1610 г. он уже числился подьячим Разрядного приказа и был отправлен в составе посольства под Смоленск к королю Сигизмунду. В первые годы царствования Михаила Романова Н.Спиридонов продолжал службу в Разряде (являясь первым по окладу подьячим). В 1620 г. он упоминается уже в качестве дьяка. Последние сведения о службе Никифора Спиридонова в дьяческом чине относятся к 1630 г.⁹⁶

Мартемьянов Семен. Служил в Посольском приказе при А.И.Власеве с окладом 25 рублей и 250 четей поместья⁹⁷.

Быков Мина. Служил в Посольском приказе в качестве подьячего и золотопищика в период «междущарствия» (в своей челобитной упоминал, что его снасть для «творения золота» сгорела во время пожара при поляках). В этой же челобитной М.Быков указал размер своего денежного оклада — 30 рублей⁹⁸ (С.Б.Веселовский ошибочно указывает оклад 16 рублей). Весной 1613 г. прорисовывал золотом государеву грамоту в Крым⁹⁹. 18 февраля 1614 г. Быков взял в Посольский приказ бархат для изготовления «книги о государевом поставленьи»¹⁰⁰. 1 декабря 1614 г. ему было выдано по его челобитью 2 рубля¹⁰¹. В 1616 г. его уже не было в дипломатическом ведомстве. В 1631-1634 гг. М.Быков упоминается как дьяк Приказа печатного книжного дела¹⁰².

Исленьев Василий. Среди документации Посольского приказа сохранилось дело, справленное им около февраля 1614 г.¹⁰³ В октябре 1614 г. В.Исленьев уже числился подьячим Разрядного приказа с окладом 40 рублей. Там же он продолжал службу до 1617 г.¹⁰⁴ Информации о службе Василия Исленьева до 1614 г. нет, однако высокий денежный оклад, с которым он был переведен в Разряд, позволяет утверждать, что он был одним из «старых» подьячих Посольского приказа.

Никифоров Наум. Около августа 1614 г. им была составлена кормовая роспись для пристава, сопровождавшего в Москву датское посольство. На

обороте росписи было отмечено: «Справил подьячей Наумко Никифоров»¹⁰⁵. В росписи подьячих 1616 г. подьячий Н.Никифоров не числился.

Домашнев Филат. Сохранилась его челобитная, в которой он указывает, что его перевели из Ямского приказа (где он служил с окладом 20 рублей) в Посольский в 7123 г. При этом он упоминает, что в Ямском приказе успел получить жалованье за первую половину 7123 г. (сентябрь 1614 г. – февраль 1615 г.)¹⁰⁶ Сохранилась запись от 8 июля 1615 г. о передаче из Посольского приказа в Ямской денег, за которыми был прислан подьячий Филатко¹⁰⁷ (вероятно, Димашнев). Таким образом, Ф.Димашнев был взят в Посольский приказ в июле – августе 1615 г. (до завершения 7123-го года). В списке посольских подьячих начала 1616 г. его имя не названо, следовательно, он прослужил в этом ведомстве не более года. Вероятно, Филат Димашнев был возвращен в Ямской приказ, где он упоминается в 1618–1626 гг.¹⁰⁸ К дипломатическим делам, однако, он привлекался и после этого. В марте 1618 г. он участвовал во встрече прибывших в Москву шведских послов уже в качестве подьячего Ямского приказа¹⁰⁹. В 1619/20 г. Ф.Домашнев сдавал полякам город Невель (по условиям Деулинского перемирия) и производил обмен пленных¹¹⁰.

Карпов Степан. Упоминается в документах 3 октября 1614 г., когда с ним была отправлена память в Разрядный приказ¹¹¹. 19 октября 1614 г. ему было выдано 2 рубля, 6 декабря – 1 рубль¹¹². Его оклад в Посольском приказе составлял 15 рублей¹¹³.

Великопольский Богдан. 19 октября 1614 г. получил в Посольском приказе два рубля¹¹⁴. Его годовой оклад был равен 13 рублям¹¹⁵.

Дрожжи Яков. Служил в Посольском приказе около 1614 г. с окладом 12 рублей¹¹⁶.

Гр... Иван (фамилия подьячего в его единственном сохранившемся автографе не читается). Им в Посольском приказе было справлено дело, относящееся к февралю 1615 г.¹¹⁷

Матюшкин Максим Григорьевич. Первое упоминание о нем относится к марту 1611 г., когда он был подьячим Приказа Холопьяго суда¹¹⁸. 27 сентября 1613 г. он упоминается как подьячий Посольского приказа, отправленный к ногайскому послу расспросить о целях его миссии и записать его речи¹¹⁹. Характер поручения, полученного Матюшкиным, позволяет предположить, что на этот момент он был «старым» подьячим. 27 ноября 1614 г. подьячий Матюшкин получил 6 рублей за поездку с поручением в Касимов¹²⁰. В мае 1615 г., во время приезда посланника ногайцев Казыева улуса, М.Матюшкин был при нем приставом и сопровождал до места приема¹²¹. В 1615/16 г. его имя упоминается в связи с тем, что в приказе «у подьячего у Максима Матюшкина из ящика, сорвав печать ево, украли государевых денег сто пятьдесят рублей»¹²². В 1615 г. Матюшкин бил челом о поверстании его поместьем в Нижегородском уезде, сообщив при этом, что не имеет ни чети поместья¹²³. В 1616 г. он имел денежный оклад 40 рублей и был верстан поместьем в 400 четей. Сохранилось дело, справленное М.Матюшкиным в январе 1618 г.¹²⁴ На обороте выписки об аудиенции, данной в мае 1618 г. шведским послам, сохранилась помета: «Писал Максимко»¹²⁵ (вероятно, Максим Матюшкин). Сохранилась информация о получении М.Матюшкиным праздничных денег 20 сентября 1618 г. (5 рублей), 11 декабря 1618 г., 21 декабря 1619 г., в январе 1620 г. и 14 августа

1620 г. (по 10 рублей). В декабре 1619 г. Матюшкин еще служил с прежним окладом, а к августу 1620 г. его жалование возросло до 45 рублей¹²⁶. По опубликованной С.А.Белокуровым росписи, при И.Т.Грамотине (около 1621 г.) Матюшкин числился первым подьячим с окладом 450 четей и 45 рублей¹²⁷. После смерти второго посольского дьяка Саввы Романчукова (в середине 1624 г.) М.Матюшкин стал вторым дьяком Посольского приказа и оставался на этой должности до 1641 г.¹²⁸

Шахов Алексей. Впервые упоминается в документах в марте 1604 г. в качестве подьячего Разрядного приказа¹²⁹. 11 марта 1615 г. он уже числился в Посольском приказе, где упоминается также 27 апреля и 16 июня того же года в связи с передачей им денег в другие ведомства¹³⁰. 26 июня 1615 г., он передал из Посольского приказа в Казну дорогие кушак и саблю¹³¹. Согласно списку 1616 г. А.Шахов был одним из «старых» подьячих с окладом 400 четей и 40 рублей годового денежного жалования¹³². Среди документов Посольского приказа сохранилось несколько дел (относящихся к 1615 г. — концу 1621 г.) с пометой «Правил Олешка Шахов»¹³³. Алексей Шахов продолжал служить в дипломатическом ведомстве и позднее: в документах имеются упоминания о получении А.Шаховым праздничных денег (а также «для бедности») 20 сентября 1618 г. (5 рублей), 11 декабря 1618 г., 21 декабря 1619 г., в январе 1620 г. и 14 августа 1620 г. (по 10 рублей)¹³⁴. 16 апреля 1619 г. А.Шахова посылали на подворье грузинского посла — «роспрашивать о его приезде»¹³⁵. В декабре 1619 г. Шахов еще имел прежний годовой денежный оклад (40 рублей), а в августе 1620 г. он упомянут уже с окладом 45 рублей¹³⁶. Тот же оклад указан в росписи подьячих начала 20-х гг. XVII в., опубликованной С.А.Белокуровым — 450 четей и 45 рублей. В 1624 г., когда М.Матюшкин был пожалован в дьяки, А.Шахов стал первым подьячим Посольского приказа с окладом 500 четей поместья и 50 рублей годового жалования¹³⁷. В описи архива Посольского приказа указывается, что подьячий Шахов имел в этом учреждении свой особый ящик, в котором хранились дела преимущественно дипломатического значения¹³⁸. В начале 1627 г., вскоре после ссылки судьи Посольского приказа Ивана Грамотина, подвергся опале и первый посольский подьячий Алексей Шахов, которого сослали в Уржум, где он служил до 1633 г.¹³⁹

Подольский Антон. Упоминается в Посольском приказе 8 ноября 1614 г., в связи с получением им второй половины его годового оклада — 16-ти рублей с полтиной¹⁴⁰. В марте 1615 г. он передал 756 рублей в Разрядный приказ¹⁴¹. В списке посольских подьячих 1616 г. он числился с прежним окладом 300 четей и 33 рубля¹⁴². Однако вскоре подьячий был переведен в Разрядный приказ; последнее упоминание о нем относится к 1626/27 г.¹⁴³

Лукин Яков. Начал службу в Посольском приказе во второй половине 1614 г.: 24 декабря 1614 г. ему был выдан его годового оклад — 20 рублей, причем сам Лукин в своей челобитной упоминал, что он взят в Посольский приказ «в нове»¹⁴⁴. 13 января 1615 г. ходил на подворье к персидскому гонцу составлять роспись его товаров¹⁴⁵. К этому же времени относится сохранившееся в «Описи 1626 г.» упоминание о том, что Я.Лукин расспрашивал в приказе персидского купца¹⁴⁶. В 1615 г. Лукин бил челом о наделении его помещьем в Нижегородском уезде, указав поместный оклад 250 четей и сообщив об отсутствии у него помещья¹⁴⁷. В октябре 1615 г. пере-

дал руководству приказа находившиеся у него переводы немецких грамот¹⁴⁸. По росписи 1616 г. он имел жалованье 300 четей поместья и 30 рублей годового оклада¹⁴⁹. Сохранилось дело, справленное Я.Лукиным в Посольском приказе в начале 1617 г.¹⁵⁰ Среди посольских подьячих 20-х гг. XVII в. его имя не встречается. Вероятно, Яков Лукин был переведен из Посольского приказа в другое ведомство. В марте 1618 г. в связи с приездом в Москву шведских послов Яков Лукин упоминается в качестве подьячего Казанского дворца с окладом 20 рублей¹⁵¹. В одном из столбцов Посольского приказа (за 1617-1619 гг.) оказалась вклеена роспись подьячих Челобитного приказа, среди которых был назван с окладом 25 рублей Яков Лукин; рядом с его именем на полях сделана пометка «умре»¹⁵². В январе 1620 г. «средний» подьячий Я. Лукин упомянут в качестве служащего приказа Казанского дворца¹⁵³. Возможно, данные сведения относятся к разным лицам, или же Я.Лукин за какую либо вину был переведен из Посольского приказа с сокращением денежного оклада. С.Б.Веселовский указывает, что Я.Лукин числился подьячим Челобитного приказа в 1638 г.¹⁵⁴

Никитин Третьяк Васильев. В 1570/71 г. был послухом у данной Троице-Сергиеву монастырю грамоты на вотчину в Ярославле. Подьячий Третьяк Никитин начал службу в Посольском приказе в 1612/13 г.¹⁵⁵ По росписи 1616 г. его оклад составлял 300 четей поместья и 30 рублей годового жалования (тот же оклад указан в декабре 1619 г.); в начале 20-х гг. XVII в. его оклад увеличился до 350 четей и 33 рублей (с оклад 33 рубля упомянут в августе 1620 г.)¹⁵⁶. Как и другие подьячие, Т.Никитин получал праздничные деньги: 20 сентября 1618 г. — 4 рубля, 11 декабря 1618 г. — 6 рублей, 21 декабря 1619 г., в январе и 14 августа 1620 г. — по 8 рублей¹⁵⁷. В 1619/20 г. подьячий Т.Никитин получил в Большом Приходе поденный корм за несколько месяцев для переводчика А.Петрова¹⁵⁸. Согласно описи архива Посольского приказа 1626 г., Т.Никитин продолжал службу в этом ведомстве в 1627 г. и имел в приказе свой ящик, в котором хранились документы, касавшиеся размежевания русско-шведской границы¹⁵⁹. В 1638 г. «за старость и службу» он был назначен дьяком и отправлен в Вологду, где находился до начала 1641 г. Приведенная С.Б.Веселовским информация о службе Т.Никитина в 1641-1652 гг. в Московском судном приказе и в Тобольске¹⁶⁰, вероятно, относится к другому лицу (поскольку человеку, бывшему послухом в 1570/71 г., к середине XVII в. должно было исполниться приблизительно 100 лет).

Реткин Федор Гаврилов. Впервые упоминается в источниках в качестве подьячего Посольского приказа в списке 1616 г. с окладом 200 четей поместья и 18 рублей¹⁶¹. В июне 1616 г. он переписывал «в лист» грамоту, отправленную с посольством в Империю¹⁶². В октябре 1618 г. — августе 1619 г. он находился в Швеции, куда был отправлен с жалобой на действия шведских межевых судей¹⁶³. По-видимому, участие в заграничной миссии стало причиной повышения его жалованья: в декабре 1619 г. его годовой оклад составлял уже 26 рублей. К августу 1620 г. жалованье Реткина было увеличено до 33-х рублей¹⁶⁴. В списке посольских подьячих начала 20-х гг. XVII в., опубликованном С.А.Белокуровым, Федор Реткин числится с несколько меньшим окладом 350 четей и 30 рублей¹⁶⁵. В Посольском приказе в 1618-20 гг. Ф.Реткин несколько раз получал праздничные деньги (от 4-х до 7-ми рублей)¹⁶⁶. В 1621/22 г. он выступал как третейский судья в иске

на переводчика Посольского приказа П.Вражского¹⁶⁷. В мае 1622 г. Ф.Реткин по-прежнему был посольским подьячим; в 1626/27 г. его, вероятно, уже не было в живых, поскольку его поместье в Белевском уезде в это время принадлежало его брату¹⁶⁸.

Никитин Алексей. До зачисления в штат Посольского приказа, вероятно, служил в приказе Владимирской четверти: подьячий с таким именем упоминается в 1611 г. в связи с его побегом из подмосковных полков Первого ополчения. В марте 1613 г. он являлся подьячим того же приказа¹⁶⁹, а после, видимо, был переведен в Посольский приказ. Сохранилась челобитная, в которой «Посольского приказа молодые подьячишка Олешка Никитин и Юшко Резанцов» просили о денежной выдаче; им дано было по два рубля¹⁷⁰. Первое точно датированное упоминание о А.Никитине как о подьячем Посольского приказа относится к 19 октября 1614 г., когда ему вместе с другими «молодыми» подьячими было выдано «для бедности» 2 рубля; в конце декабря 1614 г. А.Никитин переписывал грамоту в Новгород¹⁷¹. 20 января 1615 г. он вместе с немецким переводчиком участвовал в переводе немецкого письма¹⁷². В 1614/15 г. оклад А.Никитина составлял, как указывалось, 15 рублей¹⁷³; согласно росписи 1616 г. его жалованье выросло до 18 рублей, кроме того, он был поверстан 200 четей поместья¹⁷⁴. 8 февраля 1617 г. он ходил с памятью в Разрядный приказ¹⁷⁵. В Посольском приказе Алексей Никитин продолжал служить до 1620 г.: в декабре 1619 г. его оклад составлял 22 рубля, в августе 1620 г. — 25 рублей. Размер праздничных выплат, которые он получал в приказе в 1618-1620 гг., колебался от 3-х до 6-ти рублей¹⁷⁶. Упоминаний о его дальнейшей службе найти не удается — в списке посольских подьячих, числившихся в приказе в начале 20-х годов XVII в. (при Грамотине) его имя не названо.

Семенов Андрей. Числился в штате Посольского приказа уже в 1613 г., когда он был отправлен в составе посольства в Англию¹⁷⁷. До отправления за границу, по данным материалов Посольского приказа, он имел годовой оклад 15 рублей и не был верстан поместьем. По возвращении из посольства в ноябре 1614 г. он получил единовременное вознаграждение в размере 10-ти рублей, сукно, 2 рубля прибавки к денежному окладу, кроме того был поверстан 200 четей поместья¹⁷⁸. Уже в конце ноября 1614 г. Семенов переписывал присланную из-под Смоленска литовскую грамоту¹⁷⁹. В росписи посольских подьячих 1616 г. А.Семенов записан с окладом 200 четей и 18 рублей¹⁸⁰. 5 марта 1617 г. он ходил с памятями в Стрелецкий, Разрядный приказ и во Владимирскую четь¹⁸¹. В 1618-1619 гг. Андрей Семенов получал в Посольском приказе праздничные деньги (3-7 рублей). В декабре 1619 г. денежный оклад Семенова составлял 20 рублей. В конце 1619 — начале 1620 г. подьячий А.Семенов скончался (21 декабря 1619 г. он получил в приказе деньги, а в росписи выдачи денег на Рождество 1620 г. рядом с его именем была поставлена помета «умре»)¹⁸². Приведенная С.Б.Веселовским информация о службе А.Семенова в 1628/29-1630/31 гг. в качестве подьячего в Обездах в Москве¹⁸³ относится к другому лицу.

Львов Григорий Васильевич. Был взят в Посольский приказ в 1615/16 г. из Казани¹⁸⁴. В списке подьячих 1616 г. у Г.Львова указан оклад 200 четей поместья и 17 рублей годового денежного жалованья¹⁸⁵. С.А.Белокуров приводит выписку, согласно которой изначальный оклад Львова в Посольском приказе был выше: «в 128-м [1619/20 г.] году к прежнему окладу 20

рублям, как он верстан во 124-м [1615/16 г.] году, 5 рублей прибавлено»¹⁸⁶. С самого начала службы в дипломатическом ведомстве подьячий Львов получает ответственные поручения — на черновике царской грамоты в Любек от июня 1616 г. сохранилась помета: «В лист переписывал Гриша Львов»¹⁸⁷. В то же время им была переписана грамота, отправленная в Империю¹⁸⁸. Спустя год, в июне 1617 г. ему было приказано переписать царскую грамоту в Голландию — на ее черновом варианте сохранилась помета: «Писати в лист Григорью Лвову»¹⁸⁹. Подобного же рода задания подьячий Г.Львов получал и позднее: в своей челобитной он отмечал, что писал грамоты «во все окрестные государства... в лист мелким письмом»¹⁹⁰. Григорий Львов не назван среди посольских подьячих в декабре 1619 г. (возможно, его не было в Москве), но в январе и августе 1620 г. он упоминается в приказе в связи с получением им в приказе праздничных денег (по 6 рублей). В августе 1620 г. жалованье Г.Львова составляло 20 рублей¹⁹¹. Согласно приведенной С.А.Белокуровым выписке, вскоре оклад Г.Львова увеличился до 25 рублей (по своему окладу он относился с этого времени к «средним» подьячим). 20 сентября Г.Львовым из приказа Казанского Дворца в Посольский приказ было доставлено пять сороков соболей¹⁹². Около 1621 г. (по росписи посольских подьячих) размер жалованья Григория Львова вновь значительно вырос и составил 300 четей поместья и 30 рублей денежного жалованья¹⁹³. Согласно описи архива Посольского приказа 1626 г., у подьячего Г.Львова был свой ящик, в котором хранились различные документы (в т.ч. «книги государевы радости», содержавшие чин царских свадеб)¹⁹⁴. В 1637 г., после 22-х лет службы подьячим Посольского приказа Г.В.Львов был пожалован в дьяки и остался служить в дипломатическом ведомстве с окладом 100 рублей¹⁹⁵ в качестве третьего дьяка (кроме него в приказе служили на тот момент думной дьяк Ф.Ф.Лихачев и дьяк М.Г.Матюшкин). Одновременно с этим Львов упоминается как дьяк Новгородской чети и Печатного приказа¹⁹⁶. В 1641 г. Львов сделался вторым посольским дьяком, а 1 сентября 1643 г., в связи с переводом судьи Посольского приказа Лихачева в печатники, Григорий Львов был пожалован в думные дьяки и возглавлял дипломатическое ведомство вплоть до своей смерти на рубеже 1646-1647 гг.¹⁹⁷

Башмаков Арефа. В период «междоцарствия» был подьячим в Новгороде; в 1613 г. был отправлен в составе новгородского посольства в Швецию просить на царство королевича Карла — Филиппа; на обратном пути посольство было задержано в Пскове и 2 апреля 1614 г. под стражей доставлено в Москву¹⁹⁸. Вероятно, Башмаков был амнистирован и взят на службу в Посольский приказ — он упоминается в списке посольских подьячих 1616 г. с окладом 200 четей и 17 рублей¹⁹⁹. В июне 1616 г. переписывал «в лист» грамоту, отправленную с посольством в Империю²⁰⁰. В июле 1616 г. он ходил с отпиской в Стрелецкий приказ²⁰¹. 22 февраля 1617 г. он был послан из Посольского приказа на Казенный двор с росписью жалованья крымским гонцам²⁰². В сентябре 1618 г. А.Башмаков упоминается в документах уже как подьячий Нижегородской приказной избы²⁰³. В 1619/20-1621/22 гг. он был дозорщиком городов Романова и Серпухова²⁰⁴; в августе 1622 г. по поручению И.Т. Грамотина подьячий Башмаков отправился в Сибирь²⁰⁵. В 1629 г. Башмаков был подьячим Стрелецкого приказа; впоследствии, в 1643-1647 гг. он являлся дьяком Приказа Холопьяго суда²⁰⁶.

Юрий Рязанцев. По списку «молодых» посольских подьячих 1614/15 г. не был верстан поместьем и имел годовой денежный оклад 12 рублей²⁰⁷. Первое датированное упоминание о службе Ю.Рязанцева в Посольском приказе относится к 24 августа 1614 г., когда он был отправлен на подворье к крымским послам с росписью жалованья²⁰⁸. Вместе с подьячим А.Никитиным он подал челобитную, по которой ему было выдано 2 рубля²⁰⁹. 19 октября 1614 г. «для бедности» получил в Посольском приказе 2 рубля; 11 декабря того же года ему было выдано на корм 2 алтына; 12 декабря 1614 г. он получил кормовые деньги за участия в переписывании наказа русскому посольству в Речь Посполитую; в конце декабря 1614 г. Рязанцев переписывал грамоту в Новгород²¹⁰. В росписи 1616 г. Ю.Рязанцев числился уже с окладом 15 рублей²¹¹. К декабрю 1619 г. оклад Рязанцева возрос до 20-ти рублей; к августу 1620 г. — до 22-х рублей²¹². Тот же оклад (22 рубля и 250 четей поместья) указан в росписи подьячих, служивших в приказе при И.Т.Грамотине²¹³. Размер праздничных выплат Ю.Рязанцеву в 1618-20 гг. составлял 3-6 рублей (подьячий Рязанцев не назван среди служащих, получивших деньги на Рождество 1620 г., возможно, он выполнял какое-либо поручение за пределами столицы)²¹⁴. 20 сентября 1620 г. его послали на Москву-реку с заданием подобрать судно для персидского купца²¹⁵. В 1626 г. Ю.Рязанцев служил уже в Приказе Казанского дворца, а в 1633 г. он упоминается в качестве дьяка²¹⁶.

Дмитриев Кирилл. В 1616 г. имел оклад 11 рублей²¹⁷. В декабре 1619 г. его оклад в посольском приказе составлял по-прежнему 11 рублей, а к августу 1620 г. увеличился до 13-ти рублей. Размер праздничных выплат ему в 1619-1620 гг. составлял 3-4 рубля²¹⁸. В опубликованной С.А.Белокуровым росписи посольских подьячих начала 20-х гг. XVII в. Кирилл Дмитриев не назван.

Данилов Степан. В 1616 г. в Посольском приказе имел оклад 15 рублей²¹⁹.

Михайлов Григорий. В 1616 г. имел оклад 15 рублей²²⁰; в документах Посольского приказа конца 1616 г. имеется косвенное упоминание о нем: «...вышла из Великого Новгорода Посольского приказу подьячего Григорьева жена Михайлова»²²¹. Это позволяет предположить, что до перевода в Посольский приказ подьячий Г.Михайлов служил в Новгороде. Данная версия подтверждается текстом более поздней выписки, сделанной в Посольском приказе: «Новгородского подьячего Григорьева жене Михайлова за выход 5 рублей да сукно доброе»²²².

Ларионов Григорий. Справил в Посольском приказе дело, относящееся к началу 1617 г.²²³ Срок службы Г.Ларионова в Посольском приказе не мог быть продолжительным: с 1612 г. по октябрь 1616 г. он числился подьячим Разрядного приказа с довольно высоким денежным окладом — 33 рубля²²⁴. В апреле 1617 г. он вновь упоминается в Разрядном приказе, где ему было выдано жалованье за предыдущие полгода, при этом он упоминается с увеличенным денежным окладом — 35 рублей²²⁵. В дальнейшем Г.Ларионов продолжал службу в Разрядном приказе, но однажды был привлечен к дипломатической работе: в 1631 г. в чине дьяка он был отправлен с посольством в Голландию²²⁶.

Иванов Никита. До перевода в Посольский приказ служил в Новгородской четверти, где он упоминается в 1614/15 г. с окладом 5 рублей²²⁷. В 1618 г. он был взят в Посольский приказ²²⁸. В декабре 1619 г. его оклад в

Посольском приказе составлял 15 рублей, в августе 1620 г. — 16 рублей. Размер полученных им в 1619-1620 гг. праздничных выплат составлял 4-5 рублей²²⁹. В опубликованной С.А.Белокуровым росписи подьячих начала 20-х гг. XVII в. Н.Иванов назван с окладом 200 четей и 18 рублей²³⁰. В 1627 г. он был подьячим в Старой Руссе; в 1631 г. Никита Иванов упоминается как дьяк Каменного приказа²³¹.

Аникеев Влас. Был переведен в Посольский приказ из Приказа Большого прихода в 1619 г.²³², где его оклад составлял 14 рублей. В январе и августе 1620 г. он получил по 4 рубля праздничных денег. К августу 1620 г. годовое жалованье В. Аникеева было равно 16-ти рублям²³³. В списке подьячих начала 20-х годов указан тот же годовой оклад — 16 рублей и 200 четей поместья²³⁴; информацией о его дальнейшей службе мы не располагаем.

Горяинов Богдан. Был взят в 1619 г. из Большого прихода в Посольский приказ²³⁵ (в 1614 г. в Большом приходе упоминается подьячий Ждан Горяинов²³⁶ — возможно, Богдан Горяинов носил прозвище Ждан). До перевода в Посольский приказ Горяинов служил с окладом 12 рублей. В январе и августе 1620 г. он получил по 4 рубля праздничных денег. К августу 1620 г. годовое жалованье Б.Горяинова было равно 14-ти рублям²³⁷. В 1620/21 г. посольский подьячий Б.Горяинов бил челом на сторожа Посольского приказа М.Иванова в бесчестии, но дело не было завершено²³⁸. Годовой оклад Богдана Горяинова по росписи, опубликованной С.А.Белокуровым, составлял 200 четей и 14 рублей²³⁹.

Никитин Филипп. В 1619 г. был переведен в Посольский приказ из Печатного²⁴⁰. На 21 декабря 1619 г. Ф.Никитин еще не был верстан жалованьем в Посольском приказе, поскольку был взят «внове»; до перевода в дипломатическое ведомство он имел денежный оклад 15 рублей²⁴¹. В январе 1620 г. Ф.Никитин получил в Посольском приказе 5 рублей на Рождество; 14 августа 1620 г. он упомянут под именем Филипп Шишка уже с окладом 16 рублей (в этот день ему вновь было выдано 5 рублей праздничных денег)²⁴². По росписи подьячих, опубликованной С.А.Белокуровым, оклад Ф.Никитина в начале 20-х гг. составлял 200 четей и 16 рублей²⁴³.

Самсонов Михаил. Был взят в Посольский приказ в 1619 г. (к декабрю 1619 г. еще не был верстан окладом в этом ведомстве). До перевода в дипломатическое ведомство он имел оклад 15 рублей. В январе и августе 1620 г. он получил по 5 рублей праздничных денег; в августе 1620 г. его годовой денежный оклад составлял 20 рублей²⁴⁴. Согласно опубликованной С.А.Белокуровым росписи подьячих начала 20-х гг. XVII в., Максим Самсонов имел оклад 250 четей и 20 рублей²⁴⁵.

Неверов Михаил. «До московского разоренья» был подьячим Приказа Казанского дворца с окладом 200 четей поместья и 20 рублей; в 1612 г. он числился в Галицкой чети с окладом 25 рублей; в этом же приказе он продолжал службу в 1619 г.²⁴⁶ М.Неверов был привлечен к дипломатической работе еще до перевода в Посольский приказ: в 1615 г. он отправился с посольством в Голландию и Францию, откуда вернулся летом 1616 г.²⁴⁷ До отправления за границу оклад Неверова составлял по-прежнему 25 рублей и 250 четей поместья²⁴⁸. С.Б.Веселовский указывает, что вознаграждение за участие в посольстве Неверов получил лишь в 1619 г. — его денежный оклад был увеличен на 5 рублей — до 30 рублей²⁴⁹. Однако, в начале 1618 г.

Михаил Неверов уже упоминается в документах как подьячий с окладом 30 рублей²⁵⁰. Надо полагать, что жалованье Неверову было увеличено вскоре после возвращения из Франции, поскольку соответствующая челобитная рассматривалась по прибытии посольства в Россию²⁵¹. В 1619/20 г. М.Неверов, вероятно, еще не служил в Посольском приказе, поскольку в этом году он был дозорщиком Заволжской половины Ярославского уезда²⁵² (эти земли не были подведомственны ни Посольскому приказу, ни подчиненной ему Новгородской чети). В апреле 1619 г. Михаил Неверов упоминается еще как подьячий Галицкой чети²⁵³. В Посольский приказ Михаил Неверов был переведен, вероятно в 1621-1622 гг. В списке посольских подьячих, служивших в приказе при И.Т.Грамотине, Неверов был записан с увеличенным окладом — 350 четей и 35 рублей²⁵⁴. В Посольском приказе он оставался недолго — в 1623/24-1626/27 гг. М.Неверов упоминается как дозорщик Чаронды и Костромского уезда. В 1632 г. он был уже дьяком: в этом чине его отправили с посольством в Швецию. Дальнейшая его служба не была связана с дипломатией; последние упоминания М.Неверова в документах относятся к 1647 г.²⁵⁵

Приложение 3

Переводчики и толмачи Посольского приказа

А) Переводчики европейских языков.

Заборовский Яков, польский и латинский переводчик. В 1583/84 г. ездил с посольством в Империю¹. В 1597 г. упоминается как латинский толмач на переговорах с имперским послом в Москве². В 1599 г. с посольством А.И.Власьева выезжал в Империю³. В росписи латинских переводчиков (около 1613 г.) упоминается первым с наибольшим окладом — 500 четей поместья и 50 рублей⁴. В 1614-1615 гг. среди польских и латинских переводчиков уже не упомянут⁵.

Каменев Своитин Дмитриевич (Митрофанович), греческий переводчик. Упоминается в «Мемуарах из русской истории» Арсения Елассонского под именем «драгоман Константин Сфотий». А.Елассонский утверждал, что «Сфотий» владел греческим, русским, турецким, татарским и грузинским языками⁶ (последнее, однако, сомнительно, поскольку в Грузии русским послам приходилось прибегать к посредничеству грузинских священников, с которыми Каменев общался по-гречески⁷). На службу в Посольский приказ Каменев был взят около 1583-84 гг., поскольку в деле по его челобитной в феврале 1589 г. было записано, что «служит он государю в греческих в толмачех и в переводчиках шестой год». При зачислении в приказ ему был положен поместный оклад в размере 150-ти четей, но выделено лишь 100 четей⁸. В июне 1588 г. отправлен в Смоленск навстречу константинопольскому патриарху Иеремии⁹. По челобитной Каменева в феврале 1589 г. было принято решение об увеличении его оклада до 350-ти четей¹⁰. Возможно, придача к поместному окладу была получена С.Каменевым за выполнение функций пристава при патриархе. В октябре 1591 г. — феврале 1592 г. Своитин Каменев упоминается в качестве толмача при терновском митрополите Дионисии, которого он сопровождал из Москвы до Боровс-

ка¹¹. В мае 1604 г. — ноябре 1605 г. Каменев находился с посольством в Грузии, причем именовался и толмачом, и переводчиком; выполнял в посольстве ответственные поручения, в частности, ездил к картлинскому царю Юрию Симеоновичу на переговоры о заключении брака Федора Годунова с грузинской царевной¹², а также в Персию к шаху Аббасу и находившемуся при нем иверскому царю Александру¹³. В январе 1607 г. Василий Телепнев распространил С.Каменева о приехавшем в Россию грузинском царевиче Баграте¹⁴. В декабре 1616 г. — феврале 1617 г. был приставлен к приехавшему в Москву хивинскому послу¹⁵. Около 1617 г. выехавший из Грузии на российскую службу Иван Фатьянов предлагал удостоверить свою личность переводчику С.Каменеву, которого он знал с 1604-1605 гг.¹⁶ 4 января 1618 г. С.Каменев вместе с приставом сопровождал в Посольский приказ персидских послов; после отпуска персидских дипломатов Каменев вместе с ними и с приставом должен был ехать до Казани¹⁷. В 1620/21 г. был одним из поручителей при приеме на службу в приказ толмача А.Ракова¹⁸. 13 апреля 1621 г. Своитин Каменев был отправлен на подворье к грузинскому послу, которого он должен был сопровождать до Посольского приказа¹⁹. В 1622 г. Своитин Каменев записан первым в росписи переводчиков Посольского приказа с окладом 50 рублей; поместный оклад Каменева был равен 600 четей. Скончался в 1626/27 г.²⁰

Фомин Иван, английский, шотландский и «большого немецкого языку» переводчик. По происхождению — англичанин. В Англии, по всей видимости, носил фамилию Элмис: именно так (Иван Элмис) назвал его в своем письме от мая 1614 г. выехавший на службу в Россию англичанин Артур Астон²¹. В Посольский приказ на службу Иван Фомин поступил в возрасте 15-ти лет²². 24 февраля 1589 г. бил челом о поверстании поместьем. В челобитной И.Фомин сообщал, что ему указано быть «в толмачах и в переводчиках безотступно, а яз, ...русской грамоте, и агленской грамоте, и другую, немецкую, грамоту умею». В деле по челобитной указывалось, что до перехода на российскую службу Фомин «был в толмачех у тохтура у Романа»; при зачислении на службу ему был установлен оклад 200 четей поместья²³. По другим сведениям, первоначальный оклад И.Фомина составлял 15 рублей и 250 четей поместья²⁴. В 1589 г. И.Фомин бил челом на лекаря Клинерера²⁵. В 1601 г. Иван Фомин участвовал в следственном деле над Богданом Бельским (перевел по приказу А.Власьева письменные показания доктора Г.Юрьева)²⁶. Это свидетельствует о том, что к 1601 г. Фомин уже был переводчиком, т.е. осуществлял письменные переводы. В 1602/03 г. им была переведена английская грамота²⁷. По всей вероятности, именно он был «английским толмачом», которого католический миссионер Николай де Мелло, доставленный в начале царствования Василия Шуйского, обвинял в намеренном искажении его речей при переводе. Вследствие враждебности переводчика (протестанта и англичанина) к католику и испанцу де Мелло, последний был отправлен в ссылку в Ростов²⁸. В августе 1609 г. Фомин ходил на подворье к шведским ротмистрам, прибывшим в Москву²⁹. Во время осады Москвы ополчениями Иван Фомин находился либо в Кремле, либо в лагере Первого ополчения, поскольку позднее, в 1613 г. он доносил на ливонца Юрия Смита, описывая такие эпизоды из его биографии, как приход в Москву с войском Ходкевича в декабре 1611 г. и позднейший выход в таборы Дмитрия Трубецкого за пять недель до освобождения

дения столицы³⁰. Подобная осведомленность Ивана Фомина должна объясняться тем, что он был непосредственным свидетелем данных событий. 11 апреля 1613 г. он перевел английскую грамоту³¹. В 1613 г. его, вероятно, планировали отправить с грамотой во Францию — в «Описи архива Посольского приказа 1614 года» был отмечен «Наказ переводчику Ивану Фомину, послан был ко французскому Лодвику королю во 121-м году»³². По всей видимости, из-за разбоев на дороге Иван Фомин не успел прибыть в Архангельск до завершения навигации: в Архангельске он находился 30 ноября 1613 г., а затем был отозван в Москву (в письме от 27 мая 1614 г. его корреспондент, оставшийся в Архангельске, сетовал, что уже долго не получает от него писем)³³. Факт предполагавшейся посылки Фомина за границу в 1613 г. косвенно подтверждается тем, что 20 августа 1613 г. из Москвы в Ярославль была отправлена грамота с требованием прислать в столицу англичанина Ульяна Игнатьева, состоявшего в толмачах при английских наемниках, приехавших в Россию еще в 1612 г.³⁴ 8 июня 1614 г. Иван Фомин вместе с Еремеем Еремеевым перевел присланную изпод Смоленска грамоту³⁵; 24 июля того же года Фоминым была переведена грамота с английского языка³⁶. В 1613-1614 гг. его оклад составлял 35 рублей и 400 четей поместья³⁷; 31 августа 1614 г. Иван Фомин был отправлен в качестве гонца в Империю, где находился до мая 1617 г.³⁸ В 1615 г. И.Фомин был единственным в Посольском приказе человеком, знающим английский язык³⁹. 19 сентября 1617 г. переводил перехваченное шведское письмо⁴⁰. 9 ноября 1617 г. Иван Фомин ездил перед аудиенцией за английским послом Р.Свифтом; 19 декабря 1617 г. им была переведена шведская грамота⁴¹, а 3 января 1618 г. английская⁴². В апреле 1618 г. Иван Фомин был приставлен к английским гонцам; 6 июня Фомин перевел их челобитную об отпуске в Англию⁴³. 8 апреля, 3, 5, 6, 7 и 29 мая, 14 июня 1618 г. он переводил шведские грамоты⁴⁴; мае — июне 1618 г. И.Фомин был переводчиком при переговорах со шведскими дипломатами в Москве⁴⁵. 26 июня 1618 г. Ивана Фомина отправили на встречу шведским гонцам⁴⁶. 24 сентября 1618 г. перевел челобитную англичанина А.Астона, в 1619 г. — Т.Гилберта; 27 апреля 1619 г. им была переведена грамота английского короля⁴⁷. В 1619 г. его денежный оклад составлял 60 рублей и 650 четей поместья; кроме того, он получал по 6 алтын 4 деньги поденного корма⁴⁸. В 1621 г. ездил с миссией в Швецию, Данию, Мекленбург и Голштинию⁴⁹ и в связи с отъездом просил выдавать его поденный корм жене с детьми⁵⁰. За участие в посольстве Фомин получил прибавку к окладу который возрос после этого до 70 рублей и 700 четей⁵¹. В январе 1629 г. подал извет на переводчика Е.Еремеева, в связи с чем последний был уволен из приказа⁵². В 1629 г. Фомин получал 2 гривны поденного корма⁵³. В 1641 г. ездил в Данию приглашать в Россию датского королевича Вальдемара⁵⁴. В 1643/44 г. служил в Посольском приказе с годовым окладом 70 рублей и получал по 10 алтын поденного корма⁵⁵. Был женат (жена — Марья) и имел несколько детей (один из них — Иван — родился около 1613 г.)⁵⁶.

Англер Ганс (Ангеляр, Аncia Андреев), немецкий переводчик. Служил в Посольском приказе еще в 1594 г.⁵⁷ В 1601 г. участвовал в следственном деле над Богданом Бельским, допрашивая по приказу А.Власьева донесшего на Бельского доктора Г.Юрьева⁵⁸. В мае — июне 1604 г. был отправлен навстречу имперскому гонцу Б.Мерлу, сопровождал его до Мос-

квы, исполняя функции пристава⁵⁹. Исаак Масса упоминает его в «Кратком известии...», указывая, что он в 1604 г. был отправлен Борисом Годуновым в Швецию и Германию, и возможно, был задержан или казнен шведским королем⁶⁰. Отправившись в Империю в ноябре 1604 г., Англер был задержан на обратном пути шведскими властями под Ревелем 27 июля 1605 г., обвинен в шпионаже и доставлен в Стокгольм. В октябре 1605 г. шведы официально уведомили ивангородских воевод о его аресте. По данным В.И.Ульяновского, Англер был отпущен и прибыл в Москву еще при жизни Лжедмитрия, поскольку его имя встречается в списке убитых в Москве 17 мая 1606 г.⁶¹ Однако материалы делопроизводства Посольского приказа позволяют подтвердить информацию, приведенную И.Массой: сохранилась челобитная сына Анцы Англера — Андрея, который в 1616 г. бил челом о возвращении ему двора его отца (на Рождественской улице); в связи с этим в челобитной упоминалось: «И как... отец мой назад поехал от цесаря через Свицкую землю к Москве, и король Карлус отца моего засадил у себя в Свее, и там ему смерть учинилась в темнице»⁶². В 1608 г. в одной из своих грамот шведский король Карл IX сообщал в Москву, что отпустил вместе со своим гонцом слугу Ганса Ангелера⁶³. Анца Андреев был женат, после него осталось два сына и дочь⁶⁴. При царе Михаиле в Посольском приказе служил его сын Андрей Англер.

Арпов Ганс (Арков, Ганс Флорис Мип⁶⁵), немецкий толмач, переводчик. Упоминается в качестве толмача Посольского приказа в 1597 г. в связи с его неприглядным поведением: «Да слух дошел в Посольской приказ, что толмач Анца Арков ворует, пьет и с детми боярскими деретца, и государева сына боярского..., напився пьян, убил»⁶⁶. После этого Арпов продолжал служить в приказе при Борисе Годунове и Василии Шуйском. По его протекции в приказ был принят толмачом его свояк Г.Бракилев⁶⁷. 29 июня, 24 июля и 1 августа 1608 г. им были переведены четыре грамоты, присланные в Москву от шведского короля⁶⁸. По всей вероятности, Арпов был командирован к наемному войску генерала Я.Делагарди. В 1611 г. написал письмо жене из Выборга, сообщив, что ушел из Корелы (в связи с этим назван уже переводчиком)⁶⁹. После свержения Василия Шуйского Арпов перешел на шведскую службу и числился «корунным переводчиком» Густава-Адольфа. В выписке об окладах немецких переводчиков и толмачей, сделанной в 1613-1614 г., указан оклад А.Арпова — 25 рублей и 350 четей поместья⁷⁰ (вероятно, это его оклад при Василии Шуйском, в начале правления царя Михаила в Москве, возможно, еще не знали о его переходе на шведскую службу). В России Арпова считали изменником (послы, отправленные в 1615 г. на съезд со шведскими дипломатами, должны были протестовать против его возможного присутствия на переговорах)⁷¹. Косвенное упоминание об Арпове относится к 1617 г. — возвращавшийся из Империи гонец узнал, что некий голландский купец похитил жену А.Арпова⁷². В 1618 г. обслуживал со шведской стороны русско-шведские переговоры в Стокгольме⁷³.

Еремеев Петр, немецкий переводчик. В мае 1601 г. — толмач, послан с лошадей навстречу датскому гонцу⁷⁴. 24 декабря 1606 г. его поместный оклад был равен 250 четей (реально владел 100 четей в Ярославском уезде). В 1609/10 г. поместный оклад П.Еремеева был увеличен до 350 четей. В

октябре 1611 г. числился немецким переводчиком и бил челом о пожаловании поместья в Ярославском уезде⁷⁵.

Томасов Павел, немецкий, шведский и голландский переводчик, шотландский толмач. Впервые упомянут в мае 1601 г., когда он, будучи толмачом, был назначен приставом при датском гонце Н.Ириконе⁷⁶. По всей видимости, он продолжал службу в Посольском приказе и в дальнейшем, поскольку позднее его расспрашивали о голландском купце, приехавшем в Москву около 1607 г. В январе 1615 г. был приставлен к выехавшим на российскую службу англичанам⁷⁷. В марте 1615 г. Павел Томасов упоминается уже в качестве немецкого переводчика⁷⁸. Предположение о том, что П.Томасов был не только немецким переводчиком, но и шотландским толмачом, основывается на следующих соображениях. В январе 1615 г. на переговорах с английским послом русские дипломаты сообщили, что в их распоряжении имеется шотландский (шкотцкий) толмач⁷⁹. Томасов же 24 июня 1617 г. присутствовал в Посольском приказе при получении жалованья вдовой шотландского капитана⁸⁰. В 1616/17 г. в качестве шотландского толмача упоминался также Д.Вицкин, однако последний в начале 1615 г. находился при войске и не мог быть привлечен к переговорам с английским послом⁸¹. В марте 1615 г. Павел Томасов был отправлен в Новгород с английским послом Дж.Мерриком на переговоры со шведами и в начале сентября 1615 г. был отправлен последним с отпиской в Москву⁸². 4 декабря 1615 г. Томасов был отправлен в качестве пристава сопровождать голландского гонца к месту русско-шведских переговоров; в дальнейшем он находился при голландских послах, посредничавших на переговорах в Дедерино. Его вклад в это время составлял 30 рублей⁸³. 7 апреля 1616 г. Томасов был отправлен в Дмитров встречать едущего в Москву шведского гонца, у которого он был приставом⁸⁴. 12 декабря 1616 г. им была переведена грамота «с свейского и с неметцкого писма»⁸⁵. В 1617 г. П.Томасов был отправлен с посольством князя Ф.Борятинского в Швецию⁸⁶.

Елизарьев Тарас, греческий переводчик. 25 июня 1604 г. «подлинная грамота отдана греческому переводчику Тарасу Елизарьеву к греческим грамотам»⁸⁷. По-видимому, Т.Елизарьев продолжал службу в Посольском приказе в начале 1607 г.: 7 января 1607 г. памяти из Посольского приказа в приказ Казанского дворца и на Новый Земской двор были отправлены «з греческим с Тарасом»⁸⁸ (вероятно — с греческим переводчиком Т.Елизарьевым).

Северов Олферий, шведский переводчик. Немец, уроженец Немецкой слободы в Москве, где еще в начале царствования Михаила Федоровича жили его мать и братья⁸⁹. 18 августа 1604 г. перевел грамоту Борису Годуну от шведского короля Карла IX⁹⁰. Упоминается в августе 1609 г. в связи с тем, что его предполагали отправить из Москвы к М.В.Скопину-Шуйскому для перевода в общении со шведскими наемниками⁹¹. Вероятно, он был прикомандирован к корпусу генерала Делагарди, а после свержения Василия Шуйского перешел на шведскую службу, поскольку в 1615 г. он находился в оккупированном шведами Новгороде и выполнял поручения Э.Горна⁹².

Еремеев Еремей, переводчик «большого немецкого языку» и голландский, вероятно — немец. В октябре 1604 г. отправлен в качестве толмача в Углич к шведскому королевичу Густаву⁹³. В августе 1608 г. толмач, отправ-

лен на Белоозеро с грамотами от польских послов к польским пленным⁹⁴. Возможно, он служил в Посольском приказе и раньше, т.к. в марте 1615 г. его расспрашивали о голландском купце, приехавшем в Россию «за 4 года до московского разоренья», т.е. около 1607 г.⁹⁵ В августе 1612 г. Е.Еремеев уже как переводчик был отправлен в качестве гонца с грамотой от Д.М.Пожарского к императору Рудольфу⁹⁶. После аудиенции у императора Матвея в Праге Еремеева отпустили назад через германские земли, а далее морским путем. Всю зиму 1612/13 г. Еремеев прожил в Гамбурге⁹⁷. К июню 1613 г. он еще не возвратился в Россию (о чем было сказано в наказе русским послам, отправленным в Империю летом 1613 г.)⁹⁸ 9 и 29 декабря 1613 г. в Москве им были переведены перехваченные шведские письма⁹⁹. Первоначальный оклад Е.Еремеева как переводчика был равен 20 рублям и 300 четей поместья¹⁰⁰. 15 февраля, 8 июня, 25 июля 1614 г. им были переведены присланные в Москву немецкие и шведские грамоты¹⁰¹. 27 октября 1614 г. ему было выдано 5 рублей и 28 алтын, предназначенных на реставрацию захоронения датского королевича Иоганна¹⁰². 20 января 1615 г. Еремей Еремеев переводил присланную в Посольский приказ от английского посла грамоту на немецком языке¹⁰³; 1 и 12 октября переведил перехваченные шведские письма¹⁰⁴. В ноябре 1615 г. Е.Еремеев ездил с грамотами под Смоленск, присутствовал при переговорах российских дипломатов с имперским посланником и 24 ноября привез в Москву грамоту от него; по возвращении в Москву расспрошен в Посольском приказе П.Третьяковым¹⁰⁵. Уже 28 ноября 1615 г. он получил новое поручение: сопровождать из Волока в Москву гонца от голландских посредников в Дедерино; в Москве Еремеев был приставом у этого гонца, причем сопровождал его и на аудиенцию, осуществляя перевод перед государем¹⁰⁶; это позволяет предположить, что Е.Еремеев владел голландским языком. 11 и 18 февраля 1616 г. Еремеев упоминается как пристав при голландских и английском гонцах¹⁰⁷. 28 марта 1616 г. Е.Еремеев ездил на подворье к голландскому посланнику и сопровождал его в Посольский приказ¹⁰⁸. В 1617 г. его планировали отправить с посольством в Швецию, но не сделали этого по причине его болезни¹⁰⁹. 6 октября 1617 г. им была переведена присланная от датского короля грамота¹¹⁰. В марте 1618 г. ему было поручено ездить с приставами на подворье к шведским послам¹¹¹. 5 и 23 марта, 11 апреля, 5 и 29 мая, 3 июня 1618 г. Еремеев переводил шведские грамоты¹¹². 20 июня 1618 г. его отправили встречать шведских гонцов, но 28 июня отозвали в Москву¹¹³. 7 августа 1618 г. Еремеев ездил на подворье к английским гонцам и сопровождал их в Кремль¹¹⁴. 16 июля 1619 г. он был отправлен в качестве гонца в Данию (его оклад на момент отправления составлял 40 рублей и 500 четей поместья)¹¹⁵. В 1622 г. его оклад в Посольском приказе был равен 45 рублям¹¹⁶ (прибавка к жалованью была им получена за поездку в Данию; помимо того, за поездку в Данию он получил также 50 четей поместья)¹¹⁷. В 1621-1622 гг. Еремеев вновь ездил в Данию в составе российского посольства, после чего его оклад был увеличен до 50 рублей и 550 четей¹¹⁸. В 1623/24 г. он был переводчиком в Новгороде Великом¹¹⁹. В 1626 г. вместе с Е.Павловым ездил в прибалтийские владения Швеции, причем они перевезли через границу частные письма немцев, живших в России. За это в 1626 г. Е.Еремеев подвергся недельному тюремному заключению. 27 января 1629 г. по извету переводчика И.Фомина

по этому же делу отставлен из Посольского приказа и переведен на службу в Иноземский приказ: царь указал «переводчика Еремея Еремеева отослать в Иноземский приказ и служить ему...с иноземцы, а в Посольском приказе в переводчикех быти не велел». Оклад Еремеева в Посольском приказе к концу его службы составлял 550 четей поместья и 45 рублей¹²⁰.

Павлов Елисей, немецкий переводчик. Несмотря на активное привлечение его к переговорам со шведами, шведским языком Павлов не владел, о чем сам сообщил в челобитьи 1617 г.¹²¹ Впервые упоминается в ноябре 1606 г. как переводчик в Пскове (перевел грамоты, присланные из Любека)¹²². Вероятно, вскоре после этого он был взят в Москву в Посольский приказ, поскольку его, как и П.Томасова и Е.Еремеева, расспрашивали о голландском купце, приехавшем в Москву около 1607 г.¹²³ О том, что Елисей Павлов был взят в Посольский приказ «до московского разоренья», свидетельствует следующий факт: в 1613-1614 гг. его жалованье в Посольском приказе составляло 20 рублей и 300 четей поместья¹²⁴; в то же время из более поздней выписки известно, что первоначальный оклад Е.Павлова в Посольском приказе был равен 15-ти рублям и 250 четей поместья¹²⁵. Следовательно, в дипломатическое ведомство Е.Павлов был зачислен еще до избрания царем Михаила Романова. Первое датированное упоминание документов о службе Е.Павлова в Посольском приказе относится к 10 мая 1614 г., когда его отправили с грамотой под Новгород к князю Д.Т.Трубецкому¹²⁶. 20 октября 1614 г. «за новгородскую службу и за рану» к его денежному окладу (на тот момент он был равен уже 22-м рублям) было велено прибавить 8 рублей¹²⁷, т.е. его годовой оклад возрос до 30-ти рублей. Вероятно, Елисей Павлов принял участие в боях со шведами, оккупировавшими Новгород. Прибавленные к окладу 8 рублей были выданы Павлову 14 ноября 1614 г.¹²⁸ В марте 1615 г. Елисея Павлова расспрашивали в Посольском приказе о миссии английского посла Дж.Меррика¹²⁹. В то же время он получил денежный оклад за первую половину 7123 [1614/15] года и был отправлен на переговоры со шведами в составе свиты английского посредника — Дж.Меррика¹³⁰. В 1615-1616 гг. Е.Павлов обслуживал русско-шведские переговоры в Дедерино, за что получил прибавку к окладу в размере 5 рублей и 50 четей поместья¹³¹. В декабре 1615 г. бил челом о материальном вспоможении; около того же времени написал письмо переводчику Т. фон Немену, назвав последнего своим кумом и братом¹³². В 1617 г. его отправили в Голландию¹³³. Около этого времени его годовой оклад уже равнялся 35 рублям и 350 четей поместья¹³⁴. В 1617-1618 гг. он находился с посольством Ф.Борятинского в Швеции, за что к окладу 35 рублей и 450 четей получил прибавку — 5 рублей и 50 четей поместья¹³⁵, после чего его оклад составил 40 рублей и 500 четей поместья¹³⁶. В январе 1620 г. переводчик Елисей Павлов был послан к датскому гонцу на последний стан перед Москвой с предписанием сопровождать его в столицу; по приезде гонца в Москву Павлову было велено жить у него на подворье «для береженья»¹³⁷. В том же году он получал поденный корм за находившегося в отъезде переводчика А.Петрова¹³⁸. В списке переводчиков 1622 г. Павлов не назван, однако, он продолжал службу в Посольском приказе: в 1621 г. Е.Павлов был с посольством в Дании¹³⁹, вследствие чего получил, по установленному порядку, жалованье за два года вперед, и поэтому не был внесен в список 1622 г. За участие в посольстве в Данию получил прибавку

к жалованью в размере 5 рублей и 50 четей поместья¹⁴⁰. В 1623 г. Е.Павлов ездил в качестве гонца в Швецию, за что к прежнему окладу 40 рублей получил прибавку в 5 рублей¹⁴¹. В 1626 г. вместе с Е.Еремеевым привлекался к следствию в связи с перевозом ими в шведские владения писем иноземцев и был на неделю заключен в тюрьму¹⁴². В 1628/29 г. продолжал службу в Посольском приказе с окладом 50 рублей; послан на службу в Новгород¹⁴³. В 1632 г. Е.Павлов ездил в составе посольства в Данию, за что к прежнему окладу (50 рублей и 550 четей) получил прибавку в 10 рублей и 50 четей¹⁴⁴.

Выбор Роман, шведский переводчик. О его службе в Посольском приказе известно лишь по пометам на грамотах шведского короля Карла IX, которые были переведены 29 июня, 24 июля и 1 августа 1608 г. переводчиками А.Арповым и Р.Выбором¹⁴⁵.

Иванов Бажен, французский переводчик. Был вывезен из Империи А.И.Власьевым, жил у него, а затем у М.И.Татищева. В августе 1609 г. приехал в Москву в качестве толмача со шведскими наемниками, бил челом о принятии на службу в Посольский приказ переводчиком французского языка; отпущен с наемниками к М.В.Скопину-Шуйскому, но был обязан вернуться в Москву и приступить к работе в Посольском приказе: «И мы того толмача опять с ними отпустили для того, что у них толмачей французских нет опроче него. А наше жалованье тому толмачю дано, и то ему сказано, что ему вперед быти в переводчикех в Посольском приказе, и сам он о том бил челом»¹⁴⁶. По всей вероятности, Б.Иванов продолжал службу при наемниках генерала Делгарди, а после свержения Василия Шуйского перешел на шведскую службу: в 1615 г. он находился в оккупированном шведами Новгороде в распоряжении Э.Горна¹⁴⁷.

Юрьев Михаил, немецкий переводчик. Служил в Посольском приказе уже в 1606/07 г., поскольку относительно грамоты, присланной в это время из Швеции, сохранилась запись: «А перевод с тое грамоты писмо немецкого переводчика Михайла Юрьева»¹⁴⁸. В августе 1609 г. ходил с жалованьем на подворье к шведским ротмистрам¹⁴⁹.

Якушевский Юрий, польский и немецкий переводчик. По национальности, вероятно, поляк (немецкую грамоту сначала перевел на польский, а с польского на русский). Состоял переводчиком при Втором ополчении уже в начале августа 1612 г.¹⁵⁰ В 1613 г. бил челом о выдаче ему жалованья (сказав себе оклад 100 рублей), но получил лишь 10 рублей¹⁵¹. В сентябре 1613 г. направлен в качестве переводчика в войско князя Д.Т.Трубецкого с окладом 30 рублей¹⁵². В расходных книгах Разрядного приказа указывается, что в 1613/14 г. ему было выдано 30 рублей¹⁵³. В октябре 1614 г. Ю.Якушевский умер «на государеве службе под Смоленском»; его вдове Акулине было выдано 10 рублей¹⁵⁴.

Миколаев Дмитрий, немецкий переводчик. В 1613-1614 гг. ездил в Данию с посольством. До посольства он имел годовой оклад 20 рублей¹⁵⁵. Жалованье было ему выплачено вперед на 1613/14 г., «для того, что на 121 год государеве жалованье дано ему до тое посылки»¹⁵⁶. Последнее указание позволяет предположить, что на момент отправления в Данию (лето 1613 г.) Д.Миколаев успел выслужить в Посольском приказе около года. По возвращении жалованье Миколаева увеличилось до 25 рублей, кроме того, его поверстали поместьем в размере 450 четей¹⁵⁷. Информация о его

дальнейшей службе отсутствует; возможно, он был отчислен из Посольского приказа за недостойное поведение за границей: говорил, что «на Москве государя... выбирали черные люди, а лутчие — бояре, и дворяне, и служилые люди хотели швейского королевича»; «пил ежеден бес просвету, и с королевским переводчиком у них драки бывали часто, в одну пору мало и ножевины не было»¹⁵⁸.

фон Немен (Фаномин) Тимофей, немецкий переводчик. Активное участие Немена в русско-шведских переговорах позволяет предположить, что он владел также и шведским языком, однако в нашем распоряжении есть прямые указания, свидетельствующие об обратном: Немен перевел грамоту на немецком языке, а шведскую грамоту перевести не сумел, и она была отослана для перевода в Москву¹⁵⁹. Возможно, Немен мог осуществлять лишь устный перевод со шведского языка. Немен начал службу в Посольском приказе уже в 1613 г., когда он ездил в Империю в составе посольства С.Ушакова и С.Заборовского¹⁶⁰. В 1615/16 г. его отправили с князем Д.И.Мезецким на русско-шведский посольский съезд, где он был прикомандирован к голландским послам, выступавшим посредниками на переговорах¹⁶¹. На тот момент фон Немен уже был женат и получал гривну поденного корма в день, а поместья не имел¹⁶². В мае 1617 г. он был отправлен на размежевание русско-шведской границы; его годовой оклад в это время был равен 20 рублям¹⁶³. 5 июня 1617 г. им было переведено перехваченное шведское письмо¹⁶⁴. В 1617/18 г. Т. фон Немен ездил с грамотой в Империю, за что получил прибавку к прежнему окладу — 6 рублей и 50 четей поместья¹⁶⁵. 26 июня 1618 г. фон Немен был послан встречать шведских гонцов¹⁶⁶. 15 июля 1618 г. он отправлен в Швецию к находившимся там русским послам¹⁶⁷. Годовой денежный оклад Немена к тому моменту был равен 25 рублям (по другим данным — 20 рублей) и 450 четей поместья (но реального поместья он не получил)¹⁶⁸. Таким образом, фон Немен начал службу в Посольском приказе с окладом 14 рублей. По возвращении из Швеции жалованье Т. фон Немена было значительно увеличено — на 10 рублей и 100 четей; поденный корм его составлял 3 алтына и 2 деньги (в 1620/21 г. поденный корм ему был увеличен до 5 алтын)¹⁶⁹; летом 1619 г. его оклад был равен 35-ти рублям и 550 четей поместья¹⁷⁰. 30 сентября 1619 г. Тимофей фон Немен был отправлен «до государева указу» на службу в качестве переводчика в Новгород¹⁷¹. В 1622 г. его оклад в Посольском приказе оставался прежним — 35 рублей¹⁷². В 1623 г. его отправили в качестве переводчика с рудознатцами¹⁷³. В 1623/24 г. он был переводчиком в Новгороде¹⁷⁴.

Гвоздинский Федор, латинский (и, вероятно, польский) переводчик. Упоминается в росписи переводчиков около 1613-1614 гг. с окладом 40 рублей и 500 четей поместья¹⁷⁵. Около 1615 г. его уже не было в приказе¹⁷⁶.

Итрот Андрей, латинский (и, вероятно, польский) переводчик. Упоминается в росписи переводчиков около 1613-1614 гг. с окладом 35 рублей и 400 четей поместья¹⁷⁷. Около 1615 г. его уже не было в приказе¹⁷⁸.

Лешинский Тимофей (или Иван), польский и латинский переводчик. Упоминается в росписи переводчиков около 1613-1614 гг. с окладом 30 рублей и 400 четей поместья¹⁷⁹. 6 декабря 1614 г. получил по челобитной 2 рубля¹⁸⁰. Около 1615 г. продолжал службу в Посольском приказе, имея поденный корм 5 алтын и 2 деньги¹⁸¹. В 1615-1616 гг. бил челом о наделе-

нии его помещьем в Нижегородском уезде – селом Слободским, указывая, что не имеет ни одной чети помещья¹⁸².

Луцкий Тимофей, польский и латинский переводчик. Упоминается в росписи переводчиков около 1613-1614 гг. с окладом 30 рублей и 400 четей помещья¹⁸³. 13 ноября 1614 г. ему было выдано «для бедности» 5 рублей¹⁸⁴. Около 1615 г. его поденный корм в Посольском приказе составлял 5 алтын и 2 деньги¹⁸⁵. В 1615-1616 гг. вместе с Лещинским бил челом о наделении помещьем в Нижегородском уезде, указывая на отсутствие у него поместных дач¹⁸⁶. 12 января 1617 г. послан с грамотой в Ярославль¹⁸⁷. 12 апреля 1617 г. им была переведена с польского языка поданная в приказ челобитная¹⁸⁸. Среди переводчиков, служивших в Посольском приказе в 1622 г., его имя не упоминается.

Садовский Василий, латинский (и, вероятно, польский) переводчик. Упоминается в росписи переводчиков около 1613-1614 гг. с окладом 40 рублей и 500 четей помещья¹⁸⁹. Около 1615 г. его уже не было в приказе¹⁹⁰.

Мозолевский Федор, польский и латинский переводчик, пленный поляк. В своей челобитной около 1617 г. он упоминал: «Взят я, холоп твой, в Московское государство под Кашыном, и ты меня, холопа своего, пожаловал, велел мне быти у своего государева дела в Посольском приказе у польских и латынских переводов, и служу я...тебе, государю, в Посольском приказе пятой год...». В России Мозолевский в скором времени перешел в православие и женился¹⁹¹; к 1617 г. он уже имел двоих детей, в связи с чем просил увеличить ему «поденный корм»¹⁹². В Посольский приказ он был взят около 1614 г., когда там уже числились Заборовский, Гвоздинский, Садовский, Итрот, Лещинский и Луцкий¹⁹³. При зачислении в приказ Мозолевскому был положен оклад 35 рублей и 450 четей помещья, на строительство дома ему выделили 15 рублей¹⁹⁴. При этом в 1617 г. он сообщал в своей челобитной, что не имеет ни чети помещья¹⁹⁵. Это позволяет предположить, что определение поместного оклада ему было лишь формальным. 6 декабря 1614 г. Мозолевский в Посольском приказе уже участвовал в переводе присланных из под Смоленска польских грамот; 20 декабря получил по челобитью 5 рублей¹⁹⁶. Около 1615 г. он получал также поденного корма 5 алтын и 2 деньги (такой размер поденного корма был установлен для него с женой и их слугой в 1614/15 г.)¹⁹⁷. 24 ноября 1615 г. он вместе с другими переводчиками переводил с латинского языка грамоту, присланную из-под Смоленска¹⁹⁸. В 1622 г. Ф.Мозолевский продолжал службу в Посольском приказе с годовым окладом 40 рублей¹⁹⁹.

Мануйлов Мануил, немецкий, французский и итальянский переводчик. Выходец из Империи, взят на службу в Посольский приказ в 1614 г. Сохранилась выписка, в которой сообщается: «Во 123-м году взяты в Посольской приказ в переводчики французской италиянской переводчик Мануйло Мануйлов... А.Мануйло Мануйлов выехал к государю из Цесарские земли»²⁰⁰. Поденный корм, который получал М.Мануйлов с женой и с тремя слугами, составлял 6 алтын 4 деньги²⁰¹. В январе 1615 г. он состоял приставом в Москве при голландском после И.Массе²⁰². 5 июня 1617 г. перевел перехваченное шведское письмо²⁰³. В сентябре 1617 г. М.Мануйлов сопровождал в Посольский приказ английского гонца Р.Свифта²⁰⁴. 22 июня 1618 г. по челобитью английских купцов М.Мануйлов был выселен со своего двора на Рождественской улице, так

как не возвратил занятых 130 рублей²⁰⁵. Вероятно, продолжал служить в приказе до 1620/21 г., когда размер его поденного корма был выписан «в пример»²⁰⁶.

Осеев (Евсеев) Александр, польский, латинский и немецкий переводчик. Впервые упоминается в документах в качестве немецкого переводчика 16 декабря 1614 г., когда его отправили с грамотой к приставу, сопровождавшему в Москву английских послов²⁰⁷. 26 января 1615 г. отправился с английским дворянином Т.Смитом до Осташкова²⁰⁸. Около 1615 г. получал поденного корма 2 алтына и бил челом об увеличении его размера²⁰⁹. В ноябре 1615 г. был отправлен с русской делегацией на переговоры под Смоленск, где перевел грамоты имперского посла. Достоверность перевода вызвала сомнение в Москве²¹⁰. Вскоре после этого А.Осеев бежал к полякам: в конце 1615 г. русские послы сообщали в Москву, что «перевотчик Александро, что изменил государю, ныне в Смоленску...»²¹¹.

Англер Андрей (Анелеров, Анцын, Андрюшка Иванов), немецкий и шведский переводчик, сын переводчика Анцы Англера. На момент гибели отца в шведском плену (около 1605 г.) Андрей Англер был ребенком и жил в Москве с матерью, братом и сестрой. После сожжения поляками Москвы семейство Англеров бежало в Холмогоры. В 1615 г. Андрей Англер возвратился в Москву и был прикомандирован к английскому послу Дж.Меррику и в марте 1615 г. отправился с ним ко двору шведского короля. В челобитной он указывал, что его зачислили в Посольский приказ в 1615 г.²¹² Однако в мае 1616 г. Андрей Англер еще не был зачислен в Посольский приказ, поскольку в связи с его челобитной о возвращении ему отцовского двора его именуют «немчином», а не переводчиком²¹³. Обслуживал русско-шведские переговоры в Дедерино и Столбово в 1615-1617 гг.²¹⁴ В мае 1617 г. его отправили на межеванье русско-шведской границы, его оклад был равен в это время 15 рублям²¹⁵. Ему была выдана подорожная от 28 июля 1617 г. до места русско-шведского посольского съезда (причем он ошибочно был назван Андреем Авцыным (вероятно – Анцын). Англер ездил с отпиской от межевальщиков в Москву, а затем, 22 февраля 1618 г., был вновь послан на границу²¹⁶. В 1617-1618 гг. А.Англер служил в Посольском приказе с окладом 15 рублей, 250 четей поместья (но поместья не получил); его поденный корм составлял 10 денег в день. По его челобитной поденный корм был ему увеличен до 2 алтын²¹⁷. Летом 1619 г. оклад А.Англера составлял 20 рублей²¹⁸. 3 января 1620 г. он встречал ехавшего в Москву шведского посланника²¹⁹. В списке переводчиков 1622 г. он не значится, поскольку в 1621 г. находился в составе посольства в Англии. По возвращении в Москву получил к прежнему окладу (20 рублей) 5 рублей придачи²²⁰. В качестве переводчика Посольского приказа упоминается в 1623 г.²²¹ В том же году отправился в качестве гонца в Швецию; по возвращении ему было прибавлено к окладу еще 10 рублей и 100 четей к прежнему (300 четей) поместному окладу²²². В 1629 г. получал 5 алтын поденного корма²²³. Скончался в 1637 г. (сохранилась челобитная его вдовы Кристины от мая 1637 г.); оклад Англера на момент смерти составлял 50 рублей, он получал 2 гривны поденного корма²²⁴.

Петров Андрей, шведский переводчик. По национальности – швед, русским языком практически не владел²²⁵. О его жизни до поступления на службу в приказ известно следующее: «Ондрей Петров приехал в Московс-

кое государство из Сvei при царе Василье, и как Москву литовские люди разорили, и он сидел в Москве. А как Москву очистили, и государь на государстве учинился, и он бил челом в Посольской приказ в переводчики». В 1614/15 г. он был зачислен в Посольский приказ²²⁶. Первоначальный оклад Андрея Петрова в Посольском приказе составлял 22 рубля и 400 четей поместья; ему выдавалось также 3 алтына и 2 деньги поденного корма²²⁷. В 1615-1617 гг. он обслуживал русско-шведские переговоры в Дедерино и Столбово, за что получил прибавку к окладу — 8 рублей и 100 четей поместья²²⁸. В ноябре 1615 г. бил челом на служилого немчина А.Тинмана, оскорбившего его жену; около этого же времени вместе с переводчиком Е.Павловым подал челобитную, прося о финансовом вспоможении²²⁹. В 1617 г. А.Петров отправился в Швецию с посольством князя Ф.Барятинского, 11 декабря 1618 г. отправлен возвращавшимися послами с отписками из Новгорода в Москву (куда прибыл 25 декабря)²³⁰. По возвращении из Швеции около 1619 г. его оклад был равен 30 рублям и 400 четей²³¹. 15 марта 1619 г. он был отправлен на размежевание русско-шведской границы²³². В 1621/22 г. получил на строительство дома 15 рублей²³³. В Посольском приказе переводчик А.Петров продолжал службу и в 1622 г. (в это время его годовой оклад был снижен и равнялся 24-м рублям)²³⁴. В 1622/23 г. он был переводчиком в Новгороде²³⁵.

Яковлев Виберх Олферий (Олоф, Вульф), шведский, датский и немецкий переводчик. По происхождению — пленный швед. Сохранилась запись, согласно которой «Вульф Яковлев взят в Посольской приказ в переводчики ис полонеников» в 1614/15 г.²³⁶ В поданной в 1616 г. шведами росписи шведских пленных было указано, что Яковлев жил на дворе у переводчика Е.Еремеева²³⁶; в дальнейшей ему было выделено 15 рублей «на дворовое строение»²³⁸. Первоначальный оклад В.Яковлева в Посольском приказе составлял 20 рублей и 250 четей поместья²³⁹. При зачислении в приказ ему был установлен размер поденного корма — 2 алтына в день; позднее он бил челом об увеличении этой выплаты)²⁴⁰. Размер поденного корма, получаемого Яковлевым, возрос до 5 алтын и 2 денег²⁴¹. 19 сентября 1617 г. переводил перехваченное шведское письмо²⁴². В 1617 г. он был единственным квалифицированным переводчиком шведского языка в Посольском приказе — о нем было сказано: «А свейского языку переводчиков и толмачей в Посольском приказе oprичь Вульфа нет, и его в Свее посылать нельзя — взят в языцех, да и в Посольском приказе без него нельзя»²⁴³. 3 мая 1618 г. перевел верительную грамоту шведским послам²⁴⁴. 5 и 23 марта, 8 и 11 апреля, 5, 6, 29 мая, 14 июня, 30 июля 1618 г. он переводил в Посольском приказе шведские грамоты²⁴⁵. Когда в 1618 г. шведские дипломаты потребовали отпустить Яковлева на родину, он отказался возвратиться в Швецию, выразив желание продолжить службу в России²⁴⁶. К лету 1619 г. денежный оклад О. Яковлева составлял 30 рублей²⁴⁷. В августе 1619 г. В.Яковлева было велено испоместить «где он приишет», согласно его поместному окладу — 350 четей. Приблизительно в это же время он просил выплатить ему задолженность по поденному корму, который не выдавался ему в течение 4-х месяцев, а также упоминал, что ему не было выдано причитавшихся ему 10-ти рублей на Пасху²⁴⁸. 11 апреля 1620 г. он бил челом о наделении его поместьем под Москвой. По этой челобитной Яковлева было велено поверстать 50-ю четей подмосковного поместья²⁴⁹.

За службу в Посольском приказе О.Яковлев был поверстан поместьями в Углицком уезде²⁵⁰. В 1622 г. имел годовой оклад 35 рублей²⁵¹. В 1632 г. ездил с посольством в Данию, а в 1633 г. вошел в состав российского посольства в Швецию, в связи с чем его прежний оклад (35 рублей и 550 четей) был увеличен на 10 рублей и 100 четей²⁵². Продолжал служить в Посольском приказе в 1643/44 г. с годовым окладом 52 рубля²⁵³.

Селунский Иван Дмитриевич, греческий переводчик. Впервые упоминается в Посольском приказе в качестве переводчика и толмача в декабре 1615 г. — январе 1616 г., когда он осуществлял курьерские функции между Москвой и Смоленском²⁵⁴. 31 января 1616 г. его отправили с грамотой к русским послам в Дедерино, причем Селунский был назван толмачом; вернулся с отпиской 13 февраля²⁵⁵. В июле 1616 г. вместе с гонцом Г.Веревкиным был отправлен в Грузию, но их миссия была остановлена в Казани и возвращена в Москву²⁵⁶. В 1622 г. Иван Селунский числился в Посольском приказе в качестве греческого переводчика с годовым окладом 35 рублей (в 1623 г. — 36 рублей)²⁵⁷. Кроме того, получал хлебное жалованье в размере 15 четей²⁵⁸. Упоминается в Посольском приказе в 1629 г.²⁵⁹ В 1616-1618 гг. в Посольском приказе в толмачах служил его сын Григорий.

Вилимов Вилим, немецкий толмач, переводчик. Впервые упоминается как служащий Посольского приказа 11 ноября 1616 г., когда его отправили с грамотой к русским послам на съезд в Столбово²⁶⁰. 3 января 1617 г. с ним была послана грамота в Ярославль²⁶¹. 29 января 1617 г. он ходил с памятью в Разрядный приказ²⁶². В качестве толмача и переводчика Вилимов был отправлен с грамотой в Англию к русским послам в ноябре 1617 г.²⁶³ По своему окладу он относился к толмачам: 12 рублей, 15 четей хлебного жалованья, помещаем не верстан; после поездки в Англию получил 3 рубля прибавки к годовому окладу²⁶⁴. В декабре 1618 г. выехал в составе российской миссии в Швецию в качестве толмача с окладом 15 рублей. За участие в миссии получил прибавку к окладу — 3 рубля²⁶⁵. В 1619-20 гг. Вилимов упомянут уже как шведский переводчик²⁶⁶. В 1620/21 г. вместо хлебного жалованья получал по 10 денег поденного корма в Большом Приходе²⁶⁷. В 1622 г. числился в Посольском приказе уже переводчиком с окладом 21 рубль²⁶⁸. В 1622/23 г. В.Вилимов был переводчиком в Новгороде. Его поместный оклад к этому времени составлял 250 четей²⁶⁹. В.Вилимов продолжал служить в Посольском приказе в 1643/44 г. с прежним годовым окладом 21 рубль; ему выдавали также гривну поденного корма²⁷⁰.

Бук Арент (Ари), немецкий и шведский переводчик. По происхождению — швед. Принадлежал к шведскому торговому семейству, перешедшему в российское подданство (членов этой фамилии именовали «московскими торговыми немчинами»). Первые упоминания о семействе Бук в России относятся к 1613 г.²⁷¹ А.Бук служил в войске Я.Делагарди и был временно взят в переводчики для обслуживания шведской делегации на переговорах в Дедерино, где начал поставлять секретную информацию русским послам. В декабре 1615 г. — январе 1616 г. он уже вел переговоры о своем «выходе на государево имя». По словам шведских перебежчиков, причиной его перехода на российскую службу стало то, что шведские послы поставили его ниже переводчика А.Бракилева²⁷². 8 февраля 1616 г.

А.Бук бежал к русским послам²⁷³. Сначала он был отправлен на поселение в Казань. В марте 1618 г. шведа А.Бука было велено прислать из Казани в Москву в связи с приездом шведского посольства. В мае 1618 г. он переводил верительную грамоту шведских послов²⁷⁴; тогда же, вероятно, был зачислен в Посольский приказ с окладом 40 рублей и 500 четей поместья; кроме того, ему выдавалось 6 алтын 4 деньги поденного корма в день²⁷⁵; на строительство дома ему было выдано 25 рублей²⁷⁶. 29 мая, 3 июня, 30 июля 1618 г. в Посольском приказе им были переведены шведские грамоты²⁷⁷. В качестве шведского переводчика Арент Бук упомянут 4 марта 1619 г.²⁷⁸ 22 июня 1619 г. он ходил на подворье к датскому гонцу и прислал в Посольский приказ его «расспросные речи»²⁷⁹ (т.е. ему поручили расспросить гонца о цели его визита). К этому времени оклад А.Бука составлял 40 рублей²⁸⁰. Среди переводчиков, служивших в Посольском приказе в 1622 г. А.Бук не назван.

Кучин Игнатий Андреевич, немецкий и шведский переводчик. Суздальский сын боярский. В 1603 г., в возрасте 11-ти лет, по указу Бориса Годунова был отправлен с любекскими послами «в Цесарскую землю для наученья цесарского языку и грамоте». По истечении восьми лет, овладев немецким языком, отправился в Данию и научился также датскому языку. После этого И.Кучин попытался вернуться в Россию, но был задержан в Ревеле (около 1611 г.) шведами, был определен в «стольники» у короля Карла IX. В Швеции ему пришлось прожить около семи лет (за это время Кучин овладел также и шведским языком). В Швеции И.Кучин женился (на русской пленнице) и получил поместье. Вероятно, в Швеции Кучин служил переводчиком у короля Густава-Адольфа (в документе 1615 г. упоминается шведский «корунный переводчик» Афанасий Кучин²⁸¹). Во время пребывания в Швеции российского посольства князя Ф.Борятинского, Кучин был по его просьбе «отпрошен» в Россию. По возвращении в Москву, Игнатий Кучин подал челобитную о зачислении в переводчики Посольского приказа и был принят с окладом 35 рублей и 500 четей поместья²⁸². Таким образом, Игнатий Кучин был единственным из «робят», отправленных при Борисе Годунове за границу для изучения иностранных языков, вернувшимся в Россию. В июле 1619 г. он числился в переводчиках с тем же окладом — 35 рублей²⁸³. В декабре 1619 г. он ходил с памятями в Большой приход и в Кабацкий приказ²⁸⁴; 7 января 1620 г. И.Кучин вместе с приставом встречал под Москвой датского гонца²⁸⁵. В 1620 г. он получал поденный корм за отсутствовавшего В.Вилимова²⁸⁶. Кучин продолжал службу в Посольском приказе и в 1622 г. с прежним денежным окладом²⁸⁷. В 1623-1624 гг. ездил в качестве гонца в Данию, за что в 1625 г. получил прибавку к прежнему окладу — 5 рублей и 50 четей²⁸⁸. В 1629 г. получал две гривны поденного корма, в 1630 г. экзаменовал кандидата на зачисление в переводчики Посольского приказа²⁸⁹. В 1630-1631 гг. находился в составе посольства в Швеции, по возвращении получил прибавку в размере 10 рублей и 50 четей поместного оклада²⁹⁰. Скончался весной 1633 г.²⁹¹.

Б) Переводчики азиатских языков.

Степанов Вельямин, татарский переводчик, сын боярский. Упоминается в Посольском приказе в 1592-1597 гг. в связи с приездами в Москву персидских послов²⁹². В январе 1594 г. присутствовал при переговорах казашс-

кого посла Кулмагмета со служилым царевичем Ураз-Магметом; в марте 1595 г. отправлен в качестве гонца с грамотой к казашскому хану Тевкелю²⁹³. В 1602/03 гг. ходил на подворье к крымским послам²⁹⁴. В более поздней справке указывалось, что В.Степанов служил в Посольском приказе «до московского разоренья» и имел под Москвой 100 четей поместья²⁹⁵.

Девлетев Амир, татарский переводчик. Первое обнаруженное упоминание о нем относится к 25 апреля 1604 г., когда он был отправлен из Посольского приказа с памятью²⁹⁶. 24 апреля 1607 г. ходил с памятью в Разрядный приказ²⁹⁷. 22 марта 1610 г. находился на подворье у ногайских послов²⁹⁸.

Монаев (Томонаев, Тонаев сын Мононаев, Молонаев) Суналей, «Посольского приказа турецкой и крымской переводчик». Впервые упомянут как переводчик «Суналей Анаев» в июле 1611 г. в составе I-го ополчения (его планировали отправить в Рязань со С.Ушаковым на переговоры с ногайскими мурзами)²⁹⁹. С.Монаев служил в Посольском приказе уже в 1613 г., в первые месяцы царствования Михаила Федоровича, и получил поместье в Боровском уезде³⁰⁰. В 1614–1615 гг. находился в Крыму с посольством Г.К.Волконского³⁰¹; на тот момент его годовой оклад составлял 40 рублей³⁰². Татары с похвалой отзывались о его уровне владения языком³⁰³. В июне 1618 г. был отправлен с посольством С.Хрущова в Крым³⁰⁴, захвачен в плен запорожцами под Ельцом³⁰⁵ и отпущен под Калугой после заключения Деулинского перемирия³⁰⁶. 23 мая 1620 г. был в Москве приставом при калмыцких послах³⁰⁷. Продолжал служить в Посольском приказе в 1622 г. с прежним окладом 40 рублей³⁰⁸; в 1622/23 г. ездил в составе посольства в Крым, за что получил пять рублей прибавки к годовому окладу³⁰⁹.

Нагаев Миллота, татарский переводчик. В 1612/13 г. «взят он с Романова ко государеву делу в Посольский приказ в тотарские переводчики». Годовой денежный оклад его составлял 50 рублей, кроме того, получал 5 алтын поденного корма³¹⁰. Формально поместный оклад М.Нагаева был равен 500 четей³¹¹, однако в 1616 г. он бил челом о наделении поместьем: «А твоево царского жалованья за мною, холопом твоим, поместейца нет ни одной чети, з женишком и з детишками скитаюся меж двор четвертой год»³¹². В октябре 1614 г. послан с грамотами и кормовой росписью вслед за И.Оладуровым, посланным встречать турецкого посланника; оставался с ним в Воронеже³¹³. В октябре 1615 г. с К.Кильдяевым перевел на татарский язык роспись подарков татарским гонцам³¹⁴. В мае 1616 г. М.Нагаев был отправлен в Крым с грамотой к посланнику Ф.Челюсткину; 5 января 1617 г. отпущен с грамотой и с гонцом Апсеметом-Халифой в Россию и вернулся в Москву 18 февраля 1617 г.³¹⁵. В мае 1618 г. был отправлен с посольством в Персию, где и скончался (по другим сведениям, умер по возвращении в Москву)³¹⁶.

Черментьев Василий, татарский переводчик. Татарин Кадомского уезда. В 1613 г. «сидит у государева дела в Посольском приказе у татарского переводу»³¹⁷.

Вражский Прокофий Иванович, татарский переводчик. Астраханский жилец, «переводчишко тотарским грамотам и языком» в Астрахани, племянник Третьяка Кашкарова. В ноябре 1604 г. «астраханской жилец сын боярской» П.Вражский ездил с посланником Б. Молвяниновым приглашать на переговоры в Астрахань ногайского князя Иштерека³¹⁸. После

восстания в Астрахани в 1606-1608 гг. — переводчик у воеводы Ф.Ше-
реметева, который неоднократно посылал его в Ногайскую Орду³¹⁹. В свя-
зи со своими частыми поездками в Ногаи, Вражский приобрел большой
опыт работы в этом направлении российской дипломатии: в 1608 г. воево-
ды писали в Москву: «А Прокофья, государь, Враского посылали мы, хо-
лопы твои, в Ногаи, потому что Иштерек-князь, и все мурзы, и улусные
люди его знают»³²⁰. Летом 1608 г. воеводы отправили П.Вражского в Моск-
ву «для нагайских дел роспросу»³²¹. По всей видимости, в связи событиями
Смуты, Вражский оставался в Москве до марта 1610 г., когда он был по-
слан из Москвы в Большие Ногаи с просьбой помощи против поляков³²²;
в июне — сентябре 1610 г. он находился в Орде и просил от имени Василия
Шуйского помощи против изменников, осадивших Москву (т.е.
«тушинцев», поскольку на момент отправления Вражского в Ногаи Тушин-
ский лагерь еще не распался). В описи 127 фонда РГАДА («Сношения Рос-
сии с ногайским татарами») время пребывания Вражского у князя Иштере-
ка ошибочно отнесено к 1611 г.; та же ошибка была допущена при публи-
кации соответствующего дела (Ф. 127. Оп. 1. Д. 1. (1611 г.)) в «Актах вре-
мени междоусобия»³²³. В 1612 г. дворянин П.Вражский был вновь от-
правлен в Ногайскую Орду — от «Совета всяя земли»: в наказе гонцу в
Польшу Д.Оладыну от февраля — марта 1613 г. было записано, что Враж-
ский ездил от бояр к ногаям и вернулся с их послами³²⁴. «После московско-
го разоренья» П.Вражский был взят переводчиком в Посольский приказ и
был верстан 100 четей поместья под Москвой³²⁵. В приказ Вражский был
зачислен, вероятно, в начале 1614 г.: в январе 1614 г. он еще упоминается в
приказной документации как казанский жилец³²⁶, а в апреле 1614 г. — уже
как переводчик³²⁷. В январе 1615 г. П.Вражский вместе с подьячим
Я.Лукиным расспрашивал в приказе персидского купца³²⁸, что позволяет
предположить, что Вражский владел и персидским языком (кроме того,
позднее, в 1643 г. он экзаменовал толмачей, разговаривая с ними, в том
числе, и на персидском языке)³²⁹. В мае 1615 г. перевел в приказе ногайс-
кую грамоту и ездил под Серпухов с выговором к пришедшим набегом
ногайцам³³⁰ 13 августа 1615 г. отправлен от царя к персидскому посланни-
ку Булат-беку в Посольский приказ³³¹. 4 марта 1617 г. П.Вражский ходил
на подворье к крымским гонцам³³², а в ноябре того же года — к персидс-
ким с заданием записать их речи³³³; в апреле — июне 1617 г. П.И.Вражский
был приставлен к монгольским послам — сопровождал их в Посольский
приказ и на аудиенции³³⁴; 29 мая 1617 г. ему была передана для перевода
на татарский язык грамота к монгольскому хану³³⁵. Вражского хорошо зна-
ли в Ногайской Орде, и в июне 1617 г. один из приближенных князя Иш-
терека прислал ему письмо³³⁶. 24 июня 1618 г. был отправлен в Ногайскую
Орду с требованием прислать людей на помощь против Польши; его оклад
на тот момент составлял 100 рублей³³⁷. 11 января 1620 г. был отправлен для
расспросов на подворье к монгольским и киргизским послам³³⁸. В 1620 г.
он экзаменовал при приеме в толмачи Т.Труфанова³³⁹. Упоминается в По-
сольском приказе П.Вражский и позднее, в 1621-25 гг.³⁴⁰ В 1640 и 1643 гг.
он экзаменовал кандидатов на зачисление в толмачи Посольского прика-
за³⁴¹. Согласно тексту «Боярской книги 1639 года» дворянин П.И.Вражский
в 1628/29 г. имел поместный оклад 1000 четей и 150 рублей; скончался
Прокофий Вражский 16 сентября 1643 г.³⁴²

Андреев Семен, татарский переводчик. В качестве переводчика упоминается 21 сентября 1614 г., когда его послали в Воронеж для сопровождения в Москву находившихся там купцов³⁴³. В ноябре 1614 г. С.Андреев был приставлен к кумыцкому послу Томулдуку³⁴⁴. Позднее, в том же 1614 г., он отправлен с Р.Бузовлевым в Казыев улус; 21 мая 1615 г. отправлен из Серпухова в Москву вместе с ногайским посланником³⁴⁵; упоминается в качестве пристава при этом посланнике³⁴⁶. В июне 1615 г. переводчик С.Андреев был отправлен навстречу возвращавшемуся из Персии российскому посольству³⁴⁷. В августе 1615 г. отправлен в Крым с грамотой и с крымскими гонцами (в столбце назван толмачом)³⁴⁸. 7 октября 1615 г. приехал в Крым; возвратился в Москву 4 января 1616 г. Татары считали его лучшим из московских переводчиков — мурза Бек-ага говорил русскому посланнику: «Да отпиши де Исаак к государю своему о том, чтоб государь присылал к Джанбек-Гирею царю толмачей таких, что Семейка Ондреев, да такова, что летось был, Сюнчалеем зовут, только де ещо Семен ево говорит чище, а которые толмачи по-нашему не умеют говорити, таких бы государь к царю немых в Крым не присылал»³⁴⁹. В 1616 г. в качестве переводчика отправился с посланником Ф.Левонтьевым в Персию; его жалованье на тот момент составляло 35 рублей и 400 четей поместья. По возвращении из посольства получил прибавку к окладу — 3 рубля и 50 четей поместья. В январе 1620 г. переводчик С.Андреев был приставом при калмыцких, киргизских и монгольских послах³⁵⁰; в июле 1620 г. — при черкесском мурзе³⁵¹. С окладом 38 рублей С.Андреев продолжал службу в приказе в 1623 г.³⁵²

Сарбогозин (Сабрузин) Байгозя (Байгилдей, Аббагазы), татарский, арабский и персидский переводчик Посольского приказа. Вероятно, был взят на службу в Посольский приказ из Казани в начале 1614 г. — в грамоте из Посольского приказа в Казань от января 1614 г. было написано: «велено вам сыскати татарина Аббагазыя, а умеет тот татарин фарсовскому языку. А сыскав и обнадежа ево нашим жалованьем, велено ево прислати к нам к Москве»³⁵³. Упоминается в поручной записи по астраханскому татарину от октября 1614 г.³⁵⁴ 5 ноября 1614 г. ему было выдано 2 рубля «для бедности»³⁵⁵. Других упоминаний о нем обнаружить не удастся. Вероятно, к январю 1615 г. он уже не служил в Посольском приказе, поскольку для распросов к персидскому посланнику в январе 1615 г. отправили не его, а татарского переводчика П.Вражского³⁵⁶.

Кутумов Курманай (Курманалей), татарский переводчик. Упоминается в Посольском приказе не раньше начала 1614 г., когда на службу уже был взят Вражский. Имел поместный оклад 550 четей и просил дать ему поместье под Москвой — «...а которые де ево братья переводчики живут с ним вместе у государева дела, и те де государевым жалованьем — подмосковным окладом — верстаны». По челобитной ему было велено прибавить 50 четей под Москвой³⁵⁷. В июне 1615 г. он был отправлен навстречу возвращавшемуся из Персии посольству³⁵⁸. В апреле 1617 г. его планировали послать с грамотой в Валуyki, но не сделали этого³⁵⁹. В июне 1618 г. в документах Посольского приказа упоминается, что в Крыму с А.Лодыженским находится переводчик Курманалей³⁶⁰.

Устокасимов (Стокосимов) Резеп Кучуков сын, татарский и, вероятно, турецкий переводчик. Сын турецкого переводчика Кучука Устокасимова,

служившего в Посольском приказе в конце XVI века (сохранилась его челобитная, относящаяся к 1588 г.)³⁶¹. В 1615 г. Резеп Устокасимов был включен в состав посольства в Турцию, его оклад на тот момент составлял 35 рублей³⁶². Однако, в июне 1616 г., доехав с посольством до Азова, Устокасимов был отозван в Москву³⁶³. Упомянут в марте – июле 1617 г. в связи с его отправлением навстречу турецкому послу³⁶⁴.

Кильдяров (Китляев) Иван (Курманалей), татарский толмач и переводчик. В октябре 1615 г. вместе с переводчиком М.Нагаевым перевел на татарский язык роспись подарков крымским гонцам³⁶⁵. В 1615 г. находился в качестве переводчика в Крыму с посольством И.Спешнева и Б.Нестерова; 28 ноября 1616 г. с Б.Нестеровым и крымским гонцом Аллаш-богатырем отправился в Москву, а 26 января 1616 г. был отправлен вперед с отпиской в Посольский приказ (в столбце был назван толмачом)³⁶⁶. В 1617 г. отправился вновь в качестве переводчика в Крым с посланником А.Лодыженским, который послал его с отпиской в Москву³⁶⁷. 25 сентября 1617 г. он привез грамоту в Новгород³⁶⁸; 23 января 1618 г. И.Кильдярова отправили с грамотой из Москвы в Можайск, причем он вновь был назван толмачом, а не переводчиком³⁶⁹. Возможно, Кильдяров был разжалован из переводчиков в толмачи после критического отзыва Бек-аги о квалификации русских переводчиков³⁷⁰, поскольку на тот момент в Крыму находился именно И.Кильдяров, и критика должна была быть обращена прежде всего на него.

Искелев Сунчалей, «фарсовской и арапской» переводчик. В 1622 г. служил в Посольском приказе с окладом 35 рублей³⁷¹.

В) Толмачи европейских языков.

Огарков Софон, греческий толмач. Впервые упоминается как толмач 8 сентября 1602 г., когда он был отправлен с памятью из Посольского приказа³⁷². По всей вероятности, продолжал служить в приказе на протяжении всего Смутного времени. 12 марта 1614 г. он был послан с грамотой к воеводе И.Н. Одоевскому, шедшему с войском на Астрахань³⁷³; 30 ноября 1614 г. в Вологду была послана из Москвы грамота с требованием немедленно прислать в Посольский приказ С.Огаркова: «Писано от нас к вам многжды, а велено вам прислати греческаго толмача Софона Огаркова, а отпущен он с Москвы с вологодским архиепископом не на долгое время. И он ныне на Вологде зажился..., а у нас ныне зашли дела греческие многие, а переводчика греческаго нет»³⁷⁴. Интересно, что в данном случае С.Огарков назван и толмачом (вместо зачеркнутого «переводчика») и переводчиком. 19 марта 1615 г. толмач Огарков выехал с грамотами в Тверь и Осташков³⁷⁵, 8 августа 1615 г. с ним была отправлена память в приказ Большого Дворца³⁷⁶. 2 ноября 1616 г. им была привезена отписка от русских послов из-под Смоленска³⁷⁷. 10 февраля 1617 г. с ним была отправлена память в Разрядный приказ³⁷⁸. 27 августа 1617 г. Огарков привез грамоту в Архангельск, откуда вернулся с отпиской 5 октября³⁷⁹. 21 февраля 1618 г. отправлен с памятью из Посольского приказа в Ямской³⁸⁰, а 10 мая – в Разрядный³⁸¹. В мае 1618 г. С.Огарков отправился с посольством в Персию, где и скончался³⁸². К концу своей службы в Посольском приказе (1618 г.) он имел жалованье в размере 18 рублей, 300 четей поместья и 15 четей хлебного жалованья³⁸³.

Корокольский (Крапольский) Григорий, шведский толмач. Впервые упоминается в Посольском приказе в 1595 г., когда он участвовал в размежевании русско-шведской границы; его годовой оклад был равен 15 рублям³⁸⁴. 8 ноября 1607 г. он упомянут в связи с приездом в Москву шведского гонца³⁸⁵. Летом 1608 г., после прихода под Москву войск Лжедмитрия II, отправлен в северные города с грамотами для сбора ратных людей против самозванца, о чем упоминается в «Повести о некоей брани»³⁸⁶. Григорий Корокольский упоминается в составленной в Посольском приказе около 1613-1614 гг. росписи немецких толмачей с окладом 20 рублей и 350 четей поместья³⁸⁷; неизвестно, продолжал ли он службу в это время, поскольку в той же росписи назван переводчик А.Арпов, перешедший около 1610 г. на шведскую службу.

Бракилев Ганс, немецкий толмач и переводчик. Немец, уроженец Немецкой слободы в Москве, свояк и ученик переводчика А.Арпова. До зачисления в Посольский приказ был, по отзыву российских дипломатов, «самой последней худой убогой человек, и знать его было некому, кормился питишком, корчму держал, всем про то ведомо»³⁸⁸. По протекции А.Арпова при Василии Шуйском Бракилев был зачислен в Посольский приказ толмачом³⁸⁹. Зачисление Бракилева в приказ произошло не позднее 1609 г., поскольку в Посольском приказе хранился «Список з договорные записи, что дал в Колязине Карло Олсон..., а письмо рукою Анцы Брякилева». Указанный договор был подписан 27 августа 1609 г.³⁹⁰ Вероятно, как и Арпов, Бракилев был прикомандирован к корпусу генерала Делагарди и перешел на шведскую службу. В апреле 1615 г. он участвовал со шведской стороны в размене пленных³⁹¹; в 1615 г. он находился в оккупированном шведами Новгороде и именвал себя «корунным переводчиком». Русские послы, отправленные на съезд в Дедерино, должны были протестовать против его присутствия на переговорах. Голландские посредники на переговорах сообщали в Москву, что они не желают общаться с приставленным к ним шведами переводчиком А.Бракилевым, поскольку узнали о его измене России. По сведениям новгородцев, в Швеции были невысокого мнения о способностях Бракилева: «а которые ты грамоты переводишь, да посылают х королю, и переводчики там прямые за то тебя лают»³⁹². Тем не менее, Бракилев обслуживал со шведской стороны переговоры в Дедерино и Столбово³⁹³, а в 1618 г. он был отправлен со шведским посольством в Москву на ратификацию Столбовского мира (во время миссии он поссорился с русским приставом, называвшим его изменником)³⁹⁴.

Вицкин Данило, немецкий и шотландский толмач. Упоминается 20 мая 1614 г. как толмач, отправленный в Тулу с немецкими наемниками; в конце 1614 г. — начале 1615 г. находился при войске, отправленном против воров и был награжден золотым за участие в боевых действиях. Его годовой оклад в это время составлял 14 рублей, кроме того, он получал 5 рублей кормовых в год. В 1615/16 г. ему велено было ехать на службу в Казань, но он не выполнил приказа. В 1616/17 г. упоминается как шотландский толмач с прежним окладом³⁹⁵.

Рехтерев Иван, немецкий и шведский толмач. Шведским языком, однако, по отзыву из Посольского приказа, он владел плохо³⁹⁶. В августе, октябре и ноябре 1615 г. ездил с грамотами к русским послам под Смоленск³⁹⁷. 13 ноября 1615 г. отправлен с грамотой к послам, находившимся

в Дедерино, но уже 16 ноября вернулся назад, сообщив, что отдал грамоту выехавшему в Дедерино за день до него С.Айдарову³⁹⁸. В мае 1616 г. отправлен сопровождать до шведского рубежа английского гонца³⁹⁹. 25 августа 1616 г. отправлен с отпиской из Архангельска в Москву⁴⁰⁰; 22 января 1617 г. послан с грамотой в Ярославль⁴⁰¹. 1 октября 1617 г. ему была выдана подорожная на Новгород и обратно⁴⁰²; 3 октября он выехал в Новгород, куда прибыл 16 октября⁴⁰³. В 1620/21 г. упоминается как «толмач Иван Рехтер»⁴⁰⁴. В 1622 г. его оклад в Посольском приказе составлял 20 рублей, 400 четей поместья и по 15 четей в год хлебного жалованья⁴⁰⁵. В 1623/24 г. был толмачом в Новгороде⁴⁰⁶. 27 января 1629 г. был отставлен из Посольского приказа и переведен в Иноземский приказ. Жалованье его к концу службы оставалось прежним⁴⁰⁷.

Александр, толмач, вероятно — немецкий. Упоминается единственный раз в качестве толмача Посольского приказа в конце 1616 г. в связи с его посылкой в Москву из Осташкова со шведскими вестями⁴⁰⁸.

Иванов Христофор, греческий толмач. Взят в приказ в 1622 г. с окладом 21 рубль⁴⁰⁹.

Зеленого Роман, немецкий толмач. Упоминается в Посольском приказе в 1622 г. с окладом 16 рублей⁴¹⁰.

Г) Толмачи азиатских языков.

Драгичев (Дорогичев, Иван Драгачевский) Иванис, татарский толмач. В Смутное время И. Драгичев был одним из старейших толмачей Посольского приказа: после его смерти в 1615 г. его сыновья сообщали в челобитной, что их отец «служил ...в Посольском приказе сорок лет безотступно и безыменно»⁴¹¹; следовательно, в приказ Иванис Драгичев был взят около 1575 г. Иванис Драгичев упоминается в росписи хлебного жалованья толмачам Посольского приказа от 26 февраля 1589 г. (согласно росписи он получал по 15 четей ржи и овса)⁴¹². В более позднее время (в начале XVII века) такому размеру хлебного жалованья соответствовал денежный оклад от 12 до 18 рублей. В 1597 г. Драгичев сопровождал из Москвы в Нижний Новгород персидского посланника Анди-бека⁴¹³. 20 октября 1604 г. его отправили с памятью в Новгородскую четь⁴¹⁴. В августе 1605 г. находился с приставами на подворье у крымских послов; в октябре 1605 г. ездил из Мценска в Москву с отпиской и доставил в Мценск из Москвы деньги и грамоту⁴¹⁵. В сентябре 1609 г. был приставлен к ногайским послам и привлекался в качестве свидетеля по делу толмача Н.Тютчева⁴¹⁶. 8 сентября 1614 г. отправлен с грамотами в Переславль, Троице-Сергиев монастырь, и, вероятно, в Холмогоры; 4 октября 1614 г. привез в Москву грамоту из Холмогор; 18 октября 1614 г. его отправили с грамотой навстречу приставам при датских послах⁴¹⁷. 27 января 1615 г. Иванис Драгичев был отправлен с памятью в Казенный приказ⁴¹⁸. 17 мая 1615 г. Драгичев был послан с отпиской в приказ Казанского Дворца⁴¹⁹; 22 мая был приставлен к С.Ушакову «для толмачества»⁴²⁰. 15 июня 1615 г. ходил с росписью жалованья крымским гонцам и с памятью на Казенный двор⁴²¹. За службу Драгичев был верстан поместьем (его сыновья упоминали в челобитной об отцовском поместье, разоренном в Смуту)⁴²². Скончался в 1615 г., его сыновьям Федору и Алексею было выдано на похороны отца 10 рублей⁴²³.

Бабаев (Баев) Тарас, татарский толмач. Впервые упомянут в росписи хлебного жалованья толмачам Посольского приказа от 26 февраля 1589 г. (получал по 12 четей ржи и овса)⁴²⁴. 13 декабря 1605 г. его отправили на подворье к черкесским мурзам перед аудиенцией, данной им Лжедмитрием⁴²⁵.

Томонаев Бурнаш, татарский толмач. В 1589 г. он сопровождал из Нижнего Новгорода до Москвы персидских посланников⁴²⁶. В 1596 г. Б.Томонаев был отправлен в Константинополь⁴²⁷. Продолжал служить в Посольском приказе в первые годы царствования Михаила Романова с окладом 25 рублей⁴²⁸. В августе 1614 г. Б.Томонаев ездил в Тулу встречать крымских послов⁴²⁹. В мае — июне 1617 г. толмач Б.Томонаев был приставлен к монгольским послам — сопровождал их в Посольский приказ и находился при них во время царского пира⁴³⁰. Упоминается в июле 1618 г. в качестве толмача, приставленного к крымским гонцам⁴³¹.

Алексеев Булгак, татарский толмач. 22 августа 1592 г. бил челом о разорении татарами его епифанского поместья⁴³². В августе — сентябре 1604 г. он сопровождал в Москву крымского гонца; 17 ноября 1605 г. был отправлен с памятью в Разрядный приказ⁴³³; в январе 1606 г. ездил встречать крымского гонца с деньгами на корм⁴³⁴. В сентябре 1609 г. его привлекли в качестве свидетеля по делу толмача Н.Тютчева⁴³⁵. Б.Алексеев продолжал службу в Посольском приказе и после избрания Михаила Романова, имея около 1614 г. оклад 13 рублей; кроме того, ему выдавалось по 12 четей ржи и овса в год⁴³⁶. В августе 1614 г. Булгак Алексеев ездил в Тулу встречать крымских послов⁴³⁷. 2 октября 1614 г. доставил память в Разрядный приказ⁴³⁸. Скончался в январе 1615 г. — 28 января 1615 г. его вдове было выдано на похороны мужа 5 рублей⁴³⁹.

Муратов Петр, татарский толмач. Упоминается в 1592 г. в связи с приездом в Москву персидского посла⁴⁴⁰; в 1598 г. ездил с грамотой в Крым⁴⁴¹; в 1600-1603 гг. находился в Персии с посольством Жирового-Засекина⁴⁴². В ноябре 1604 г. — марте 1605 г. — пристав при крымских гонцах⁴⁴³.

Епанчин Василий, толмач. В 1600-1603 гг. был участником посольства князя А.Ф.Жирового-Засекина в Персию⁴⁴⁴. 29 июля 1604 г. отправлен с памятью из Посольского приказа в Новгородскую четь⁴⁴⁵.

Есипов Гаврило Матвеевич, татарский толмач. В 1601 г. отправлен с гонцом И.Бреховым в Крым⁴⁴⁶. 19 марта 1605 г. отправлен с памятью в приказ Большого Дворца⁴⁴⁷. В качестве толмача Посольского приказа упоминается в первые месяцы царствования Михаила Романова (между мартом и августом 1613 г.)⁴⁴⁸. В 1613-1614 гг. ездил с послом И.Кондыревым в Ногайскую Орду; перед посольством его годовой денежный оклад был равен 13-ти рублям; за участие в посольстве Г.Есипов получил прибавку к окладу в размере 5-ти рублей и 50 четей поместья, после чего его жалованье составило 18 рублей и 300 четей поместья⁴⁴⁹ (с этим жалованьем он продолжал службу до поездки в Казыев улус в 1617 г.)⁴⁵⁰. В 1614 г. он был приставом при персидских купцах⁴⁵¹. В сентябре 1614 г. им была доставлена в Москву грамота от пристава, сопровождавшего крымских послов⁴⁵². 26 октября 1614 г. Есипова отправили с грамотой в Псков⁴⁵³. В ноябре 1615 г. ездил с грамотами под Смоленск и обратно в Москву⁴⁵⁴. 7 февраля 1617 г. с ним хотели отправить память в Ямской приказ (но его имя в соответствующей помете было вычеркнуто)⁴⁵⁵. В 1617 г. был отправлен с грамотой в Ногайскую Орду, а оттуда на Дон и в Казыев улус с посланником Е.Кис-

ленским⁴⁵⁶. В январе 1618 г. сопровождал в Кирилло-Белозерский монастырь литовского лазутчика⁴⁵⁷. В мае 1618 г. отправился с посольством в Персию; его оклад к этому времени составлял 20 рублей и 300 четей поместья⁴⁵⁸. Из Персии вернулся раньше остального посольства с отпиской от послов⁴⁵⁹. 15 июля 1620 г. состоял при приехавшем в Москву кабардинском мурзе⁴⁶⁰. Продолжал служить в Посольском приказе толмачом в 1622 г. с окладом 24 рубля (самый большой оклад среди толмачей)⁴⁶¹; его хлебное жалованье составляло 12 четей⁴⁶².

Есипов Большой Иван Сергеев сын, татарский толмач. В 1602-1603 гг. под именем Ивана Сергеева упомянут в качестве толмача при российском посольстве в Грузии⁴⁶³. В октябре 1605 г. — феврале 1606 г. ездил с грамотами в Москву и Мценск⁴⁶⁴. В начале царствования Михаила Федоровича его оклад составлял 15 рублей, помимо которых он получал по 15 четей ржи и овса в год⁴⁶⁵. По другим сведениям, в 1613 г. оклад Есипова был равен 13 рублям и 350 четям поместья⁴⁶⁶. В 1613-1615 гг. ездил в Персию с посольством М.Тиханова, причем был уличен в попытке пронести через таможенно деньги персидских купцов⁴⁶⁷. За участие в персидском посольстве получил прибавку к окладу — 7 рублей и 50 четей⁴⁶⁸. В ноябре 1615 г. — феврале 1616 г. ездил с грамотами под Смоленск⁴⁶⁹, а в декабре 1615 г. — во Владимир⁴⁷⁰. Около 1617-1618 гг. для И.Есипова указан оклад 20 рублей и 300 четей поместья⁴⁷¹ (т.е. его поместный оклад был снижен на 100 четей по сравнению с 1615 г.) В феврале 1617 г. ездил в Тулу с платьем для крымских гонцов⁴⁷². 17 ноября 1617 г. доставил в Москву грамоту от русских послов, направлявшихся в Швецию⁴⁷³. В марте 1618 г. был послан с грамотой к приставам при шведских послах, а также с памятью на Земской двор⁴⁷⁴. В мае 1618 г. отправился с посольством в Персию (его оклад к тому моменту составлял 20 рублей)⁴⁷⁵. В июне 1621 г. был свидетелем в судебном деле толмачей Ф.Мясоедова и А.Ракова⁴⁷⁶. В списке толмачей 1622 г. назван с хлебным жалованьем 12 четей⁴⁷⁷. В 1643 г. в Посольском приказе упоминается толмач И.Есипов, получавший 8 денег поденного корма⁴⁷⁸.

Иванов Дмитрий, толмач, вероятно татарский. В 1602-1603 гг. участвовал в посольстве в Грузию⁴⁷⁹. В августе 1604 г. отправлен с памятью в Большой Приход⁴⁸⁰.

Герасимов (Герасимов) Семен, татарский толмач. Вероятно, орловский сын боярский, поскольку в марте 1620 г. он был приглашен вместе с орловскими детьми боярскими для удостоверения личности выходца из плена, назвавшегося орловским боярским сыном⁴⁸¹. Впервые упоминается как толмач 17 сентября 1602 г. (с ним была отправлена грамота)⁴⁸². В сентябре 1605 г. сопровождал крымских послов из Москвы в Мценск; в ноябре 1605 г. — марте 1606 г. неоднократно совершал поездки в Москву и в Мценск с грамотами и деньгами для содержания крымцев⁴⁸³. В 1613-1615 гг. находился с посольством в Персии, причем был старшим из толмачей (в тексте столбца нередко встречается формула «толмач Семейка Герасимов с товарищи»)⁴⁸⁴. Перед посольством его жалованье было равно 13-ти рублям и 350-ти четям поместья; по возвращении в Россию он получил прибавку в размере семи рублей и 50-ти четей⁴⁸⁵. 24 декабря 1615 г. С.Герасимов ездил с грамотой под Смоленск⁴⁸⁶. 23 января 1616 г. отправлен с памятью в Разрядный приказ⁴⁸⁷. В 1616 г. в качестве толмача вновь

ездил в Персию, за что получил прибавку к поместному окладу в размере 50-ти четей⁴⁸⁸. В январе 1620 г. отправлен встречать английских послов⁴⁸⁹. Позднее, в том же 1620 г. толмач Герасимов был послан в Бухару⁴⁹⁰. В 1623 г. числился в приказе с окладом 20 рублей⁴⁹¹; его хлебное жалованье составляло 12 четей⁴⁹².

Нагаев Алексей, татарский толмач. В феврале 1603 г. и апреле 1604 г. его посылали с посудой на подворье к грузинским послам⁴⁹³. В сентябре 1605 г. — марте 1606 г. осуществлял курьерские функции между Мценском и Москвой⁴⁹⁴. В 1606/07 г. судился в Посольском приказе с подьячим Московского судного приказа⁴⁹⁵. 11 июля 1614 г. доставил грамоту в Крым⁴⁹⁶, а уже в августе 1614 г. был послан из Москвы в Тулу встречать крымских послов⁴⁹⁷. 8 и 25 июля 1615 г. он ходил на подворье к ногайскому посланнику приглашать его на переговоры в Посольский приказ⁴⁹⁸. В конце июля 1615 г. толмач А.Нагаев был отправлен с грамотой в Казыв улус⁴⁹⁹; около этого времени его годовой оклад составлял 13 рублей⁵⁰⁰ (по другим сведениям — 15 рублей)⁵⁰¹. Умер в 1615 г. на обратном пути из Казыве улуса в городе Валуйки; его вдове было выдано «на помин» 12 рублей⁵⁰².

Тарыбердей, татарский толмач. Упоминается в деле 1604 г., его обвиняли в связях с «тюремными сидельцами»⁵⁰³.

Тютчев Никита Васильевич, татарский толмач. В 1604-1605 гг. участвовал в посольстве М.Татищева и А.Иванова в Грузию и самостоятельно ездил от послов к карталинскому царю Юрию Симеоновичу⁵⁰⁴. Осенью 1605 г. Н.Тютчев, на обратном пути из Грузии, сопровождал от Астрахани до Москвы грузинского царевича Баграта⁵⁰⁵. В 1609 г. Тютчев был приставлен к ногайским послам, взял у одного из них саблю и не вернул, вследствие чего посол в сентябре 1609 г. ударил на него челом. Тютчев был подвергнут допросу приказным судьей В.Г.Телепневым, после чего самовольно уехал в свое рязанское поместье. Стоимость сабли была удержана из жалованья Тютчева (оклад — 18 рублей)⁵⁰⁶. В конце XVI века в Рязанском уезде ему принадлежали деревни Климетино и Кочевы (140 четей)⁵⁰⁷. В июле 1611 г. Н.В.Тютчев упоминается в I-м ополчении под Москвой (вместе с С.М.Ушаковым он был отправлен «для договору и ссылок» в Рязань, куда пришли со своими ордами ногайские мурзы. Первоначально предполагалось, что Тютчев возглавит эту миссию, но затем на первые позиции был выдвинут Ушаков, а Тютчеву была отведена вспомогательная роль. Последнее подтверждается характером правки в сохранившемся черновике грамоты к мурзам (в приведенной ниже цитате вставка, внесенная в текст после составления первоначального варианта, выделена жирным шрифтом): «И для того послали к вам из дворян Московского государства **Степана Михайловича Ушакова да Микиту Васильева сына Тютчева**, а с ним к вам отпустили твоего, Сарык-агина, брата Ян-сеита»⁵⁰⁸. Вероятно, перевод Тютчева на вторые позиции был связан с убийством П.П.Ляпунова, произошедшим незадолго до отправления миссии (в тексте столбца везде вымарано имя Ляпунова). По всей видимости, рязанский помещик Н.Тютчев был «человеком» П.Ляпунова, имевшего с Рязанским краем очень тесные связи. Этим, скорее всего, и объясняется отстранение Тютчева от руководства миссией после гибели Ляпунова, а также и то, что Н.Тютчев по приезде в Рязань был оставлен там в качестве пристава при ногайском после Ян-

сеите⁵⁰⁹. В августе 1613 г. Никита Тютчев сопровождал из Рязани в Москву ногайских послов (упоминается в тексте как «резанец»)⁵¹⁰.

Мельников Алексей, татарский толмач. 2 октября 1604 г. отправлен с грамотой к приставу при английском послѣ⁵¹¹ 6 декабря 1605 г. отправлен из Мценска, где находились крымские послы, в Москву⁵¹².

Пономарев Старой Иван, татарский толмач. В августе 1605 г. находился на подворье крымских гонцов с приставом⁵¹³. В ноябре 1605 г. — марте 1606 г. жил с в Мценске при крымских гонцах и был замечен в сборе лишнего корма для собственной наживы⁵¹⁴. В сентябре 1609 г. привлекался в качестве свидетеля по делу толмача Н.Тютчева⁵¹⁵.

Пономарев Гаврило, толмач, вероятно татарский. Брат И.Пономарева. Единственное косвенное упоминание о нем (1605/06 г.) содержится в челобитной на его брата И.Пономарева: «...толмач Иван Пономарев послал с человеком своим в Белевский уезд корову [в] поместья брата своего, в толмачеву ж в Гаврилову деревню Пономарева в Ташлыкову, ото Мценска верст з десять»⁵¹⁶.

Кашинцев Михаил, татарский толмач. В январе — марте 1606 г. находился при крымских послах в Мценске и в Новосиле⁵¹⁷.

Айдиkey, татарский толмач. В марте 1610 г. отправлен из Посольского приказа с памятью в Казанский дворец⁵¹⁸. Позднее, в мае 1615 г., упоминается пришедший с ногайцами под Серпухов «московской переводщик Обдикей Тенешев», просившийся на службу к государю⁵¹⁹. Возможно, переводчик Обдикей Тенешев и толмач Айдиkey — одно лицо.

Лежнев Семен, турецкий толмач. Взят в Посольский приказ в 1612/13 г.; около 1614 г. его оклад составлял 14 рублей и 15 четей ржи и овса в год⁵²⁰. По происхождению, вероятно, татарин, поскольку в одном из дел он назван новокрещеном⁵²¹. В 1613-1615 гг. находился в Персии с посольством М.Тиханова⁵²². За участие в посольстве Лежнев получил прибавку к денежному окладу — 5 рублей, а также был поверстан помещьем в размере 300 четей⁵²³. Однако позже его жалованье было сокращено: в документах он упомянут с окладом 15 рублей, 300 четей и 15 четей хлебного жалованья⁵²⁴. В сентябре 1615 г. — январе 1616 г. осуществлял курьерские функции между Москвой и Смоленском⁵²⁵. В июне 1616 г. ездил с грамотами на Дон⁵²⁶. В сентябре 1617 г. отправлен с грамотой в Турцию⁵²⁷. В июне 1621 г. был свидетелем в судебном деле толмачей Ф.Мясоедова и А.Ракова⁵²⁸. Продолжал службу в Посольском приказе в 1622 г. с окладом 22 рубля, причем был назван татарским толмачом⁵²⁹. В 1622/23 г. вновь ездил в Турцию с грамотой⁵³⁰.

Никифоров (Микифоров) Степан, татарский толмач. 16 августа 1613 г. отправлен с отпиской во Владимирскую четверть⁵³¹. 1 сентября 1613 г. сопровождал в тюрьму пленного ногайского татарина⁵³². В 1613-1614 гг. был с посольством И.Кондырева в Ногайской Орде; за участие в этой миссии получил прибавку к старому окладу (20 рублей и 400 четей поместья) — 5 рублей и 50 четей⁵³³. 24 (или 26) октября 1614 г. послан в Воронеж к И.Одаурову, встречавшему турецкого посланника⁵³⁴. В ноябре 1615 г. — январе 1616 г. ездил с грамотами под Смоленск⁵³⁵. В 1616 г. отправлен в Персию с посланником Ф.Левонтьевым⁵³⁶. 13 апреля 1618 г. Никифоров был отправлен с памятью в Приказ Казанского Дворца⁵³⁷. В июне 1618 г. его планировали отправить с П.Вражским в Ногайскую Орду⁵³⁸, но вместо

этого его послали в Тулу встречать крымского гонца Ибрагим-мурзу, у которого он некоторое время был приставом⁵³⁹. В январе 1619 г. получил жалованье в Посольском приказе⁵⁴⁰. В 1622 г. числился в приказе, где получал 15 четей хлебного жалованья⁵⁴¹.

Баубеков Тимофей, татарский толмач. В 1613/14 г. ездил с грамотами в Крым; до этой поездки имел оклад 13 рублей и 250 четей поместья, после было прибавлено 50 четей⁵⁴². Кроме того, он получал 12 четей хлебного жалованья⁵⁴³. В октябре 1614 г. в Посольском приказе дал поручную запись по астраханскому татарину⁵⁴⁴. 16 апреля 1615 г. прибыл с грамотой для посланника Г.К.Волконского в Крым; привез жалованье переводчику, подьячему, толмачам и служилым татарам; кроме того, ложно заявлял татарам, что с ним присланы «великие поминки» для мурз⁵⁴⁵. В декабре 1615 г. — январе 1616 г. осуществлял курьерские функции между Москвой и Смоленском⁵⁴⁶. В 1616 г. он отправился с посольством Ф.Левонтьева в Персию, где и скончался. На момент смерти его годовой денежный оклад составлял 18 рублей, поместья у него не было — его вдова писала в челобитной: «А поместейца и вотчинки за мужем моим не было: сыт был твоим царским денежным жалованьем»⁵⁴⁷. Вдова получила «на помин» 15 рублей (по другим сведениям — 18 рублей)⁵⁴⁸.

Софронов Айдар, татарский толмач. 22 февраля 1614 г. был отправлен с грамотой на Дон, вернулся 11 марта и 30 апреля 1614 г. был вновь отправлен с грамотой туда же⁵⁴⁹. 4 апреля 1615 г. подал в Новгородской чети память из Посольского приказа⁵⁵⁰. В мае 1615 г. отдан в аманаты пришедшим под Серпухов ногайцам⁵⁵¹. Около 1614 г. его оклад составлял 13 рублей и 12 четей ржи и овса в год⁵⁵².

Шатерников Терех, толмач. Единственное упоминание о нем относится к февралю — марту 1614 г., когда он был отправлен с грамотами под Новгород к князю Д.Т.Трубецкому, а затем, вернувшись в Москву, был спрошен о вестях⁵⁵³.

Афанасьев Степан, татарский толмач. 30 апреля 1614 г. послан с грамотой к князю И.Н.Одоевскому, шедшему с войском на Астрахань⁵⁵⁴. 14 июля 1614 г. отправлен с памятью в Разрядный приказ⁵⁵⁵; с 16 июля 1614 г. по июнь 1616 г. — с гонцом И.Бреховым в Персии⁵⁵⁶. Оклад С.Афанасьева около 1614 г. составлял 20 рублей и 400 четей⁵⁵⁷. За участие в персидской миссии, вероятно, получил прибавку к жалованью, поскольку в 1615 г., отправляясь с посольством в Турцию, он уже имел денежный оклад 25 рублей⁵⁵⁸. Умер в Стамбуле 25 сентября 1616 г.; его мать — инокиня Новодевичьего монастыря Домникая Денисьева в ноябре 1621 г. била челом о возмещении долгов ее сына⁵⁵⁹.

Ахматов (Ахметев) Громов Трофим, татарский толмач. В июле 1614 г. упоминается как «тульский иноземец», направленный провожать в Ливны на посольскую размену князя Г.П.Ромодановского⁵⁶⁰. В 1614 г. он был взят в Посольский приказ с окладом 13 рублей, 300 четей поместья и 12 четей хлебного жалованья⁵⁶¹. 5 января 1615 г. он был отправлен из Посольского приказа с памятью в приказ Казанского Дворца⁵⁶², а 19 января 1615 г. — в Разрядный приказ⁵⁶³. 26 апреля 1616 г. им была доставлена грамота в Торжок⁵⁶⁴. В деле 1613-1617 гг. сохранилась челобитная его вдовы⁵⁶⁵.

Сур Иван Никитич, татарский толмач. В 1604 г., в связи с приездом в Москву терновского митрополита Дионисия, упоминается его толмач Иван

Никитин, «волошский полоняник»⁵⁶⁶. Прямых указаний, позволяющих идентифицировать толмача Никитина, приехавшего в Россию в 1604 г., и толмача Никитина, упоминаемого с 1614 г., нет. В конце августа – начале сентября 1614 г. в Ярославль с грамотой ездил толмач Иван Никитин (вернулся в Москву с отпиской 6 сентября)⁵⁶⁷. В ноябре 1614 г. он ездил с грамотами в Ярославль и Холмогоры⁵⁶⁸; в декабре 1614 г. И. Сур доставил грамоту в Холмогоры; в декабре 1614 г. привез в Москву отписку из Холмогор⁵⁶⁹, а также отписку от пристава при английском после⁵⁷⁰. 1 января 1615 г. его отправили в Коломенское навстречу татарским послам⁵⁷¹. В мае 1615 г. был приставом при ногайском посланнике⁵⁷². 10 ноября 1615 г. отправлен с грамотой к послам, находившимся на съезде в Дедерино; в ноябре и декабре 1616 г. – в Столбово⁵⁷³. 24 марта 1617 г. он был отправлен навстречу турецкому послу⁵⁷⁴. В марте 1618 г. привез отписку от пристава при шведских послых; 18 апреля 1618 г. послан в Казань за шведом А. Буком⁵⁷⁵. 10 июля 1618 г. Иван Сур был отправлен с памятью в Разрядный приказ⁵⁷⁶. Около 1617–1618 гг. Иван Никитин продолжал служить в Посольском приказе с окладом 13 рублей, 250 четей поместья и 12 четей хлебного жалованья⁵⁷⁷. Около 1619–1620 гг. ушел из Посольского приказа по собственному желанию – «отстал ис Посольского приказу ис толмачества собою»⁵⁷⁸.

Сумороков Яким (Евдоким) Иванович, турецкий толмач. Служилый человек из Переславля Рязанского, служил с окладом 500 четей поместья и 25 рублей. Около 1590 г. был взят в плен азовцами и продан в гребцы на галеру; жил в рабстве 23 или 24 года. В море был освобожден испанскими моряками и высажен на Сицилии, откуда добрался до владений Габсбургов и присоединился к русскому посольству С. Ушакова и С. Заборовского, с которым приехал в Москву 25 августа 1614 г. За выход из плена получил 3 рубля, а вскоре, в том же 1614 г., Я. Суморокову указали быть «в Посольском приказе в турецких толмачех» с окладом 25 рублей и 400 четей (вскоре «за выход» жалованье было увеличено на 5 рублей и 100 четей)⁵⁷⁹. В декабре 1614 г. его отправили с приставом навстречу крымскому послу Ибрагим-паше-мурзе⁵⁸⁰; 5 декабря 1614 г., в связи с его отправлением навстречу крымчакам, ему выдали 2 рубля⁵⁸¹. 12 мая 1615 г. был отправлен с грамотой вслед отъехавшему в Крым посланнику И. Спешневу⁵⁸². В ноябре – декабре 1615 г. ездил с грамотами под Смоленск⁵⁸³. 31 июля 1616 г. сопровождал из Москвы в качестве пристава крымского гонца Аллабердея⁵⁸⁴. В 1616/17 г. был убит в Романове – в «Описи 1626 г.» сохранилась запись: «Столп романовской, как посылан был на Романов сыскивати Дмитрей Оверкиев про убивство толмача Якима Суморокова, 125-го году»⁵⁸⁵. По другим сведениям, Сумороков, отправленный с грамотами в Романов, умер в этом городе, а не был убит⁵⁸⁶. В том же году его вдове было выдано «на помин» мужа 10 рублей⁵⁸⁷.

Ганюков Айдар, татарский толмач. Взят в Посольский приказ в 1613–1614 гг. с окладом 13 рублей, 300 четей поместья и 12 четей хлебного жалованья; позднее, около 1617–1618 гг. он продолжал службу с уменьшенным поместным окладом – 250 четей⁵⁸⁸. 1 октября 1614 г. он ходил с памятью в Разрядный приказ⁵⁸⁹. В октябре 1614 г. отправлен с грамотами к приставам при датском после и к русским послам, возвращавшимся из Англии⁵⁹⁰. В июне 1616 г. прибыл в Азов с грамотой к российским послам, ехавшим в

Турцию⁵⁹¹. В июле 1618 г. А.Ганюков был послан с приставом сопроводить из Москвы до границы крымских послов и погиб во время взятия запорожскими казаками Ельца⁵⁹².

Перетчик Иван, татарский толмач. В октябре 1614 г. находился в Ногайской Орде в качестве толмача Посольского приказа⁵⁹³.

Маткин Богдан, татарский толмач. Упоминается в Посольском приказе около 1614 г. с окладом 15 рублей (кроме того, получал по 15 четей ржи и овса в год)⁵⁹⁴.

Айдаров (Адаров, Озаров) Семен, татарский толмач. 21 января 1615 г. послан из Посольского приказа с памятью⁵⁹⁵. 27 июля 1615 г. он был отправлен с грамотой к приставу, сопровождавшему в Москву персидского посланника⁵⁹⁶. 27 августа 1615 г. грамоты в Вязьму и Можайск посланы «с толмачи з Денисом да с Сенькою Адаровым»⁵⁹⁷. Семен Адаров в октябре — декабре 1615 г. продолжал выполнять курьерские функции между Москвой и Смоленском⁵⁹⁸. В октябре 1615 г. он ездил с приставом встречать крымского гонца Ислам-агу⁵⁹⁹. 12 ноября 1615 г. он отправлен с грамотой к русским послам в Дедерино⁶⁰⁰.

Тырин Федор, татарский толмач. Взят в Посольский приказ между 1613 и 1615 гг. с окладом 13 рублей, 300 четей и 12 четей хлебного жалованья; к 1617-1618 г. его поместный оклад был сокращен до 250 четей⁶⁰¹. Впервые упоминается в приказе 30 апреля 1615 г., когда его отправили из приказа с памятью⁶⁰². В июле 1615 г. он вместе с приставом сопровождал в Москву персидского посланника⁶⁰³. В декабре 1615 г. — феврале 1616 г. осуществлял курьерские функции между Москвой и Смоленском⁶⁰⁴. 14 августа 1616 г. ходил с памятью в Ямской приказ⁶⁰⁵. 10 января 1617 г. отправлен с грамотой к русским послам в Столбово⁶⁰⁶. Продолжал службу в Посольском приказе в 1622 г. с окладом 13 рублей и хлебным жалованьем 12 четей⁶⁰⁷.

Тыринов Василий, татарский толмач. Единственное упоминание о нем в Посольском приказе относится к 27 мая 1615 г.⁶⁰⁸

Санюков Григорий, татарский толмач. В июне 1615 г. его отправили с приставом навстречу крымскому гонцу Исмаилу-мурзе⁶⁰⁹. В сентябре 1615 г. сопровождал из Москвы до границы турецкого посланника⁶¹⁰. В феврале и декабре 1617 г. ездил в Тулу встречать крымских гонцов (в декабре — со «встречным жалованьем») ⁶¹¹; 5 августа 1617 г. датирована память Г.Санюкову, который должен был «доправить» на тверском воеводе «прогонные деньги»⁶¹². В марте 1618 г. отправлен с памятью в Стрелецкий приказ⁶¹³. В 1617-1618 гг. его жалованье составляло 13 рублей, 250 четей поместья и 12 четей хлебного жалованья; с тем же жалованьем он продолжал службу в 1620/21 г.⁶¹⁴ 17 июня 1618 г. в составе посольства С.Хрущова и С.Бредихина отправился в Крым⁶¹⁵. В начале июля 1618 г. посольство было захвачено под Ельцом запорожскими казаками, причем по свидетельству бежавшего участника миссии «...толмач ...Гриша Санюков утонул в реке Осне, то он сам видел»⁶¹⁶. Однако, эти сведения оказались неточными: толмач Г.Санюков продолжал службу в Посольском приказе в 1622 г. с окладом 14 рублей (в 1623 г. — 13 рублей)⁶¹⁷.

Болдырев (Болдырь) Федор Иванов сын, татарский толмач. В 1614 г. послан из Астрахани И.М.Заруцким с посольством И.Хохлова в Персию с просьбой о помощи против царских войск. По просьбе шаха Аббаса рус-

ский посол М.Тиханов обещал, что участники астраханского посольства не только не будут репрессированы, но и будут взяты на царскую службу⁶¹⁸. Вероятно, по возвращении посольства в Москву (июнь 1615 г.) Федор Иванов был взят в Посольский приказ татарским толмачом с окладом 15 рублей, 350 четей поместья и по 15 четей ржи и овса⁶¹⁹ (по другим сведениям поместный оклад Ф.Иванова был равен 300 четей)⁶²⁰. 23 октября 1615 г. Ф.Иванов ездил с жалованьем навстречу крымскому гонцу⁶²¹. В декабре 1615 г. Ф.Иванов ездил с грамотой под Смоленск⁶²²; в 1616 г. Федора Иванова отправили в Казыев улус (вернулся 3 августа 1616 г.)⁶²³. В июне 1616 г. он находился в Азове, откуда его отправили к донским казакам⁶²⁴. 10 июня 1617 г. он вместе с приставом сопровождал ногайских послов в Посольский приказ⁶²⁵. В декабре 1617 г. — январе 1618 г. он ездил с грамотами в Можайск⁶²⁶. К этому времени он выслужил денежный оклад 20 рублей, поместный оклад его оставался прежним — 300 четей⁶²⁷. В мае 1618 г. Ф.Иванов отправился с посольством в Персию, во время которого скончался⁶²⁸.

Денис, толмач, вероятно — татарский. 27 августа 1615 г. грамоты в Вязьму и Можайск посланы «с толмачи з Денисом да с Сенькою Адаровым»⁶²⁹. Других упоминаний об этом толмаче нет.

Боздырев Степан, толмач. 4 декабря 1615 г. ездил с грамотой под Смоленск⁶³⁰.

Астафьев Дмитрий, толмач, вероятно турецкий. Упоминается в челобитной 1615 г. в связи с посольством в Турцию⁶³¹.

Бердилов Ижболда, татарский толмач. Сохранилась его челобитная 1616 г.; в Посольский приказ был взят незадолго до этой челобитной, поскольку в ней он сообщает, что еще не верстан окладом; в приказ он был взят после Федора Иванова, чей оклад выписан ему «в пример»⁶³². В приказ он был взят с окладом 13 рублей, 300 четей поместья и 12 четей хлебного жалованья⁶³³. В августе 1617 г. доставил царскую грамоту послам, отправленным в Швецию⁶³⁴. В том же 1617 г. он был вновь отправлен с грамотами к послам в Новгород и на пути был убит запорожскими казаками. Вдове Бердилова было выдано «на помин» 5 рублей⁶³⁵.

Кучумов Мочак Акимов, татарский толмач. Взят в Посольский приказ между 1613 и 1616 г. с окладом 12 рублей, 250 четей и 12 четей хлебного жалованья. В 1616/17 г. в его челобитной был уже указан денежный оклад 13 рублей⁶³⁶. 24 декабря 1616 г. М.Кучумов был послан с грамотой к русским послам в Дедерино⁶³⁷. В январе 1617 г. его отправили с памятью в Разрядный приказ, а в феврале — в Воронеж⁶³⁸. В декабре 1617 г. послан с грамотой вслед отправленному в Данию и Голландию посланнику И.Баклановскому⁶³⁹ (сохранилась выданная ему подорожная грамота)⁶⁴⁰; 24 января 1618 г. привез в Москву грамоту, отправленную из Орешка английским гонцом Р.Свифтом⁶⁴¹; 31 января 1618 г. ему выдана подорожная до места русско-шведского посольского съезда⁶⁴². 16 февраля 1618 г. он доставил грамоту русским послам в Орешек и в тот же день был послан с отпиской в Москву⁶⁴³. В марте 1618 г. отправлен с грамотой навстречу приставам при шведских послах⁶⁴⁴. В июне 1618 г. вместе с переводчиком П.Вражским он ездил в Ногайскую Орду⁶⁴⁵. В сентябре 1619 г. состоял при сопровождавшем в Москву крымских гонцов приставе⁶⁴⁶; в октябре 1619 г. отправлен с приставом встречать крымского гонца⁶⁴⁷. В 1620/21 г. оклад

М.Кучумова был равен 13 рублей, 250 четей и 12 четей ржи и овса⁶⁴⁸. В 1622 г. продолжал службу в Посольском приказе с окладом 13 рублей⁶⁴⁹.

Логунов Софон, татарский толмач. Взят в Посольский приказ между 1613 и 1616 гг. с окладом 10 рублей, 200 четей и 12 четей хлебного жалованья⁶⁵⁰. 12 февраля 1617 г. его отправили с грамотами в Воронеж⁶⁵¹. 2 июля 1618 г. он был отправлен с грамотами в Елец и Валуйки⁶⁵². В июне 1619 г. С.Логунов ездил в Тулу встречать крымского гонца⁶⁵³. В сентябре 1619 г. его послали с грамотой в Вязьму; на обратном пути он был ограблен «ворами»⁶⁵⁴. 31 декабря 1619 г. отправлен из приказа с памятью⁶⁵⁵. В 1622 г. он служил в Посольском приказе с годовым окладом 10 рублей⁶⁵⁶.

Селунский Григорий Иванович, толмач, вероятно — греческий, сын греческого переводчика Ивана Селунского. 31 декабря 1616 г. грамота в Ярославль была отправлена «с Ивановым сыном Селунского з Гришею»⁶⁵⁷. В марте 1618 г. он был послан с грамотой вслед посланнику И.Кондыреву, причем был назван толмачом⁶⁵⁸, а в июне 1618 — с грамотами в Ростов и Ярославль⁶⁵⁹.

Досаев Урикей (Василий), татарский толмач. 4 марта 1617 г. отправлен с памятью в Ямской приказ⁶⁶⁰. 3 января 1620 г. отправлен из приказа с памятью⁶⁶¹. 1 октября 1620 г. послан с грамотой в Ярославль в качестве пристава при персидских купцах⁶⁶². Продолжал служить в Посольском приказе в 1622 г. с окладом 15 рублей и 15 четей хлебного жалованья⁶⁶³. В июне 1626 г. сопровождал в тюрьму переводчиков Е.Еремеева и Е.Павлова⁶⁶⁴.

Исаков Федор, толмач. В сентябре 1617 г. отправлен в Новгород с грамотами⁶⁶⁵.

Золотухин Афанасий Григорьевич, татарский толмач. Елецкий сын боярский, взят в плен татарами и продан в Кафе гребцом на галеру; после 12-ти лет рабства был освобожден испанскими моряками. Побывав во владениях римского папы, императора и польского короля, А.Золотухин пришел в Москву и был взят на службу в Посольский приказ с окладом 10 рублей, 200 четей поместья и 12 четей ржи и овса хлебного жалованья⁶⁶⁶. В сентябре 1617 г. ездил с поручением в Тверь⁶⁶⁷. 30 ноября 1617 г. он был послан на подворье к ногайским послам и сопровождал их в Посольский приказ⁶⁶⁸. 13 марта 1618 г. отправлен с памятью в Приказ Большого Прихода⁶⁶⁹. 7 июня он ездил с грамотой в Валуйки⁶⁷⁰, 11 августа — в Архангельск⁶⁷¹. Позднее, в 1618/19 г. снова ездил с грамотой в Валуйки и был ограблен «ворами»⁶⁷². Продолжал служить в Посольском приказе в 1622 г. с окладом 12 рублей⁶⁷³.

Альшев (Лаишев) Елмамет (Иван), татарский толмач. В Посольский приказ был взят, вероятно, в 1617 г. (в 1617-1618 гг. имел оклад 15 рублей, но не был верстан поместьем и хлебным жалованьем)⁶⁷⁴. Позднее ему установили хлебное жалованье в размере 15 четей ржи и овса в год⁶⁷⁵. 12 сентября 1617 г. отправлен под Новгород с грамотами к русским послам, шедшим в Швецию, и навстречу английскому гонцу; вернулся в Москву 14 октября⁶⁷⁶. В апреле 1618 г. отправлен с грамотой в Казань⁶⁷⁷. Продолжал службу в приказе до июня 1621 г. (с окладом 10 рублей и 12 четей хлебного жалованья)⁶⁷⁸. В росписи толмачей 1622 г. указан с хлебным жалованьем 15 четей⁶⁷⁹.

Булгаков Бессон, татарский толмач. Коломенский недельщик, затем — толмач. Упоминается в Посольском приказе 22 апреля 1616 г., но без ука-

зания его должности⁶⁸⁰. В марте 1618 г. ездил с грамотой в Можайск⁶⁸¹. 29 мая 1618 г. доставил грамоту в Тихвин⁶⁸². 3 октября 1618 г. послан с памятью в Разрядный приказ⁶⁸³. В июне 1621 г. выступал свидетелем в судебном деле толмачей Ф.Мясоедова и А.Ракова⁶⁸⁴. В 1622 г. его хлебное жалованье в приказе составляло 12 четей⁶⁸⁵.

Арап Степан Мааметев (Ахматов, Ахметев), татарский толмач. Упоминается в марте 1618 г. в связи с тем, что его отправляли к приставам при шведских послых и в Казань с грамотой⁶⁸⁶. Его жалованье составляло 18 рублей, 300 четей поместья и 15 четей хлебного жалованья⁶⁸⁷. 24 июня 1618 г. выехал с П.Вражским в Ногайскую Орду⁶⁸⁸; вернулся с грамотой в Москву из Терского городка⁶⁸⁹. В 1620/21 г. его уже не было в живых (скончался в Москве)⁶⁹⁰.

Аминев Данило, татарский толмач. Житель Великих Лук, был взят в плен литовцами (около 1611 г.), а через год захвачен татарами и продан на галеру, где был гребцом в течение пяти лет. Освободившись, оказался в Империи, откуда его вывез в Москву русский посланник Л.Мясной (1617 г.)⁶⁹¹. В Москве он был определен в Посольский приказ и в марте 1618 г. отправлен с грамотой в Казань⁶⁹². 21 июля 1618 г. Д.Аминев был отправлен с грамотой и новым наказом вслед выехавшему на Дон дворянину Ю.Богданову⁶⁹³. В 1619 г. доставил отписку от послов, находившихся на съезде на р. Поляновке в Москву⁶⁹⁴. В 1620/21 г. получал вместо хлебного жалованья по 8 денег поденного корма в Большом Приходе⁶⁹⁵. Продолжал служить в приказе в 1622 г. с окладом 12 рублей; в этом же 1622 г. он находился под арестом у патриарха Филарета⁶⁹⁶. Продолжал службу в приказе в марте 1623 г., когда был отправлен с поручением в Романов⁶⁹⁷.

Елагин Петр, татарский толмач. Упоминается единственным раз, как толмач, взятый в приказ после выхода из ногайского плена в 1617/18 г. с поденным кормом 5 денег⁶⁹⁸.

Епишев Семен, татарский толмач. Упоминается в Посольском приказе в июне 1618 г.⁶⁹⁹ В 1622 г. его оклад в Посольском приказе составлял 17 рублей (в 1623 г. — 18 рублей) и 12 четей хлебного жалованья⁷⁰⁰.

Мясоедов Федор Семенович, татарский толмач. Уроженец Рязани, около 1605 г. ребенком был уведен в плен ногаями и продан на Кавказ черкесам, а затем — персидскому купцу. В 1617 г. хозяин послал его с товарами в Астрахань, где Мясоедов пристал к персидскому посольству, ехавшему в Москву. В Москве он ударил челом о принятии на службу и до отъезда персидского посольства был вынужден скрываться в Посольском приказе. В 1618 г. Мясоедов был зачислен в Посольский приказ толмачом с поденным кормом 10 денег в день⁷⁰¹. В справке из Посольского приказа указывалось, что Ф.Мясоедов «умеет... по-фарсовски, и по-черкески, и по-кумытцки, и по-турецки, и по-бухарски»). При определении в приказ Мясоедову положили оклад 13 рублей, 250 четей поместья и 15 четей хлебного жалованья⁷⁰². Первое датированное упоминание о нем в приказе относится к августу 1618 г., когда под именем Ф.Семенова он был отправлен в Крым со служилым татаринном А.Бинюковым и крымским гонцом Ибрагим-мурзой⁷⁰³. В июне 1619 г. он возвратился в Москву с гонцом Агабачой и с отпиской от А.Лодыженского⁷⁰⁴. Его оклад около этого времени составлял 18 рублей, 300 четей поместья и по 15 четей ржи и овса (вместо хлебного жалованья получал по 10 денег поденного корма из Большого

Прихода)⁷⁰⁵. 20 июня 1621 г. бил челом на толмача А.Ракова о невозвращении последним ему занятых 9 рублей с гривной⁷⁰⁶. Ф.Мясоедов продолжал службу в Посольском приказе в 1628 г.⁷⁰⁷; в 1622 г. его оклад составлял 16 рублей (т.е. был несколько ниже прежнего), а в 1623 г. — вновь 18 рублей⁷⁰⁸. В 1643 г. по-прежнему числился в Посольском приказе, получал 2 алтына и 1 деньгу поденного корма⁷⁰⁹.

Иванов Юрий, татарский толмач. 7 сентября 1619 г. он был отправлен из Москвы со встречным жалованьем к крымским гонцам⁷¹⁰. В 1622 г. его хлебное жалованье в Посольском приказе составляло 12 четей⁷¹¹.

Зябрев Тит Осипович, турецкий, татарский и ногайский толмач. Сын стремянного конюха. В 1613/14 г. отправлен из Конюшенного приказа в Алексин, где был взят в плен татарами и продан в Азов. Взят в приказ около 1620 г. после выкупа его из турецкого плена греческими купцами и возвращения в Россию с послом П.Мансуровым. Не имея возможности выплатить остаток суммы выкупа (30 рублей) греческим купцам, бил челом о принятии его в толмачи Посольского приказа на место Ивана Сура: «велел бы ему государь те деньги, в которых он стоит на правеже, ...в Посольском приказе в толмачех заслужить, чтоб ему в тех деньгах, стоячи на правеже, замучену не быть». По челобитной было принято решение: «Для бедности и полонского терпенья велеть быти в толмачех с порукою»⁷¹². В 1622 г. Т.Зябрев служил в Посольском приказе с окладом 4 рубля, но жалованья не получал, поскольку отработывал выплаченную за него сумму⁷¹³. В 1623 г. он назван толмачом с окладом 8 рублей⁷¹⁴.

Раков Андрей, турецкий, татарский и ногайский толмач. Рязанский сын боярский, провел в турецком и ногайском плену 13 лет. Бил челом о принятии в толмачи во второй половине 1619 г., когда во главе Посольского приказа уже стоял думной дьяк Иван Грамотин: «...и на челобитной, государь, помета твоего государева дьяка Ивана Грамотина, велено подождати, покаместа порожня место будет». После возвращения посольства из Персии, в ходе которого скончалось два толмача, А.Раков вновь ударил челом о принятии на службу в Посольский приказ «на выморочное на толмачово на Федорово место Болдырева» и был взят вместо него в татарские толмачи. По всей видимости, Андрей Раков, как и Т.Зябрев, занимался в Посольский приказ с целью отработать деньги, заплаченные за его выкуп, поскольку при зачислении в 1620/21 г. на него была взята поручная запись (одним из поручителей был переводчик С.Каменев)⁷¹⁵. В 1621-1622 гг. А.Раков служил в Посольском приказе с годовым окладом 10 рублей, 200 четей поместья и 12 четей хлебного жалованья⁷¹⁶. В июне 1621 г. судился с толмачом Ф.Мясоедовым⁷¹⁷.

Толмачев Михаил Иванович, татарский толмач. Курский сын боярский, находился в плену в Крыму и был выкуплен посланником А.Лодыженским, которому служил в качестве толмача. По возвращении в Москву, в 1620 г. М.Толмачев был зачислен в Посольский приказ толмачом с окладом 9 рублей, 10 четей хлебного жалованья. 18 октября 1620 г. он доставлен в Москву из Казани отписку⁷¹⁸. В июне 1621 г. еще служил в приказе⁷¹⁹, в это время он выступал свидетелем в судебном деле толмачей А.Ракова и Ф.Мясоедова⁷²⁰; в списке толмачей 1622 г. его имя не названо.

Родин Роман, татарский толмач. Тарусский сын боярский, взят в приказ в 1620/21 г. на место умершего в Персии С.Огаркова. В 1621 г. он служил в

Посольском приказе с окладом 9 рублей, 200 четей поместья и 10 четей хлебного жалованья⁷²¹. С тем же окладом он продолжал службу и в 1622 г.⁷²²

Ушаков Иван, татарский толмач. Взят на службу в 1620-1621 гг. с окладом 9 рублей и 10 четей хлебного жалованья⁷²³. С тем же окладом он продолжал службу в 1622 г.⁷²⁴

Труфанов Тит Ефремов сын, татарский толмач. Орловский сын боярский, 15 лет находился в турецком плену (из них 11 — на галере); в плену выучился турецкому, татарскому и итальянскому языкам. В 1620 г. по его челобитной взят в Посольский приказ на место погибшего толмача А.Ганюкова с поденным кормом 6 денег⁷²⁵. В марте 1620 г. вместе с орловскими детьми боярскими удостоверил личность выходца из турецкого плена⁷²⁶.

Чапыгин Петр, татарский толмач, выкуплен из татарского плена и взят в приказ в 1621/22 г. с окладом 15 рублей⁷²⁷.

Красников Петр, татарский толмач, выкуплен из плена и взят в приказ в 1621/22 г. с окладом 20 рублей⁷²⁸.

Алехин Савва, татарский толмач. Упоминается в Посольском приказе в 1622 г. с окладом 8 рублей⁷²⁹.

Приложение 4

Служилые татары и новокрещены Посольского приказа

Нагаев Бинюк, татарский толмач, служилый татарин, станичный голова. В 1603/04 г. отправлен с гонцом А.Хрущовым в Крым¹; 5 августа 1604 г. приехал с грамотой от Хрущова в Царев-Борисов² (в связи с чем в комментариях к «Описи архива Посольского приказа 1614 г. ошибочно назван крымским послом)³. За участие в миссии Хрущова к 12 рублям годового оклада получил прибавку в 8 рублей; к 140 четям поместья — 110 четей⁴.

Сабанин Байгилдей, татарский толмач, служилый татарин. В 1603/04 г. отправлен в Крым с А.Хрущовым, вернулся в Москву, сопровождая крымского гонца⁵. За участие в миссии Хрущова получил прибавку к прежнему окладу (13 рублей, 250 четей) — 7 рублей и 50 четей⁶. В 1606 г. отправлен в Крым с посольством А.Воейкова и вернулся в Москву в начале 1607 г.⁷ 24 апреля 1607 г. отправлен в Крым со С.Ушаковым; к этому времени его оклад составлял 25 рублей и 400 четей поместья; по возвращении в Москву получил прибавку в размере 5 рублей и 50 четей⁸; он владел поместьями в Московском, Коломенском и Юрьевском уездах⁹. В 1608/09 г. оклад Б.Сабанина составлял 30 рублей¹⁰. Позднее ездил в Крым с В.Пургусовым (вернулись раньше марта 1610 г.)¹¹. В июле 1611 г. служилый татарин Б.Сабанин находился в I-м ополчении и был отправлен в Рязань на переговоры с ногайскими мурзами¹². Б.Сабанин продолжал службу в приказе до 1613/14 г., когда его денежный оклад составлял 39 рублей¹³.

Девлекозин Исенгилдей, служилый татарин. 24 апреля 1607 г. был отправлен с гонцом С.Ушаковым в Крым. Имел поместья в Московском, Коломенском и Юрьевском уездах¹⁴. До посольства его оклад составлял 14

рублей и 300 четей поместья; по возвращении было прибавлено 4 рубля и 50 четей¹⁵.

Янгиреев Такай, служилый татарин. Упомянут в документах как лицо, сопровождавшее в Москву в 1608 г. ногайского посланника Сарыя (однако, имя Янгиреева в столбце было зачеркнуто)¹⁶.

Девлекозин Девлекей Резанов, служилый татарин, станичный голова. Вероятно, сын служилого татарина Девлет-Хози Рязанова, ездившего в качестве гонца в Крым в 1557 г., а затем, в 1570 г. в составе посольства в Турцию¹⁷. В марте — августе 1610 г. находился как служилый татарин с посланником П.Вражским в Ногайской Орде; его оклад на тот момент составлял 19 рублей¹⁸. В 1613 г. с гонцом В.Пургусовым ездил в Крым; за участие в этой миссии Девлекозин получил прибавку к окладу 6 рублей и 50 четей поместья, и, возможно, был переведен в станичные головы (с 1614 г. он именуется уже как станичный голова). До этого посольства он указывал себе оклад 27 рублей и 650 четей¹⁹. В 1614 г. Д.Девлекозин с толмачом Т.Баубековым вновь ездил с грамотами в Крым. До этой крымской «посылки» Девлекозин имел оклад 27 рублей и 700 четей поместья, за участие в этой миссии получил прибавку — 6 рублей и 50 четей. В 1615-1616 гг. ездил в Хиву с грамотами, выполняя самостоятельную дипломатическую миссию. Перед поездкой в Хиву его оклад составлял 30 рублей и 650 четей (т.е. его прежнее жалованье было несколько уменьшено). По возвращении в Москву из Хивы он получил новую прибавку к жалованью — 3 рубля и 50 четей, после чего оклад Д.Девлекозина составил 33 рубля и 700 четей поместья²⁰. В июле 1617 г. Д.Девлекозин был отправлен с грамотой в Турцию²¹. В сентябре 1619 г. приехал в Москву с крымским гонцом Сеит-уланом²². Согласно росписи конца XVII века в 1615/16 г. Девлей Резанов имел двор в Москве на Татарской улице в Замоскворечье²³.

Бидеев Айгильдей, служилый татарин. В марте — августе 1610 г. в качестве служилого татарина находился в Ногайской Орде с посланником П.Вражским; оклад Бидеева на тот момент был равен 19-ти рублям²⁴. Продолжал службу в Посольском приказе после избрания на царство Михаила Романова с окладом 25 рублей. В 1613-1615 гг. находился в Турции в составе российского посольства²⁵.

Беляев Суналей (Сюнчалеи), татарский толмач, служилый татарин. Впервые упоминается как татарский толмач при I-м ополчении в июле — августе 1611 г., когда он был отправлен в Рязань на переговоры с ногайскими мурзами²⁶. 11 июля 1613 г. ездил с грамотами в Переяславль Рязанский²⁷. Вскоре, в том же 1613 г. он отправился с посольством в Турцию; его оклад составлял 17 рублей и 400 четей поместья²⁸. 24 октября 1614 г. вернулся в Москву с отпиской от послов²⁹. 31 июля 1616 г. отправлен в качестве гонца в Крым, куда прибыл 4 ноября; отпущен в Москву в январе 1617 г. с крымским гонцом Ап-семетом³⁰. Оклад С.Беляева около 1616 г. составлял 25 рублей³¹. В июле 1617 г. его планировали послать с грамотами в Турцию, но вместо него был отправлен служилый татарин Кирилл Байберин³².

Янгличев Миляй, служилый татарин, станичный голова. Служил в Посольском приказе «до Московского разоренья». В конце 1613 г. он еще числился в Посольском приказе³³. В росписи 1614 г. отмечен его оклад — 20 рублей и 450 четей; рядом с его именем в росписи служилых татар и

новокрещенов была сделана помета — «Стар добре»³⁴. Вероятно, в связи с преклонным возрастом Янглычев был отставлен от службы, поскольку дальнейших упоминаний о нем в материалах Посольского приказа обнаружить не удается.

Нагаев Айгильдей Бинюков, служилый татарин, станичный голова. Сын Бинюка Нагаева. Служил в Посольском приказе до избрания на царство Михаила Романова и продолжал службу при этом царе с окладом 27 рублей и 600 четей поместья³⁵. В 1613 г. с гонцом В.Пургусовым ездил в Крым, за что получил 4 рубля и 50 четей прибавки к прежнему окладу; после этого около 1614 г. его оклад составлял 30 рублей и 650 четей поместья³⁶. В 1614-1615 гг. Айгильдей Бинюков Нагаев ездил с посланником Р.Бузовлевым в Казыев улус; за участие в этой миссии он получил 3 рубля прибавки к годовому окладу 29 рублей³⁷. По всей вероятности, А.Бинюков осенью 1615 г. был отправлен с одним из посланников в Ногайскую Орду, поскольку 4 октября 1616 г. и 30 августа 1617 г. он упоминается в Астрахани при этих посланниках³⁸. По возвращении в Москву, А.Бинюков получил 2 рубля прибавки к жалованью, после чего его оклад возрос до 34 рублей³⁹. 17 июня 1618 г. он отправился в составе посольства С.Хрущова в Крым⁴⁰; отправлен последним с отпиской в Москву, 7 июля вновь послан с грамотой к С.Хрущову⁴¹, но был вынужден вернуться в связи с тем, что посольство последнего было захвачено запорожцами. 30 августа 1618 г. А.Бинюков был отправлен в качестве гонца с грамотой в Крым⁴², вернулся в Москву с отпиской от посланника А.Лодыженского 5 или 7 октября 1619 г.⁴³ В июле 1620 г. он был приставлен к кумышкому послу Мамаделю⁴⁴. В 1624/25 г. его вновь отправляли с грамотами в Крым⁴⁵.

Иснев Янгильдей (Зянгильдей), служилый татарин, станичный голова. Служил в Посольском приказе «до Московского разоренья»⁴⁶. В начале царствования Михаила Романова его жалованье составляло 23 рубля и 450 четей поместья⁴⁷. В 1613 г. упоминается как служилый татарин, отправленный с гонцом В.Пургусовым в Крым. По возвращении из Крыма получил прибавку к прежнему окладу — 4 рубля и 50 четей, после чего его жалованье составило 26 рублей и 500 четей поместья. Имел поместья в Серпуховском и Боровском уездах⁴⁸. В 1613-1614 гг. Я.Иснев находился в Крыму с посланником А.Лодыженским⁴⁹, в 1615-1616 гг. — с посланником И.Спешневым⁵⁰, в 1616 г. — с посланником Ф.Челюсткиным⁵¹. 20 ноября 1616 г. он был отправлен с грамотой в Крым и Стамбул⁵²; в Стамбул Иснев прибыл 8 июня 1617 г.⁵³, вернулся в Москву 29 июня 1618 г. с грамотой от российского посланника в Крыму А.Лодыженского⁵⁴. В апреле 1619 г. вместе со своим сыном Ибрагимом отправился с отпущенными из Москвы крымскими гонцами и с грамотой в Крым⁵⁵; вернулся в Москву 30 августа 1619 г. с отписками от посланника А.Лодыженского⁵⁶.

Иснев Айгильдей Багильдеев сын, служилый татарин, станичный голова. Начал службу в Посольском приказе до 1613 г.; продолжал службу при царе Михаиле. В 1613 г. он был отправлен в Крым с посланником А.Лодыженским. За участие в этой миссии А.Багильдеев получил прибавку к прежнему окладу (20 рублей и 400 четей) — 5 рублей и 50 четей поместья⁵⁷. В июле 1617 г. отправлен с К.Байбериным через Крым в Турцию⁵⁸.

Исенчурин Байкешев Богдан, служилый татарин, станичный голова. Сын служилого татарина Исенчура Байкешева, служившего в Посольском при-

казе в конце XVI — начале XVII вв. Б.Исенчури́н служил в Посольском приказе «до Московского разоренья». В конце 1613 г. он был отправлен в Крым с посланником А.Лодыженским; за участие в этой миссии к прежнему окладу (24 рубля и 550 четей) получил прибавку — 5 рублей (по другим сведениям — 4) и 50 четей поместья⁵⁹. Осенью 1615 г. его отправили с посланниками в Ногайскую Орду, откуда он вернулся, вероятно, в конце 1617 г. — начале 1618 г. За участие в посольстве к окладу 31 рубль получил 2 рубля прибавки⁶⁰. 17 июня 1618 г. отправился с посольством С.Хрушова в Крым⁶¹ и был взят в плен запорожцами в Ельце (при этом проявил себя с лучшей стороны — очевидец сообщал: «А служивого татарина Богдана Исенчурина видел ранена, ганяет за черкашенином с пищалью»⁶²). В дальнейшем, в конце 1618 г., Б.Исенчури́н бежал из подмосковного стана гетмана Сагайдачного в Москву⁶³. Оклад Исенчурина к этому времени составлял 33 рубля и 550 четей⁶⁴. В декабре 1619 г. отправлен с грамотой в Крым⁶⁵. Продолжал службу в Посольском приказе в 1624/25 г.⁶⁶

Комаев Даир (Таир), служилый татарин, станичный голова. Служил в Посольском приказе «до Московского разоренья». Участвовал в обороне Коломны, за что в Галицкой чети был верстан окладом 12 рублей⁶⁷. В 1613-1614 гг. находился с посланником И.Кондыревым в Ногайской Орде. По возвращении «из Ногай» получил прибавку к прежнему окладу — 8 рублей и 50 четей поместья⁶⁸. 6 октября 1615 г. он доставил из Москвы в Казань наказ посланнику в Ногайскую Орду Д.Голохвастову и сопровождал его в Астрахань, где находился в октябре 1616 г.⁶⁹ По возвращении в Москву Д.Комаев получил прибавку к прежнему окладу — 2 рубля, после чего его жалованье составило 22 рубля⁷⁰. В мае 1618 г. отправлен в Ногайскую Орду с дворянами, где находился по меньшей мере до февраля 1619 г.⁷¹

Терегулов Теребердей, служилый татарин, станичный голова. В своей челобитной около 1614 г. он упоминал, что служит уже 20 лет, «и был де он при царе Василье в Посольском приказе и по Московское разоренье, а служил станичную службу вместе с своею братьею, с служилыми татары, а от московского разоренья и по ся места все жил на Волоке»; в Посольском приказе имел оклад 14 рублей и 350 четей поместья; по челобитной был вновь взят на службу в Посольский приказ станичным головой служилых татар с увеличением оклада до 17 рублей и 400 четей⁷². Текст челобитной позволяет предположить, что Т.Терегулов имел поместье под Волоком. В 1614 г. сопровождал в Крым посольство Г.К.Волконского (в его подчинении было 3 служилых татарина)⁷³, отпущен из Крыма с грамотой 21 мая 1615 г.⁷⁴, в Москву прибыл 16 июня 1615 г.⁷⁵ За участие в посольстве в Крым получил прибавку к денежному окладу — 8 рублей⁷⁶, после чего его оклад составил 25 рублей. В 1617 г. Терегулов был отправлен в Крым с посольством А.Лодыженского (к этому времени он служил со сниженным окладом — 17 рублей). В Крыму Терегулов, вероятно, скончался⁷⁷.

Янбулатов (Текбулатов, Зенбулатов) Иван, новокрещен. Служил в Посольском приказе «до Московского разоренья», ездил в Ногайскую Орду (в 1613 г., при формировании состава посольства к князю Иштереку, было отмечено, что И.Янбулатов «наперед сего в Нагаех бывал»⁷⁸). В 1613 г. его оклад составлял 20 рублей (по другим сведениям — 15 рублей) и 500 четей. В 1613-1614 гг. он ездил с посольством И.Кондырева в Ногайскую Орду. За участие в этой миссии И.Янбулатов получил прибавку к жалованью — 5 рублей и 50

четей⁷⁹; в росписи служилых татар и новокрещенов Посольского приказа около 1614 г. у Янбулатова указан оклад 20 рублей и 600 четей поместья⁸⁰. В апреле 1617 и 1622/23 гг. он ездил с грамотами в Крым⁸¹. В мае 1618 г. Янбулатов ездил с посланником в Ногайскую Орду (его жалованье на момент отправления составляло 25 рублей и 650 четей поместья)⁸².

Исеналеев (Синалеев, Суналеев, Алибеков) Иван (Давыд), новокрещен, татарский толмач. Возможно, сын татарского переводчика Исен-Али Дербышева, служившего в Посольском приказе в конце XVI века. Служил в Посольском приказе «до Московского разоренья»; продолжил службу в Посольском приказе при царе Михаиле с окладом 16 рублей и 450 четей. В 1613-1614 гг. ездил с посланником И.Кондыревым в Ногайскую Орду; по возвращении в Москву получил прибавку к жалованью — 5 рублей и 50 четей поместья⁸³. Летом 1617 г. приехал с Г.Есиповым из Ногайской Орды на Дон, а оттуда в Казыев улус⁸⁴. До поездки имел жалованье 24 рубля и 550 четей поместья⁸⁵. В связи с этой поездкой назван в деле новокрещеном Иваном Алибековым⁸⁶.

Миляев Михаил, новокрещен. Служил в Посольском приказе «до Московского разоренья», но на конец 1613 г. еще ни разу не выезжал за границу в составе дипломатических миссий; его оклад в это время составлял 18 рублей и 450 четей поместья⁸⁷. В 1614 г. М.Миляев был отправлен в Крым с посланником Г.К.Волконским и 17 июля 1614 г. привез от него в Москву отписку⁸⁸. За участие в миссии Волконского Миляев получил прибавку к денежному окладу в размере 8-ми рублей. В декабре 1615 г. он ездил с грамотами под Смоленск⁸⁹. В 1614 г. судился в Посольском приказе⁹⁰. 3 мая 1616 г. М.Миляев был послан с грамотами в Устюжну Железопольскую⁹¹. В феврале — марте 1618 г. его отправляли с грамотами к приставу при шведских послах⁹² (в последних случаях М.Миляев именуется и новокрещеном, и служилым татаринном, и толмачом). В 1620 г. отправился с посольством П.Воейкова в Крым, послан с посольской казной вперед миссии и был убит запорожцами. Его оклад к моменту гибели был снижен до 20-ти рублей⁹³.

Бидеев Григорий, новокрещен. Вероятно, родственник Айгильдея Бидеева. В 1613-1615 гг. Г.Бидеев находился в составе российского посольства в Турции; его оклад составлял на тот момент 20 рублей и 500 четей⁹⁴. По возвращении из Турции отправлен с посольством Ф.Челюстинина в Крым; послан в Москву с отпиской 4 июля 1616 г.⁹⁵ В 1616 г. он был отправлен с грамотой в Стамбул в составе станицы Я.Исенева⁹⁶; прибыл в Стамбул 8 июня 1617 г.⁹⁷ Бидеев владел поместьями в Московском и Боровском уездах⁹⁸.

Очаков Степан, новокрещен. В 1614 г. отправлен с посланником Р.Бузовлевым в Казыев улус в качестве толмача⁹⁹.

Коротаев Янмамет (Елмамет, Джанмамет, Замятня), служилый татарин. Взят на службу в Посольский приказ около 1614 г. — в росписи служилых татар 1614 г. сохранилась запись: «Да в нове взят из Розряду в служилые татарове Янмамет Коротаев, умеет татарской грамоте»¹⁰⁰. В 1614 г. его отправили с посланником Г.К.Волконским в Крым; по возвращении в Москву Я.Коротаев получил 8 рублей прибавки к прежнему окладу¹⁰¹. В 1615/16 г. он был послан с грамотой под Смоленск (в связи с чем назван толмачом) и был ограблен «ворами»¹⁰². 19 июня 1616 г. выехал с грамотой во Псков¹⁰³. В ноябре 1616 г. в составе станицы Я.Исенева был отправлен в Константинополь¹⁰⁴, куда прибыл 8 июня 1617 г.¹⁰

Будалеев Кирилл, новокрещен. В 1614-1615 г. со станичным головой Д.Девлекозиным ездил с грамотами в Хиву, за что к прежнему годовому денежному окладу (12 рублей) получил прибавку — 3 рубля. Поместный оклад Будалеева был равен 300 четям¹⁰⁶. Согласно росписи конца XVII века, в 1615/16 гг. К.Будалеев имел двор в Москве на Татарской улице в Замоскворечье¹⁰⁷.

Семенов Данило, новокрещен. В октябре 1614 г. был в Ногайской Орде, куда его отправили с грамотой, причем в столбцах он упоминается одновременно и как новокрещен, и как толмач Посольского приказа¹⁰⁸. 6 октября 1615 г. доставил из Москвы в Казань наказ для посланника в Ногайскую Орду А.Хохлова¹⁰⁹ и находился с последним в Астрахани до сентября 1617 г. За участие в этом посольстве Д.Семенов получил прибавку к прежнему окладу (20 рублей) — 2 рубля¹¹⁰. В мае 1618 г. вновь отправлен с дворянами в Ногайскую Орду для толмачества¹¹¹.

Емаев Дмитрий, новокрещен. В 1614 г. он находился с посланником Р.Бузовлевым в Казыеве улусе, за что к окладу 15 рублей получил прибавку 3 рубля¹¹². В ноябре 1614 г. получил в Посольском приказе кормовые деньги; 11 декабря того же года его послали с грамотой на Белую¹¹³. 6 октября 1615 г. доставил из Москвы в Казань наказ для посланника в Ногайскую Орду О.Зюзина¹¹⁴; за участие в ногайском посольстве получил прибавку 2 рубля, после чего его оклад составил 20 рублей¹¹⁵. В мае 1618 г. отправлен с дворянами в Ногайскую Орду¹¹⁶.

Кашаев Кулуш, служилый татарин. В 1615 г. отправлен в Крым с посланником И.Спешневым; его оклад составлял 12 рублей и 300 четей поместья. На обратном пути из Крыма сопровождал в Москву крымских гонцов¹¹⁷. В 1617 г. отправился с посольством А.Лодыженского в Крым, имея оклад 15 рублей¹¹⁸. В 1618 г. находился в Крыму, прибыл в Москву с подьячим Ф.Болдыревым в октябре 1618 г.¹¹⁹

Облешев Исеналей (Сеналий, Сюналей), служилый татарин. 11 сентября 1615 г. отправлен в Турцию; его оклад составлял 15 рублей¹²⁰. В 1617 г. его отправили с А.Лодыженским в Крым; оклад Облешева на тот момент, по прежнему, был равен 15 рублям. Вероятно, скончался в Крыму¹²¹.

Черетаев (Речатов) Куремша, служилый татарин. 31 марта 1616 г. привез грамоту в Крым к посланнику И.Спешневу¹²²; остался в Крыму с посланником Ф.Челюсткиным (упоминается до января 1617 г.)¹²³. На обратном пути в Москву был убит запорожцами. Его оклад на момент гибели составлял 15 рублей¹²⁴.

Нагаев Леонтий Айгильдеев, служилый татарин. Вероятно, сын Айгильдея Бинюкова Нагаева. Упоминается в 1616 г. в связи с его отправлением в Крым вместе с крымскими гонцами¹²⁵.

Абдурахман (Адрахман), служилый татарин. Упоминается при российском посольстве в Турцию в июне 1616 г.¹²⁶

Майтяков (Монтяков) Иван, новокрещен. Упоминается в составе посольства в Крым Ф.Челюсткина (1616-1617 гг.) в качестве толмача¹²⁷. В мае 1618 г. был отправлен для толмачества с дворянами в Ногайскую Орду¹²⁸.

Исенев Ибрагим (Гаврило) Янгильдеев сын, служилый татарин, сын Я.Исенева. Служил в приказе уже в 1616 г. (в деле по челобитной служилого татарина Л.Айгильдеева Нагаева в 1616 г. он выписан в пример последнему)¹²⁹. В 1617 г. находился в Крыму с посланником А.Лодыженским и

по приказу хана был послан с грамотой в Астрахань¹³⁰. В 1619 г. с отцом ездил в Крым с грамотами¹³¹.

Байберин Кирилл, служилый татарин. Возможно, сын служилого татарина Байбери, отправленного в качестве гонца в Крым в 1564 г.¹³² В апреле 1617 г. он ездил с грамотами в Крым¹³³. В июле 1617 г. ездил с грамотой в Турцию через Крым¹³⁴. Позднее, в 1622/23 г. вновь был отправлен с грамотой в Крым¹³⁵.

Бавкеев (Мабкаев) Тулубай, татарский толмач, касимовский служилый татарин¹³⁶. В августе 1617 г. ездил с грамотами в Крым¹³⁷; в мае 1618 г. вновь ездил в Крым, куда прибыл 6 июня¹³⁸; 20 марта 1619 г. вернулся в Москву с грамотой от посла А.Лодыженского¹³⁹. До поездки имел оклад 250 четей, после было добавлено 50 четей¹⁴⁰. Денежный оклад Бавкеева в 1618-1619 гг. составлял 12 рублей¹⁴¹.

Козяев (Козыев) Ток, служилый татарин. В мае 1618 г. ездил с посланником С.Рагозиным в Ногайскую Орду. Его жалованье составляло 24 рубля и 500 четей¹⁴².

Бабашихов Михаил, служилый татарин. Упоминается в этом качестве в 1619 г.¹⁴³

БИБЛИОГРАФИЯ

І. Источники

а. Архивные фонды, использованные в исследовании

- 1 РГАДА. Ф. 32. «Сношения России с Австрией и Германской империей».
- 2 РГАДА. Ф. 35. «Сношения России с Англией».
- 3 РГАДА. Ф. 44. «Сношения России с Гамбургом».
- 4 РГАДА. Ф. 50. «Сношения России с Голландией».
- 5 РГАДА. Ф. 52. «Сношения России с Грецией».
- 6 РГАДА. Ф. 53. «Сношения России с Данией».
- 7 РГАДА. Ф. 61. «Сношения России с имперскими городами».
- 8 РГАДА. Ф. 77. «Сношения России с Персией».
- 9 РГАДА. Ф. 79. «Сношения России с Польшей».
- 10 РГАДА. Ф. 89. «Сношения России с Турцией».
- 11 РГАДА. Ф. 93. «Сношения России с Францией».
- 12 РГАДА. Ф. 96. «Сношения России со Швецией».
- 13 РГАДА. Ф. 109. «Сношения России с Бухарой».
- 14 РГАДА. Ф. 110. «Сношения России с Грузией».
- 15 РГАДА. Ф. 111. «Донские дела».
- 16 РГАДА. Ф. 115. «Кабардинские, черкесские и другие дела».
- 17 РГАДА. Ф. 119. «Калмыцкие дела».
- 18 РГАДА. Ф. 121. «Кумыцкие и тарковские дела».
- 19 РГАДА. Ф. 123. «Сношения России с Крымом».
- 20 РГАДА. Ф. 126. «Мунгальские дела».
- 21 РГАДА. Ф. 127. «Сношения России с ногайскими татарами».
- 22 РГАДА. Ф. 130. «Сибирские дела».
- 23 РГАДА. Ф. 131. «Татарские дела».
- 24 РГАДА. Ф. 134. «Сношения России с Хивой».
- 25 РГАДА. Ф. 138. «Дела о Посольском приказе и служивших в нем».
- 26 РГАДА. Ф. 141. «Приказные дела старых лет».
- 27 РГАДА. Ф. 149. «Дела о самозванцах и письма Лжедмитрия».
- 28 РГАДА. Ф. 150. «Дела о выездах иностранцев в Россию».
- 29 РГАДА. Ф. 159. «Приказные дела новой разборки».
- 30 РГАДА. Ф. 1209. «Поместный приказ».
- 31 AGAD. Archiwum Radziwillow.
- 32 AGAD. Archiwum koronne warszawskie. Dzial Hishpanskie.
- 33 AGAD. Archiwum skarbu koronnego. Rachunki poselstw.

б. Опубликованные источники

- 1 Акты XIII-XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества. Ч. 1. М., 1898.
- 2 Акты времени междуцарствия. (1610 г. 17 июля — 1613 г.). М., 1915.
- 3 Акты времени правления Василия Шуйского. (19 мая 1606-17 июля 1610 г.). М., 1914.
- 4 Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. Ч. 2. СПб., 1841.
- 5 Белокуров С.А. Разрядные записи за Смутное время (7113-7121 гг.). М., 1907.
- 6 Боярская книга 1627 г. М., 1986.
- 7 Боярская книга 1639 г. М., 1999.
- 8 Боярские списки последней четверти XVI — начала XVII вв. и роспись русского войска 1604 г. М., 1979.
- 9 Буссов К. Московская хроника 1584-1613 гг. / Хроники Смутного времени. М., 1998.

- 10 Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987.
- 11 «Временник» Ивана Тимофеевича Семенова / Смута в Московском государстве: Россия начала XVII столетия в записках современников. М., 1989.
- 12 *Елаассонский А.* Мемуары из русской истории / Хроники Смутного времени. М., 1998.
- 13 *Жолкевский С.* Записки гетмана Жолкевского о Московской войне. СПб., 1871.
- 14 *Масса И.* Краткое известие о начале и происхождении современных войн и смут в Московии, случившихся до 1610 года за короткое время правления нескольких государей / О начале войн и смут в Московии. М., 1997.
- 15 *Мнишек М.* Дневник Марины Мнишек. СПб., 1995.
- 16 *Немоевский С.* Записки / *Титов А.А.* Рукописи славянские и русские, принадлежащие И.Вахромееву. Вып. 6. М., 1907.
- 17 Новый летописец / Хроники Смутного времени. М., 1998.
- 18 Описи Царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. М., 1960.
- 19 Опись архива Посольского приказа 1626 года. Ч. 1. М., 1977.
- 20 Опись архива Посольского приказа 1673 г. (Далее – Опись 1673 г.). М., 1990.
- 21 Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Т. 1-3. СПб., 1890, 1892, 1898.
- 22 Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. 2. СПб., 1852.
- 23 *Петрей П.* История о Великом княжестве Московском, происхождении великих русских князей, недавних смутах, произведенных там тремя Лжедмитриями, и о московских законах, нравах, правлении, вере и обрядах, которую собрал, описал и обнаружил Петр Петрей де Ерлезунда в Лейпциге 1620 года. / О начале войн и смут в Московии. М., 1997.
- 24 Писцовые книги Рязанского края. Вып. 1. Рязань, 1996.
- 25 «Повесть о некоей брани» / Смута в Московском государстве: Россия начала XVII столетия в записках современников. М., 1989.
- 26 *Попов А.Н.* Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869.
- 27 Посольская книга по связям России с Англией 1613-1614 гг. М., 1979.
- 28 Разрядная книга 1550-1636 гг. М., 1976.
- 29 Разрядная книга 1559-1605 гг. М., 1974.
- 30 Россия начала XVII века. Записки капитана Маржерета. М., 1982.
- 31 Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. Т. 1. СПб., 1872; Т. 9. СПб., 1884; Т. 28. М., 1912.
- 32 Сборник Русского императорского исторического общества. Т. 137, 142. СПб., 1912, 1913.
- 33 Сказание Авраамия Палицына. М.-Л., 1955.
- 34 *Смит Т.* Путешествие и пребывание в России. СПб., 1893.
- 35 Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч. 2. М., 1819.
- 36 Сообщение о кровавой и страшной резне в городе Москве с ужасным концом Димитрия, последнего князя, царствовавшего донныне / Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. Сб. статей. М., 1991.
- 37 *Сухотин Л.М.* Первые месяцы царствования Михаила Федоровича. (Столбцы Печатного приказа). М., 1915.
- 38 Явочный список вотчинных владений Московского уезда писцов 1584-1586 гг. Т.А.Хлопова «с товарищи» // Источниковедение отечественной истории. 1984. М., 1986.
- 39 *Якубов К.* Россия и Швеция в первой половине XVII века. М., 1897.

II. Литература

- 40 *Апатов М.А.* Что знал Посольский приказ о Западной Европе во второй половине XVII в. / История и историки. Историография всеобщей истории. М., 1966. С. 89-129.
- 41 *Белокуров С.А.* О Посольском приказе. М., 1906.
- 42 *Белокуров С.А.* Списки дипломатических лиц русских за границей и иностранных при русском дворе. (С начала сношений по 1800 г.) Вып. 1. М., 1892.
- 43 *Богоявленский С.К.* Приказные судьи XVII века. М.-Л., 1946.
- 44 *Бушев П.П.* История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1586-1612 гг. (по русским архивам). М., 1976.
- 45 *Бушев П.П.* История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1613-1621 гг. (по русским архивам). М., 1987.
- 46 *Вайнштейн О.Л.* Россия и Тридцатилетняя война 1618-1648 гг. Очерки из истории внешней политики Московского государства в первой половине XVII века. М., 1947.
- 47 *Веселовский С.Б.* Дьяки и подьячие XV-XVII вв. М., 1975.
- 48 *Воскобойникова Н.П.* Описание древнейших документов архивов московских приказов XVI – нач. XVII вв. (РГАДА. Ф. 141. Приказные дела старых лет). Вып. 1-3. М., СПб., 1994, 1999.
- 49 *Гальцов В.И.* Вступительная статья / Опись архива Посольского приказа 1626 г. М., 1977.
- 50 *Демидова Н.Ф.* Служилая бюрократия в России XVII века и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987.
- 51 *Дмитриев Л.А.* Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII-XVII вв. Эволюция жанра легендарно – биографических сказаний. Л., 1973.
- 52 *Достовалов Ю.Н.* Российский посольский этикет XVI-XVII веков. / Вопросы истории, 1994. № 4.
- 53 Дьяки и подьячие Посольского приказа в XVI веке. / Справочник. Сост. *Савва В.И.* М., 1983.
- 54 *Забелин И.Е.* Минин и Пожарский. Прямые и кривые в Смутное время. М., 1999.
- 55 *Зевакин Е.С.* Персидский вопрос в русско-европейских отношениях XVII века. / Исторические записки, 1940. Т. 8.
- 56 История внешней политики России. Конец XV-XVII век. (От свержения ордынского ига до Северной войны). М., 1999.
- 57 *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. 11, 12. Калуга, 1995.
- 58 *Ключевский В.О.* Русская история. Полный курс лекций. Кн. 2. М., 1995.
- 59 *Козляков В.Н.* «Дневник Марины Мнишек» – памятник Смутного времени // Дневник Марины Мнишек. СПб., 1995.
- 60 *Костомаров Н.И.* Смутное время Московского государства начала XVII века. М., 1994.
- 61 *Куненков Б.А.* Петр Алексеевич Третьяков во главе Посольского приказа. // История (еженедельное приложение к газете «Первое сентября»). № 11, март, 1999. С. 9-12.
- 62 *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI – 30-е гг. XVII века. М., 1963.
- 63 Лжедмитрий I и Украина: Указатель архивных материалов. Сост. *Ульяновский В.И.* Киев, 1990.
- 64 *Лисейцев Д.В.* Русский дипломат XVII в. Иван Грамотин // От Московского государства к Российской империи (тезисы докладов участников 3-х научных чтений памяти А.В.Муравьева на кафедре источниковедения исторического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова). М., 1998.

- 65 *Лисейцев Д.В.* Посольский дьяк Иван Грамотин: биографическое исследование // Русское Средневековье. 1998 год. Вып. 2. Международные отношения. М., 1999.
- 66 *Лисейцев Д.В.* Иван Грамотин — дипломат и государственный деятель. // История (еженедельное приложение к газете «Первое сентября»). № 11, март 1999.
- 67 *Лисейцев Д.В.* Судья Посольского приказа И.Т.Грамотин // Дипломатический вестник, № 10, октябрь 1999.
- 68 *Лисейцев Д.В.* Афанасий Иванович Власьев // Дипломатический вестник, № 5, май 2000.
- 69 *Лисейцев Д.В.* Русско-турецкие отношения в начале XVII в.: от конфронтации к сближению // Отечественная история, 2002, № 5.
- 70 *Лисейцев Д.В.* Дьяк Василий Телепнев и Посольский приказ в Смутное время // Дипломатический вестник, № 11, ноябрь 2000, 0,6 п.л.
- 71 *Лисейцев Д.В.* Русско-персидские дипломатические контакты и «кавказский вопрос» в политике России в начале XVII в. // Россия XXI, № 5, 2000, 1,2 п.л.
- 72 *Лихачев Д.С.* Повести русских послов как памятник литературы / Путешествия русских послов в XVI-XVII вв. Статейные списки. М.-Л., 1954.
- 73 *Малиновский А.Ф.* Обзорение Москвы. М., 1992.
- 74 *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.-Л., 1948.
- 75 *Новосельский А.А.* Разновидности крымских статейных списков XVII века и приемы их составления // Проблемы источниковедения. Т. 9. М., 1961.
- 76 *Новосельцев А.П.* Русско-иранские политические отношения во второй половине XVI в. // Международные связи России до XVII в. М., 1961.
- 77 *Новосельцев А.П.* Русско-иранские отношения в первой половине XVII в. // Международные связи России в XVII-XVIII веках. М., 1966. С. 103-121.
- 78 Обзор посольских книг из фондов — коллекций, хранящихся в ЦГАДА. Сост. *Рогожин Н.М.* М., 1990.
- 79 *Павлов А.П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584-1605 гг.). СПб., 1992.
- 80 *Павлов А.П.* Приказы и приказная бюрократия (1584-1605 гг.) / Исторические записки, № 116. М., 1988.
- 81 *Платонов С.Ф.* Борис Годунов. М., 1999.
- 82 *Платонов С.Ф.* Москва и Запад в XVI-XVII веках. Л., 1925.
- 83 *Платонов С.Ф.* Московское правительство при первых Романовых / Статьи по русской истории (1883-1912 гг.). Т. 1. СПб., 1912.
- 84 *Платонов С.Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI-XVII веков. (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время). М., 1937.
- 85 *Поршнев Б.Ф.* Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М., 1976.
- 86 *Пуццлло М.П.* Думный дьяк И.Т.Грамотин (1606-1638). СПб., 1878.
- 87 *Рогожин Н.М.* Место России XVI-XVII веков в Европе по материалам посольских книг / Место России в Европе. (Материалы международной конференции). Будапешт, 1999.
- 88 *Рогожин Н.М.* Посольские книги начала XVII в. как исторический источник: Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1983 (машинопись).
- 89 *Рогожин Н.М.* Посольские книги России конца XV — начала XVII вв. М., 1994.
- 90 *Рябошапка Ю.Б.* Русско-шведские отношения на рубеже XVI-XVII веков // Вопросы истории. № 3, 1977.
- 91 *Савва В.И.* О Посольском приказе в XVI веке. Харьков, 1917.

- 92 *Скрынников Р.Г.* Самозванцы в России в начале XVII в. Григорий Отрепьев. Новосибирск, 1990.
- 93 *Скрынников Р.Г.* Минин и Пожарский. Хроника Смутного времени. М., 1981.
- 94 *Скрынников Р.Г.* Россия в начале XVII в. «Смута». М., 1988.
- 95 *Словарь книжников и книжности Древней Руси.* Вып. 3. (XVII в.). Ч. 1. СПб., 1992.
- 96 *Смирнов Н.А.* Россия и Турция в XVI-XVII вв. Т. 1. М., 1946.
- 97 *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Т. 8-10. М., 1989.
- 98 *Станиславский А.Л.* Гражданская война в России XVII в: Казачество на переломе истории. М., 1990.
- 99 *Тереженко А.* Опыт обозрения жизни сановников, управлявших иностранными делами в России. Т. 1. СПб, 1837.
- 100 *Тихомиров М.Н.* Приказное делопроизводство в XVII в. // *Тихомиров М.Н.* Российское государство XV-XVII веков. М., 1973.
- 101 *Ульяновский В.И.* Русско-шведские отношения в начале XVII в. и борьба за Балтику / Скандинавский сборник. Вып. 33. Таллинн, 1990. С. 60-75.
- 102 *Флоря Б.Н.* Из следственного дела Богдана Бельского // Археографический ежегодник за 1985 г. М., 1986.
- 103 *Флоря Б.Н.* О Земском собрании 1621 г. // История СССР, № 4, 1981.
- 104 *Флоря Б.Н.* Русско-австрийские отношения на рубеже XVI-XVII вв. (Посольство Афанасия Власьева в Империю), / Международные связи стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы и славянско-германские отношения. М., 1968.
- 105 *Флоря Б.Н.* Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI – начале XVII в. М., 1973.
- 106 *Флоря Б.Н.* Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI – начале XVII в. М., 1978.
- 107 *Форстен Г.В.* Балтийский вопрос в XVI-XVII столетиях (1544-1648 гг.). Т. 2. СПб., 1894.
- 108 *Шаскольский И.П.* Столбовский мир 1617 г. и торговые отношения России со Шведским государством. М., 1964.
- 109 *Шаскольский И.П.* Шведская интервенция в Карелии в начале XVII века. Петрозаводск, 1950.
- 110 *Шватченко О.А.* Светские феодальные вотчины России в первой трети XVII века. М., 1990.
- 111 *Шмидт С.О., Князьков С.Е.* Документы делопроизводства правительственных учреждений России XVI-XVII вв. М., 1985.
- 112 *Эскин Ю.М.* Местничество в России XVI-XVII вв.: Хронологический реестр. М., 1994.
- 113 *Юзефович Л.А.* «Как в посольских обычаях ведется...». (Русский посольский обычай конца XV – начала XVII вв.). М., 1988.
- 114 *Czerska D.* Dymitr Samozwaniec. Wroclaw, 1995.
- 115 *Gruber I.* The Muscovite embassy of 1599 to emperor Rudolf II of Habsburg. Montreal, 1999.
- 116 *Grzybowski S.* Organizacja polskiej sluzby dyplomatycznej w latach 1573-1605. // Polska sluzba dyplomatyczna XVI-XVII wieku. Warszawa, 1966.
- 117 *Historia dyplomacji polskiej.* Т. II. 1572-1795. Warszawa, 1982
- 118 *Lawrientiew A.* Poselstwo rosyjskie 1605/1606 г. na rolce sztokholmskiej. Kronika zamkowa. Warszawa, № 1, 1998.
- 119 *Phipps G.M.* Sir John Merrick English Merchant – Diplomat in Seventeenth Century Russia. Newtonville, Mass. 1983.
- 120 *Polak W.* O Kreml i Smolenszyne. Polityka Rzeczypospolitej wobec Moskwy w latach 1607-1612. Torun, 1995.
- 121 *Wisner H.* Zigmunt III Waza. Wroclaw, 1991.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

- ¹ *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. 11, 12. Калуга, 1995; *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Т. 8-10. М., 1989; *Костомаров Н.И.* Смутное время Московского государства начала XVII века. М., 1994; *Ключевский В.О.* Русская история. Полный курс лекций. Кн. 2. М., 1995; *Платонов С.Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI-XVII веков. (Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время). М., 1937; *Скрынников Р.Г.* Россия в начале XVII в. «Смута». М., 1988.
- ² *Форстен Г.В.* Балтийский вопрос в XVI-XVII столетиях (1544-1648 гг.). Т. 2. СПб., 1894; *Смирнов Н.А.* Россия и Турция в XVI-XVII вв. Т. 1. М., 1946; *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.-Л., 1948; *Шаскольский И.П.* Столбовский мир 1617 г. и торговые отношения России со Шведским государством. М., 1964; *Новосельцев А.П.* Русско-иранские отношения в первой половине XVII века // Международные связи России в XVII-XVIII веках. М., 1966. С. 103-121; *Кушева Е.Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI – 30-е гг. XVII века. М., 1963; *Флора Б.Н.* Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI – начале XVII века. М., 1973; *Он же.* Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI – начале XVII века. М., 1978; *Бушев П.П.* История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1586-1612 гг. (по русским архивам). М., 1976; *Ульяновский В.И.* Русско-шведские отношения в начале XVII века и борьба за Балтику // Скандинавский сборник. Вып. 33. Таллинн, 1990. С. 60-75.
- ³ *Grzybowski S.* Organizacja polskiej sluzby dyplomatycznej w latach 1573-1605. // Polska sluzba dyplomatyczna XVI-XVII wieku. Warszawa, 1966; *Historia dyplomacji polskiej.* Т. II. 1572-1795. Warszawa, 1982; *Wisner H.* Zigmunt III Waza. Wroclaw, 1991; *Czerska D.* Dymitr Samozwaniec. Wroclaw, 1995; *Polak W.* O Kreml i Smolenszyne. Polityka Rzeczypospolitej wobec Moskwy w latach 1607-1612. Torun, 1995.
- ⁴ *Белокуров С.А.* О Посольском приказе. М., 1906.
- ⁵ *Савва В.И.* О Посольском приказе в XVI веке. Харьков, 1917; Дьяки и подьячие Посольского приказа в XVI веке. Справочник. Сост. *Савва В.И.* М., 1983.
- ⁶ Обзор посольских книг из фондов – коллекций, хранящихся в ЦГАДА. Сост. Н.М.Рогожин. М., 1990; *Рогожин Н.М.* Посольские книги России конца XV – начала XVII вв. М., 1994.
- ⁷ *Демидова Н.Ф.* Служилая бюрократия в России XVII века и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987.
- ⁸ *Богоявленский С.К.* Приказные судьи XVII века. М.-Л., 1946; *Веселовский С.Б.* Дьяки и подьячие XV-XVII вв. М., 1975.
- ⁹ *Тихомиров М.Н.* Приказное делопроизводство в XVII веке // *Тихомиров М.Н.* Российское государство XV-XVII веков. М., 1973; *Шмидт С.О., Князьков С.Е.* Документы делопроизводства правительственных учреждений России XVI-XVII вв. М., 1985.
- ¹⁰ *Юзефович Л.А.* «Как в посольских обычаях ведется...». (Русский посольский обычай конца XV – начала XVII в.). М. 1988.
- ¹¹ *Алпатов М.А.* Что знал Посольский приказ о Западной Европе во второй половине XVII в. // История и историки. Историография всеобщей истории. М., 1966. С. 89-129.

- 12 *Лихачев Д.С.* Повести русских послов как памятник литературы // Путешествия русских послов в XVI-XVII вв. Статейные списки. М.-Л., 1954.
- 13 *Новосельский А.А.* Разновидности крымских статейных списков XVII века и приемы их составления // Проблемы источниковедения. Т. 9. М. 1961.
- 14 *Гальцов В.И.* Вступительная статья // Опись архива Посольского приказа 1626 г. М., 1977.
- 15 *Рогожин Н.М.* Посольские книги начала XVII в. как исторический источник: Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1983 (машинопись).
- 16 *Луццлло М.П.* Думный дьяк И.Т.Грамотин (1606-1638). СПб., 1878.
- 17 *Куненков Б.А.* Петр Алексеевич Третьяков во главе Посольского приказа // История (еженедельное приложение к газете «Первое сентября»). № 11, март, 1999. С. 9-12.
- 18 Сказание Авраамия Палицына. М.-Л., 1955; «Временник» Ивана Тимофеевича Семенова // Смута в Московском государстве: Россия начала XVII столетия в записках современников. М., 1989; *Буссов К.* Московская хроника 1584-1613 гг. // Хроники Смутного времени. М., 1998; *Масса И.* Краткое известие о начале и происхождении современных войн и смут в Московии, случившихся до 1610 года за короткое время правления нескольких государей // О начале войн и смут в Московии. М., 1997; Россия начала XVII века. Записки капитана Маржерета. М., 1982; *Мнишек М.* Дневник Марины Мнишек. СПб., 1995; *Петрей П.* История о Великом княжестве Московском, происхождении великих русских князей, недавних смутах, произведенных там тремя Лжедмитриями, и о московских законах, нравах, правлении, вере и обрядах, которую собрал, описал и обнаружил Петр Петрей де Ерлезунда в Лейпциге 1620 года // О начале войн и смут в Московии. М., 1997; Новый летописец. // Хроники Смутного времени. М., 1998.
- 19 Разрядная книга 1559-1605 гг. М., 1974; Разрядная книга 1550-1636 гг. М., 1976; *Белокуров С.А.* Разрядные записи за Смутное время (7113-7121 гг.). М., 1907; Боярские списки последней четверти XVI – начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г. М., 1979; Боярская книга 1627 года. М., 1986; Боярская книга 1639 г. М., 1999.
- 20 Описи Царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. М., 1960; Опись архива Посольского приказа 1626 года. Ч. 1. М., 1977; Опись архива Посольского приказа 1673 г. (Далее – Опись 1673 г.). М., 1990; РГАДА. Ф. 138. «Дела о Посольском приказе и служивших в нем». Оп. 3. Д. 3.
- 21 Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. 2. СПб., 1852.
- 22 Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Тт. 1-3. СПб., 1890, 1892, 1898.
- 23 Сборник Русского императорского исторического общества. Т. 137, 142. СПб., 1912, 1913.
- 24 Акты времени правления Василия Шуйского. (19 мая 1606 – 17 июля 1610 г.). М., 1914; Акты времени междуцарствия. (1610 г. 17 июля – 1613 г.). М., 1915.
- 25 Посольская книга по связям России с Англией 1613-1614 гг. М., 1979.

Глава 1

1 Опись 1614 г. Л. 305 об.-306.

2 РГАДА. Ф. 123. «Сношения России с Крымом». Оп. 1. Д. 2. (1604 г.). Л. 17, 23.

- 3 *Рябошанко Ю.Б.* Русско-шведские отношения на рубеже XVI-XVII веков // Вопросы истории. № 3, 1977. С. 35.
- 4 РГАДА. Ф. 110. «Сношения России с Грузией». Оп. 1. Д. 1. (1604 г.). Л. 24.
- 5 *Бушев П.П.* История посольств 1586-1612 гг. С. 390.
- 6 РГАДА. Ф. 79. «Сношения России с Польшей». Оп. 1. Кн. 26. Л. 62 об.-63, 65 об.-66 об., 138 об.-141; Кн. 27. Л. 91 об.; Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией. (Далее – АИ). Ч. 2. СПб., 1841. Ч. 2. С. 60-61.
- 7 РГАДА. Ф. 96. «Сношения России со Швецией». Оп. 1. Кн. 13. Л. 296 об.-297 об.; Кн. 12. Л. 6; Д. 8. (1615 г.). Л. 11-11 об.; Д. 5. (1616 г.). Л. 7.
- 8 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1604 г.). Л. 27; Ф. 127. «Сношения России с ногайскими татарами». Оп. 1. Д. 1. (1601 г.). Л. 27; Д. 3. (1604 г.). Л. 181-189, 195-196; *Скрынников Р.Г.* Россия в начале XVII в. С. 130, 177.
- 9 *Флоря Б.Н.* Русско-польские отношения и балтийский вопрос... С. 200-201. См. также: История внешней политики России. Конец XV-XVII век. (От свержения ордынского ига до Северной войны). (Далее – История внешней политики). М., 1999. С. 202.
- 10 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1604 г.). Л. 173-182; Ф. 110. Оп. 1. Д. 2. (1604 г.). Л. 1; *Смит Т.* Путешествие и пребывание в России. СПб., 1893. С. 91-93; *Ульяновский В.И.* Указ. соч. С. 70.
- 11 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 26. Л. 251 об.
- 12 РГАДА. Ф. 149. «Дела о самозванцах и письма Лжедмитрия». Оп. 1. Д. 15, 17, 18 а, 18 б, 19-21; Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1604 г.). Л. 234 об.; Ф. 79. Оп. 1. Д. 1. (1605 г.). Л. 11-23; Дневник Марины Мнишек. С. 34, 64; *Ульяновский В.И.* Указ. соч. С. 68.
- 13 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 26. Л. 52 об.; Ф. 149. Оп. 1. Д. 23.
- 14 РГАДА. Ф. 149. Оп. 1. Д. 43 с; Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1606 г.). Л. 15; *Опись 1626 г.* Л. 575 об.
- 15 *Ульяновский В.И.* Указ. соч. С. 65, 69-74.
- 16 *Лисейцев Д.В.* Русско-турецкие отношения в начале XVII в.: от конфронтации к сближению // Отечественная история, 2002, № 5. С. 171-172.
- 17 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 1. (1608 г.). Л. 1; Д. 3. (1608 г.). Л. 4.
- 18 РГАДА. Ф. 77. «Сношения России с Персией». Оп. 1. Д. 1. (1607 г.). Л. 13-15; Д. 1. (1617 г.). Л. 210.
- 19 РГАДА. Ф. 111. «Донские дела». Оп. 1. Д. 1. (1613 г.). Л. 1-2.
- 20 РГАДА. Ф. 61. «Сношения России с имперскими городами». Оп. 1. Д. 20. Л. 3.
- 21 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1606 г.). Л. 2; *Опись 1614 г.* Л. 135.
- 22 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 1. (1608 г.). Л. 1-2; Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. (1607 г.). Л. 1-15; Ф. 138. «Дела о Посольском приказе и служивших в нем». Оп. 1. Д. 1. (1613-1617 гг.). Л. 44.
- 23 РГАДА. Ф. 50. «Сношения России с Голландией». Оп. 1. Д. 2. (1613 г.). Л. 1; Ф. 111. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.). Л. 1-2; *Опись 1614 г.* Л. 307 об.
- 24 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 27. Л. 211 об.; Ф. 141. «Приказные дела старых лет». Оп. 1. Д. 6. (1613 г.). Л. 1.
- 25 *Опись 1614 г.* Л. 325 об.; РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1607 г.). Л. 1, 24, 32-33, 37.
- 26 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 26. Л. 125-126.
- 27 Там же. Кн. 30. Л. 98 об.-99 об.; АИ. Ч. 2. С. 222.
- 28 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 3. (1615 г.). Л. 267; Д. 8. (1615 г.). Л. 27; Д. 3. (1616 г.). Л. 293-294; Д. 1. (1617 г.). Л. 165. См. также: *Шаскольский И.П.* Шведская интервенция в Карелии в начале XVII века. Петрозаводск, 1950. С. 47-48.
- 29 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 1. (1610 г.). Л. 17-18; Ф. 141. Оп. 1. Д. 2. (1618 г.). Л. 12; *Белокуров С.А.* Разрядные записи... С. 98-99; *Опись 1614 г.* Л. 326; *Опись 1626 г.* Л. 587 об.-588.

- 30 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 1. (1610 г.). Л. 17-18; Д. 2. (1610 г.). Л. 1-5.
- 31 РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.). Л. 178-179, 305-308; Д. 2. (1614 г.). Л. 82-83; Ф. 115. «Кабардинские, черкесские и другие дела». Оп. 1. Д. 1. (1615 г.). Л. 35; Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. (1613-17 гг.). Л. 12-13.
- 32 Белокуров С.А. Разрядные записи... С. 57.
- 33 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 30. Л. 212 об.-215.
- 34 AGAD. Archiwum Radziwillow, II. T. V, 568. S. 1-5.
- 35 Елассонский А. Мемуары из русской истории // Хроники Смутного времени. М., 1998. С. 195-196.
- 36 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 30. Л. 185, 191 об. См. также: Polak W. O Kreml i Smolenszynie. Polityka Rzeczypospolitej wobec Moskwy w latach 1607-1612. Torun, 1995. S. 224.
- 37 РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.). Л. 178-179; Д. 2. (1614 г.). Л. 83; Д. 2. (1615 г.). Л. 205; Д. 2. (1616 г.). Л. 54; Ф. 127. Оп. 1. Д. 2. (1613 г.). Л. 2, 12.
- 38 Веселовский С.Б. Указ. соч. С. 523; РГАДА. Ф. 35. «Сношения России с Англией». Оп. 1. Д. 45. Л. 6-8.
- 39 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 29. Л. 75-75 об.
- 40 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 2. (1615 г.). Л. 41.
- 41 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 29. Л. 1, 15-17 об., 95, 183.
- 42 РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 2. (1614 г.). Л. 146.
- 43 РГАДА. Ф. 89. «Сношения России с Турцией». Оп. 1. Д. 2. (1616 г.). Л. 33, 72.
- 44 РГАДА. Ф. 126. «Мунгальские дела». Оп. 1. Д. 1. (1618 г.). Л. 1-3, 20.
- 45 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 7. (1613 г.). Л. 2-8.
- 46 РГАДА. Ф. 50. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.). Л. 3; Д. 1. (1614 г.). Л. 6.
- 47 Там же. Д. 4. (1615 г.). Л. 6.
- 48 Там же. Д. 2. (1616 г.). Л. 16-17.
- 49 РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 2. (1618 г.). Л. 9.
- 50 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 3. (1618 г.). Л. 59-62.
- 51 Соловьев С.М. Указ. соч. Т. 10. С. 457.
- 52 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. (1613-18 гг.). Л. 106-107.
- 53 РГАДА. Ф. 53. «Сношения России с Данией». Оп. 1. Д. 1. (1617 г.). Л. 1-6.
- 54 РГАДА. Ф. 150. «Дела о выездах иностранцев в Россию». Оп. 1. Д. 2. (1618 г.). Л. 2.
- 55 Там же. Д. 1. (1615 г.). Л. 1.
- 56 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. (1613-18 гг.). Л. 289-290.
- 57 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 52. Л. 119-122.
- 58 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. (1613-18 гг.). Л. 121, 180-183.
- 59 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 7. (1615 г.). Л. 3-6.
- 60 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. (1613-18 гг.). Л. 260.
- 61 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 69. Л. 1-2.
- 62 Там же. Д. 77. Л. 1.
- 63 РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 2. (1617 г.). Д. 1. (1619 г.). Л. 128. См. также: Опись 1626 г. Л. 293 об., 294, 661.
- 64 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 52. Л. 126 об.
- 65 РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Кн. 3. Л. 326 об.-327.
- 66 Опись 1626 г. Л. 345 об., 571 об.-572, 732, 735 об., 747.
- 67 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2. (1616 г.). Л. 1-16.
- 68 Опись 1626 г. Л. 729 об.-730 об., 732.
- 69 РГАДА. Ф. 131. «Татарские дела». Оп. 1. Д. 3. (1619 г.). Л. 3-4.
- 70 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 1. (1617 г.). Л. 3; Д. 6. (1619 г.). Л. 64.
- 71 РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. Д. 1. (1616 г.). Л. 1-33.
- 72 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 3. (1611 г.). Л. 1.
- 73 РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. Д. 3. (1616 г.). Л. 1-2; Д. 2. (1617 г.). Л. 1-4; Д. 5. (1619 г.). Л. 1-7; Д. 6. (1619 г.). Л. 1-6.
- 74 Там же. Д. 1. (1618 г.). Л. 1-7; Д. 1. (1619 г.). Л. 1-3; Д. 2. (1619 г.). Л. 1-12.

- 75 Там же. Д. 4. (1619 г.). Л. 2.
- 76 Там же. Д. 2. (1616 г.). Л. 1-22.
- 77 Там же. Д. 3. (1616 г.). Л. 1-2.
- 78 Там же. Д. 2. (1617 г.). Л. 1-4.
- 79 Там же. Д. 1. (1617 г.). Л. 1-6.
- 80 Опись 1614 г. Л. 341-342.
- 81 РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. Д. 1. (1617 г.). Л. 25.
- 82 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 8. Л. 61 об.
- 83 Там же. Д. 2. (1609 г.). Л. 40.
- 84 Там же. Д. 11. (1615 г.). Л. 366.
- 85 Опись 1626 г. Л. 644, 654, 662 об., 663 об., 670 об., 686.
- 86 РГАДА. Ф. 159. «Приказные дела новой разборки». Оп. 2. Д. 601. (1613-18 гг.). Л. 2, 5, 7.
- 87 Опись 1626 г. Л. 443 об., 548, 692, 717 об.-718, 722 об., 725.
- 88 РГАДА. Ф. 110. Оп. 1. Д. 1. (1619 г.). Л. 6.
- 89 РГАДА. Ф. 121. «Кумышские и тарковские дела». Оп. 1. Д. 1. (1619 г.). Л. 13.
- 90 Опись 1614 г. Л. 342.
- 91 РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 601. (1613-18 гг.). Л. 10, 19, 23, 25.
- 92 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 7. (1615 г.). Л. 3-6.
- 93 РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 601 (1613-18 гг.). Л. 3, 7, 14, 19-23.
- 94 Там же. Л. 11.
- 95 Там же. Л. 3, 7, 9, 10, 13, 14, 16.
- 96 Там же. Л. 9, 10, 19, 23.
- 97 Там же. Л. 2, 5, 7.
- 98 Там же. Л. 2, 5, 7, 11, 12, 16, 19, 20.
- 99 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 7. (1615 г.). Л. 3-6.
- 100 Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею. (Далее — РИБ). Т. 28. Стб. 281-283, 287-290.
- 101 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 7. (1615 г.). Л. 1 об., 27 об., 39, 48, 50 об.
- 102 Там же. Д. 7. (1615 г.). Л. 3-6.
- 103 Там же. Л. 1-2, 6.
- 104 РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. (1616 г.). Л. 1.
- 105 Там же. Д. 2. (1616 г.). Л. 72.
- 106 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 7. (1614 г.). Л. 31 об.
- 107 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 3. (1621 г.). Л. 7.
- 108 *Апатов М.А.* Указ. соч. С. 89-129. *Рогожин Н.М.* Посольские книги... С. 107.
- 109 *Достовалов Ю.Н.* Российский посольский этикет XVI-XVII веков // Вопросы истории, 1994. № 4. С. 172.
- 110 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 26. Л. 154 об.-155.
- 111 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 8. (1615 г.). Л. 18.
- 112 РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. (1614 г.). Л. 109-112.
- 113 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 5. (1615 г.). Л. 74.
- 114 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. (1613-17 гг.). Л. 104-105.
- 115 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 3. (1610 г.); Д. 2. (1613 г.); Д. 3. (1613 г.); Д. 3. (1614 г.); Д. 5. (1615 г.); Д. 6. (1615 г.).
- 116 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. (1613-17 гг.). Л. 141.
- 117 РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.). Л. 244-248.
- 118 РГАДА. Ф. 50. Оп. 1. Д. 1. (1615 г.). Л. 24.
- 119 РГАДА. Ф. 110. Оп. 1. Д. 1. (1604 г.). Л. 110. См. также: Ф. 127. Оп. 1. Д. 1. (1610 г.). Л. 29; Ф. 89. Оп. 1. Д. 1. (1616 г.). Л. 86.
- 120 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 6. (1618 г.). Л. 113.
- 121 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 14. (1619 г.). Л. 48.
- 122 РГАДА. Ф. 110. Оп. 1. Д. 1. (1604 г.). Л. 217-219.
- 123 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 26. Л. 155-158, 326.
- 124 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 45. Л. 8.
- 125 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 3. (1613 г.). Л. 40.
- 126 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 48. Л. 176-177.

- 127 РГАДА. Ф. 110. Оп. 1. Д. 1. (1616 г.). Л. 99.
- 128 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 4. (1616 г.). Л. 124-125.
- 129 РГАДА. Ф. 32. «Сношения России с Австрией и Германской империей». Оп. 1. Д. 2. (1614 г.). Л. 183, 200.
- 130 Там же. Д. 3. (1616 г.). Л. 73, 193.
- 131 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 1. (1618 г.). Л. 244.
- 132 Там же. Л. 224, 246.
- 133 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 26. Л. 156-158.
- 134 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 45. Л. 8.
- 135 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1614 г.). Л. 195-198, 220.
- 136 РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.). Л. 221.
- 137 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Кн. 5. Л. 76 об.-77 об.
- 138 РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Д. 1. (1615 г.). Л. 194, 226-228, 234-235, 237-238, 240-243.
- 139 Там же. Л. 229.
- 140 AGAD. Archiwum koronne warszawskie. Dzial Hishpanskie. 48. S. 1-3.
- 141 РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Д. 1. (1615 г.). Л. 231.
- 142 РГАДА. Ф. 119. «Казмышки дела». Оп. 1. Д. 1. (1616 г.). Л. 74-81; Ф. 126. Оп. 1. Д. 1. (1616 г.). Л. 31-34; Д. 1. (1618 г.). Л. 2-3, 20; Д. 1. (1619 г.). Л. 21-22. Ф. 96. Оп. 1. Д. 13. (1616 г.). Л. 112-113.
- 143 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 1. (1616 г.). Л. 42.
- 144 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 68. Л. 66.
- 145 РГАДА. Ф. 119. (1616 г.). Л. 83.
- 146 РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2. (1614 г.). Л. 114.
- 147 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 1. (1618 г.). Л. 246, 291-292.
- 148 РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. Д. 2. (1605 г.). Л. 6. См. также: Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1604 г.). Л. 211; Ф. 32. Оп. 1. Д. 1. (1604 г.). Л. 17.
- 149 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 6. (1618 г.). Л. 8.
- 150 РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.). Л. 116.
- 151 РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. (1614 г.). Л. 129.
- 152 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Кн. 6. Л. 53-54.
- 153 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 2. (1615 г.). Л. 273-278.
- 154 РГАДА. Ф. 50. Оп. 1. Д. 3. (1615 г.). Л. 16-17; Д. 2. (1616 г.). Л. 14-15.
- 155 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 1. (1608 г.). Л. 1; Д. 3. (1608 г.). Л. 4; Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1607 г.). Л. 20-21; Д. 2. (1618 г.). Л. 1, 92; Д. 3. (1618 г.). Л. 89; Д. 4. (1618 г.). Л. 43-48; Д. 7. (1618 г.). Л. 1, 63; *Скрынников Р.Г.* Россия в начале XVII в. С. 130, 177; *Бушев П.П.* История посольств 1586-1612 гг. С. 420.
- 156 РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2. (1614 г.). Л. 170.
- 157 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 1. (1610 г.). Л. 2.
- 158 РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 2. (1617 г.). Л. 134-135.
- 159 РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.). Л. 178-179, 220, 301-305; Д. 2. (1614 г.). Л. 81-83.
- 160 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 43. Л. 258-259.
- 161 Там же. Кн. 4. Л. 16 об.
- 162 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1607 г.). Л. 56-57.
- 163 Там же. Д. 2. (1606 г.). Л. 3; *Попов А.Н.* Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869. С. 230-231; *Скрынников Р.Г.* Россия в начале XVII в. С. 130, 177. *Платонов С.Ф.* Борис Годунов. М., 1999. С. 270; *Дневник Марины Мнишек. С. 147.* См. также: Лжедмитрий I и Украина: Указатель архивных материалов. Сост. В.И.Ульяновский. Киев, 1990. С. 21.
- 164 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 29. Л. 200-200 об. См. также: Кн. 30. Л. 81 об.-82 об.
- 165 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 1. (1608 г.). Л. 9, 22, 36; Д. 2. (1608 г.). Л. 9; Д. 3. (1608 г.). Л. 7; Д. 1. (1611 г.). Л. 5-6. См. также: Ф. 149. Оп. 1. Д. 61.

- Л. 1-3; Дневник Марины Мнишек. С. 186, 188; *Соловьев С.М.* Указ. соч. Т. 8. М., 1989. С. 539.
- 166 *Петрей П.* Указ. соч. С. 360-361, 367.
- 167 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.). Л. 147-148. См. также: Ф. 127. Оп. 1. Д. 4. (1613 г.). Л. 18-19.
- 168 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 2. (1611 г.). Л. 1-3, 14 об.-15; Ф. 96. Оп. 1. Д. 2. (1615 г.). Л. 38-40; Кн. 12. Л. 38-40; Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.). Л. 79, 80, 108. См. также: Ф. 79. Оп. 1. Д. 29. Л. 341.
- 169 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 4. (1614 г.). Л. 1, 4, 12; Д. 2. (1615 г.). Л. 8, 42, 84, 92, 94, 262; Д. 8. (1615 г.). Л. 87, 205.
- 170 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 5. (1613 г.). Л. 156-157, 165, 238; Д. 1. (1614 г.). Л. 3; Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.). Л. 215, 414-417; Д. 1. (1614 г.). Л. 79, 124; Д. 2. (1614 г.). Л. 1-3. См. также: Ф. 115. Оп. 1. Д. 2. (1614 г.). Л. 1-2.
- 171 *Скрынников Р.Г.* Россия в начале XVII века. С. 130.
- 172 *Форстен Г.В.* Указ. соч. С. 67-69, 87-88. См. также: *Петрей П.* Указ. соч. С. 360-361; РГАДА. Ф. 79. Оп. 2. Д. 24. Л. 1; Ф. 96. Оп. 1. Д. 2. (1615 г.). Л. 40; Кн. 12. Л. 39.
- 173 РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.). Л. 305-308.
- 174 *Зевакин Е.С.* Персидский вопрос в русско-европейских отношениях XVII века // Исторические записки, 1940. Т. 8. С. 135.
- 175 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.). Л. 6; Д. 1. (1614 г.). Л. 3; Д. 3. (1614 г.). Л. 16-17.

Глава 2

- 1 Записки капитана Маржерета. С. 30.
- 2 Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон. Биографии. Т. 3. М., 1993. С. 424.
- 3 *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 98-99.
- 4 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 3. (1615 г.). Л. 153 об.
- 5 *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 98.
- 6 *Белокуров С.А.* О Посольском приказе. С. 34.
- 7 Разрядная книга 1475-1605 гг. Т. III. Ч. III. М., 1989. С. 82.
- 8 Там же. С. 116.
- 9 РГАДА, Ф. 32. Оп.1. Д. 2. (1614 г.). Л. 27.
- 10 *Павлов А.П.* Приказы и приказная бюрократия (1584-1605 гг.) // Исторические записки, № 116. М., 1988. С. 191.
- 11 Разрядная книга 1559-1605 гг. С. 310; Разрядная книга 1550-1636 гг. С. 130. См. также: Дьяки и подьячие Посольского приказа... С. 312.
- 12 Разрядная книга 1550-1636 гг. С. 132, 146.
- 13 *Флоря Б.Н.* Русско-австрийские отношения на рубеже XVI-XVII вв. (Посольство Афанасия Власьева в Империю) // Международные связи стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы и славянско-германские отношения. М., 1968. С. 63-75.
- 14 РГАДА. Ф. 44. «Сношения России с Гамбургом». Оп. 1. Д. 1. (1614 г.). Л. 4.
- 15 *Белокуров С.А.* О Посольском приказе. С. 116.
- 16 Там же.
- 17 РГАДА. Ф. 35. «Сношения России с Англией». Оп. 1. Д. 4. Л. 111-111 об.
- 18 Разрядная книга 1550-1636 гг. С. 183, 184.
- 19 РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 2. (1601 г.). Л. 134.
- 20 Там же. Д. 3. (1601 г.). Л. 15-18, 23, 25.
- 21 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 13. Л. 296 об. См. также: Опись 1614 г. Л. 315.
- 22 Дневник Марины Мнишек. С. 139-140.
- 23 РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1 (1614 г.). Л. 118.
- 24 Записки капитана Маржерета. С. 12, 27.

- 25 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 45. Л. 16, 26.
26 Опись 1614 г. Л. 292 об.
27 Новый летописец. С. 293.
28 Разрядная книга 1550-1636 гг. С. 202.
29 РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. (1602 г.). Л. 5, 11.
30 Там же. Л. 16, 41, 44.
31 *Тереженко А.* Опыт обозрения жизни сановников, управлявших иностранными делами в России. Т. 1. СПб, 1837. С. 11.
32 *Белокуров С.А.* О Посольском приказе. С. 107.
33 РГАДА. Ф. 53. Д. 1. (1602 г.). Л. 119, 124.
34 Там же. Л. 125.
35 Там же. Д. 1 (1614 г.). Л. 255, 260-263.
36 РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. Д. 2. (1615 г.). Л. 34-43.
37 РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1 (1614 г.). Л. 263-266.
38 Там же. Д. 1. (1619 г.). Л. 235.
39 *Флоря Б.Н.* Русско-польские отношения и балтийский вопрос... С. 182-183, 187.
40 Опись 1614 г. Л. 58, 60, 62 об. См. также: Опись 1626 г. Л. 237 об.-238.
41 РГАДА. Ф. 52. «Сношения России с Грецией». Оп. 1. Д. 1. (1604 г.). л. 5.
42 Там же. Л. 21.
43 *Петрей П.* Указ. соч. С. 292.
44 Опись 1626 г. Л. 396 об.
45 РГАДА, Ф. 61. Оп. 1. Д. 19. Л. 4.
46 Там же. Л. 49-51.
47 *Флоря Б.Н.* Русско-польские отношения и балтийский вопрос ... С. 199-200.
48 РГАДА. Ф. 110. Оп.1. Д. 2. (1603 г.). Л. 183-190.
49 РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 3. (1604 г.). Л. 28, 30.
50 Там же. Д. 2. (1604 г.). Л. 5.
51 РГАДА. Ф. 110. Оп. 1. Д. 1. (1604 г.). Л. 16, 24.
52 РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 2. (1604 г.). Л. 15-22.
53 Там же. Д. 1. (1604 г.). Л. 21.
54 РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 1. (1604 г.). Л. 1.
55 Там же. Л. 65, 66, 68.
56 РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 1. (1604 г.). Л. 51, 52.
57 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 43. Л. 2.
58 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1604 г.). Л. 9, 130, 131, 154, 156.
59 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 43. Л. 134 об.
60 РГАДА. Ф. 127. Оп.1. Д. 1. (1604 г.). Л. 30.
61 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 39. (1603-05 гг.). Л. 20. См. также: РГАДА. Ф. 61. Оп. 1. Д. 20. (1605 г.). Л. 3 об.
62 *Павлов А.П.* Приказы... С. 206.
63 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 26. Л. 112.
64 Там же. Кн. 27. Л. 106.
65 *Буссов К.* Указ. соч. С. 17-18.
66 *Ллатонов С.Ф.* Москва и Запад в XVI-XVII веках. Л., 1925. С. 39.
67 РГАДА. Ф. 61. Оп. 1. Д. 19. Л. 47-48.
68 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 6. Л. 96-96 об.
69 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 2. (1609 г.). Л. 1, 95.
70 РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. (1617 г.). Л. 1-6.
71 Там же. Л. 3.
72 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 4. Л. 120 об.-123.
73 Дело о ссылке Романовых // Хроники Смутного времени. М., 1998. С. 411-415, 418, 421, 423-425, 430, 433-435.
74 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 3. (1615 г.). Л. 153 об., 154 об., 155 об.
75 *Буссов К.* Указ. соч. С. 38.
76 РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 1. (1604 г.). Л. 79.
77 Боярские списки... Ч. 2. С. 26.

- 78 *Павлов А.П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584-1605 гг.). СПб., 1992. С. 217.
- 79 *Смит Т.* Указ. соч. С. 45.
- 80 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 43. Л. 186, 191.
- 81 *Белокуров С.А.* Разрядные записи... С. 3.
- 82 *Масса И.* Указ. соч. С. 82.
- 83 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 4. Л. 129 об.
- 84 Там же. Д. 43. Л. 191-196.
- 85 Там же. Оп. 2. Д. 20.
- 86 *Соловьев С.М.* Указ. соч. Т. 8. М., 1989. С. 393.
- 87 *Белокуров С.А.* Разрядные записи... С. 30.
- 88 РГАДА. Ф. 149. Оп. 1. Д. 9. Л. 8.
- 89 *Соловьев С.М.* Указ. соч. Т. 8. С. 417.
- 90 РГАДА. Ф. 123. Оп.1. Д. 2. (1604 г.). Л. 178. См также: *Белокуров С.А.* Разрядные записи... С. 82, 138.
- 91 РГАДА. Ф. 61. Оп. 1. Д. 20 Л. 3 об.
- 92 Сообщение о кровавой и страшной резне в городе Москве с ужасным концом Димитрия, последнего князя, царствовавшего донныне // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода. Сб. статей. М., 1991. С. 55.
- 93 «Временник»... С. 105.
- 94 *Масса И.* Указ. соч. С. 56.
- 95 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1604 г.). Л. 167, 178, 179, 205.
- 96 AGAD. Archiwum skarbu koronnego. Rachunki poselstw, 17. S. 6.
- 97 *Czerska D.* Dymitr Samozwaniec. Wroclaw, 1995. S. 125. См. также: *Wisner H.* Zigmunt III Waza. Wroclaw, 1991. S. 111.
- 98 РГАДА. Ф. 79. Оп.1. Кн. 26. Л. 103.
- 99 Опись 1626 г. Л. 287 об. См. также: Опись 1614 г. Л. 134-134 об.
- 100 Записки капитана Маржерета. С. 198.
- 101 *Grzybowski S.* Organizacja polskiej sluzby dyplomatycznej w latach 1573-1605. // Polska sluzba dyplomatyczna XVI-XVII wieku. Warszawa, 1966. S. 161-162.
- 102 *Дневник Марины Мнишек.* С. 173-177.
- 103 *Czerska D.* Указ. соч. С. 137.
- 104 AGAD. ASK, RP, 17. S. 6 об.
- 105 *Czerska D.* Указ. соч. С. 123.
- 106 РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 2. (1616 г.). Л. 203.
- 107 РГАДА. Ф. 149. Оп. 1. Кн. 31. (1606 г.). Л. 1.
- 108 Там же. Д. 46. Л. 3
- 109 Опись 1626 г. Л. 551.
- 110 РГАДА. Ф. 149. Оп. 1. Д. 49. (1606 г.). Л. 2.
- 111 *Дневник Марины Мнишек.* С. 46-52.
- 112 *Масса И.* Указ. соч. С. 113.
- 113 *Дневник Марины Мнишек.* С. 184.
- 114 *Петрей П.* Указ. соч. С. 401.
- 115 *Белокуров С.А.* Разрядные записи...С. 82.
- 116 *Костомаров Н.И.* Указ. соч. С. 249.
- 117 *Дневник Марины Мнишек.* С. 55.
- 118 *Карамзин Н.М.* Указ. соч. С. 430.
- 119 РИБ. Т. 1. СПб., 1872. Стб. 421.
- 120 *Дневник Марины Мнишек.* СПб., 1995. С. 71.
- 121 *Масса И.* Указ. соч. С. 136.
- 122 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 26. Л. 143 об.
- 123 Там же. Л. 54 об.
- 124 Там же. Л. 95.
- 125 Там же. Л. 100.
- 126 *Белокуров С.А.* Разрядные записи... С. 84, 140.

- 127 Дневник Марины Мнишек. С. 71.
- 128 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 27. Л. 126.
- 129 РГАДА. Ф. 61. Оп. 1. Д. 19. Л. 1-8.
- 130 РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. (1614 г.). Л. 24.
- 131 Опись 1626 г. Л. 165 об.; см. также: *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 98.
- 132 РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 1. (1604 г.). Л. 79-80.
- 133 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1604 г.). Л. 82, 86.
- 134 *Белокуров С.А.* О Посольском приказе. С. 35.
- 135 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 43. Л. 238.
- 136 *Белокуров С.А.* О Посольском приказе. С. 35.
- 137 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 1. (1608 г.). Л. 98-99.
- 138 *Богоявленский С.К.* Указ. соч. С. 128.
- 139 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1604 г.). Л. 330, 339, 352.
- 140 *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 509.
- 141 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 26. Л. 143 об.
- 142 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 1. (1608 г.). Л. 1-2.
- 143 РГАДА. Ф. 61. Оп. 1. Д. 19. Л. 6-7.
- 144 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 1. (1606-1628 гг.). Л. 34, 35, 37, 40, 41.
- 145 РГАДА. Ф. 110. Оп. 1. Д. 1. (1607 г.). Л. 3-5.
- 146 *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 509.
- 147 Боярские списки... Ч. 1. С. 248, 266.
- 148 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 27. Л. 68 об.
- 149 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 1. (1609 г.). Л. 1, 8, 10.
- 150 Энциклопедический словарь Брокгауз — Ефрон. Т. 32а. СПб., 1901. С. 807.
- 151 *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 509.
- 152 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 53. Л. 636.
- 153 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 30. Л. 2-2 об.
- 154 *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 509.
- 155 Там же. С. 394. См. также: *Белокуров С.А.* О Посольском приказе. С. 35.
- 156 *Павлов А.П.* Государев двор... С. 237.
- 157 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 8. Л. 8 об., 21 об.
- 158 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 1. (1607 г.). Л. 3, 4, 9, 10, 12, 13.
- 159 РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. Д. 1. (1608 г.). Л. 3, 5, 6.
- 160 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 4. (1608 г.). Л. 24-32.
- 161 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 27. Л. 68 об., 156, 209 об., 212 об., 213.
- 162 Там же. Д. 1. (1608 г.). Л. 279.
- 163 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1607 г.). Л. 61, 65, 68.
- 164 «Повесть о некоей брани» // *Смута в Московском государстве: Россия начала XVII столетия в записках современников.* М., 1989. С. 70.
- 165 *Немоевский С.* Записки // *Титов А.А.* Рукописи славянские и русские, принадлежащие И.Вахромееву. Вып. 6. М., 1907. С. 281-282.
- 166 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 2. (1609 г.). Л. 6, 8, 10, 10 об., 19, 20, 24, 29, 40-43.
- 167 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 2. (1610 г.). Л. 4-8.
- 168 РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.). Л. 178.
- 169 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 8. (1615 г.). Л. 282.
- 170 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 1. (1609 г.). Л. 1-15.
- 171 *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 509.
- 172 Опись 1626 г. Л. 556 об.
- 173 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 28. Л. 1.
- 174 *Костомаров Н.И.* Указ. соч. С. 558, 560, 561.
- 175 AGAD. Archiwum Radziwillow, II, 412. S. 8.
- 176 *Polak W.* O Kreml i Smolenszyne. Polityka Rzeczypospolitej wobec Moskwy w latach 1607-1612. Torun, 1995. S. 205.
- 177 *Белокуров С.А.* О Посольском приказе. С. 107-108.
- 178 Там же. С. 108. См. также: *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 130.
- 179 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 30. Л. 187 об.

- 180 Опись 1626 г. Л. 341 об.-342.
- 181 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 3. (1611 г.). Л. 1.
- 182 *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 510.
- 183 *Павлов А.П.* Приказы... С. 212.
- 184 *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 131.
- 185 Дьяки и подьячие Посольского приказа... С. 194, 250, 308.
- 186 *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 129.
- 187 *Белокуров С.А.* О посольском приказе. С. 110.
- 188 *Павлов А.П.* Приказы... С. 193.
- 189 РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. (1602 г.). Л. 126.
- 190 Там же. Л. 164.
- 191 *Павлов А.П.* Приказы... С. 194. См. также: *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 129.
- 192 *Белокуров С.А.* О Посольском приказе. С. 107.
- 193 РГАДА. Ф. 110. Оп. 1. Д. 2. (1603 г.). Л. 6, 15.
- 194 *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 129.
- 195 *Белокуров С.А.* Разрядные записи... С. 73.
- 196 *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 129.
- 197 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1604 г.). Л. 167, 178, 205.
- 198 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 1. (1605 г.). Л. 4-5.
- 199 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1604 г.). Л. 88-89.
- 200 *Белокуров С.А.* Разрядные записи... С. 82.
- 201 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1604 г.). Л. 235 об.
- 202 РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. Д. 2. (1605 г.). Л. 3.
- 203 Там же. Д. 1. (1605 г.). Л. 6, 8-10, 16.
- 204 Там же. Д. 2. (1605 г.). Л. 8, 9.
- 205 *Богоявленский С.К.* Указ. соч. С. 128.
- 206 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1604 г.). Л. 330, 339, 352; Ф. 141. Оп. 1. Д. 3. (1605 г.). Л. 14.
- 207 Опись 1626 г. Л. 551 об.
- 208 *Белокуров С.А.* Разрядные записи... С. 77, 82.
- 209 *Костомаров Н.И.* Указ. соч. С. 249.
- 210 *Карамзин Н.М.* Указ. соч. С. 430-431.
- 211 *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 129-130.
- 212 РГАДА. Ф. 61. Оп. 1. Д. 19. Л. 10.
- 213 *Костомаров Н.И.* Указ. соч. С. 402-404.
- 214 *Пуццилло М.П.* Указ. соч. С. 15.
- 215 *Платонов С.Ф.* Очерки... С. 320.
- 216 Сказание Авраамия Палицына. С. 181.
- 217 *Буссов К.* Указ. соч. С. 123.
- 218 *Соловьев С.М.* Указ. соч. Т. 8. М., 1989. С. 539.
- 219 *Пуццилло М.П.* Указ. соч. С. 7.
- 220 *Жолкевский С.* Записки гетмана Жолкевского о Московской войне. СПб., 1871. С. 92.
- 221 *Платонов С.Ф.* Очерки... С. 358.
- 222 Там же. С. 356.
- 223 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 29. Л. 51 об.-52.
- 224 *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 130.
- 225 РИБ. Т. 1. Стб. 683.
- 226 *Белокуров С.А.* Разрядные записи... С. 57.
- 227 АИ. Ч. 2. С. 357, 365-366.
- 228 *Rolak W.* Указ. соч. С. 307.
- 229 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 3. (1611 г.). Л. 1.
- 230 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 30. Л. 187-187 об.
- 231 *Белокуров С.А.* О Посольском приказе. С. 108.
- 232 *Платонов С.Ф.* Очерки... С. 358.
- 233 *Богоявленский С.К.* Указ. соч. С. 119-120.

- 234 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2. (1610 г.). Л. 30-31, 49 об., 54, 61 об., 65, 85, 92, 102-105, 110-110 об., 118 об., 120-123, 138, 139, 173-174, 181-181 об., 192-194, 215 об., 230.
- 235 Там же. Л. 68-69.
- 236 *Буссов К.* Указ. соч. С. 149.
- 237 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 30. Л. 178.
- 238 Там же. Л. 179.
- 239 Там же. Л. 190-190 об.
- 240 Там же. Л. 196, 202.
- 241 Там же. Л. 209-209 об.
- 242 Там же. Л. 211-211 об.
- 243 Там же. Л. 214 об.-216.
- 244 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 31. Л. 342-342 об.
- 245 *Пуцилло М.П.* Указ. соч. С. 9.
- 246 *Елассонский А.* Указ. соч. С. 195-196.
- 247 Там же. С. 197.
- 248 AGAD. AR, II, 568. S. 3-4.
- 249 *Polak W.* Указ. соч. С. 296-297.
- 250 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 30. Л. 218.
- 251 Опись 1626 г. Л. 175 об.-176.
- 252 *Платонов С.Ф.* Московское правительство при первых Романовых // Статьи по русской истории (1883-1912 гг.). Т. 1. СПб., 1912. С. 399.
- 253 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 30. Л. 214-214 об.
- 254 Там же. Л. 160.
- 255 *Платонов С.Ф.* Московское правительство... С. 344.
- 256 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 29. Л. 70 об.
- 257 Там же. Кн. 30. Л. 160.
- 258 *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 130.
- 259 *Богоявленский С.К.* Указ. соч. С. 93-94.
- 260 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 30. Л. 190-190 об.
- 261 Там же. Л. 192.
- 262 РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. (1614 г.). Л. 120.
- 263 Там же. Л. 149.
- 264 Там же. См. также: РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 2. (1615 г.). Л. 4.
- 265 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 30. Л. 216.
- 266 Там же. Л. 217.
- 267 *Жолкевский С.* Указ. соч. С. 115-116.
- 268 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 29. Л. 280 об, 309.
- 269 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 4. Л. 33 об.-34.
- 270 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 29. Л. 335-335 об.
- 271 *Платонов С.Ф.* Московское правительство... С. 399.
- 272 *Демидова Н.Ф.* Указ. соч. С. 22.
- 273 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 29. Л. 90-93.
- 274 *Пуцилло М.П.* Указ. соч. С. 10.
- 275 *Вайнштейн О.Л.* Россия и Тридцатилетняя война 1618-1648 гг. Очерки из истории внешней политики Московского государства в первой половине XVII века. М., 1947. С. 90-91, 133-134; см. также: *Поршнев Б.Ф.* Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М., 1976. С. 189-190.
- 276 Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. С. 61.
- 277 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. (1613-17 гг.). Л. 155 об.
- 278 *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 270.
- 279 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 2. (1618 г.). Л. 236.
- 280 *Якубов К.* Россия и Швеция в первой половине XVII века. М., 1897. С. 81-87.
- 281 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 2. (1618 г.). Л. 450в, 450д.

- 282 *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 130.
- 283 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 2. (1618 г.). Л. 513.
- 284 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 1. (1606-28 гг.). Л. 47, 48.
- 285 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 2. (1618 г.). Л. 527.
- 286 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 14. (1619 г.). Л. 26.
- 287 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 3. (1619 г.). Л. 25-34.
- 288 Там же. Д. 5. (1618 г.). Л. 58.
- 289 РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. (1619 г.). Л. 5.
- 290 Там же. Л. 7.
- 291 *Платонов С.Ф.* Московское правительство... С. 390.
- 292 РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. (1619 г.). Л. 26-27. См. также: Ф. 141. Оп. 1. Д. 8. (1619 г.). Л. 39.
- 293 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 8. (1619 г.). Л. 41, 79.
- 294 *Флоря Б.Н.* О Земском соборе 1621 года // История СССР, № 4, 1981. С. 98.
- 295 *Phipps G.M.* Sir John Merrick English Merchant – Diplomat in Seventeenth Century Russia. – Newtonville, Mass. 1983. P. 182.
- 296 *Боговяленский С.К.* Указ. соч. С. 52.
- 297 *Демидова Н.Ф.* Указ. соч. С. 187.
- 298 *Терещенко А.* Указ. соч. С. 12-13.
- 299 *Белокуров С.А.* О Посольском приказе. С. 42.
- 300 *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 130.
- 301 *Соловьев С.М.* Указ. соч. Т. 9. С. 462.
- 302 *Шватченко О.А.* Светские феодальные вотчины России в первой трети XVII века. М. 1990. С. 131. См. также: *Забелин И.Е.* Минин и Пожарский. Прямые и кривые в Смутное время. М., 1999. С. 321; *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 130.
- 303 Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 227.
- 304 *Шватченко О.А.* Указ. соч. С. 236.
- 305 *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 130-131.
- 306 *Пуццилло М.П.* Указ. соч. С. 16.
- 307 *Платонов С.Ф.* Московское правительство... С. 394.
- 308 *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 130.
- 309 *Малиновский А.Ф.* Обзорение Москвы. М., 1992. С. 59.
- 310 Боярская книга 1627 года. (Под ред. В.И.Буганова). М., 1986. С. 23.
- 311 *Соловьев С.М.* Указ. соч. Т. 10. С. 457.
- 312 *Белокуров С.А.* О Посольском приказе. С. 65.
- 313 Там же. С. 110.
- 314 *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 130.
- 315 Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 169.
- 316 *Платонов С.Ф.* Московское правительство... С. 390.
- 317 *Платонов С.Ф.* Москва и Запад... С. 69.
- 318 *Соловьев С.М.* Указ. соч. Т. 9. С. 126.
- 319 *Ключевский В.О.* Указ. соч. С. 412.
- 320 *Дмитриев Л.А.* Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII-XVII вв. Эволюция жанра легендарно – биографических сказаний. Л., 1973. С. 111, 141.
- 321 *Куненков Б.А.* Указ. соч. С. 9-12.
- 322 *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 522, 301.
- 323 Там же. С. 522, 544.
- 324 *Куненков Б.А.* Указ. соч. С. 9.
- 325 *Белокуров С.А.* Разрядные записи... С. 73.
- 326 *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 301.
- 327 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1604 г.). Л. 256.
- 328 Там же. Д. 2. (1607 г.). Л. 88.
- 329 *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 301.
- 330 *Белокуров С.А.* О Посольском приказе. С. 35.

- 331 РГАДА. Ф. 50. Оп. 1. Д. 1. (1615 г.). Л. 119.
- 332 РГАДА. Ф. 61. Оп. 1. Д. 21. Л. 1-2.
- 333 *Белокуров С.А.* О Посольском приказе. С. 35.
- 334 Там же.
- 335 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 27. Л. 65 об.-67.
- 336 *Платонов С.Ф.* Очерки... С. 208.
- 337 Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 82.
- 338 Боярские списки... Ч. 1. С. 86, 128, 185.
- 339 *Павлов А.П.* Государев двор... С. 196. См. также: Явочный список вотчинных владений Московского уезда писцов 1584-1586 гг. Т.А.Хлопова «с товарищи» // Источниковедение отечественной истории. 1984. М., 1986. С. 247.
- 340 РГАДА. Ф. 1209. «Поместный приказ». Оп. 1. Кн. 10751. Л. 1148.
- 341 Там же. Кн. 10958. Л. 773, 964 об.
- 342 Боярские списки... Ч. 2. С. 58.
- 343 *Куненков Б.А.* Указ. соч. С. 9.
- 344 РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Кн. 10958. Л. 773.
- 345 АИ. Ч. 2. С. 148-149.
- 346 *Куненков Б.А.* Указ. соч. С. 9.
- 347 Там же.
- 348 *Платонов С.Ф.* Московское правительство... С. 349.
- 349 РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 3. (1616 г.). Л. 55. См. также: Ф. 96. Оп. 1. Д. 10. (1615 г.). Л. 184.
- 350 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 2. (1618 г.). Л. 86, 87, 89, 140.
- 351 *Павлов А.П.* Государев двор... С. 25, 28, 34, 35, 37, 38.
- 352 Боярские списки... Ч. 1. С. 128.
- 353 Там же. С. 185.
- 354 Там же. С. 196.
- 355 *Павлов А.П.* Государев двор... С. 118.
- 356 Там же. С. 110, 119.
- 357 *Polak W.* Указ. соч. С. 115.
- 358 *Буссов К.* Указ. соч. С. 127.
- 359 *Куненков Б.А.* Указ. соч. С. 9.
- 360 РГАДА. Ф. 79. Оп. 2. Д. 15. Л. 1.
- 361 *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 523.
- 362 *Куненков Б.А.* Указ. соч. С. 9-10.
- 363 РГАДА. Ф. 93. «Сношения России с Францией». Оп. 1. Д. 1. (1615 г.). Л. 83-84. См. также: РГАДА. Ф. 110. Оп. 1. Д. 1. (1604 г.). Л. 86.
- 364 Опись 1626 г. Л. 65.
- 365 *Белокуров С.А.* Разрядные записи... С. 65.
- 366 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 2. (1613 г.). Л. 5, 16 об. См. также: Там же. Д. 3. (1613 г.). Л. 1. Д. 1. (1612 г.). Л. 1.
- 367 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.). Л. 66.
- 368 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 2. (1614 г.). Л. 1.
- 369 РГАДА. Ф. 50. Оп. 1. Д. 1. (1615 г.). Л. 2, 26, 42, 48-51.
- 370 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 4. Л. 55 об., 56, 59 об, 60.
- 371 РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 2. (1614 г.). Л. 72.
- 372 Новый летописец. С. 390, 392.
- 373 *Куненков Б.А.* Указ. соч. С. 10.
- 374 РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 2. (1614 г.). Л. 61-103.
- 375 *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 523.
- 376 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 7. (1614 г.). Л. 2.
- 377 РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. (1616 г.). Л. 1; Д. 2. (1616 г.). Л. 19.
- 378 *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 523.
- 379 Там же.
- 380 Там же. С. 79.

- 381 Там же. С. 523.
- 382 *Куненков Б.А.* Указ. соч. С. 12.
- 383 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 1. (1606-1628 гг.). Л. 78.
- 384 Там же. Л. 56, 63, 65-67, 73, 92, 102, 103, 114, 120, 124, 133, 145, 152, 162, 167, 175, 178.
- 385 *Опись 1626 г.* Л. 589.
- 386 РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Д. 2. (1618 г.). Л. 33.
- 387 Там же. Л. 24.
- 388 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 3. (1617 г.). Л. 41-45. См. также: Ф. 119. Оп. 1. Д. 2. (1618 г.). Л. 33-34.
- 389 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 6. (1617 г.). Л. 28.
- 390 РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. (1617 г.). Л. 241.
- 391 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 6. (1617 г.). Л. 52, 65.
- 392 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 2. (1618 г.). Л. 86.
- 393 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1618 г.). Л. 10-12.
- 394 *Белокуров С.А.* О Посольском приказе. С. 109.
- 395 *Куненков Б.А.* Указ. соч. С. 12.
- 396 *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 522-523.
- 397 Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. С. 82.
- 398 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 53. Л. 290.
- 399 *Белокуров С.А.* О Посольском приказе. С. 116.
- 400 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 4. (1616 г.). Л. 357.
- 401 Акты XIII-XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества. Ч. 1. М., 1898. С. 307.
- 402 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 3. (1611 г.). Л. 1.
- 403 *Белокуров С.А.* О Посольском приказе. С. 34-35.
- 404 Там же. С. 35.
- 405 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 2. (1613 г.). Л. 16.
- 406 РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. (1619 г.). Л. 6.
- 407 *Белокуров С.А.* О Посольском приказе. С. 35.
- 408 *Опись 1626 г.* Л. 553 об.-554.
- 409 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 3. (1616 г.). Л. 294.
- 410 *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 451. См. также: *Белокуров С.А.* О Посольском приказе. С. 116.
- 411 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 45. Л. 6-8.
- 412 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2. (1618 г.). Л. 5.
- 413 Там же. Д. 7. (1614 г.). Л. 1.
- 414 *Белокуров С.А.* О Посольском приказе. С. 116. См. также: *Богоявленский С.К.* Указ. соч. С. 128; *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 130.
- 415 РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. (1617 г.). Л. 241.
- 416 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 3. (1618 г.). Л. 39-40.
- 417 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1618 г.). Л. 316, 319, 321.
- 418 Там же. Д. 6. (1617 г.). Л. 91.
- 419 Там же. Д. 3. (1618 г.). Л. 44-56.
- 420 Там же. Л. 58-66.
- 421 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 5. (1619 г.). Л. 3.
- 422 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 5. (1614 г.). Л. 112; Д. 5. (1618 г.). Л. 8.
- 423 Там же. Д. 5. (1618 г.). Л. 11-16.
- 424 РГАДА. Ф. 110. Оп. 1. Д. 1. (1619 г.). Л. 7-9.
- 425 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 5. (1618 г.). Л. 45.
- 426 Там же. Л. 42, 45-56
- 427 Там же. Д. 5. (1618 г.). Л. 58; Д. 3. (1619 г.). Л. 19, 21.
- 428 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 5. (1619 г.). Л. 20-21.
- 429 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 6. (1619 г.). Л. 19, 26, 39-40; Д. 8. (1619 г.). Л. 15, 18, 21.
- 430 *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 451.
- 431 Там же. См. также: *Белокуров С.А.* О Посольском приказе. С. 116.

- 432 РГАДА. Ф. 110. Оп. 1. Д. 2. (1603 г.). Л. 37, 38, 41, 53, 58, 59, 102-105, 123.
- 433 РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 3. (1604 г.). Л. 19.
- 434 Там же. Л. 19; Ф. 110. Оп. 1. Д. 2. (1603 г.). Л. 38.
- 435 РГАДА. Ф. 110. Оп. 1. Д. 2. (1603 г.). Л. 58-59. См. также: Опись 1626 г. Л. 574 об.-575.
- 436 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 5. (1614 г.). Л. 110-114; Д. 5. (1618 г.). Л. 45-56; Д. 6. (1619 г.). Л. 19-21; Д. 8. (1619 г.). Л. 15-21.
- 437 Боярская книга 1639 г. С. 48, 69, 73, 115, 138, 182.
- 438 *Платонов С.Ф.* Московское правительство... С. 399.
- 439 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 2. (1609 г.). Л. 93 об.-94 об.
- 440 Там же. Л. 24.
- 441 Там же. Д. 10. (1616 г.). Л. 108.
- 442 РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. (1614 г.). Л. 116, 118.
- 443 РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. Д. 1. (1608 г.). Л. 6. См. также: РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 2. (1609 г.). Л. 6.
- 444 РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. Д. 1. (1605 г.). Л. 6. См. также: РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. Д. 1. (1608 г.). Л. 5; Ф. 50. Оп. 1. Д. 1. (1615 г.). Л. 50.
- 445 РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 1. (1604 г.). Л. 65, 66, 68. См. также: Ф. 35. Оп. 1. Д. 4. Л. 55 об., 56, 59, 60.
- 446 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1604 г.). Л. 178. См. также: РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 1. (1607 г.). Л. 10.
- 447 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 27. Л. 68 об., 147 об, 165, 182 об.
- 448 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 4. Л. 286-286 об.
- 449 Там же. Д. 53. Л. 645.
- 450 Там же. Л. 638-641.
- 451 РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. (1614 г.). Л. 270-277.
- 452 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 29. Л. 716 об. См. также: Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. (1614 г.). Л. 281.
- 453 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 1. (1610 г.). Л. 7-8.
- 454 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.). Л. 66.
- 455 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 1. (1601-06 гг.). Л. 27, 30, 32. См. также: Ф. 123. Оп. 1. Д. 1. (1606 г.). Л. 5.
- 456 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 1. (1606-28 гг.). Л. 78.
- 457 РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.). Л. 377.
- 458 Там же. Л. 441.
- 459 РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.). Л. 284.
- 460 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 1. (1609 г.). Л. 8-10. См. также: Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1607 г.). Л. 89.
- 461 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2. (1622 г.). Л. 10.
- 462 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1604 г.). Л. 61-65. См. также: Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1607 г.). Л. 68; Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. (1613-17 гг.). Л. 257-258;
- 463 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 1. (1609 г.). Л. 1-15.
- 464 РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. (1614 г.). Л. 180.
- 465 Там же. Л. 154, 279.
- 466 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 29. Л. 705 об.-716 об.; Ф. 96. Оп. 1. Д. 3. (1616 г.). Л. 124-125.
- 467 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 4. Л. 137 об. См. также: Ф. 50. Оп. 1. Д. 1. (1616 г.). Л. 230.
- 468 Там же. Д. 53. Л. 642-645.
- 469 РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 2. (1616 г.). Л. 91.
- 470 РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Д. 1. (1615 г.). Л. 168.
- 471 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 1. (1606-28 гг.). Л. 55, 56, 178.
- 472 Там же. Д. 2. (1618 г.). Л. 5.
- 473 РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.). Л. 283.
- 474 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 7. (1614 г.). Л. 1.

Глава 3

- 1 Демидова Н.Ф. Указ. соч. С. 19.
- 2 Белокуров С.А. О Посольском приказе. С. 34-35.
- 3 Там же. С. 50.
- 4 Там же. С. 35.
- 5 Там же. С. 34.
- 6 Там же. С. 35.
- 7 Там же.
- 8 Там же. С. 34-35.
- 9 Там же. См. также: РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. (1613-17 гг.). Л. 69.
- 10 Белокуров С.А. О Посольском приказе. С. 35.
- 11 Там же.
- 12 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1607 г.). Л. 65 об.
- 13 Веселовский С.Б. Указ. соч. С. 382.
- 14 Опись 1626 г. Л. 555 об.
- 15 Костомаров Н.И. Указ. соч. С. 378.
- 16 Веселовский С.Б. Указ. соч. С. 246.
- 17 РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. (1614 г.). Л. 40 об.
- 18 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. (1613-1617 гг.). Л. 24.
- 19 Там же. Л. 69, 70, 171.
- 20 Там же. Л. 155 об.
- 21 Белокуров С.А. О Посольском приказе. С. 35.
- 22 Там же. С. 117.
- 23 РИБ. Т. 28. М., 1912. Стб. 527, 569.
- 24 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 3. (1621 г.). Л. 2, 8, 9.
- 25 Там же.
- 26 Демидова Н.Ф. Указ. соч. С. 57.
- 27 РИБ. Т. 28. Стб. 346.
- 28 Там же. Стб. 569-570.
- 29 Белокуров С.А. О Посольском приказе. С. 35.
- 30 Там же.
- 31 РИБ. Т. 28. Стб. 570.
- 32 Белокуров С.А. О Посольском приказе. С. 34-35.
- 33 Веселовский С.Б. Указ. соч. С. 157.
- 34 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 3. (1621 г.). Л. 7, 8.
- 35 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 3. (1619 г.). Л. 43.
- 36 РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 601. (1613-18 гг.). Л. 11, 12, 17, 20.
- 37 Белокуров С.А. О Посольском приказе. С. 34.
- 38 Там же. С. 35.
- 39 РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 601. (1613-18 гг.). Л. 16.
- 40 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 53. Л. 380 об.
- 41 РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 601. (1613-18 гг.). Л. 12, 19.
- 42 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 3. (1621 г.). Л. 4, 5.
- 43 РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. (1614 г.). Л. 296.
- 44 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 2. (1609 г.). Л. 1, 31, 95.
- 45 РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.). Л. 39.
- 46 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 4. Л. 355 об.-356.
- 47 Белокуров С.А. О Посольском приказе. С. 54.
- 48 РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. (1619 г.). Л. 244-245.
- 49 Белокуров С.А. О Посольском приказе. С. 54.
- 50 РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 601. (1613-18 гг.). Л. 7.
- 51 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 3. (1615 г.). Л. 152 об.
- 52 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2. (1610 г.). Л. 87-88.
- 53 Там же. Д. 5. (1619 г.). Л. 36-37.
- 54 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. (1613-17 гг.). Л. 19-20.
- 55 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 14. (1619 г.). Л. 21-24.

- 56 Там же. Д. 8. (1589 г.). Л. 1.
57 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 74. Л. 1.
58 *Сухотин Л.М.* Первые месяцы царствования Михаила Федоровича. (Столбцы Печатного приказа). М., 1915. С. 107.
59 РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.). Л. 190.
60 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 39. Л. 8.
61 РГАДА. Ф. 96. Оп. 2. Д. 29. Л. 2.
62 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 3. (1615 г.). Л. 4.
63 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 1. (1617 г.). Л. 2.
64 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 2. (1618 г.). Л. 270, 274.
65 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 68. Л. 72.
66 РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Д. 1. (1615 г.). Л. 182.
67 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 4. (1618 г.). Л. 39 об., 46 об.
68 РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 601. (1613-18 гг.). Л. 16.
69 РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 1. (1604 г.). Л. 78.
70 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 11. (1615 г.). Л. 356.
71 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 8. (1615 г.). Л. 9.
72 Там же. Д. 2. (1607 г.). Л. 58.
73 Там же. Д. 3. (1614 г.). Л. 23.
74 Там же. Д. 7. (1618 г.). Л. 31, 39, 47.
75 РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.). Л. 357, 358.
76 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 1. (1616 г.). Л. 68-69.
77 РГАДА. Ф. 110. Оп. 1. Д. 2. (1604 г.). Л. 98-99.
78 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 3. (1614 г.). Л. 56.
79 РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.). Л. 179-180.
80 РГАДА. Ф. 110. Оп. 1. Д. 1. (1604 г.). Л. 226-227.
81 РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. (1619 г.). Л. 244.
82 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 2. (1609 г.). Л. 31.
83 *Петрей П.* Указ. соч. С. 399.
84 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 2. (1609 г.). Л. 29-30.
85 Там же. Д. 11. (1615 г.). Л. 375.
86 *Петрей П.* Указ. соч. С. 403.
87 РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. Д. 1. (1617 г.). Л. 32-33.
88 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 1. (1618 г.). Л. 94-94 об.
89 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 11. (1623 г.). Л. 108.
90 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 3. (1614 г.). Л. 23.
91 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 5. (1615 г.). Л. 25.
92 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1618 г.). Л. 169, 234-235.
93 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 2. (1618 г.). Л. 270.
94 Там же. Л. 274.
95 Там же. Кн. 16. Л. 369 об.
96 Там же. Д. 4. (1618 г.). Л. 9 об.
97 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 5. Л. 1, 53 об.-54.
98 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. (1615 г.). Л. 1.
99 РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Д. 1. (1615 г.). Л. 218.
100 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 53. Л. 466.
101 РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 2. (1617 г.). Л. 154.
102 Там же. Л. 1, 76. См. также: Ф. 141. Оп. 1. Д. 25. (1623 г.). Л. 15.
103 РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 2. (1617 г.). Л. 149, 151.
104 Там же. Л. 157.
105 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. (1613-17 гг.). Л. 260.
106 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 52. Л. 3, 55.
107 Там же. Д. 4. Л. 154, 154 об., 177.
108 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 13. (1617 г.). Л. 69.
109 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 14. (1620 г.). Л. 2.
110 Там же. Д. 6. (1619 г.). Л. 68.
111 Там же. Л. 40.

- 112 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. (1616 г.). Л. 1-2.
 113 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 6. (1619 г.). Л. 37-41, 45-47, 66-68.
 114 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2. (1622 г.). Л. 6-17.
 115 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 1. (1609 г.). Л. 9-10.
 116 *Белокуров С.А.* О Посольском приказе. С. 58.
 117 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 7. (1615 г.). Л. 4.
 118 РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 1. (1604 г.). Л. 24-25; Ф. 35. Оп. 1. Кн. 4 Л. 24.
 119 РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 1. (1604 г.). Л. 27.
 120 РГАДА. Ф. 134. «Сношения России с Хивой». Оп. 1 Д. 1. (1616 г.). Л. 6.
 121 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 14. (1620 г.). Л. 2.
 122 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1615 г.). Л. 73, 73 об., 101, 115, 127; Д. 3. (1615 г.). Л. 109, 112, 154, 164.
 123 Там же. Д. 1. (1616 г.). Л. 97-98.
 124 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. (1613-17 гг.). Л. 260. См. также: Ф. 96. Оп. 1. Д. 10. (1615 г.). Л. 399; Д. 10. (1616 г.). Л. 110.
 125 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 66. Л. 71, 73, 75, 76, 91, 118, 153.
 126 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. (1613-1617 гг.). Л. 288.
 127 Там же. Л. 286-287.
 128 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 5. (1613 г.). Л. 8
 129 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1607 г.). Л. 57.
 130 Там же. Л. 38.
 131 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. (1613-17 гг.). Л. 288.
 132 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1615 г.) Л. 121; Д. 3. (1615 г.) Л. 123.
 133 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 2. (1610 г.). Л. 19.
 134 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.). Л. 77.
 135 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. (1613-17 гг.). Л. 216-220
 136 РГАДА. Ф. 110. Оп. 1. Д. 2. (1603 г.). Л. 24.
 137 РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 601. (1613-18 гг.). Л. 13.
 138 *Опись 1626 г.* Л. 344 об.
 139 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 32. (1626 г.). Л. 1-2.
 140 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 14. (1632 г.). Л. 2, 4, 7, 10.
 141 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 26. Л. 54-54 об.
 142 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 68. Л. 47.
 143 РГАДА. Ф. 110. Оп. 1. Д. 1. (1604 г.). Л. 15.
 144 *Белокуров С.А.* О Посольском приказе. С. 56.
 145 РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 601. (1613-18 гг.). Л. 25.
 146 *Опись 1626 г.* Л. 443 об.
 147 Там же. Л. 722 об.
 148 Там же. Л. 734.

Глава 4

- 1 *Опись 1614 г.*
 2 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. (1613-17 гг.).
 3 Там же. Д. 1. (1615 г.).
 4 Там же. Д. 1. (1616 г.).
 5 *Воскобойникова Н.П.* Описание древнейших документов архивов московских приказов XVI – нач. XVII в. (РГАДА. Ф. 141. Приказные дела старых лет). Вып. 1-3. М. СПб., 1994, 1999.
 6 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 1. (1605 г.); Д. 3. (1605 г.), Д. 3. (1611 г.).
 7 РГАДА. Ф. 110. Оп. 1. Д. 1. (1607 г.). Л. 5 об.
 8 *Опись 1614 г.* Л. 334 об. См. также: *Опись 1626 г.* Л. 456-456 об.
 9 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 9. (1615 г.). Л. 125 об.
 10 Там же. Д. 10. (1615 г.). Л. 370 об.; Д. 11. (1615 г.). Л. 96 об., 129 об., 162 об., 166 об., 168 об.
 11 Там же. Д. 11. (1615 г.). Л. 352 об.; Д. 12. (1615 г.). Л. 95 об.

- 12 Там же. Д. 1. (1616 г.). Л. 243 об., 276 об.; Д. 3. (1616 г.). Л. 56 об.
 13 Там же. Д. 4. (1616 г.). Л. 43 об., 76 об., 271 об.
 14 Там же. Д. 7. (1616 г.). Л. 29 об.
 15 Там же. Д. 8. (1616 г.). Л. 569 об.
 16 Там же. Д. 3. (1616 г.). Л. 302 об.
 17 Опись 1626 г. Л. 514 об.
 18 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 2. (1617 г.). Л. 275 об.
 19 Там же. Л. 49 об.
 20 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 53. Л. 440 об.
 21 Опись 1626 г. Л. 527-530 об.
 22 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 8. (1619 г.). Л. 93 об.
 23 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 5. (1616 г.). Л. 1 об.
 24 РГАДА. Ф. 121. Оп. 2. Д. 3. Л. 4 об.
 25 Опись 1673 г. Л. 187 об.
 26 Там же. Л. 317 об.
 27 Там же. Л. 658.
 28 Там же. Л. 944-944 об.
 29 Там же. Л. 203 об.
 30 Там же. Л. 300 об.
 31 Там же. Л. 199.
 32 Там же.
 33 Там же. Л. 199 об.
 34 Там же. Л. 192.
 35 РГАДА. Ф. 32. Оп. 2. Д. 28.
 36 Опись 1673 г. Л. 719.
 37 Опись 1614 г. Л. 191.
 38 Опись 1626 г. Л. 595 об.-596.
 39 РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. (1617 г.). Л. 43-66.
 40 *Рогожин Н.М.* Посольские книги... С. 147.
 41 Опись 1614 г. Л. 249-249 об.
 42 Опись 1626 г. Л. 368 об.-369.
 43 РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 1. (1604 г.); Д. 1-2 (1613 г.); Д. 1-2 (1614 г.); Д. 1. (1615 г.); Д. 1-3 (1616 г.).
 44 Там же. Д. 2. (1613 г.); Д. 1. (1614 г.); Д. 1. (1615 г.); Д. 2. (1616 г.).
 45 Там же. Д. 2. (1614 г.). Л. 119.
 46 Опись 1626 г. Л. 506-507.
 47 РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.).
 48 Там же. Д. 3. (1616 г.). См. также: Опись 1626 г. Л. 507-507 об.
 49 РГАДА. Ф. 32. Оп. 2. Д. 26-30.
 50 Опись 1626 г. Л. 396 об.
 51 Там же. Л. 396 об.-397.
 52 Опись 1614 г. Л. 292 об. См. также: Опись 1626 г. Л. 506.
 53 Опись 1626 г. Л. 506-506 об.
 54 Опись 1614 г. Л. 293-293 об.
 55 РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Кн. 3. Л. 326 об.-327.
 56 Опись 1673 г. Л. 187 об.
 57 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 29. Л. 309.
 58 РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 1. (1614 г.). Л. 2 об.
 59 Опись 1626 г. Л. 497 об.-498.
 60 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Кн. 3-6.
 61 Опись 1626 г. С. 254. См. также: Опись 1673 г. Л. 203-203 об.
 62 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 39-77.
 63 Там же. Д. 46.
 64 Там же. Д. 49.
 65 Там же. Д. 76.
 66 Там же. Д. 50, 51, 73, 77.
 67 Там же. Оп. 2. Д. 19-27.

- 68 Опись 1626 г. Л. 525 об.-526 об., 528-529.
69 Опись 1673 г. Л. 206.
70 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 45.
71 РГАДА. Ф. 44. Оп. 1. Д. 1. (1614 г.); Д. 1. (1615 г.); Д. 1. (1617 г.); Оп. 2.
Д. 1.
72 РГАДА. Ф. 61. Оп. 1. Д. 19-23.
73 Там же. Д. 19. Л. 1-48.
74 Там же. Д. 20. Л. 1.
75 Там же. Оп. 2. Д. 8а.
76 Опись 1626 г. Л. 532-532 об.
77 РГАДА. Ф. 50. Оп. 1. Д. 1-2 (1613 г.); Д. 1-5 (1614 г.); Д. 1-5 (1615 г.);
Д. 1-4 (1616 г.); Д. 1. (1618 г.); Д. 1-2 (1619 г.).
78 Опись 1626 г. Л. 531 об.-532.
79 РГАДА. Ф. 50. Оп. 1. Д. 5. (1614 г.); Д. 1. (1619 г.).
80 Там же. Д. 2-4 (1614 г.).
81 РГАДА. Ф. 50. Оп. 2. Д. 1-4.
82 Опись 1626 г. Л. 530 об.-531.
83 РГАДА. Ф. 50. Оп. 1. Д. 2. (1614 г.).
84 РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2. (1614 г.). Л. 49.
85 Опись 1626 г. Л. 532.
86 РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Д. 1. Л. 104 об.
87 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 4. Л. 203 об.
88 РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 1-3 (1604 г.); Д. 1. (1607 г.); Д. 1. (1613 г.); Д. 1.
(1615 г.); Д. 1-2 (1616 г.); Д. 1-2 (1619 г.).
89 Там же. Д. 1. (1616 г.). Л. 1-4; Д. 2. (1616 г.). Л. 1-4.
90 Опись 1626 г. Л. 454 об.
91 РГАДА. Ф. 52. Оп. 2. Д. 8-9.
92 Там же. Оп. 3. Д. 1. (1604 г.); Д. 1. (1607 г.).
93 Опись 1614 г. Л. 252.
94 Опись 1626 г. Л. 454 об.-455.
95 РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Кн. 3.
96 Там же. Д. 1-2 (1613 г.); Д. 1-2 (1614 г.); Д. 1-3 (1617 г.); Д. 1. (1619 г.).
97 Там же. Д. 2. (1613 г.).
98 Опись 1614 г. Л. 319 об.-320; Опись 1626 г. Л. 523-523 об.
99 РГАДА. Ф. 53. Оп. 2. Д. 3.
100 Опись 1673 г. Л. 254 об.
101 РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. (1619 г.). Л. 182-187.
102 РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 6.
103 Опись 1626 г. Л. 369.
104 РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. (1607 г.); Д. 1. (1613 г.); Д. 1-2 (1614 г.); Д. 1-
2 (1615 г.); Д. 1-3 (1616 г.); Д. 1. (1617 г.); Д. 1-2 (1618 г.); Д. 1-3
(1619 г.).
105 Там же. Д. 1. (1607 г.). Л. 7, 8а, 16, 20.
106 Там же. Д. 2. (1618 г.). Л. 1-41.
107 Там же. Д. 3. (1619 г.). Л. 1-112.
108 Там же. Оп. 2. Д. 3-20.
109 Там же. Д. 3, 4.
110 Там же. Д. 5-7.
111 Опись 1614 г. Л. 197-198. См. также: Опись 1626 г. Л. 367 об.-368.
112 РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. (1617 г.). Л. 43-47.
113 Опись 1626 г. Л. 368 об.-369.
114 РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.).
115 Опись 1614 г. Л. 332а-333.
116 РГАДА. Ф. 78. Оп. 1. Кн. 3.
117 *Рогожин Н.М.* Посольские книги... С. 129.
118 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 26-38.
119 Там же. Кн. 28.

- 120 Там же. Кн. 30, 31.
121 Там же. Кн. 30. Л. 214 об.-216; Кн. 31. Л. 342-342 об.
122 Там же. Кн. 32, 33.
123 Там же. Кн. 35-37.
124 Там же. Кн. 38.
125 Там же. Д. 1-2 (1605 г.); Д. 1-3 (1607 г.); Д. 1-4 (1608 г.); Д. 1. (1609 г.); Д. 1-6 (1610 г.); Д. 1. (1611 г.); Д. 1. (1612 г.); Д. 1-2 (1614 г.); Д. 1-8 (1615 г.); Д. 1-4 (1616 г.); Д. 1-2 (1617 г.); Д. 1-5 (1618 г.); Д. 1-9 (1619 г.).
126 Там же. Д. 2. (1605 г.).
127 Там же. Д. 1. (1609 г.).
128 Там же. Д. 4. (1610 г.).
129 Там же. Д. 1. (1614 г.). Л. 1.
130 Там же. Д. 2. (1615 г.). Л. 1-4.
131 Там же. Д. 5. (1615 г.). Л. 98-99.
132 Там же. Оп. 2. Д. 11-30.
133 Там же. Оп. 3. Д. 30-37.
134 Там же. Оп. 5. Д. 4. (1606 г.).
135 Опись 1614 г. Л. 249-249 об.
136 Опись 1626 г. Л. 380 об.
137 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 1. (1616 г.). Л. 1-10.
138 Опись 1614 г. Л. 305-307 об.
139 Там же. Л. 307 об.-308.
140 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 27.
141 Опись 1614 г. Л. 306 об.
142 Опись 1626 г. Л. 497-497 об. См. также: Опись 1632 г. Л. 23 об.-24.
143 Опись 1626 г. Л. 497 об.
144 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 28.
145 Опись 1614 г. Л. 308-308 об.
146 Там же. Л. 308 об.-309. См. также: Опись 1626 г. Л. 497 об.-499 об.
147 Опись 1632 г. Л. 107 об.
148 Опись 1626 г. Л. 499 об.-500 об, 501. См. также: Опись 1632 г. Л. 107 об.
149 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 1-2 (1613 г.); Д. 1-3 (1614 г.); Д. 1-4 (1615 г.); Д. 1-2 (1616 г.); Д. 1. (1617 г.); Д. 1. (1619 г.).
150 Там же. Д. 3. (1615 г.). Л. 323-326.
151 Там же. Д. 1. (1615 г.). Л. 1.
152 *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 142.
153 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 3. (1619 г.). Л. 1-26.
154 Там же. Оп. 2. Д. 1.
155 Опись 1626 г. Л. 352 об.-353.
156 Там же. Л. 459.
157 Там же. Л. 460 об.
158 РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 1.
159 Там же. Д. 1-2 (1615 г.).
160 Там же. Оп. 2. Д. 2.
161 Опись 1614 г. Л. 320.
162 Опись 1626 г. Л. 520-520 об.
163 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 8-17.
164 Там же. Кн. 9. Л. 50.
165 Там же. Кн. 10, 11.
166 Там же. Кн. 10. Л. 135.
167 Там же. Кн. 11. Л. 141 об.
168 Там же. Кн. 12. Л. 56, 56 об., 58, 58 об., 59 об., 60, 66, 69 об., 70, 92.
169 Опись 1626 г. Л. 412.
170 РГАДА. Ф. 138. Оп. 3. Д. 3. Л. 21-21 об.

- 171 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 1. (1608 г.); Д. 1-6 (1609 г.); Д. 1-3 (1610 г.); Д. 1. (1611 г.); Д. 1-4 (1613 г.); Д. 1-6 (1614 г.); Д. 1-13 (1615 г.); Д. 1-12 (1616 г.); Д. 1-20 (1617 г.); Д. 1-9 (1618 г.); Д. 1-3 (1619 г.).
- 172 Там же. Д. 13. (1617 г.). Л. 503-510.
- 173 Там же. Д. 12. (1616 г.).
- 174 Там же. Д. 15. (1617 г.).
- 175 Там же. Д. 16. (1617 г.).
- 176 Там же. Д. 17. (1617 г.).
- 177 Там же. Д. 18. (1617 г.).
- 178 Там же. Д. 20. (1617 г.).
- 179 Там же. Д. 1. (1608 г.); Д. 3. (1609 г.); Д. 4. (1609 г.); Д. 5. (1609 г.); Д. 6. (1609 г.); Д. 1. (1611 г.); Д. 1. (1613 г.); Д. 4. (1613 г.); Д. 5. (1617 г.).
- 180 Там же. Д. 1. (1610 г.); Д. 2. (1610 г.); Д. 3. (1610 г.); Д. 2. (1613 г.); Д. 3. (1613 г.); Д. 2. (1614 г.); Д. 3. (1614 г.); Д. 6. (1614 г.); Д. 5. (1615 г.); Д. 6. (1615 г.); Д. 11. (1617 г.); Д. 4. (1618 г.); Д. 5. (1618 г.); Д. 9. (1618 г.).
- 181 Опись 1626 г. Л. 513 об.-518. См. также: РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 7. (1615 г.). Л. 12 об.
- 182 РГАДА. Ф. 96. Оп. 2. Д. 29-36.
- 183 Там же. Оп. 3. Д. 14-32.
- 184 Опись 1626 г. Л. 410 об.-411.
- 185 Опись 1614 г. Л. 190-190 об.
- 186 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. Кн. 8. Л. 1-39 об.
- 187 Опись 1614 г. Л. 288 об.
- 188 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 8. Л. 40-65 об.
- 189 Опись 1626 г. Л. 412.
- 190 Там же. Л. 410-410 об.
- 191 Опись 1673 г. Л. 575 об.
- 192 РГАДА. Ф. 35. Кн. 4. Л. 202-202 об.
- 193 Опись 1626 г. Л. 412 об.-413.
- 194 Опись 1614 г. Л. 315 об.
- 195 РГАДА. Ф. 96. Оп. 2. Д. 29.
- 196 Опись 1614 г. Л. 315 об.
- 197 Там же. Л. 316.
- 198 Там же. Л. 316-317.
- 199 Там же. Л. 317.
- 200 Там же. Л. 317-317 об.
- 201 Опись 1626 г. Л. 513.
- 202 Там же. Л. 518. См. также: Опись 1632 г. Л. 22 об.
- 203 Опись 1614 г. Л. 316, 316 об.
- 204 Там же. Л. 127, 312.
- 205 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 8. (1615 г.). Л. 11-11 об.
- 206 РГАДА. Ф. 109. «Сношения России с Бухарой». Оп. 1. Д. 1 (1614 г.); Д. 1. (1619 г.).
- 207 РГАДА. Ф. 110. Оп. 1. Д. 1-2 (1604 г.); Д. 1. (1607 г.); Д. 1. (1616 г.); Д. 1. (1619 г.).
- 208 Там же. Оп. 3. Д. 1. (1605 г.).
- 209 РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.); Д. 1. (1618 г.); Д. 1-2 (1619 г.).
- 210 Там же. Д. 1. (1618 г.).
- 211 Опись 1626 г. Л. 461.
- 212 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 1. (1616 г.). Л. 134-170.
- 213 Опись 1626 г. Л. 458 об., 459 об.
- 214 РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.). Л. 1-2.
- 215 РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. Д. 1-2 (1605 г.); Д. 1-6 (1614 г.); Д. 1-2 (1615 г.); Д. 1. (1616 г.); Д. 1. (1617 г.).
- 216 Там же. Д. 6. (1614 г.). Л. 1.
- 217 Там же. Оп. 2. Д. 4-6.

- 218 РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Д. 1. (1616 г.); Д. 1. (1617 г.); Д. 1-2 (1618 г.); Д. 1-2 (1619 г.).
- 219 Там же. Д. 1. (1617 г.). Л. 9 об.; Д. 2. (1619 г.). Л. 16 об., 18 об.
- 220 РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. Д. 1. (1608 г.).
- 221 РГАДА. Ф. 119. Оп. 2. Д. 1.
- 222 РГАДА. Ф. 121. Оп. 1. Д. 1-2 (1614 г.); Д. 1. (1618 г.); Д. 1. (1619 г.).
- 223 Там же. Д. 1. (1618 г.); Д. 1. (1619 г.).
- 224 Там же. Оп. 2. Д. 1-3.
- 225 РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. (1617 г.). Л. 7.
- 226 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 1-2 (1604 г.); Д. 1. (1605 г.); Д. 1-2 (1606 г.); Д. 1-2 (1607 г.); Д. 1. (1613 г.); Д. 1-5 (1614 г.); Д. 1-9 (1615 г.); Д. 1-7 (1616 г.); Д. 1-8 (1617 г.); Д. 1-7 (1618 г.); Д. 1-9 (1619 г.).
- 227 Там же. Д. 1. (1605 г.).
- 228 Там же. Д. 8. (1617 г.).
- 229 Там же. Д. 5. (1614 г.). Л. 111-114.
- 230 Там же. Д. 5. (1618 г.). Л. 7-8.
- 231 Там же. Оп. 2. Д. 33, 34.
- 232 Опись 1626 г. Л. 362-362 об.
- 233 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.); Д. 1. (1614 г.); Д. 2. (1614 г.).
- 234 Опись 1626 г. Л. 362 об.-363.
- 235 Опись 1614 г. Л. 324 об.-325 об.
- 236 Опись 1626 г. Л. 469-470.
- 237 Опись 1614 г. Л. 326-326 об.
- 238 Там же. Л. 326 об.
- 239 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.).
- 240 Опись 1614 г. Л. 327.
- 241 РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. Д. 1. (1608 г.); Д. 1. (1616 г.); Д. 1-2 (1617 г.); Д. 1. (1618 г.); Д. 1. (1619 г.).
- 242 Там же. Д. 1. (1608 г.). Л. 1-6.
- 243 Там же. Д. 1. (1619 г.).
- 244 Там же. Оп. 2. Д. 1-2.
- 245 Там же. Д. 1.
- 246 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 1-3 (1604 г.); Д. 1-4 (1608 г.); Д. 1. (1609 г.); Д. 1-2 (1610 г.); Д. 1-2 (1611 г.); Д. 1. (1612 г.); Д. 1-5 (1613 г.); Д. 1-3 (1614 г.); Д. 1-12 (1615 г.); Д. 1-4 (1616 г.); Д. 1-4 (1617 г.); Д. 1-4 (1618 г.); Д. 1-2 (1619 г.).
- 247 Там же. Д. 1. (1601 г.).
- 248 Там же. Д. 4. (1608 г.).
- 249 Там же. Л. 28, 29.
- 250 Там же. Д. 1. (1611 г.).
- 251 Акты времени междоусобия. (1610 г. 17 июля – 1613 г.). М., 1915. С. 8-37.
- 252 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.). Л. 1-6.
- 253 Там же. Д. 3. (1613 г.). Л. 1-45.
- 254 Там же. Д. 3. (1615 г.). Л. 1-13.
- 255 Там же. Д. 9. (1615 г.). Л. 1-15.
- 256 Там же. Д. 4. (1617 г.). Л. 1-26.
- 257 Там же. Д. 2. (1618 г.). Л. 38-41.
- 258 Там же. Д. 3. (1618 г.). Л. 59-62.
- 259 Там же. Д. 4. (1618 г.). Л. 1-9.
- 260 Там же. Д. 2. (1619 г.). Л. 160-248.
- 261 Опись 1614 г. Л. 329 об.
- 262 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 1-3 (1604 г.).
- 263 Опись 1614 г. Л. 329 об.
- 264 Там же. Л. 329 об.-330.
- 265 Там же. Л. 330.
- 266 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 4. (1608 г.).

- 267 Опись 1614 г. Л. 330.
- 268 Там же. Л. 330 об.
- 269 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 2. (1613 г.).
- 270 Опись 1626 г. Л. 365.
- 271 РГАДА. Ф. 130. «Сибирские дела». Оп. 1. Д. 1, 2.
- 272 Опись 1614 г. Л. 136.
- 273 РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. Д. 1-2 (1613 г.); Д. 1. (1614 г.); Д. 1-4 (1616 г.), Д. 1-2 (1617 г.); Д. 1-9 (1619 г.).
- 274 Там же. Д. 1. (1614 г.); Д. 1. (1616 г.).
- 275 РГАДА. Ф. 134. Оп. 1. Д. 1. (1616 г.); Д. 1. (1617 г.).
- 276 Там же. Оп. 2. Д. 1, 2.
- 277 РГАДА. Ф. 150. Оп. 1. Д. 1. (1614 г.); Д. 1-4 (1615 г.); Д. 1-2 (1618 г.), Д. 1-3. (1619 г.).
- 278 Там же. Д. 1. (1615 г.).
- 279 В данный момент в РГАДА числятся 4 английских книги за 1613-1617 гг. Однако, поскольку в XVII веке они были объединены в две книги, а разделение было произведено позднее, в таблице указаны, в соответствии с изначальным состоянием, две, а не четыре книги.
- 280 РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 2. (1616 г.). Л. 11; Д. 1. (1617 г.). Л. 222. См. также: Ф. 141. Оп. 1. Д. 16. (1620 г.). Л. 1.
- 281 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 1. (1617 г.). Л. 264.
- 282 *Рогожин Н.М.* Место России XVI-XVII веков в Европе по материалам посольских книг // Место России в Европе. (Материалы международной конференции). Budapest, 1999. С. 88.
- 283 Данные о составе книг, сформированных в Посольском приказе в 1588-1603 гг., взяты из «Обзора посольских книг из фондов – коллекций, хранящихся в ЦГАДА»/ Сост. Н.М.Рогожин. М., 1990. См. также: *Рогожин Н.М.* Посольские книги...
- 284 Данные о составе книг, сформированных в Посольском приказе в 1620-1635 гг., взяты из «Обзора посольских книг из фондов – коллекций, хранящихся в ЦГАДА».
- 285 В настоящее по данному периоду в РГАДА хранится 31 книга. Увеличение количества книг произошло вследствие разделения в конце XVII-XVIII вв. ряда книг на две или три книги. См.: *Рогожин Н.М.* Посольские книги... С. 125, 128, 131, 133, 136, 141, 142.
- 286 Наиболее поздняя книга за период до начала царствования Михаила Романова завершается событиями 1608 г. (Ф. 96. Оп. 1. Д. 8), поэтому в данном случае в «шапке» таблицы отмечен период 1604-1608 гг.
- 287 РГАДА. Ф. 110. Оп. 1. Д. 1. (1607 г.). Л. 5 об.
- 288 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 1. (1614 г.). Л. 5.
- 289 РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.). Л. 40 об.
- 290 РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Д. 1. (1615 г.). Л. 174 об.
- 291 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 2. (1618 г.). Л. 233 об., 604 об.
- 292 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 53. Л. 440 об.
- 293 РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 1. (1604 г.). Л. 106 об.
- 294 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1604 г.). Л. 20 об., 51 об., 69 об.
- 295 Там же. Д. 2. (1607 г.). Л. 65 об.
- 296 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 2. (1613 г.). Л. 8 об., 21 об.
- 297 Там же. Д. 5. (1613 г.). Л. 81 об.
- 298 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 3. (1616 г.). Л. 302 об.
- 299 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 53. Л. 116 об.; Ф. 127. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.). Л. 1 об.
- 300 Там же. Д. 45. Л. 1 об.
- 301 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 1. (1612 г.). Л. 1 об.
- 302 Там же. Д. 2. (1611 г.). Л. 12.
- 303 Там же. Д. 1. (1612 г.). Л. 1.
- 304 Там же. Д. 2. (1613 г.). Л. 1 об.

- 305 Там же. Д. 5. (1613 г.). Л. 102-103.
- 306 РГАДА. Ф. 61. Оп. 1. Д. 19. Л. 11, 31.
- 307 Там же. Л. 10-11, 20-21, 34-35.
- 308 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 1. (1612 г.). Л. 1.
- 309 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 1. (1618 г.). Л. 42.
- 310 РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 1. (1604 г.). Л. 104.
- 311 РГАДА. Ф. 110. Оп. 1. Д. 1. (1604 г.). Л. 184-186.
- 312 РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. Д. 1. (1615 г.). Л. 4.
- 313 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 8. (1616 г.). Л. 124.
- 314 РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 2. (1617 г.). Л. 113.
- 315 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 5. (1619 г.). Л. 2 об., 23 об.
- 316 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 4. (1613 г.). Л. 1-5.
- 317 РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 1. (1604 г.). Л. 108, 196.
- 318 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 27. Л. 3.
- 319 РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 1. (1604 г.). Л. 101.
- 320 Там же. Л. 59-60.
- 321 Там же. Л. 17.
- 322 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 4. Л. 16 об.
- 323 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 27. Л. 41 об.
- 324 РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 1. (1604 г.). Л. 55.
- 325 РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. (1614 г.). Л. 115-119.
- 326 РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 1. (1604 г.). Л. 31-32.
- 327 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 4. Л. 22.
- 328 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 2. (1613 г.). Л. 7.
- 329 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 53. Л. 18-19.
- 330 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 2. (1618 г.). Л. 52-53 об.
- 331 Там же. Л. 149-160.
- 332 Там же. Л. 54-55.
- 333 РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. (1614 г.). Л. 120.
- 334 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 1. (1606 г.). Л. 5.
- 335 РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.). Л. 222 об.
- 336 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 1. (1608 г.). Л. 159.
- 337 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 4. Л. 304 об.-305 об.
- 338 РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. Д. 1. (1605 г.). Л. 5, 11; Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1607 г.). Л. 29.
- 339 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 8. (1615 г.). Л. 24-27; Кн. 10. Л. 260.
- 340 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 2. (1615 г.). Л. 53; Д. 1. (1616 г.). Л. 3, 44, 56.
- 341 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 1. (1608 г.). Л. 1.
- 342 Там же. Д. 1. (1613 г.). Л. 1-6.
- 343 Там же. Д. 5. (1613 г.). Л. 5.
- 344 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1607 г.). Л. 60.
- 345 РГАДА. Ф. 110. Оп. 1. Д. 1. (1604 г.). Л. 13-16.
- 346 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 1. (1616 г.). Л. 42.
- 347 РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 3. (1616 г.). Л. 55, 56, 58.
- 348 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 1. (1618 г.). Л. 1.
- 349 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 8. (1615 г.). Л. 275-285.
- 350 Там же. Д. 9. (1617 г.). Л. 6-8.
- 351 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 26. Л. 125-126.
- 352 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 53. Л. 137.
- 353 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 2. (1609 г.). Л. 97-100.
- 354 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 1. (1610 г.). Л. 2.
- 355 Там же. Д. 5. (1613 г.). Л. 5.
- 356 РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.). Л. 18-22.
- 357 Там же. Л. 69.
- 358 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1614 г.). Л. 137.
- 359 РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. (1618 г.). Л. 20.
- 360 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.). Л. 2.

- 361 Там же. Д. 2. (1607 г.). Л. 14.
362 Там же. Д. 3. (1617 г.). Л. 49.
363 Там же. Д. 1. (1613 г.). Л. 46.
364 Там же. Д. 2. (1618 г.). Л. 225.
365 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 5. (1613 г.). Л. 71.
366 ГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.). Л. 399.
367 РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.). Л. 75.
368 РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.). Л. 80-81.
369 РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Д. 1. (1615 г.). Л. 46-48.
370 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 3. (1604 г.). Л. 195.
371 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1607 г.). Л. 20-21.
372 Там же. Д. 3. (1617 г.). Л. 100.
373 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 1. (1616 г.). Л. 56-57.
374 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 4. (1617 г.). Л. 14.
375 РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. (1618 г.). Л. 139.
376 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1606 г.). Л. 2.
377 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 26. Л. 126 об.-127 об.
378 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1607 г.). Л. 49-50.
379 РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. (1607 г.). Л. 9, 18.
380 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 5. (1613 г.). Л. 24, 67.
381 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.). Л. 40.
382 РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. (1614 г.). Л. 37.
383 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 29. Л. 410-412.
384 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 5. Л. 36 об.; Ф. 93. Оп. 1. Д. 1. Л. 65.
385 РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 2. (1617 г.). Л. 47-48.
386 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1607 г.). Л. 29-31.
387 РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.). Л. 88; Ф. 77. Оп. 1. Д. 2. (1616 г.). Л. 203-205.
388 РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2. (1614 г.). Л. 76-78; Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. (1614 г.). Л. 42-43; Ф. 93. Оп. 1. Д. 1. (1615 г.). Л. 49, 53-55; Ф. 79. Оп. 1. Д. 29. Л. 414 об.; Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1614 г.). Л. 118, 119, 147-149; Ф. 35. Оп. 1. Д. 48. Л. 70-76; Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.). Л. 89.
389 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 1. (1605 г.). Л. 14-15.
390 Там же. Кн. 26. Л. 89-89 об.
391 Там же. Л. 84 об.
392 РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Д. 1. (1615 г.). Л. 34, 104-113, 149.
393 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1607 г.). Л. 29.
394 Там же. Д. 1. (1613 г.). Л. 25.
395 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 1. (1616 г.). Л. 5-6.
396 РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 2. (1617 г.). Л. 19.
397 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.). Л. 44-45.
398 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 48. Л. 76.
399 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.). Л. 24.
400 РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.). Л. 37; Д. 1. (1614 г.). Л. 407.
401 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 26. Л. 111.
402 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1607 г.). Л. 37.
403 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 5. (1613 г.). Л. 131-132.
404 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.). Л. 66.
405 Там же. Д. 2. (1614 г.). Л. 220.
406 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 29. Л. 424 об.
407 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 5. Л. 43 об.-44.
408 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 2. (1618 г.). Л. 71-72.
409 РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. (1607 г.). Л. 21.
410 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1607 г.). Л. 56-58.
411 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 29. Л. 192 об.
412 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.). Л. 76.
413 Там же. Д. 2. (1614 г.). Л. 220.

- 414 РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. (1614 г.). Л. 43.
 415 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 5. Л. 32.
 416 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 5. (1617 г.). Л. 71.
 417 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 1. (1617 г.). Л. 84.
 418 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 1. (1605 г.). Л. 19-20.
 419 Там же. Кн. 26. Л. 128 об.-130.
 420 Там же. Кн. 29. Л. 28 об.-29 об.
 421 РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.). Л. 114-115.
 422 Там же. Д. 2. (1614 г.). Л. 84.
 423 РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.). Л. 98.
 424 РГАДА. Ф. 110. Оп. 1. Д. 1. (1604 г.). Л. 110-111.
 425 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1607 г.). Л. 46-48.
 426 Там же. Д. 1. (1613 г.). Л. 65-66.
 427 Там же. Д. 1. (1616 г.). Л. 42.
 428 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 1. (1616 г.). Л. 86.
 429 РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. (1614 г.). Л. 98.
 430 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 1. (1605 г.). Л. 20.
 431 Там же. Кн. 26. Л. 128 об.-130.
 432 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1607 г.). Л. 7.
 433 Там же. Д. 1. (1613 г.). Л. 66.
 434 РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.). Л. 114.
 435 РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. (1614 г.). Л. 99.
 436 РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Кн. 3. Л. 236-236 об.
 437 Там же. Д. 1. (1613 г.). Л. 154.
 438 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.). Л. 77; Д. 3. (1614 г.). Л. 1. 129; Д. 2. (1615 г.). Л. 1-191; Д. 5. (1616 г.). Л. 61-66; Д. 7. (1616 г.). Л. 27-51; Д. 1. (1618 г.). Л. 81; Д. 3. (1618 г.). Л. 1-45; Д. 4. (1618 г.). Л. 1-38; Д. 6. (1618 г.). Л. 1-27; Д. 1. (1619 г.). Л. 1-8; Д. 4. (1619 г.). Л. 1-9; Д. 5. (1619 г.). Л. 1-27.
 439 РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. (1614 г.). Л. 23. См. также: Ф. 89. Оп. 1. Д. 1. (1616 г.). Л. 20-39, 58-59.
 440 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 5. Л. 63 об.
 441 РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2. (1614 г.). Л. 213 об.
 442 РГАДА. Ф. 110. Оп. 1. Д. 2. (1604 г.). Л. 1.
 443 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 26. Л. 173.
 444 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.). Л. 82.
 445 РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.). Л. 377.
 446 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 5. (1619 г.). Л. 3.
 447 *Лихачев Д.С.* Повести русских послов как памятник литературы // Путешествия русских послов в XVI-XVII вв. Статейные списки. М.-Л., 1954. С. 319-346; *Алпатов М.А.* Указ. соч. С. 89-129; *Рогожин Н.М.* Посольские книги... С. 99-108.
 448 Опись 1626 г. Л. 507.
 449 РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.). Л. 164-221.
 450 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 2. (1616 г.). Л. 261.
 451 Там же. Л. 2-27 об.
 452 Там же. Л. 87.
 453 Там же. Л. 1. См. также: Д. 4. (1615 г.). Л. 63.
 454 Там же. Л. 33, 72.
 455 *Новосельский А.А.* Разновидности крымских статейных списков... С. 182-194.
 456 *Рогожин Н.М.* Посольские книги... С. 149-151.
 457 *Смирнов Н.А.* Указ. соч. С. 31, 32, 37.
 458 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 4. (1615 г.). Л. 216, 218, 221.
 459 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 29. Л. 192 об., 220-254 об.
 460 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 5. (1613 г.). Л. 190-208.
 461 РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.). Л. 260-293.
 462 РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.). Л. 441-464; Д. 1. (1614 г.). Л. 79-86.

- 463 РГАДА. Ф. 53. Д. 1. (1614 г.). Л. 175-182.
 464 Опись 1673 г. Л. 317 об.
 465 РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.). Л. 248-293; Д. 3. (1616 г.). Л. 216-224. См. также: Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.). Л. 441-464; Д. 2. (1616 г.) Л. 291-296.
 466 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 6. (1617 г.).
 467 РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. (1614 г.). Л. 48-87.
 468 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 3. (1615 г.). Л. 7, 13, 17.
 469 Там же. Д. 2. (1604 г.). Л. 157.
 470 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 1. (1605 г.). Л. 15; Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1604 г.). Л. 169.
 471 Там же. Кн. 26. Л. 1 об., 63, 104-104 об.
 472 Там же. Кн. 29. Л. 53; Ф. 53. Кн. 3. Л. 40-42.
 473 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Кн. 4. Л. 36 об.
 474 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1607 г.). Л. 21-22.
 475 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Кн. 4. Л. 18 об.
 476 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 6. (1610 г.). Л. 1.

Глава 5

- 1 РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.). Л. 146 об., 149 об., 222 об.
 2 РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.). Л. 141 об.
 3 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 1. (1618 г.). Л. 59 об.
 4 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 4. (1618 г.). Л. 38 об.
 5 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 1. (1616 г.). Л. 328; Д. 7. (1616 г.). Л. 278; Д. 13. (1617 г.). Л. 7, 23, 41.
 6 Там же. Д. 2. (1618 г.). Л. 514 об.
 7 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 1. (1614 г.). Л. 79.
 8 Там же. Д. 3. (1615 г.). Л. 9-10.
 9 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1604 г.). Л. 234-237.
 10 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2. (1601 г.). Л. 44, 44 об.
 11 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 4. (1613 г.). Л. 1, 5.
 12 Там же. Д. 5. (1613 г.). Л. 155.
 13 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 2. (1618 г.). Л. 270, 274.
 14 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 4. (1616 г.). Л. 12.
 15 РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 2. (1617 г.). Л. 86.
 16 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2. (1626 г.). Л. 46, 57.
 17 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 4. (1616 г.). Л. 458, 458 об.
 18 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 53. Л. 377-380; Д. 71. Л. 55; Ф. 96. Оп. 1. Д. 3. (1619 г.). Л. 159-160.
 19 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 1. (1610 г.). Л. 4-8, 30.
 20 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 1. (1616 г.). Л. 192-198.
 21 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 1. (1617 г.). Л. 84.
 22 РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 2. (1617 г.). Л. 94.
 23 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 6. (1618 г.). Л. 124, 131 об, 137 об.
 24 РГАДА. Ф. 110. Оп. 1. Д. 1. (1619 г.). Л. 58, 64.
 25 РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. (1614 г.). Л. 18. См. также: Ф. 89. Оп. 1. Д. 1. (1616 г.). Л. 17, 54.
 26 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 5. (1613 г.). Л. 136, 147; Ф. 96. Оп. 1. Д. 12. (1617 г.). Л. 161.
 27 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 7. (1618 г.). Л. 31, 39, 47.
 28 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 4. (1615 г.). Л. 29.
 29 РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Кн. 3. Л. 14 об.
 30 Там же. Д. 2. (1617 г.). Л. 110 об.
 31 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1607 г.). Л. 7, 15, 37.
 32 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 5. (1616 г.). Л. 24.

- 33 Там же. Д. 8. (1615 г.). Л. 216-228.
34 Там же. Л. 221.
35 Там же. Д. 1. (1616 г.). Л. 23-30.
36 Там же. Д. 8. (1615 г.). Л. 18-19.
37 Опись 1626 г. Л. 499.
38 РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.). Л. 22.
39 Там же. Л. 60.
40 Там же. Л. 61.
41 Там же. Л. 73.
42 Там же. Л. 110.
43 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 2. (1618 г.). Л. 126.
44 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1614 г.). Л. 137, 142, 143.
45 Там же. Д. 4. (1615 г.). Л. 7.
46 Там же. Д. 3. (1617 г.). Л. 81, 82, 86.
47 Там же. Д. 2. (1618 г.). Л. 93, 96.
48 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 43. Л. 258-259; Д. 4. Л. 513 об.-522.
49 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1618 г.). Л. 130.
50 Там же. Л. 148.
51 Там же. Д. 2. (1614 г.). Л. 184.
52 Там же. Л. 217.
53 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 48. Л. 44.
54 РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. (1618 г.). Л. 20.
55 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1614 г.). Л. 133.
а Зачеркнуто: «в Астарахани в».
б Написано над строкой.
в Зачеркнуто: «служба вел».
г Зачеркнуто: «Ив Ив».
д Три предыдущих слова написаны над строкой.
56 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1614 г.). Л. 205.
57 Там же. Л. 147-148.
58 Там же. Д. 7. (1616 г.). Л. 51.
59 Опись 1614 г. Л. 332а об.
60 РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 2. (1601 г.). Л. 134.
61 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.). Л. 66.
62 РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.). Л. 137; Д. 3. (1616 г.). Л. 31.
63 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 1. (1617 г.). Л. 84.
64 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 1. (1608 г.). Л. 18-29.
65 Там же.
66 Там же. Л. 25а.
67 Там же. Л. 20.
68 Там же. Л. 23-24.
69 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 43. Л. 125-126.
70 РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. Д. 4. (1614 г.). Л. 16-21.
71 Там же. Д. 6. (1614 г.). Л. 15-20.
72 РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. (1614 г.). Л. 162-166.
73 Там же. Л. 271-281, 292-294.
74 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 53. Л. 606-610.
75 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 4. (1616 г.). Л. 391, 393, 394.
76 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 4. (1615 г.). Л. 65-71.
77 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 11. (1615 г.). Л. 375-380.
78 РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. Д. 2. (1615 г.). Л. 67.
79 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 4. (1616 г.). Л. 146.
80 РГАДА. Ф. 50. Д. 2. (1616 г.). Л. 313-314.
81 РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. (1617 г.). Л. 1-6.
82 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 6. (1617 г.). Л. 63-68.
83 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 2. (1618 г.). Л. 448а-450д; Д. 3. (1618 г.). Л. 356-358.
84 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 3. (1618 г.). Л. 57, 61-63, 66.

- 85 Там же. Д. 3. (1619 г.). Л. 24, 29-35.
86 Там же. Д. 8. (1619 г.). Л. 39, 40, 53-61.
87 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 3. (1619 г.). Л. 114-119.
88 РГАДА. Ф. 110. Оп. 1. Д. 1. (1619 г.). Л. 6-9, 49-51.
89 РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Д. 2. (1619 г.). Л. 3, 9-10.
90 РГАДА. Ф. 50. Д. 2. (1616 г.). Л. 313-314.
91 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 3. (1618 г.). Л. 356 об., 358.
92 РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. Д. 4. (1614 г.). Л. 9-14, 16-21; Д. 6. (1614 г.). Л. 15-20, 21-24.
93 РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. (1614 г.). Л. 162-166.
94 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 6. (1617 г.). Л. 65.
95 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 2. (1618 г.). Л. 450в, 450д.
96 Там же. Д. 3. (1616 г.). Л. 141.
97 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 53. Л. 659-659 об.
98 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 2. (1618 г.). Л. 133.
99 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 2. (1618 г.). Л. 63.
100 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 53. Л. 656.
101 РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. Д. 1. (1605 г.). Л. 22.
102 Там же. Л. 23.
103 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1606 г.). Л. 11 об.
104 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 5. (1613 г.). Л. 5.
105 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. (1613-17 гг.). Л. 44.
106 РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. (1617 г.). Л. 210.
107 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 10. (1617 г.). Л. 26.
108 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. (1613-17 гг.). Л. 80.
109 Там же. Л. 164, 166, 170.
110 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.). Л. 127.
111 РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. (1617 г.). Л. 232-233. См. также: Ф. 127. Оп. 1. Д. 2. (1618 г.). Л. 1.
112 РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 601. (1613-18 гг.). Л. 11, 12, 20.
113 РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. Д. 5. (1614 г.). Л. 51. См. также: Ф. 127. Оп. 1. Д. 2. (1618 г.). Л. 35.
114 РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. (1607 г.). Л. 1-28.
115 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 1. (1608 г.). Л. 1-2.
116 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 7. (1614 г.). Л. 1.
117 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 1. (1616 г.). Л. 23-65, 153-158 об.
118 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 1. (1617 г.). Л. 231.
119 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 32. Л. 53 об., 62 об., 82.
120 Там же. Д. 2. (1618 г.). Л. 154.
121 РГАДА. Ф. 110. Оп. 1. Д. 1. (1604 г.). Л. 24, 176-178.
122 РГАДА. Ф. 79. Д. 1. (1605 г.). Л. 16.
123 РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. (1607 г.). Л. 7, 8а, 9, 10, 12, 13, 15, 16, 18а, 19, 20.
124 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 1. (1607 г.). Л. 7.
125 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 53. Л. 560.
126 Опись 1614 г. Л. 192, 226 об., 249 об
127 Опись 1626 г. Л. 390, 419.
128 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 4. Л. 73.
129 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 1. (1616 г.). Л. 2, 6-8.
130 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 13. (1617 г.). Л. 504.
131 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 1. (1614 г.). Л. 4-29.
132 Там же. Л. 4.
133 Там же. Кн. 29. Л. 335-335 об.
134 Там же. Д. 1. (1615 г.). Л. 1.
135 Там же. Кн. 29. Л. 460 об.-461.
136 РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Кн. 3.
137 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Кн. 4, 6.

- 138 Опись 1626 г. Л. 528.
139 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 65. Л. 1.
140 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 1. (1610 г.). Л. 1-9; Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1614 г.). Л. 1-28; Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. (1614 г.). Л. 1-23; Ф. 53. Оп. 1. Д. 2. (1617 г.). Л. 1-2; Ф. 79. Оп. 1. Д. 2. (1618 г.). Л. 4-4 об.
141 Опись 1626 г. Л. 528-528 об.
142 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 4. Л. 202-202 об.
143 РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.); Д. 1. (1614 г.); Д. 2. (1614 г.).
144 Опись 1626 г. Л. 417.
145 РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.). Л. 140; Д. 1. (1614 г.). Л. 175, 183.
146 Там же. Д. 1. (1613 г.). Л. 140, 140 об.
147 Там же. Д. 1. (1614 г.). Л. 175, 183.
148 РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.). Л. 44, 51, 60.
149 Опись 1626 г. Л. 362-362 об.
150 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 1. (1614 г.); Д. 2. (1614 г.); Д. 3. (1614 г.).
151 Там же. Д. 1. (1614 г.). Л. 1; Д. 3. (1614 г.). Л. 1.
152 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 2. (1618 г.). Л. 30-31.
153 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 53. Л. 462-465.
а Три предыдущих слова приписаны над строкой другим почерком и чернилами.
б Три предыдущих слова приписаны над строкой другим почерком и чернилами.
в Написано над строкой другим почерком и чернилами.
г Зачеркнуто слово «нас».
д Написано над строкой другим почерком и чернилами.
154 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 65. Л. 27, 37.
155 Там же. Кн. 6. Л. 23 об., 31 об.-32.
156 Опись 1626 г. Л. 418.
157 Там же. Л. 418-418 об.
158 РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 1. Л. 104 об.; Ф. 35. Оп. 1. Кн. 4. Л. 203 об.
159 РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Кн. 3.
160 Опись 1626 г. Л. 417.
161 Там же. Л. 523-523 об.
162 РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. (1614 г.). Л. 183-269.
163 Там же. Д. 1. (1613 г.). Л. 140, 140 об.; Д. 1. (1614 г.). Л. 175, 183.
164 РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. (1617 г.). Л. 43-53.
165 Опись 1614 г. Л. 197-198; Опись 1626 г. Л. 367 об.-368 об.
166 РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. (1617 г.). Л. 53.
167 Опись 1626 г. Л. 596.
168 Опись 1614 г. Л. 249-249 об.
169 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 26.
170 Опись 1614 г. Л. 249 об.
171 Там же. Л. 306 об.
172 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 26. Л. 172.
173 Опись 1626 г. Л. 380 об.
174 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 27.
175 Опись 1614 г. Л. 307 об.-308.
176 Там же. Л. 249-249 об.
177 Опись 1626 г. Л. 380 об.-381.
178 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 29.
179 Опись 1614 г. Л. 249 об.
180 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 29. Л. 192 об.
181 Опись 1626 г. Л. 381 об.-382.
182 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 29. Л. 732-739 об.
183 Там же. Кн. 30.
184 Опись 1626 г. Л. 382.
185 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 32.

- 186 Опись 1626 г. Л. 382-382 об.
 187 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 34.
 188 Опись 1626 г. Л. 381.
 189 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 35-37.
 190 Опись 1626 г. Л. 383-384 об.
 191 РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 1.
 192 Опись 1626 г. Л. 415 об.
 193 РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Кн. 1. Л. 104 об.
 194 Опись 1626 г. Л. 410-410 об.
 195 Там же. С. 250.
 196 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 8.
 197 Опись 1614 г. Л. 288 об.
 198 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 8. Л. 65 об.
 199 Опись 1614 г. Л. 190-190 об., 288 об.
 200 Опись 1626 г. Л. 410 об.
 201 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 10.
 202 Опись 1626 г. Л. 411 об.
 203 Там же. Л. 412.
 204 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 12.
 205 Там же. Кн. 13.
 206 Опись 1626 г. Л. 412 об.-413.
 207 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 14, 15.
 208 Опись 1626 г. Л. 413 об.-414.
 209 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 16.
 210 Опись 1626 г. Л. 413-413 об.
 211 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 17.
 212 Опись 1626 г. Л. 414 об.
 213 Опись 1673 г. Л. 575 об.
 214 *Вайнштейн О.Л.* Указ. соч. С. 90-91, 133-134. См. также: *Поринев Б.Ф.* Указ. соч. С. 180-182, 192.
 215 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 4. Л. 202-202 об.
 216 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 4. (1616 г.). Л. 106-107, 117-118.
 217 Опись 1626 г. Л. 362-362 об.
 218 Опись 1614 г. Л. 338-340; Опись 1626 г. Л. 741 об.-749.
 219 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 14. (1619 г.). Л. 67, 69.

Приложение 1

- 1 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 26. Л. 62 об.-63, 138 об.-141.
 2 РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 2. (1615 г.). Л. 215.
 3 РГАДА. Ф. 110. Оп. 1. Д. 2. (1603 г.). Л. 59.
 4 Разрядная книга 1550-1636 гг. С. 215-216; РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1604 г.). Л. 27.
 5 РГАДА. Ф. 110. Оп. 1. Д. 2. (1603 г.). Л. 95.
 6 Там же. Л. 121-122.
 7 РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 3. (1604 г.). Л. 28.
 8 РГАДА. Ф. 110. Оп. 1. Д. 2. (1603 г.). Л. 183.
 9 Там же. Д. 2. (1604 г.). Л. 1; Ф. 52. Оп. 1. Д. 2. (1604 г.). Л. 15.
 10 РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 3. (1604 г.). Л. 37.
 11 РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 1. (1604 г.). Л. 61.
 12 РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 1. (1604 г.). Л. 43, 79, 84.
 13 РГАДА. Ф. 32. Оп. 2. Д. 26. Л. 1 об.
 14 РГАДА. Ф. 96. Оп. 2. Д. 29. Л. 2.
 15 РГАДА. Ф. 32. «Сношения России с Австрией и Германской империей». Оп. 1. Д. 1. (1604 г.). Л. 135, 226. См. Также: *Бушев П.П.* История посольств 1586-1612 гг. С. 389-390.

- 16 *Скрынников Р.Г.* Россия в начале XVII в. С. 130, 177.
- 17 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1604 г.). Л. 9.
- 18 АИ. Ч. 2. СПб., 1841. С. 60-61; РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 26. Л. 64 об.; Ф. 53. Оп. 1. Кн. 3. Л. 20 об.-21; РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 3. (1604 г.). Л. 181-189, 195-196.
- 19 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 43. Л. 118, 124.
- 20 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1604 г.). Л. 130.
- 21 *Флоря Б.Н.* Русско-польские отношения и балтийский вопрос... С. 200-201.
- 22 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 26. Л. 65 об.-66 об.; Кн. 27. Л. 91 об.; Опись 1614 г. Л. 316.
- 23 Опись 1614 г. Л. 52, 305 об., 306 об.
- 24 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 43. Л. 191.
- 25 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1604 г.). Л. 154, 156.
- 26 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 13. Л. 296 об.-297 об.; Кн. 12. Л. 6; Д. 8. (1615 г.). Л. 11-11 об.; Д. 5. (1616 г.). Л. 7.
- 27 РГАДА. Ф. 61. Оп. 1. Д. 20. Л. 3.
- 28 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1604 г.). Л. 167, 173.
- 29 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 1. (1605 г.). Л. 5.
- 30 РГАДА. Ф. 61. Оп. 1. Д. 20. Л. 3.
- 31 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1604 г.). Л. 210; Опись 1626 г. Л. 468 об.
- 32 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 1. (1605 г.). Л. 11.
- 33 *Козляков В.Н.* «Дневник Марины Мнишек» – памятник Смутного времени // Дневник Марины Мнишек. С. 6; РГАДА. Ф. 149. Оп. 1. Д. 15; *Ульяновский В.И.* Указ. соч. С. 68.
- 34 РГАДА. Ф. 149. Оп. 1. Д. 16; Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1604 г.). Л. 234 об.
- 35 РГАДА. Ф. 110. Оп. 1. Д. 2. (1604 г.). Л. 1.
- 36 РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. Д. 2. (1605 г.). Л. 3-6.
- 37 Там же. Оп. 1. Д. 1. (1605 г.). Л. 5.
- 38 РГАДА. Ф. 149. Оп. 1. Д. 18 б.
- 39 Там же. Оп. 1. Д. 29. Л. 3; Дневник Марины Мнишек. С. 34, 64.
- 40 *Ульяновский В.И.* Указ. соч. С. 65, 69-74; РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. (1607 г.). Л. 17.
- 41 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 1. (1606 г.). Л. 5; Д. 2. (1606 г.). Л. 3.
- 42 РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.). Л. 1-2.
- 43 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 1. (1606 г.). Л. 9; Д. 2. (1606 г.). Л. 1.
- 44 РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. Д. 1. (1605 г.). Л. 22.
- 45 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 1. (1608 г.). Л. 1-2.
- 46 РГАДА. Ф. 149. Оп. 1. Д. 49. (1606 г.). Л. 2.
- 47 РГАДА. Ф. 79. Оп. 5. Д. 4. Л. 1.
- 48 Там же. Кн. 26. Л. 147.
- 49 Там же. Л. 138-138 об.
- 50 Там же. Л. 54 об., 147; Кн. 27. Л. 211 об.; Ф. 141. Оп. 1. Д. 6. (1613 г.). Л. 1; *Ульяновский В.И.* Указ. соч. С. 69.
- 51 РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.). Л. 1-2.
- 52 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 8. Л. 2-2 об.; Опись 1614 г. Л. 325 об., 329 об., 330.
- 53 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1607 г.). Л. 77.
- 54 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 1. (1606-28 гг.). Л. 35.
- 55 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 26. Л. 173.
- 56 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 1. (1607 г.). Л. 1; Д. 2. (1607 г.). Л. 1.
- 57 РГАДА. Ф. 32. Оп. 2. Д. 28. Л. 2 об.
- 58 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 4. (1608 г.). Л. 2.
- 59 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 8. Л. 48 об.
- 60 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 27. Л. 42.
- 61 Там же. Л. 43-43 об.
- 62 Дневник Марины Мнишек. С. 154.
- 63 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 8. Л. 61 об.
- 64 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 27. Л. 68.

- 65 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 5. (1613 г.). Л. 16-17.
- 66 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 27. Л. 156.
- 67 РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. Д. 1. (1608 г.). Л. 3.
- 68 Опись 1614 г. Л. 172 об., 325 об.
- 69 Там же. Л. 307 об.
- 70 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 27. Л. 184; Д. 1. (1608 г.). Л. 3, 46.
- 71 РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. Д. 1. (1608 г.). Л. 4, 5; Ф. 96. Оп. 2. Д. 30. Л. 1.
- 72 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 1. (1608 г.). Л. 177, 204, 245.
- 73 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 4. (1608 г.). Л. 1, 24.
- 74 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 27. Л. 185, 204 об., 210 б., 213
- 75 РГАДА. Ф. 96. Оп. 2. Д. 33. Л. 1.
- 76 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 4. (1608 г.). Л. 31.
- 77 Опись 1626 г. Л. 587 об.-588.
- 78 *Шаскольский И.П.* Шведская интервенция... С. 47-48.
- 79 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2. (1618 г.). Л. 12.
- 80 *Белокуров С.А.* Разрядные записи... С. 98-99; РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1614 г.). Л. 154-164.
- 81 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 2. (1609 г.). Л. 1, 5, 20, 29, 40-42.
- 82 Опись 1614 г. Л. 326.
- 83 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 3. (1615 г.). Л. 267; Д. 8. (1615 г.). Л. 27; Д. 3. (1616 г.). Л. 293-294; Д. 1. (1617 г.). Л. 165.
- 84 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 1. (1609 г.). Л. 15; Д. 1. (1610 г.). Л. 1; Д. 2. (1613 г.). Л. 2, 3, 12.
- 85 Там же. Д. 1. (1610 г.). Л. 15-18.
- 86 Там же. Д. 1. (1609 г.). Л. 13; Д. 1. (1610 г.). Л. 1.
- 87 РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.). Л. 178-179; Д. 2. (1614 г.). Л. 82-83.
- 88 Опись 1614 г. Л. 326.
- 89 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 8. (1615 г.). Л. 27; Ф. 127. Оп. 1. Д. 2. (1610 г.). Л. 1-5; РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. (1613-17 гг.). Л. 12-13; РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. Д. 1. (1615 г.). Л. 35.
- 90 *Костомаров Н.И.* Указ. соч. С. 558, 560, 561.
- 91 Опись 1626 г. Л. 166 об. См. также: *Polak W.* Указ. соч. С. 184-187.
- 92 *Белокуров С.А.* Разрядные записи... С. 57.
- 93 *Polak W.* Указ. соч. С. 224.
- 94 Там же. С. 225, 242.
- 95 РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.). Л. 309-310.
- 96 *Polak W.* Указ. соч. С. 242.
- 97 РГАДА. Ф. 79. Оп. 2. Д. 22.
- 98 РГАДА. Ф. 50. Оп. 1. Д. 2. (1619 г.). Л. 1; Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.). Л. 178-179; Д. 2. (1614 г.). Л. 83; Д. 2. (1615 г.). Л. 205; Д. 2. (1616 г.). Л. 54; Ф. 127. Оп. 1. Д. 2. (1613 г.). Л. 2, 12.
- 99 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 30. Л. 206-208 об. См. также: *Polak W.* Указ. соч. С. 251.
- 100 *Polak W.* Указ. соч. С. 264.
- 101 Опись 1626 г. Л. 153-153 об., 159, 175.
- 102 РГАДА. Ф. 79. Оп. 2. Д. 25, 26, 27.
- 103 Там же. Оп. 1. Кн. 30. Л. 185, 191 об.; Опись 1626 г. Л. 166.
- 104 *Елассонский А.* Указ. соч. С. 195-196.
- 105 Опись 1626 г. Л. 175 об.-176 об. См. также: РГАДА. Ф. 79. Оп. 2. Д. 28; *Historia dyplomacji polskiej.* Т. II. S. 64.
- 106 *Polak W.* Указ. соч. С. 320.
- 107 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 29. Л. 75-75 об.
- 108 *Polak W.* Указ. соч. С. 325.
- 109 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 2. (1615 г.). Л. 41.
- 110 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 29. Л. 1, 15-17 об., 95, 183.
- 111 *Сухотин Л.М.* Указ. соч. С. 9-10; РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.). Л. 82-83.
- 112 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1614 г.). Л. 65.

- 113 РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Кн. 3. Л. 1; Д. 1. (1613 г.). Л. 113-115; Ф. 35. Оп. 1. Д. 47. Л. 1, 71; Д. 48. Л. 134; Ф. 32. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.). Л. 1; Ф. 89. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.). Л. 36.
- 114 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 29. Л. 192 об.
- 115 Опись 1614 г. Л. 320.
- 116 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1614 г.). Л. 66.
- 117 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 2. (1613 г.). Л. 2, 21, 23; Д. 4. (1613 г.). Л. 13, 20, 22.
- 118 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.). Л. 83.
- 119 РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.). Л. 1-2, 166, 193, 377, 378, 399.
- 120 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 5. (1613 г.). Л. 16-17.
- 121 РГАДА. Ф. 111. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.). Л. 4.
- 122 Там же. Л. 245.
- 123 РГАДА. Ф. 96. Д. 4. (1614 г.). Л. 1, 4.
- 124 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 5. (1613 г.). Л. 210; Д. 2. (1614 г.). Л. 1; Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. (1614 г.). Л. 109-112.
- 125 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.). Л. 77, 83.
- 126 РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. Д. 5. (1614 г.). Л. 1; Ф. 121. Оп. 2. Д. 1. Л. 1-3.
- 127 РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. (1614 г.). Л. 18; Ф. 127. Оп. 1. Д. 3. (1614 г.). Л. 1.
- 128 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.). Л. 82; Д. 1. (1614 г.). Л. 13; Д. 2. (1614 г.). Л. 6.
- 129 РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.). Л. 260.
- 130 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 1. (1614 г.). Л. 42.
- 131 РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. Д. 6. (1614 г.). Л. 1; Ф. 32. Оп. 1. Д. 2. (1614 г.). Л. 13.
- 132 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 5. (1615 г.). Л. 5.
- 133 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 1. (1614 г.). Л. 1, 26.
- 134 РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. Д. 4. (1614 г.). Л. 5.
- 135 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 5. (1614 г.). Л. 40.
- 136 РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Кн. 3. Л. 238.
- 137 РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. Д. 4. (1614 г.). Л. 9; Ф. 123. Оп. 1. Д. 5. (1614 г.). Л. 45.
- 138 РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. (1614 г.). Л. 125.
- 139 РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 2. (1614 г.). Л. 10; Ф. 53. Оп. 1. Кн. 3. Л. 240 об.
- 140 РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. (1614 г.). Л. 150.
- 141 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 7. (1614 г.). Л. 1.
- 142 РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 601. Л. 7.
- 143 РГАДА. Ф. 121. Оп. 1. Д. 2. (1614 г.). Л. 1.
- 144 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. (1613-1617 гг.). Л. 23.
- 145 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 5. (1615 г.). Л. 1, 2; РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 601. Л. 10.
- 146 РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 601. Л. 14, 17.
- 147 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Кн. 4. Л. 49.
- 148 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 29. Л. 314-314 об.
- 149 Там же. Л. 469; Ф. 77. Оп. 1. Д. 2. (1614 г.). Л. 61.
- 150 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 4. (1615 г.). Л. 7.
- 151 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Кн. 4. Л. 51 об.-52.
- 152 РГАДА. Ф. 50. Оп. 1. Д. 1. (1615 г.). Л. 2.
- 153 РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 2. (1614 г.). Л. 187.
- 154 РГАДА. Ф. 50. Оп. 1. Д. 1. (1615 г.). Л. 26.
- 155 РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 2. (1614 г.). Л. 72.
- 156 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 1. (1615 г.). Л. 1.
- 157 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 55. Л. 1.
- 158 РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. (1615 г.). Л. 22.
- 159 РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. (1614 г.). Л. 270.
- 160 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 1. (1615 г.). Л. 2; Д. 2. (1615 г.). Л. 84, 180.
- 161 РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. (1614 г.). Л. 296.
- 162 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 2. (1615 г.). Л. 201.
- 163 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 53. Л. 489.

- 164 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 2. (1615 г.). Л. 232.
 165 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 53. Л. 601, 607, 638, 642, 655.
 166 РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 601. (1613-18 гг.). Л. 28.
 167 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 3. (1614 г.). Л. 19; Ф. 35. Оп. 1. Д. 53. Л. 671.
 168 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 1. (1615 г.). Л. 78.
 169 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 29. Л. 457.
 170 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 6. (1615 г.). Л. 1, 14.
 171 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 1. (1614 г.). Л. 321, 371 об.-372; Ф. 50. Оп. 1. Д. 1. (1615 г.). Л. 42.
 172 РГАДА. Ф. 50. Оп. 1. Д. 1. (1615 г.). Л. 48.
 173 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 29. Л. 599.
 174 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 4. (1615 г.). Л. 18, 19, 65.
 175 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 6. (1615 г.). Л. 17; Д. 7. (1615 г.). Л. 1.
 176 РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.). Л. 377; Д. 2. (1614 г.). Л. 216.
 177 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 6. (1615 г.). Л. 19.
 178 РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 2. (1614 г.). Л. 109.
 179 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 7. (1615 г.). Л. 4; Д. 8. (1615 г.). Л. 1.
 180 РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Д. 1. (1615 г.). Л. 168.
 181 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Кн. 5. Л. 1.
 182 РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 2. (1615 г.). Л. 1.
 183 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 6. (1615 г.). Л. 11; Д. 7. (1615 г.). Л. 1.
 184 Там же. Д. 7. (1615 г.). Л. 16; Ф. 79. Оп. 1. Кн. 29. Л. 637 об.
 185 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 10. Л. 1 об.
 186 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 3. (1614 г.). Л. 98; Д. 3. (1615 г.). Л. 18; Ф. 127. Оп. 1. Д. 10. (1615 г.). Л. 1; Д. 11. (1615 г.). Л. 1; Д. 12. (1615 г.). Л. 2.
 187 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1615 г.). Л. 73, 101; Ф. 89. Оп. 1. Д. 1. (1614 г.). Л. 371 об.
 188 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 29. Л. 704, 704 об., 717; Кн. 30. Л. 1, 314.
 189 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 8. (1615 г.). Л. 25; Д. 1. (1616 г.). Л. 39.
 190 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 11. (1615 г.). Л. 363, 365, 375, 380.
 191 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. (1613-17 гг.). Л. 216-220
 192 РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. Д. 2. (1615 г.). Л. 52.
 193 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1616 г.). Л. 5.
 194 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 3. (1616 г.). Л. 85, 122, 143.
 195 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 30. Л. 1053; Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1615 г.). Л. 130, 159, 160.
 196 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 4. (1616 г.). Л. 53.
 197 РГАДА. Ф. 50. Оп. 1. Д. 1. (1616 г.). Л. 1, 2.
 198 РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. Д. 2. (1615 г.). Л. 97.
 199 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 4. (1616 г.). Л. 117, 120, 172, 312, 391, 414, 459, 468.
 200 РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 2. (1616 г.). Л. 290.
 201 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. (1613-1617 гг.). Л. 96.
 202 РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. (1615 г.). Л. 19.
 203 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 4. (1616 г.). Л. 1; Ф. 96. Оп. 1. Д. 7. (1616 г.). Л. 131.
 204 РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 3. (1616 г.). Л. 59.
 205 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Кн. 5. Л. 63 об.
 206 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 4. (1616 г.). Л. 69, 101, 122.
 207 РГАДА. Ф. 110. Оп. 1. Д. 1. (1616 г.). Л. 1.
 208 РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Д. 1. (1615 г.). Л. 182.
 209 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 4. (1616 г.). Л. 170.
 210 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 1. (1616 г.). Л. 15, 16.
 211 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 8. (1616 г.). Л. 485.
 212 РГАДА. Ф. 50. Оп. 1. Д. 2. (1616 г.). Л. 66, 172.
 213 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 4. (1616 г.). Л. 139, 170.
 214 РГАДА. Ф. 134. Оп. 1. Д. 1. (1616 г.). Л. 1, 5.
 215 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 10. (1616 г.). Л. 110.
 216 РГАДА. Ф. 134. Оп. 1. Д. 1. (1616 г.). Л. 13, 28, 64, 82.

- 217 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 4. (1616 г.). Л. 155.
 218 Там же. Д. 1. (1617 г.). Л. 18, 23.
 219 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 1. (1617 г.). Л. 61.
 220 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 1. (1617 г.). Л. 48.
 221 РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. Д. 1. (1617 г.). Л. 10.
 222 РГАДА. Ф. 50. Оп. 1. Д. 2. (1616 г.). Л. 183.
 223 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1617 г.). Л. 13.
 224 РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. Д. 1. (1617 г.). Л. 20.
 225 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 4. (1617 г.). Л. 1.
 226 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 1. (1616 г.). Л. 126.
 227 РГАДА. Ф. 50. Оп. 1. Д. 2. (1616 г.). Л. 230.
 228 РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. Д. 1. (1617 г.). Л. 26.
 229 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 2. (1617 г.). Л. 1.
 230 РГАДА. Ф. 50. Оп. 1. Д. 2. (1616 г.). Л. 311.
 231 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Кн. 4. Л. 302 об.
 232 Там же. Кн. 6. Л. 1; Ф. 96. Оп. 1. Д. 12. (1617 г.). Л. 53; Ф. 32. Оп. 1. Д. 3. (1616 г.). Л. 206.
 233 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 1. (1616 г.). Л. 53, 62, 68, 80 об.; Ф. 123. Оп. 1. Д. 4. (1617 г.). Л. 67.
 234 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 68. Л. 9; Ф. 89. Оп. 1. Д. 1. (1616 г.). Л. 127.
 235 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 1. (1616 г.). Л. 134, 176.
 236 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 68. Л. 12, 35.
 237 РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 2. (1617 г.). Л. 1.
 238 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 5. (1617 г.). Л. 59.
 239 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 3. (1617 г.). Л. 1.
 240 РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. (1617 г.). Л. 74.
 241 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 2. (1617 г.). Л. 1, 4;
 242 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 7. (1617 г.). Л. 13.
 243 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 10. (1615 г.). Л. 8; Д. 12. (1615 г.). Л. 68.
 244 РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. (1617 г.). Л. 1 а.
 245 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 16. Л. 405, 523 об., 528 об.
 246 РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. (1617 г.). Л. 141.
 247 РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Д. 2. (1618 г.). Л. 10.
 248 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 7. (1618 г.). Л. 41.
 249 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 2. (1618 г.). Л. 4.
 250 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 2. (1618 г.). Л. 112.
 251 РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Д. 2. (1618 г.). Л. 24.
 252 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 3. (1617 г.). Л. 40; Ф. 119. Оп. 1. Д. 2. (1618 г.). Л. 33.
 253 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 6. (1617 г.). Л. 28.
 254 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 6. (1618 г.). Л. 16-17; Ф. 119. Оп. 1. Д. 2. (1618 г.). Л. 46.
 255 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 6. (1617 г.). Л. 52.
 256 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 2. (1618 г.). Л. 237.
 257 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 1. (1618 г.). Л. 81, 86.
 258 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 71. Л. 30.
 259 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 2. (1618 г.). Л. 448 а.
 260 РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. (1617 г.). Л. 112; Ф. 127. Оп. 1. Д. 2. (1618 г.). Л. 32.
 261 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 3. (1618 г.). Л. 147, 267, 352, 378, 393.
 262 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 6. (1617 г.). Л. 85; Д. 2. (1618 г.). Л. 92.
 263 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 6. (1618 г.). Л. 8.
 264 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 3. (1618 г.). Л. 35.
 265 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 3. (1618 г.). Л. 15, 34.
 266 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 6. (1618 г.). Л. 100, 102, 103.
 267 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 1. (1617 г.). Л. 210.
 268 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 3. (1618 г.). Л. 44, 57.
 269 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 71. Л. 39.

- 270 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 3. (1618 г.). Л. 91; Д. 7. (1618 г.). Л. 1.
 271 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 65. Л. 149, 157.
 272 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Кн. 32. Л. 1, 53 об., 62 об., 82; Кн. 34. Л. 1 об.
 273 Описание 1626 г. Л. 528 об.-529. См. также: *Платонов С.Ф.* Москва и Запад... С. 68.
 274 РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 2. (1617 г.). Л. 135.
 275 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 7. (1618 г.). Л. 251.
 276 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 3. (1614 г.). Л. 112.
 277 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 15. Л. 146 об.
 278 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 5. (1618 г.). Л. 8.
 279 РГАДА. Ф. 110. Оп. 1. Д. 1. (1619 г.). Л. 10.
 280 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 8. (1617 г.). Л. 1; Д. 1. (1619 г.). Л. 23, 25; Д. 2. (1619 г.). Л. 44; Д. 3. (1619 г.). Л. 23.
 281 РГАДА. Ф. 79. Оп. 3. Д. 37.
 282 РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. (1619 г.). Л. 6, 18.
 283 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 8. (1617 г.). Л. 1; Д. 4. (1619 г.). Л. 1.
 284 Там же. Оп. 1. Д. 4. (1617 г.). Л. 47; Д. 3. (1618 г.). Л. 93.
 285 РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. (1619 г.). Л. 40.
 286 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 3. (1619 г.). Л. 24.
 287 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 7. (1618 г.). Л. 205.
 288 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 5. (1619 г.). Л. 33.
 289 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 8. (1617 г.). Л. 1; Д. 6. (1619 г.). Л. 19.
 290 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 1. (1619 г.). Л. 2.
 291 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 8. (1619 г.). Л. 2; Д. 8. (1619 г.). Л. 1, 3, 15, 39, 79.
 292 РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. (1619 г.). Л. 182, 182 об.
 293 Описание 1632 г. Л. 107 об.

Приложение 2

- 1 *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 203.
 2 Дьяки и подьячие Посольского приказа... С. 208, 321.
 3 *Белокуров С.А.* О Посольском приказе. С. 34.
 4 Дьяки и подьячие... С. 321-322.
 5 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 1. (1601 г.); Д. 2. (1601 г.).
 6 *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 382.
 7 *Белокуров С.А.* О Посольском приказе. С. 35.
 8 Разрядная книга 1475-1605 гг. Т. IV. Ч. 1. С. 135.
 9 РГАДА. Ф. 110. Оп. 1. Д. 2. (1603 г.). Л. 174.
 10 Там же. Д. 1. (1604 г.). Л. 1, 5, 90; Д. 2. (1604 г.). Л. 68.
 11 Описание 1626 г. Л. 340.
 12 *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 204.
 13 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 26. Л. 52 об.
 14 Там же. Оп. 5. Д. 4. Л. 5.
 15 *Белокуров С.А.* О Посольском приказе. С. 35.
 16 *Масса И.* Указ. соч. С. 63.
 17 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 26. Л. 52 об.
 18 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 6. (1613 г.). Л. 2.
 19 *Белокуров С.А.* О Посольском приказе. С. 116.
 20 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 27. Л. 68, 137 об., 156, 184, 190.
 21 РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.). Л. 112, 116.
 22 РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.). Л. 222. См. также: Ф. 53. Оп. 1. Д. 2. (1614 г.). Л. 6.
 23 *Веселовский С.Б.* указ. соч. С. 204.
 24 Там же.
 25 Дьяки и подьячие... С. 346.
 26 *Белокуров С.А.* О Посольском приказе. С. 34.

- 27 Дьяки и подьячие... С. 351-352.
28 Белокуров С.А. О Посольском приказе. С. 34.
29 Дьяки и подьячие... С. 346.
30 Белокуров С.А. О Посольском приказе. С. 34-35.
31 Дьяки и подьячие... С. 346.
32 Опись 1626 г. Л. 351.
33 Белокуров С.А. О Посольском приказе. С. 34-35.
34 Масса И. Указ. соч. С. 69.
35 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1607 г.). Л. 20-21.
36 Дьяки и подьячие... С. 347.
37 Белокуров С.А. О Посольском приказе. С. 34.
38 Опись 1626 г. Л. 457 об.
39 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. (1613-17 гг.). Л. 317.
40 Белокуров С.А. О Посольском приказе. С. 35.
41 Веселовский С.Б. Указ. соч. С. 195.
42 Опись 1626 г. Л. 554.
43 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 53. Л. 653.
44 Опись 1626 г. Л. 344 об.
45 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 7. (1614 г.). Л. 31 об.
46 Белокуров С.А. О Посольском приказе. С. 35.
47 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. (1613-17 гг.). Л. 103 об., 204 об. См. также:
Ф. 141. Оп. 1. Д. 2а. (1618 г.). Л. 28 об.
48 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 3. (1621 г.). Л. 5, 6. См. также: РИБ. Т. 28.
Стб. 745-746.
49 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 3. (1621 г.). Л. 1. См. также: Белокуров С.А. О
Посольском приказе. С. 35.
50 Веселовский С.Б. Указ. соч. С. 195.
51 Белокуров С.А. О Посольском приказе. С. 34.
52 Бушев П.П. История посольств и дипломатических отношений Русского и
Иранского государств в 1588-1612 гг. С. 359.
53 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 1. (1609 г.). Л. 15.
54 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 1. (1613-14 гг.).
55 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 6. (1619 г.). Л. 81.
56 Веселовский С.Б. Указ. соч. С. 143.
57 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 6. (1619 г.). Л. 81; Д. 25. (1623 г.). Л. 107.
58 Опись 1614 г. Л. 1.
59 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 9. (1615 г.).
60 Веселовский С.Б. Указ. соч. С. 143.
61 Белокуров С.А. О Посольском приказе. С. 34.
62 Там же. С. 35.
63 РИБ. Т. 9. СПб., 1884. С. 225.
64 РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 601. (1613-18 гг.). Л. 11, 12, 17, 20.
65 Веселовский С.Б. Указ. соч. С. 541.
66 Белокуров С.А. О Посольском приказе. С. 35.
67 Там же. С. 34.
68 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 3. (1621 г.). Л. 3.
69 Белокуров С.А. Разрядные записи ... С. 78, 116.
70 Веселовский С.Б. Указ. соч. С. 418.
71 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 6.
72 Веселовский С.Б. Указ. соч. С. 418.
73 Белокуров С.А. О Посольском приказе. С. 34-35.
74 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 3. (1621 г.). Л. 3.
75 Веселовский С.Б. Указ. соч. С. 79-80.
76 Белокуров С.А. О Посольском приказе. С. 34-35.
77 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 3. (1621 г.). Л. 3.
78 РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.). Л. 282.

- 79 *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 188.
80 РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.).
81 *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 188.
82 *Белокуров С.А.* О Посольском приказе. С. 34.
83 Там же.
84 Там же.
85 *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 218.
86 Разрядная книга 1475-1605 гг. Т. IV. Ч. 1. С. 135.
87 *Белокуров С.А.* О Посольском приказе. С. 34.
88 *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 394.
89 *Белокуров С.А.* О Посольском приказе. С. 35.
90 Опись 1626 г. Л. 548.
91 *Белокуров С.А.* О Посольском приказе. С. 35.
92 *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 543.
93 Опись 1626 г. Л. 434.
94 *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 487.
95 *Белокуров С.А.* О Посольском приказе. С. 35.
96 *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 487.
97 *Белокуров С.А.* О Посольском приказе. С. 35.
98 *Сухотин Л.М.* Указ. соч. С. 9-10.
99 Там же. С. 9-10.
100 РИБ. Т. 9. СПб., 1884. С. 242.
101 РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 601. (1613-18 гг.). Л. 13.
102 *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 77.
103 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. (1613-17 гг.). Л. 242 об.
104 РИБ. Т. 28. Стб. 298, 345, 527, 569.
105 РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. (1614 г.). Л. 40 об.
106 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. (1613-17 гг.). Л. 320.
107 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 7. (1614 г.). Л. 50 об.
108 *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 157.
109 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 2. (1618 г.). Л. 160.
110 Опись 1626 г. Л. 212 об., 612 об.
111 РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. (1614 г.). Л. 98.
112 РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 601. (1613-18 гг.). Л. 2, 16.
113 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. (1613-17 гг.). Л. 24.
114 Там же. Л. 2.
115 Там же. Л. 24.
116 Там же. Л. 24.
117 Там же. Л. 155 об.
118 *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 325.
119 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 4. (1613 г.). Л. 12.
120 РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 601. (1613-18 гг.). Л. 11.
121 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 6. (1615 г.). Л. 14.
122 Опись 1626 г. Л. 443 об.
123 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 3. (1615 г.). Л. 152 об.
124 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 1. (1617 г.). Л. 2 об.
125 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 2. (1618 г.). Л. 270 об.
126 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 3. (1621 г.). Л. 1, 5-9.
127 *Белокуров С.А.* О Посольском приказе. С. 35.
128 Там же. С. 116.
129 *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 576.
130 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 7. (1614 г.). Л. 28, 39, 48.
131 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. (1613-17 гг.). Л. 319.
132 *Белокуров С.А.* О Посольском приказе. С. 35.
133 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. (1613-17 гг.). Л. 81 об., 84 об., 89 об., 146 об., 152 об. См. также: Ф. 141. Оп. 1. Д. 1. (1615 г.). Л. 165 об.; Д. 2а.

- (1618 г.). Л. 13 об., 21 об.; Д. 5. (1619 г.). Л. 65 об., 208 об., 209 об.; Д. 6. (1619 г.). Л. 56 об.; Ф. 89. Оп. 1. Д. 3. (1615 г.). Л. 327 об.
- 134 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 3. (1621 г.). Л. 1, 5-9.
- 135 РГАДА. Ф. 110. Оп. 1. Д. 1. (1619 г.). Л. 10.
- 136 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 3. (1621 г.). Л. 1, 9.
- 137 *Белокуров С.А.* О Посольском приказе. С. 35.
- 138 Опись 1626 г. Л. 692-717 об.
- 139 *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 576.
- 140 РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 601. (1613-18 гг.). Л. 5.
- 141 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 7. (1614 г.). Л. 31 об.
- 142 *Белокуров С.А.* О Посольском приказе. С. 35.
- 143 *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 416.
- 144 РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 601. (1613-18 гг.). Л. 20.
- 145 РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 2. (1614 г.). Л. 106.
- 146 Опись 1626 г. Л. 596 об.
- 147 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 3. (1615 г.). Л. 152 об.
- 148 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 10. (1615 г.). Л. 166.
- 149 *Белокуров С.А.* О Посольском приказе. С. 35.
- 150 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. (1613-17 гг.). Л. 215 об.
- 151 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 2. (1618 г.). Л. 153.
- 152 РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 2. (1617 г.). Л. 73.
- 153 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 3. (1619 г.). Л. 56.
- 154 *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 304.
- 155 Там же. С. 371.
- 156 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 3. (1621 г.). Л. 1, 9. См. также: *Белокуров С.А.* О Посольском приказе. С. 35.
- 157 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 3. (1621 г.). Л. 1, 5-9.
- 158 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 14. (1619 г.). Л. 34 об.
- 159 Опись 1626 г. Л. 722 об.-725.
- 160 *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 371.
- 161 *Белокуров С.А.* О Посольском приказе. С. 35.
- 162 РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 3. (1616 г.). Л. 47.
- 163 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 8. (1618 г.).
- 164 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 3. (1621 г.). Л. 1, 9.
- 165 *Белокуров С.А.* О Посольском приказе. С. 35.
- 166 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 3. (1621 г.). Л. 1, 5-9.
- 167 Опись 1626 г. Л. 737.
- 168 *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 456.
- 169 Там же. С. 368.
- 170 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. (1613-17 гг.). Л. 301, 301 об.
- 171 РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 601. (1613-18 гг.). Л. 2, 21.
- 172 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 53. Л. 380 об.
- 173 Там же. Л. 24.
- 174 *Белокуров С.А.* О Посольском приказе. С. 35.
- 175 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 1. (1617 г.). Л. 15.
- 176 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 3. (1621 г.). Л. 1, 5-9.
- 177 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 48. Л. 125.
- 178 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. (1613-17 гг.). Л. 69, 70, 171. См. также: Ф. 141. Оп. 1. Д. 2а. (1618 г.). Л. 37; Ф. 159. Оп. 2. Д. 601. (1613-18 гг.). Л. 11.
- 179 РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 601. (1613-18 гг.). Л. 12.
- 180 *Белокуров С.А.* О Посольском приказе. С. 35.
- 181 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 1. (1617 г.). Л. 52, 55, 60 об.
- 182 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 3. (1621 г.). Л. 1, 5-8.
- 183 *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 468.
- 184 *Белокуров С.А.* О Посольском приказе. С. 117.
- 185 Там же. С. 35.

- 186 Там же. С. 117.
- 187 РГАДА. Ф. 61. Оп. 1. Д. 21. (1616 г.). Л. 3.
- 188 РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 3. (1616 г.). Л. 50.
- 189 РГАДА. Ф. 50. Д. 2. (1616 г.). Л. 320.
- 190 *Демидова Н.Ф.* Указ. соч. С. 174.
- 191 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 3. (1621 г.). Л. 1, 8, 9.
- 192 РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 3. (1619 г.). Л. 62-63.
- 193 *Белокуров С.А.* О Посольском приказе. С. 35.
- 194 Описание 1626 г. Л. 725-727 об.
- 195 *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 307.
- 196 Там же.
- 197 *Белокуров С.А.* О Посольском приказе. С. 11. См. также: *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 307.
- 198 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 4. (1614 г.). Л. 1, 4.
- 199 *Белокуров С.А.* О Посольском приказе. С. 35.
- 200 РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 3. (1616 г.). Л. 50.
- 201 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 8. (1616 г.). Л. 124.
- 202 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 1. (1617 г.). Л. 4.
- 203 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2. (1619 г.). Л. 33-34.
- 204 Описание 1626 г. Л. 345. См. также: *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 44.
- 205 Акты исторические ... Т. 3. СПб., 1841. С. 167.
- 206 *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 44-45.
- 207 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. (1613-17 гг.). Л. 24.
- 208 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 5. (1614 г.). Л. 28.
- 209 Там же. Л. 301, 301 об.
- 210 РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 601. (1613-18 гг.). Л. 2, 17, 19, 21.
- 211 *Белокуров С.А.* О Посольском приказе. С. 35.
- 212 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 3. (1621 г.). Л. 1, 9.
- 213 *Белокуров С.А.* О Посольском приказе. С. 35.
- 214 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 3. (1621 г.). Л. 1, 5-9.
- 215 РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 3. (1619 г.). Л. 64.
- 216 *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 457.
- 217 *Белокуров С.А.* О Посольском приказе. С. 35.
- 218 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 3. (1621 г.). Л. 1, 8, 9.
- 219 *Белокуров С.А.* О Посольском приказе. С. 35.
- 220 Там же. С. 35.
- 221 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. (1613-17 гг.). Л. 208.
- 222 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 16. (1620 г.). Л. 6.
- 223 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. (1613-17 гг.). Л. 205 об.
- 224 РИБ. Т. 28. Стб. 298, 345, 346, 527. См. также: *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 287.
- 225 РИБ. Т. 28. Стб. 569.
- 226 *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 287.
- 227 Там же. С. 210.
- 228 *Демидова Н.Ф.* Указ. соч. С. 57.
- 229 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 3. (1621 г.). Л. 1, 8, 9.
- 230 *Белокуров С.А.* О Посольском приказе. С. 35.
- 231 *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 210.
- 232 *Демидова Н.Ф.* Указ. соч. С. 57. См. также: РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 5. (1619 г.). Л. 125.
- 233 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 3. (1621 г.). Л. 2, 8, 9.
- 234 *Белокуров С.А.* О Посольском приказе. С. 35.
- 235 *Демидова Н.Ф.* Указ. соч. С. 57. См. также: РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 5. (1619 г.). Л. 125.
- 236 *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 128.
- 237 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 3. (1621 г.). Л. 2, 8, 9.

- 238 Опись 1626 г. Л. 734.
 239 *Белокуров С.А.* О Посольском приказе. С. 35.
 240 *Демидова Н.Ф.* Указ. соч. С. 57. См. также: РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 5. (1619 г.). Л. 125.
 241 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 3. (1621 г.). Л. 2.
 242 Там же. Л. 8, 9.
 243 *Белокуров С.А.* О Посольском приказе. С. 35.
 244 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 3. (1621 г.). Л. 2, 8, 9. См. также: РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 5. (1619 г.). Л. 125.
 245 *Белокуров С.А.* О Посольском приказе. С. 35.
 246 *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 357.
 247 РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Д. 1.
 248 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. (1613-17 гг.). Л. 305.
 249 *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 357.
 250 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 2. (1618 г.). Л. 156.
 251 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. (1613-17 гг.). Л. 232, 233, 305.
 252 *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 357.
 253 РИБ. Т. 28. Стб. 749.
 254 *Белокуров С.А.* О Посольском приказе. С. 35.
 255 *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 357-358.

Приложение 3

- 1 Опись 1626 г. Л. 395.
 2 Дьяки и подьячие Посольского приказа... С. 258.
 3 *Савва В.И.* О Посольском приказе в XVI веке. Харьков, 1917. С. 217.
 4 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. (1613-17 гг.). Л. 20.
 5 Там же. Л. 296.
 6 *Елассонский А.* Указ. соч. С. 167, 174.
 7 РГАДА. Ф. 110. Оп. 1. Д. 2. (1604 г.). Л. 69.
 8 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 10. (1589 г.). Л. 1, 1 об.
 9 *Елассонский А.* Указ. соч. С. 167.
 10 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 10. (1589 г.). Л. 1.
 11 РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 3. Л. 104, 116, 120 об., 134 об.
 12 РГАДА. Ф. 110. Оп. 1. Д. 1. (1604 г.). Л. 1, 222, 226. См. также: там же. Д. 2. (1604 г.). Л. 42, 69, 98, 99.
 13 РГАДА. Ф. 110. Оп. 1. Д. 1. (1607 г.). Л. 6.
 14 Там же. Л. 6-9.
 15 РГАДА. Ф. 134. Оп. 1. Д. 1. (1616 г.). Л. 5, 64.
 16 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. (1613-17 гг.). Л. 290.
 17 РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. (1617 г.). Л. 1а, 142.
 18 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 5. (1619 г.). Л. 227а об.
 19 РГАДА. Ф. 110. Оп. 1. Д. 1. (1619 г.). Л. 49.
 20 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2. (1622 г.). Л. 15. См. также: Д. 1. (1629 г.). Л. 14, 16.
 21 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 52. Л. 71.
 22 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 16. (1620 г.). Л. 2.
 23 Там же. Д. 8. (1589 г.). Л. 1-2.
 24 Там же. Д. 16. (1620 г.). Л. 2.
 25 Там же. Д. 21. (1589 г.). Л. 2 об.
 26 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 3. (1615 г.). Л. 155 об.
 27 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 39. Л. 8.
 28 *Дневник Марины Мнишек.* С. 91.
 29 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 2. (1609 г.). Л. 19.
 30 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 52. Л. 30-31.
 31 Там же. Д. 50.
 32 Опись 1614 г. Л. 320.

- 33 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 52. Л. 30-31, 71-75.
34 Там же. Л. 3, 55.
35 РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 1. (1614 г.). Л. 5 об.
36 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 51. Л. 1.
37 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. (1613-17 гг.). Л. 241.
38 РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2. (1614 г.). Л. 13, 207.
39 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 4. Л. 154-154 об.
40 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 11. (1617 г.). Л. 39.
41 Там же. Д. 9. (1618 г.). Л. 16 об.-17а.
42 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 68. Л. 35, 72.
43 Там же. Д. 71. Л. 3, 30, 55.
44 РГАДА. Ф. 96. Оп. 2. Д. 35. Л. 1; Оп. 1. Д. 4. (1618 г.). Л. 13 об., 27 об.,
46 об., 59 об.; Д. 9. (1618 г.). Л. 7, 13.
45 Там же. Оп. 1. Д. 2. (1618 г.). Л. 451, 453; Д. 3. (1618 г.). Л. 400.
46 Там же. Д. 5. (1618 г.). Л. 24.
47 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 73. Л. 1; Д. 77. Л. 1; Оп. 2. Д. 26. Л. 1.
48 РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. (1619 г.). Л. 244. См. также: Ф. 141. Оп. 1.
Д. 14. (1619 г.). Л. 24; Д. 16. (1620 г.). Л. 2.
49 Опись 1626 г. Л. 666 об.
50 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 5. (1619 г.). Л. 260-260 об.
51 РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. (1625 г.). Л. 9-10.
52 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2. (1626 г.). Л. 50.
53 Там же. Д. 1. (1629 г.). Л. 11.
54 Опись 1673 г. Л. 278.
55 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2. (1643 г.). Л. 10, 72.
56 РГАДА. Ф. 35. Д. 4. Л. 355 об.-356.
57 Опись 1614 г. Л. 260 об. См. также: Опись 1626 г. Л. 235, 395 об.
58 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 3. (1615 г.). Л. 153 об., 154 об., 155 об.
59 РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 1. (1604 г.). Л. 16, 27.
60 *Масса И.* Указ. соч. С. 69. См. также: *Флоря Б.Н.* Русско-польские от-
ношения и балтийский вопрос... С. 200-201.
61 *Ульяновский В.И.* Указ. соч. С. 70.
62 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 4. (1616 г.). Л. 369.
63 Там же. Оп. 2. Д. 32. Л. 6.
64 Там же. Оп. 1. Д. 4. (1616 г.). Л. 369.
65 Там же. Д. 2. (1613 г.). Л. 35, 36 об.
66 Памятники дипломатических сношений древней России с державами
иностранными. Т. X. СПб., 1871. С. 485-486.
67 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 9. (1615 г.). Л. 204.
68 Там же. Оп. 2. Д. 31. Л. 1; Д. 32. Л. 1; Д. 33. Л. 1; Д. 34. Л. 1.
69 Опись 1626 г. Л. 169.
70 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. (1613-17 гг.). Л. 241.
71 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 8. (1615 г.). Л. 221; Д. 9. (1615 г.). Л. 204-205.
72 РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2. (1614 г.). Л. 208.
73 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 16. Л. 530 об., 638 об., 708 об., 799.
74 РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 3. (1601 г.). Л. 14.
75 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2. (1610 г.). Л. 87-92.
76 РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 3. (1601 г.). Л. 15, 18.
77 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 55. Л. 1.
78 Там же. Д. 53. Л. 517, 518.
79 Там же. Д. 4. Л. 156 об.
80 РИБ. Т. 28. СПб., 1912. Стб. 615.
81 Там же. Стб. 308, 344-345.
82 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 10. Л. 26; Д. 9. (1615 г.). Л. 67.
83 Там же. Д. 11. (1615 г.). Л. 380, 389, 396.
84 Там же. Д. 4. (1616 г.). Л. 108.
85 Там же. Д. 10. (1616 г.). Л. 92.

- 86 РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. (1619 г.). Л. 245.
87 РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 1. (1604 г.). Л. 78.
88 РГАДА. Ф. 110. Д. 1. (1607 г.). Л. 3.
89 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 9. (1615 г.). Л. 220.
90 Там же. Оп. 2. Д. 29. Л. 2.
91 Там же. Оп. 1. Д. 2. (1609 г.). Л. 95.
92 Там же. Д. 9. (1615 г.). Л. 78.
93 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 43. Л. 173.
94 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 27. Л. 208 об.
95 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 53. Л. 517-518.
96 РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.). Л. 79, 80, 108. См. также: Ф. 79. Оп. 1. Д. 29. Л. 341.
97 РГАДА. Ф. 44. Оп. 1. Д. 1. (1614 г.). Л. 4.
98 РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.). Л. 92-97, 219.
99 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 2. (1613 г.). Л. 43 об, 45 об.; Д. 3. (1613 г.). Л. 19 об.
100 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 16. (1620 г.). Л. 2.
101 РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 1. (1614 г.). Л. 2 об, 5 об. Ф. 96. Оп. 1. Д. 6. (1614 г.). Л. 3 об.
102 РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 601. (1613-18 гг.). Л. 4.
103 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 53. Л. 380 об.
104 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 5. (1615 г.). Л. 10, 21.
105 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 30. Л. 567, 568 об. См. также: Д. 5. (1615 г.). Л. 25, 82, 135; Ф. 32. Оп. 1. Д. 1. (1615 г.). Л. 2.
106 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 11. (1615 г.). Л. 282, 363, 375.
107 Там же. Д. 3. (1616 г.). Л. 85 об., 123.
108 РГАДА. Ф. 50. Оп. 1. Д. 1. (1616 г.). Л. 2.
109 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 10. (1617 г.). Л. 45.
110 РГАДА. Ф. 53. Оп. 2. Д. 3. Л. 1 об.
111 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 2. (1618 г.). Л. 123.
112 Там же. Д. 4. (1618 г.). Л. 9 об., 13 об., 27 об., 39 об.; Д. 9. (1618 г.). Д. 1 об., 10, 17.
113 Там же. Д. 5. (1618 г.). Л. 2-6, 42.
114 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 71. Л. 39.
115 РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. (1619 г.). Л. 39-40. См. также: Ф. 141. Оп. 1. Д. 16. (1620 г.). Л. 3.
116 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2. (1622 г.). Л. 15.
117 РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. (1625 г.). Л. 9.
118 Там же. Л. 9-10.
119 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 11. (1623 г.). Л. 30.
120 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2. (1626 г.). Л. 46, 47, 50, 52, 57, 58.
121 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 16. Л. 369 об.
122 РГАДА. Ф. 61. Оп. 1. Д. 19. Л. 10, 20.
123 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 53. Л. 517, 518.
124 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. (1613-17 гг.). Л. 241.
125 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 16. (1620 г.). Л. 2.
126 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 1. (1614 г.). Л. 91, 94.
127 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 7. (1614 г.). Л. 4.
128 РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 601. (1613-18 гг.). Л. 9.
129 Описание 1626 г. Л. 634.
130 РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 601. (1613-18 гг.). Л. 27.
131 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 14. (1619 г.). Л. 44. См. также: Ф. 96. Оп. 1. Д. 10. Л. 129, 397 об.-398, 454-454 об.
132 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 11. (1615 г.). Л. 251; Д. 12. (1615 г.). Л. 196.
133 Описание 1626 г. Л. 532.
134 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 16. (1620 г.). Л. 2-3.
135 Там же. Д. 14. (1619 г.). Л. 86-88; Ф. 96. Оп. 1. Кн. 16. Л. 64, 369 об.

- 136 РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. (1619 г.). Л. 244. См. также: Ф. 141. Оп. 1. Д. 14. (1619 г.). Л. 23.
- 137 РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. (1619 г.). Л. 187-189, 193.
- 138 ГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 14. (1619 г.). Л. 34 об.
- 139 Описание 1626 г. Л. 666.
- 140 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 10. (1632 г.). Л. 6-7.
- 141 Описание 1626 г. Л. 662 об.-663. См. также: РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. (1625 г.). Л. 9.
- 142 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2. (1626 г.). Л. 46, 47.
- 143 Там же. Д. 1. (1629 г.). Л. 8-9.
- 144 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 10. (1632 г.). Л. 9.
- 145 Там же. Оп. 2. Д. 31. Л. 1; Д. 32. Л. 1; Д. 33. Л. 1; Д. 34. Л. 1.
- 146 Там же. Оп. 1. Д. 2. (1609 г.). Л. 1, 31, 95.
- 147 Там же. Д. 9. (1615 г.). Л. 78.
- 148 Там же. Д. 1. (1617 г.). Л. 264.
- 149 Там же. Д. 2. (1609 г.). Л. 44.
- 150 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 45. Л. 11.
- 151 *Сухотин Л. М.* Указ. соч. С. 23.
- 152 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 4. (1613 г.). Л. 7.
- 153 РИБ. Т. 28. Стб. 47.
- 154 РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 601. (1613-18 гг.). Л. 2.
- 155 РГАДА. Ф. 53. Д. 1. (1613 г.). Л. 120.
- 156 Там же. Кн. 3. Л. 1 об.-2.
- 157 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. (1613-17 гг.). Л. 69. См. также: Ф. 141. Оп. 1. Д. 6. (1619 г.). Л. 75.
- 158 РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. (1614 г.). Л. 176, 179.
- 159 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 13. (1617 г.). Л. 51-52.
- 160 РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.). Л. 269-275, 284.
- 161 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 10. Л. 425 об.-426, 454-454 об., 462 об.; Д. 12. (1615 г.). Л. 25; Д. 6. (1616 г.). Л. 131.
- 162 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2а. (1618 г.). Л. 15-16.
- 163 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 1. (1618 г.). Л. 94; Д. 9. (1617 г.). Л. 3.
- 164 Там же. Д. 11. (1617 г.). Л. 22 об.
- 165 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 6. (1619 г.). Л. 74.
- 166 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 6. (1618 г.). Л. 24, 35.
- 167 Там же. Д. 6. (1618 г.). Л. 101-103. См. также: РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 1. (1606-28 гг.). Л. 47, 48.
- 168 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 14. (1619 г.). Л. 47-48. См. также: Ф. 96. Оп. 1. Д. 6. (1618 г.). Л. 102.
- 169 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 14. (1619 г.). Л. 45, 46.
- 170 РГАДА. Ф. 53. Д. 1. (1619 г.). Л. 244. См. также: Ф. 141. Оп. 1. Д. 14. (1619 г.). Л. 23.
- 171 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 14. (1619 г.). Л. 53-55.
- 172 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2. (1622 г.). Л. 16.
- 173 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 1. (1623 г.). Л. 1.
- 174 Там же. Д. 11. (1623 г.). Л. 40.
- 175 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. (1613-17 гг.). Л. 20.
- 176 Там же. Л. 296.
- 177 Там же. Л. 20.
- 178 Там же. Л. 296.
- 179 Там же. Л. 20.
- 180 РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 601. (1613-18 гг.). Л. 15.
- 181 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. (1613-17 гг.). Л. 296.
- 182 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 3. (1615 г.). Л. 152 об.
- 183 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. (1613-17 гг.). Л. 20.
- 184 РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 601. (1613-18 гг.). Л. 7.
- 185 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. (1613-17 гг.). Л. 296.

- 186 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 3. (1615 г.). Л. 152 об.
 187 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 1. (1617 г.). Л. 153 об.
 188 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 2. (1617 г.). Л. 2.
 189 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. (1613-17 гг.). Л. 20.
 190 Там же. Л. 296.
 191 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2а. (1618 г.). Л. 10.
 192 Там же. Л. 23.
 193 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. (1613-17 гг.). Л. 18-20.
 194 Там же. Л. 20. См. также: Д. 3. (1640 г.). Л. 8.
 195 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2а. (1618 г.). Л. 27.
 196 РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 601. (1613-18 гг.). Л. 16, 19.
 197 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2а. (1618 г.). Л. 28. См. также: Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. (1613-17 гг.). Л. 296.
 198 РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 1. (1615 г.). Л. 2.
 199 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2. (1622 г.). Л. 16.
 200 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2а. (1618 г.). Л. 12.
 201 Там же. Л. 28.
 202 РГАДА. Ф. 50. Оп. 1. Д. 1. (1615 г.). Л. 1, 35.
 203 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 11. (1617 г.). Л. 22 об.
 204 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 68. Л. 12а, 18.
 205 Там же. Д. 74. Л. 1.
 206 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 14. (1619 г.). Л. 46.
 207 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 53. Л. 190-191. См. также: Ф. 159. Оп. 2. Д. 601. (1613-18 гг.). Л. 19.
 208 РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 601. (1613-18 гг.). Л. 24.
 209 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. (1613-17 гг.). Л. 296.
 210 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 5. (1615 г.). Л. 25.
 211 Там же. Д. 4. (1615 г.). Л. 208.
 212 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 14. (1619 г.). Л. 20.
 213 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 4. (1616 г.). Л. 369, 410.
 214 Там же. Д. 6. (1616 г.). Л. 228.
 215 Там же. Д. 10. (1617 г.). Л. 3, 175.
 216 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 1. (1606-28 гг.). Л. 96, 122.
 217 Там же. Д. 14. (1619 г.). Л. 17, 18, 20, 21, 24.
 218 РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. (1619 г.). Л. 244.
 219 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 3. (1619 г.). Л. 41.
 220 Там же. Д. 10. (1632 г.). Л. 7.
 221 Опись 1626 г. Л. 273 об., 662 об.
 222 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 10. (1632 г.). Л. 7.
 223 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. (1629 г.). Л. 11.
 224 Там же. Д. 2. (1637 г.). См. также: Ф. 138. Оп. 1. Д. 3. (1640 г.). Л. 27-28.
 225 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 16. Л. 369 об.; Д. 2. (1619 г.). Л. 99, 196.
 226 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2а. (1618 г.). Л. 13.
 227 Там же. Д. 16. (1620 г.). Л. 3.
 228 Там же. Д. 14. (1619 г.). Л. 44-45. См. также: Ф. 96. Оп. 1. Д. 10. Л. 129.
 229 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 11. (1615 г.). Л. 242; Д. 12. (1615 г.). Л. 196.
 230 РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. (1619 г.). Л. 245; Ф. 96. Оп. 1. Д. 1. (1618 г.). Л. 238, 238 об., 244; Кн. 16. Л. 369 об.
 231 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 14. (1619 г.). Л. 24.
 232 Там же. Л. 28. См. также: Ф. 96. Оп. 1. Д. 2. (1619 г.). Л. 2.
 233 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 3. (1640 г.). Л. 8.
 234 Там же. Д. 2. (1622 г.). Л. 17.
 235 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 11. (1623 г.). Л. 30.
 236 Там же. Д. 2а. (1618 г.). Л. 12-13.
 237 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 4. (1616 г.). Л. 24.
 238 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 3. (1640 г.). Л. 7.
 239 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 16. (1620 г.). Л. 3.

- 240 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. (1613-17 гг.). Л. 245.
 241 ГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 16. (1620 г.). Л. 3.
 242 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 11. (1617 г.). Л. 39.
 243 Там же. Л. 44.
 244 Там же. Оп. 2. Д. 35. Л. 1.
 245 Там же. Оп. 1. Д. 4. (1618 г.). Л. 9 об., 13 об., 27 об., 46 об., 59 об., 93 об., 100 об.; Д. 9. (1618 г.). Л. 1 об., 10, 13.
 246 Там же. Оп. 1. Д. 2. (1618 г.). Л. 270, 397.
 247 РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. (1619 г.). Л. 244.
 248 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 5. (1619 г.). Л. 28, 36-37.
 249 Там же. Л. 279-280.
 250 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 29. (1621 г.). Л. 1-4.
 251 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2. (1622 г.). Л. 16.
 252 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 10. (1632 г.). Л. 9.
 253 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2. (1643 г.). Л. 72.
 254 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 6. (1615 г.). Л. 7, 12. См. также: там же. Кн. 30. Л. 837 об., 914 об.
 255 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 1. (1616 г.). Л. 369, 377; Д. 3. (1616 г.). Л. 38 об.
 256 РГАДА. Ф. 110. Оп. 1. Д. 1. (1616 г.). Л. 1.
 257 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2. (1622 г.). Л. 16. См. также: Ф. 141. Оп. 1. Д. 25. (1623 г.). Л. 15.
 258 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 12. (1622 г.). Л. 2.
 259 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. (1629 г.). Л. 15.
 260 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 13. Л. 110; Д. 6. (1616 г.). Л. 87.
 261 Там же. Д. 1. (1617 г.). Л. 33.
 262 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 1. (1617 г.). Л. 9, 10.
 263 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 68. Л. 49, 65. См. также: там же. Д. 65. Л. 156; Д. 66. Л. 121; Ф. 53. Оп. 1. Д. 2. (1617 г.). Л. 76, 120.
 264 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 6. (1619 г.). Л. 74, 75.
 265 Там же. Д. 11. (1623 г.). Л. 1, 3. См. также: Ф. 96. Оп. 1. Д. 8. (1618 г.). Л. 4.
 266 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 14. (1619 г.). Л. 25, 26, 35, 36.
 267 Там же. Д. 5. (1619 г.). Л. 230.
 268 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2. (1622 г.). Л. 17.
 269 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 11. (1623 г.). Л. 30, 106.
 270 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2. (1643 г.). Л. 10, 84.
 271 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 7. (1613 г.). Л. 1-11; Д. 1. (1615 г.). Л. 30; Д. 7. (1616 г.). Л. 1-2; Д. 11. (1623 г.). Л. 163-173; Опись 1626 г. Л. 332.
 272 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 10. Л. 439 об.; Д. 1. (1616 г.). Л. 267, 321; Д. 3. (1616 г.). Л. 244.
 273 Там же. Д. 3. (1616 г.). Л. 215, 240, 244. См. также: Ф. 141. Оп. 1. Д. 16. (1620 г.). Л. 5.
 274 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 2. (1618 г.). Л. 169, 234, 235, 274.
 275 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 16. (1620 г.). Л. 3.
 276 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 3. (1640 г.). Л. 7-8.
 277 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 4. (1618 г.). Л. 39 об., 93 об., 100 об.; Д. 9. (1618 г.). Л. 17.
 278 Опись 1626 г. Л. 270.
 279 РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. (1619 г.). Л. 6.
 280 Там же. Л. 244.
 281 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 9. (1615 г.). Л. 204.
 282 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 16. (1620). Л. 1-3; Ф. 96. Оп. 1. Д. 1. (1618 г.). Л. 224-225.
 283 РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. (1619 г.). Л. 244.
 284 Там же. Л. 186.
 285 Там же. Л. 192.
 286 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 14. (1619 г.). Л. 35.
 287 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2. (1622 г.). Л. 16.

- 288 РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. (1625 г.). Л. 1-10.
 289 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. (1629 г.). Л. 11, 22.
 290 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 10. (1632 г.). Л. 1-9.
 291 ГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 3. (1640 г.). Л. 26-27.
 292 Бушев П.П. Указ. соч. С. 152, 192, 194, 328.
 293 Под стягом России: Сборник архивных документов. М., 1992. С. 354, 355, 359.
 294 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1604 г.). Л. 70.
 295 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. (1613-17 гг.). Л. 178-179.
 296 РГАДА. Ф. 110. Оп. 1. Д. 2. (1603 г.). Л. 215.
 297 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1607 г.). Л. 89.
 298 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 1. (1609 г.). Л. 15.
 299 Там же. Д. 2. (1611 г.). Л. 1.
 300 Сухотин Л.М. Указ. соч. С. 107, 116.
 301 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. (1613-17 гг.). Л. 222. См. также: Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1614 г.). Л. 2; Д. 3. (1614 г.). Л. 24, 56; Д. 4. (1614 г.). Л. 65, 66, 71, 74.
 302 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 6. (1619 г.). Л. 4-5.
 303 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1616 г.). Л. 115.
 304 Там же. Д. 2. (1618 г.). Л. 14, 92.
 305 Там же. Д. 3. (1618 г.). Л. 89; Д. 4. (1618 г.). Л. 43-44.
 306 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 6. (1619 г.). Л. 9.
 307 РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Д. 2. (1619 г.). Л. 14.
 308 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2. (1622 г.). Л. 16.
 309 Там же. Д. 2. (1643 г.). Л. 27.
 310 Там же. Д. 1. (1613-17 гг.). Л. 177, 284.
 311 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 6. (1619 г.). Л. 5.
 312 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. (1613-17 гг.). Л. 177, 284.
 313 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 1. (1614 г.). Л. 90, 196.
 314 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 8. (1615 г.). Л. 9.
 315 Там же. Д. 1. (1616 г.). Л. 54, 79, 105, 144; Д. 4. (1616 г.). Л. 160-162.
 316 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 5. (1619 г.). Л. 294-300. См. также: Ф. 89. Оп. 1. Д. 3. (1615 г.). Л. 326.
 317 Сухотин Л.М. Указ. соч. С. 82.
 318 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 3. (1604 г.). Л. 23.
 319 Там же. Д. 1. (1608 г.). Л. 3, 6, 8, 21, 29, 30, 37, 40, 63, 85, 87, 88. См. также: Д. 2. (1608 г.). Л. 1-27; Д. 3. (1608 г.). Л. 2-8.
 320 Там же. Д. 1. (1608 г.). Л. 37.
 321 Там же. Л. 88.
 322 Там же. Д. 1. (1610 г.). Л. 1.
 323 Акты времени междуцарствия. С. 8-37.
 324 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 29. Л. 75-75 об.
 325 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. (1613-17 гг.). Л. 179.
 326 РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.). Л. 60.
 327 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 5. (1613 г.). Л. 209.
 328 Опись 1626 г. Л. 596 об. См. также: РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 2. (1614 г.). Л. 106.
 329 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2. (1643 г.). Л. 43.
 330 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 3. (1615 г.). Л. 4, 11, 12; Д. 6. (1615 г.). Л. 33.
 331 РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 2. (1615 г.). Л. 4.
 332 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 1. (1617 г.). Л. 19.
 333 РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. (1617 г.). Л. 74.
 334 РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. Д. 1. (1617 г.). Л. 10, 26, 32, 33.
 335 Там же. Оп. 2. Д. 2. Л. 5 об.
 336 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 2. (1617 г.). Л. 41.
 337 Там же. Д. 3. (1618 г.). Л. 1-3.
 338 РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. Д. 1. (1619 г.). Л. 21.
 339 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 14. (1620 г.). Л. 2.

- 340 Там же. Д. 13. (1622 г.). Л. 133. См. также: Опись 1626 г. Л. 601, 737, 740, 740 об.
- 341 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 3. (1640 г.). Л. 17; Д. 2. (1643 г.). Л. 22, 37, 43.
- 342 Боярская книга 1639 г. С. 129. См. также: РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 13. (1622 г.). Л. 133.
- 343 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 1. (1614 г.). Л. 50.
- 344 РГАДА. Ф. 121. Оп. 1. Д. 2. (1614 г.). Л. 1.
- 345 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 3. (1615 г.). Л. 1, 6 об.
- 346 Там же. Д. 6. (1615 г.). Л. 14.
- 347 РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 2. (1615 г.). Л. 29-30.
- 348 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 4. (1615 г.). Л. 81; Д. 6. (1615 г.). Л. 23.
- 349 Там же. Д. 2. (1615 г.). Л. 73, 73 об., 101, 115, 127; Д. 3. (1615 г.). Л. 109, 112, 154, 164.
- 350 РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Д. 2. (1619 г.). Л. 10; Ф. 126. Оп. 1. Д. 1. (1619 г.) Л. 16.
- 351 РГАДА. Ф. 121. Оп. 1. Д. 1. (1619 г.). Л. 12.
- 352 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 6. (1619 г.). Л. 1-7; Д. 25. (1623 г.). Л. 4, 15.
- 353 РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.). Л. 39.
- 354 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 1. (1614 г.). Л. 154.
- 355 РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 601. (1613-18 гг.). Л. 5.
- 356 Опись 1626 г. Л. 596 об. См. также: РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 2. (1614 г.). Л. 106.
- 357 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. (1613-17 гг.). Л. 178-179.
- 358 РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 2. (1615 г.). Л. 29-30.
- 359 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1617 г.). Л. 57-58 об.; Д. 4. (1617 г.). Л. 68.
- 360 Там же. Д. 2. (1618 г.). Л. 14.
- 361 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 25. (1589 г.). Л. 1 об.-2.
- 362 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 2. (1615 г.). Л. 85. См. также: РИБ. Т. 28. Стб. 699.
- 363 Там же. Д. 4. (1615 г.). Л. 34-35.
- 364 Там же. Д. 1. (1617 г.). Л. 136, 164.
- 365 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 8. (1615 г.). Л. 9.
- 366 Там же. Д. 2. (1615 г.). Л. 122; Д. 3. (1615 г.). Л. 193, 198.
- 367 Там же. Д. 5. (1619 г.). Л. 136.
- 368 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 13. (1617 г.). Л. 190.
- 369 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 1. (1618 г.). Л. 84.
- 370 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1615 г.). Л. 115.
- 371 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2. (1622 г.). Л. 17.
- 372 РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. (1602 г.). Л. 167.
- 373 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 5. (1613 г.). Л. 146. См. также: Ф. 111. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.). Л. 50.
- 374 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 53. Л. 100.
- 375 Там же. Л. 666, 670.
- 376 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 8. (1615 г.). Л. 16.
- 377 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 5. (1615 г.). Л. 16.
- 378 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 1. (1617 г.). Л. 35.
- 379 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 67. Л. 10, 10 об.
- 380 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 2. (1618 г.). Л. 10.
- 381 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1618 г.). Л. 10.
- 382 РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. (1617 г.). Л. 111, 217. См. также: РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 5. (1619 г.). Л. 230.
- 383 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 6. (1619 г.). Л. 68.
- 384 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 10. (1617 г.). Л. 43.
- 385 Там же. Кн. 8. Л. 61 об.
- 386 «Повесть о некоей брани». С. 70.
- 387 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. (1613-17 гг.). Л. 241.
- 388 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 2. (1618 г.). Л. 229.
- 389 Там же. Д. 9. (1615 г.). Л. 204-205.

- 390 Там же. Д. 8. (1615 г.). Л. 278; Кн. 9. Л. 45-48 об.
391 Там же. Д. 3. (1615 г.). Л. 57.
392 Там же. Д. 8. (1615 г.). Л. 221; Д. 9. (1615 г.). Л. 204-205; Д. 11. (1615 г.). Л. 372-373.
393 Там же. Д. 3. (1617 г.). Л. 350.
394 Там же. Д. 2. (1618 г.). Л. 229-232.
395 РИБ. Т. 28. Стб. 281, 308, 344-345, 672, 776.
396 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 10. Л. 45.
397 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 29. Л. 628 об.; Д. 30. Л. 323, 349, 604 об., 695 об.; Д. 4. (1615 г.). Л. 89, 93, 134.
398 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 11. (1615 г.). Л. 168 об.
399 Там же. Д. 4. (1616 г.). Л. 438.
400 РГАДА. Ф. 61. Д. 19. Л. 51.
401 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 1. (1617 г.). Л. 332.
402 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 1. (1606-28 гг.). Л. 116.
403 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 13. (1617 г.). Л. 158, 304.
404 Описание 1626 г. Л. 733 об.
405 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2. (1622 г.). Л. 12. См. также: Ф. 141. Оп. 1. Д. 11. (1623 г.). Л. 106.
406 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 11. (1623 г.). Л. 39.
407 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2. (1626 г.). Л. 58.
408 Там же. Д. 1. (1613-17 гг.). Л. 243.
409 Там же. Д. 2. (1622 г.). Л. 4, 12, 13.
410 Там же. Л. 12, 13.
411 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 7. (1614 г.). Л. 60.
412 Там же. Д. 10. (1589 г.). Л. 2.
413 Бушев П.П. Указ. соч. С. 333.
414 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 43. Л. 160.
415 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1604 г.). Л. 205, 227, 228, 247, 248, 268, 269.
416 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 1. (1609 г.). Л. 1, 15.
417 РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. (1614 г.). Л. 64, 66, 123; Ф. 35. Оп. 1. Д. 53. Л. 1 об.
418 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 53. Л. 434.
419 РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. Д. 1. (1615 г.). Л. 5, 10.
420 РИБ. Т. 28. Стб. 344.
421 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 4. (1615 г.). Л. 74.
422 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 7. (1614 г.). Л. 60.
423 Описание 1626 г. Л. 442. См. также: РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 7. (1614 г.). Л. 60.
424 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 10. (1589 г.). Л. 2.
425 РГАДА. Ф. 115. Оп. 1. Д. 1. (1605 г.). Л. 5.
426 РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. (1617 г.). Л. 65.
427 Описание 1614 г. Л. 321 об.
428 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. (1613-17 гг.). Л. 74.
429 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 5. (1614 г.). Л. 6.
430 РГАДА. Ф. 126. Оп. 1. Д. 1. (1617 г.). Л. 26, 32, 39.
431 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 3. (1618 г.). Л. 45.
432 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 1. (1593 г.). Л. 65, 66.
433 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1604 г.). Л. 152, 256.
434 Там же. Д. 1. (1606 г.) Л. 1.
435 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 1. (1609 г.). Л. 6.
436 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. (1613-17 гг.). Л. 72.
437 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 5. (1614 г.). Л. 6.
438 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 1. (1614 г.). Л. 79.
439 РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 601. (1613-18 гг.). Л. 26.
440 Бушев П.П. Указ. соч. С. 152.
441 Описание 1614 г. Л. 323.

- 442 Бушев П.П. Указ. соч. С. 351, 353, 359.
443 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1604 г.). Л. 87-89, 126, 154, 156.
444 Бушев П.П. Указ. соч. С. 359.
445 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 43. Л. 13.
446 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2. (1601 г.). Л. 54, 56, 61, 62.
447 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 43. Л. 268.
448 Сухотин Л.М. Указ. соч. С. 51.
449 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. (1613-17 гг.). Л. 74, 96, 176.
450 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 6. (1619 г.). Л. 50.
451 РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. (1614 г.). Л. 111.
452 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 5. (1614 г.). Л. 30 об., 35.
453 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 5. (1614 г.). Л. 42 об.
454 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 30. Л. 443 об.; Д. 5. (1615 г.). Л. 78, 83 об.
455 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 2. (1617 г.). Л. 49.
456 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 1. (1616 г.). Л. 116.
457 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 1. (1618 г.). Л. 41.
458 РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. (1617 г.). Л. 111, 216. См. также: РГАДА.
Ф. 141. Оп. 1. Д. 5. (1619 г.). Л. 222.
459 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 5. (1619 г.). Л. 284-285.
460 РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 3. (1619 г.). Л. 31.
461 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2. (1622 г.). Л. 12.
462 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 12. (1622 г.). Л. 2.
463 РГАДА. Ф. 110. Оп. 1. Д. 2. (1603 г.). Л. 118.
464 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1604 г.). Л. 249, 318 об., 338, 344.
465 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. (1613-17 гг.). Л. 72.
466 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 6. (1619 г.). Л. 6.
467 РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.). Л. 188, 254-259, 417.
468 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 6. (1619 г.). Л. 6.
469 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 5. (1615 г.). Л. 222; Д. 30. Л. 1035.
470 РГАДА. Ф. 115. Д. 2. (1615 г.). Л. 17.
471 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 6. (1619 г.). Л. 67.
472 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 1. (1617 г.). Л. 17.
473 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 13. (1617 г.). Л. 343 об.-344.
474 Там же. Д. 2. (1618 г.). Л. 102 об., 105.
475 РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. (1617 г.). Л. 111, 216.
476 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. (1621 г.). Л. 3.
477 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 12. (1622 г.). Л. 2.
478 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2. (1643 г.). Л. 12.
479 РГАДА. Ф. 110. Оп. 1. Д. 2. (1603 г.). Л. 75, 118.
480 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 43. Л. 33.
481 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 3. (1619 г.). Л. 15.
482 РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. (1602 г.). Л. 166 об.
483 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1604 г.). Л. 216, 255, 260, 265, 273, 276, 279,
309, 344, 350.
484 РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.). Л. 188, 379, 394.
485 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 6. (1619 г.). Л. 6.
486 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 4. (1615 г.). Л. 318; Д. 30. Л. 737, 863 об.
487 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 3. (1615 г.). Л. 212.
488 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 6. (1619 г.). Л. 1; Д. 25. (1623 г.). Л. 4.
489 Там же. Д. 1. (1606-28 гг.). Л. 194, 195.
490 Описание 1626 г. Л. 721 об.
491 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 25. (1623 г.). Л. 16.
492 Там же. Д. 12. (1622 г.). Л. 2.
493 РГАДА. Ф. 110. Оп. 1. Д. 2. (1603 г.). Л. 51-52, 206.
494 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1604 г.). Л. 213, 254, 309, 318, 330 об., 353.
495 Описание 1626 г. Л. 729.
496 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.). Л. 77.

- 497 Там же. Д. 5. (1614 г.). Л. 6.
498 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 6. (1615 г.). Л. 19; Д. 8. (1615 г.). Л. 1.
499 Там же. Д. 7. (1615 г.). Л. 1-4.
500 Там же. Д. 8. (1615 г.). Л. 11.
501 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. (1613-17 гг.). Л. 96.
502 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 5. (1619 г.). Л. 252; Д. 6. (1619 г.). Л. 34.
503 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 1. (1604 г.). Л. 3, 4.
504 РГАДА. Ф. 110. Оп. 1. Д. 1. (1604 г.). Л. 1, 225.
505 Там же. Д. 1. (1607 г.). Л. 5.
506 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 1. (1609 г.). Л. 1-15.
507 Писцовые книги Рязанского края. Вып. 1. Рязань, 1996. С. 66-67, 310.
508 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 2. (1611 г.). Л. 1, 9.
509 Там же. Л. 17.
510 Там же. Д. 2. (1613 г.). Л. 30.
511 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 43. Л. 80.
512 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1604 г.). Л. 296 об.
513 Там же. Л. 205.
514 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 3. (1605 г.). Л. 3.
515 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 1. (1609 г.). Л. 7.
516 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 3. (1605 г.). Л. 3.
517 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1604 г.). Л. 311; Д. 1. (1606 г.). Л. 11.
518 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 1. (1610 г.). Л. 2.
519 Там же. Д. 3. (1615 г.). Л. 9-10.
520 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. (1613-17 гг.). Л. 72.
521 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 3. (1615 г.). Л. 299.
522 РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.). Л. 188.
523 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 6. (1619 г.). Л. 6, 7.
524 Там же. Л. 40.
525 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 5. (1615 г.). Л. 12 об.; Д. 29. Л. 691 об.; Д. 30. Л. 314, 927.
526 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 3. (1615 г.). Л. 299.
527 Там же. Д. 1. (1616 г.). Л. 171.
528 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. (1621 г.). Л. 3.
529 Там же. Д. 2. (1622 г.). Л. 3, 12.
530 Описание 1626 г. Л. 462.
531 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.). Л. 127.
532 Там же. Л. 148.
533 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. (1613-17 гг.). Л. 74, 176. См. также: Ф. 127. Оп. 1. Д. 5. (1613 г.). Л. 18.
534 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.). Л. 201. См. также: Д. 1. (1614 г.). Л. 105; Ф. 159. Оп. 2. Д. 601. (1613-18 гг.). Л. 3.
535 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 4. (1615 г.). Л. 86; Д. 30. Л. 590, 948.
536 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 6. (1619 г.). Л. 1.
537 РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. (1617 г.). Л. 241.
538 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 3. (1618 г.). Л. 6.
539 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 3. (1618 г.). Л. 32 об., 33, 34.
540 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 6. (1619 г.). Л. 1-7.
541 Там же. Д. 12. (1622 г.). Л. 2.
542 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. (1613-17 гг.). Л. 35, 40-43.
543 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 6. (1619 г.). Л. 47.
544 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 1. Л. 154.
545 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 3. (1614 г.). Л. 19, 79-88; Д. 4. (1614 г.). Л. 112.
546 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 30. Л. 799, 907 об.
547 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 6. (1619 г.). Л. 32-34.
548 Там же. Д. 5. (1619 г.). Л. 252. См. также: Ф. 89. Оп. 1. Д. 3. (1615 г.). Л. 326.

- 549 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 5. (1613 г.). Л. 170. См. также: Ф. 111. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.). Л. 12, 21 об.
- 550 РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 2. (1614 г.). Л. 9.
- 551 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 3. (1615 г.). Л. 9.
- 552 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. (1613-17 гг.). Л. 72.
- 553 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 1. (1614 г.). 1-2.
- 554 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 5. (1613 г.). Л. 187 об.
- 555 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 1. (1614 г.). Л. 14 об.
- 556 РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. (1614 г.). Л. 20.
- 557 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. (1613-17 гг.). Л. 74.
- 558 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 2. (1615 г.). Л. 85.
- 559 Там же. Д. 3. (1615 г.). Л. 323; Д. 4. (1615 г.). Л. 120; Д. 2. (1616 г.). Л. 26.
- 560 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 1. (1614 г.). Л. 9.
- 561 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 6. (1619 г.). Л. 41.
- 562 РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 2. (1615 г.). Л. 130-130 об.
- 563 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 1. (1614 г.). Л. 235.
- 564 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 4. (1616 г.). Л. 279.
- 565 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. (1613-17 гг.). Л. 259.
- 566 РГАДА. Ф. 52. Оп. 1. Д. 1. (1604 г.). Л. 20; Д. 2. (1604 г.). Л. 3.
- 567 РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.). Л. 154, 157.
- 568 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 53. Л. 199, 202.
- 569 РГАДА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 2. (1614 г.). Л. 106 об., 108.
- 570 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 53. Л. 128 об., 199 об. См. также: Ф. 159. Оп. 2. Д. 601. (1613-18 гг.). Л. 14.
- 571 РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 601. (1613-18 гг.). Л. 21-22.
- 572 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 3. (1615 г.). Л. 4.
- 573 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 11. (1615 г.). Л. 162; Д. 10. (1616 г.). Л. 117, 134; Кн. 13. Л. 49.
- 574 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 1. (1617 г.). Л. 136.
- 575 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 2. (1618 г.). Л. 86 об., 234.
- 576 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 1. (1617 г.). Л. 212.
- 577 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 6. (1619 г.). Л. 68.
- 578 Там же. Д. 5. (1619 г.). Л. 123.
- 579 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. (1613-17 гг.). Л. 16, 17, 55, 71, 73, 74, 157
- 580 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 4. (1615 г.). Л. 7.
- 581 РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 601. (1613-18 гг.). Л. 15.
- 582 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 3. (1615 г.). Л. 10.
- 583 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 4. (1615 г.). Л. 67; Д. 30. Л. 685.
- 584 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 5. (1616 г.). Л. 53; Д. 6. (1616 г.). Л. 2-3.
- 585 Описание 1626 г. Л. 444.
- 586 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 5. (1619 г.). Л. 253.
- 587 Там же. Д. 6. (1619 г.). Л. 34.
- 588 Там же. Л. 41, 68; Д. 14. (1620 г.). Л. 2.
- 589 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 1. (1614 г.). Л. 78.
- 590 РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 1. (1614 г.). Л. 123. См. также: Ф. 35. Оп. 1. Д. 48. Л. 9.
- 591 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 4. (1615 г.). Л. 34.
- 592 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 14. (1620 г.). Л. 1-2.
- 593 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 3. (1614 г.). Л. 65.
- 594 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. (1613-17 гг.). Л. 72.
- 595 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 1. (1614 г.). Л. 238.
- 596 РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 2. (1615 г.). Л. 94 об., 95, 97.
- 597 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 29. Л. 643.
- 598 Там же. Д. 30. Л. 432, 667 об.
- 599 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 8. (1615 г.). Л. 8.
- 600 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 11. (1615 г.). Л. 166, 168 об.
- 601 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 6. (1619 г.). Л. 41, 68.

- 602 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 1. (1614 г.). Л. 272.
- 603 Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Т. 2. С. 396.
- 604 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 30. Л. 721, 1019 об.
- 605 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 8. (1616 г.). Л. 161 об.
- 606 Там же. Д. 1. (1617 г.). Л. 109.
- 607 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2. (1622 г.). Л. 12. См. также: РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 12. (1622 г.). Л. 2.
- 608 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 1. (1614 г.). Л. 297.
- 609 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 4. (1615 г.). Л. 7.
- 610 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 1. (1614 г.). Л. 372.
- 611 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 1. (1617 г.). Л. 8; Д. 7. (1617 г.). Л. 6.
- 612 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 5. (1617 г.). Л. 3.
- 613 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 2. (1618 г.). Л. 102.
- 614 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 5. (1619 г.). Л. 230; Д. 6. (1619 г.). Л. 68.
- 615 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1618 г.). Л. 14, 92.
- 616 Там же. Д. 4. (1618 г.). Л. 44.
- 617 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2. (1622 г.). Л. 12. См. также: Ф. 141. Оп. 1. Д. 25. (1623 г.). Л. 16.
- 618 РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.). Л. 414; Д. 1. (1614 г.). Л. 97-98.
- 619 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. (1616 г.). Л. 1-2.
- 620 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 6. (1619 г.). Л. 40, 67.
- 621 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 8. (1615 г.). Л. 15.
- 622 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 4. (1615 г.). Л. 308.
- 623 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. (1613-1617 гг.). Л. 96. См. также: Ф. 127. Оп. 1. Д. 1. (1616 г.). Л. 15, 16.
- 624 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 4. (1615 г.). Л. 38; Ф. 127. Оп. 1. Д. 1. (1616 г.). Л. 16.
- 625 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 2. (1617 г.). Л. 1.
- 626 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 1. (1618 г.). Л. 3, 21 об., 23, 27, 28 об.
- 627 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 6. (1619 г.). Л. 67.
- 628 РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 1. (1617 г.). Л. 111, 216. См. также: РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 5. (1619 г.). Л. 230.
- 629 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 29. Л. 643.
- 630 Там же. Д. 30. Л. 664 об., 680 об.
- 631 РГАДА. Ф. 93. Оп. 1. Д. 1. (1615 г.). Л. 80.
- 632 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. (1616 г.). Л. 1-2.
- 633 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 6. (1619 г.). Л. 41.
- 634 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 16. Л. 32.
- 635 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 5. (1619 г.). Л. 253.
- 636 Там же. Д. 6. (1619 г.). Л. 41, 46, 68.
- 637 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 10. (1616 г.). Л. 152.
- 638 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 1. (1617 г.). Л. 11-13, 46.
- 639 РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. Д. 2. (1617 г.). Л. 118.
- 640 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 1. (1606-28 гг.). Л. 81, 82, 89.
- 641 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 68. Л. 73.
- 642 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 1. (1606-28 гг.). Л. 100, 111.
- 643 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Кн. 16. Л. 524 об.
- 644 Там же. Д. 2. (1618 г.). Л. 112.
- 645 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 3. (1618 г.). Л. 32.
- 646 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 6. (1619 г.). Л. 17.
- 647 Там же. Д. 8. (1619 г.). Л. 1.
- 648 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 5. (1619 г.). Л. 230.
- 649 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2. (1622 г.). Л. 12.
- 650 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 6. (1619 г.). Л. 41.
- 651 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 1. (1617 г.). Л. 41.
- 652 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 4. (1618 г.). Л. 5, 9 об., 11.

- 653 Там же. Д. 4. (1619 г.). Л. 4.
654 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 5. (1619 г.). Л. 210-211.
655 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 3. (1619 г.). Л. 51.
656 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2. (1622 г.). Л. 12.
657 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 10. (1616 г.). Л. 190.
658 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 2. (1618 г.). Л. 166, 167.
659 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 2. (1618 г.). Л. 461; Д. 6. (1618 г.). Л. 69
660 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 1. (1617 г.). Л. 50.
661 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 3. (1619 г.). Л. 53.
662 РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 3. (1619 г.). Л. 94-97.
663 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2. (1622 г.). Л. 2, 12.
664 Там же. Д. 2. (1626 г.). Л. 47.
665 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 68. Л. 1.
666 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 6. (1619 г.). Л. 37-41.
667 Там же. Д. 5. (1617 г.). Л. 4-4 об.
668 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 3. (1617 г.). Л. 2.
669 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 2. (1618 г.). Л. 98, 99.
670 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1618 г.). Л. 20; Д. 4. (1618 г.) Л. 38.
671 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 65. Л. 167.
672 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 5. (1619 г.). Л. 213.
673 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2. (1622 г.). Л. 12.
674 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 6. (1619 г.). Л. 68.
675 Там же. Д. 5. (1619 г.). Л. 222.
676 РГАДА. Ф. 35. Оп. 1. Д. 68 Л. 8; Ф. 96. Оп. 1. Д. 13 (1617 г.). Л. 46 об., 203.
677 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 2. (1618 г.). Л. 235.
678 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 5. (1619 г.). Л. 222, 304.
679 Там же. Д. 12. (1622 г.). Л. 2.
680 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 5. (1616 г.). Л. 20.
681 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 2. (1618 г.). Л. 159, 168 об., 182.
682 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 6. (1618 г.) Л. 16-17.
683 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 1. (1617 г.). Л. 265.
684 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. (1621 г.). Л. 3.
685 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 12. (1622 г.). Л. 3.
686 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 2. (1618 г.). Л. 28, 75 об., 169, 234.
687 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 6. (1619 г.). Л. 68.
688 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 3. (1618 г.). Л. 6, 32, 47, 48.
689 Там же. Д. 1. (1618 г.). Л. 45.
690 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 5. (1619 г.). Л. 230.
691 Там же. Д. 2а. (1618 г.). Л. 43. См. также: Д. 12. (1622 г.). Л. 5-6.
692 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 2. (1618 г.). Л. 169.
693 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 1. (1617 г.). Л. 231.
694 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 3. (1619 г.). Л. 350.
695 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 5. (1619 г.). Л. 230.
696 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2. (1622 г.). Л. 4, 12.
697 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 9. (1622 г.). Л. 136-143.
698 Там же. Д. 12. (1622 г.). Л. 6.
699 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 2. (1618 г.). Л. 465.
700 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2. (1622 г.). Л. 12. См. также: Ф. 141. Оп. 1.
Д. 12. (1622 г.). Л. 2; Д. 25. (1623 г.). Л. 16.
701 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 12. (1622 г.). Л. 4-5.
702 Там же. Д. 6. (1619 г.). Л. 66-68.
703 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 3. (1618 г.). Л. 91. Д. 7. (1618 г.). Л. 1, 63, 66,
67; Д. 1. (1619 г.). Л. 8.
704 Там же. Д. 4. (1619 г.). Л. 1.
705 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 5. (1619 г.). Л. 222.
706 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. (1621 г.). Л. 1.
707 Там же. Д. 4. (1628 г.).

- 708 Там же. Д. 2. (1622 г.). Л. 12. См. также: Ф. 141. Оп. 1. Д. 25. (1623 г.). Л. 16.
- 709 Там же. Оп. 1. Д. 2. (1643 г.). Л. 12.
- 710 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 6. (1619 г.). Л. 12, 14 об., 15.
- 711 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 12. (1622 г.). Л. 3.
- 712 Там же. Д. 5. (1619 г.). Л. 120-123. См. также: Ф. 89. Оп. 1. Д. 1. (1619 г.). Л. 22.
- 713 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2. (1622 г.). Л. 12.
- 714 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 25. (1623 г.). Л. 16.
- 715 Там же. Д. 5. (1619 г.). Л. 222, 227, 227а-230.
- 716 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2. (1622 г.). Л. 13. См. также: Ф. 141. Оп. 1. Д. 5. (1619 г.). Л. 304; Д. 12. (1622 г.). Л. 11.
- 717 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. (1621 г.). Л. 1.
- 718 РГАДА. Ф. 77. Оп. 1. Д. 3. (1619 г.). Л. 103.
- 719 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 5. (1619 г.). Л. 131-132, 138, 304.
- 720 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. (1621 г.). Л. 3.
- 721 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 5. (1619 г.). Л. 302, 305. См. также: Д. 12. (1622 г.). Л. 11.
- 722 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2. (1622 г.). Л. 4, 13.
- 723 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 5. (1619 г.). Л. 304.
- 724 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2. (1622 г.). Л. 4, 13.
- 725 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 14. (1620 г.). Л. 1-2. См. также: Д. 12. (1622 г.). Л. 7.
- 726 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 3. (1619 г.). Л. 15.
- 727 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 2. (1622 г.). Л. 4, 12, 13.
- 728 Там же.
- 729 Там же. Л. 12, 13.

Приложение 4

- 1 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. (1613-17 гг.). Л. 42.
- 2 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1604 г.). Л. 5, 40, 49.
- 3 Опись 1614 г. Л. 172; С. 177.
- 4 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. (1613-17 гг.). Л. 42.
- 5 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1604 г.). Л. 2, 40.
- 6 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. (1613-17 гг.). Л. 42.
- 7 Опись 1614 г. Л. 325 об.
- 8 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2. (1618 г.). Л. 2.
- 9 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 1. (1607 г.). Л. 9; Д. 2. (1607 г.). Л. 1, 38, 64.
- 10 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2. (1618 г.). Л. 8.
- 11 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 1. (1610 г.). Л. 16.
- 12 Там же. Д. 2. (1611 г.). Л. 1.
- 13 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2. (1618 г.). Л. 8.
- 14 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 1. (1607 г.). Л. 1, 9; Д. 2. (1607 г.). Л. 1, 64.
- 15 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2. (1618 г.). Л. 2.
- 16 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 2. (1610 г.). Л. 37.
- 17 История внешней политики России. С. 171, 174, 367.
- 18 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 1. (1610 г.). Л. 1; Д. 1. (1611 г.). Л. 10.
- 19 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2. (1618 г.). Л. 8.
- 20 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. (1613-17 гг.). Л. 35, 40, 42, 43, 216-221, 226, 286, 287.
- 21 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 1. (1616 г.). Л. 53, 62, 68, 80 об. См. также: Ф. 123. Оп. 1. Д. 4. (1617 г.). Л. 43.
- 22 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 6. (1619 г.). Л. 96.
- 23 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 16. (1682 г.). Л. 8.
- 24 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 1. (1610 г.). Л. 1; Д. 1. (1611 г.). Л. 7.

- 25 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 2. (1615 г.). Л. 86.
- 26 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 2. (1611 г.). Л. 14.
- 27 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.). Л. 83.
- 28 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. (1613-17 гг.). Л. 163, 164, 172, 174. См. также: Ф. 89. Оп. 1. Д. 2. (1615 г.). Л. 87.
- 29 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 1. (1614 г.). Л. 105.
- 30 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 1. (1616 г.). Л. 101, 105, 109; Д. 4. (1616 г.). Л. 160-162, 170; Д. 5. (1616 г.). Л. 53.
- 31 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 6. (1619 г.). Л. 21.
- 32 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 1. (1616 г.). Л. 68, 80 об.
- 33 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 5. (1613 г.). Л. 8.
- 34 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. (1613-17 гг.). Л. 287.
- 35 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2. (1618 г.). Л. 13.
- 36 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. (1613-17 гг.). Л. 42, 286, 287.
- 37 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 5. (1619 г.). Л. 8.
- 38 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 12. (1615 г.). Л. 15, 56.
- 39 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 5. (1619 г.). Л. 9.
- 40 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1618 г.). Л. 14, 92.
- 41 Там же. Д. 4. (1618 г.). Л. 12 об., 15 об., 17 об., 25.
- 42 Там же. Оп. 1. Д. 3. (1618 г.). Л. 91; Д. 7. (1618 г.). Л. 1, 63, 66, 67.
- 43 Там же. Д. 6. (1619 г.). Л. 102; Д. 7. (1619 г.). Л. 1, 8.
- 44 РГАДА. Ф. 121. Оп. 1. Д. 1. (1619 г.). Л. 12.
- 45 Описание 1626 г. Л. 686.
- 46 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. (1613-17 гг.). Л. 287.
- 47 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 2. (1618 г.). Л. 13.
- 48 Там же. Л. 42, 94, 95.
- 49 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 1. (1613 г.). Л. 77, 87.
- 50 Там же. Д. 2. (1615 г.). Л. 121; Д. 3. (1615 г.). Л. 123.
- 51 Там же. Д. 1. (1616 г.). Л. 49, 101.
- 52 Там же. Д. 4. (1616 г.). Л. 170; Д. 7. (1616 г.). Л. 28, 64.
- 53 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 2. (1616 г.). Л. 136.
- 54 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 3. (1618 г.). Л. 15.
- 55 Там же. Д. 1. (1619 г.). Л. 23, 25; Д. 2. (1619 г.). Л. 1, 43, 44, 47.
- 56 Там же. Д. 5. (1619 г.). Л. 1, 2, 34, 49.
- 57 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. (1613-17 гг.). Л. 175, 287.
- 58 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 4. (1617 г.). Л. 43, 79; Д. 5. (1617 г.). Л. 59, 59 об.
- 59 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. (1613-17 гг.). Л. 175, 198, 287.
- 60 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 5. (1619 г.). Л. 9.
- 61 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1618 г.). Л. 14, 92.
- 62 Там же. Д. 4. (1618 г.). Л. 43.
- 63 Там же. Л. 50; Ф. 141. Оп. 1. Д. 6. (1619 г.). Л. 9.
- 64 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 6. (1619 г.). Л. 8.
- 65 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 9. (1619 г.). Л. 69, 74, 75.
- 66 Описание 1626 г. Л. 477 об.
- 67 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 5. (1613 г.). Л. 8.
- 68 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. (1613-17 гг.). Л. 175, 176, 287; Ф. 141. Оп. 1. Д. 5. (1619 г.). Л. 8.
- 69 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 9. (1615 г.). Л. 6, 8; Д. 11. (1615 г.). Л. 1.
- 70 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 5. (1619 г.). Л. 9.
- 71 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 2. (1618 г.). Л. 133; Д. 4. (1618 г.). Л. 14, 20.
- 72 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. (1613-17 гг.). Л. 286, 288.
- 73 Там же. Л. 223, 224. См. также: Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1614 г.). Л. 3.
- 74 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 4. (1614 г.). Л. 138.
- 75 Там же. Д. 3. (1614 г.). Л. 91, 96.
- 76 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. (1613-17 гг.). Л. 223, 224.
- 77 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 5. (1619 г.). Л. 136; Д. 6. (1619 г.). Л. 9, 22.
- 78 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 5. (1613 г.). Л. 8.

- 79 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 5. (1619 г.). Л. 8.
- 80 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 5. (1613 г.). Л. 6, 8. См. также: Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. (1613-17 гг.). Л. 175, 176, 223, 288.
- 81 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 1. (1616 г.). Л. 149, 162; Д. 2. (1617 г.). Л. 13, 23, 31, 42. См. также: Описание 1626 г. Л. 279, 280.
- 82 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 5. (1619 г.). Л. 3, 6. См. также: Ф. 127. Оп. 1. Д. 2. (1618 г.). Л. 91.
- 83 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. (1613-17 гг.). Л. 223, 288. См. также: Ф. 127. Оп. 1. Д. 5. (1613 г.). Л. 6; Ф. 141. Оп. 1. Д. 5. (1619 г.). Л. 8.
- 84 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 1. (1616 г.). Л. 116.
- 85 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 6. (1619 г.). Л. 50.
- 86 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. (1613-17 гг.). Л. 96, 97.
- 87 Там же. Л. 288. См. также: Ф. 127. Оп. 1. Д. 5. (1613 г.). Л. 8.
- 88 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 3. (1614 г.). Л. 3 об.
- 89 РГАДА. Ф. 79. Оп. 1. Д. 30. Л. 680, 689, 809.
- 90 Описание 1626 г. Л. 729 об.
- 91 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 4. (1616 г.). Л. 262, 266.
- 92 Там же. Д. 2. (1618 г.). Л. 8, 14 об., 42, 105.
- 93 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 5. (1619 г.). Л. 249-250.
- 94 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 2. (1615 г.). Л. 50, 87.
- 95 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 1. (1616 г.). Л. 46, 82, 123; Д. 5. (1616 г.). Л. 61.
- 96 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 1. (1617 г.). Л. 176.
- 97 Там же. Д. 2. (1616 г.). Л. 136.
- 98 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. (1613-17 гг.). Л. 94, 95, 172, 174; Ф. 123. Оп. 1. Д. 3. (1616 г.). Л. 2.
- 99 РИБ. Т. 28. Стб. 105.
- 100 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. (1613-17 гг.). Л. 288.
- 101 Там же. Л. 223, 224. См. также: Ф. 123. Оп. 1. Д. 3. (1614 г.). Л. 79.
- 102 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 5. (1619 г.). Л. 212.
- 103 РГАДА. Ф. 96. Оп. 1. Д. 7. (1616 г.). Л. 131.
- 104 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 1. (1617 г.). Л. 176.
- 105 Там же. Д. 2. (1616 г.). Л. 136.
- 106 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. (1613-17 гг.). Л. 216-220, 226.
- 107 Там же. Д. 16. (1682 г.). Л. 8.
- 108 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 2. (1614 г.). Л. 26; Д. 3. (1614 г.). Л. 1, 65.
- 109 Там же. Д. 12 (1615 г.). Л. 2.
- 110 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 5. (1619 г.). Л. 9. См. также: Ф. 127. Оп. 1. Д. 1. (1616 г.). Л. 132; Д. 4. (1616 г.). Л. 1, 7.
- 111 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 2. (1618 г.). Л. 36.
- 112 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 5. (1619 г.). Л. 9.
- 113 РГАДА. Ф. 159. Оп. 2. Д. 601. (1613-18 гг.). Л. 10, 17.
- 114 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 10. (1615 г.). Л. 1.
- 115 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 5. (1619 г.). Л. 9.
- 116 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 2. (1618 г.). Л. 43.
- 117 РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. Д. 1. (1613-17 гг.). Л. 196, 197. См. также: Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1615 г.). Л. 65; Д. 3. (1615 г.). Л. 1, 8.
- 118 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 6. (1619 г.). Л. 22.
- 119 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 6. (1618 г.). Л. 15, 27.
- 120 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 7. (1614 г.). Л. 58.
- 121 Там же. Д. 5. (1619 г.). Л. 136; Д. 6. (1619 г.). Л. 22.
- 122 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1615 г.). Л. 130, 159, 160.
- 123 Там же. Д. 1. (1616 г.). Л. 123, 129, 142.
- 124 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 5. (1619 г.). Л. 251-252. См. также: Ф. 89. Оп. 1. Д. 3. (1615 г.). Л. 325-326.
- 125 РГАДА. Ф. 131. «Татарские дела». Оп. 1. Д. 4. (1616 г.). Л. 1.
- 126 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 4. (1615 г.). Л. 38.
- 127 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. (1616 г.). Л. 46.

- 128 РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Д. 2. (1618 г.). Л. 133; Д. 4. (1618 г.). Л. 13.
- 129 РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. Д. 4. (1616 г.). Л. 1 об.
- 130 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 5. (1619 г.). Л. 136.
- 131 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 2. (1619 г.). Л. 47.
- 132 История внешней политики России... С. 185.
- 133 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 1. (1616 г.). Л. 149, 162; Д. 2. (1617 г.). Л. 13, 23, 31, 42.
- 134 РГАДА. Ф. 89. Оп. 1. Д. 1. (1616 г.). Л. 80 об.; Ф. 123. Оп. 1. Д. 4. (1617 г.). Л. 79; Д. 5. (1617 г.). Л. 59, 59 об. См. также: Опись 1626 г. Л. 472 об.
- 135 Опись 1626 г. Л. 280.
- 136 Там же. С. 323.
- 137 РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 4. (1617 г.). Л. 67.
- 138 Там же. Д. 6. (1617 г.). Л. 54; Д. 1. (1618 г.). Л. 1; Д. 6. (1618 г.). Л. 1.
- 139 Там же. Д. 1. (1619 г.). Л. 1 об.
- 140 Опись 1626 г. Л. 561 об.
- 141 РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. Д. 6. (1619 г.). Л. 22.
- 142 Там же. Д. 5. (1619 г.). Л. 3, 6. См. также: Ф. 127. Оп. 1. Д. 2. (1618 г.). Л. 91.
- 143 РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. Д. 9. (1619 г.). Л. 2.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Аббас I Великий, персидский шах 23, 52, 54, 252, 257, 304, 345, 357, 382
- Абдул-Ходжа, посланник из Казыева улуса 143, 336
- Абдурахман (Адрахман), служилый татарин 186, 392
- Абреим, тарковский посол 62
- Аврамов Третьяк, подьячий 132, 138, 142, 143, 344
- Авцын (см. Англер Андрей)
- Ага-бача, крымский гонец 341, 385
- Адаров (Айдаров, Озаров) Семен, толмач 150, 154, 175, 179, 180, 375, 382, 383
- Адрахман (см. Абдурахман)
- Айдаров (см. Адаров Семен)
- Айдиkey (см. Тенешев Айдиkey)
- Аксенов А.И., историк 13
- Алей, сибирский царь 223
- Алей-мурза, крымский посол 220, 334
- Алей-мурза Шейдяков, татарский мурза 38, 329
- Александр, царь Кахетии 15, 16, 245, 357
- Александр, толмач 150, 155, 175, 375
- Алексеев Булгак, толмач 150-154, 175-177, 180, 181, 267, 376
- Алексей Михайлович Тишайский, царь 35, 104, 118, 209
- Алехин Савва, толмач 150, 156, 175, 387
- Али-Кули-бек, персидский посол 52
- Алибеков (см. Исеналеев)
- Аллабердей, крымский посол 338, 381
- Аллаш-богатырь, крымский гонец 220, 279, 329, 333, 337, 342, 373
- Аликула, ногайский посол 221
- Алпатов М.А., историк 7, 44, 396, 399, 403, 426
- Алышев Елмамет (Лаишев Иван), толмач 150, 155, 175, 179, 384
- Аминев Даниил, толмач 150, 155, 156, 176, 179, 285
- Амир-Али-бек, персидский посол 52, 207, 331-333
- Амир-заде, персидский посол 52
- Анастасия Романовна, царица, жена Ивана IV 252
- Ангеляр (см. Англер Ганс)
- Англер Андрей (Авцын, Анелеров, Анцын, Иванов Андрей), переводчик 150, 155, 156, 159, 162, 165, 169, 359, 366
- Англер Ганс (Ангеляр, Андреев Анца), переводчик Посольского приказа 17, 18, 51, 52, 57, 150, 151, 159, 161, 165, 169, 225, 328, 358, 359, 366
- Англер Кристина, жена Англера Андрея 366
- Англеры, семья 366
- Анди-бек, персидский посланник 375
- Андреев Анца (см. Англер Ганс)
- Андреев Семен, переводчик 150, 154-156, 168, 169, 336, 372
- Андреев Томас, участник английского посольства 196, 234, 293, 300, 301
- Андрянов Андрей, немчин 173
- Андронов Федор, гость, дьяк 89-91, 111, 332
- Анелеров (см. Англер А.)
- Аникеев (Оникеев) Влас, подьячий 137, 138, 146, 147, 355
- Анна Австрийская, королева Франции 47
- Анца, выходец из Германии и Швеции 36
- Анца, участник датского посольства 85
- Анцын (см. Англер Андрей)
- Апсамет-Халифа, крымский гонец 339, 370, 388
- Арап-хан, хивинский хан 189
- Арап Степан Мааметев (Ахметев, Ахматов), толмач 150, 155, 175, 179, 385
- Аристов, сонский князь 245
- Арков (см. Арпов Ганс)
- Арлай, калмыцкий посол 220, 330
- Арпов Ганс (Арков, Мип Ганс Флорис), переводчик 150-152, 154, 159, 165, 272, 359, 363, 374
- Арчыбашев Филипп, пристав 300

- Астафьев Дмитрий, толмач 150, 154, 175, 383
- Астон Артемий, выходец из Англии, сын Артура Астона 36, 37, 358
- Астон (Астор) Артур, выходец из Англии, полковник 36, 212, 293, 335, 357
- Астор (см. Астон Артур)
- Афанасий, дьяк, посланник в Крым 274
- Афанасьев Кузьма, сторож 191
- Афанасьев Степан, толмач 150, 154, 155, 179, 263, 380
- Ахматов (см. Громов Т.)
- Ахматов (2) (см. Арап Степан Мааметев)
- Ахмет, турецкий султан 249, 252, 262
- Ахмет, черкесский посол 218, 334, 336
- Ахмет-Азей, ногайский посол 222, 330
- Ахмет-Калифа, крымский гонец 220, 330, 331
- Ахмет-паша, турецкий визирь 260
- Ахметев (см. Громов Т.)
- Ахметев (2) (см. Арап Степан Мааметев)
- Ачелей, черкесский посол 218, 334, 336
- Бабаев Тарас (Баев), толмач 150, 151, 174, 179, 181, 376
- Бабашихов Михаил, служилый татарин 186, 393
- Бавкеев (Мабкаев) Тулубай, служилый татарин 186, 188, 189, 245, 339, 340, 393
- Багилдеев Айгильдей (см. Исенев Айгильдей Бинюков)
- Багиш, ногайский посол 339
- Баграг (Панкратий), грузинский царевич 77, 195, 357, 378
- Баев (см. Бабаев Тарас)
- Бай-Магмет, ногайский посол 80
- Байберин Кирилл, новокрещен 184, 186, 188, 189, 339, 388, 389, 393
- Байберя, служилый татарин 184, 393
- Байкешев Исенчур, служилый татарин 184, 389
- Баймагмет, ногайский посол 221, 222, 331
- Баклановский Иван, гонец в Швецию, Данию и Голландию 51, 173, 271, 339, 341, 383
- Бандиков Лукаш, польский гонец 329
- Бантыш-Каменский Н.Н., историк* 195
- Барятинский Яков, князь, воевода 98
- Басманов Петр Федорович, боярин 68
- Батай, черкесский посол 329
- Баубеков Тимофей, толмач 150, 154, 155, 177, 179, 180, 336, 380, 388
- Баучин, калмыцкий посол 220, 330
- Бачановский Станислав, польский гонец 332
- Башмаков Арсфа, польячий 136, 138, 139, 146-148, 237, 353
- Бегим-мурза, ногайский посол 333
- Бедлей Андрей, английский дворянин 338
- Бедришев Игнатий, донской атаман 268, 333
- Безобразов Алексей, гонец в Польшу 27, 332
- Безобразов Елизар, гонец в Польшу 27
- Безобразов Иван, гонец в Польшу, дьяк 18, 27, 111, 329, 332
- Бек-ага, крымский мурза 372, 373
- Бек-Магмет, посланник из Казьева улуса 334, 335
- Белокуров С.А., историк* 5, 59, 61, 83, 103, 108, 118, 122, 123, 131, 133, 136, 137, 143, 146, 161, 166, 178, 190, 191, 320, 343, 344, 350-355, 394, 396, 399-402, 405-409, 411-413, 415, 417, 433, 437-442
- Бельский Богдан Яковлевич, оружничий, боярин 57, 67, 357, 358, 398
- Беляев Сунчалей, служилый татарин 186, 188, 189, 338, 372, 388
- Бердииков Ижболда, толмач 150, 155, 175, 177, 179, 194, 383
- Бидеев Айгильдей, служилый татарин 185, 186, 388, 391
- Бидеев Григорий, новокрещен 186, 188, 189, 391

- Бинюков Айгильдей (см. Нагаев Айгильдей Бинюков)
 Богатырь-Гирей, крымский мурза 331
 Боборыкин Яков, новгородский дворянин 50, 214
 Богданов Гавриил, дьяк, посланник в Данию 259, 272, 276, 298, 303, 333, 334
 Богданов Юрий, посланник на Дон 255, 277, 285, 339, 341, 385
Богоявленский С.К., историк 6, 77, 87, 91, 396, 399, 408-411, 413
 Боздырев С., толмач 150, 154, 175, 383
 Болдырев Рахманин, дьяк, посланник в Крым 274, 339
 Болдырев Федор (см. Иванов Федор)
 Болдырь (см. Иванов Федор)
 Болотников Иван Исаевич, предводитель восстания 108
 Борис Федорович Годунов (см. Годунов Борис Федорович)
 Борятинский Иван Михайлович, князь, посланник в Данию 205, 257-259, 272, 291, 298, 303, 333, 334
 Борятинский Михаил Петрович, посланник в Персию 340
 Борятинский Федор Петрович, князь, посланник в Крым и Швецию 16, 214, 219, 237, 310, 327, 339, 341, 360, 362, 367, 369
 Бракилев Анца, толмач 150, 151, 159, 272, 359, 368, 374
 Бредихин Семен, дьяк, посланник в Крым 275, 340, 382
 Брехов Иван, гонец в Персию 255, 334, 336, 376, 380
 Брокгауз, издатель 405, 408
 Буга, калмыцкий посол 340
Буганов В.И., историк 411
 Будалеев Кирилл, новокрещен 186, 189, 337, 392
 Бузовлев Родион, посланник в Казыев улус 221, 334, 372, 389, 391, 392
 Бук Арент, переводчик 150, 155, 161, 162, 165, 167, 170, 172, 268, 368, 369, 381
 Бук Иван, шведский купец 35
 Бук, шведская семья 368
 Булат-бек, персидский посол 279, 304, 327, 336, 337, 339, 371
 Булат-Улан, крымский посол 336, 337
 Булгаков Бессон, толмач 150, 155, 175, 384
 Бунаков Андрей, гонец в Польшу, 17, 328
 Бургграф Авраам, имперский посол 58
 Буссов Конрад, немецкий наемник 8, 65, 67, 88, 91, 394, 400, 406, 409, 410, 412
 Бутурлин Иван Михайлович, командующий русским войском на Кавказе 16
 Бутурлин Иван, посланник в Ногайскую Орду 23, 332
 Бухаров Алексей, подьячий, посол в Персию 200, 206, 258, 262, 333, 336
 Бучинский Ян, секретарь Лжедмитрия I, гонец в Польшу 18, 86, 328, 329
Бушев П.П., историк 4, 396, 399, 401, 404, 431, 438, 448, 450, 451
 Быков Мина, подьячий, золотописец 135, 136, 138-140, 144-146, 190, 348
Бычкова М.Е., историк 13
Вайнштейн О.Л., историк 396, 410, 431
 Вальдемар, датский принц 358
 Вареев Андрей, , подьячий, дьяк 132, 138, 139, 146, 347
 Василий IV Иванович (см. Шуйский Василий Иванович)
 Васильев Зиновий (Сыдавной), дьяк 23, 331
 Вахромеев И., коллекционер 395, 408
 Векентьев Михаил Елизарьевич, пристав 292
 Великий-чеуш, турецкий посланник 211, 336
 Великопольский Богдан, подьячий 135, 136, 138, 140, 146, 147, 349
 Вельяминов Михаил Иванович, посол в Империю 57
 Веревкин Григорий, гонец в Грузию 338, 368
Веселовский С.Б., историк 6, 57, 77, 86, 89, 97, 101, 108, 116,

- 121, 123, 343-345, 348, 351, 352, 355, 396, 399, 402, 405, 408-413, 415, 420, 437-442
- Виберх (см. Яковлев Вульф)
- Вилимов Вилим, толмач и переводчик 101, 150, 151, 155, 156, 164-166, 171, 173, 175, 176, 180, 368, 369
- Виноградов А.В., историк* 13
- Висковатый Иван Михайлович, дьяк Посольского приказа 6
- Витовский Станислав, польский посланник 65, 80, 198, 210, 306, 330, 344
- Витовтов Алексей, дьяк, посланник в Англию 273, 276, 302, 333
- Витовтов Дей, подьячий, дьяк, посланник в Крым 23, 38, 220, 331
- Витовтов Евдоким, дьяк 90, 92, 94, 97, 111
- Витовтов Тимофей, дьяк 108
- Витовтов Федор, подьячий 45
- Вицкин Даниил, толмач 150, 154, 179, 360, 374
- Владислав, польский принц 25-27, 33, 38, 48, 51, 52, 75, 82-84, 88, 89, 91, 92, 95, 96, 107, 113, 114, 118, 134, 199, 208, 264, 332, 347
- Власьев Афанасий Иванович, судья Посольского приказа 18, 56-77, 85-87, 109, 112, 118-120, 123-125, 127-129, 131-134, 138, 139, 142, 143, 146, 200, 203, 225, 277, 315, 327-329, 342-345, 347, 348, 356-358, 363, 397, 398, 405
- Власьев Богдан Иванович, дьяк 57, 67
- Власьев Иван, дьяк 57
- Воейков Артемий, посланник в Крым 22, 51, 80, 219, 330, 387
- Воейков Петр, посланник в Крым 391
- Волконский Григорий Константинович, князь, окольничий, посланник в Крым и в Польшу 21, 42, 65, 70, 74, 102, 123, 124, 167, 210, 219, 273, 274, 276, 299, 300, 305, 311, 329, 330, 334, 336, 342, 370, 380, 390, 391
- Волинский Степан, князь, посланник в Англию 182, 198, 201, 202, 291-295, 301, 302, 339, 341
- Воренок (Иван Дмитриевич), сын Лжедмитрия II и Марины Мнишек 251
- Воротынский Иван Михайлович, князь, боярин 69, 287, 337
- Воскобойникова Н.П., историк* 194, 396, 417
- Вражский Прокофий Иванович, посланник в Ногайскую Орду, переводчик 23, 28, 51, 150, 154-156, 161, 162, 166, 168-170, 182, 189, 198, 221, 222, 331, 333, 340, 352, 370-372, 379, 383, 385, 388
- Всеволожский Иван, посол в Грузию 344
- Выбор Роман, переводчик 150, 152, 165, 363
- Гальцов В.И., историк* 7, 396, 400
- Ганюков Айдар, толмач 52, 150, 154, 155, 174, 175, 177, 179, 218, 381, 382, 387
- Гарасимов (см. Герасимов Семен)
- Гвоздинский Федор, переводчик 150, 154, 161, 165, 364, 365
- Генкель (Сенгел, Хенкильс) Яков, имперский посол 98, 197, 201, 211
- Генрих II, король Франции 47
- Генрих IV, король Франции, 47
- Герасимов Семен (Герасимов), толмач 150-155, 175, 179-181, 377, 378
- Гермоген, патриарх Московский 92
- Гилберт Томас, английский капитан 292, 358
- Гиль Яков, англичанин 212
- Годунов Борис Федорович (Борис Федорович), царь 15-21, 24, 25, 33, 56-58, 60-63, 65-68, 70, 76, 109, 112, 151, 184, 199, 216, 217, 245, 249, 263, 273-275, 278, 282, 286, 287, 308, 342, 345-347, 359, 360, 369, 397, 404, 407
- Годунов Иван Васильевич, боярин 59
- Годунов Никита Васильевич, окольничий, воевода 74
- Годунов Степан Васильевич, боярин 67, 68, 342

- Годунов Семен Никитич, окольный 67
- Годунов Степан Степанович, окольный 222, 328
- Годунов Федор Борисович (Федор Борисович), царевич, царь 68, 69, 76, 168, 357
- Годуновы, боярский род 51, 68, 69
- Голицын Андрей Васильевич, князь, боярин 81
- Голицын Василий Васильевич, князь, боярин 26, 82, 98, 332
- Головин Василий Петрович, окольный, казначей 72
- Головин Семен Васильевич, окольный 23, 331
- Головины (Третьяковы-Головины, Ховрины), семья 110, 111
- Голохвастов Дмитрий, посланник в Ногайскую Орду 336, 390
- Гонсевский (Кгосевский) Александр-Корвин, польский посол, полковник 73, 77, 83, 87, 90-93, 199, 209, 277, 290, 305, 306, 329, 332, 343
- Горн Эверт, шведский полководец 360, 363
- Горяйнов Богдан, подьячий 137, 138, 141, 146, 147, 191, 355
- Гр... Иван, подьячий 100, 136, 138, 140, 144-146, 349
- Грамотин Иван Тарасьевич (Курбатов Иван), дьяк Посольского приказа 7, 27, 35, 72, 73, 76, 77, 83-107, 111, 117-120, 122-125, 127-129, 131-133, 146, 147, 174, 207, 281, 315, 332, 343, 345-347, 350, 352-354, 356, 386, 396, 397, 400
- Грамотин Тарас-Курбат Григорьевич, дьяк 84
- Григорьев Иосиф (Григорьев Иосиф, Юсуф) И., имперский посланник в Персию 201, 333
- Григорьев Иосиф (см. Григорьевич)
- Григорьев Пятой, дьяк, посланник в Швецию 331
- Григорьев Роман, англичанин 173
- Григорьев Федор, подьячий 132, 138, 146, 347
- Гридич Ян, польский дипломат 98, 197, 201, 211, 332, 339
- Громов Трофим (Ахматов, Ахметев), толмач 150, 154, 175, 179, 380
- Грязев Иван, подьячий, дьяк, гонец в Англию 43, 47, 173, 201, 202, 255, 302, 336, 338, 345
- Грязной Тимофей, гонец в Польшу 27, 332
- Гуден фон дер Вилим, датский гонец 341
- Густав, шведский принц 15, 70, 215, 216, 328, 360
- Густав-Адольф II, король Швеции 301, 359, 369
- Гуськов А.Г., историк 13
- Гюленштерна Аксель, датский посол 62
- Давид Александрович, грузинский царевич 245
- Данилов Михаил, дьяк, посланник в Турцию 211, 333, 336
- Данилов Петр, подьячий, дьяк, посол в Крым 115, 132-136, 138-140, 142-146, 148, 182, 219, 220, 274, 275, 299, 311, 333, 334, 345, 346
- Данилов Степан, подьячий 136, 138, 146, 147, 354
- Девлекозин Девлекей (Резанов Девлей), служилый татарин, станичный голова 184-187, 189, 337, 339, 388, 392
- Девлекозин Исенгелдедей, служилый татарин 184, 185, 188, 387
- Девлетев Амир, переводчик 150-152, 161, 165, 169, 171, 370
- Девлеш, калмыцкий посол 220, 330
- Дедков Иван, подьячий 101, 341
- Делагарди Якоб Понтус (Пунтусов Яков), шведский полководец и дипломат 24, 208, 214, 216, 269, 332, 359, 360, 363, 368, 374
- Делескер Франциск, француз 212
- Демидова Н.Ф., историк 6, 99, 131, 396, 399, 410, 411, 415, 441, 442
- Денис, толмач 150, 154, 175, 382, 383

- Денисьева Домника, монахиня, мать толмача Афанасьева С. 380
- Дербышев Исен-Али, переводчик 184, 391
- Джанжей-хан, персидский посланник 207
- Джанибек-Гирей, крымский хан 47, 48, 250, 255, 256, 274, 372
- Дикс Дюдлей, английский посол 52, 202
- Димашнев (см. Домашнев)
- Димитрий Иванович (см. Лжедмитрий I)
- Дионисий, терновский митрополит 63-65, 67, 328, 356, 380
- Дмитриев Кирилл, подьячий 136-138, 146, 147, 354
- Дмитриев Л.А., историк* 106, 396, 411
- Дмитриев Постник, дьяк, посол в Данию 59, 308
- Долгорукий Федор, князь 111
- Домашнев (Димашнев) Филат, подьячий 135, 136, 138, 140, 141, 146, 147, 349
- Дорн Адам, имперский посол в Персию 201, 333
- Дос-Абыз, бухарский посол 334, 335
- Досаев Василий (Урикей), толмач 150, 155, 156, 179, 384
- Достовалов Ю.Н., историк* 44, 396, 403
- Дорогичев (см. Драгичев И.)
- Драгачевский (см. Драгичев И.)
- Драгичев Алексей, сын Драгичева И. 375
- Драгичев Иванис (Дорогичев, Драгачевский), толмач 150-154, 175, 176, 180, 181, 375
- Драгичев Федор, сын Драгичева И. 375
- Дрожжин Яков, подьячий 135, 136, 138, 140, 146, 147, 349
- Дубровский Богдан, новгородский гонец 28, 333
- Дуров Федор Ратманов, гонец в Польшу 21, 329
- Евсеев (см. Осеев Александр)
- Елагин Петр, толмач 150, 155, 175, 179
- Елассонский Арсений, архиепископ 94, 356, 395, 402, 410, 433, 442
- Елизавета (Елисавет), королева Англии 287
- Елизарьев Тарас, переводчик 150-152, 167, 171, 360
- Елисавет (см. Елизавета)
- Емаев Дмитрий, новокрещен-186, 188, 189, 392
- Ен-Магмет, ногайский посол 80
- Ен-сеит (Ян-сеит), ногайский посол 222, 331-333, 378-379
- Енбулатов (см. Янбулатов Иван)
- Ентюга, посланник из Казыева улуса 33
- Епанчин Василий, толмач 150, 151, 376
- Епанчин Яков, гонец 335
- Епишев Семен, толмач 150, 155, 156
- Еремеев Еремей, толмач и переводчик 150-156, 163-172, 175, 201, 269, 333, 341, 342, 358, 360-363, 367, 384
- Еремеев Петр, толмач и переводчик 150-153, 162, 166, 175, 359
- Есипов Гавриил Матвеевич, толмач 150-156, 175, 177, 179, 180, 339, 376, 391
- Есипов Иван Сергеевич, толмач 150-155, 177, 179, 181, 218, 377
- Есипов Филипп дворянин 221
- Ефимов Ефим, московский немчин 173
- Ефрон, издатель 405, 408
- Жабровский, польский гонец 333
- Жедринский Дмитрий, посланник в Ногайскую Орду 23, 332
- Желковский (см. Жолкевский)
- Желябужский Федор, посланник в Польшу 99, 208, 211, 253, 290, 306, 335, 336, 346
- Жеребцов Семен, дворянин 310
- Жигимонт (см. Сигизмунд III)
- Жиневлев Михаил, подьячий 132, 138, 141, 146, 347
- Жиневлев Тихон, подьячий 132, 138, 146, 347
- Жолкевский Адам, польский посол 92, 332
- Жолкевский (Желковский) Станислав, польский гетман 25, 26, 82, 88, 98, 99, 210, 306, 332, 395, 409, 410
- Забелин И.Е., историк* 396, 411

- Заболоцкий Ольбрехт, польский посланник 210, 328
- Заборовский Семей, подьячий, дьяк, посланник в Империю 128, 132, 138, 146, 197, 200, 204, 259, 262, 273, 302, 333, 334, 347, 364, 381
- Заборовский Яков, переводчик 150-153, 161, 165, 166, 168, 169, 175, 356, 365
- Замочников Бажен, дьяк 111
- Заруцкий Иван Мартынович, донской атаман 26, 53, 54, 81, 113, 221, 235, 244, 247, 251, 252, 257, 275-277, 382
- Засекин-Жировой Александр Федорович, князь, посол в Персию 207, 376
- Засекин Федор, князь 111
- Зборовский Самуил, польский полководец 96
- Звенигородский Василий, князь 217
- Звенигородский Федор, князь, воевода 87
- Звягин Степан, посланник в Крым 23, 220, 331
- Зевакин Е.С., историк* 396, 405
- Зеленой Роман, толмач 150, 156, 175, 179, 375
- Зенбулатов (см. Янбулатов)
- Зенович, польский дипломат 288
- Зиновьев Алексей, нижегородский площадной подьячий 49
- Зиновьев Иван, подьячий Посольского приказа 43, 120, 132-138, 140, 142-145, 190, 344-346
- Зиновьев Иван (2), подьячий 137, 138, 146, 147
- Золотухин Афанасий, толмач 150, 155, 156, 176, 177, 179, 384
- Зубов Матвей, дворянин 221
- Зюзин Алексей Иванович, посол в Англию 201, 258, 273, 302, 333, 336
- Зюзин Осип, посланник в Ногайскую Орду 336, 340, 392
- Зябрев Тит, толмач 150, 156, 175, 179, 386
- Ибрагим-мурза, крымский гонец 101, 122, 123, 279, 341, 342, 380, 385
- Ибрагим-паша-мурза, крымский гонец 220, 274, 335, 381
- Иван IV Васильевич Грозный, царь 112, 198, 252, 287, 320
- Иванов Андрей, подьячий, дьяк, посланник в Грузию и Польшу 16, 18, 64, 65, 70, 74, 76, 109, 114, 118-120, 132, 133, 138, 139, 142, 143, 168, 210, 274, 305, 327, 329, 330, 342-344, 347, 378
- Иванов Андрей (2) (см. Англер А.)
- Иванов Бажен, переводчик Посольского приказа 66, 150, 152, 158, 161, 165, 166, 169, 363
- Иванов Василий (см. Янов Василий)
- Иванов Дмитрий, подьячий 132, 138, 142, 143, 344
- Иванов Дмитрий (2), толмач 150, 151, 377
- Иванов Еремей, голландский купец 35
- Иванов Матвей, сторож 191, 355
- Иванов Никита, подьячий, дьяк 137-139, 141, 146, 147, 354, 355
- Иванов Федор (Болдырь, Болдырев), толмач 150, 155, 175, 177, 179, 181, 218, 338, 382, 383, 386, 392
- Иванов Христофор, толмач 150, 156, 175, 176, 179, 375
- Иванов Юрий, толмач 150, 175, 181, 386
- Ивервинт, датский посланник 205, 240, 279, 291, 303, 334, 335
- Игнатий, патриарх Московский 94
- Игнатьев Ульян, англичанин 36, 173, 182, 358
- Иеремия, митрополит 328, 356
- Иззянал-хан, персидский посланник в Империю 332
- Илдар-мурза, кумыцкий мурза 40
- Илейка (см. Лжепетр)
- Ильин Михаил, подьячий 132, 138, 347
- Иоганн (Яган), датский принц 41, 61, 62, 85, 361
- Иосий, грузинский царь 195
- Ириксон Нильс, датский гонец 59, 360
- Исаков Федор, толмач 150, 155, 175, 384

- Исаковский Лукаш, польский гонец 332
- Исеналеев (Алибеков, Синалеев, Суналеев) Иван (Давыд), новокрещен 184, 185, 188, 339, 391
- Исенов Айгильдей Багилдеев (Багилдеев Айгильдей), служилый татарин, станичный голова 184, 185, 189, 389
- Исенов Ибрагим (Гавриил) Янгильдеев, служилый татарин 184, 186, 389, 392
- Исенов Янгильдей (Зянгильдей), служилый татарин, станичный голова 184, 185, 188, 189, 338, 341, 389, 391, 392
- Исенчурин Богдан Байкешев, служилый татарин, станичный голова 184-186, 189, 342, 389, 390
- Искелев Сунчалей, переводчик 150, 156, 159, 161, 163-165, 373
- Ислам-ага, крымский гонец 337, 382
- Исленьев Василий, подьячий 135, 136, 138, 140, 142, 143, 348
- Исмаил, кумыцкий посол 219
- Исмаил-ага, крымский гонец 274, 279, 336
- Исмаил-мурза, крымский гонец 382
- Итрот Андрей, переводчик 150, 154, 161, 163, 165, 364, 365
- Ишкара, ногайский посол 330
- Ишкилдей, ногайский посланник 339
- Ишкиль Андрей, торговый немчин 173
- Иштерек, князь Ногайской Орды 19, 23, 54, 65, 81, 115, 221, 222, 244, 249, 269, 270, 328, 370, 371, 390
- Казы-Гирей, крымский хан 274
- Кай-салтан, персидский посол 279, 304, 339
- Какаш Стефан, имперский посол в Персию 86
- Каличевский Максимилиан, польский посланник 128, 209, 306, 337
- Калфа, персидский бронник 207
- Каменев Иван, подьячий 137, 138, 146, 147
- Каменев Своитин Дмитриевич (Митрофанович) (Сфотий Константин), переводчик 36, 150-153, 155, 156, 161, 164-166, 168, 170, 356, 357, 386
- Кара-богатырь, ногайский гонец 334
- Карамзин *Н.М.*, историк 4, 396, 399, 407, 409
- Караулов Степан, посланник в Ногайскую Орду и Казыев улус 221, 222, 335, 336, 340
- Кардон, черкесский посол 279, 334, 336
- Карл IX (Карлус), король Швеции 166, 216, 286, 359, 360, 363, 369
- Карл, английский принц 47
- Карл-Филипп, шведский принц 28, 107, 353
- Карлус (см. Карл IX)
- Карпов Богдан, гонец в Швецию 337, 338
- Карпов Степан, подьячий 135, 136, 138, 140, 146, 147, 349
- Карташев Истома, дьяк 108
- Касим-Магмет, персидский гонец 338
- Кафтырев Курдюк, посланник в Швецию 214, 341, 342
- Кашаев Кулуш, служилый татарин 186, 188, 392
- Кашинцев Михаил, толмач 150, 151, 174, 180, 379
- Кашкаров Третьяк (Иван), посланник в Ногайскую Орду 19, 21, 51, 77, 222, 244, 329, 370
- Кашкин Богдан, посланник в Швецию 339
- Косевский (см. Гонсевский)
- Келдерман Андрей, немчин 182
- Келмамет-мурза, ногайский мурза 222
- Келибек, выездный татарин 38
- Келмамет, посланник из Казыева улуса 330
- Келмамет (2), ногайский посланник 333
- Кенбулатов Куденек, кабардинский князь 337
- Кильдяров Иван (Китляров Курманалей), переводчик 150, 155, 161, 165, 167, 168, 370, 373
- Киприан, новгородский архиепископ 335

- Киреевский Григорий, пристав 219
- Киреевский Немир, дворянин в посольстве в Англию 182
- Кисленский Еремей, посланник на Дон 218, 376, 377
- Китляров Курманалей (см. Кильдеяров И.)
- Клаусов Юрий, шведский посол 59
- Климов Василий, гонец 283
- Клинерер, лекарь 357
- Клобуков Григорий Иванович, дьяк 124, 308
- Ключевский В.О., историк* 4, 106, 396, 399, 411
- Князьков С.Е., историк 6, 398, 399
- Кобрин Самуил, шведский ротмистр 217
- Ковадан, калмыцкий посол 340
- Ковернев-Верига Иван, подьячий, дьяк 134
- Коверневы, братья, подьячие 134, 138
- Козловский Семен, князь, посланник в Польшу 211
- Козляков В.Н., историк* 396, 432
- Козыев (см. Козяев Ток)
- Козяев (Козыев) Ток, служилый татарин 186, 393
- Кокорев Борис, воевода 300
- Кольчев Иван Федорович Крюк, дворянин 81
- Комаев Даир (Таир), служилый татарин, станичный голова 184-186, 188, 189, 390
- Комаровский Ян, польский гонец 332
- Комисаренко А.И., историк* 13
- Конде, французский принц 47
- Кондырев Иван Гаврилович, посол в Ногайскую Орду, Голландию и Францию 114, 185, 188, 198, 204, 212, 234, 244, 253, 262, 308, 333, 334, 336, 338, 340, 376, 379, 384, 390, 391
- Констанция Габсбург, польская королева 71
- Коробьин Иван, дворянин 198
- Коробьин Семен, дворянин 336
- Корокольский (Крапольский) Григорий, толмач 80-81, 150-154, 179, 374
- Кортаев Янмет (Елмамет, Джанмет, Замятня), служилый татарин, станичный голова 185, 188, 391
- Корычинский Кшиштоф, польский посол в Испанию 47
- Косолап, атаман разбойников 216
- Костомаров Н.И., историк* 4, 396, 399, 407-409, 415, 433
- Котов Треня, донской атаман 329
- Кохоновский, польский посол в Турции 260
- Кошаков Степан, татарин 37
- Красников Петр, толмач 150, 156, 175, 176, 179, 387
- Краузовский Хриштоф, польский гонец в Персию 207, 329
- Крах Нильс, датский посол 60
- Крейлов Николай, датский гонец 205
- Кропоткин Семен, князь, пристав 85
- Ксантопуло Кирилл, грузинский посол 64, 245, 327
- Ксения Борисовна Годунова, царевна 59, 61, 62
- Кувшинов Евстафий, дьяк 111
- Куденек, кабардинский князь 279
- Кузьмин Дружина, подьячий 132, 134, 138, 139, 144, 145, 344
- Куй-бак (Куйбак), ногайский посол 222, 331, 332, 333
- Кулмагмет, казахский посол 370
- Кулчанов Инка, татарин 37
- Кулчанов Осип, татарин 37
- Куненков Б.А., историк* 7, 107, 108, 111, 114, 116, 396, 400, 411-413
- Куракин Василий Семенович, князь, рында 278
- Куракин Иван Семенович, князь, боярин 86
- Курбатов Иван (см. Грамотин Иван Тарасевич)
- Курман-Ходжа, посланник из Казыева улуса 336
- Кутлукелдей, посланник из Казыева улуса 331
- Кутумов Курманай (Курманалей), переводчик 150, 154, 155, 162, 163, 165, 168, 372
- Кучин Игнатий Андреевич, переводчик 150, 155; 156, 164, 171, 369

- Кучумов Мочак, толмач 150-151, 155, 156, 177, 179, 180, 383, 384
 Кушева Е.Н., историк 4, 396, 399
- Лавич Андрей, посол в Рим 18, 329
 Лаврентьев А.В., историк 398
 Лаишев Елмамет (см. Алышев Иван)
- Лакман Ганс (Матвеев Анца), голштинец 36, 66
 Ларион, подьячий 134, 138, 144-146
 Ларионов Григорий, подьячий, дьяк 137, 139, 141, 144-146, 354
 Ларионов Михаил, дьяк 78-79
 Лачин-бек, персидский посланник 64, 207, 304, 327
 Левашов Федор, дворянин 78
 Левонтьев Федор Исаакиевич, посланник в Персию 338, 372, 379, 380
 Левонтьев Федор, портной 262
 Лежнев Семен, толмач 151, 154-156, 158, 176, 177, 179, 180, 339, 379
 Лещинский Тимофей (Иван), переводчик 150, 154, 155, 161-165, 364, 365
 Лжедмитрий I (Димитрий Иванович, «Расстрига», Отрепьев Григорий), самозванец, царь 9, 11, 17-21, 24, 25, 33, 34, 40, 51, 53, 54, 57, 64, 65, 68-77, 84, 86, 87, 108, 110-112, 133, 151, 194, 203, 206, 207, 209, 210, 215, 216, 243, 244, 250-252, 255, 257, 263, 264, 282-286, 290, 328, 343, 344, 347, 348, 359, 376, 394-396, 398, 399-401, 404, 407
 Лжедмитрий II (Тушинский Вор), самозванец 22-24, 52-54, 80, 81, 87, 88, 90, 110, 111, 113, 121, 134, 251, 347, 374, 395, 400
 Лжедмитрий III, самозванец 53, 54, 395, 400
 Лжепетр (Илейка, Петр царевич), самозванец 251, 252, 254, 257, 286, 344
 Ли Ричард, английский посол 59, 66, 67
 Лимонов Ю.А., историк 57, 60
- Лисейцев Д.В., историк 396, 397, 401
 Лисовский Александр-Иосиф, польский полководец 81, 88
 Лихачев Д.С., историк 7, 397, 400, 426
 Лихачев Н.П., историк 108
 Лихачев Федор Федорович, дьяк 353
 Логау Генрих, имперский посол 76, 238, 328
 Логунов Софон, толмач 151, 155, 156, 176, 180, 384
 Лодвик (см. Людовик XIII)
 Лодыгин Дмитрий, посланник в вольные города 173, 203, 340, 342
 Лодыженский Амвросий, гонец в Польшу, посол в Крым 22, 115, 185, 189, 219, 220, 245, 254, 258, 274, 299, 311, 333, 334, 339, 372, 373, 385, 386, 389, 390, 392, 393
 Ломоносов М.В., ученый 396
 Лошаков Петр, дьяк 108-110
 Лошаков Третьяк, дворянин 108, 111
 Луговской Томило Иудич, думной дьяк 78, 82, 98, 102
 Лукин Яков, подьячий 136, 138, 144-146, 350, 351, 371
 Лукичев М.П., историк 13
 Луцкий Тимофей, переводчик 150, 154, 155, 161-165, 167, 365
 Львов Григорий Васильевич, подьячий, дьяк 136-140, 144-148, 317, 352, 353
 Людовик XIII (Лодвик), король Франции 47, 198, 212, 308, 358
 Ляпунов Прокопий Петрович, думной дворянин, лидер I Ополчения 92, 378
- Мабкаев (см. Бавкеев Тулубай)
 Магмет-ага, крымский посол 279, 338
 Магмет-Челибей, крымский посол 334
 Майтыков (Монтыков) Иван, новокрещен 186, 188, 392
 Максимилиан Габсбург, эрцгерцог 58-59, 63, 67
 Малето Е.И., историк 13
 Малиновский А.Ф., историк 104, 397, 411

- Мамделей (см. Мамделей)
 Мамаев Були-мурза, ногайский посланник 333
 Мамделей (Мамделей), кумыцкий посол 40, 389
 Мансуров Петр, посланник в Турцию 41, 259, 260, 336, 342, 386
 Мануйлов Мануил, переводчик 150, 154, 155, 165, 169, 170, 365
 Маржерет (Мержер) Жак, французский наемник 8, 60, 71, 202, 395, 400, 405, 407
 Марсов Еремей, немчин 182
 Мартемьянов Герасим, дьяк 91
 Мартемьянов Семен, подьячий 132, 134, 138, 144, 145, 348
 Мартенсон Ансель, шведский посланник 279
 Мартенсон Монс (Мартынов Монс), шведский дипломат 82, 332
 Мартынов Монс (см. Мартенсон Монс)
 Мартынов М., датчанин 279, 298
 Марфа, царица-инокиня, мать Михаила Федоровича 100
 Масса Исаак, голландский купец и дипломат 8, 45, 68, 70, 74, 102, 105, 115, 117, 169, 203, 247, 279, 280, 335, 336, 338, 339, 343, 344, 359, 365, 395, 400, 407, 437, 438, 443
 Масса Леонтий (Ламберт), голландский гонец 337
 Матвеев Анца (см. Лакман Ганс)
 Матвей (Матьяш) Габсбург, император Священной Римской империи 47, 57, 121, 198, 204, 361
 Маткин Богдан, толмач 151, 154, 175, 177, 382
 Матчин Семен, подьячий, посланник в Польшу 335, 336
 Матьяш (см. Матвей Габсбург)
 Матюшкин Максим Григорьевич, подьячий, дьяк 40, 120, 123, 136-140, 142, 143, 191, 349, 350, 353
 Медичи Мария, французская королева-мать 47
Медушевский А.Н., историк 13
 Мезецкий Даниил Иванович, князь, окольный, боярин 82, 96, 195, 212, 213, 216, 309, 332, 336, 338, 339, 346, 364
 Мелдеш, крымский гонец 336
 Мелентьев-Курлаков Афанасий, посланник в Крым 19, 21, 25, 219, 283, 328-330
 Мело де Николай, испанский миссионер 357
 Мельников Алексей, толмач 151, 174, 180, 379
 Мержер (см. Маржерет)
 Мерл Балсар (Балтазар), имперский гонец 65, 76, 169, 240, 328, 358
 Меррик Джон (Ульянов Иван), английский дипломат и купец 46, 98, 103, 115, 119, 160, 165, 166, 173, 196, 201, 202, 215, 234, 240, 269, 275, 279, 291, 293-295, 302, 310, 311, 335, 337, 339, 345, 360, 362, 366, 411
 Меси-бек (см. Мехди-Кули-бек)
 Мехди-Кули-бек (Меси-бек), персидский посланник в Империю 207, 328, 329
 Мещерский Федор Федорович, князь, рында 278
 Микифоров (см. Никифоров Степан)
 Николаев Болгвин, сын аптекаря 173
 Николаев Дмитрий, переводчик 150, 154, 161, 164, 166, 168, 363
 Николаев (Николаев) Захарий, переводчик Аптекарского приказа 173, 194
 Микулин Григорий, посол в Англию 345
 Микулин Петр, дьяк 42
 Милославская Мария Ильинична, царица, жена царя Алексея Михайловича 104
 Милославские, боярский род 104
 Милославский Илья Данилович, боярин 104
 Миляев Михаил, новокрещен, станичный голова 183, 185, 186, 188, 189, 391
 Минин Кузьма Захарович Сухо-рук, руководитель II Ополчения 114, 121, 396, 398, 411
 Мип Ганс Флорис (см. Арпов Ганс)
 Мир-Азиз, персидский купец 207
 Михаил Федорович Романов, царь 26-31, 33, 59, 78, 99-103, 107, 110, 115, 119, 121, 122,

- 128, 131, 133-136, 140, 142, 145, 147, 148, 153, 157, 159, 160, 168, 174, 177, 182, 184, 185, 198, 213, 220-222, 226, 231, 235, 237, 243, 249, 251, 252, 260, 264, 273, 274, 279, 284, 287, 289, 292, 300, 301, 304, 313, 316-319, 325, 344-348, 359, 360, 362, 370, 376, 377, 388, 389, 391, 395, 416, 423
- Михайлов Василий, дьяк 212
- Михайлов Григорий, подьячий 136, 138, 146, 147, 354
- Михайлов Федор, дьяк 311
- Мнишек Марина, жена Лжедмитрия I, царица 26, 53, 70, 71, 73, 87, 210, 251, 252, 257, 275, 277, 306, 395, 396, 400, 401, 404, 405, 407, 408, 432, 442
- Мнишек Юрий, воевода сандомирский 72, 86, 87, 210, 306, 328
- Мнишеки, польские магнаты 19, 72, 74, 306
- Мозолевский Федор, переводчик 150, 154-156, 163-165, 365
- Молвянинов Богдан, посланник в Ногайскую Орду 370
- Молвянинов Семен, посланник на Дон 329
- Молонаев (см. Монаев Суналей)
- Молоцкий Андрей, польский посол 96
- Молчанов Михаил, воевода 311
- Монаев Суналей (Томонаев, Мононаев, Молонаев), переводчик 150, 153-156, 164, 165, 168, 370
- Мононаев (см. Монаев Суналей)
- Монтяков (см. Майтяков Иван)
- Мориц (Маврициус) Оранский, голландский штатгальтер 204
- Морозова Л.Е., историк* 13
- Мосальский Андрей, князь, гонец в Польшу 27, 332
- Мосальский Василий, князь, гонец в Польшу 27, 73, 89, 90, 332
- Мошинский Николай, польский посланник 332
- Мстиславец Богдан, запорожский атаман 210, 330
- Мстиславский Федор Иванович, боярин 67, 82, 91
- Муравьев А.В., историк* 396
- Муравьев Матвей, новгородский дворянин 50
- Муралд Гектор (Дитор), имперский гонец 200, 330
- Муратов Петр, толмач 151, 174, 179-181, 376
- Муриши-Кули-бек, персидский посол в Империю 201, 333
- Мустафа-ага (см. Мустафа-паша)
- Мустафа-мурза, крымский посол 122, 219, 333, 334, 341
- Мустафа-паша (Мустафа-ага), турецкий визирь 260
- Мюгиб-бек, персидский посол 52, 331
- Мясной Лукьян Григорьевич, посланник в Империю 173, 200, 338, 339, 385
- Мясоедов Федор Семенович (Семенов Федор), толмач 151, 155, 156, 176, 177, 179, 182, 377, 379, 385, 386
- Нагаев Алексей, толмач 151-154, 177, 179-181, 334, 336, 378
- Нагаев Айгильдей Бинюков (Бинюков Айгильдей), служилый татарин, станичный голова 184-186, 341, 385, 389, 392
- Нагаев Бинюк, служилый татарин 184-186, 188, 189, 387, 389
- Нагаев Леонтий Айгильдеев, служилый татарин 392
- Нагаев Миллота, переводчик 150, 154, 155, 162, 165, 167-169, 182, 370, 373
- Нагой А., боярин 111
- Нармацкий Афанасий, посланник в Ногайскую Орду 221
- Нашокин Григорий, посол в Турцию 342
- Нашокин Иван, посол в Грузию 245
- Неверов Михаил, подьячий, дьяк, посол в Голландию и Францию 114, 137-139, 144, 145, 204, 212, 308, 336, 338, 355, 356
- Нейман Берт, шведский гонец 79, 215, 216, 309, 330
- Немен фон Тимофей (Фаномин), переводчик 101, 127, 150, 154-156, 164, 165, 168, 169, 171, 173, 362, 364
- Немоевский Станислав, польский мемуарист 81, 395, 408

- Непоставов Иван, подьячий 137, 138, 146, 147
- Нестеров Богдан, подьячий, посланник в Крым 337, 373
- Нечаев Артемий, гонец в Польшу 208, 209, 306, 336
- Нечаев Григорий, посланник в вольные города 203
- Никитин Алексей, подьячий 135-138, 146-148, 352, 354
- Никитин Сергей, татарин 166
- Никитин Степан, дьяк 212
- Никитин Третьяк Васильевич, подьячий, дьяк 136-140, 144, 145, 351
- Никитин-Шишка Филипп, подьячий 137, 138, 146, 147, 355
- Никифоров Наум, подьячий 135, 136, 138, 140, 348, 349
- Никифоров (Микифоров) Степан, толмач 151, 154, 155, 175, 179, 180, 283, 379
- Никифорович, приближенный Лжедмитрия II 113
- Николаев Захарий (см. Миколаев Захарий)
- Новокшенов Николай, дьяк 91, 119
- Новосельский А.А., историк 4, 7, 261, 397, 399, 400, 426*
- Новосельцев А.П., историк 4, 397, 399*
- Новохатко О.В., историк 13*
- Нурмагмет, ногайский посол 82, 222, 331
- Облешев Исеналей (Сеналий, Сюналей), служилый татарин 186, 189, 392
- Овдокимов Петр, дьяк, посланник в Крым 219, 273, 274, 299, 300, 311, 334, 336
- Оверкиев Дмитрий, дворянин 381
- Овсяный Семен, литвин 210
- Огарев Постник, гонец в Польшу 17, 210, 328, 344
- Огарков Афанасий, подьячий 134, 138
- Огарков Михаил Федорович, дьяк, посланник в Крым 134, 342-343
- Огарков Софон, толмач 151-155, 373, 386
- Одадуров Иванис Григорьевич, дворянин, пристав 211, 334, 370, 379
- Одинец Петр, запорожский посол 342
- Одоевская, княгиня, жена И.Н. Одоевского 269
- Одоевский Иван Никитич, князь, воевода 269, 373, 380
- Озаров (см. Адаров Семен)
- Оладьин Денис, гонец в Польшу 28, 89, 96, 99, 210, 254-256, 262, 306, 307, 333, 371
- Оладьин Федор, пристав 219
- Олесницкий Николай, польский посол 73, 80, 87, 199, 209, 210, 277, 305, 306, 329, 331, 343
- Олсон Карл, шведский дипломат 374
- Оникеев (см. Аникеев Влас)
- Онутаи, калмыцкий посол 279
- Опухтин Иван, посланник на Дон 268, 333
- Осеев (Евсеев) Александр, переводчик 150, 154, 161, 164, 169, 171, 172, 366
- Острожский Василий Константинович, польский магнат 21, 327, 329
- Отрепьев Григорий (см. Лжедмитрий I)
- Отрепьев Смирной, посланник в Польшу и Швецию 17, 23, 210, 225, 327, 331
- Очаков Степан, новокрещен 186, 391
- Павел V, римский папа 207
- Павел-Симон, кармелит, папский посланник в Персию 329
- Павлов А.П., историк 84, 112, 397, 405-409, 412*
- Павлов Елисей, переводчик 150, 152, 154-156, 161, 165, 166, 168, 169, 171, 172, 204, 361-363, 367, 384
- Павлов Лукаш (см. Паули Лука)
- Павлов Мартын, шведский гонец 216, 328
- Палицын Авраамий, келарь Троице-Сергиева монастыря 8, 395, 400, 409
- Палицын Иван, дьяк 347
- Палицын Петр, подьячий, дьяк 40, 76, 132, 133, 138, 139, 141-143, 347, 348
- Палицыны, дворянская семья 79, 347
- Пальчиков Афанасий, гонец в Польшу 17, 327

- Панкратий (см. Баграт)
- Панов Моисей, посланник в Ногайскую Орду 221, 222, 282, 340
- Паули Лука (Павлов Лукаш), имперский гонец 240, 328
- Перетчик Иван, толмач 151, 154, 175, 180, 382
- Перфирьев Богдан, золотописец 190
- Перфирьев Василий, золотописец 190
- Петр царевич (см. Лжепетр)
- Петрей Петр, шведский дипломат 8, 63, 73, 169, 170, 330, 331, 395, 400, 405-407, 416,
- Петров Андрей, переводчик 150, 154-156, 164, 165, 168, 171, 172, 351, 362, 366, 367
- Писарев Богдан, дворянин 201
- Писемский Гавриил, дворянин 214, 283
- Платонов С.Ф., историк* 4, 99, 105, 125, 397, 399, 404, 406, 409-412, 414, 437
- Плещеев Д.К., дворянин 78
- Плещеев Ф., дворянин 111
- Погожего Дмитрий, дворянин 222, 334
- Погожего Исаак, рында 278
- Подольский Антон, подьячий Посольского приказа 43, 136, 138, 141, 144-146, 350
- Пожарский Дмитрий Михайлович, князь, боярин, воевода, руководитель II Ополчения 114, 121, 173, 235, 361, 396, 398, 411
- Поздеев Марк, подьячий, дьяк 118-120, 132, 138, 139, 146, 198, 202, 291-295, 301, 302, 339, 341, 346, 347
- Пономарев Гавриил, толмач 151, 159, 174, 379
- Пономарев Иван Старой, толмач 151, 152, 159, 180-181, 379
- Попов А.Н., историк* 395, 404
- Поршнев Б.Ф., историк* 397, 410, 431
- Постников Федор, подьячий, посланник в Империю 338, 339
- Пошлих Клаус, датский посол 60
- Протасьев Даниил, дворянин 271
- Протасьев Соловой, посол в Турцию, пристав 211, 283, 294, 333, 336
- Пунтусов Яков (см. Делгарди)
- Пургасов (Пургусов) Воин, гонец в Крым 23, 219, 220, 244, 311, 331, 333, 387-389
- Пургусов Воин (см. Пургасов Воин)
- Пуцилло М.П., историк* 7, 94, 397, 400, 409-411
- Пушкин Астафий (Остафий), дворянин 217, 308
- Пушкин И.Ф., дворянин 78
- Пушкин Михаил Астафьевич, дворянин 78
- Рагозин Семен, посланник в Ногайскую Орду 122, 221, 222, 258, 282, 340, 393
- Радзивиллы, польские магнаты 11, 394, 402, 408
- Радинский, польский посол 278
- Радцов Дмитрий, подьячий, дьяк, посланник в Крым 219, 220, 311
- Размыслов Андрей (см. Ратмысл Генрих)
- Раков Андрей, толмач 151, 156, 174, 175, 179, 357, 377, 379, 385, 386
- Рамазан-Мустафа, крымский гонец 340
- Рангони Александр, папский посол 18, 329
- Расстрига (см. Лжедмитрий I)
- Ратмысл Генрих (Размыслов Андрей), шведский гонец 216, 328
- Редриков Юрий, пристав 219
- Резанов (Рязанов) Девлет-Хозя, служилый татарин 184, 388
- Резанов Девлей (см. Девлекозин Девлекей Резанов)
- Резеп-мурза, крымский гонец 279, 341, 342
- Реткин Семен, посланник в Швецию 341, 342
- Реткин Федор Гаврилович, подьячий 137, 138, 140, 144-148, 351, 352
- Рехтер (см. Рехтерев Иван)
- Рехтерев (Рехтер) Иван, толмач 151, 155, 156, 176, 179, 374, 375
- Речатов (см. Черетаев Куремша)
- Ржевский Иван, посол в Данию 59, 268

- Рогожин *Н.М.*, историк 6, 7, 12, 13, 44, 207, 261, 291, 397, 399, 400, 403, 418, 419, 423, 426
- Родван, польский ротмистр 211
- Родин Роман, толмач 151, 156, 175, 386
- Родионов Юрий, англичанин, переводчик 173, 198
- Роман, участник имперского посольства в Персию 86, 329
- Роман, доктор 357
- Романовы, боярский и царский род 67, 99, 397, 406, 410
- Романчуков Савва, подьячий Посольского приказа, дьяк 27, 42, 43, 101, 102, 114, 116-125, 128, 129, 132-134, 138, 139, 142-145, 147, 174, 191, 258, 280, 281, 284, 315, 350
- Романчуков Юрий Саввич, стряпчий 125
- Ромодановский Григорий Петрович, окольный 217, 219, 299, 300, 334, 380
- Ромодановский Иван Петрович, посол в Персию 19, 21, 24 25, 51, 80, 86, 206, 254, 285, 286, 329
- Ростовские, князья 79
- Ростопчин Иван Минич, пристав 274
- Рубцов А., дьяк 87
- Рубцов Александр Данилович, шведский посол 105, 106
- Рудольф II Габсбург, император Священной Римской империи 22, 47, 57, 58, 63, 67, 114, 121, 245, 361, 398
- Рындин, дворянин 113
- Рюриковичи, российская княжеская и царская династия 107, 264
- Рябошапка Ю.Б.*, историк 397, 401
- Рязанов Д. (см. Резанов Девлет-Хозя)
- Рязанцев Юрий, подьячий 135-138, 140, 144, 146-148, 352, 354
- Рясницын Федор, польский гонец 335
- Сабанин Багилдей, служилый татарин 185-188, 220, 387
- Сабрузин (Сарбогозин) Байгозя (Байгилдей, Аббагазы), переводчик 150, 154, 158, 161, 165, 372
- Савва, грузинский посланник 327
- Савва В.И.*, историк 5, 342, 396, 399, 442
- Сагайдачный Петр Коношевич, запорожский гетман 390
- Садовский Василий, переводчик 150, 154, 161, 165, 365
- Салтыков Борис Михайлович, боярин 100
- Салтыков Иван Иванович, стольник, 100, 292
- Салтыков Иван Михайлович, воевода 107, 113, 216
- Салтыков Иван Никитич, воевода 19, 77, 332
- Салтыков-Морозов Михаил Глебович, боярин, дипломат 27, 59-61, 75, 88-93, 95, 100, 332
- Салтыков Михаил Михайлович, окольный 100
- Самсонов Михаил, подьячий 137, 138, 146, 147, 355
- Самсонов Семен, дьяк, посланник в Турцию 259, 260, 336, 342
- Санюков Григорий, толмач 151, 154-156, 179-181, 382
- Сапега Лев, литовский канцлер 59, 68-70, 89, 90, 98, 105, 106, 278
- Сапега Ян-Петр, польский полководец 88, 92, 111
- Сарбогозин (см. Сабрузин)
- Сарый, ногайский посол 388
- Сарык-ага, ногайский мурза 378
- Свифт Ричард, английский гонец 167, 170, 337-339, 358, 365, 383
- Северов Олферий, переводчик 150-152, 166, 171, 360
- Сеит-Азим, персидский посол 52
- Сеит-Казый, крымский гонец 220, 330, 331
- Сеит-Улан, крымский гонец 342, 388
- Селунский Григорий Иванович, толмач 155, 159, 368, 384
- Селунский Иван Дмитриевич, переводчик 150, 154, 156, 159, 164-166, 172, 368, 384
- Семенов Андрей, подьячий 136-138, 146-148, 352
- Семенов Даниил, новокрещен 186, 188, 189, 392

- Семенов Добрыня Филипп Никитич, дьяк 280
- Семенов Федор (см. Мясоедов Федор Семенович)
- Семпал Томас, английский гонец 202, 340, 341
- Сенгел (см. Генкель)
- Сеферь, крымский посланник 330, 331
- Сигизмунд III Ваза (Жигимонт), король Польши 15, 18, 22, 26-28, 48, 53, 54, 58, 64, 67, 68, 70, 71, 73-75, 82, 83, 88-90, 92, 94-96, 98, 100, 106, 111, 113, 114, 119, 208, 252, 257, 263, 264, 270, 332, 348, 398, 399, 407
- Синалеев (см. Исеналеев Иван)
- Сицкий А., князь 111
- Скопин-Шуйский Михаил Васильевич, князь, боярин, воевода 23, 121, 126, 171, 208, 331, 360, 363
- Скрынников Р.Г., историк 4, 398, 399, 401, 404, 405, 432
- Слоньский Станислав, секретарь Лжедмитрия I, гонец в Польшу 18, 329
- Смирнов Н.А., историк 4, 261, 398, 399, 426
- Смит Томас (Фомин Томас), английский посол 18, 65, 67, 68, 76, 275, 278, 328, 366, 401, 407
- Смит Юрий, ливонец 357
- Соколинский-Друцкий Ян, князь, польский посланник 65, 80, 198, 210, 306, 330, 344
- Соловецкий Степан, дьяк 111
- Соловьев С.М., историк 4, 69, 91, 398, 399, 402, 405, 407, 409
- Сомерсет, английский граф 47
- Софонов Игнатий, дьяк 217
- Софроний, греческий старец 332
- Софронов Айдар, толмач 151, 154, 175, 177, 179, 180, 380
- Спешнев Исаак, пристав, посланник в Крым 188, 263, 294, 300, 301, 336, 372, 373, 381, 389, 392
- Спридионов Никифор, подьячий Посольского приказа 90, 132, 134, 138, 139, 142, 348
- Станиславский А.Л., историк 398
- Стейнбок Густав, шведский посол 101, 215, 279, 280, 340
- Степанов Вельямин, переводчик 150-152, 161-163, 169, 369, 370
- Степанов Федор, посланник в Польшу 340
- Степановский, польский посол 208
- Стокосимов (см. Устокасимов Резеп)
- Стрешнев Иван, дьяк 108
- Струский Михаил, запорожский посол 342
- Струсь Николай, польский полковник 167, 208
- Судок Иван, пристав 85
- Сукин Василий Борисович, думной дворянин 81
- Сулейман, грузинский посол 245
- Сулемша-мурза, крымский посол 103
- Сумороков Богдан, стремянной конюх 292
- Сумороков Яким (Евдоким), толмач 151, 154, 155, 175, 176, 179, 180, 274, 381
- Сунбулов Г., дворянин 111
- Сунчалей (см. Янглычев Сунчалей)
- Сур Иван Никитин, толмач 151, 154, 155, 179, 181, 380, 381, 386
- Сутупов Богдан Иванович, печатник, думной дьяк 65, 73
- Сухотин Л.М., историк 395, 416, 433, 439, 445, 448, 451
- Сфотий Константин (см. Камнев С.Д.)
- Сыгин Иван, пристав 275
- Тайшай, черкесский посол 218, 334, 336
- Тарыбердей, толмач 151, 174, 179, 378
- Татищев Михаил Игнатьевич, ясельничий, посланник в Грузию 16, 18, 64, 114, 124, 327, 329, 363, 378
- Татц Фредерик, шведский гонец 329
- Тевкель, казахский хан 370
- Текбулатов (см. Янбулатов)
- Тектандер Георг, имперский посол в Персию 328
- Телепнев Василий Григорьевич, судья Посольского приказа 39, 74-83, 87, 90, 109, 119, 120, 124-129, 133, 134, 138, 139, 141-143, 146, 148, 178,

- 278, 315, 317, 343, 345, 357, 378, 397
- Телепнев Даниил Васильевич, стряпчий 125
- Телепнев Ефим Григорьевич, дьяк 78, 83
- Телепнев Никита Васильевич, дворянин 125
- Телепнев Степан, родоначальник семьи Телепневых 78
- Телепнев Степан Васильевич, стольник 78, 125
- Телепнев Юрий Васильевич, дворянин 125
- Телепневы, семья 78
- Телепневы-Оболенские, княжеский род 78
- Телятевский Андрей Андреевич князь, боярин 69
- Тенешев Айдиkey (Айдиkey), толмач-150, 175, 179, 379
- Тениkey-мурза, ногайский мурза 222
- Теодор Даниил (см. Юрт Даниил)
- Терегулов Теребердей, служилый татарин 184, 185, 390
- Терещенко А., историк* 398, 406
- Тиль Тимофей, торговый немчин 173
- Тимофеев Богдан, посланник в Персию 338
- Тимофеев Иван, дьяк 8, 69, 395, 400
- Тимофей, константинопольский патриарх 261
- Тинмаметевы, ногайские мурзы 282
- Тинман, служилый немчин 367
- Титов А.А., историк* 395, 408
- Тиханов Михаил, посол в Персию 200, 206, 234, 258, 262, 333, 336, 377, 379, 383
- Тихомиров М.Н., историк* 6, 398, 399
- Толмачев Михаил, толмач 151, 175, 179, 386
- Толочанов Михаил, гонец в Польшу 18, 86, 329
- Толстой Василий, посланник на Дон 19-20, 329
- Томас (см. Андреев Томас)
- Томасов Павел, толмач и переводчик 150-155, 165, 166, 168, 180, 360, 362
- Томилов Михаил, польский гонец 211
- Томогас-бек, персидский посол в Польшу 52, 81, 331, 332
- Томонаев Бурнаш, толмач 151-155, 170, 175, 179-181, 376
- Томонаев Суналей (см. Монаев Суналей)
- Томулдук, кумыцкий посол 334, 336, 372
- Третьяков Алексей Фомич, дворянин 110, 112
- Третьяков Борис Семенович, дворянин 110
- Третьяков Василий Алексеевич, дворянин 112
- Третьяков Иван Иванович, дворянин 110
- Третьяков Иван Петрович, сын Петра Алексеевича Третьякова 118
- Третьяков Петр Алексеевич, судья Посольского приказа 7, 27, 35, 36, 39, 42, 43, 45, 78-80, 101, 104, 107-122, 124-129, 131, 133, 134, 136-139, 141-143, 146, 148, 174, 191, 220, 245, 262, 263, 272, 277, 281, 284, 293, 312, 315, 317, 345, 361, 396, 400
- Третьяков Семен Фомич, дворянин 110
- Третьяков Фома, дворянин 110
- Третьяков Юрий Петрович, сын Петра Алексеевича Третьякова 118
- Третьякова Варвара, жена Петра Алексеевича Третьякова 118
- Третьяковы-Головины (см. Головины)
- Трубецкой Дмитрий Тимофеевич, князь, боярин 113, 171, 216, 235, 357, 362, 363, 380
- Трубецкой Юрий Никитич, посол в Польшу 27, 92, 93, 95, 96, 332
- Труфанов Тит толмач 151, 175, 182, 371, 387
- Туренин Иван Самсонович, князь 215, 217, 308
- Туренин Михаил Самсонович, князь 111
- Тушинский Вор (см. Лжедмитрий II)
- Тырин Федор, толмач 151, 154, 156, 382
- Тыринов Василий, толмач 151, 154, 175, 382

- Тырков Никита, выходец из шведского плена 312
- Тютчев Никита Васильевич, толмач 82, 151, 152, 176, 178-181, 375, 376, 378, 379
- Тюхин Михаил, посланник в Персию 340
- Ужбасы-Санбек, персидский посланник 207
- Ульянов Иван (см. Меррик Дж.)
Ульяновский В.И., историк 4, 359, 396, 398, 399, 401, 404, 432, 443
- Унковский Яков, пристав 300
- Ураз-Магмет, касимовский царь 70, 328, 370
- Урусовы, князья, выходцы из Ногайской Орды 38
- Уссейн, крымский гонец 336
- Устокасимов Кучук, переводчик 159, 372
- Устокасимов Резеп (Стокосимов), переводчик 150, 155, 159, 161, 372, 373
- Утеш, ногайский посол 330
- Ушаков Иван, толмач 151, 156, 175, 387
- Ушаков Степан Михайлович, гонец в Крым, посланник в Империю 22, 45, 128, 167, 188, 197, 200, 203-204, 234, 244, 248, 259, 262, 271, 273, 302, 330, 333, 334, 364, 370, 375, 378, 381, 387
- Фанбредерод Николай, голландский гонец 337
- Фандерхейн Григорий, голландский гонец 279, 337
- Фаномин (см. Немен фон Тимофей)
- Фатьянов Иван, выходец из Грузии 36, 357
- Федор Борисович (см. Годунов Федор Борисович)
- Федор Иванович, царь 15, 57, 70, 184, 249, 252, 264, 270, 287
- Федоров-Каша Иван, подьячий 132-136, 138, 140, 144-146, 148, 346
- Федоров Казарин, подьячий 178
- Федоров Нечай, подьячий, дьяк 132, 142, 348
- Федоров Никон, подьячий 137
- Федоров Третьяк Семенов, дьяк 108
- Феодосий, архиепископ 327
- Феофан, иерусалимский патриарх 31, 205, 260, 341
- Филарет Никитич Романов, митрополит, патриарх 26, 27, 98-100, 102, 103, 106, 208, 310, 332, 385
- Филатьев Иван, гонец 216
- Финш Томас, английский посланник 202, 341
- Флетчер Джильс, английский дипломат и писатель 118
- Флоря Б.Н., историк* 4, 58, 398, 399, 401, 405, 406, 411, 432, 443
- Фокин Мина, подьячий 137
- Фомин Иван (Элмис Джон), переводчик Посольского приказа, гонец в Империю 46, 51, 57, 150-153, 155, 156, 160-170, 173, 198, 204, 212, 258, 284, 333, 334, 339, 357, 358, 361
- Фомин Иван (2), сын переводчица И. Фомина 160, 358
- Фомин Томас (см. Смит Томас)
- Фомина Мария, жена переводчица И. Фомина 160, 358
- Форстен Г.В., историк* 4, 398, 399, 405
- Франдискус Николай, француз 212
- Харитон, грузинский посланник 279, 341
- Хворостинин Иван Андреевич, князь, воевода 267
- Хворостинин Иван Дмитриевич, князь, окольничий, воевода 68
- Хворостинин Юрий Дмитриевич, князь, рында 278
- Хедир-Улан, крымский гонец 79, 220, 330, 331
- Хенкильс (см. Генкель Яков)
- Хилков Борис, князь, воевода 221, 244
- Хирин А., гонец 216
- Хлопов Т.А., дворянин 395, 412
- Ховрины (см. Головины)
- Ходжи-Муртоза, персидский купец и дипломат 116, 334-336
- Ходжи-Юсуф, хивинский посол 338
- Ходкевич (Хоткеев) Ян-Карл, польский гетман 27, 92, 94-97, 357

- Хомутов Игнатий, гонец в Польшу 27, 332
 Хоткеев (см. Ходкевич Ян-Карл)
 Хохлов Андрей, посланник в Ногайскую Орду 336, 340, 392
 Хохлов Иван, посланник в Персию 382
 Хрипов И., подьячий 137
 Христиан IV, король Дании 62, 109, 296
 Хриштоф, шведский гонец 337
 Хрушов Александр, гонец в Крым 219, 327, 387
 Хрушов Петр, посланник на Дон 51, 328
 Хрушов Степан, посланник в Крым 51, 275, 285, 340, 370, 382, 389, 390
 Чаплин Несмеян, посланник на Дон 218, 339
 Чаплыгин Петр, толмач 151, 156, 175, 176, 179, 387
 Челюстин Федор, посланник в Крым 182, 274, 275, 277, 337, 370, 389, 391, 392
 Черетаев (Речатов) Куремша, служилый татарин 186, 337, 392
 Черкасский Иван Борисович, князь, боярин 117, 198, 211
 Черментьев Василий, переводчик 150, 154, 161, 165, 370
 Чичерин Иван Иванович, дьяк, посланник в Персию 90, 340
 Чубаров Петр, гонец в Польшу 18, 285, 329
 Шав Яков, шотландский наемник 121
 Шалевский, польский гонец 333
 Шан-Гирей, крымский царевич 47, 48, 117, 255, 256
 Шапилов Алексей Захарьевич, дьяк 236
Шаскольский И.П., историк 4, 398, 399, 401, 433
 Шатерников Терех, толмач 151, 154, 380
 Шахматов Григорий, гонец в Персию 335, 338
 Шахов Алексей, подьячий 136-138, 140, 142, 143, 350
 Шаховской Григорий, князь 113
Шватченко О.А., историк 104, 398, 411
 Шебан-ага, крымский посол 117, 279, 281, 340
 Шеншин Артемий, посланник в Крым 23, 220, 331
 Шереметев Петр Никитич, окольничий 68, 69, 87, 88, 217, 308, 328
 Шереметев Федор Иванович, боярин 19, 77, 82, 270, 307, 371
 Шеханук-мурза, кабардинский князь 337
 Шиле М., имперский гонец 342
 Шипов Ждан, дьяк 345
 Ширков Константин, гонец Лжедмитрия I в Крым 329
Шмидт С.О., историк 6, 398, 399
 Шугур, бухарский посол 335
 Шуйские, боярский род 107, 112, 347
 Шуйский Василий Иванович (Василий IV Иванович) 11, 21-25, 27, 33, 51, 54, 66, 69, 74, 75, 77, 79-83, 87-89, 108-113, 115, 120, 121, 126, 133, 134, 139, 145, 152, 157, 160, 174, 198, 206, 220, 221, 243, 244, 250-252, 254, 255, 257, 263, 264, 277, 284, 286, 287, 290, 305, 306, 309, 325, 343, 344, 346-348, 357, 359, 360, 363, 367, 371, 374, 390, 394, 400
 Шуйский Дмитрий Иванович, боярин 67, 81, 208, 269
 Щелкалов Василий Яковлевич, судья Посольского приказа 57, 59, 65, 84, 119, 131, 132, 343, 346, 347
 Щелкаловы, дьяки 6
 Эвертсон Ганс, шведский гонец 341
 Эдем, бухарский посол 279
 Элмис Джон (см. Фомин Иван)
 Эминшерть (Эмир-шит), крымский посол 117, 122, 340
 Эмир-шит (см. Эминшерть)
Эскин Ю.М., историк 398
 Эш-Алей, посланник из Казыева улуса 334, 335
Юзефович Л.А., историк 7, 398, 399
 Юрий Александрович, грузинский царевич 245

Юрий Симеонович, картлинский царь 168, 357, 378
Юрт (Теодор) Даниил, шведский голец 215, 330
Юрьев Габриэль (Гавриил), доктор 357, 358
Юрьев Елисей, торговый немчин 173
Юрьев Михаил, переводчик 150, 152, 161, 169, 363
Юрьев Собина, подьячий 132, 134, 138, 139, 144, 145, 344
Юсуф (см. Григорович Иосиф)
Юшков Михаил Константинович, дворянин 113

Яган (см. Иоганн)
Язвцов Иван, дворянин 220
Языков Захарий, подьячий 132-134, 138, 139, 144, 145, 219, 330, 344
Яков I (Якуб), король Англии 47, 48, 121, 287, 293
Яковлев Вульф (Олоф, Ульф) (Виберх Олферий), переводчик 150, 154-156, 158, 162-165, 167, 172, 268, 367, 368
Якуб (см. Яков I)
Якубов К., историк 395, 410
Якушевская Акулина, жена Якушевского Ю. 363
Якушевский Юрий, переводчик 150, 153, 154, 161, 165, 171, 363
Ян-Араслан-мурза, ногайский мурза 244
Ян-Ахмет Челибей, крымский голец 18, 65, 328, 329

Ян-сеит (см. Ен-сеит)
Янбулатов (Енбулатов, Зенбулатов, Текбулатов) Иван, новокрещен, станичный голова 185, 186, 188, 189, 339, 390, 391
Янгиреев Такай, служилый татарин 185, 388
Янгличев Миляй, служилый татарин, станичный голова 184, 185, 188, 388, 389
Янгличев Сунчалей (Сунчалей), князь, черкесский посол 62, 218, 279, 282, 329, 334, 336, 337
Янмагмет, ногайский посол 221, 331
Янов (Иванов) Василий, дьяк, посол в Польшу 27, 92, 93, 95, 97, 98, 111, 332
Яновы, дьяческая семья 79
Яным-мурза Канукин, черкесский мурза 40

Czerska D., историк 398, 399, 407
Gruber I., историк 398
Grzybowski S., историк 398, 399, 407

Phipps G.M., историк 398, 411
Polak W., историк 398, 399, 402, 408-410, 412, 433

Wisner H., историк 398, 399, 407

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Австрия, государство 9, 200, 394, 404, 431
Аглинская земля (см. Англия)
Азия 31, 34, 50, 183
Азов 249, 373, 381, 383, 386
Алатырь 103
Алексин 386
Амстердам, столица Голландии 245
Англия (Аглинская земля), королевство 10, 11, 17, 21, 24, 31, 32, 47, 48, 66, 79, 115, 126, 145, 148, 160, 173, 180, 182, 198, 201, 202, 204, 224, 228, 229, 242, 250, 252, 253, 255, 258, 273, 276, 288, 291, 293, 295, 301, 302, 307, 333, 336, 338, 339, 341, 345, 346, 352, 358, 366, 381, 394, 395, 400, 402, 405
Арзамас 134, 344
Арзамасский уезд 117, 118
Архангельск 50-52, 64, 65, 75, 212, 235, 246, 247, 293, 295, 358, 373, 375, 384
Астрахань 19, 29, 32, 38, 51, 54, 65, 77, 86, 166, 221, 222, 235, 237, 244, 246, 247, 251, 257, 276, 277, 284, 328, 340, 370, 371, 373, 378, 380, 382, 385, 389, 390, 393, 428
Балтика 399
Балчик, остров близ Астрахани 270
Бахчисарай, столица Крымского ханства 16, 21, 249, 258, 275
Белая 392
Белевский уезд 352, 379
Белоозеро 101, 361
Благовещенский собор в Москве 170
Большая Орда (см. Ногайская Орда)
Боровск 344, 356-357
Боровский уезд 67, 370, 389, 391
Братошино, село под Москвой 247
Брауншвейг, город 46
Бремен 47, 69, 203
Бухара (см. Бухарское ханство)
Бухарское ханство (Бухара) 10, 31, 32, 217, 337, 378, 394, 421
Валахия 176
Валуйки 245, 344, 372, 378, 384
Варшава, столица Польши 27, 95
Васильевское, село в Суздальском уезде 110
Ватикан 34
Введенская улица в Москве 97
Великая китайская стена 48
Великие Луки 385
Великий Устюг 246
Венгрия (Можары) 274
Венеция 46, 256
Витенево, в Московском уезде 110
Владимир 247, 377
Вожезерский монастырь 118
Войско Донское (см. Дон)
Волга 37, 51, 246, 247, 249
Вологда 18, 51, 68, 134, 246, 247, 258, 351, 373
Вологодский уезд 117
Волок 361, 390
Воронеж 334, 370, 372, 379, 383, 384
Выборг 23, 331, 359
Вяземы, подмосковное село 87
Вязьма 235, 236, 254, 382-384
Вятка 51, 247
Галанская земля (см. Голландия)
Галич 81, 128
Гамбург 10, 59, 202, 203, 361, 394, 405
Ганза, торговый союз северогерманских городов 21, 31, 32
Германия (см. Империя Габсбургов)
Германская империя (см. Империя Габсбургов)
Голландия (Галанская земля), республика 10, 30-32, 41, 50, 51, 55, 115, 116, 168, 173, 194, 201, 203, 204, 212, 228-230, 250, 252, 271, 302, 308, 336, 338, 339, 341, 347, 353-355, 362, 383, 394, 401
Голштиния 358
Горетов стан Московского уезда 104
Городской стан Звенигородского уезда 104
Греция 10, 204, 205, 228, 229, 394, 406
Грузия 10, 16-18, 20, 31, 32, 36, 46, 51, 64, 114, 124, 166, 168,

- 179, 191, 198, 217, 228-230, 245, 256, 258, 276, 285, 327, 329, 338, 343, 344, 356, 357, 368, 377, 378, 394, 401
- Дагестан 19, 23
 Дальний Восток 31
 Дания, королевство 10, 17, 30-32, 47, 51, 59-62, 66, 75, 85, 109, 112, 115, 121, 123, 127, 133, 148, 164, 166, 168, 169, 200, 205, 228, 229, 246, 250, 252, 255-257, 259, 268, 269, 271, 273, 276, 277, 291, 296-299, 303, 327, 333, 334, 339, 341, 342, 358, 361-363, 368, 369, 383, 394, 402
 Данков 267
 Дедерино 30, 119, 195, 196, 213-215, 246, 270, 271, 272, 284, 309, 311, 360-362, 366-368, 374, 375, 381-383
 Деулино 30, 208, 209, 307, 308, 341
 Дмитров 360
 Дмитровский уезд 108
 Дон (Войско Донское) 19-21, 24, 25, 31, 41, 53, 180, 218, 249, 250, 255, 268, 284, 285, 328, 329, 333, 339, 341, 344, 376, 379, 385, 391
 Донец Северский, река 249
 Дорогобуж 235, 238
 Европа 34, 51, 105, 158, 180, 246, 248, 257, 397, 423
 Европа Восточная 398, 399, 405
 Европа Западная 396, 399
 Европа Центральная 246, 398, 405
 Европа Юго-Восточная 398, 405
 Елец 285, 370, 382, 384, 390
 Епифань 176
 Заволжская половина Ярославского уезда 356
 Закавказье 16
 Закудемский стан Нижегородского уезда 104
 Замоскворечье 388, 392
 Запорожская Сечь 21
 Звенигородский уезд 104
 Зубцов 208
 Ивангород 53, 61, 64, 134, 203, 235-238, 246
 Ильинка (см. Посольская улица)
- Империя (см. Империя Габсбургов)
 Империя Габсбургов (Германия, Германская империя, Империя, Священная Римская империя, Цесарская земля) 10, 11, 15-18, 20, 22, 25, 27, 30-32, 34, 36, 45-47, 49, 51, 53, 55, 57-61, 63, 66, 67, 71, 84, 85, 98, 114, 115, 121, 127, 128, 148, 168, 173, 197, 200, 201, 204, 207, 225, 228-230, 245, 246, 248-250, 255, 256, 257, 259, 262, 273, 277, 284, 302, 327-329, 332-334, 338, 339, 347, 351, 353, 356, 358, 359, 361, 364, 365, 369, 381, 385, 394, 398, 404, 431
 Иран (см. Персия)
 Испания, королевство 31, 46, 47, 256
 Кабарда 31, 32
 Кавказ 4, 15, 16, 19, 22, 31-33, 246, 256, 385
 Кавказ Северный 396, 399
 Кадомский уезд 370
 Казань 29, 35, 51, 108, 115, 122, 145, 147, 158, 172, 189, 221, 268, 352, 357, 368, 369, 372, 374, 381, 384-386, 390, 392
 Казыев улус (Малые Ногаи) 21, 25, 30-32, 168, 180, 221, 222, 249, 329-331, 334-336, 338, 339, 349, 372, 376, 378, 383, 389, 391, 392
 Калуга 113, 346, 347, 370
 Калязин 374
 Карелия 398, 401
 Касимов 37, 314, 349
 Каспийское море 246
 Кафа, крепость в Крыму 46, 245, 384
 Кахетия, царство 15
 Кашин 365
 Киев 327
 Кизылбаши (см. Персия)
 Кирилло-Белозерский монастырь 377
 Китай, империя 31, 47, 48, 50
 Китай-город, квартал в Москве 97, 104
 Клеметино, деревня в Рязанском уезде 378
 Клин 344
 Кола (см. Кольский острог)
 Колмогоры (см. Холмогоры)
 Коломенский уезд 387

- Коломенское 381
 Коломна 246, 247, 390
 Кольский острог (Кола) 62, 284, 298
 Константинополь (см. Стамбул)
 Копенгаген, столица Дании 30, 62
 Корела 23, 79, 235, 246, 359
 Корельский уезд 81
 Кострома 81, 114, 128, 347
 Костромской уезд 110, 356
 Кочево, деревня в Рязанском уезде 378
 Краков, столица Польши 70, 71
 Кремль 26, 27, 39, 91, 111, 114, 226, 357, 361, 398, 399, 402, 408
 Крым (см. Крымское ханство)
 Крымский двор в Москве 80
 Крымское ханство (Крым) 4, 10, 15-25, 29-32, 34, 38, 42, 46-48, 51-53, 55, 63, 79, 80, 103, 115, 130, 134, 145, 167, 168, 179, 180, 182, 184, 185, 188, 219, 220, 224, 225, 228-232, 244-248, 250-258, 263, 268, 271, 273-277, 282, 285, 299, 300, 311, 327-331, 333, 334, 336-342, 344, 346, 348, 370, 372, 373, 376, 378, 380-382, 385-394, 400
 Лавуя, река 310
 Лапландия (Лопская земля) 62, 217, 303, 304
 Лейпциг 395, 400
 Лена, село в Яренском уезде 104
 Ливны 30, 235, 245, 285, 300, 311, 334, 380
 Ливония (Лифляндия, Немецкая земля, Прибалтика) 64, 67, 243, 246
 Литва (см. Речь Посполитая)
 Лифляндия (см. Ливония)
 Лондон, столица Англии 48
 Лопская земля (см. Лапландия)
 Львов 98
 Любек 24, 62-64, 66, 69, 75, 79, 109, 148, 203, 236, 245, 353, 362
 Мадрид, столица Испании 47
 Малые Ногаи (см. Казыев улус)
 Мекленбург 358
 Милан 46-47
 Можайск 93, 94, 97, 235, 236, 373, 382, 383, 385
 Можары (см. Венгрия)
 Монголия 31, 32, 47, 48
 Москва, столица Московского государства 8, 14-16, 18-23, 25-33, 35, 36, 39, 44-54, 57-64, 66-73, 75-77, 80-83, 86-90, 92-100, 102, 104, 105, 107-109, 111-115, 118, 119, 121, 124, 126-128, 134, 135, 148, 157, 158, 160, 162, 165, 167-169, 172, 173, 180-182, 185, 189, 199-203, 205-211, 215, 217, 219-222, 224, 226, 228, 230, 231, 234-243, 245, 247, 248, 250-253, 255, 257-259, 261, 264, 269, 272, 276, 278, 282-285, 288, 291-299, 302-306, 308-312, 317, 321, 322, 327 343, 346, 348, 349, 351-353, 356-393, 395, 397-400, 402, 406-408, 411, 437
 Москва-река 246, 354
 Московия (см. Московское государство)
 Московский уезд 104, 110, 387, 391, 395
 Московское государство (Московия, Россия, Российское государство, Русь) 3-6, 8-11, 14-26, 28-38, 44, 45, 47-55, 58, 59, 61-64, 66, 70, 71, 73, 75, 76, 78, 79, 81, 83-85, 88-93, 95-100, 103, 105, 110, 115, 116, 121, 126, 130, 138, 140, 146, 147, 158, 161, 169, 172, 173, 175, 179, 180, 182, 184, 188, 193, 194, 200-213, 215-220, 222-228, 230-232, 234, 235, 237-239, 242, 245, 246, 248-258, 260, 262-264, 266, 269, 271, 273, 276-278, 285-289, 291, 299-305, 307, 308, 310, 311, 313-315, 319, 321, 325, 326, 356, 357, 359, 361, 365-367, 369-371, 374, 377, 381, 386, 394-402, 404, 405, 408, 410-412, 423, 432, 438, 443, 448, 454, 456, 459
 Мценск 268, 375, 377-379
 Невель 349
 Невельской уезд 91
 Немецкая земля (см. Ливония)
 Немецкая слобода в Москве 360, 374
 Нижегородский уезд 104, 349, 350, 365
 Никольская Плеская волость 91

- Новгород Великий 26, 28, 30, 50, 53, 61, 78, 85, 106, 107, 113, 114, 116, 148, 158, 169, 171, 213, 216, 237, 246, 247, 252, 253, 269, 283, 293, 294, 300, 333, 335, 352-354, 360-364, 367, 368, 373-375, 380, 383, 384
- Новгород Нижний 247, 375, 376
- Новодевичий монастырь 380
- Новосиль 379
- Ногаи Большие (см. Ногайская Орда)
- Ногайская Орда (Большая Орда, Ногаи Большие) 17-21, 23-25, 28-32, 38, 51, 53-55, 77, 81, 84, 115, 122, 127, 130, 168, 177, 184, 185, 188, 189, 198, 220-222, 224, 228, 231, 232, 244, 246-248, 250, 253, 256, 258, 262, 269, 282-284, 329-334, 336, 340, 371, 376, 379, 382, 383, 385, 388-393
- Ока 23, 37, 246
- Олексино, село в Костромском уезде 110
- Ольденбург 47
- Орешек 79, 235, 246, 383
- Оскол, река 249
- Османская империя (Турция), государство 4, 10, 15, 16, 18, 23, 30-32, 34, 41, 46, 47, 70, 103, 115, 130, 167, 180, 211, 212, 218, 228-230, 239, 245, 246, 248, 249, 252, 255, 256, 259, 262, 333, 336, 338, 339, 341, 342, 344, 373, 379, 380, 382, 383, 388, 389, 392-394, 398, 399, 402
- Осташков 213, 281, 300, 301, 366, 373, 375
- Переславль-Залесский 81, 121, 375
- Переяславль Рязанский (см. Рязань)
- Персия (Иран, Кизылбаши) 4, 10, 11, 15-22, 25, 28, 31, 32, 44, 51, 54, 55, 57, 71, 73, 79, 80, 86, 103, 115, 117, 145, 148, 168, 179, 183, 187, 200, 201, 205-207, 225, 228-230, 246-250, 252, 254-258, 262, 263, 276, 283-286, 304, 328, 329, 333, 335, 336, 338, 340, 344, 345, 357, 370, 372, 373, 376-380, 382, 383, 386, 394-396, 399-401, 438
- Поволжье Нижнее 251
- Поляновка, река 30
- Польша (см. Речь Посполитая)
- Поляновка, река 308, 341, 385
- Посольская улица в Москве (Ильинка) 104
- Прага 361
- Пресня, река 207, 285, 307, 341
- Пречистая (см. Успенский собор)
- Прибалтика (см. Ливония)
- Псков 53, 87, 88, 111, 166, 171, 236, 283, 333, 353, 362, 376, 391
- Путивль 344
- Ревель 359, 369
- Речь Посполитая (Польша, Литва), королевство 4, 5, 10, 11, 15-34, 36, 45-47, 53-55, 58, 60, 61, 64, 65, 68, 70-82, 84-90, 92-100, 103, 107, 109, 111, 114-116, 119, 121, 127, 133, 145, 146, 148, 158, 165, 193, 201, 207-210, 224-232, 246, 249-251, 253-258, 262, 263, 273, 274, 285, 287-289, 293, 305, 306, 310, 313, 314, 327-330, 332, 333, 335, 336, 340-344, 346, 348, 354, 371, 394, 398, 399, 401, 408
- Ржев 208
- Рим 19-21, 329
- Рогачево, деревня 93, 94, 97
- Рождественская улица в Москве 165, 359, 365
- Романов 37, 314, 353, 370, 381, 385
- Российское государство (см. Московское государство)
- Россия (см. Московское государство)
- Ростов 81, 246, 357, 384
- Ростовский уезд 110
- Русь (см. Московское государство)
- Рыльск 68
- Рязанский уезд (край) 117, 176, 378, 395, 452
- Рязань (Переяславль Рязанский) 115, 178, 236, 267, 268, 283, 370, 378, 379, 381, 385, 387, 388
- Самара 247
- Самбор, город в Польше 71, 72

- Свейская земля (см. Швеция)
 Своя (см. Швеция)
 Священная Римская империя
 (см. Империя Габсбургов)
 Северская земля 33, 67, 86, 235,
 246, 263
 Севск 68
 Серпухов, город 15, 25, 58, 221,
 246, 274, 331, 353, 371, 372,
 379, 380
 Серпуховской уезд 389
 Сибирь 21, 31, 32, 38, 66, 74,
 112, 353
 Сицилия 381
 Слободское, село в Нижегородс-
 ком уезде 365
 Слоним, город в Белоруссии 72
 Смоленск 23, 27, 30, 33, 44, 54,
 64, 74, 78, 82, 86-90, 92, 94,
 97, 146, 167, 169, 172, 201,
 207, 209-211, 235, 246, 253,
 264, 268, 272, 288, 307, 332,
 337, 348, 352, 356, 358, 361,
 363, 365, 366, 368, 374, 376,
 377, 379-383, 391
 Смоленщина 398, 399, 402, 408
 Соловецкий монастырь 97, 99
 Сопчино, село в Нижегородском
 уезде 104
 Сосна, река 382
 Средняя Азия 31, 32
 Сретенские (Устретенские) воро-
 та в Москве 240
 Стамбул (Константинополь),
 столица Османской империи
 245, 246, 249, 376, 380, 389,
 391
 Старая Русса 355
 Стокгольм, столица Швеции 23,
 104, 228, 359
 Столбово 30, 195, 214, 216, 293,
 309, 310, 366-368, 374, 381,
 382
 Судино, село в Ростовском уезде
 110
 Суздальский уезд 110
 Сулось, село в Ростовском уезде
 110
 Тарковское шамхальство 31, 32,
 218
 Татарская улица в Москве 388,
 392
 Ташлыково, деревня в Белевском
 уезде 379
 Тверь 246, 281, 311, 373, 384
 Терский городок 24, 32, 235, 246,
 285, 385
 Тесово 217
 Тихвин 311, 385
 Тобольск 32, 115, 351
 Толоконцево, село в Нижегород-
 ском уезде 104
 Троицк 238, 281, 380
 Троице-Сергиев монастырь 88,
 100, 103, 105, 110, 118, 148,
 307, 342, 351, 375, 395, 410-
 413
 Тула 69, 86, 108, 374, 376, 378,
 380, 382, 384
 Турция (см. Османская империя)
 Тушино, деревня под Москвой
 22, 52, 81, 88, 109-111, 113,
 134, 331, 371
 Тяззино 215, 308
 Углицкий уезд 368
 Углич 360
 Украина 404
 Уржум 350
 Успенский собор Кремля
 (Пречистая) 39, 272
 Устретенские ворота (см. Сре-
 тенские ворота)
 Устюжна Железнопольская 391
 Уфа 74, 221
 Феодоро, княжество в Крыму
 110
 Флоренция 46
 Франция, королевство 10, 30-32,
 41, 47, 66, 114, 167, 173, 194,
 198, 204, 212, 228-230, 249,
 250, 252, 256, 288, 308, 333,
 336, 338, 355, 356, 358, 394,
 412
 Хива (см. Хивинское ханство)
 Хивинское ханство (Хива, Юр-
 генская земля) 10, 31, 32, 189,
 223, 247, 388, 392, 394, 417
 Ховрино, в Московском уезде
 110
 Холмогоры (Колмогоры) 258,
 284, 366, 375, 381
 Хорошево, село в Московском
 уезде 110
 Хотелово, деревня 85
 Царев-Борисов 235, 387
 Царская земля (см. Империя
 Габсбургов)
 Чаронда 356

Ченстохово, монастырь в Польше 95
Чернигов 235

Шацк 236

Шача, река 110

Швейцария, республика 47

Швеция (Свея, Свейская земля),
королевство 4, 10, 15-19, 21-25,
27-33, 36, 46, 47, 51-53, 55, 64,
79-81, 100, 107, 115, 116, 120,
121, 148, 158, 168, 196, 212-217,
224-226, 228-232, 234, 246, 250,
252, 255, 256, 262, 264, 269, 271,
273, 288, 308, 310, 314, 331, 333,
335, 337-339, 341, 342, 351, 353,
356, 358-364, 366-369, 374, 377,
383, 384, 394, 395, 397-399, 401,
410

Шемаха 23

Широково, село в Костромском
уезде 110

Юргенская земля (см. Хивинское
ханство)

Юрьевский уезд 387

Яик 249

Яренский уезд 104

Ярославец 344

Ярославль 81, 114, 173, 215, 246,
259, 342, 351, 358, 365, 368,
375, 381, 384

Ярославский уезд 356, 359, 360

Компьютерная верстка
Л.П. Андриановой, Л.Г. Сапрыкиной

Утверждено к печати Институтом российской истории РАН

Подписано в печать 15.04.03. Формат 60x84/16. Заказ № *12*.
Тираж 300 экз. Общий объем двух вып.: 30,75 п.л.; 30,45 уч.-изд.л.

Издательский центр Института российской истории РАН
117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

